

Т. М. ИСЛАМОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ВЕНГРИИ

КАКОНЕ
ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Т. М. ИСЛАМОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА
В ВЕНГРИИ
НАКАНУНЕ
ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ
1906—1914

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · МОСКВА 1972

В монографии на основе широкого круга архивных материалов СССР и ВНР и литературы освещается борьба классов и партий в Венгрии в 1906—1914 гг. Политическое развитие Венгрии рассматривается в тесной связи с историей австро-венгерской монархии и развитием международных отношений накануне первой мировой войны. Много внимания в книге уделяется рабочему и социалистическому движению в Венгрии

Ответственный редактор

доктор исторических наук

Ю. А. ПИСАРЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Осенью 1918 и весной 1919 г., в течение короткого времени, Венгрия пережила две революции — буржуазно-демократическую и социалистическую. Первая революция, являвшаяся частью общеевропейского революционного подъема, возникшего под непосредственным воздействием Великого Октября, охватила всю империю Габсбургов и завершилась распадом монархии. Спустя пять месяцев, в марте 1919 г., венгерский пролетариат, взяв власть в свои руки, создал вторую после России Советскую республику.

Возникает вопрос: почему именно этой небольшой и далеко не самой развитой в экономическом, социальном и политическом отношениях стране было суждено стать родиной двух революций. Являлись ли революции 1918—1919 гг. «продуктом» внешнего воздействия или же следствием, и закономерным следствием, внутренних процессов? Попытка ответа на эти вопросы неизбежно предполагает постановку вопросов, связанных с исследованием наиболее важных моментов предшествующего революциям 1918—1919 гг. исторического процесса, анализ сути внутренних процессов и различных форм их проявления.

Вместе с тем своеобразие и специфические особенности развития Венгрии в годы, предшествовавшие первой мировой войне, не могут быть поняты и объяснены без учета того факта, что Венгрия являлась частью, хотя и самостоятельной во многих отношениях, двуединой монархии. Внутриполитические события, которыми так богата история Венгрии кануна мировой войны, разворачивались на фоне резко обострившегося с наступлением эпохи империализма кризиса монархии вообще, дуалистической формы ее существования в частности.

Дуалистическая система, возникшая благодаря австро-венгерскому Соглашению 1867 г., все менее удовлетворяла — это стало очевидным уже с 90-х годов XIX в. — не только угнетенные народы, но и тех, кто извлек из нее наибольшую выгоду, —

крупную буржуазию Австрии и Чехии, а также венгерских аграриев. Ускорившееся в конце XIX — начале XX в. экономическое развитие Венгрии подрывало основу классового союза венгерских помещиков с австрийской буржуазией, на которой покоился фундамент дуализма и относительно мирное сосуществование двух государств монархии. Венгрия перестала быть чисто аграрной страной. Для развивавшейся довольно бурными темпами венгерской промышленности все более стеснительными становились австрийская конкуренция и таможенно-торговая общность с Австрией. К старым австро-венгерским противоречиям прибавились новые, ставшие источником новых потрясений и конфликтов.

Крупнейшим следствием социально-экономических и политических сдвигов, происходивших на рубеже двух веков, явился выход на арену широкой общественно-политической деятельности рабочего класса во главе с социал-демократией.

В какой мере пролетариат Венгрии был подготовлен к выполнению своей исторической миссии и к завершению буржуазно-демократической революции? Ответ на этот вопрос может дать исследование состояния социалистического рабочего движения, социал-демократической партии, ее идеологии и организационной структуры, существовавших в ней течений, а также изучение деятельности видных вождей венгерской социал-демократии.

Классовая борьба пролетариата, руководимого Социал-демократической партией Венгрии, проходила в обстановке углублявшегося кризиса дуализма, обострения австро-венгерских противоречий и кризиса австро-венгерской монархии. Борьба венгерского рабочего класса осложнялась тем, что он представлял нацию, являвшуюся одновременно господствующей, угнетавшей трудящихся Словакии, Трансильвании, Закарпатской Украины, Боеводины, Баната и отчасти Хорватии, и не пользовавшуюся государственной независимостью. Многонациональному пролетариату Венгрии и его партии поэтому грозила опасность и великодержавного шовинизма, и буржуазного национализма.

Реформистская политика социал-демократического руководства в национальном вопросе, его отказ провозгласить право наций на самоопределение вплоть до отделения, не могла способствовать устранению этих опасностей.

Что же касается венгерских господствующих классов и буржуазии угнетенных народов, то их политика вела лишь к усугублению межнациональных конфликтов.

* * *

Сложные проблемы исторического развития «лоскутной монархии», раздиравших ее социальных и национальных конфликтов, так же как и социалистического рабочего движения, привлека-

ли самое пристальное внимание основоположников научного коммунизма — Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Известно, с какой заинтересованностью следили они за перипетиями славной революции и героической освободительной войны венгерского народа в 1848—1849 гг. И в дальнейшем и Маркс и Энгельс неоднократно возвращались к вопросам, связанным с историческими судьбами Венгрии, а также империи Габсбургов в целом. И в конце 70-х годов XIX в. Маркс считал австрийскую монархию наряду с Османской империей «последним оплотом старого европейского государственного порядка», обреченного на распад и крах, и в этом он видел фактор, ускоряющий «социальный кризис»¹.

Говоря о разрешении национальных задач революций 1848 г. в Германии, Италии и Венгрии в 60-х годах «соответственно тогдашним отношениям», Энгельс указывал, что лишь начиная с этого времени Венгрия «втянулась в современное движение: в верхах спекуляция, в низах социализм»².

Развивая мысли Маркса о прогрессивности и желательности с точки зрения европейского прогресса распада монархии, Энгельс в 1882 г. писал: «У меня нет решительно никаких оснований досадовать на центробежное движение в Австрии». «Плотиной против России», продолжал он, она оставалась сравнительно короткий отрезок времени, в 1815—1859 гг. «Но теперь, — подчеркивал Энгельс, — накануне революции в России снова предоставлять ей возможность играть роль «плотины» значило бы ведь продлить существование Австрии, исторически оправдать его, оттянуть неминуемый ее распад»³. В письмах к К. Каутскому и Э. Бернштейну Энгельс подчеркивал, что «с удовольствием» ожидает «распада Австрии»⁴.

В трудах В. И. Ленина исследованы важнейшие проблемы международного рабочего движения. В них дана всесторонняя характеристика высшей стадии капитализма, глубоко обоснована теория социалистической революции, учение о диктатуре пролетариата и партии нового типа.

Ленин проявлял большой интерес к проблемам социально-экономического развития монархии, равно как и национально-освободительного движения населявших ее народов, особенно в связи с разработкой национальной программы нашей партии.

Ленинские высказывания о классовой сущности дуалистического Соглашения 1867 г. служат верным ориентиром для понимания сути исторического процесса в Дунайском бассейне в конце XIX — начале XX в. Рассматривая весь комплекс проб-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 247—248.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 220.

³ Там же, стр. 229.

⁴ Там же, стр. 231.

лем, связанных с возникновением и развитием дуалистической системы с точки зрения общественного прогресса, с позиций рабочего класса и его интересов, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в 1867 г. в Австро-Венгрии была установлена «буржуазная конституция, на почве которой легально действует легальная рабочая партия»⁵. Та же мысль предельно четко выражена в «Тезисах по национальному вопросу»: «...с 1867 г. упрочились основы политической свободы и конституционного строя»⁶.

В произведениях Ленина отмечены, наряду с указанными положительными чертами дуалистического Соглашения, присущие ему пороки и недостатки. Основную причину их Ленин видел, во-первых, в том, что осуществление буржуазных преобразований происходило не «снизу», революционным путем, а «сверху», «вопреки интересам рабочих в самой невыгодной для рабочих форме, с сохранением и монархии, и привилегий дворянства, и бесправия в деревне, и массы других остатков средневековья»⁷. Таким образом, исходя из этой ленинской характеристики, можно сказать, что негативные черты господствовавшей в монархии в 1867—1918 гг. системы определялись двумя главными, тесно связанными между собой факторами — способом осуществления капиталистических преобразований и их незавершенностью, т. е. нерешенностью аграрного и национального вопросов, сохранением «могучих остатков средневековья»⁸. Что же касается наиболее сложного, пожалуй, в условиях двуединой монархии национального вопроса, то пути и методы его разрешения В. И. Ленин целиком и полностью ставил в зависимости от конкретных условий и перспектив классовой борьбы в национальном и международном масштабах, от того, в какой мере тот или иной способ решения национального вопроса отвечает интересам пролетариата.

Обобщая опыт международного социалистического движения накануне первой мировой войны, Ленин определил главную особенность массовых выступлений европейского пролетариата в 1905—1914 гг. как «начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы»⁹. Важнейшее значение для понимания венгерского рабочего движения в этот период имеет ленинский анализ борьбы революционной и реформистской тенденций в рабочем движении, позволяющий выявить идейное содержание и классовую природу различных разновидностей правого и «ле-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 270.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 314.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 311.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 314; т. 24, стр. 389; т. 25, стр. 270; т. 27, стр. 266; т. 30, стр. 8 и др.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 146.

вого» ревизионизма¹⁰. Вывод, сделанный Лениным, о фактическом преобладании в большинстве партий II Интернационала блока реформистов и центристов целиком и полностью применим и к венгерской социал-демократии.

Вопросы, в той или иной мере связанные с общими проблемами истории Австро-Венгрии эпохи дуализма, привлекают пристальное внимание историков как марксистов, так и немарксистов¹¹. Учет, и тем более квалифицированный анализ все возрастающего потока литературы, посвященной дуалистической монархии, становится все более трудным делом, требующим специального изучения. Однако наличие ряда историографических работ, опубликованных в последние годы советскими учеными, избавляет нас от необходимости подробной характеристики основных течений и направлений как довоенной, так и современной буржуазной историографии Запада¹². Что же касается политической подоплеки повышенного интереса буржуазных историков США, ФРГ и Австрии к прошлому народов бывшей Австро-Венгерской монархии, то она достаточно полно и убедительно раскрыта В. М. Туроком¹³.

До второй мировой войны господствующее положение в разработке истории дуализма занимала буржуазная школа (Авст-

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 20—21, 36—38.

¹¹ Достаточно сказать, что американский «Комитет по изучению габсбургской монархии», созданный в 1959 г., уже в 1967 г. объединял 150 ученых и исследователей.

¹² См. В. М. Турок. Очерки истории Австрии 1918—1929. М., 1955; он же. Австро-Венгрия — «модель» интегрированной Европы. — «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 55—65; он же. Австро-Венгрия в западной историографии. — «Критика западногерманского Остфоршунга». М., 1966; он же. Многонациональная монархия Габсбургов в освещении современной западной историографии. — «Славяно-германские отношения». М., 1964; он же. Некоторые проблемы истории Австро-Венгрии. — «Советское славяноведение», 1965, № 4; он же. Проблема дуализма в русской дореволюционной историографии. — «Der Österreichisch-ungarische Ausgleich 1867». Bratislava, 1971; К. Б. Виноградов. Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962; он же. Новые зарубежные работы по истории Австро-Венгрии. — «Вестник ЛГУ. Серия истории», вып. 3. Л., 1966; он же. Боснийский кризис в освещении зарубежной исторической литературы. — «Новая и новейшая история», 1961, № 6; он же. Боснийский кризис. Л., 1964; К. В. Winogradow, J. A. Pissarew. Die internationale Lage österreichisch-ungarischen Monarchie in der Jahren 1900 bis 1918. — «Österreich-Ungarn in der Weltpolitik. 1900—1918». Berlin, 1965; Ю. А. Писарева. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962; он же. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968.

¹³ См. В. М. Турок. Некоторые проблемы истории Австро-Венгрии. — «Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 20. Сказанное им подтверждают данные, приводимые американским историком мадьярского происхождения И. Деаком; из 110 статей по проблемам дунайской монархии, опубликованных журналом за 23 года его существования, лишь 8 были посвящены Венгрии, и все они увидели свет после 1956 г. *Deák István. Amerikai történezszer az osztrák-magyar monarchiáról.* — «Századok», 1967, № 6, 1404. 1.

рии, Германии, Англии, Франции, а впоследствии и США). Ныне положение в корне изменилось. Развернувшиеся широким фронтом научные исследования в Венгрии, Чехословакии, Югославии, Румынии, а также отчасти в СССР, Польше, ГДР и Болгарии дали свои плоды. Несмотря на наличие не решенных еще проблем, несмотря на имеющееся различие взглядов в оценке некоторых вопросов, можно уже говорить о рождении новой школы, весьма плодотворно разрабатывающей историю монархии и дуализма. Историографию социалистических стран характеризует высокий уровень профессионального мастерства, внимательное отношение к источникам и критический анализ исторических явлений и процессов. Своими исследованиями, особенно в области экономического развития, социальных отношений, революционных движений крестьянства, рабочего класса, освободительной борьбы угнетенных народов, историки социалистических стран Европы внесли значительный вклад в изучение дуализма и австро-венгерской монархии. Характеризующая их работы научная методология, опирающаяся на прочный фундамент фактов, позволяет им преодолевать узконациональные рамки. Сегодня уже ни один серьезный исследователь на Западе не может игнорировать историографии социалистических стран.

По инициативе ученых ряда европейских социалистических стран, входивших ранее в бывшую монархию, налажено широкое международное сотрудничество историков, занимающихся проблемами Австро-Венгрии. За первой международной конференцией, состоявшейся в 1955 г. в Праге, последовали совещания в Будапеште (в 1958 и 1964 гг.), Братиславе, Вене. Опубликованные материалы этих конференций позволяют судить о масштабах и уровне разработки проблем истории Австро-Венгрии в целом¹⁴. Достигнутые успехи делают еще более настоятельным расширениe и углубление международного сотрудни-

¹⁴ «Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie». *Studia Historica*, 51. Bp., 1961; «Die Nationale Frage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1900—1918». Bp., 1966; «Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900 bis 1918». Berlin, 1965; «La désagrégation de la monarchie Austro-Hongroise 1900—1918». Bucarest, 1965; «Die Frage des Finanzkapitals in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1900—1918». Bucarest, 1965; «Die Agrarfrage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1900—1918». Bucarest, 1965; *The Nationality Problem in the Habsburg Monarchy in the Nineteenth Century: A Critical Appraisal*, v. III, Pt. 1—2—3.—«*Austrian History Yearbook*». Houston, 1967: следующий выпуск «*Austrian History Yearbook*» (v. IV—V. Houston, 1968—1969) был специально посвящен 50-й годовщине распада Австро-Венгрии; «Die Auflösung des Habsburgerreiches. Zusammenbruch und Neuorientierung im Donarum», Hrsg. von R. G. Plaschka und Karlheinz Mack. Wien, 1970; «Der Österreichisch-Ungarische Ausgleich 1867. Materialien (Referate und Diskussion der internationalen Konferenz in Bratislava 28.VIII—1.IX 1967)». Bratislava, 1971.

чества, особенно историков-марксистов, необходимость в котором остро ощущается специалистами¹⁵.

Свой вклад в эту работу вносит и советская историография. Об этом свидетельствуют выпущенные в СССР за последние годы крупные обобщающие труды по истории Чехословакии, Югославии, Польши, Румынии, монографии и статьи Р. А. Авербух, К. Б. Виноградова, С. В. Овнаняна, Ю. А. Писарева, Н. Д. Ратнер, Е. И. Рубинштейн, В. М. Турока, В. И. Фрейдзона, а также доклады и сообщения К. Б. Виноградова, В. А. Писарева, В. М. Турока и некоторых других на упомянутых выше международных конференциях по проблемам дуализма и Австро-Венгрии¹⁶.

Весьма значительных результатов в изучении истории Венгрии и монархии в целом в период дуализма добились историки Венгерской Народной Республики¹⁷. За менее чем четверть века своего существования марксистская историческая наука Венгерской Народной Республики проделала значительный путь от сбора материалов и первых попыток материалистического освещения важнейших ключевых проблем отечественного исторического процесса до больших, основанных на скрупулезном и всестороннем изучении фактов и источников обобщений. На первом этапе (примерно со 2-й половины 40-х годов до конца 50-х годов) она вынуждена была в основном ограничиваться преодолением наследия дворянской и буржуазной историо-

¹⁵ Выступая за планомерное научное сотрудничество историков социалистических стран путем проведения комплексных исследований, профессор Будапештского университета Ф. Пелёшкеи следующим образом аргументирует свое предложение: «Западные историки и политики тоже понимают: в Средневосточной Европе родился новый мир. Поэтому, например, в США особое внимание уделяется изучению этого региона, в университетах один за другим создаются кафедры по Восточной Европе. Этот факт сам по себе заставляет задуматься» («Történelmi Szemle», 1969, № 3—4, 196. л.).

¹⁶ «История Чехословакии», т. 1—2. М., 196; «История Югославии», т. 1—2, 196; «История Польши», т. 1—2. М., 195; «История Румынии. 1848—1917». М., 1971; «Очерки новой и новейшей истории Венгрии». М., 1963; Р. А. Авербух. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии. 1848—1849. М., 1965; она же. Революция в Австрии (1848—1849 гг.). М., 1970; С. В. Овнанян. Подъем рабочего движения в Австрии. М., 1957; Н. Д. Ратнер. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1971. В. Н. Кондратьева. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине. М., 1971; И. И. Лециловская. Иллиризм. М., 1968; Е. И. Рубинштейн. Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963; В. И. Фрейдзон. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970.

¹⁷ Характеризуя успехи, достигнутые венгерскими историками в разработке проблем дуализма за последние годы, профессор П. Ж. Пах подчеркивает, что наряду с позитивными чертами показаны и «негативные общественно-политические последствия компромисса реакционных классовых сил» (*Pach Zs. Pál. A magyar történettudomány 25 éve.*—«Történelmi Szemle», 1970, № 2, 37—138. л.).

графии, общим пересмотром национальной истории. В этот период венгерская историческая литература обогатилась рядом крупных исследований, освещавших социальные и экономические процессы, развитие производительных сил, положение и борьбу угнетенных классов, национально-освободительное и революционное движение народных масс. Перечисленные проблемы либо искажались, либо замалчивались буржуазными и дворянскими историками¹⁸.

В конце 50-х — начале 60-х годов наступил новый этап развития венгерской марксистской исторической науки, характеризующийся не только возросшим профессиональным уровнем, но и стремлением преодолеть допускаявшиеся в прошлом ошибки и искажения субъективистско-догматического, а иногда и националистического толка. Весьма плодотворной в этом отношении оказалась бескомпромиссная борьба против пережитков национализма и догматизма в освещении венгерской истории, которую возглавил выдающийся марксист академик Эрик Молнар¹⁹.

Качественные сдвиги в подходе и методике работы выразились в частности в том, говоря словами Э. Памлени, что историки отказались «от легко произносимых тяжелых исторических приговоров», так же как и от «безмерных восхвалений и преувеличений»²⁰, от стремления уложить историческую действительность в заранее сконструированную схему. Усилиями В. Шандора, П. Ханака, П. Ж. Паха, Д. Ранки, Д. Сабала и других ученых была разработана новая историческая концепция, в основе которой лежало стремление к более реалистичной, соответствующей исторической действительности трактовке положения и роли Венгрии в системе дуализма²¹. Основательной и убедительной критике были подвергнуты долго бытовавшие среди

¹⁸ Характеристику наиболее значительных работ Д. Секфю, Г. Граца и других представителей буржуазной венгерской историографии см. *Т. М. Инслав*. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959, стр. 362—366.

¹⁹ Результаты развернувшейся оживленной дискуссии о национализме опубликованы в следующих сборниках: «Vita a magyarországi osztályküzdél mék-ről és függetlenségéi harcokról. Az elő — és utószót írta: Pach Zsigmond Pál». Бр., 1965; «A magyar nacionalizmus kialakulása és történelme». Бр., 1964; «A nacionalizmus történelmi gyökereiről Ankét a Magyar Tudományos Akadémian». — «Történelmi Szemle», 1960, № 1—2.

²⁰ «Történelmi Szemle», 1969, № 3—4, 193. 1.

²¹ Sándor Vilmos-Hanák Péter. Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. Бр., 1961; Pach Zs. Pál. A magyarországi és oroszországi porosz utas agrárfejlődés egyező és eltérő vonásairól a XIX. század második felében. — «Közgazdasági Szemle», 1958, N 1, 56—78. 1.; *idem*, A dualizmus rendszerének első éveei Magyarországon. «Századok», 1955, N 1, 37—74. 1.; *idem*. A dualizmus rendszerének megszűléséről és 1870-es éveei ben. Бр., 1958; Hanák Péter. A dualizmus válságának elmélyülése a XX. század első éveei ben. Бр., 1955.

историков представления о полукOLONиальном положении Венгрии в монархии²². Подобный взгляд, унаследованный от прежней националистической историографии, был неизбежным следствием того, что национальная история изучалась в отрыве от ее естественных взаимосвязей, от хода исторического процесса в международном масштабе, особенно в рамках монархии. Рассмотрение отдельных частей монархии при почти полном игнорировании целого, абстрагирование от общих тенденций развития, характерных для всей монархии, обеднившее историческую науку, неизбежно вело к искажению истории Австро-Венгрии и отдельных ее народов.

В ходе преодоления указанных недостатков венгерские историки все чаще стали обращаться к методу сравнительно анализа. Особенно плодотворными были в этом направлении исследования П. Ж. Паха (для более ранних этапов венгерской истории) и И. Т. Беренда и Д. Ранки в области экономической истории Австро-Венгрии. Последняя монография Беренда и Ранки «Экономическое развитие Средневосточной Европы в XIX—XX вв.» привлекает не только богатством материала, но и новизной и свежестью постановки проблем капитализма, своеобразия и особенностей промышленной революции в странах этого региона и, не в последнюю очередь, оригинальностью исследовательских методов²³.

Уточнению общих закономерностей и особенностей экономического развития дуалистической Венгрии способствовали работы И. Беренда и Д. Ранки о национальном доходе и накоплении капиталов в Венгрии в 1867—1914 гг., а также о промышленной революции, Л. Катуша об индустриализации Восточной Европы и о проблеме «самостоятельного капиталистического развития», П. Ханака о буржуазном преобразовании габсбургской монархии и Соглашении 1967 г.

Вовлечение в круг исследования восточноевропейского материала, сравнение темпов индустриализации Венгрии с тенденциями капиталистического развития Румынии, Болгарии, Сербии, России и других стран позволило авторам с большей уверенностью ставить вопрос о значении и роли фактора государственной независимости в капиталистической эволюции стран Восточной Европы вообще и Венгрии в частности. В докладе, сде-

²² На будапештской международной конференции 1958 г. В. Шандор охарактеризовал положение Венгрии после заключения Соглашения 1867 г. как «систему зависимости дуалистической многонациональной монархии». В последующие годы формулировка Шандора была развита и уточнена венгерскими историками (*Sándor Vilmos. Magyarország függőségének jellege a dualizmus korában.*— «Történelmi Szemle», 1958, N 1—2).

²³ *Iván T. Berend. Das Niveau der Industrie Ungarns zu Beginn des 20. Jahrhunderts im Vergleich zu dem Europas.*— «Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie». Bp., 1961, S. 267—286.

ланном на международной конференции в Братиславе в 1967 г., П. Ханак пришел к выводу о том, что национальная независимость не была условием или предпосылкой современного общественно-экономического развития. На той же конференции Д. Ранки констатировал, что сравнительное отставание экономического развития Венгрии нельзя непосредственно выводить из факта ее принадлежности к монархии, а скорее его следует объяснять социальными и политическими последствиями дуалистического Соглашения 1867 г., способствовавшими сохранению пережитков феодализма и консервации старой социальной и политической структуры²⁴.

В соответствии с этой новой постановкой и в обобщающих курсах истории Венгрии периода дуализма стали акцентироваться успехи, достигнутые страной в области экономики вообще, индустриализации в частности, и оставались в тени негативные с точки зрения экономического прогресса последствия Соглашения 1867 г., вытекавшие из торгово-таможенной общности Венгрии с Австрией²⁵.

В ходе пересмотра старых взглядов на австро-венгерский дуализм больше внимания стало уделяться положению невенгерских национальностей²⁶. Один из лучших венгерских знатоков вопроса Ласло Катуш пришел к выводу, что экономическая отсталость национальных окраин Венгрии объясняется предшествующим историческим развитием и «стихийными закономерностями капитализма». При этом, однако, упускается из виду значение и влияние экономической политики центральной власти, в данном случае будапештского правительства и господствующих классов в целом в Словакии, Трансильвании, Закарпатской Украины и других областей, а понятие «национального гнета» ограничивается сферой языка, культуры, школы, церкви и национальной политики.

Венгерские историки, как, впрочем, и специалисты других стран, были единодушны в оценке как научно несостоятельной старой трактовки о «полуколониальном положении» Венгрии в дуалистической монархии²⁷. Однако и новая интерпретация,

²⁴ «Der Österreichisch-Ungarische Ausgleich 1867. Materialien (Referate und Diskussion) der internationalen Konferenz in Bratislava 28.VIII—1.IX 1967». Bratislava, 1971.

²⁵ Magyarország Története, II. k. Bp., 1967, 162—166. l.

²⁶ Katus László. Über die wirtschaftlichen und gesellschaftlichen Grundlagen der Nationalitätenfrage in Ungarn vor dem ersten Weltkrieg.— «Die nationale Frage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1900—1918». Bp., 1966, S. 149—216; Szász Zoltán. A magyar kormány tervei a nemzetiségi pénztintézetek állami ellenőrzésére (1902—1904).— «Századok», 1966, N 1, 118—137. l.

²⁷ В. М. Турок правильно подчеркивает, что Соглашение 1867 г., «имевшее сугубо временный и во многом неясно и неточно сформулированный характер, превратилось ходом событий в постоянную основу взаимоотношений между

говорящая о «зависимости Венгрии от Австрии» или о «взаимозависимости» этих двух стран, ввиду ее неопределенности и крайней расплывчатости не дает удовлетворительного решения проблемы. Поэтому коллектив ученых ВНР, участвующих в подготовке 10-томной истории Венгрии, ставит перед собой задачу определения характера и степени зависимости страны в эпоху дуализма.²⁸

В дискуссионном материале, подготовленном руководителями и ведущими авторами соответствующих томов (П. Ханак, М. Лацко, Д. Ранки) в конце 1969 г., сделаны первые попытки дать ответ на поставленные вопросы. По мнению Ханака, во внутренних делах Венгрия не зависела от Цислейтании (Австрии), «конституционную самостоятельность ограничивал монарх, представлявший имперское единство и располагавший значительными абсолютистскими правами»²⁹. П. Ханак считает, что в так называемых «общих» для Австрии и Венгрии делах (таможенный союз, банк и др.) между обеими странами существовала «взаимная зависимость», а превосходство или подчиненность одной из них каждый раз определялись конкретным соотношением сил, «которое до рубежа двух веков было большей частью на стороне Австрии, а позднее чаще на стороне Венгрии». Однако конкретный анализ австро-венгерских переговоров в 1906—1907 гг. приводит к противоположным выводам (см. главу III настоящей работы). Кроме того, в тезисах Ханака династии отводится роль некоей самостоятельной «третьей силы», роль «наднационального», суверенного и беспристрастного арбитра. Тезис этот, может быть, и правомерен с чисто юридической точки зрения. И только. Нельзя забывать, что династия, особенно австрийская, тысячами нитей была связана с правящими кругами Цислейтании и в конечном счете служила интересам крупной буржуазии и земледельческой аристократии Цислейтании.

Фактически зависимое положение Венгрии авторы тезисов усматривают только в военной сфере. Общая австро-венгерская

двумя половинами государства». Однако прав он наполовину, когда утверждает, что возобновление каждые десять лет экономического соглашения давало «венгерским магнатам возможность бешено торговаться при новом переключении и каждый раз требовать и добиваться новых уступок». Ведь торговались, как показывают факты, причем не менее «бешено» и нередко более успешно, и австрийские буржуа, и их представители — весьма опытные в этих делах финансовые эксперты Австрии. См. В. М. Турок. Проблема дуализма в русской дореволюционной историографии. — «Der Österreichisch-Ungarische Ausgleich 1867». Bratislava, 1971, S. 185.

²⁸ Hanák Péter-Lackó Miklós-Ránki György. Gazdaság, társadalom, társadalmi-politikai gondolkodás Magyarországon a kapitalizmus korában — «Történelmi Szemle», 1969, N 3-4, 291, 1.

²⁹ Ibid., 292. 1.

армия, точнее «императорская и королевская» (союз «и» был единственной уступкой, вырванной Венгрией у династии после многолетних усилий, ибо раньше она называлась просто «императорско-королевской» армией), служила интересам венгерских господствующих классов, защищая их гегемонию над невенгерскими народами и территориальную целостность королевства, но и то лишь в той мере, в какой это соответствовало интересам сохранения имперского единства и равновесия между двумя половинами монархии. Однако, как правильно подчеркивает П. Ханак, принципы паритета и сама идея дуализма никогда не были распространены на вооруженные силы, вся структура, организация и руководство которыми (командование общей армией) находились в явном противоречии с идеей венгерской государственности³⁰. Венгерское правительство по существу не имело эффективного влияния на армию. Расположенные на территории страны части и соединения ни в коей мере не подчинялись ни правительству, ни тем более местным гражданским властям. Они не только существенно ограничивали суверенитет государства, нарушали его конституцию, но и довольно часто бестактными выходками и антивенгерскими манифестациями оскорбляли национальное достоинство мадьяр. По образному выражению Ханака, «в то время как дуалистическая Венгрия не присутствовала в армии, присутствие армии в дуалистической Венгрии было и постоянным и бросающимся в глаза»³¹.

Не слишком убедительной представляется та часть тезисов Ханака, в которой рассматриваются вопросы, связанные с оценкой австро-венгерских отношений в области хозяйственно-экономической. Анализируя позитивные (широкий и гарантированный рынок для сбыта венгерской сельскохозяйственной продукции, приток капиталов) и негативные (ограниченность и односторонность индустриализации) последствия экономической общности Венгрии с Австрией, автор склонен считать, что общий баланс был скорее в пользу Венгрии. Экономическая общность приносила Венгрии больше пользы, чем вреда. Медленное и одностороннее развитие отдельных отраслей промышленности, по его мнению, было ценной, «но не слишком дорогой, по восточноевропейским меркам, за преодоление феодальной отсталости и традиционной стагнации», за то, что Венгрия могла примкнуть к тем странам Европы, которые имели более счастливую судьбу и были географически более благоприятно расположены³².

³⁰ Переименование в 90-х годах XIX в. «имперского военного министерства» в «императорское и королевское военное министерство» явилось слабым утешением для венгерского национализма.

³¹ Ibid., 293. l.

³² Ibid., 295. l.

Тезисы допускают в известной мере наличие хозяйственно-экономической зависимости Венгрии, но не в смысле экономического угнетения, хотя и признается, что часть инвестированного иностранного капитала уходила из страны в форме дивидендов, а лишь в смысле «капиталистической кооперации». Не понятно только, из-за чего же шла тогда острейшая борьба за экономическую независимость Венгрии, которую вела венгерская буржуазия, особенно не связанная с австро-венгерскими монополиями, на протяжении последних десятилетий существования монархии, и почему монополистические круги Австрии так упорно цеплялись за общую таможенную, и ради чего они, порой поступаясь собственными интересами, шли на уступки венгерским аграриям?! Категория «капиталистической кооперации», несколько не приближая нас к пониманию сущности конкретных проявлений экономических отношений двух частей монархии, затушевывает присущие империализму тенденции к порабощению чужих народов.

Эти выводы П. Ханака в еще более резкой и заостренной форме были изложены в его докладе «Венгрия в Австро-Венгерской монархии: гегемония или зависимость?», сделанном на конференции в Блумингтоне (США) в 1967 г. «Запоздалое развитие различных секторов венгерской индустрии в эпоху дуализма,— указывал докладчик,— нельзя связывать с эгонистичной и произвольной угнетательской экономической политикой со стороны австрийского правительства или австрийской буржуазии»³³. Все объясняется исключительно стремлением венгерских и австрийских капиталистов в равной мере к прибыльному и рентабельному вложению капиталов. При этом полностью игнорируется противоположность интересов буржуазии двух стран, так же как и факт убийственной для молодой, не окрепшей еще венгерской индустрии конкуренции австрийских промышленных изделий, и то обстоятельство, что таможенно-торговая политика определялась в первую очередь интересами австрийской буржуазии. Раскрывая содержание приведенной выше формулировки о «капиталистической кооперации», Ханак разъясняет, что речь идет не о том, что Венгрия была «зависимой страной», а лишь о том, что она занимала определенное место в существовавшей в монархии «системе разделения труда», которое позволяло ей решать главную проблему перехода к современной экономике и проблемы финансирования программы индустриализации в более благоприятных условиях, чем другим странам Восточной Европы³⁴.

³³ P. Hanák. Hungary in the Austro-Hungarian Monarchy: Preponderancy or Dependency?— «Austrian History Yearbook», v. III, Pt. I. Houston, 1967, p. 279.

³⁴ Ibid., p. 284.

В интересном разделе доклада П. Ханака о функционировании высших учреждений дуалистической монархии раскрыты весьма любопытные подробности механизма принятия важнейших политических решений, касавшихся не только империи в целом, но и обеих ее частей. Но и здесь стремление быть «как можно более беспристрастным» приводит автора иногда к довольно неожиданным выводам. Говоря о важной роли в подготовке и принятии подобных решений узкого круга представителей придворной знати и высшей бюрократии, Ханак утверждает, что члены этой «информационной группы» (?) не представляли «австро-немецкие интересы». Вмешиваясь в дела Венгрии, они не добивались каких-либо преимуществ для Австрии в ущерб Венгрии, а лишь отстаивали «династическую и имперскую позиции»³⁵. Иными словами, династия, венский двор, наконец, пресловутая «венская камарилья» изображаются как силы, стоящие вне партий и классов. В «общих делах» всей монархии, утверждает Ханак, Венгрия была подчинена не Австрии, а интересам империи в целом³⁶.

Механизм функционирования общеимперских ведомств раскрыт в «Протоколах общего совета министров австро-венгерской монархии (1914—1918)»³⁷. Данная публикация, осуществленная Государственным архивом Венгерской Народной Республики с согласия Государственного архива Австрии, где хранятся подлинники протоколов, несомненно привлечет пристальное внимание всех, кого интересует европейская политика времен первой мировой войны. Сборнику предпослано пространное введение, принадлежащее перу архивиста и палеографа Миклоша Комяты, представляющее собой самостоятельное научное исследование. Оно содержит квалифицированный критический анализ юридического статуса общих учреждений империи и их функционирования в период дуализма. Работа М. Комяты устраняет множество неясностей, недоразумений и неточностей, возникающих, как правило, при трактовке роли общих учреждений и проистекающих из сложности и противоречивости законов и правил, подчас неписаных, регулировавших управление общеимперскими делами.

Как известно, двуединая монархия не имела ни общего парламента, ни единого правительства. В какой-то степени функции последнего выполнялись периодически созывавшимся общим советом министров. Совет, по мнению Комяты, был высшим форумом, на котором обсуждались разногласия, возникавшие между правительствами Австрии и Венгрии, вопросы внешней

³⁵ P. Hanák. Op. cit., p. 291.

³⁶ Ibid., p. 294.

³⁷ Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates des Österreichisch-Ungarischen Monarchie (1914—1918). Вр., 1966.

политики и любые другие проблемы, затрагивавшие интересы монархии в целом; с другой стороны, совет являлся высшим совещательным органом, дававшим императору-королю советы по интересовавшим его вопросам. Общий совет министров и другие общемперские органы, согласно меткому определению автора, были порождены стремлением объединить элементы абсолютизма и конституционности, централизма и дуализма.

К этой публикации непосредственно примыкает сборник документов «Протоколы венгерского совета министров эпохи первой мировой войны. 1914—1918», подготовленный и изданный Государственным Архивом Венгрии под редакцией Эммы Ивани в 1960 г.³⁸ В отличие от первого он не является полным, поскольку в нем опубликованы протоколы лишь 141 заседания совета министров Венгрии. Однако научная ценность издания от этого не пострадала; опущены материалы, действительно не имеющие исторического и политического значения. Оба сборника, вместе взятые, дают достаточно полное представление о характере деятельности высших правительственных органов монархии и Венгрии в годы первой мировой войны. Разумеется, это представление было бы еще более полным и законченным, если бы исследователь имел в своем распоряжении и протоколы австрийского совета министров. Подобного издания, к сожалению, до сих пор нет.

404 документа, равно как научно-вспомогательный аппарат сборника и подробное введение Э. Ивани к нему, характеризуют не только деятельность венгерского кабинета, но и отчасти и общемперских ведомств. Важное значение для понимания структуры и функционального назначения дуалистического механизма имеет данный во введении Э. Ивани анализ законов 1867 г. и правил, принятых в 1897 г., которыми определялись сферы действия, компетенция и юрисдикция венгерского правительства и венгерских министерств. Э. Ивани убедительно доказывает, что суверенные права венгерского государства в области внутренних дел в нарушение основных положений венгерского закона о Соглашении 1867 г. постоянно ущемлялись общими министерствами. Последние часто выносили решения по делам, носившим чисто внутренний характер, что, по мнению автора, происходило из зависимости Венгрии от Австрии³⁹.

Особенно вопиющие нарушения суверенитета страны были связаны с правом предварительной санкции короля. Предварительное согласие короля было необходимо не только для предоставления парламенту правительственных законопроектов, но

³⁸ Magyar minisztertanácsi jegyzőkönyvek az első világháború korából 1914—1918. Szerk. Iványi Emma. Bp., 1960.

³⁹ Ibid., 20—23. l.

даже для обсуждения и рассмотрения советом министров предложений отдельных министерств по ряду важных вопросов.

Материалы сборника полностью подтверждают высказанный профессором П. Ж. Пахом тезис о том, что право так называемой предварительной королевской санкции означало сохранение пережитков абсолютизма в Венгрии⁴⁰. Э. Ивани подчеркивает, что Франц-Иосиф ревниво следил за тем, чтобы в ведение венгерского кабинета переходило как можно меньше дел и чтобы они были незначительными.

Протоколы венгерского совета министров вместе с протоколами общего австро-венгерского совета министров, существенно расширяющие источниковедческую базу изучения первой мировой войны, имеют важное значение для исследования истории эпохи дуализма в целом.

В ряде работ, появившихся в последние годы, рассмотрены отдельные аспекты кризиса политической системы дуализма в Венгрии в начале XX в., а также деятельности парламентской оппозиции и буржуазных политических партий. Речь идет в первую очередь о работах философа и социолога Д. Фукаса, историков И. Долманьоша и Ф. Пёлёшкеи, а также о трудах И. Келен и М. Тёмёри, посвященных кружкам радикальной интеллигенции⁴¹.

В книге Д. Фукаса критическому анализу подвергнуты общественно-политические и философские взгляды основателя и лидера буржуазного радикализма в Венгрии Оскара Яси. Стремление к возможно более полному раскрытию теоретических корней воззрений Яси, — весьма ценное само по себе, — не позволило, однако, автору уделить должное внимание определению места, значения и объективной роли буржуазного радикализма и буржуазно-радикальной партии в расшатывании устоев политической гегемонии традиционных помещичье-буржуазных партий в Венгрии. Этот недостаток восполняется в известной мере книгой Д. Мереи, вышедшей еще в 1947 г., а также статьей Л. Сюча, который доводит свое исследование лишь до 1906 г.⁴²

В обширной монографии И. Долманьоша, опубликованной в 1963 г., изложена история венгерского парламента; в ней подробно охарактеризованы оппозиционные партии, группировки

⁴⁰ *Pach Zsigmond Pál. A dualizmus rendszerének első évei Magyarországon.* — «Századok», 1955. 74. l.

⁴¹ *Fukász György. A magyarországi polgári radikalizmus történetéhez 1900—1918.* Bp., 1960; *Dolmányos István. A magyar parlamenti ellenzék történetéből (1901—1904).* Bp., 1963; *Pölöskei Ferenc. A koalíció felbomlása és a Nemzeti Munkapárt megalakulása 1909—1910.* Bp., 1963.

⁴² *Mérei Gyula. Polgári radikalizmus Magyarországon.* Bp., 1947; *Szücs László. A magyarországi polgári radikalizmus kialakulásának történetéhez.* — «Századok», 1963, N 6; *Kelen Jolán. Galilei per a XX. században.* Bp., 1957; *Tömöry Marta. Új vizeken járok.* Bp., 1960.

и их политические лидеры, показаны обстоятельства возникновения коалиции оппозиционных партий в 900-х годах (1901—1904 гг.). В написанной несколькими годами раньше статье того же автора рассказано о капитуляции оппозиции, об образовании и деятельности коалиционного правительства Векерле—Кошута в 1906 г.⁴³

Последнему этапу деятельности коалиционного кабинета и распаду коалиции посвящена книга Ф. Пёлёшкеи. Поскольку затронутые в этой книге проблемы перекликаются с темой данной работы, ей уделяется особо внимание.

Кризис и распад блока правящих партий, падение коалиционного кабинета, формирование правительства Куэна-Хедервари и образование партии национального труда Тисы—Лукача исследованы автором с привлечением не изученных ранее материалов архивов министерства внутренних дел и совета министров. Значительное внимание в книге уделено процессу разложения главной партии коалиции — партии независимости и выделению из нее группы Д. Юшта, ставшей затем самостоятельной политической партией и основной организацией парламентской оппозиции.

Особую ценность представляют документы обнаруженного автором в Араде (Румыния) семейного архива Юшта, которые позволяют нарисовать облик этого несомненно значительного представителя господствующих классов довоенной Венгрии. Однако субъективная честность Юшта, известный демократизм его убеждений, благородство характера, его заслуги в борьбе против консервативного клерикализма и коррупции правящей элиты заслоняют иногда необходимую трезвую оценку деятельности Юшта. Отчасти это вызвано, по-видимому, недостаточно ясным определением классовый, социальной базы движения Юшта, а также политических целей и интересов группировок, вошедших в партию независимости в 1909—1910 гг.

Очевидно также, что истинная подоплека падения правительства коалиции и прихода к власти реакционных сил, которыми искусно руководил граф И. Тиса, не может быть понята и объяснена без раскрытия взаимосвязей, обусловивших ставшее хроническим кризисное состояние австро-венгерских отношений, дуалистической системы и двуединой монархии в целом. Описанные в книге Пёлёшкеи события 1909—1910 гг. явились эпизодом, хотя и важным, драмы, логическим финалом которой должна была стать гибель монархии и дуализма⁴⁴.

⁴³ *Dolmányos István. A koalíciós kormány történetének első időszaka.*— «Eötvös Lóránd Tudományegyetem Évkönyve». 1952—1953. Bp., 1953.

⁴⁴ *Pölöskei Ferenc. A koalíció felbomlása és a Nemzeti Munkapárt megalakulása 1909—1910.* Bp., 1963.

Результатом последующих изысканий того же автора явилась опубликованная в 1970 г. книга «Правительственная политика и парламентская оппозиция 1910—1914». В ней обстоятельно показано, как лидер правящей партии национального труда Иштван Тиса сначала на посту председателя палаты депутатов Государственного собрания, а затем (с июня 1913 г.), возглавив кабинет, ограничивал полномочия парламента, принимал антидемократические законы, всеми силами пытался укрепить основы дуалистического режима, готовя страну к надвигающейся мировой схватке.

Большой интерес представляют разделы книги, написанные на основе материалов архивов Бухареста, посвященные национальной политике Тисы, особенно переговорам Вены и Будапешта с руководителями национального движения румын Венгрии в 1913—1914 гг.

Автор правильно подчеркивает, что между антидемократической внутренней политикой Тисы и мнимым либерализмом в отношении румын и других национальностей не было и не могло быть существенной разницы, поскольку вся политика венгерских господствующих классов во главе с Тисой была направлена на прекращение исторического процесса создания национальных государств⁴⁵. В отличие от многих других государственных и политических деятелей Венгрии Тиса понимал, что центробежным стремлениям национальностей нельзя положить конец одними лишь репрессиями и террором.

Однако нам представляется, что Ф. Пёлёшкеи все же преувеличивает готовность И. Тисы идти на уступки требованиям хорватских и румынских руководителей, недостаточно учитывая влияние внешних факторов и сложившейся в 1913—1914 гг. международной обстановки. Правительство Тисы, как известно, в ходе переговоров с национальной партией румынской буржуазии, возобновленных в условиях лихорадочных приготовлений к большой европейской войне, подвергалось сильнейшему нажиму, причем не только со стороны министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Л. Берхтольда, Франца-Иосифа и наследника Франца-Фердинанда, но и правительства Германской империи и лично кайзера Вильгельма II⁴⁶. Все они настойчиво советовали Тисе стать на путь удовлетворения требований руководителей румын Венгрии с тем, чтобы удержать на стороне Тройственного союза королевскую Румынию, ненадежного союз-

⁴⁵ *Pölöskei Ferenc. Kormányzati politika és parlamenti ellenzék 1910—1914. Bp., 1970, 215. l.*

⁴⁶ О метаниях правителей Бухареста между двумя блоками, с возжелением взиравших то на Трансильванию, то на Бессарабию, см. *В. Н. Виноградов. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969, стр. 35—48.*

ника, готового в любой момент ради бóльшей добычи переметнуться в лагерь Антанты.

Впрочем, сам автор полагает, что решение этой проблемы, невозможное без комплексного исследования предвоенной внешней политики Румынии, связей ее правительства с национальной партией румын Трансильвании и Венгрии, а также отношений Франца-Фердинанда и кайзеровской Германии с Румынией, «остается общей задачей прежде всего советских, румынских, австрийских, немецких и венгерских историков»⁴⁷. Содержательная книга Ф. Пёлёшкеи, вне всякого сомнения, представляет собой важный шаг в выполнении поставленной автором задачи.

Проблем, затронутых в настоящей работе, касается и венгерский историк Йожеф Галантай в опубликованной им в 1964 г. книге «Венгрия в первой мировой войне 1914—1918»⁴⁸. Ценность ее заключается не только в том, что в ней впервые в венгерской марксистской историографии предпринята попытка документированного изложения событий, связанных с участием Венгрии в империалистической войне, но и в том, что она существенным образом дополняет и уточняет наши представления об этой войне в целом.

В обширном потоке литературы, посвященной мировой империалистической войне и вопросу о ее виновниках в частности, роль венгерских господствующих классов, в особенности венгерского премьера И. Тисы, в подготовке и развязывании всеевропейского вооруженного конфликта часто преувеличивается, или же, наоборот, преуменьшается. Стремление обелить Тису, изобразить его таким ангелом-хранителем мира, было особенно присуще венгерской буржуазной историографии. Исследование Й. Галантай, убедительным образом опровергая подобного рода фальсификации, одновременно устраняет крайности «антивенгерских» концепций. Галантай показывает заинтересованность влиятельных кругов как Венгрии, так и Австрии в военном решении балканского вопроса, а заодно и обострившегося до крайности внутреннего кризиса системы дуализма.

Несмотря на постоянный рост соперничества господствующих классов обоих государств в борьбе за гегемонию в рамках Дунайской монархии, несмотря на наличие расхождений в методах, характере и направлении внешнеполитической экспансии, существовало полное единодушие в отношении необходимости устранения «сербской угрозы». Выстрелы, прозвучавшие в боснийской столице Сараево, дали австро-венгерскому империализму желанный повод одним ударом «рассчитаться» с непокор-

⁴⁷ *Pölöskei Ferenc*. Op. cit., 229. l.

⁴⁸ *Galántai József*. Magyarország az első világháborúban. 1914—1918. Bp., 1964; Idem. Tisza és a világháború.— «Századok», 1964, N 4, 687—712, l.

ным соседом, ликвидировать опасность превращения сербского королевства во второй Пьемонт — в центр притяжения для многочисленного и политически весьма активного югославянского населения Австрии и Венгрии. В то же время известно, что и Тиса был единственным государственным деятелем монархии, который в начале июльского кризиса, до 14 июля 1914 г., когда было принято роковое решение о направлении Сербии провокационного ультиматума, содержавшего явно невыполнимые и несовместимые с достоинством суверенного государства требования, решительно противился объявлению войны Сербии. С другой стороны, также достоверно известно, что после 14 июля и на протяжении всей войны именно Тиса был тем политическим лидером монархии, который последовательно, не считаясь ни с какими жертвами, поддерживал военные усилия центральных держав, решительно отклоняя любые попытки заключения сепаратного мира.

Вскрывая истинные мотивы поведения главы венгерского кабинета в июльские дни, показывая причины изменения его позиции между 28 июня и 14 июля, И. Галантаи во многом проясняет «загадку Тисы». Тиса, указывает автор, до 14 июля не считал момент благоприятным для нападения на Сербию ввиду недостаточной подготовленности этой акции как с военной, так и с дипломатической точек зрения. Особое его беспокойство вызвала позиция Румынии.

Прежде чем пуститься в сербскую авантюру, он хотел добиться безопасности Трансильвании, но не путем радикального изменения своей национальной политики или территориальных уступок, а при помощи давления на Бухарест со стороны Берлина и Софии. Лишь получив заверения в полной поддержке Германии и в том, что нейтралитет Румынии будет гарантирован без каких-либо территориальных уступок в ее пользу за счет Венгрии, И. Тиса согласился снять свое вето против вручения сербского ультиматума. Не последнюю роль в перемене позиции Тисы в этом вопросе сыграло настойчивое вмешательство Франца-Иосифа, убедившего его в необходимости незамедлительного открытия военных действий против сербского королевства и решительного его военного разгрома.

Анализируя деятельность и политику Социал-демократической партии Венгрии в 1914—1918 гг., Галантаи указывает на стремительность социал-шовинистического перерождения ее оппортунистического руководства в последние дни июля и в первые числа августа 1914 г.

Хотя монография И. Долманьоша посвящена деятельности парламентской оппозиции в течение сравнительно небольшого отрезка времени, в первые четыре года нашего века, проведенный в ней анализ политики ведущих партий и лидеров оппозиции помогает пониманию политической истории Венгрии после-

дующего десятилетия⁴⁹. Автору удалось проследить тогда еще едва заметный процесс изменения социальной структуры и руководящего ядра главной силы оппозиции — партии независимости.

Процесс этот был противоречивым. Если в XIX в. руководящую роль в ней играли либеральные элементы среднепоместных помещиков, то в 900-х годах эта роль постепенно переходит к примкнувшим к партии крупным аграриям. С другой стороны, благодаря выдвиганию национальных лозунгов в момент обострения австро-венгерских отношений партии независимости удалось привлечь к себе симпатии значительных слоев венгерского имущего крестьянства, городской мелкой буржуазии и даже рабочих. Последнее обстоятельство объяснялось отчасти также тем, что в противовес венгерской социал-демократии, явно недооценивавшей значение стремлений к достижению полной государственной независимости Венгрии, партия независимости успешно спекулировала именем овеянного легендами национального героя венгерского народа Лайоша Кошута.

Рецензируя работу Долманьоша, крупный знаток истории венгерского рабочего движения и социал-демократической партии Венгрии д-р Тибор Эрени верно заметил, что в определенных исторических ситуациях в силу своего влияния на массы «и демагогия становится фактической силой». Это верное замечание дает ключ к объективной оценке роли партии независимости, ибо именно такая ситуация сложилась в Венгрии в начале века.

Упомянутая рецензия Т. Эрени содержит ряд справедливых и правильных критических замечаний. Так, он ставит под сомнение обоснованность самостоятельного исследования истории парламентской оппозиции без должного анализа правительственной политики и других важных проблем, связанных с кризисом дуализма и с положением Австро-Венгрии в целом. Однако вызывает возражение его критика оценки Долманьошем деятельности и политики венгерской социал-демократии. Оспаривая резонное утверждение Долманьоша о том, что социал-демократическое руководство не увязывало борьбы трудящихся за социальное освобождение со стремлениями венгерского народа к независимому государственному существованию и не разоблачало в полной мере демагогический характер выдвинутых оппозицией национальных лозунгов, Т. Эрени ссылается на объективную трудность определения положения и места Венгрии в системе дуализма и на сложность отделения «исторически справедливых национальных требований от необоснованных», а также на

⁴⁹ *Dolmányos István. A magyar parlamenti ellenzék történetéből (1901—1904).* Вр., 1963.

то, что для решения этой задачи венгерские социал-демократы не получили помощи от II Интернационала.

Очевидно, однако, что ни объективные трудности, ни отсутствие помощи со стороны более зрелых в теоретическом отношении социалистических партий и никакие другие «смягчающие обстоятельства» не должны, по нашему мнению, освобождать историка от обязанности констатировать каждое проявление оппортунистической политики и реформистской практики той или иной пролетарской партии, анализировать и вскрывать причины этих явлений.

В данном случае речь идет не только о теоретической беспомощности социал-демократических лидеров и не о традиционном их «равнодушии» к национальному вопросу. Речь идет прежде всего о непонимании ими задач буржуазно-демократической революции, об их твердой убежденности в том, что ближайшие политические цели партии и в первую очередь реформа избирательного права могут легче всего быть достигнуты при сохранении австро-венгерской общности. При этом реформистские руководители рассчитывали не только на помощь протариата Австрии и его партии, но и не в последнюю очередь на династию. От борьбы за венгерскую независимость они уклонялись и потому, что опасались цепной реакции, которую могло повлечь за собой отделение Венгрии от Австрии. В таком случае распад многонационального венгерского королевства был бы неминуем.

Из сказанного следует, что позицию венгерской социал-демократии нельзя понять без учета ее отношения к проблемам венгерской независимости, национальной борьбы угнетенных народов королевства. Эту связь отлично понимал руководитель венгерской социал-демократии Э. Гарамы, о чем свидетельствуют некоторые из его позднейших выступлений.

Не может служить оправданием социал-демократическому оппортунизму высказанное Тибором Эрени мнение о том, что положение социалистического движения в Венгрии в то время осложнялось отсутствием у буржуазии массовой демократической партии. Факт сам по себе бесспорный. Но можно ведь из этого бесспорного факта сделать прямо противоположный вывод. С таким же успехом можно, например, предположить, что наличие демократической буржуазной партии, наоборот, серьезно уменьшило бы шансы рабочей партии в борьбе за влияние на массы.

В заключение следует сказать, что поставленные в монографии И. Долманьоша проблемы, равно как и споры, ими вызванные, актуальны для всей предвоенной эпохи в целом.

Анализу политики Социал-демократической партии Венгрии в период кризиса дуализма посвящен ряд содержательных докладов и исследовательских статей Т. Эрени. В центре внима-

ния автора комплекс вопросов, связанных с отношением венгерской социал-демократии к дуалистической системе и монархии в целом в предшествовавшие первой мировой войне десятилетия. Эрени констатирует, что имевшее место в партии в первые годы XIX в. дискуссии относительно экономической самостоятельности и политической независимости Венгрии не привели к выработке единой принципиальной позиции.

Правильно подчеркивая, что Соглашение 1867 г. и австро-венгерские отношения оценивались социалистами с точки зрения повседневной политики и тактики, Эрени в то же время полагает, на наш взгляд недостаточно обоснованно, что в общем их позиция была враждебной дуализму⁵⁰.

Не свободна от противоречий и трактовка им роли социал-демократической партии во время событий 1905—1906 гг., хотя взгляды Т. Эрени нам представляются более приемлемыми, чем мнение других авторитетных специалистов по этому вопросу. Т. Эрени выражает свое несогласие с теми, кто, резко осуждая политику социал-демократических руководителей во время острейшего политического кризиса 1905—1906 гг., указывал, что эта политика, независимо от субъективных намерений, объективно служила интересам венского двора и способствовала сохранению дуалистической системы⁵¹.

В конечном счете, однако, он сам подтверждает, что «поведение партийного руководства в тогдашней исторической ситуации, без сомнения, представляло собой поддержку венских придворных кругов. Это была политическая ошибка, тактически ложный шаг, который изолировал партию»⁵².

В двух других статьях того же автора рассмотрены взгляды и тактика социал-демократических лидеров в 1908—1914 гг., особенно в период подъема антимилитаристского движения пролетариата в 1912—1913 гг., сделана, можно сказать, первая в марксистской венгерской историографии попытка проанализировать отношение венгерской социал-демократии к внешней политике австро-венгерской монархии⁵³.

Антимилитаристскому движению и борьбе партий II Интернационала против развязывания первой мировой войны посвящены многочисленные работы Яноша Емница и прежде всего две его монографии. В одной из последних — «Угроза войны и

⁵⁰ *Erényi Tibor. Die Sozialdemokratische Partei Ungarns und der Dualismus.* Вр., 1965, S. 129.

⁵¹ *Ibid.*, S. 133.

⁵² *Ibid.*, S. 134.

⁵³ *T. Erényi. Über einige Fragen der Politik der Sozialdemokratischen Partei Ungarns vor 1914.* — «*Studia Historica*», 51. Вр., 1961; *idem. Die Sozialdemokratische Partei Ungarns und die Aussenpolitik der Österreichisch-Ungarischen Monarchie in den Jahren 1908—1914.* — «*Etudes historiques 1970*». Вр., 1970.

II Интернационал» содержится также материал, относящийся к Венгрии и Австро-Венгрии⁵⁴.

Ни один исследователь, интересующийся проблемами социалистического рабочего движения Венгрии начала XX в., не может пройти мимо работ Ференца Мучи. Помимо большого количества статей им опубликованы две книги, выразительно иллюстрирующие качественные сдвиги, которые произошли в молодой марксистской исторической науке страны в последние полутора десятилетия. Первая его книга «Первая русская революция и венгерское рабочее движение» увидела свет в 1956 г., вторая — «Пакт Криштофи — Гарами» — в 1970 г.⁵⁵

Обе работы посвящены тактике венгерской социал-демократии в 1905—1906 гг. Последнюю книгу отличает богатство и разнообразие привлеченных источников, тщательность отделки, высокий уровень исследовательской техники. В пользу автора «Пакта Криштофи — Гарами» говорит прежде всего постановка и решение узловых проблем избранной им темы.

Мучи подвергает всесторонней и аргументированной критике тезис венгерской историографии первой половины 50-х годов о наличии в Венгрии в 1905—1906 гг. «революционной ситуации», тезис, на котором покоилась вся концепция его первой монографии. Он справедливо указывает, что пакт, заключенный руководителем венгерской социал-демократии Э. Гарами с министром внутренних дел кабинета Фейервари в самый разгар острого политического кризиса, «способствовал стабилизации кроны, но не мог достичь поставленной цели — широкой реформы избирательного права»⁵⁶.

Столь же справедливо утверждение Мучи о том, что социал-демократия вместо того, чтобы вступать в союз с кабинетом Фейервари или его противниками из лагеря коалиции венгерских буржуазно-помещичьих партий, должна была «вести самостоятельную пролетарскую политику», основанную на союзе с трудящимися непролетарскими слоями города и деревни, в первую очередь с крестьянством, а также с демократическим движением немадьярских народов⁵⁷.

Вместе с тем нельзя не отметить, что Мучи и в этой книге не всегда и не во всем последователен. В ходе политического кризиса 1905—1906 гг. в качестве одной из нерешенных проблем буржуазно-демократических преобразований со всей остротой встал вопрос о венгерской национальной независимости. Национальные лозунги, выдвинутые буржуазно-помещичьей оппо-

⁵⁴ *Jemnitz János. A háború veszélye és a II. Internacionálé. Bp., 1966.*

⁵⁵ *Mucsi Ferenc. Az első orosz forradalom és a magyar munkásmozgalom. Bp., 1956; idem. A Kristóffy — Garami paktum. Bp., 1970.*

⁵⁶ *Mucsi Ferenc. A Kristóffy — Garami paktum. Bp., 1970, 198. l.*

⁵⁷ *Ibid., 202. l.*

зицией, пусть даже в демагогических целях, отражали объективные тенденции кризиса дуализма. В этой обстановке, выполняя свои обязательства по пакту Криштофи — Гарамии, социал-демократия вела борьбу не только против коалиционной оппозиции, но и против национальных лозунгов.

Мучи убежден в том, что венгерская социал-демократия не могла и не должна была связывать задачи демократического прогресса с лозунгами национальной независимости, только потому, что они выдвигались шовинистами и могли быть использованы в реакционных целях. Автор полагает, что поскольку Венгрия была многонациональной страной, социал-демократия могла выступить с требованием государственной независимости лишь с одновременным провозглашением права на самоопределение остальных населяющих ее народов. Верно. Но оказывается, венгерские социалисты не могли стать на этот путь, поскольку, заявляет автор, «само национально-освободительное движение немадьярских народов не добивалось еще полного самоопределения, включая отделение. С другой стороны, объективно различные, или даже противоположные друг другу национальные стремления живущих в Венгрии народов сделали бы проблематичной всю эту политическую линию в целом»⁵⁸.

Курс на независимость был сомнителен и проблематичен для буржуазно-помещичьих партий и их лидеров, которые не допускали и мысли о возможном расчленении «Великой Венгрии» и всеми силами боролись даже против формального равноправия национальностей. А партия рабочего класса? Разве она могла в условиях страны, более чем наполовину населенной угнетенными народами, рассчитывать на успех своего дела без последовательного отстаивания принципа самоопределения вплоть до отделения? И разве может служить оправданием венгерской социал-демократии то обстоятельство, что ни буржуазные деятели, ни тем более социалистические организации немадьярских национальностей не ставили вопроса о выходе из королевства.

Конечно, принципиальная постановка венгерской социал-демократией национального вопроса осложнила бы ее и без того трудное положение и наверняка навлекла бы на нее гнев всех буржуазных партий и группировок, даже настроенных либерально-демократически. Однако следует иметь в виду, что такая постановка национального вопроса венгерскими социал-демократами не обязательно означала, что они должны были агитировать за раздробление своей страны, если того не хотели трудящиеся и социалисты угнетенных народов. Только в таком случае борьба венгерского пролетариата за решение венгерского национального вопроса, т. е. за завоевание полной государ-

⁵⁸ Ibid., 200. 1.

ственной самостоятельности, не выглядела бы «национально-патриотической» или националистической, как того опасается Ф. Мучи.

По мнению Мучи, мадьярские социалисты не должны были выходить за рамки организации интернационалистической солидарности пролетариата невенгерских народов и поддержки их демократических движений, как того требовала партийная программа, поскольку *«большого не желали сами тогдашние движения национальностей»*, хотя и автор сознает, что перед лицом репрессий венгерского правительства они были вынуждены скрывать свои истинные цели⁵⁹.

Все сказанное не должно заслонять тот факт, что книга Мучи является одной из самых значительных работ по истории венгерского рабочего движения, вышедших за последние 10 лет. Спорность некоторых выводов вполне естественна, если иметь в виду, что монография рождалась в обстановке острой дискуссии, и в известной мере ее можно считать результатом полемики. Монография Ф. Мучи основана на безупречном и тщательном анализе первоисточников и всей существующей литературы. Она выделяется смелой постановкой многих нерешенных вопросов истории венгерской социал-демократии и стремлением честно и откровенно разобраться в них.

В реферате Ласло Маркуша «Белые пятна венгерской истории 1890—1918», подготовленном в связи с обсуждением проблем 10-томной истории Венгрии, анализ отношений Венгрии и Австрии выдвигается как центральная проблема, а в качестве одного из ключевых вопросов этой темы — оценка событий 1905—1906 гг. Автор отвергает данную в первом томе «Истории венгерского революционного рабочего движения» оценку политики и тактики венгерской социал-демократии как «осторожную и скорее негативную» и разделяет мнение Ф. Мучи. Тем не менее в конечном счете и Л. Маркуш считает этот вопрос дискуссионным и открытым⁶⁰.

Марксистская литература не богата работами, посвященными историографии Венгрии или Австро-Венгрии конца XIX — начала XX в. Среди них следует отметить упомянутую выше книгу К. Б. Виноградова по историографии первой мировой войны, а также и отдельные статьи других авторов. Особый интерес представляет монография венгерского историка Ласло Маркуша «К развитию социал-демократического понимания истории (от начала до 1918 г.)», вышедшая в свет в 1963 г.⁶¹

⁵⁹ *Mucsi Ferenc. A Kristóffy — Garami-paktum, 203. l.*

⁶⁰ *Márkus László. Az 1890—1918 közötti magyar történet «fehér foltjai». — «Történelmi Szemle», 1969, N 1—2, 115. l.*

⁶¹ *Márkus László. A szociáldemokrata történetfelfogás fejlődéséhez (A kezdetektől 1918-ig). Bp., 1963.*

Ограничение рамок исследования 1918 годом, к сожалению, лишило автора возможности использовать исторические работы и мемуарную литературу 20—30-х годов. Из его поля зрения выпали многие произведения ведущих деятелей предвоенной венгерской социал-демократии — Э. Гарамы, Я. Вельтнера, М. Бухингера, В. Бема и др., по которым легче всего судить об исторических взглядах лидеров рабочего движения.

Однако это не помешало автору справиться со сложной задачей воссоздания общей картины и основных тенденций развития исторической концепции венгерской социал-демократии в конце XIX — начале XX в. Л. Маркуш обуславливает складывание и эволюцию социал-демократических взглядов не только уровнем развития исторического материализма и общим состоянием исторической науки в Венгрии вообще, но и обострением противоречий внутри венгерского общества в эпоху дуализма, а также теоретической зрелости партии.

Почти до конца XIX века в венгерской исторической науке было очень сильно влияние феодальной идеологии. Вследствие этого исторические концепции прогрессивных ученых и мыслителей Запада в Венгрии распространялись с большим запозданием и зачастую в искаженном виде. Лишь в 80—90-е годы усилиями небольшой группы историков во главе с Дюлой Паулером известную популярность приобрели позитивистские идеи, однако венгерские последователи позитивизма не шли дальше провозглашения необходимости всестороннего освещения и анализа конкретно-исторических фактов.

И. Ачади, Ш. Марки, К. Тагани и другие видные сторонники позитивизма, порывая с установившимися традициями, стали уделять больше внимания экономической и социальной истории. Однако порвать с традиционными представлениями официальной науки сумели лишь представители социал-демократии и буржуазного радикализма.

Теоретические основы социал-демократической историографии сложились под сильным воздействием концепций философии истории, развитых К. Каутским, Фр. Мерингом, А. Лабриолой, Г. Плехановым, Ж. Жоресом, Э. Бернштейном и др. Непосредственным толчком к восприятию историко-философских идей теоретиков II Интернационала послужили развернувшиеся в 900-х годах дискуссии между Плехановым и Лабриолой, а также между Жоресом и Лафаргом относительно материалистического понимания истории и о решающих факторах исторического процесса, причем, по мнению Маркуша, наибольшее распространение в Венгрии получили идеи Лабриолы и анархо-синдикалистов, что объяснялось прежде всего деятельностью выдающегося венгерского социалиста Эрвина Сабо.

Несмотря на эклектицизм и теоретическую незрелость венгерской социал-демократии, ее идеологи сыграли большую роль

в распространении в Венгрии исторического материализма, в подрыве позиций господствовавшей клерикальной и идеалистической школы. Однако исторический материализм понимался только как метод, пригодный лишь для социологии. В связи с этим в книге Маркуша более подробно освещаются взгляды на историю, главным образом о причинах и движущих силах общественного прогресса, Э. Сабо и главного идеолога буржуазного радикализма в Венгрии Оскара Яси, а также социал-демократических лидеров Э. Гарамы и Ж. Кунфи, которых автор причисляет к сторонникам экономического материализма. Особенно сильное влияние на исторические взгляды венгерских социал-демократов оказала книга выдающегося венгерского теоретика Эрвина Сабо, посвященная революции 1848—1849 гг. в Венгрии⁶².

Стремясь подорвать воздействие националистической демагогии буржуазно-помещичьих партий на массы, объявивших себя прямыми наследниками революционных традиций 1848 г., Сабо поставил своей целью вскрыть классовую ограниченность среднепоместного дворянства — руководящей силы революции и освободительной войны венгерского народа в 1848—1849 гг. При этом, однако, он поставил под сомнение буржуазный характер венгерской революции 1848 г.⁶³ Опираясь на этот анализ Э. Сабо, социал-демократические идеологи в начале XX в. сочинили целую теорию, согласно которой Венгрия и в эпоху империализма оставалась феодальной страной с некоторыми элементами капиталистического развития.

В книге Л. Маркуша много внимания уделено анализу взглядов лидера буржуазного радикализма Оскара Яси и его роли в распространении исторического материализма в Венгрии⁶⁴. По мнению Маркуша, теоретическую основу исторических воззрений наиболее значительной группы венгерских социал-демократов составлял вначале «экономический материализм»⁶⁵, а позднее, под влиянием работ Маха и Адлера, теория познания неокантианцев. Несмотря на искажение исторического материализма и подмену его «экономическим материализмом», венгерские социал-демократы сыграли значительную роль в раз-

⁶² Szabó Ervin. Társadalmi és pártharcok Magyarországon 1848—1949 ben. Bp., 1903.

⁶³ Révai József. Marxizmus, népiesség, magyarság. Bp., 1955.

⁶⁴ Об этом см. большую и содержательную работу венгерского философа Д. Фукаса. *Fukász György. A polgári radikalizmus főrfénetéhez Magyarországon 1900—1918.* Bp., 1960.

⁶⁵ Опираясь на учение и метод Маркса и Энгельса, Сабо критиковал экономический материализм вульгарных материалистов, игнорировавших роль личности и субъективного фактора в истории, считал в то же время необходимым «дополнить» исторический материализм субъективно-психологическим фактором в духе идей Лаврова.

рушении идеалистических представлений господствующей буржуазно-помещичьей идеологии и в пробуждении интереса историков и социологов к роли экономического фактора, к роли труда и производства в истории, к поискам источников происхождения различных идей и т. д. Важное значение теоретики социал-демократии придавали вопросам теории государства, однако они исходили не из учения Маркса о природе и сущности государства, а из каутскианских концепций, что привело к неправильной оценке природы дуалистического государства, к переоценке его феодального характера и к полному непониманию учения о диктатуре пролетариата.

Анализируя взгляды социал-демократов на венгерскую историю, автор справедливо подчеркивает, что лишь потребности идеологической борьбы пролетариата и конкретные политические задачи партии заставляли их обращаться к историческому прошлому венгерского народа. Необходимость освобождения рабочего класса из-под влияния идеологии господствующих классов и формирования его классового сознания выдвинула на первый план проблематику революции 1848 г., главным образом в плане определения роли и соотношения национальной независимости и общественного прогресса в венгерской истории. Автор утверждает, что в силу особенностей исторического развития Венгрии глубоко укоренившийся в сознании широких масс народа «национализм питался памятью о потерпевшей поражение освободительной борьбе» и компромиссным разрешением венгерского национального вопроса в 1867 г.⁶⁶ Вплоть до конца XIX в. для венгерского рабочего класса, за исключением наиболее сознательной его части, национализм являлся главной и преимущественной идеологической формой возмущения и восстания против власти и господствующего режима.

Отсюда Л. Маркуш делает вывод, что среди идеологических задач венгерской социал-демократии на первом месте стояла борьба против национализма. Таким образом, в интерпретации автора главное содержание революции 1848 г. и ее исторические последствия объективно сводятся к проблеме национальной и даже к национализму и тем самым в тени оставляется социальное, классовое содержание, тот решающий факт, что, несмотря на поражение революции, победителем из нее вышел новый общественный строй — капитализм.

Спорным представляется и утверждение автора о том, что до конца XIX в. основной идеологической формой борьбы пролетариата являлся национализм. Этому утверждению противоречит тот несомненный факт, что компромисс 1867 г. временно, по крайней мере до конца века, практически снял с повестки дня вопрос о венгерской независимости и тем самым способст-

⁶⁶ *Fukász György. Op. cit., 88. l.*

вовал более четкому выявлению классовых антагонизмов. Поэтому, несмотря на наличие существенных пережитков национализма в сознании трудящихся, и по форме и по содержанию их борьба была классовой, а не национальной. Это положение начало меняться в первые годы нашего века в связи с обострением кризиса дуализма и актуализацией национального вопроса для венгерского народа. Эти изменения, а также связанное с ними усиление и успех оппозиционных партий, выступавших под национальными лозунгами, вынудили социал-демократию уделить большее внимание развенчанию националистической идеологии. Вполне естественно, что социал-демократам пришлось заняться в первую очередь проблемами истории революции 1848 г. С 900-х годов партия начала регулярно отмечать годовщину революции, причем все более выдвигая на первый план деятельность, взгляды и личность Петёфи и подчеркивая, что именно рабочему классу предстоит претворение в жизнь идеалов великого поэта-революционера.

В статьях, опубликованных в партийной печати, указывалось на буржуазный характер революции, на неизбежность и историческую закономерность смены феодализма капитализмом, а капитализма социализмом. После 1903 г. среди венгерских социал-демократов возобладала, однако, концепция Э. Сабо, который отрицал буржуазный характер революции и изображал ее как борьбу двух сословий — среднего дворянства против крупнопомещичьей аристократии. Как известно, эта концепция Э. Сабо подверглась обстоятельной и глубокой критике в работах Йожефа Ревая. Признавая обоснованность и справедливость этой критики, Л. Маркуш показывает ее односторонность и в то же время конкретно-исторические корни и причины появления новой концепции, отмечает большие заслуги Сабо в борьбе с националистическими искажениями революции 1848 г. буржуазными историками.

Опираясь на концепцию Э. Сабо, Э. Гарам и другие лидеры партии разработали ошибочную теорию господства в Венгрии начала XX в. феодализма, согласно которой исторической задачей пролетариата Венгрии являлось не завершение буржуазно-демократической революции и переход к социалистической, а поддержка буржуазии в создании капиталистического общества. Критикуя взгляды Гарам, автор правильно отмечает, что они «служили оправданию тактики социал-демократической партии», но считает возможным положительно оценить подобную постановку вопроса «с точки зрения позитивного развития исторической мысли»⁶⁷. К сожалению, в книге отсутствует аргументированное обоснование подобной оценки концепции Га-

⁶⁷ Márkus László. Op. cit., 104. l.

рами, являвшегося, как известно, наиболее правым из венгерских оппортунистов.

Уже к 1908 г. точка зрения Гарамы в вопросе о характере революции 1848 г. стала господствующей, ее разделяли почти все социал-демократические авторы, писавшие на эту тему. Единственное исключение составлял Й. Погань, который в соответствии с высказываниями Маркса и Энгельса безоговорочно признавал буржуазный характер венгерской революции.

В значительной мере благодаря признанию венгерскими социал-демократами оценки революции 1848 г. как феодальной критика феодализма стала центральной темой их исторических работ. Наиболее обстоятельная критика венгерского феодализма содержится в работах П. Агоштона, посвященных роли крупного землевладения в истории Венгрии, в образовании и развитии венгерского государства.

Л. Маркуш высоко оценивает работы Й. Поганя по истории венгерских городов, якобинского движения и крестьянских движений, в которых делалась попытка исследования проблемы разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. По мнению автора, его работы могут быть отнесены к «числу первых работ венгерской марксистской историографии»⁶⁸.

Что касается всеобщей истории, то венгерских социал-демократов интересовали преимущественно проблемы французского Просвещения и французской буржуазной революции, историческая роль католической церкви, история международного рабочего движения и революционное движение в России. Для социал-демократической литературы начала века характерно подчеркивание прогрессивной исторической роли Вольтера и Руссо и оценка якобинской диктатуры как наивысшего этапа французской революции. Жак Ру, Бабёф и бабувисты изображаются как продолжатели дела якобинцев и как выразители интересов «первоначального пролетариата».

Автор правильно показывает тесную связь исторических взглядов социал-демократов, в особенности по вопросу о соотношении общественного прогресса и национальной независимости в истории Венгрии, с тактикой партии, которая во многом определяла суть исторических взглядов партии. Отдавая должное заслугам социал-демократии в борьбе против националистических взглядов, автор подчеркивает, что, отстаивая пролетарский интернационализм и принцип классовой борьбы в венгерской истории, социал-демократия положила начало новому направлению в развитии венгерской исторической мысли. Идею «выдвижения на первый план общественного прогресса

⁶⁸ Ibid., 109. I.

в ущерб национальной независимости» автор считает заслуживающей внимания и плодотворной не только для тогдашней, но и нынешней марксистской историографии⁶⁹. По-видимому, в такой постановке вопроса сказывается влияние развернувшейся в последнее время среди венгерских историков дискуссии о национализме.

Приведенная формулировка Л. Маркуша не представляется бесспорной как с теоретической, так и с практической точки зрения, поскольку в ней заключена тенденция к противопоставлению общественного прогресса национальному движению и абсолютизированию противоположности обоих понятий, хотя и нельзя отрицать того, что в тот или иной момент истории национальное движение объективно может служить не делу прогресса, а реакции.

Что касается истории Венгрии начала XX в., то в этот период завоевание полной национальной и государственной независимости являлось составной частью завершения задачи буржуазно-демократической революции и поэтому не противоречило общественному прогрессу. Недооценку венгерской социал-демократией венгерского национального вопроса Л. Маркуш объясняет «тактической ошибкой», что отнюдь не способствует вскрытию глубокой связи этой «ошибки» с общей реформистской идеологией и оппортунистической политикой социал-демократической партии.

Имеющиеся в книге Маркуша недостатки и спорные положения объясняются не только сложностью и «многоплановостью» поставленной автором задачи, но и тем, что автор первым из венгерских историков рискнул вторгнуться в ту область исторической науки, которая до него никем еще не «осваивалась». Тем не менее основная задача обобщенного и критического изложения развития исторических взглядов венгерской социал-демократии решена автором убедительно.

Разумеется, не все затронутые в книге проблемы освещены с должной обстоятельностью и последовательностью. Укажем на некоторые из них. Идеологическое влияние теоретиков II Интернационала показано скорее в области теории и философии истории, чем конкретной истории; недостаточно выявлена причина внезапной популярности марксизма, особенно исторического материализма в Венгрии. По-видимому, следовало обратить большее внимание таким вопросам, как кризис буржуазной мысли, успехи социалистического движения как в Венгрии, так и в других странах и т. д. Недостаточно показаны связь и взаимное влияние буржуазной и социал-демократической историографии Венгрии в начале XX в.; не в полной мере исполь-

⁶⁹ *Márkus László. Op. cit., 156—157. l.,*

зованы результаты новейших исследований венгерских историков и философов (Эрени, Мучи, Долманьош, Фукас и др.).

Вызывает сожаления и то обстоятельство, что вне поля зрения автора оказались такие видные теоретики начала XX в., как П. Сенде и Е. Варга.

В западной буржуазной литературе и публицистике как до первой мировой войны, так и после нее, ведущие позиции в изучении монархии Габсбургов занимала австрийская и германская школы. При этом основное внимание уделялось политической истории империи, предпосылкам и особенно последствиям австро-венгерского Соглашения 1867 г., системе дуализма в целом. Соглашение и дуализм в предвоенные годы, вплоть до самого краха монархии, являлись предметом острейшей политической борьбы, и не раз создавали кризисные ситуации во взаимоотношениях ее частей.

Революционные восстания народов осенью 1918 г., сокрушив двуединую империю, положили конец и австро-венгерскому соперничеству. Но спор о дуализме не прекратился и после этого. В роли полемистов выступали уже не государственные и политические деятели, а мемуаристы, бывшие министры и отставные генералы, уволенные на пенсию дипломаты, журналисты и публицисты всех мастей и направлений, а также профессиональные историки и университетские профессора. В подобного рода литературных упражнениях чаще всего проскальзывала тоска по безвозвратно ушедшему прошлому, по старой доброй монархии и не менее доброму императору Францу-Иосифу. Личность монарха, царствовавшего на протяжении почти семидесяти лет (1848—1916), постепенно окутывалась ореолом мученика и благодетеля, который в течение всей своей долгой жизни только и помышлял о счастье и благоденствии народов империи⁷⁰.

Что касается научной литературы, то в ней топ задавали появившиеся в начале 20-х годов работы австрийских истори-

⁷⁰ Любопытен портрет престарелого монарха, нарисованный В. М. Туроком на основе свидетельств современников — английского публициста Г. Уикема Стида и австрийского государственного деятеля П. Редлиха: «...Император отнюдь не принадлежал к выдающимся умам человечества и не поднимался выше среднего уровня... Франц-Иосиф вообще предпочитал не иметь дело с людьми, и всю жизнь провел за чтением бумаг, оставляя для своих поданных существом невидимым и как бы потусторонним... Франц-Иосиф замер в круге представлений времен Очакова и покорения Крыма или, по крайней мере, Крымской войны. Император и восемь десятков эрцгерцогов и эрцгерцогинь окаменели в категориях феодализма и не замечали, что весь окружающий мир ушел на сотни лет вперед. В императорский дворец не проникла ни одна идея послеметтерниховской эпохи» (В. М. Турок. Многонациональная монархия Габсбургов в освещении современной западной историографии. — «Славяно-германские отношения». М., 1964, стр. 26—27).

ков Йозефа Редлиха и Виктора Библия⁷¹. В двух объемистых томах И. Редлиха, и до настоящего времени не потерявших свою познавательную ценность, изложена внутривосточная история империи Габсбургов от революции 1848 г. до ее крушения в 1918 г. По мнению Редлиха, Соглашение 1867 г. явилось не компромиссом двух партнеров, как принято было считать, а победой одного из них, а именно, Венгрии, навязавшей династии и Австрии дуалистическую систему и сумевшей добиться в ней преобладающего положения⁷².

Развивая концепцию дуализма Редлиха, Библ утверждал, что благодаря Соглашению и дуализму Венгрия, подчинив своей воле Австрию, подрывала единство империи. Венгерский шовинизм, восстановивший, по его мнению, славянские народы против монархии, был истинным виновником ее упадка и окончательного падения⁷³.

Вариации на тему «виновности» мадьяр в катастрофе 1918 г., в австро-германской литературе с легкой руки Г. Штайнакера, выходца из Венгрии, получили широкое распространение в межвоенные годы⁷⁴. Суть его рассуждений сводилась к следующему: Соглашение 1867 г. и установленная им система дуализма лишила корону возможности проводить в Венгрии реформы в пользу проживавших там национальностей. Венгерская нация в течение 1867—1914 гг., неуклонно стремясь к созданию своего национального государства, тем самым подрывала устои монархии. Это роковое и гибельное для империи стремление мадьяр Штайнакер объяснял особенностями «психологии пришлого народа» — неким мистическим комплексом страха, предчувствием близкой и неотвратимой гибели. Независимая же Венгрия, которую так жаждали мадьяры, была нежизнеспособна. Единственной альтернативой для нее оставалось лояльное партнерство с династией и Австрией, к которо-

⁷¹ J. Redlich. Das österreichische Staats-und Reichsproblem. Bd. I—II. Leipzig, 1920; *idem*. Schicksalsjahre Österreichs, 1908—1919. Das politische Tagebuch, Bd. I. Graz-Köln, 1953; *idem*. Emperor Francis Joseph of Austria. Biography. New York, 1929; V. Bibl. Der Zerfall Österreichs, Bd. I—II. Wien, 1924. Подробный анализ этих работ см. В. М. Турок. Очерки истории Австрии 1918—1929. М., 1955.

⁷² J. Redlich. Das österreichische Staats-und Reichsproblem. Bd. II, S. 586. О привилегированном положении Венгрии в монархии писал и известный французский историк начала XX в. Л. Эйзенманн, а в наши дни его соотечественник Жак Дроз, полагающий, что в австро-венгерском дуэте первенствовал Буданешт. В целом же, по его мнению, дуализм был необходимым, хотя и далеко несовершенным инструментом поддержания равновесия в Средней Европе (L. Eisenmann. Le compromis austro-hongrois. Paris, 1904, p. 595—596, 617, 656; J. Droz. L'Europe Centrale. Evolution de l'idée historique de Mittel Europa. Paris, 1960, p. 160—165).

⁷³ V. Bibl. Der Zerfall Österreichs, Bd. II, S. 400—405.

⁷⁴ См. В. М. Турок. Австро-Венгрия в западной историографии. — «Критика западногерманского Остфоршунга». М., 1966, стр. 183—184.

му призывал еще И. Сечени. Вместо этого венгерский народ отвернулся от Сечени, «провидца, учителя и вождя, который вел его по правильному пути и остался верным демагогу Кошуту, несмотря на его поражение...»⁷⁵ В несколько завуалированной форме эти тезисы перекочевали в работы значительной части буржуазных историков Австрии, Германии, а потом и ФРГ. Характерному для австрийской и германской историографии стремлению к идеализации монархии и ее истории в период между двумя войнами во многом способствовали Г. Србик, Ф. Майнеке, Г. Бенедикт и их последователи⁷⁶.

Таким образом еще до второй мировой войны наметился разрыв австро-германской буржуазной историографии не только с критическим направлением, представленным Й. Редлихом, но и с либеральной школой, считавшей дуализм единственной целесообразной и разумной формой «мирного сосуществования» народов дунайского бассейна⁷⁷.

Склонность к идеализации монархии, особенно австрийской ее половины, сочеталась с неумеренным употреблением во многих произведениях австрийских и германских авторов черно-белой краски — черной, когда речь шла о Венгрии, и белой, вернее, розовой, при описании истории Австрии. Желаемого эффекта эти авторы добивались путем резкого противопоставления австрийской политики в национальном вопросе венгерской; правители Цислейтании, по их мнению, ни о чем другом не помышляли, как только о благополучии славян и других народов, в то же время в Транслейтании язык, культура, религия немадьярских национальностей подвергались постоянным преследованиям, а сами они беспощадной мадьяризации.

Австрийский историк Карл Хугельман еще в 30-е годы расписывал «беспримерную справедливость» национального законодательства Цислейтании⁷⁸, забывая о том, что эти образцовые законы начиная с 1897 г. были объектом ожесточенных

⁷⁵ *H. Steinacker. Das Wesen des magyarischen Nationalismus.* — «Ostdeutsche Wissenschaft», Вр. 3. München, 1959, S. 53—63.

⁷⁶ Г. Бенедикт, например, историческую заслугу Габсбургов видел в том, что, создав единственный и истинный союз народов, они поставили государство на службу справедливости, что распространение культуры и цивилизации в Средней Европе происходило не снизу, а сверху, благодаря усилиям властителей империи (*H. Benedikt. Die Monarchie des Hauses Österreich.* Wien, 1968). В другой работе того же автора утверждалось, что монархия, объединявшая «в гармонии высшей общности национальные, социальные, культурные противоречия, выражала дух примирения национальностей, идею гуманности и надпартийности» (*H. Benedikt. Die Monarchie der Gegensätze.* Wien, 1947).

⁷⁷ *R. Charmatz. Österreichs innere Geschichte von 1848 bis 1907.* Bd. I—II. Leipzig, 1911—1912.

⁷⁸ *G. K. Hugelmann. Das Nationalitätenrecht nach der Verfassung von 1867.* — «Das Nationalitätenrecht des alten Österreich». Wien und Leipzig, 1934.

атак со стороны чешских и других буржуазных партий в самом австрийском парламенте — рейхсрате. Такая трактовка вопроса была весьма удобной и тем, что позволяла снять с господствующих классов Австрии ответственность за национальные конфликты в Цислейтании и возложить на чешских и других лидеров за «неумеренные» притязания и «неразумные» требования, а в монархии на «мадьярскую олигархию», которая якобы была единственным препятствием на пути федералистского переустройства империи.

Критическую струю в освещении монархии внесла группа английских историков в лице ее виднейших представителей Г. Уикема Стида, Р. В. Ситон-Уотсона, Л. Нэмира (выходца из Галиции), способствовавших своими публицистическими выступлениями в печати и историческими трудами пробуждению интереса к национальному вопросу и к положению угнетенных народов Австро-Венгрии в англосаксонском мире. Их враждебность к монархии, ее дуалистическому устройству, и особенно к мадьярской гегемонии в Венгрии, нарастала по мере обострения борьбы между Антантой и Тройственным союзом, в который входила империя Габсбургов⁷⁹.

Осуждение английскими историками дуализма было вызвано тем, что он, прочно привязав Венгрию и Австрию к Берлину, сделал монархию орудием германских империалистических устремлений на востоке и юго-востоке Европы и в конечном счете привел к усилению главного соперника Англии в борьбе за мировое господство. Исходя из традиционной британской политики равновесия сил, Ситон-Уотсон, как и Сид, вплоть до мировой войны верили в возможность использования империи Габсбургов в качестве противовеса не только кайзеровской Германии, но и собственного союзника — царской России. Поэтому они не только симпатизировали, но и оказывали активную поддержку различного рода проектам федерализации монархии, исходивших из кругов близких Францу-Фердинанду буржуазных политических деятелей румын, словаков и югославян Венгрии и Австрии. От этой точки зрения и веры в жизнеспособность монархии они вынуждены были отказаться лишь в самом конце войны⁸⁰.

⁷⁹ *H. Wickham Steed. The Habsburg Monarchy. London, 1919; idem. Through thirty Years. A Personal Narrative. London, 1925; Scotus Viator. Racial Problems in Hungary. London, 1908; R. W. Seton-Watson. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. London, 1911.* Традиции английской школы после второй мировой войны были продолжены и развиты Э. Мэкартни и учеником Л. Нэмира Э. И. Тэйлором. *A. J. P. Taylor. The Habsburg Monarchy. 1809—1918. London, 1918; C. A. Macartney. The Habsburg-Empire 1790—1918. London, 1968.*

⁸⁰ О деятельности Р. В. Ситон-Уотсона см. доклад его сына и известного историка, сделанный 5.IV 1970 г. в Институте истории им. Н. Йорги Академии

Что же касается позиций названных английских авторов в венгерском вопросе, то она кажется чересчур односторонней даже Р. Канну, не отличающемуся особыми симпатиями к дуалистической Венгрии⁸¹.

Справедливости ради отметим, что накануне первой мировой войны среди английских историков и публицистов была группа, правда, не слишком влиятельная, возглавлявшаяся Г. Брейлсфордом, которая считала монархию чуть ли не гарантом мира и порядка на Балканах и силой, способной приостановить русское продвижение к проливам⁸².

Обсуждение в англоязычной литературе стоит работа вождя буржуазного радикализма в Венгрии О. Яси «Распад Габсбургской монархии», опубликованная в Чикаго в 1929 г. Спустя 35 лет (в 1964 г.) она была переиздана в том же Чикаго. О причинах такого интереса в США к этой работе речь пойдет ниже, при рассмотрении современной американской литературы.

Критическое освещение Оскаром Яси социальных и национальных проблем монархии, интерес к которым и в США был возбужден благодаря работам Ситон-Уотсона и Уикема Стида, и не в последнюю очередь личность автора, бывшего в 1918 г. министром по делам национальностей правительства М. Каройи, одним из действующих лиц последнего акта драмы Дунайской монархии, несомненно усиливали внимание американских издателей к его книге.

Концепция Яси была во многом противоположна господствовавшим в буржуазной историографии не только Австрии и Германии, но и Венгрии взглядам на причины крушения империи. Развенчивая «габсбургскую легенду», изображавшую монархию в виде жертвы англо-германского антагонизма, который, вызвав мировую войну, похоронил под ее руинами «свободную и счастливую дунайскую Лигу наций», Яси констатировал: распад был не механическим, а органическим процессом, протекавшим в течение почти двухсот лет. Разыгравшаяся в 1918 г. историческая драма не была результатом дипломатических конфликтов, а неизбежным финалом и логическим завершением «серии социальных причин». Причины, лежавшие в основе развала «этнической мозаики», называвшейся Габсбургской империей, были те же, что привели к образованию Германии, Италии и других национально гомогенных государств⁸³. Поражение монархии связано не только с борьбой против внешнего врага,

наук СРР: *H. Seton-Watson*. R. W. Seton-Watson and the Rumanians.— «Revue roumaine d'histoire», 1971, N 1, p. 25—40.

⁸¹ «Wort und Wahrheit», 1962, N 12, S. 793—794.

⁸² *H. H. Harnak*. British Opinion about the Dissolution of the Habsburg Monarchy.— «Bulletin of the Institut of Historical Research», v. XXXIII, N 87, May 1960. University of London.

⁸³ *O. Jászi*. The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago, 1929, p. 6—7.

но и тем, что она находилась в состоянии войны против значительной части собственного населения⁸⁴. За многие десятилетия своего существования, указывал Яси, она не выработала общего идеала и общих стремлений, которые могли бы придать какую-либо форму политической солидарности объединению нашедших ее народов⁸⁵.

Вместе с тем Яси пытался дать классификацию основных внутренних факторов, решивших судьбу Австро-Венгрии, разделив их на две группы. К первой группе он отнес династию, армию, аристократию, католическую церковь, капитализм и еврейство, а также социализм, воплощавших, по его мнению, центростремительные силы, способствовавшие продлению жизни империи. Все они, указывал Яси, представляли «супранациональные тенденции», хотя и оказались, в конечном счете, слишком слабыми, чтобы противостоять сепаратизму и партикуляризму различных наций⁸⁶.

Ко второй группе — к центробежным силам, Яси, помимо партикуляризма и национализма, причислял класс крупных помещиков, аграрная политика которых явилась одним из факторов ускорения распада⁸⁷.

Яси подчеркивал, что в определении аграрной политики монархии решающую роль играла венгерская феодальная аристократия и что между нею и династией существовала полная гармония⁸⁸.

Яси одним из первых обратил внимание на противоречивость влияния капиталистического развития на судьбы империи; тенденции, им вызванные, действовали в противоположном направлении. Австрийский банковский капитал, монополизировавший промышленность и финансовую систему всей империи, тормозил экономическое развитие венгерских, румынских, славянских территорий и точно так же ущемлял интересы трудящихся, как установленные в угоду венгерским аграриям высокие таможенные пошлины на сельскохозяйственные товары, особенно после 1907 г. Таким образом, заключает Яси, экономика, представлявшая собой наиболее мощный центростремительный фактор, в конце концов превратилась в центробежную силу⁸⁹.

Взгляды Яси о причинах происхождения дуализма также существенно отличались от господствовавших в тогдашней буржуазной литературе воззрений. Компромисс 1867 г., указывал он,

⁸⁴ O. Jászi. The Dissolution of the Habsburg Monarchy, p. 14.

⁸⁵ Ibid., p. 129.

⁸⁶ Ibid., p. 133—134.

⁸⁷ Ibid., p. 192—193.

⁸⁸ Ibid., p. 197.

⁸⁹ Ibid., p. 209—212.

был не просто выдуман Бейстом и Деаком, он возник не из ничего, а явился лишь юридическим признанием того факта, что «австрийская половина состояла скорее из механического конгломерата стран и провинций, полностью завоеванных и объединенных Габсбургами, в то время как венгерская половина представляла собой страну, бывшую более или менее независимой в течение тысячи лет, контролируемую феодальной конституцией, сумевшую противостоять частично пассивным сопротивлением, а частично вооруженным восстанием унифицирующему абсолютизму и германизаторским атакам Габсбургов»⁹⁰.

В послевоенные годы, когда изучение истории габсбургской монархии развернулось в невиданных до того масштабах, особенно в Австрии и США, наступил подлинный расцвет «габсбургской легенды». Понятно, что в этих условиях концепции трезвого скептика Редлиха и тем более «радикального» Яси не могли служить образцом для большинства австрийских буржуазных историков. Последователи Хугельмана и Штайнакера поставили себе целью исправить «историческую несправедливость», реабилитировать «незаслуженно обиженную» монархию, доказать, что она не только не была, несмотря на некоторые недостатки, «тюрьмой народов», а была ярким примером подлинного содружества народов. Ведущую партию в этом многоголосом хоре исполнял патриарх послевоенной буржуазной историографии Австрии, профессор Венского университета, бывший католический священник и узник Бухенвальда Хуго Ханч.

Выступая с докладом в Дунайском институте, созданном в 1954 г. при активном участии эмигрантов из стран Восточной Европы, ранее входивших в состав Австро-Венгрии, Ханч призывал «Европу» (?!), пока не слишком поздно, отказаться от «идеи перенапряженного национализма» и вернуться к идее «разумного универсализма», следуя по пути, указанному Габсбургами, которые, претворяя в жизнь «универсальную идею», объединили различные народы в «государственном организме, являвшемся предтечей европейского содружества народов»⁹¹.

Эти идеи Х. Ханч проводил в работах, выпущенных в 50-е годы. В 1953 г. в серии «Винер христорише Штудиен» вышел его труд «К вопросу о национальностях в старой Австрии». Объяснив заблуждением утверждения о «габсбургском иге» и «тюрьме народов», он пытался доказать, что в монархии «осуществлялась великая идея государственной общности». Империя

⁹⁰ Ibid., p. 272.

⁹¹ «Der Donauraum», 1959, № 1, S. 22—23. По мнению другого видного австрийского историка, «ни один царствующий дом Европы не был до такой степени олицетворением и носителем универсального, наднационального принципа власти», как династия Габсбургов (A. Wandruszka. Das Haus Habsburg. Wien, 1956, S. 12).

была не только образцом «правового государства» для всей Европы, но и необходимым и даже незаменимым атрибутом мира и правопорядка в Европе. Ханч считает не случайным, что со времени крушения Дунайской империи континент никак не может «успокоиться», ибо распад Австро-Венгрии был символом распада Европы⁹².

Гармоничному развитию живущих в Австро-Венгрии народов мешала Венгрия. В сущности, говорит Ханч, единственной серьезной проблемой монархии было дуалистическое устройство, откуда проистекали все ее трудности и беды. Венгрия препятствовала решению югославянского вопроса в рамках монархии, срывала ее попытки окончательного соглашения с Сербией⁹³. Зависимость Австрии от Венгрии, особенно сильно проявлявшаяся во внешней политике, «парализовала все силы, стремившиеся к переустройству монархии». Точка зрения не новая, и не Ханчем придуманная, но она имеет многочисленных поклонников среди современных историков Запада.

Продолжая традиции довоенной австрийской историографии, Ханч утверждает, что принятый в 1907 г. в Цислейтании закон о всеобщем избирательном праве удовлетворил важнейшие требования славянских народов Австрии как в области национального, так и социального равноправия. «Что же еще могли требовать славяне?», — патетически вопрошает он. Кстати, Ханч умалчивает о том, что всеобщее избирательное право было завоевано в результате мощного подъема рабочего движения, начавшегося под влиянием первой русской революции⁹⁴, и что успеху реформы содействовал также и венгерский кризис 1905—1906 гг.

После избирательной реформы 1907 г. каждый австрийский подданный, утверждает автор, какой бы национальности он ни принадлежал, «имел те же права, полную свободу передвижения, пользовался той же свободой в духовном и материальном отношениях»⁹⁵. В чем же тогда причина той ожесточенной национальной борьбы, которая с неослабевающей силой продолжалась и после 1907 г. и которая, по собственному при-

⁹² *H. Hantsch. Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Wien, 1953, S. 109—110.*

⁹³ *Ibid.*, S. 96.

⁹⁴ Это «упущение» исправляет молодой профессор Гейдельбергского университета Х. Моммзен (ФРГ), один из разделов фундаментальной монографии которого специально посвящен влиянию русской революции на движение за всеобщее избирательное право в Австрии. Моммзен подчеркивает, что «только под воздействием революционных событий в России весной 1905 г. социал-демократическое движение за избирательное право сдвинулось с мертвой точки» (*H. Mommsen. Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage im habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien, 1963, S. 364.*)

⁹⁵ *H. Hantsch. Op. cit.*, S. 63.

нению Ханча, в конце концов свела в могилу старую Австрию? В том, отвечает он, что за пределами монархии возобладали тенденции, находившиеся в резком противоречии с «универсальной наднациональной государственной идеей» Австрии. Последняя оказалась в центре соперничества европейских держав, а национализм, развивавшийся в Сербии, Италии, Румынии оказывал все возрастающее влияние на народы Австрии. В то же время упрямство мадьяр и эгоистичность интересов венгерской плутократии помешали монархии прийти к удовлетворительному соглашению со славянами, ухудшили ее отношения с Сербией. Кроме того, утверждает Ханч, «зависимость Австрии от Венгрии парализовала силы, стремившиеся к перестройке государства», намекая на провал мертворожденных планов федерализации Австро-Венгрии.

Эти рассуждения Ханча получили дальнейшее развитие в его 2-томной «Истории Австрии», особенно в третьем издании этого труда, увидевшим свет в 1962 г. Причину возобладания «разрушительных сил» автор видит не в самой сущности дуализма, а «в косности дуалистической системы, эволюции которой препятствовали господствующие нации»⁹⁶.

В издании 1955 г. конец этой формулировки звучал несколько иначе; тогда Ханч считал, что в жесткости и консерватизме дуализма повинны «как венгры, так и кайзер, который твердо держался за него, как за священную и неприкосновенную систему»⁹⁷. Однако существование позиции автора сохранилось.

В обоих изданиях Ханч констатирует, что среди центробежных элементов, разрушивших монархию, «самыми опасными и сильными» были национальные стремления мадьяр, которые задолго до чехов и югославян провозгласили своей целью уничтожение дуалистической системы и «больше всех способствовали распаду монархии»⁹⁸. Они же, по мнению Ханча, разрушали австро-венгерскую экономическую общность, одно из необходимых условий сохранения великодержавного характера монархии; возобновление каждые десять лет экономического соглашения давало им возможность «осуществлять собственную волю в любом желательном для них направлении»⁹⁹.

Подобная оценка роли Венгрии в системе дуализма вполне объясняет тот взрыв симпатий и умиления, которые автор испытывает при одном только упоминании имени наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда. Эрцгерцог, которого Ханч наделяет и «глубоким патриотизмом» и «почти религиоз-

⁹⁶ *H. Hantsch*. Die Geschichte Österreichs, Bd. 2 (1648—1918). 2. Aufl. Graz, 1962, S. 380.

⁹⁷ *Ibid.*, S. 380—381; *idem*. Die Geschichte Österreichs, Bd. 2. Graz, 1955, 2. Aufl., S. 396.

⁹⁸ *Ibid.* (2. Aufl.), S. 459.

⁹⁹ *Ibid.*, S. 393—394.

ным преклонением перед миссией своего дома», понял, что величайшая опасность для монархии исходит от верхушки венгерского дворянства и буржуазии. Стремления их к гегемонии над мадьярскими народами королевства все больше и больше отдаляли последних от монархии, делая их восприимчивыми к соблазнительным предложениям соплеменников из соседних стран.

Однако не столь категоричен Х. Ханч, когда дело касается оценки многочисленных проектов федералистской реорганизации империи, рождавшихся в канцелярии престолонаследника. Определенной была, полагает Ханч, лишь твердая решимость Франца-Фердинанда изменить дуализм, с тем чтобы положить конец венгерскому влиянию. Однако каким образом совершить ревизию Соглашения 1867 г. «без того, чтобы подвергнуть угрозе имперское единство, и ему не казалось вопросом легко разрешимым»¹⁰⁰.

Что же касается императора, олицетворявшего «идею общего государства наиболее совершенным и достойным восхищения образом», то в политике он, по словам Ханча, был в некотором смысле рационалистом. Вся его политика, утверждает автор, целиком и полностью определялась Венгрией, сохранение которой в составе монархии была проблемой, завладевшей императором с первых дней его царствования и мучившей его до конца жизни¹⁰¹.

Таким образом, Ханч, симпатизируя антивенгерским планам Франца-Фердинанда, в то же время признает рациональность венгерской политики старого императора. Иными словами, при тождественности целей обоих Габсбургов, очевидна несовместимость путей и методов, которые предлагались ими для спасения монархии. И Ханч, разумеется, тоже не мог разрешить это противоречие, оставаясь в кругу тех же представлений, что и император с наследником. Неудивительно поэтому, что все причины краха империи в его книге свелись к злонамеренному шовинизму мадьяр и национализму остальных народов, «взвинченному до крайности несколькими адвокатами, журналистами, профессорами». Этот национализм, по мнению автора, помешал прогрессу монархии, которая имела все предпосылки для расцвета, который не имел бы себе равных в Европе¹⁰².

Основные выводы Ханча повторены в обобщающей «Истории Австрии» Э. Цёлльнера, изданной в Вене в 1966 г. Роковая ошибка, по его мнению, заключалась в том, что была упущена возможность «претворить в жизнь наднациональную идею великой Австрии», и виной тому были дуализм и прежде всего

¹⁰⁰ *H. Hantsch. Op. cit., S. 514.*

¹⁰¹ *Ibid., S. 528.*

¹⁰² *Ibid., S. 508—509.*

мадьяры, занявшие в монархии господствующие позиции и угнетавшие «национальности восточной половины империи»¹⁰³.

Во время венгерского кризиса 1903—1906 гг. корона вновь допустила тяжелую ошибку, уклонившись от серьезных контактов с хорватами только для того, чтобы «не рассердить мадьяр»¹⁰⁴. Таковы основные выводы автора.

Промежуточное положение в современной австрийской буржуазной литературе занимает книга уроженца Венгрии (с 1930 г. проф. Венского университета) Ю. Мишкольци, представляющая собой попытку соединить националистические тенденции старой венгерской историографии с ультрасовременными наднациональными концепциями и с апологетизацией Габсбургов в духе Ханча и его школы. Мишкольци дает совершенно «немодную» по нынешним временам позитивную оценку дуализма, объявляя его лучшей и единственной формой сосуществования Австрии и Венгрии¹⁰⁵, но осуждает крайности мадьярского шовинизма, пытаясь примирить идею венгерского «национального» государства с принципом централизованной «общей монархии». Подобно многим другим своим коллегам, Мишкольци считает, что народам Австрии и Венгрии «самим провидением» было предназначено жить вместе, и система дуализма вполне отвечала этой задаче. В катастрофе 1918 г., указывает он, потерпели крах не учреждения дуализма, а люди, которые в атмосфере всеобщего национализма и взаимного недоверия «не поняли ни друг друга, ни ту аксиому, что дуалистическая монархия является лучшей гарантией их собственного благополучия», — такова концепция Мишкольци.

В пределах этой схемы осуждается всякий сепаратизм, включая и венгерский, а также любые планы федерализации, которые кажутся автору не только нереальными, но и опасными. Недостаток дуализма он усматривает лишь в том, что австро-венгерские экономические соглашения были слишком краткосрочными. Кроме того, ослаблению монархии способствовал и чрезмерный национализм мадьяр: «Мадьяры не поняли характера движений австрославян, видя в нем угрозу панславизма, и потому они слишком обострили национальный вопрос»¹⁰⁶.

За исключением И. Тисы, заявляет автор, никто из венгерских политических деятелей не понял того факта, что жизнен-

¹⁰³ E. Zöllner. Geschichte Österreichs. Wien, 1966, S. 412, 416, 440.

¹⁰⁴ Ibid., S. 433.

¹⁰⁵ J. Miskolczy. Ungarn in der Habsburger-Monarchie. Wien, 1959, S. 140.

¹⁰⁶ Ibid., S. 133—134; R. A. Kann. The Multinational Empire. New York, 1950; *idem*. The Habsburg Empire: A Study in Integration and Disintegration. New York, 1957; *idem*. Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie, Bd. I—II. Graz — Köln, 1964; *idem*. Werden und Zerfall des Habsburgerreiches. Graz — Wien — Köln, 1962.

ные интересы Венгрии тождественны интересам монархии, и тем самым подрезали сук, на котором сидели. Таков итог размышлений Мишкольци над историей Венгрии со времен Иосифа II до 1918 г.

Идеи и достижения австрийской буржуазной историографии в изучении империи были синтезированы, и заодно поставлены в прямую связь с тенденциями так называемой «европейской интеграции» в произведениях американского историка австрийского происхождения проф. Роберта Канна. Венгерский рецензент немецкого издания его последнего и главного двухтомного труда «Проблема национальностей габсбургской монархии» И. Диосеги, проследившая влияние, помимо «интеллектуальной атмосферы его новой родины, австрийской либеральной школы (Х. Фридьонга, Редлиха) и западноевропейской публицистики начала века (Ситон-Уотсона, Л. Эйзенманн)», высказал мысль, что работа Канна «в одно и то же время и австрийская, и западноевропейская, и американская»¹⁰⁷. К этому можно добавить, что центральная идея Канна о центростремительных и центробежных силах представляет собой расширенный и видоизмененный, хотя и не во всем совпадающий вариант взглядов венгерского радикала О. Яси. Критика национальной политики господствующих классов Венгрии также в значительной степени опирается на материалы О. Яси. Однако исходные позиции у них диаметрально противоположны: Яси исходил из необходимости разрушения не только дуализма, но и монархии вообще, и сохранения венгерского королевства в прежних его границах, пусть даже в форме «Восточной Швейцарии» или «Соединенных Штатов Венгрии». Канн же, напротив, противник дуализма, оп за монархию. Он скрупулезно, по крупицам собирает все, что может и могло бы служить историческим оправданием существования Габсбургской империи.

В толстых томах, вышедших из-под пера Канна, расписано не только то, что было сделано габсбургским режимом «на благо народов Австрии и Венгрии», но и то, что могло бы быть им сделано, или сделано лучше. Разумеется, Канн не закрывает глаза на тот очевидный факт, что весь организм монархии был поражен недугом, но его интересуют не столько причины болезни, сколько средства исцеления. «Падение Австрии,— пишет он,— показывает, что уничтожение *нереформированной империи* (курсив наш.— Т. И.) было неизбежно, но это не решает вопроса, могла ли реформа спасти ее? Остается открытым вопрос, какого рода организация социально-политической структуры была бы способна добиться национального примирения...»¹⁰⁸.

¹⁰⁷ «Századok», 1968, N 1—2, 278. 1.

¹⁰⁸ R. A. Kann. The Multinational Empire. Nationalism and National Reform in the Monarchy, 1848—1918, v. I. New York, 1950, p. 341.

Чтобы ответить на эти вопросы, Канн обстоятельнейшим образом анализирует программы и требования различных национальных групп, идеологию и формы проявления национальных движений, в особенности же все известные проекты имперских реформ, посвящая этому специальный (2-й) том своего труда, пытаясь обнаружить в них искомый синтез органического сочетания двух противоположных подходов — национального и наднационального.

Монархия могла бы избежать распада, полагает Канн, если бы своевременно были проведены реформы, которые бы удовлетворили минимальные требования национальностей «на низшем уровне» при сохранении и усилении ее наднационального характера¹⁰⁹. Наиболее благоприятная возможность к тому представилась в 1848—1849 гг., когда осуществление проекта Кромержижской конституции или планов чешского политического деятеля Ф. Палацкого, утверждает он, могло бы обеспечить империи «длительное и устойчивое существование». В дальнейшем же с каждым разом этих возможностей становилось все меньше и меньше, а риск, сопутствующий всякой перестройке, все увеличивался. Тем не менее «риск дезинтеграции» в случае проведения такой реформы в 1867 г. «был меньшим, чем в 1905 г., а в разгар венгерского кризиса 1905 г. — меньшим, чем в 1917 г., когда сбылось зловещее предсказание Энгельса о том, что с победой русской революции Австрия распадется»¹¹⁰.

Главную причину неудачи планов реорганизации монархии Канн видит в том, что ее правители не сумели найти такой способ организации народов Австрии и Венгрии в соответствии с их национальными интересами, который бы находился в полном согласии с «супранациональными доктринами на высшем уровне»¹¹¹.

¹⁰⁹ R. A. Kann. *The Multinational Empire*, v. I, p. 340; v. II, p. 286. К этому выводу присоединились Х. Моммзен, американец С. Харрисон Томсон и многие другие западные авторы. Харрисон Томсон, например, утверждает, что «мирная трансформация» империи в федерацию «предотвратила бы ее насильственный распад» (*S. Harrison Thomson. Czechoslovakia in European History. Princeton, 1963, p. 210*). Моммзен, однако, признает, что развал монархии был не просто следствием военного поражения, но что ему предшествовал «внутренний процесс распада, который шел полным ходом с 1905 г. и подрывал ее единство» (*H. Mommsen. Op. cit., S. 1*). Другой американский историк мадьярского происхождения П. Шугар, наоборот, пришел к выводу, что даже введение демократического федерализма в духе идей К. Реннера и О. Бауэра «вряд ли приостановило дезинтеграцию габсбургского государственного комплекса» (*P. Sugar. The Nature of the Non-German Societies under Habsburg Rule.—«Slavic Review», v. XXII, 1963, p. 162; P. Sugar. The Rise of Nationalism in the Habsburg Empire.—«Austrian History Yearbook», v. III, Pt. I. Houston, 1967, p. 96*).

¹¹⁰ R. A. Kann. *The Multinational Empire*, v. II, p. 297.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 294.

В развитие идей Яси о центростремительных силах Кани причисляет к ним династию, армию, католическую церковь, бюрократию, аристократию с ее супранациональной идеологией, а также экономическую систему¹¹². Не хватало лишь общего для всех народов идеала, или хотя бы универсального мифа или легенды и общенационального, вернее, наднационального героя (такого, как Вильгельм Телль для швейцарцев), который бы был одинаково привлекателен для всех народов империи. Но даже при отсутствии такого идеала и идеального героя (типа принца Евгения Савойского, единственного из австрийских деятелей, близко подходившего к идеалу национального героя) перечисленные выше центростремительные факторы создавали достаточно предпосылок для создания наднационального государства, если бы мадьяры в 1867 г. не навязали Соглашения, которое помешало удовлетворить национальные требования австрийских народов. «Роберт А. Кани очень сердится на мадьяр,— не без иронии пишет И. Диосеги,— потому что они упрямо настаивали на принципе «единой политической нации» и потому, что вынудив дуализм, они помешали федеративной перестройке монархии»¹¹³.

В дуалистическом механизме больше всего его раздражает экономическое соглашение; великодержавные позиции империи, по его мнению, подрывались не политическими, а экономическими аспектами компромисса 1867 г., ибо контроль императора над армией, т. е. «практически австрийский контроль», в достаточной мере уравнивал отрицательные политические последствия дуализма.

Предусмотренное Соглашением урегулирование заново каждые десять лет финансовых и торгово-экономических взаимоотношений двух половин монархии, таможенно-тарифных вопросов, определение доли Австрии и Венгрии в общеимперских расходах, пишет американский историк, «прискорбным образом вело к жестоким кризисам с регулярными интервалами в дополнение к нерегулярным, но часто возникавшим конфликтам в австро-венгерских отношениях»¹¹⁴.

Кризисы, сопровождавшие каждый раз переговоры о новом австро-венгерском экономическом соглашении, «подрывали основы союза, ограничивали свободу действий монархии как в ее внутренней, так и во внешней политике»¹¹⁵. И все это про-

¹¹² R. A. Kann. The Habsburg Empire. A Study in Integration and Disintegration. New York, 1957.

¹¹³ «Századok», 1968, N 1—2, 281. 1.

¹¹⁴ R. A. Kann. Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Bd. I, S. 31.

¹¹⁵ R. A. Kann. The Multinational Empire, v. 1, p. 24. Одностороннее изображение роли Венгрии в системе дуализма, уходящее корнями в партийно-политическую борьбу конца XIX — начала XX в., возрождающее тогдашнюю

исходило оттого, как полагает Канн, что после заключения Соглашения 1867 г. Венгрия стала в дуалистическом союзе если и не сильнейшим, то, во всяком случае, «привилегированным партнером»¹¹⁶.

Несколько иную точку зрения на этот счет Канн высказал на Братиславской конференции, посвященной столетию Соглашения 1867 г. Оспаривая точку зрения В. Шандора, П. Ханака и других венгерских историков, совершенно незаслуженно сравнивая ее с интерпретацией старой венгерской историографии и даже Ю. Мишкольци о том, что в экономическом отношении Венгрия была подчинена Австрии в большей мере, чем в политическом, Канн утверждал, что такое подчинение не создавало между двумя государствами тех трений, которые вызывал «национальный вопрос в чисто политической сфере». По его мнению, «за небольшую жертву» — замедление темпов промышленной революции, которую принесла Венгрия, она получила достаточную компенсацию; «национальную супремацию в королевстве, административную автономию, протекционистские тарифы для венгерского земледелия». Но и эта «жертва» ему кажется сомнительной, ибо ее приносили высшие слои городской буржуазии, т. е. «второй эшелон господствующих классов Венгрии», а не землевладельцы — аристократы и дворяне¹¹⁷.

Во что обходилась эта «небольшая жертва» массам трудящихся, особенно промышленным рабочим Венгрии, да и Австрии, об этом он умалчивает. Надо сказать, вопросы экономической истории сами по себе весьма мало интересуют Канна, и это является характерной чертой почти всех его работ. И выводы, к которым он порой приходит, иногда поражают своей неожиданностью. Так, признавая растущее в конце XIX — начале XX в. стремление различных национальностей монархии к хозяйственной самостоятельности и их оппозицию по отношению к «банковским центрам Вены», т. е. финансовому капиталу, Канн объясняет это тем, что угнетенные народы «думали скорее эмоционально, чем фактически, что они эксплуатируются ими» (упомянутыми банковскими центрами)¹¹⁸.

Общая концепция Канна в конечном счете призвана доказать, что в общем балансе противоборствовавших центробежных и центростремительных сил перевес был на стороне по-

австрийскую точку зрения, присуще многим западным работам. Моммсен, например пишет не только об экономической якобы невыгодности Соглашения 1867 г. для Австрии, но и даже о «зависимости» австрийского рейхсрата от венгерского парламента (*H. Mommsen. Op. cit., S. 355*).

¹¹⁶ Ibidem.

¹¹⁷ R. A. Kann. The Austro-Hungarian Compromise of 1867 in Retrospect.— «Der Österreichisch-Ungarische Ausgleich 1867». Bratislava, 1971, p. 5.

¹¹⁸ R. A. Kann. Werden und der Zerfall des Habsburgerreiches. Graz, 1962, S. 29.

следних, т. е. элементов, способствовавших консолидации монархии, благодаря которым она просуществовала так долго. Поэтому причины распада он ищет в особых внешних обстоятельствах. Опаснейшими факторами, влиявшими на внутреннюю неустойчивость монархии, по его мнению, были давление извне, со стороны соседних государств, и борьба «великих держав в эпоху империализма».

Последним звеном в цепи причин, приведших к крушению, он считает мировую войну, но даже и она сама по себе не разрушила монархии, ибо это произошло лишь в последние две недели октября 1918 г. «Положение дел во всяком случае было таково, что окончательный результат отнюдь не был ясен. Фактически монархия, возможно, могла бы существовать и сегодня, если бы не вспыхнула мировая война, которую, вероятно, можно было избежать»¹¹⁹.

Таковы основные выводы и результаты исследований Р. Канны, являющиеся, по выражению венгерского историка И. Диосеги, следствием «антиисторического метода», которым он пользовался, стремлением втиснуть «всю историю монархии в фиктивные рамки» «фиктивной наднациональной идеи»¹²⁰. Даже этот весьма неполный обзор марксистской и буржуазной литературы дает, как мы надеемся, некоторое хотя и довольно приблизительное представление о том, с какими многочисленными и сложными проблемами, вызывающими ожесточенные споры, сталкивается историк при изучении истории Венгрии, являвшейся тогда частью двуединой монархии Габсбургов. Отсюда, естественно, вытекает, что всестороннее освещение даже основных линий и этапов социально-экономического и политического развития не может быть предметом исследования одного или даже нескольких историков, работающих разобщенно. Наиболее плодотворный и целесообразный путь решения вопросов, поставленных нынешним состоянием разработки проблем дуализма,— путь соединения усилий большого коллектива ученых, уже работающих в этой области, особенно историков-марксистов.

Таким образом, даже далеко не полный обзор новейшей венгерской литературы, свидетельствующий о непрекращающемся интересе исследователей к истории Венгрии конца XIX — начала XX в., показывает, что многие узловые проблемы этой эпохи еще ждут своего разрешения. Цель данной монографии состоит не в том, чтобы дать окончательный и категорический ответ на поставленные вопросы, это — дело большого международного коллектива исследователей, и вероятно, потребует не один год кропотливого труда.

¹¹⁹ R. A. Kann. Werden und der Zerfall des Habsburgerreiches, S. 37—40. Столь же странным образом Кани выражает сомнение в доказанности тезиса о неизбежности первой мировой войны.

¹²⁰ «Századok», 1968, N 1—2, 281. 1.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВЕНГРИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Характер капиталистического развития Венгрии был predetermined неудавшейся буржуазной революцией 1848—1849 гг. и австро-венгерским Соглашением 1867 г., которое явилось своеобразным завершением эпохи буржуазных революций в монархии Габсбургов. Соглашение 1867 г., установившее буржуазные по существу и конституционные по форме порядки, открыло известный простор для развития производительных сил и расчистило путь буржуазным отношениям во всех уголках империи.

Переход от полуфеодального абсолютизма к капитализму произошел в форме, наиболее выгодной для крупного помещичьего землевладения, в ущерб жизненным интересам широких слоев населения, включая и буржуазию. Обеспечив экономическое и политическое преобладание земельной аристократии, оставив нетронутыми крупное землевладение и аграрные отношения, сложившиеся в период после подавления революции 1848—1849 гг., Соглашение тем самым воздвигло непреодолимое препятствие на пути демократического решения аграрного вопроса. Капиталистическая эволюция сельского хозяйства шла в соответствии с интересами владельцев огромных латифундий. Неустранимые в рамках дуализма пережитки феодализма стали главным тормозом экономического и общественного прогресса народов Венгрии и Австрии.

Дуализм не только способствовал укреплению экономического и политического могущества крупного и феодального по своему происхождению землевладения в Венгрии, но и сохранению экономической зависимости Венгерского королевства от Австрии. Тесная связь экономики обеих стран имела как отрицательные, так и положительные последствия для развития народного хозяйства Венгрии. Венгерские производители зерна, мяса и других сельскохозяйственных продуктов получили неограниченный доступ на рынки промышленно развитой Австрии. Монополизация венгерскими аграриями австрийского рынка вследствие

установления высоких аграрных пошлин для иностранных производителей, почти полностью устранившая внешнюю конкуренцию, несомненно стимулировала рост сельскохозяйственного производства Венгрии и сохранение цен на высоком уровне. Однако это же обстоятельство препятствовало усовершенствованию сельскохозяйственного производства на базе коренной ломки безнадежно устаревших аграрных отношений. Гарантированные благодаря общей австро-венгерской таможене высокие прибыли не только спасали венгерских помещиков от конкуренции, но и придавали особую силу их сопротивлению прогрессивным преобразованиям.

Еще более пагубные последствия имела экономическая зависимость от Австрии для венгерской промышленности.

Разделение труда в рамках дуалистической империи сложилось явно не в пользу Венгрии. Бурные темпы индустриализации конца XIX — начала XX в. не изменили существенно образом положения страны в монархии. И в канун первой мировой войны Венгрия оставалась в экономическом отношении зависимой от Австрии, обширным рынком сбыта ее промышленных изделий и сферой выгодного приложения австрийских капиталов. Более того, сохранение аграрной Венгрии в качестве источника сырья и рынка сбыта для более развитой промышленности Австрии стало одной из важнейших предпосылок и необходимым условием существования Дунайской монархии. В силу этого австрийская буржуазия была заинтересована в сохранении существующего соотношения сил и по экономическим и по политическим соображениям. Рост индустриальной мощи Венгрии угрожал не только серьезным ослаблением позиций австрийского капитала в этой стране, но и всей системе австрийского господства в дуалистической монархии. Именно поэтому австрийские правящие круги пользовались всеми имевшимися в их распоряжении рычагами прямого и косвенного воздействия, чтобы воспрепятствовать гармоничному развитию венгерской экономики.

Дунайская монархия, пережившая промышленную революцию значительно позже, чем ведущие капиталистические державы, и завершившая ее лишь в последней четверти прошлого века, занимала на европейском континенте промежуточное положение не только географически, но и по уровню экономического развития. Австро-Венгрия значительно отставала от Западной Европы почти по всем экономическим показателям, но в то же время заметно превосходила страны Восточной и Юго-Восточной Европы. Будучи самым обширным государством Европы по территории (не считая России) и вторым по населению (50 млн., т. е. 15,6% жителей Европы), Австро-Венгрия перед войной давала лишь немногим более 6% индустриальной продукции Европы. По количеству произведенной промышленной

продукции на душу населения она отставала не только от Англии, Франции, Германии, но и от Голландии, Бельгии, Швеции и Дании. О недостаточном уровне индустриализации свидетельствует тот факт, что более половины (56,5%) ее населения было занято в сельском хозяйстве и лишь около 30% в промышленности, транспорте и торговле¹. В этом отношении Австро-Венгрии уступали только балканские государства и Россия.

Необходимо, однако, иметь в виду, что империя Габсбургов была чрезвычайно неоднородна по составу. На разных стадиях экономического развития находились не только обе части монархии, но и территории, входившие в каждую из них. Наряду с высокоразвитыми провинциями — такими, как Чехия, Нижняя Австрия, Триест, которые несколько не уступали индустриальным странам Запада, — в австрийскую часть монархии входили Далмация, Галиция, Буковина, стоявшие на том же уровне развития, как и многие балканские страны. Подобно тому, как монархия в целом, как уже указывалось, занимала промежуточное положение между индустриальным Западом и отсталым аграрным востоком Европы, точно такое же место занимала Венгрия между развитыми и отсталыми провинциями австрийской части империи (Цислейтании).

В предвоенные годы более 60% самостоятельного населения Венгрии было занято в сельском хозяйстве, в Чехии и собственно австрийских провинциях — от 38 до 42%, а в Буковине, Галиции и Далмации — 80 — 85%. Это означает, что темпы индустриализации Венгрии были более высокими, чем некоторых провинций Цислейтании, и более низкими, чем развитых ее провинций. Но если сравнить Венгрию со всей австрийской частью монархии, то этот показатель окажется несколько более благоприятным для Цислейтании, ибо здесь в сельском хозяйстве было занято 53% самостоятельного населения, а в промышленности, транспорте, торговле — 33%².

Значительное фактическое неравенство между двумя формально равноправными государствами монархии видно из того, что Венгрия с 21-миллионным населением давала всего четвертую часть промышленной продукции империи и 1,5% продукции всей Европы. Причем если доля Венгрии в европейском производстве стали и железа составляла 1,5—2%, а в производстве пищевых продуктов даже 4%, то ее роль в выпуске

¹ T. J. Berend, Gy. Ránki. Das Niveau der Industrie Ungarns zu Beginn des 20. Jahrhunderts im Vergleich zu dem Europas.— SH, 51. Bp., 1961, S. 268—272.

² «A Magyar Szent korona Országainak 1910. évi népszámlálása», VI, k., 189. 1.; «Österreichisches Statistisches Handbuch 1915». Wien, 1917, S. 15.

многих других видов индустриальных изделий в общеевропейском масштабе была равна нулю³.

В конце XIX в. Венгрия вступила в завершающий этап промышленного переворота: ручной труд в производстве постепенно заменяется машинным. Несмотря на тормозящее влияние пережитков феодализма, происходит дальнейшее расширение внутреннего рынка, характеризующееся значительным накоплением капиталов, ускорением расслоения крестьянства, быстрым ростом городского населения вообще и наемных рабочих в частности. На рубеже XX в. в Венгрии создались условия для развития крупной фабрично-заводской промышленности. Это выразилось во все более широком проникновении капиталистических отношений в деревню и, в частности, в уменьшении доли населения в сельском хозяйстве (с 70,8% в 1890 г. до 66,5% в 1900 г. и до 60,1% в 1910 г.). Что касается населения, занятого в ремесле и промышленности, то в 1869 г. его общая численность едва достигла 700 тыс., а в 1913 г. она уже составила свыше 1,4 млн. человек⁴.

В отличие от западноевропейских стран в Венгрии развитие тяжелой промышленности (особенно добывающей) предшествовало развитию многих отраслей легкой промышленности (в первую очередь текстильной). В результате относительно быстрой индустриализации в начале XX в. ее структура претерпела некоторые изменения, которые выразились прежде всего в уменьшении удельного веса пищевой промышленности за счет увеличения текстильного производства. С 1898 по 1913 г. удельный вес пищевой промышленности упал с 44,1% до 38,9%; за это же время продукция тяжелой промышленности увеличилась с 39,9% до 41,2%, легкой промышленности — с 16% до 19,9%⁵. Однако даже накануне первой мировой войны 46% всего промышленного производства (в стоимостном выражении) давала пищевая промышленность (в Австрии — только 27%).

Наличие в Австро-Венгрии общей таможи лишало венгерское правительство возможности защитить молодую промышленность заградительными пошлинами от конкуренции более сильной австрийской промышленности. Поэтому оно стремилось восполнить отсутствие самостоятельной таможи предоставлением различных льгот и денежных ссуд венгерским капиталистам. Кроме того, вновь основанные промышленные предприятия освобождались от различных налогов. На государственные субсидии в 900-е годы было основано 198 новых предприятий:

³ *T. I. Berend, Gy. Ránki. Op. cit., S. 274—276.*

⁴ «La situation materielle des classes labourieuses en Hongrie avant la guerre (1890—1913)». Paris, 1913, p. 58.

⁵ *Berend Iván, Ránki György. Magyarország gyáripára az imperializmus első világháború előtti időszakában. Bp., 1955, 295. l.*

34 химических, 37 металлургических и машиностроительных, 45 текстильных, 28 винокуренных и др. После 1907 г. промышленность в среднем ежегодно получала 4,7 млн. крон. На основании закона от 1907 г. было построено 121 новое предприятие и расширены 190 старых⁶. В 1907—1914 гг. промышленность, главным образом текстильная, получила 38 млн. крон субсидий, т. е. в четыре раза больше, чем в 1899—1906 гг. (9 млн. крон). Кроме прямых субсидий, существенными элементами правительственного протекционизма было предоставление некоторым промышленным предприятиям налоговых и тарифных льгот и правительственных заказов. Однако из-за невозможности пользоваться экономическими рычагами (тарифами, пошлинами и т. д.) и сильного влияния аграриев венгерское государство не могло проводить последовательной, эффективной и целеустремленной экономической политики⁷.

Протекционистская политика, проводившаяся венгерским помещичье-буржуазным правительством в интересах капиталистов и землевладельческой аристократии, сопровождалась увеличением налоговых тягот трудящихся, ухудшением условий их жизни, а также усилением капиталистической эксплуатации. Жестокая эксплуатация рабочих, разорение крестьянства и еще более жестокое угнетение и ограбление невенгерских национальностей — таковы главные источники накопления в промышленности Венгрии в конце XIX — начале XX в.

Развитие промышленности происходило не только путем строительства новых фабрик и заводов, но и за счет перестройки и расширения старых предприятий, переоборудования и т. д. За 5 лет (1901—1906) подобной перестройке подверглись 1360 предприятий⁸. Все это происходило в обстановке биржевого ажиотажа и грюндерской горячки.

Венгерская промышленная перепись регистрировала в качестве промышленных предприятий наряду с фабриками и заводами многочисленные кустарные мастерские с двумя-тремя рабочими, рестораны, кафе и т. д. Предприятия, где было занято свыше 20 рабочих, составляли лишь 0,5% всех предприятий, число которых достигало полумиллиона. Вместе с тем показательно, что в этот период численность самостоятельных ремесленников и кустарей почти не увеличивалась: в 1900—1910 гг. она выросла всего на 18%. В то же время традиционные виды ремесла и кустарной промышленности отмирали или же теряли

⁶ *Berend Iván, Ránki György. Op. cit., 49. l.; Sztérényi József, Gadanyi József. A magyar ipar a világháborúban. Bp., 1934, 17—18. l.*

⁷ *E. März. Die Entwicklung des Bankwesens in den letzten Jahrzehnten der Österreichische-Ungarischen Monarchie.— Ff., S. 76.*

⁸ *MGySt, 1906, 47. l.*

свое былое значение. Большая их часть, приспособляясь к потребностям фабрично-заводской индустрии, вынуждена была полностью изменить свой профиль и переоборудовать свои мастерские под ремонтные или обслуживающие предприятия.

Среди всех отраслей обрабатывающей промышленности ведущее место занимало производство пищевых продуктов, к которому относилось 21,41% (868) всех предприятий. Преобладающая роль в этой отрасли принадлежала крупным мельницам, число которых быстро росло в связи с увеличением помола для потребностей экспорта. Второе место среди отраслей промышленности занимали металлургия и машиностроение, где насчитывалось 771 предприятие, т. е. 19%. Много предприятий было также в лесной (653), строительной (643) и текстильной (242) промышленности⁹.

Жажда наживы, охватившая венгерскую буржуазию, нашла отражение в бурном развитии акционерных обществ. Различные промышленные и финансовые акционерные общества в Венгрии 900-х годов росли, как грибы после дождя.

Увеличение числа акционерных обществ сопровождалось еще большим ростом акционерного капитала. В 1906 г. в стране было 470 акционерных обществ с капиталом, превышавшим полмиллиарда крон, и 33 иностранных общества с капиталом в 103 тыс. крон. При этом господствующее положение в акционерной промышленности занимали крупнейшие предприятия, в которые было вложено не менее 1 млн. крон. Небольшие предприятия с капиталом в 100 тыс. крон составляли лишь 17% всех предприятий акционерных обществ¹⁰. Почти треть всех капиталов акционерных обществ была инвестирована в машиностроительной промышленности. Доля акционерных обществ в промышленном производстве в Венгрии была выше, чем в Австрии, что объяснялось не столько высоким уровнем концентрации, сколько слабостью венгерского промышленного капитала¹¹.

Усилившийся в первом десятилетии XX в. процесс концентрации производства вызвал важные изменения в составе рабочего класса Венгрии. Именно в эти годы резко увеличилась доля пролетариата, сосредоточенного в крупной индустрии. В 1900 г. только 43% венгерских рабочих было занято на фабриках и заводах, а в 1910 г.— уже 51%, причем 38% на предприятиях с числом рабочих свыше 500¹². С 1900 по 1914 г.

⁹ MGySt, 38. l.

¹⁰ Ibid., 61. l.

¹¹ J. Křížek. Beitrag zur Geschichte der Entstehung und Einflusses des Finanzkapitals in der Habsburger Monarchie in den Jahren 1900—1914.— FF, S. 18.

¹² Berend Iván, Ránki György. Op. cit., 298. l.

общая численность занятых как в крупной, так и в мелкой промышленности увеличилась на 600 тыс. человек¹³.

Относительно высокая степень концентрации промышленности отражала действие закона неравномерного развития капитализма. В Венгрии, как и в России, крупная промышленность создавалась позже, чем в странах Западной Европы. Несколько крупнейших предприятий с числом рабочих свыше тысячи в силу общего невысокого уровня промышленного развития страны создавали в решающих отраслях индустрии чрезвычайно высокую концентрацию производства.

В 1910 г. число крупных промышленных предприятий, в которых было занято свыше тысячи рабочих, достигло 50; в первую очередь это были машиностроительные и металлургические заводы (20) и горнорудные предприятия (13)¹⁴. Характерной являлась чрезмерная концентрация производства и рабочей силы в Будапеште, где были сосредоточены четвертая часть всех действующих в промышленных предприятиях машин и свыше четверти всех рабочих, хотя население Будапешта составляло лишь 5% населения Венгрии.

Развитие фабрично-заводской промышленности сопровождалось образованием монополий и финансового капитала. Десятки крупнейших предприятий в той или иной мере подчиняли себе, а чаще поглощали сотни и тысячи мелких и средних предприятий. Главной формой монополистических объединений в Венгрии являлись картели. В 80—90-х годах картели в Венгрии были еще слабы, непрочны, легко распадались. Но к концу первого десятилетия нашего века картели становятся всеобщим явлением в экономической жизни страны.

Большую роль в переходе венгерского капитализма в монополистическую стадию сыграл кризис, разразившийся в Европе в 1900—1903 гг. Падение производства в годы кризиса в Венгрии было более резким, чем в развитых капиталистических странах. Кризис коснулся прежде всего металлургической и машиностроительной промышленности: производство железа упало на 20%, стали — на 17%. Особенно чувствительным для металлургии и машиностроения было резкое сокращение железнодорожного строительства¹⁵. Кризис значительно ускорил процесс образования монополий. Большинство из 26 венгерских и 56 смешанных австро-венгерских картелей возникли именно в годы кризиса.

В условиях отсталой страны обремененной феодальными пережитками, отдельные районы которой только вступали на

¹³ Lackó Miklós. A munkásságunk összetételének alakulása, 1867—1949. Bp., 1961, 71. l.

¹⁴ Ibid., 72. l.

¹⁵ MStE, 1900, 1906.

путь капиталистической индустриализации, функции и типы монополистических объединений были несколько иными, чем в развитых империалистических государствах Запада. В Австро-Венгрии не получили распространения такие формы монополий, как тресты и концерны. Деятельность примитивных по типу австро-венгерских и венгерских картелей распространялась прежде всего не на сферу производства, а на сферы сбыта, обмена и реализации промышленной продукции. Картельные соглашения возникали главным образом для раздела рынков, установления сбыточных цен и определения, вернее, ограничения контингентов товаров.

К 1909 г. в монархии насчитывалось 120 австрийских, венгерских и смешанных картелей, большинство которых было создано в 1904—1909 гг.¹⁶ Накануне войны их число превысило 200 (венгерских — 80)¹⁷, многие из них функционировали в обеих частях империи. Кроме того, на территории монархии к 1913 г. действовало еще 18 иностранных монополий, в основном германские.

Картелирование происходило прежде всего в таких решающих отраслях промышленности, как металлургия, машиностроение, горнорудная и энерготехническая промышленность, т. е. там, где требовались большие инвестиции и где концентрация была всего выше. Одна из ключевых отраслей экономики — металлургическая промышленность была почти на 100% картелирована. Господствующую роль в ней играл железный картель. Входящему в него концерну «Римамурань» удалось сосредоточить в своих руках в годы кризиса более половины производства железа в стране. В целях поддержания цен на высоком уровне картель после 1911 г. ограничил выплавку чугуна, стали и добычу руды¹⁸. Пользуясь своим монопольным положением, картель сбывал внутри страны железо в 2 раза дороже, чем оно стоило в Германии. Картель исключал всякую возможность создания новых металлургических предприятий на территории Венгрии. Без его санкции ни один завод не мог получить ни угля, ни руды. Своим всемогуществом не в малой мере картель был обязан тарифной политике Австро-Венгрии. Из-за высоких импортных пошлин на железо ни один новый завод не мог без риска разорения рассчитывать на получение сырья из-за границы. Такое же положение существовало и в других ведущих отраслях производства. Поэтому «картельные организации,—

¹⁶ *J. Allmayer-Beck. Materialien zum Österreichischen Kartellwesen. Wien, 1910, S. 4.*

¹⁷ *Fr. Hertz. Die Produktionsgrundlagen der Österreichischen Industrie vor und nach dem Kriege, insbesondere im Vergleich mit Deutschland. Wien—Berlin, s. a, S. 74.*

¹⁸ *J. Křížek. Op. cit., S. 34.*

писал в 1912 г. известный венгерский экономист Е. Варга,— тормозят промышленное развитие, они становятся оковами индустриального роста»¹⁹.

В угольной промышленности господствовали два крупнейших монополистических объединения. Первое из них — «Дунайская пароходная компания» — владело большинством шахт Печеского бассейна, а второму — «Обществу австрийских государственных железных дорог» принадлежали многочисленные шахты в Южной Трансильвании²⁰. Это были монополии комбинированного типа.

В развивающуюся с начала XX в. наиболее молодую отрасль промышленности — электротехническую — входили десять акционерных обществ с капиталом 28 млн. крон. Крупнейшие из них — «Венгерское электротехническое акционерное общество» и электротехническое акционерное общество «Ганц» обладали основным капиталом в 8 млн. крон каждое. Продукция заводов «Ганц» пользовалась европейской известностью; она экспортировалась в Австрию, Италию, Турцию и другие страны.

Одним из важных моментов, характеризующих наступление в Венгрии монополистической стадии капитализма, явилось изменение роли банков.

Начало XX в. в Венгрии было отмечено бурным ростом всякого рода финансовых учреждений, причем этот рост шел как по линии увеличения их основного и резервного капитала, так и учреждения новых банков, сберегательных касс, кредитных товариществ и т. д. Во время кризиса 1900—1903 гг. создание новых банков, кредитных товариществ и т. д. происходило особенно лихорадочно. Только в 1904 г. возникло 13 банков, 28 сберегательных касс²¹. Число денежно-кредитных учреждений выросло с 1685 в 1900 г. до 5 тыс. в 1914 г. Еще более внушительным был рост их финансовой мощи: за 13 лет их капитал увеличился более чем в 4 раза (2833 млн. крон в 1900 г. и 13 млрд. крон в 1913 г.)²². Пяти крупнейшим монополистическим банкам принадлежало более половины капитала всех кредитных учреждений.

Процесс концентрации и централизации банковского капитала происходил также путем создания густой сети филиалов и дочерних предприятий, аккумулирующих все капиталы и денежные доходы. В 1900 г. пять крупнейших будапештских банков имели 19 дочерних и филиальных предприятий, а в 1912 г. — уже 133 предприятия, которые находились от них в

¹⁹ E. Varga. Die kapitalistische Entwicklung Ungarns und ihre Hindernisse.— «Die Neue Zeit», 1915, I, Bd. 6, S. 174.

²⁰ Babics András. A pécsvidéki kőszénbányászát története. Bp., 1954, 33, 1.

²¹ STE, 1913, 213. 1.

²² Hanák Péter. A monarchia alkonya 1890—1918.— M Tört II, 170. 1.

той или иной степени зависимости²³. Эти пять банков контролировали 60% капиталов, вложенных в промышленность.

Одновременно с усилением банковского капитала значительно повысилась роль сберегательных касс. Сберегательные кассы, вовлекая в свои операции широчайшие слои мелкой буржуазии самых отделенных частей страны, постепенно присваивали себе функции банков и конкурировали с ними. Число сберегательных касс в Венгрии поднялось с 637 в 1900 г. до 774 в 1906 г.²⁴ Концентрация банков в свою очередь оказывала решающее влияние на изменение взаимоотношений между банковским и промышленным капиталом.

В начале XX в. крупные венгерские банки держали в своих руках 225 промышленных акционерных обществ с капиталом в 711 млн. крон²⁵. Ведущие банковские группы контролировали более 200 крупных промышленных предприятий, капитал которых составлял 47% всех промышленных акционерных капиталов²⁶. Один из наиболее крупных венгерских банков — «Всеобщий кредитный банк» — благодаря сращиванию с промышленными предприятиями играл важнейшую роль в экономической жизни страны. В орбиту этого финансового гиганта входили вагоно-машино-судостроительные заводы «Ганца», угольные шахты и другие. Банк контролировал 63 промышленных предприятия с капиталом в 233 млн. крон²⁷.

«Коммерческому банку» было подчинено 59 промышленных предприятий с общей суммой капитала в 243,09 млн. крон²⁸. На огромное политическое влияние банка указывает то обстоятельство, что в его делах были прямо заинтересованы 24 члена палаты депутатов, 9 членов верхней палаты парламента — палаты магнатов, 13 политических деятелей²⁹. Одна из крупнейших буржуазных газет тогдашней Венгрии «Пестер Ллойд», отражавшая взгляды наиболее консервативной части венгерских господствующих классов, находилась под влиянием «Коммерческого банка». Главный редактор газеты Ж. Зингер был очень тесно связан с банком³⁰. В правление «Коммерческого банка» входил также Иштван Тиса, глава либеральной партии, позднее — партии национального труда. Семья крупнейших магнатов гра-

²³ *Sándor Vilmos. Nagyipari fejlődés Magyarországon 1867—1900. Bp., 1954; Berend Iván, Ránki György. Op. cit., 65. l.*

²⁴ *MStE, XV, 296. l.*

²⁵ *Berend Iván, Ránki György. Op. cit., 155. l.*

²⁶ *Berend Iván, Ránki György. A monopolkapitalizmus alaptörvénye.— TKT, 148. l.*

²⁷ *Berend Iván, Ránki György. Magyarország gyáripára. 132. l.*

²⁸ *Varga Jenő. A magyar kartellek. Bp., 1912, 81. l.*

²⁹ *Ibidem.*

³⁰ *Pach Zsigmond Pál. Magyar gazdaságtörténet. 1848—1900. Bp., 1957, 51. l.*

фов Андраши принадлежала к числу влиятельных акционеров концерна «Римаурань».

О том, насколько выросло политическое влияние «Коммерческого банка», свидетельствует и тот факт, что сербский премьер Пашич избрал его в 1906 г. посредником в переговорах по заключению соглашения между Сербией и Австро-Венгрией. Чтобы склонить к этому соглашению министра иностранных дел монархии, Пашич через белградский филиал банка обратился к венгерскому премьеру Векерле³¹. Крупнейшие представители финансового капитала Лео Ланци, Ференц Хорин, Ульман и др. заседали в палате магнатов.

После 1907 г. в монархии сложились три самостоятельные, хотя и тесно связанные друг с другом группы финансового капитала: австрийская, чешская и венгерская³². Обострившаяся конкурентная борьба за увеличение прибыли от эксплуатации трудящихся Венгрии внешне часто принимала формы национального конфликта между «правлящей» Веной и «провинциальным» Будапештом³³.

Венгерский финансовый капитал был тесно связан с австрийским и немецким. Так, «Кредитный банк» был учрежден венской банковской группой Ротшильда. «Коммерческий банк» действовал совместно с венским банковым объединением. Около 40% акций крупнейших венгерских банков принадлежало Австрии. Венгрия не имела самостоятельного эмиссионного банка. Основным проводником влияния австрийской финансовой олигархии в Венгрии был «Австро-венгерский банк». В 1911 г. около 30% акций промышленных объединений и 55% выпускаемых венгерскими кредитными учреждениями ценных бумаг и векселей принадлежали иностранцам. Иностранный, в особенности австрийский, капитал настолько глубоко проник в экономику страны, настолько тесно переплелся с венгерским, что подчас очень трудно установить «национальную» принадлежность того или иного предприятия.

С начала XX в. в связи с тем, что главные империалистические державы все больше переходили от экспорта товаров к экспорту капиталов, усилился приток капиталов и в Венгрию. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что и венгерская буржуазия с большей благосклонностью относилась к импорту капиталов, чем товаров. Участие в импорте иностранного капитала в Венгрию сулило ей большие прибыли. Авторитетная организация промышленников «Венгерский союз заводчиков» в меморандуме, представленном правительству в связи с перегово-

³¹ *Hegedüs Lóránd*. A Pesti Magyar Kereskedelmi Bank története, II. k. Bp., 1917, 235. l.

³² *J. Křížek*. Op. cit., S. 39.

³³ *Ibid.*, S. 27. l.

рами о заключении нового экономического соглашения с Австрией в 1906 г., официально заявила, что не возражает против основания в Венгрии австрийскими предприятиями своих дочерних предприятий³⁴. Проводившаяся венгерским правительством протекционистская политика также усиливала стремление иностранных монополий проникнуть в венгерскую промышленность. Немалая доля субсидий, предусмотренных законами от 1899 и 1907 гг., попала в карманы иностранных и особенно австрийских монополистов³⁵.

Причина резкого усиления притока австрийских капиталов в венгерскую промышленность в начале XX в. заключалась в том, что в результате политического кризиса возникла угроза потери австрийским империализмом традиционного венгерского рынка. Основанием новых предприятий в Венгрии австрийский финансовый капитал хотел обеспечить максимальные прибыли и на случай создания самостоятельной венгерской таможни. Многие австрийские капиталисты даже не считали нужным скрывать это³⁶.

Проникновение иностранного капитала происходило двумя путями: непосредственно и косвенно, через посредство венгерских банков. В 80—90-е годы наиболее характерен второй путь. Таким образом, одновременно шел процесс обогащения венгерской крупной буржуазии, усиление ее финансовой и экономической мощи. В конце 70 — начале 80-х годов австрийские банки действуют в союзе с французскими, а с конца 80-х годов все больше с германскими. Если после 1867 г. иностранный капитал основывал новые банки, то теперь он расширял и укреплял существующие.

Приток капиталов происходил под знаком монополизации отдельных отраслей кредитного дела. «Кредитный банк», основанный группой Ротшильда, помимо финансирования железнодорожного строительства, занимался операциями по заключению государственных займов. Он стал «банкиром венгерского государства». Банковские монополии, в соответствии с руководящей ролью крупных помещиков, действовали часто в их интересах. Этим и объясняется то, что банки интересовались главным образом государственным и ипотечными займами, железнодорожным строительством и в меньшей степени развитием крупной промышленности. Процесс образования банковских монополий происходил быстрее и раньше, чем концентрация производства, он явился предпосылкой и условием появления монополии.

³⁴ OL, PM, 1906—24.

³⁵ R. Keller. Die Industrieförderung in Ungarn. Praga, 1906, S. 13, 97.

³⁶ W. Offergeld. Die Grundlagen und Ursachen der industriellen Entwicklung Ungarns. Jena, 1913, S. 175.

Зависимость страны от иностранного капитала яснее всего показывает «географическое» размещение государственного долга. В 1905 г. менее 40% венгерского государственного долга приходилось на Венгрию. Интересно отметить, что если в 90-е годы доля Австрии в венгерском государственном долге составляла 35%, а Германии — 20%, то уже в 1905 г. доля Австрии равнялась 20,86%, а Германии — 30,46%³⁷.

Германский капитал постепенно вытеснял из Венгрии австрийский. Особенно сильно было влияние германского капитала в железнодорожном транспорте. Довольно интенсивно проникал немецкий капитал в горнорудную, машиностроительную, электротехническую и другие отрасли венгерской промышленности.

Парадоксально, что страна, страдавшая прежде всего от недостатка капитала, находила «излишки» для его вывоза. Венгерский финансовый капитал участвовал в таких выгодных операциях за границей, как государственные займы, «оздоровительные операции», выпуск фондовых бумаг и т. д. Так, уже упомянутый «Кредитный банк» был занят в эмиссии прусских государственных ценных бумаг, в учреждении так называемого «Венгеро-американского банка», в займе на сумму в 80 млн. крон Владикавказской железной дороге, в финансировании румынской лесопромышленной компании, в учреждении боснийского и болгарского банков и т. д. Пештский «Коммерческий банк» участвовал в займе боснийскому правительству, в «санации» «Аграрного банка» в Боснии и Герцеговине, в займе болгарскому правительству и т. д. «Венгерское банковское и торговое акционерное общество» основало в Болгарии дочернее предприятие и участвовало в эмиссии ценных бумаг Миссури-Оклахомской железнодорожной компании, в «оздоровлении» основного капитала «Коммерческого банка Либерии» и т. д.

Своеобразие венгерского финансового капитала заключалось в том, что он проявлял склонность к внешней экономической экспансии, в то время как целые отрасли экономики и обширные отсталые территории в собственной стране испытывали острейшую нужду в инвестициях. Подтверждалось замечательное высказывание В. И. Ленина о том, что «пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем ввоза за границу, в отсталые страны»³⁸.

Однако экспорт капитала далеко отставал от импорта иностранного капитала в Венгрию. Так, в 1905 г. сумма иностран-

³⁷ *Fellner Frigyes. A Nemzetközi fizetési mérleg és alakulása Magyarországon. Bp., 1908, 63. l.*

³⁸ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 360.*

ного капитала в Венгрии равнялась 6,2 млрд. крон, а венгерского экспорта капитала за границу — 92 млн. крон³⁹. В предшествовавшие первой мировой войне десятилетия ежегодно из страны уходило в виде дивидендов и процентов свыше 1 млрд. крон, что составляло 7% национального дохода⁴⁰.

В начале XX в., особенно в 1906—1912 гг., Венгрия переживала период бурного промышленного подъема. Прирост продукции составлял ежегодно (1898—1913 гг.) 4—5%, т. е. темпы роста превышали европейский уровень⁴¹. Таких темпов развития капиталистическая Венгрия не знала за всю историю своего существования не только до первой мировой войны, но и после нее, вплоть до освобождения страны. По уровню промышленного развития она вплотную приблизилась к таким странам, как Италия и Испания. Темпы прироста производства некоторых отраслей венгерской промышленности (горнорудной, металлургии, пищевой) были выше, чем в развитых странах Европы, хотя производство на душу населения было в 2—3 раза ниже, чем в этих странах. Резкое увеличение потребления электроэнергии (в 6 раз за 1898—1913 гг.) и повсеместный переход в сталелитейной промышленности к мартеновскому способу свидетельствовали о значительном прогрессе техники производства. Технический уровень венгерской промышленности был достаточно высок для того, чтобы наладить выпуск сложных видов продукции и даже создавать новые отрасли. В 1905 г. была построена паровая турбина и первый легковой автомобиль (конструкции Иштвана Чонка), спустя три года начался серийный их выпуск, а в 1912 г. выпуск отечественных грузовиков. Незадолго до начала войны появился первый самолет венгерской конструкции.

В предвоенные годы, особенно после 1906 г., ускорилось экономическое развитие населенных немадьярами областей, все более интенсивно втягивавшихся в товарно-денежный общеимперский оборот. Новые промышленные предприятия, банки и сберегательные кассы росли в эти годы в Банате, Бачке, в южной Трансильвании быстрее, чем в Словакии, северо-западная часть которой издавна была центром металлургии, а также лесной, бумажной, кожевенной и текстильной промышленности. Меньше всего эти процессы коснулись северо-восточной Словакии и северо-западной Трансильвании, а также Закарпатья, по-прежнему оставшимися наиболее отсталыми аграрными территориями Венгрии.

³⁹ *Fellner Frigyes*. Op. cit., 53. 1.

⁴⁰ *P. Hanák*. Skizzen über die ungarische Gesellschaft am Anfang des 20. Jahrhunderts. Bp., 1963. S. 7.

⁴¹ *I. Berend, Gy. Ránki*. Das Niveau der Industrie Ungarns zu dem Europas.— SH, 51. Bp., 1961, S. 275.

Во всех национальных областях господствующую роль играли венгерские и австро-венгерские монополии. Деятельность буржуазии национальностей была сужена и ограничивалась в основном сферой кредитно-денежных учреждений небольшого калибра, а накопленный капитал вкладывался в мелкие и средние промышленные предприятия. Значительно ббльшую роль он играл в кредитовании торговли, в предоставлении ипотечного займа кулацким и среднекрестьянским хозяйствам, в скупке и перепродаже земель разорвавшихся венгерских помещиков.

Ускоренная индустриализация Венгрии в 900-х годах обусловила крупные сдвиги в структуре пролетарских и полупролетарских слоев ее населения. Наиболее ярким социальным выражением процесса создания крупной машинной индустрии было образование крупнопромышленного рабочего класса. Высокая степень концентрации фабрично-заводского пролетариата и быстрые темпы численного роста обеспечили ему доминирующее положение по отношению к остальным слоям рабочих. Уже к 1910 г. в фабрично-заводской промышленности было занято рабочих больше (464 тыс.), чем в мелких и средних предприятиях (от 5 до 20 рабочих), которые насчитывали 439 тыс. И в 1910 г. в количественном отношении на первом месте все еще удерживались самостоятельные ремесленники (476 тыс.), но их удельный вес неуклонно падал: с 1900 по 1910 г. их численность выросла всего на 18%, в то время как число рабочих мелких и средних предприятий увеличилось на 45%, а крупнопромышленного пролетариата — на 65%⁴².

Вместе с тем наличие довольно многочисленного слоя ремесленников и кустарей накладывало отпечаток на общественную структуру той части венгерского населения, которая была занята в промышленности. Несмотря на значительный рост пролетариата, в 1910 г. на одного предпринимателя в Венгрии приходилось всего 2 рабочих. Такое соотношение красноречиво свидетельствовало об отсталости промышленного развития страны.

Таким образом, неоднородный по составу пролетариат Венгрии сочетал в себе сплоченный отряд фабрично-заводских рабочих, с одной стороны, и многочисленную разобщенную массу ремесленников, кустарей и рабочих мелких предприятий — с другой. Эти два слоя рабочих объединяли эксплуатация, бесправие и гнет. Но их роль в общественной и политической жизни была неодинаковой. Различной была не только роль этих слоев в общественном производстве, но и жизненный уровень, а подчас привычки, образ жизни, психология, мечты и устрем-

⁴² *Berend Iván, Ránki György. Magyarország gyáripára. 72, 298. 1.; Lackó Miklós. Op. cit., 70. 1.*

ления. Все это в конечном счете определяло характер и степень их участия в классовой борьбе и в организованном рабочем движении.

Крупнопромышленный пролетариат был сосредоточен главным образом в машиностроении, металлургии и горнорудном деле. Его постоянное ядро составляли квалифицированные рабочие. Они же задавали тон в политических и экономических организациях пролетариата. Характерно, что ряды квалифицированных рабочих пополнялись главным образом за счет ремесленников и кустарей⁴³. Крестьяне, порывавшие с сельским хозяйством, как правило, находили работу в мелких предприятиях провинции: на строительстве, в пекарнях, мельницах, лесопильнях, бойнях, в мастерских по изготовлению одежды, на кирпичных, сахарных, вино-водочных заводах и т. д. Сезонный характер работы многих перечисленных предприятий был причиной того, что часть этих крестьян не сразу и далеко не окончательно связала свою судьбу с городом. Текучесть рабочей силы, частые ее перемещения из деревни в город и обратно, а также из одной отрасли в другую серьезно затрудняли их организацию.

Одним из характерных явлений, сопутствовавших предвоенной индустриализации, было массовое применение в промышленности дешевого труда женщин и детей. В течение первого десятилетия XX в. число женщин, занятых на текстильных и бумажных фабриках, в портновских мастерских и других предприятиях, удвоилось, перевалив за сто тыс., а число детей до 16—17 лет возросло почти на 16%. Дети этого возраста составляли свыше 20% рабочей силы предприятий строительных материалов, почти 29% бумажной промышленности и 37,5% текстильной⁴⁴.

Происходившие в 900-е годы структурные сдвиги коснулись и национального состава рабочего класса Венгрии. Усилился удельный вес мадьярского элемента в промышленном населении многонациональной страны. Если в начале века мадьяры составляли 57% всех рабочих, то в 1910 г.— уже свыше 63%. За это же время доля немцев упала с 20% до 15,5%, а словаков с 12% до 10%; некоторое увеличение числа румынских рабочих (с 4,2% до 4,9%) было связано с развитием промышленности в Трансильвании, но это не меняло общей картины. Несмотря на относительное падение удельного веса словацких и немецких рабочих, они продолжали играть важную роль в промышленности, особенно, если иметь в виду, что словаки и нем-

⁴³ *Lackó Miklós*. Op. cit., 74—83. l.

⁴⁴ *Kunfi Zsigmond*. Gyermekmunka.— «Szocializmus», 1908—1909, 515—518; *Berend Iván, Ránki György*. Op. cit., 304. l.

цы составляли лишь 20% населения Венгрии. Довольно значительным было число немецких и словацких рабочих в крупной фабрично-заводской промышленности, на шахтах и рудниках.

Заметным был процесс падения на рынках труда доли иностранной рабочей силы, которая вплоть до последнего десятилетия прошлого века играла в венгерской промышленности ведущую роль. Это объяснялось двумя причинами: почти полным прекращением притока новых рабочих из-за границы и ассимиляцией значительной части ранее поселившихся в Венгрии иностранных рабочих. С начала века до 1910 г. их доля среди заводских рабочих упала с 10—12% до 5—6%⁴⁵. В крупнейшем индустриальном центре страны, в Будапештском районе, в результате увеличения численности мадьярского по национальности пролетариата и соответственного уменьшения доли иностранных рабочих, а также рабочих немадьярской национальности промышленное население столицы стало более однородным. Накануне первой мировой войны 80% рабочих Будапешта и его промышленных окраин составляли мадьяры.

На фоне ускорившегося в начале XX в. промышленного развития особенно разительным и нетерпимым было общее отставание сельского хозяйства и застой в аграрных отношениях. Феодальное землевладение продолжало оставаться сильнейшим тормозом на пути развития сельскохозяйственного производства. «Четыре тысячи венгерских магнатов имеют свыше 1000 десятин каждый, и все — почти *треть* земли. Как видите, это уже недалеко до «матушки России», — писал В. И. Ленин⁴⁶.

Владения крупнейшего венгерского магната князя Эстерхази охватывали огромное пространство земли в 516 тыс. хольдов, граф Э. Шёнборн имел в Венгрии 895 тыс. хольдов земли, эрцгерцог Фридрих — 155 тыс.; королевская семья 87 тыс. (помимо 100 тыс. хольдов в Австрии и Чехии)⁴⁷. Двенадцать титулованных особ венгерской знати владели каждый от 20 тыс. до 241 тыс. хольдов⁴⁸. Чаще всего это были плодороднейшие земли. Такова была экономическая основа всемогущей феодальной аристократии в Венгрии.

В. И. Ленин, говоря о восточноевропейских странах (Австрия, Россия, Балканы), в 1912 г. подчеркивал, что в этих странах сохранились сильные пережитки феодализма⁴⁹. Именно вследствие существования этих пережитков Венгрии пришлось испытать тяжелый и длительный процесс перехода от старых,

⁴⁵ Lackó Miklos. Op. cit., 75—77, 96—98. 1.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 378.

⁴⁷ T. Kolossa. Statistische Untersuchung der sozialen Struktur der Agrarbevölkerung in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie.— AFÖ, S. 102—103.

⁴⁸ G. Jaray. La question sociale et socialisme en Hongrie. Paris, 1909.

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 155.

феодално-крепостнических к новым, капиталистическим производственным отношениям.

Отсталые отношения собственности находились в противоречии с ходом капиталистического развития. Крупные помещики в поисках необходимых денежных средств все чаще обращались к банковскому капиталу. Поэтому влияние банков в сельском хозяйстве усилилось; банки и капиталистические предприниматели скупали или брали в аренду земли крупных помещиков⁵⁰. Иногда они арендовали целые латифундии. Так происходило сплетение крепостнического землевладения с банковским капиталом. Феодално-крепостнические поместья превращались в крупные капиталистические предприятия и становились прочной опорой австро-венгерского империализма в Венгрии.

Мелкая земельная собственность, по самой своей природе исключая быстрое развитие производительных сил, применение достижений агротехники, становилась добычей крупных капиталистических хозяйств. На это указывает прежде всего увеличение продажи земельной собственности с аукциона. Так, в 1901—1903 гг. среднее число проданных с молотка земельных владений превышало 18 тыс.⁵¹ С 1870 по 1900 г. ежегодно шло с молотка 3500 хозяйств⁵². В 900-х годах 61% крестьянских хозяйств было обременено долгами на $\frac{1}{3}$ их стоимости, а 28% — полностью⁵³.

Тенденция поглощения мелких хозяйств более крупными проявляется также в распределении земли по отдельным категориям владений.

Как уже указывалось, характерной особенностью аграрных отношений в Венгрии являлось господство крупного помещичьего хозяйства. 13 360 помещичьих владений, составлявших 1,2% всех хозяйств, имели свыше 15 млн. хольдов земли, или почти половину обрабатываемой площади. Тон среди них задавали 1044 подлинных властителей Венгрии, каждому из которых принадлежало не меньше, чем 2 тыс. хольдов.

Бедняцкие хозяйства размером менее 10 хольдов, составлявшие свыше 72% всех хозяйств, располагали менее 5,5 млн. хольдов (15%). В то же время в крестьянских хозяйствах размером от 10 до 200 хольдов было 42,31% земли. Эта категория включала и середняков и крупные кулацкие хозяйства, последние составляли примерно 6,2% хозяйств и владели 27% земли⁵⁴.

⁵⁰ *J. Puskás*. Die Kapitalistische Grosspachten in Ungarn am Ende des XIX. Jahrhundert.— «Studien zur Geschichte», S. 196—198.

⁵¹ *Szuhalý Miklós*. A parasztság felbomlásának egyes kérdései Magyarországon.— TKT, 275. l.

⁵² *J. Mailath*. Studien über die Landarbeiterfrage in Ungarn. Bp., 1905.

⁵³ *Király István*. A parasztság felbomlásának néhány kérdése a XX. század elején.— Sz, 1952, N 2, 458. l.

⁵⁴ MStK, XXIV/1, 34. l.

Бедняцкие хозяйства были значительно хуже обеспечены скотом, чем кулацкие и помещичьи. Карликовые владения до 5 хольдов, составлявшие 56% всех хозяйств, имели в своем распоряжении 15,5% лошадей и 14,5% крупного рогатого скота. В то же время 1800 крупнейших венгерских помещиков концентрировали в своих руках около 13% поголовья крупного рогатого скота⁵⁵. Чем меньше было хозяйство венгерского крестьянина, тем хуже оно было снабжено инвентарем.

Крайне скудное оснащение мелкокрестьянских и карликовых хозяйств сельскохозяйственными машинами и наличие у них громадного количества примитивных деревянных орудий, требующих больших затрат непроизводительного труда, было следствием прежде всего сохранения сильнейших остатков крепостнической системы. В. И. Ленин указывал в статье «Железо в крестьянском хозяйстве», что «из 2,8 миллионов хозяйств *полтора* миллиона батрацких (или пролетарских) хозяйств (до 5 йохов, т. е. до 2,85 десятин), а также *один миллион* мелкокрестьянских хозяйств (до 20 йохов, т. е. до 11 десятин) осуждены довольствоваться *деревянными* изделиями»⁵⁶.

В другой статье «Капиталистический строй современного земледелия» В. И. Ленин подчеркивал, что «только у хозяйств свыше 100 йохов (таких хозяйств только 25 тыс. = 0,9% всего числа!) *преобладают* орудия более усовершенствованные»⁵⁷.

В крестьянских хозяйствах (меньше 5 хольдов) один плуг приходится на 6,3 двора, в хозяйствах же от 100 до 200 хольдов — 3,28 плугов. На шесть карликовых хозяйств приходился один плуг, а каждый из зажиточных крестьян (от 50 до 100 хольдов) владел в среднем двумя плугами на одно хозяйство. В кулацких хозяйствах (до 200 хольдов) было сосредоточено 80,4% всех сеялок и 44,3% уборочных машин⁵⁸.

Говоря об употреблении в Венгрии сельскохозяйственных машин и орудий, Ленин делает весьма важные для понимания социально-экономического положения различных групп крестьян выводы:

1. Свыше миллиона мелких и средних хозяйств не только не имеют усовершенствованных орудий и современных сельскохозяйственных машин, но даже недостаточно обеспечены примитивными орудиями.

2. Крупные крестьянские хозяйства обеспечены ими сносно.

3. Вполне удовлетворительно обеспечены усовершенствованными орудиями только 25 тыс. капиталистических хозяйств,

⁵⁵ ММSt, IV. 162. I.

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 378. (1 йох равен 1 хольду).

⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 342.

⁵⁸ МStK, XXIV, 74—75. I.

имеющих в своем распоряжении 55% всех возделываемых земель страны.

Ленин приходит к выводу, что «совершенно неудовлетворительно обеспеченные всеми земледельческими орудиями, пролетарские и крестьянские хозяйства имеют их (плугов, борон, телег. — Т. И.) непомерно много по сравнению со всем количеством пахотной земли в их хозяйствах»⁵⁹. Нищенская обеспеченность орудиями и невыносимая дороговизна содержания их — таков удел мелкого земледелия при капитализме.

В крупнейших помещичьих хозяйствах наряду с применением в больших размерах труда батраков и поденщиков широко использовался также труд середняка с собственными орудиями — в форме аренды, польщины и т. п. Эти кабальные формы эксплуатации среднего крестьянского хозяйства помещичьим землевладением задерживали процесс расслоения крестьянства.

Отработочная система чаще встречалась в отсталых районах Северной и Северо-Восточной Венгрии, в Восточной Словакии и в Трансильвании, за исключением Баната и населенной саксонцами территории. Чаще всего она применялась во владениях средних помещиков, недостаточно обеспеченных сельскохозяйственными машинами и капиталами. Из-за неразвитости капиталистических отношений и недостаточной дифференциации крестьянства в этих районах существовал довольно многочисленный слой мелких собственников при почти полном отсутствии совершенно безземельного пролетариата.

Крестьяне—владельцы неплодородных участков земли до 5 и даже до 10 хольдов, на которых велось экстенсивное малорентабельное хозяйство, вынуждены были обрабатывать собственными орудиями и инвентарем помещичьи земли за половину собранного урожая⁶⁰.

Почти всегда в таких случаях отработочная система сопровождалась дополнительными, не предусмотренными в договорах и неоплачиваемыми услугами, которые крестьянин оказывал помещику. Все это сильно напоминало давно, казалось бы, отмененные феодальные повинности. Наряду с латифундиями отработочная система являлась прямым пережитком феодализма. Она обуславливала застой в общественно-экономических отношениях, препятствовала развитию внутреннего рынка и товарно-денежных отношений, прикрепляла мелкого производителя к земле, задерживала переход к наемному труду в земледелии и в конечном счете тормозила развитие производительных сил.

С введением машин труд середняков все в больших масштабах начал заменяться наемным трудом лишенных земли и ору-

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 342—343.

⁶⁰ Szuhay Miklós Op. cit.—ТКТ, 260—262. 1.

дий труда сельскохозяйственных рабочих. Постоянной наемной рабочей силой пользовались в основном средние и крупные помещики. В крупнопомещичьих хозяйствах было занято около 30% сельских рабочих. Основная масса постоянных сельскохозяйственных рабочих была сосредоточена в капиталистически развитых областях страны, где велось интенсивное хозяйство и где наряду с кулачеством сложился многочисленный аграрный пролетариат. Это относится прежде всего к Задунайской области, Центральной равнине (Алфёльд) и южным районам, включая Воеводину, Бачку и Западный Банат. В Задунайской области на 100 хозяйств (от 50 до 100 хольдов) в среднем приходилось 112 рабочих, и на то же число хозяйств (свыше 100 хольдов) — 2679 рабочих, а в отсталой Трансильвании, где преобладали мелкое крестьянство и аграрный пролетариат, соответственно — 53 и 541 рабочих⁶¹. Многочисленные бедные крестьяне восточных и северо-восточных районов (включая Восточную Словакию и Закарпатскую Украину) нанимались к помещикам Алфёльда и Задунайской области на время уборки урожая, работали на лесоразработках у себя на родине.

Довольно широко использовался наемный труд и в хозяйстве кулаков. В кулацких хозяйствах, владевших от 50 до 100 хольдов, на каждые 100 хозяйств приходилось 90 батраков, а в крупнейших кулацких хозяйствах от 100 до 200 хольдов — 220 батраков. Наемный труд использовался и в середняцких хозяйствах.

Венгерские латифундии являли собой воплощение уродливого сочетания новейших капиталистических методов хозяйства с самыми отсталыми пережитками средневековой феодальной эксплуатации. «В Венгрии существуют крупнейшие латифундии, в Венгрии на больших участках ведется полуфеодалное хозяйство», — писал Ленин⁶².

Худшими пережитками феодализма в аграрных отношениях страны были так называемые «неотчуждаемые владения», «владения мертвой руки». По данным венгерской статистики, указанная группа владений, важнейшее место среди которых занимали так называемые «фидеи комиссы», вместе с государственными и церковными владениями составляла 33,5% всей земельной площади, 63% всех лесных массивов, 36% пастбищ и 10% пахотной земли⁶³. Изъятие значительной части земельных фондов страны из обращения тормозило развитие капиталистических отношений. Аграрный вопрос, по выражению В. И. Ленина,

⁶¹ J. Kolossa. Statistische Untersuchung der sozialen Struktur der Agrarbevölkerung in den Ländern der Österreichisch-Ungarischen Monarchie (um 1900). — «Die Agrarfrage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. 1900—1918». Bukarest, 1965, S. 164—165.

⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 252.

⁶³ ММSt, IV, 47. 1.

«есть вопрос об устранении остатков крепостничества, сделавшихся невыносимой помехой капиталистическому развитию»⁶⁴.

Процесс разложения венгерского крестьянства, выделения из него деревенской буржуазии и деревенского пролетариата — сельскохозяйственных рабочих и владельцев «карликовых хозяйств» еще более ускорился в 900-е годы. Усиливающееся разорение крестьян, образование громадной армии сельскохозяйственных рабочих и массовая эмиграция сельского населения за океан — таковы главные показатели растущего расслоения венгерского крестьянства.

Аграрный пролетариат в начале XX в. составлял более четверти всего населения (39%). Преобладающей его частью (73,27%) были безземельные рабочие, поденщики, кочевавшие из одной области в другую в поисках работы и заработка. Это был самый революционный и самый восприимчивый к социалистическим идеям элемент крестьянской Венгрии. Ни в одной части монархии Габсбургов не было такого многочисленного и полностью пролетаризированного социального слоя деревни⁶⁵. Более половины (почти 53%) аграрного пролетариата страны было сосредоточено в центральных, заселенных мадьярами, областях страны (Алфёльд). Далее следовали южные, населенные частично сербами районы, а также Задунайская область. Меньше всего аграрного пролетариата было в Трансильвании, что свидетельствовало о низком уровне ее капиталистического развития. Более 47% аграрного пролетариата составляли мадьяры, 36,7% сербы, 35,2% словаки, 32,1% немцы и 29,6% — румыны⁶⁶.

Капиталистическое развитие Венгрии, как видно из изложенного выше, шло по прусскому пути. Помещичьи хозяйства медленно перерастали в капиталистические, «осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбуаэров» («крупных крестьян»)»⁶⁷. Остатки феодализма замедляли расширение внутреннего рынка, задерживая одновременно процесс накопления капитала. Этим объясняется также наличие резких диспропорций между отдельными отраслями экономики, отставание промышленного производства от сельскохозяйственного, образование громадной армии безработных, которую промышленность не в состоянии была поглотить.

Издержки «прусского пути» развития капитализма приняли чрезвычайно болезненные формы в Восточной Словакии, Закар-

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 310.

⁶⁵ Kolossa Tibor. Adatok az agrár proletáriátus arányához és összetételéhez Osztrák-Magyar Monarchiában.— TSz., 1959, N 1—2; *idem*. Beiträge zur Verteilung und Zusammensetzung des Agrarproletariats in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie (1900).— SG. Bp., 1961, S. 265.

⁶⁶ T. Kolossa. Statistische Untersuchung..., S. 168.

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 216.

патской Украине и в «исторической Трансильвании». Здесь социальные конфликты тесно переплетались с национальными, острее которых естественным образом направлялось в первую очередь против венгерского господства, персонифицированного в глазах крестьянина-словака, румына, украинца в лице мадьяра-помещика, мадьяра-чиновника, мадьяра-судьи. В основе национальной розни лежало несправедливое распределение земли, которое в результате капиталистического развития делалось еще более вопиющим. В Трансильвании 85,7% владений размером более 1000 хольдов принадлежало мадьярским помещикам, в Словакии — 83,6%, а в Воеводине — 79%; в то же время среди беднейших хозяйств (до 5 хольдов) Словакии венгерских было лишь 20,34%, Трансильвании — 18,9%, Воеводины — 27,5%⁶⁸. Однако и в начале XX в. крестьянское население национальных окраин страдало прежде всего от недостаточной развитости капиталистических отношений, от сохранения феодальных форм землевладения и средневековых методов хозяйствования.

Наряду с общими чертами социально-экономической структуры национальных областей между ними имелось и весьма существенное различие. Так, по удельному весу крупнопомещичьего землевладения из всех стран королевства ближе всего к Венгрии стояла Словакия. В Венгрии помещикам принадлежало 54,84% земли, в Словакии — 51,45%, Воеводине — 35,02%, а в Трансильвании (в 19 комитатах) всего 12,7%⁶⁹. В четырех комитатах, населенных преимущественно румынами (Тимиш, Арад, Бихор, Сату-Маре), кстати, самых развитых из румынских областей, помещики владели 51,6% земли⁷⁰.

В сербской Воеводине, являвшейся одним из главных поставщиков товарного хлеба Австро-Венгрии, ведущая роль принадлежала кулацким и помещичьим хозяйствам относительно небольших размеров, но ярко выраженного капиталистического типа. Свыше 85% земли здесь находилось в руках владельцев хозяйств от 50 до 200 хольдов⁷¹.

В Воеводине, как и в южных и центральных областях Венгрии, расхождение крестьянства выражено было гораздо резче⁷², чем в Трансильвании, Словакии, Закарпатской Украине. Среди крестьянских хозяйств преобладали середняки и кулаки (20 — 100—200 хольдов), собственники небольших участков до 5 холь-

⁶⁸ MStK, XXIV, 70—73. I.

⁶⁹ MStK, LVI, 479—487. I.

⁷⁰ D. Hurezeanu. Problema agrară și lupta țăranimii din România la începutul secolului al XX-lea. București, 1961, p. 96—99.

⁷¹ MStK, XXIV, 32—36. I.; J. Tomasevich. Peasants, Politics and Economic Change in Yugoslavia. London, 1955, p. 137.

⁷² Ю. А. Писарев. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962, стр. 20—21.

дов, а во второй группе областей (т. е. Трансильвании, Словакии, Закарпатской Украины) преобладали мелкокрестьянские владения. Типичными для крестьян этих краев были хозяйства размером в 5—20 хольдов, составлявшие здесь почти половину всех хозяйств. Особенно выделялась в этом отношении Трансильвания, где крестьяне держали в своих руках 75,5%⁷³ земли, что нисколько не способствовало экономическому подъему Трансильвании и социальной дифференциации ее мелкокрестьянского населения.

Весьма любопытная картина социального расслоения деревни обнаруживается при сопоставлении относительного числа средних и богатых крестьян по национальному признаку: на первое место в этом случае выходят немцы и сербы, а затем уже идут мадьяры. Среди румын, словаков и украинцев слабее всего было представлено имущее крестьянство. Мелкое крестьянство, составлявшее подавляющее большинство сельского населения Закарпатской Украины, Словакии и, особенно, Трансильвании, менее всего было приспособлено к борьбе за существование в условиях капитализма.

Несмотря на общую отсталость сельского хозяйства и значительное отставание темпов развития сельскохозяйственного производства от темпов роста промышленности, в первом десятилетии XX в. и в этой отрасли народного хозяйства Венгрии произошли существенные сдвиги. За 10 лет, с 1903 по 1913 г., доходы от сельского хозяйства выросли на 72% при росте реального национального дохода на 75% и увеличении населения на 8,5%⁷⁴. Наметилась тенденция к специализации производства, причем не только в помещичьих, но и в крестьянских хозяйствах, расположенных недалеко от развивавшихся промышленных центров, особенно Будапешта и Вены. Товарное зерно в основном производилось в южных комитатах, Воеводине и Банате. Главным поставщиком овощей и фруктов стала область, расположенная между Дунаем и Тисой. Значительно увеличились посевы кормовых и технических культур, сахарной свеклы, картофеля и кукурузы.

Важным показателем эволюции сельскохозяйственного производства, усовершенствования методов обработки земли было неуклонное увеличение посевных площадей и сокращение количества земель, которые раньше держались под паром. По сравнению с 70-ми годами оно сократилось ровно наполовину, и накануне первой мировой войны составляло уже всего 2 млн. хольдов, т. е. 8,9% всех обрабатываемых земель⁷⁵. В остальных

⁷³ T. Kolossa. Statistische Untersuchung..., S. 106.

⁷⁴ Fr. Hertz. The Economic Problem of the Danubian States. London, 1947, p. 25—36.

⁷⁵ MStK, LXVI, 6—7. 1.

восточных и северо-восточных областях, где все еще господствовало трехполье, под паром держали от 20 до 40% земли, а в центральных и западных областях, перешедших к севообороту и свободному чередованию культур, под паром оставляли минимальные площади (хозяйства комитатов Чонград, Чанад, Торонтал вообще отказались от пара).

Несмотря на некоторое сокращение посевов пшеницы в 900-х годах, валовой сбор урожая неуклонно увеличивался (за исключением 1907, 1909, 1914 гг.). По сравнению с 1901 г. производство зерна в последующие годы выросло на 35—40%⁷⁶. Урожайность пшеницы в эти годы составляла 11,5 ц на гектар, кукурузы — 14—15 ц⁷⁷. Производство пшеницы в 1910—1914 гг. увеличилось по сравнению с 70-ми годами в три раза, в то же время площади выросли всего на 50%, а урожайность ее почти удвоилась. Хотя пшеница по-прежнему оставалась ведущей культурой венгерского сельского хозяйства, в 900-х годах расширялись посевы сахарной свеклы, картофеля, кукурузы и кормовых растений; в предвоенные годы ими засевалось почти 30% обрабатываемых земель⁷⁸.

После длительного упадка венгерского экстенсивного животноводства во второй половине XIX в., с конца XIX в., в связи с падением хлебных цен, наметился переход к интенсивному животноводству. Несмотря на незначительный рост поголовья скота, в первом десятилетии XX в. в животноводстве произошли весьма заметные качественные изменения: по сравнению с 80-ми и первой половиной 90-х годов быстро сокращалось поголовье овец и увеличивалось поголовье крупнорогатого скота, особенно коров, а также свиней. Еще более важное значение имело вытеснение малопродуктивной местной венгерской породы скота высокопродуктивными породами (в основном симментальской), которые давали значительно больше молока и мяса, чем местные породы (последние в 1911 г. составляли всего 28% поголовья, а в 80-х годах — почти 80%)⁷⁹. Весьма показательно, что количество породистого скота, особенно коров, в крестьянских хозяйствах размером до 100 хольдов увеличивалось даже быстрее, чем в крупнопомещичьих. В 1911 г. к местной венгерской породе в крестьянских хозяйствах относилось всего 25% поголовья крупного рогатого скота⁸⁰, однако крестьяне часто использовали коров и в качестве тяглового скота.

⁷⁶ MStK, LXVI, 275. 1.

⁷⁷ MStK, LXVI, 27—31. 1.; StE, 96. 1.

⁷⁸ J. Puskás. Gestaltung der landwirtschaftlichen Produktion in Ungarn und der Markt der Monarchie (1870—1914).— «Die Agrarfrage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. 1900—1918». Bukarest, 1965, S. 179, 184.

⁷⁹ A. Vörös. Bedeutung der Produktionszonenforschung.— «Die Agrarfrage...», S. 272.

⁸⁰ J. Puskás. Gestaltung..., S. 172.

Интенсивное мясо-молочное животноводство развивалось в первую очередь и главным образом в западных районах страны. Растущий спрос Вены, Будапешта, Мишкольца, Братиславы, Дьёра и других промышленных центров на мясо, молоко и молочные продукты, географическая близость к этим городам, удобный и дешевый транспорт создавали для этого чрезвычайно благоприятные предпосылки. Не удивительно, что в 1911 г. в Венгрии было произведено на 1 млн. литров молока больше, чем в 1895 г. (2746 и 1645 млн. литров)⁸¹. Этим весьма доходным делом первоначально занимались преимущественно в помещичьих имениях, но с наступлением XX в. все чаще и в крестьянских хозяйствах.

В целях успешной конкуренции с помещиками крестьяне, особенно Западной Венгрии, начали создавать товарищества по сбыту молока. Первое такое товарищество возникло в 1894 г., а в 1910 г. их число достигло уже 540, причем 340 из них находилось в Задунайской области⁸². Только в одном комитате Ваш 59 товариществ объединяли в своих рядах 4086 крестьян, а ежегодный их доход от сбыта молока превысил 700 тыс. крон⁸³. Главными центрами молочного животноводства стали комитаты Шопрон, Ваш, Мошон, а также Бараня и Толна. В 1912 г. общий доход всех товариществ превышал 20 млн. крон⁸⁴.

Распространение молочного скотоводства влекло за собой радикальные изменения в ведении хозяйства, оно привело к улучшению методов обработки земли, стимулировало увеличение производительных затрат, капиталовложений, расширение посевов кормовых растений, применение минеральных удобрений. Показательно, что уже за первые 5 лет XX в. Задунайская область поставляла ежегодно в среднем 34% всего урожая кормовых. В западных, а также в северо-западных районах в 900-е годы весьма широко распространение получило также производство сахарной свеклы. Накануне войны почти половину всего урожая сахарной свеклы давали шесть комитатов этого района: Шопрон, Ваш, Пожонь, Нитра, Комаром, Барш.

С точки зрения специализации и районирования сельскохозяйственного производства чрезвычайно показателен переход к преимущественному выращиванию овощей и фруктов крестьянскими хозяйствами центральных районов страны. Города, расположенные в междуречье Дуная и Тисы (Сегед, Цеглед, Кечкемет, Надькёрёш, Мако), стали крупными поставщиками овощей и фруктов не только на рынки Будапешта, но и на внешние

⁸¹ J. Puskás. Gestaltung..., S. 185.

⁸² Ibid., S. 185, 187.

⁸³ A. Vörös. Op. cit., S. 262.

⁸⁴ Ibid., S. 267.

рынки. Достаточно сказать, что в предвоенные годы один только Кечкемет давал 16—17% экспорта свежих овощей.

Основными производителями вина по-прежнему оставались традиционные районы виноградарства и виноделия — Токай, Эгер, Дьёндьёш и районы, прилегающие к озеру Балатон. Специализация в этих районах сопровождалась интенсификацией хозяйств, превращением их в капиталистические предприятия и усилением товарообмена между отдельными районами⁸⁵. Эти новые веяния, свидетельствовавшие о глубоком проникновении капиталистических методов в крестьянские хозяйства, почти не коснулись северо-восточных областей и Трансильвании. Преимущественное выращивание картофеля в северо-восточных районах и кукурузы в Трансильвании несколько не способствовало развитию товарно-денежных отношений и интенсификации производства, поскольку и кукуруза и картофель служили здесь основным продуктом питания местного населения, а не потребностям городских рынков.

Капитализм еще больше углубил разрыв в уровне развития между отдельными областями; все более заметным и ощутимым становилось имущественное различие между отдельными категориями крестьян. Крестьяне, владевшие одним и тем же количеством земли, в разных районах страны, в зависимости от характера хозяйства, получали далеко не равные доходы и по существу принадлежали к различным социальным группам. Средние крестьяне комитатов экстенсивного земледелия и при 25—30 гектарах земли едва сводили концы с концами и зачастую были вынуждены наниматься к помещику и кулаку. В то же время крестьянин, владевший 10—15 гектарами земли в зоне, прилегающей к промышленным центрам, и выращивавший для реализации на рынке фрукты, овощи, виноград, откармливавший в тех же целях мясной и молочный скот, свиней, являл собой уже тип, стоявший ближе к кулаку — капиталистическому предпринимателю, чем к патриархальному земледельцу.

О дальнейшей капитализации венгерского сельского хозяйства свидетельствовало возрастание роли капиталистической аренды. Крупные арендаторы, в основном выходцы из торговой буржуазии и кулаков, располагали достаточными средствами, чтобы делать необходимые для современного ведения хозяйства капиталовложения, закупать машины и удобрения. Эстергази, Фештетичи, Сечени, Чаки и Палфи и другие латифундисты сдавали значительную часть своих огромных поместий в аренду, отказываясь в пользу арендатора от капиталистической прибыли, которая всегда была связана с известным риском,

⁸⁵ Pál Sándor. Methodologische Probleme der Untersuchung der Agrarstruktur in Ungarn um die Wende des 20. Jahrhunderts.— «Die Agrarfrage...», S. 235—237.

и довольствовались гарантированной земельной рентой. Однако большинство помещиков, особенно средних, привлеченных возможностью безраздельного присвоения всей прибыли целиком, предпочитало все же вести собственное хозяйство, несмотря на угрозу разорения⁸⁶. Вот почему в начале XX в. в аренду сдавались лишь 19% всех земель и примерно половина крупно- и среднепомещичьих земель⁸⁷.

Для помещиков, как, впрочем, и для венгерского сельского хозяйства в целом, со времени начавшегося в 80-х годах всеевропейского аграрного кризиса проблемой номер один являлся вопрос о сбыте сельскохозяйственной продукции и кредитах. Это был вопрос жизни и смерти опутанного явными и скрытыми пережитками феодализма сельского хозяйства страны, которое сталкивалось с могущественными конкурентами, затопившими европейские рынки миллионами тонн дешевых сельскохозяйственных продуктов. К тому же вслед за вторжением на эти рынки сбывавшегося по низким ценам американского хлеба Германия и другие страны — импортеры венгерских товаров перешли к жесткой протекционистской политике. Неуклонная с этого времени тенденция к понижению мировых цен на хлеб привела, несмотря на отчаянные усилия могущественной в монархии землевладельческой аристократии, к удешевлению хлеба в первые годы XX в. примерно на 40%⁸⁸.

Страна была поставлена перед дилеммой: или разорение, или полная перестройка сельского хозяйства на современных началах с коренной ломкой аграрных отношений. Но выход был найден. Этот спасительный выход, как и подобало государству, основанному на компромиссном, дуалистическом принципе, был по существу компромиссом. Частичная интенсификация и модернизация сельскохозяйственного производства, а главное, высокие таможенные пошлины на ввозимые в Австро-Венгрию продукты сельского хозяйства спасли венгерских помещиков от разорения, избавив их заодно и от необходимости проведения каких-либо глубоких социальных преобразований.

Роль чудесного избавителя выполнила пресловутая общая таможенная территория. В ущерб интересам промышленного развития страны, ценой ухудшения жизненного уровня рабочих Австрии и Венгрии венгерские помещики добились резкого повышения ввозных пошлин, особенно после 1906 г. Австрийский рынок был целиком предоставлен в распоряжение венгерских

⁸⁶ *Sándor Pál*. A XIX. századvégi agrárválság. Bp., 1958, 229, 335—400. l.

⁸⁷ *J. Puskás*. Die kapitalistischen Grosspachten in Ungarn am Ende des XIX. Jahrhundert.— «Studien zur Geschichte», S. 199.

⁸⁸ *Eber Ernő*. A magyar mezőgazdaság átalakulásának feltételei. Bp., 1906, 26. l.

аграриев, точно так же, как австрийская буржуазия безраздельно господствовала на венгерском рынке.

Венгерским помещикам был открыт также широкий доступ и на австрийский денежный рынок, большие займы помогли им произвести необходимую модернизацию производства. Сумма кредитов, предоставленных только крупными банками, в 1900 г. достигла 480 млн. крон (в 1880 г. она равнялась 130 млн. крон⁸⁹).

Вследствие аграрного кризиса и выгодного для венгерских латифундистов повышения таможенных пошлин роль и значение общей таможенной территории, вернее, австрийского рынка, постоянно возрастали. В 1882 г. Австрия поглощала 67,8% венгерского экспорта зерна, в 1900 г. — 96%, а в 1907 г. — 99,3% экспорта пшеницы и 98% муки⁹⁰. Неуклонно расширявшийся благодаря бурной индустриализации сельскохозяйственный рынок Австрии и уменьшение и без того незначительного количества производимого ею собственного хлеба с лихвой возместили безвозвратно утерянные Венгрией внешние рынки.

Весьма показательным с точки зрения структурных перемен как во внешней торговле, так и в самом производстве является изменение соотношения вывоза зерна (сырья) и муки (промышленно обработанного продукта сельского хозяйства), экспорт которой уже к началу века возрос почти в два раза. Но львиная доля прибылей от производства и вывоза муки присваивалась хозяевами гигантских паровых мельниц Будапешта, т. е. промышленной буржуазией, к тому же на них перерабатывалась дешевая, по сравнению с венгерской, пшеница соседних балканских стран. На этой почве между буржуазией и той частью «чистых» аграриев, которая не была связана с финансовым капиталом, возник довольно острый конфликт. И в этом споре успех сопутствовал венгерским помещикам, добившимся отмены права мукомольных предприятий на беспошлинный ввоз балканского зерна. Отныне мукомольная промышленность была вынуждена почти целиком ориентироваться на переработку продукции венгерских землевладельцев. В начале 80-х годов вывоз зерна превосходил вывоз муки, причем около 60% муки реализовывалось в Австрии. К 1910 г. положение в корне изменилось: теперь уже количество экспортированной из Венгрии муки вдвое превышало количество зерна и почти вся вывезенная мука приходилась на долю Австрии⁹¹.

⁸⁹ P. Sándor. Die Agrarkrise am Ende des XIX. Jahrhunderts und der Grossgrundbesitz in Ungarn.— «Studien zur Geschichte», S. 180—181, 183

⁹⁰ Matlekovits Sándor. Közös vámterület és a gazdasági elválás Ausztriától. Bp., 1905, 156. l.

⁹¹ MStK, LXIII, 20. 1.

Одновременно быстрыми темпами рос экспорт скота, а также мяса, масла и других продуктов животноводства, особенно после заключения в 1906 г. нового торгового договора с Сербией, который закрыл ввоз в Австро-Венгрию живого скота из этой страны. По сравнению с 80-ми годами вывоз только крупного рогатого скота в предвоенные годы увеличился в пять раз. Если в 80-х годах из Венгрии экспортировалось в среднем ежегодно 64,5 тыс. голов скота, то накануне войны вывоз составлял ежегодно свыше 300 тысяч голов. К 1913 г. экспорт скота и продуктов животноводства в сравнении с 80-ми годами вырос в шесть раз⁹².

В результате возведения в угоду венгерским помещикам высоких таможенных барьеров, нашедших свое отражение в торговых договорах, заключенных в 1906 г., и вследствие монополизации ими сельскохозяйственного рынка монархии после 1906 г. наступили годы невиданной ранее конъюнктуры.

Цены на продукты на всей территории монархии неудержимо поползли вверх, причем они значительно превысили мировые цены. Цена центнера пшеницы повысилась с 16—18 крон до 22—24. Еще более резко подскочили в 1906—1913 гг. розничные цены на муку на 23%, хлеб на 28%, молоко — 25%, масло и яйца — 26%, на телятину — 30%, говядину — 40% и т. д.⁹³

Как это ни парадоксально, в аграрной Венгрии продовольственные товары стоили дороже, чем в индустриальной Австрии. Резкое вздорожание цен на продукты питания не только ухудшало положение трудящихся, особенно городского населения. Оно уменьшало капиталовложения в промышленность.

Таможенная политика Австро-Венгрии, проводившаяся главным образом в интересах венгерского землевладения, в конечном счете имела своим последствием значительное усиление экономической зависимости Венгрии от Австрии и консервацию здесь архаических аграрных отношений со всеми их средневековыми пережитками.

Положение промышленного и сельскохозяйственного пролетариата

Переход к эпохе господства монополий и финансовой олигархии в Венгрии принес рабочему классу неисчислимы страдания и бедствия. Необузданное стремление «собственных» (венгерских) и «чужих» (австрийских, немецких и других) монополи-

⁹² *H. Grunzel. Handelspolitik und Ausgleich in Österreich-Ungarn. Wien, 1912, S. 156—170.*

⁹³ *MSIK, LXIII. 87. 1.*

стов к максимальным прибылям сопровождалось невиданным ранее усилением эксплуатации, развернутым наступлением на и без того нищенский жизненный уровень трудящихся. По официальным данным венгерской заводской статистики, рабочий день продолжался от 12 до 16 часов. За самовольное отсутствие в воскресенье с рабочих взыскивался штраф до 5 крон⁹⁴. Положение венгерских горняков было поистине ужасающим. На некоторых государственных шахтах рабочий день продолжался 18—20 часов⁹⁵. В этих нечеловеческих условиях работали не только взрослые рабочие, но и дети 13—14 лет.

Не в лучших условиях жили и трудились рабочие других профессий. Так, на съезде пекарей рабочий из Тимишоары заявил: «Условия труда невыносимы. Мы работаем 18—19 часов в день»⁹⁶. Подобные жалобы в то время раздавались повсюду.

Наряду с чрезмерно продолжительным рабочим днем важнейшей формой эксплуатации рабочих являлась низкая заработная плата. В этом отношении венгерские капиталисты побили европейские рекорды. Венгерский рабочий зарабатывал в среднем вдвое и втрое меньше немецкого рабочего той же квалификации⁹⁷. В 1906 г. свыше 69% рабочих получали меньше 20 крон в неделю, т. е. их заработная плата не достигала среднего уровня. В то же время некоторые категории рабочих получали заработную плату, превышавшую среднюю норму.

Особенно низко оплачивался труд детей, которые, работая в тех же условиях, что и взрослые, получали менее 10 крон в неделю⁹⁸.

В 900-е годы в Венгрии, несмотря на отсталый характер ее экономики, образовался слой рабочей аристократии. Венгерские монополии использовали часть своих огромных прибылей, полученных в значительной мере от эксплуатации трудящихся угнетенных невенгерских национальностей, для подкупа верхушки венгерского рабочего класса. По подсчетам венгерских историков Ранки и Беренда, «рабочая аристократия» составляла 5—6% венгерского пролетариата⁹⁹. Особенно велик был удельный вес «рабочей аристократии» среди машиностроителей (19%) и типографских рабочих (35%)¹⁰⁰.

Однако подавляющее большинство едва сводило концы с концами. Ежегодный дефицит бюджета хорошо оплачиваемого рабочего—металлиста составлял свыше 208 крон. Следует

⁹⁴ MGySt, 1906, 92—93, 66—72, 74—85. l.

⁹⁵ «A bányászok helyzete. A Magyarországi szakszervezeti tanács megbízásából». Bp., 1904, 6. l.

⁹⁶ MSzM, 1902, 264. l.

⁹⁷ MGy St, 1910, 115. l.

⁹⁸ MGySt, 1906, 335. l.

⁹⁹ MGySt, 1910, 133—134. l.

¹⁰⁰ Berend Iván, Ránki György. Op. cit., 310. l.

учесть, что в расходную часть этого бюджета не были включены налоги, транспортные расходы, расходы на отопление, напитки и т. д.

Между тем цены на продовольствие в начале XX в. непрерывно поднимались, резкое вздорожание продовольственных продуктов и продуктов широкого потребления в начале XX в., связанное с установлением монопольных цен венгерскими картелями, а также запрещением ввоза сельскохозяйственных продуктов из Румынии, Сербии и других балканских стран, вызвало понижение жизненного уровня венгерских рабочих. Вследствие вздорожания цен широкие массы трудящихся вынуждены были отказаться от регулярного потребления мяса, сахара и масла. Достаточно сказать, что ежегодное потребление мяса на душу населения снизилось с 63,6 кг в 1896 г. до 44,4 кг в 1906 г.¹⁰¹

Тысячи венгерских пролетарских семей вынуждены были влачить жалкое существование, жить в холодных, сырых подвалах, в перенаселенных помещениях, часто не имевших окон. Социал-демократ Брод, обследовавший жилищные условия рабочих, подсчитал, что квартирная плата поглощала 27% заработной платы рабочих мукомольной промышленности, 34,29% заработной платы заводских работниц и т. д.¹⁰²

Быстрое развитие промышленности в начале XX в. и связанная с ним концентрация населения в Будапеште вызвали резкий рост квартирной платы. Вследствие этого крохотная комната в рабочих предместьях Будапешта стоила столько же, сколько квартира из двух комнат и кухни в Берлине. П. Элек, генеральный директор венгерского коммерческого общества, вынужден был признать, что нигде жизнь так не дорога, как в Будапеште. В окрестностях столицы, указывал П. Элек, комната с кухней стоила в год 280—300 крон, что составляло примерно от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{6}$ годовой заработной платы рабочего¹⁰³.

С 90-х годов жилищный вопрос приобретает все более острый характер. В 1900 г. число бездомных рабочих в Будапеште превышало 85 тыс. О каком-либо соблюдении минимальных требований санитарии и гигиены при таких условиях говорить не приходилось. В отчете фабричных инспекторов за 1899 и 1900 гг. указывалось, что гигиенические условия рабочих жилищ «вообще неудовлетворительны»¹⁰⁴.

Лидер американского профдвижения Самуэль Гомперс выразил свои впечатления от посещения жилищ будапештских ра-

¹⁰¹ MGySt, 1910, 115. l.; N. Sandor. Die Lage der ungarischen Landarbeiter, 1911, S. 98.

¹⁰² Brod Mihály. A munkáslakásról.— Szoc, 1906—1907, № 8, 247. l.

¹⁰³ G. Jaray. Op. cit., p. 92.

¹⁰⁴ «A Magyar királyi iparfelügyelők tevékenysége az 1899—1900 évben». Bp., 1901, 16. l.

бочих в следующих словах: «Такой грязи, такого скопления нечистот, такого беспорядочного нагромождения человеческих существ я нигде не видел. И эти конуры стоят жильцам дороже, чем процветающему ремесленнику в любом американском городе квартира со всеми удобствами цивилизации»¹⁰⁵. Премьер-министр Векерле вынужден был публично заявить, что «жилищные условия рабочих в городе Будапеште в самом деле постыдны»¹⁰⁶.

Вследствие антисанитарных жилищных условий, нищенской заработной платы и скудного питания среди рабочих были широко распространены туберкулез и другие заболевания. В результате обследования, проведенного среди 4 тыс. столяров в 1906 г., было выявлено, что больше половины их страдает различными тяжелыми болезнями¹⁰⁷. Средняя продолжительность жизни рабочих многих профессий в 900-х годах в Венгрии не превышала 36—37 лет¹⁰⁸.

Предвоенные годы отмечены неуклонным ухудшением условий труда и жизни венгерского пролетариата¹⁰⁹.

Одним из важнейших факторов, оказывавших постоянное влияние на уровень заработной платы венгерского рабочего, являясь постоянное наличие в стране резервной армии безработных. Неиссякаемым источником промышленной резервной армии была венгерская деревня, главным образом малоземельная и безземельная ее часть.

* * *

Разложение крестьянства, выделение крестьянской буржуазии в венгерской деревне сопровождалось массовой экспроприацией крестьянства, отделением мелкого производителя от средств производства, т. е. земли. Отработочная система заменялась наемным трудом сельскохозяйственных рабочих, вынужденных продавать свою рабочую силу капиталистическим предпринимателям — кулакам и крупным землевладельцам-помещикам. В состав наемных рабочих наряду с безземельными крестьянами входили также и малоземельные. С начала XX в. в Венгрии образовалась громадная армия сельскохозяйственных рабочих. По приблизительным данным, аграрный пролетариат составлял 54,2% аграрного населения, 18% его имели клочок земли или дом, 32% (1/3) не имели ничего. Численность его превысила 3 368 тыс.¹¹⁰.

Для мелких крестьян их так называемая земельная собст-

¹⁰⁵ S. Gompers. Labour in Europe and America. New York—London, 1910, p. 95.

¹⁰⁶ G. Jaray. Op. cit., 92. 1.

¹⁰⁸ MSzM, 1902, 229. 1.

¹⁰⁸ Berend Iván, Ránki György. Op. cit., 214. 1.

¹¹⁰ Kolossa Tibor. Adatok..., 14—15. 1.; idem. Beiträage..., S. 240, 265; idem. Statistische Untersuchung..., S. 79—172.

венность была не только не рентабельна, но прямо-таки убыточна. При каждом колебании цен на хлеб, при малейшем проявлении кризиса они лишались своих клочков земли и окончательно переходили в разряд безземельного сельскохозяйственного пролетариата. Так, с 1870 по 1900 г. число сельскохозяйственных рабочих увеличилось на 200 тыс. человек ¹¹¹.

При экстенсивном земледелии основные сельскохозяйственные работы приходятся на весну и лето. Вследствие этого большинство сельскохозяйственных рабочих зимой сидело без работы, а часто и без хлеба. В среднем венгерский сельскохозяйственный рабочий был занят всего 88 дней в году, зато летом, в горячую пору уборки урожая, резко поднимался спрос на рабочую силу. Соответственно этому менялся уровень заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Чаще всего хозяева оплачивали труд рабочих натурой, что было нанимателям гораздо выгоднее, так как цена на хлеб была очень низкой. Общий годовой заработок венгерского сельскохозяйственного рабочего, по некоторым данным, составлял 250—400 крон. Оплата натурой производилась в размере 14—15-й доли собранного рабочими урожая ¹¹². Особенно тяжелым было положение батраков. Это был самый угнетенный, самый забитый слой венгерской деревни. За тяжелый труд от зари до зари батраки получали нищенское содержание и жалкую лачугу, в которой проживало иногда до восьми семей.

Особенно бедственным было положение трудящихся угнетенных национальностей — славян и румын. Румынские, словацкие и украинские сельскохозяйственные рабочие зарабатывали много меньше, чем венгерские. Если в 1905 г. годовая заработная плата венгерского сельскохозяйственного рабочего в Задунайской области равнялась в среднем 500 крон, то в Словакии рабочий получал от 370 до 400 крон, а в Трансильвании — 360—430 крон ¹¹³.

Подавляющее большинство славян и румын Венгрии жило за счет сельского хозяйства. Но основной земельный фонд и в этих областях находился в руках венгерских помещиков и кулаков. Почти 60% обрабатываемой земли Венгрии принадлежало венграм, составлявшим по переписи 1900 г. 48,9% населения. В области, населенной в основном словаками, последние имели 42,9% земли, а венгры — 47,9%, хотя и представляли едва ли 30% деревенского населения. В Трансильвании, где румын было 55% всего населения и 60% сельского населения, им принадле-

¹¹¹ «Bericht zum Internationalen Arbeiterkongress in Amsterdam, 1904». Вр., 1904, Beilage.

¹¹² «Plenarversammlung der österreichischen Volkswirten». Wien, 1907.

¹¹³ «Mezőgazdasági munkabérek Magyarországon az 1905. évben». Вр., 1956, 516—522. л.

жало 44,3% земли, а венгры (30,8% сельского населения) владели 25,9% земли ¹¹⁴.

Таким образом, большинство крестьян певенгерских национальностей было малоземельным и безземельным и должно было постоянно искать покупателей своей рабочей силы или же ради куска хлеба эмигрировать. Не случайно из 85 тыс. человек, переселившихся в Америку из Венгрии в 1901—1905 гг., 22 тыс. являлось словаками, хотя словаки составляли всего 11,9% населения Венгрии ¹¹⁵.

Эмиграция сельскохозяйственного населения, принявшая в начале XX в. огромные размеры, была одним из самых характерных явлений венгерской экономики. Она свидетельствовала о значительном классовом расслоении крестьянства, об усилении помещичьего гнета и капиталистической эксплуатации.

Массовая эмиграция представляла собой органическую часть общего процесса складывания капиталистической системы мирового хозяйства. Характер, темпы и направления миграционных движений в конечном счете определялись борьбой ведущих империалистических держав за рынки сбыта, сферы приложения капиталов, источники сырья, а также за рабочую силу, превращенную в предмет купли и продажи, в «товар» особого рода. Экономическая сущность эмиграции с предельной четкостью сформулирована В. И. Лениным: «Капитализм создал особый вид переселения народов. Быстро развивающиеся в промышленном отношении страны, вводя больше машин, вытесняя отсталые страны с мирового рынка, поднимают заработную плату выше среднего и привлекают наемных рабочих из отсталых стран» ¹¹⁶.

В начавшуюся на рубеже XIX и XX вв. эру великих миграций Австро-Венгрия вместе с другими странами Восточной Европы играла роль поставщика дешевой рабочей силы для развивавшихся стран Запада, и в первую очередь для США и Канады. С 80-х годов XIX в., вплоть до 1913 г., по официальным данным, Венгрию покинуло свыше 1,5 млн. человек ¹¹⁷. При этом следует иметь в виду, что статистика учитывала лишь тех лиц, которые обращались к властям. Последние между тем неоднократно жаловались на то, что многие бедняки уезжали, не получив паспорта и даже не поставив в известность государственные учреждения. Только в 1907 г. властями было задержано 13 тыс. человек, пытавшихся выехать из страны нелегальным путем ¹¹⁸.

¹¹⁴ *Jancsó Benedek*. *Defensio Nationis Hungaricae*. Bp., 1920, 183—186. l.

¹¹⁵ «*Slovakia Then and Now. A Political Survey by Many Slovak Authors Arranged by W. Seton-Watson*». London, 1931, p. 312.

¹¹⁶ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 89.

¹¹⁷ *MStK*, 67. Bp., 1918, 48. l.

¹¹⁸ *Rácz István*. *A kivándorlás és a magyar uralkodó osztály*.— «*A Debreceni*

В первые годы XX в. эмиграция из Венгрии приняла массовый характер; число эмигрантов возрастало из года в год, а в 1907 г. достигло рекордной цифры 200 тыс. Затем наступил некоторый спад, но в 1913 г. число эмигрантов вновь перевалило за 100 тыс. В 1899—1913 гг. страну легально покинуло свыше 1,4 млн. человек. Начавшаяся в 1914 г. война прервала новый цикл массовой эмиграции.

Эмиграция уносила наиболее трудоспособных мужчин и женщин, людей энергичных, предприимчивых, тех, кто не находил применения своим силам и способностям на родине. Среди покинувших страну в 1899—1913 гг. подавляющее большинство составляли люди в возрасте 20—40 лет, к тому же $\frac{2}{3}$ эмигрантов были мужчины¹¹⁹.

Основным источником эмиграции, ее главным и неисчерпаемым резервом оставалась все эти годы деревня. За океан отправлялись разорившиеся земледельцы, владельцы карликовых участков, поденщики и батраки, потерявшие надежду получить постоянную работу на родине. Они мечтали нажать в «благословенном» Новом Свете достаточно капиталов, чтобы приобрести приличный участок земли, причем непременно в родных краях, и стать таким образом уважаемым членом общины. Таковы были устремления почти всех венгерских эмигрантов, 90% которых составляли крестьяне.

Kossuth Lajos Tudományegyetem Történelmi Intézetének Évkönyve», I, 1962. Bp., 1962, 103. l.

¹¹⁹ Rácz István. Op. cit., 87. l.

БОРЬБА ПАРТИЙ И КЛАССОВ В 1900—1906 ГГ.

Ускорившееся в конце XIX — начале XX в. промышленное развитие Венгрии привело к росту недовольства части венгерской буржуазии и помещиков системой дуализма, обеспечивавшей безраздельное господство на венгерском рынке австрийской буржуазии и ее венгерских союзников из числа крупных помещиков и финансистов. Экономическая основа более или менее мирного сосуществования Австрии и Венгрии в рамках одной монархии — аграрная Венгрия и индустриальная Австрия — оказалась к началу XX в. в значительной мере подорванной. В результате быстрой индустриализации аграрной Венгрии исторически сложившееся разделение труда между обоими государствами претерпело существенное изменение. Превращение Венгрии в аграрно-индустриальную страну стало фактором ослабления уз, связывавших обе части империи начиная с 1867 г., и усиления стремлений к большей самостоятельности со стороны Венгрии.

Начавшийся в конце XIX в. кризис дуализма, в котором решающую роль играли австро-венгерские противоречия, в 900-х годах принял форму открытого конфликта между Венгрией и Австрией. Национальной буржуазии, особенно не связанной с австро-венгерскими монополиями, стало тесно в рамках дуалистической системы. Вместе с тем венгерская финансовая олигархия и крупные помещики были кровно заинтересованы в незыблемости Соглашения 1867 г., первые — из-за огромных прибылей, которые они получали благодаря союзу с австрийской буржуазией¹, а вторые — во имя сохранения австрийского рынка для своей сельскохозяйственной продукции.

Впрочем, требования ревизии Соглашения 1867 г. раздавались и в лагере венгерских магнатов. Но это была ревизия

¹ *Lánczy Leó. Huszonöt év a magyar közgazdaság terén. Bp., 1907, 60—65, 130—140. l.*

«справа». Они выступали за ограждение сельскохозяйственного рынка Австро-Венгрии высокими импортными пошлинами, чтобы монополизировать его². Этому так называемому «блоку меркантилистов» и аграриев, которых в целом вполне удовлетворяло существующее положение вещей, противостояли группы немонополистической национальной буржуазии, особенно средней и мелкой, обреченных на неравную изнурительную борьбу с австро-венгерским и венгерским финансовым капиталом³.

Лозунгом последних групп, слабых в финансово-экономическом отношении, но многочисленных и имеющих массовую базу, стало требование самостоятельной венгерской таможи, быстро завоевавшее во время кризиса 1900—1903 гг. огромную популярность среди самых различных кругов общества. С этим лозунгом выступили в первую очередь промышленные и торговые палаты провинциальных городов (Дебрецена, Сегеда, Дьёра, Арада, Кошицы, Клужа и др.)⁴, объединявшие мелкую и среднюю буржуазию. Торгово-промышленная палата Будапешта, находившаяся под влиянием монополистических кругов, не решаясь открыто выступать против популярного лозунга, выдвигала на первый план идею государственного протекционизма национальной промышленности, хотя в ее ежегодных отчетах все чаще звучали жалобы на австрийскую конкуренцию⁵.

С требованием самостоятельной таможи выступили Союз венгерских промышленников, образовавшийся в мае 1902 г., и Венгерское торговое объединение, созданное в мае 1904 г.⁶ К этому требованию присоединился один из влиятельнейших представителей венгерского финансового капитала Ф. Хорин, указывавший, что подавляющее большинство венгерских промышленников видит в самостоятельной таможне единственную гарантию защиты собственных интересов и что австро-венгерская общая таможня служит лишь интересам венгерского сельского хозяйства⁷.

Но даже венгерские аграрии, безусловные сторонники общей таможи, не всегда поддерживали торгово-таможенную политику австро-венгерской монархии. Их недовольство сыграло немалую роль уже на первом этапе кризиса дуализма, начавшегося в конце 90-х годов. В 1897 г. в австро-венгерских отношениях образовалась первая трещина: впервые после 1867 г.

² OMGék, 1899—1900, 5—9. 1.; *Rubinek Gyula. Vámszövetség, kereskedelmi szerződésck.* Bp., 1903, 4—7. 1.; *Gratz Gusztáv. A dualizmus kora*, II. k. Bp., 1934, 218—220. 1.

³ OL, ME. XLI- 1907—1452, 25—1913; OL, PM, 1900—552; «Honi Ipar», I. I 1905.

⁴ MP, 24.VI 1902; *Vázsonyi Vilmos. Beszédei és írásai.* Bp., 1927, 220—225. 1.

⁵ PL, 21.II 1902.

⁶ MP, 26.V 1904.

⁷ *Pap Dávid. Magyar vámterület.* Bp., 1904, 260—356. 1.

правительствам и парламентам обеих стран не удалось договориться о заключении очередного экономического соглашения на десятилетний срок, предусмотренного Соглашением 1867 г. Венгерские помещики, возмущенные сохранением недостаточно высоких, по их мнению, ввозных пошлин на сельскохозяйственные товары, отвергли австрийское предложение об увеличении доли Венгрии (квоты) в общеперских расходах.

В конечном счете соглашение было сорвано не по вине венгерских, а австрийских правящих кругов. Деятельность австрийского райхсрата оказалась парализованной так называемыми «языковыми распоряжениями» австрийского премьера Бадени, повлекшими за собой резкое столкновение между немецкими и чешскими партиями Австрии⁸. Перед Венгрией открылась возможность, ссылаясь на параграфы 61 и 68 венгерского закона о Соглашении 1867 г., т. е. на вполне законных основаниях, провозгласить свою экономическую независимость, возложив всю вину за разрыв на Австрию. Однако венгерские господствующие классы не решились встать на этот путь.

В августе 1898 г. в небольшом курортном городке Ишл, где император обычно проводил летние месяцы, глава венгерского кабинета барон Банфи, уступив настойчивому нажиму престарелого монарха, заключил со своим австрийским коллегой незаконную сделку. Оба правительства обязались сохранить статус-кво, если до конца 1903 г. не удастся заключить новый договор и если одна из сторон официально не денонсирует старый. Венгерский парламент отказался утвердить это решение и, заодно выражая недоверие Банфи, отклонил проект бюджета. Опасаясь дальнейшего ухудшения ситуации, Франц-Иосиф предпочел пожертвовать послушным Банфи.

На смену ему пришел кабинет Калмана Селла (1899—1903). Ловким маневром Селлу удалось консолидировать положение. Селл объявил, что поскольку истек срок старого экономического соглашения, юридически Венгрия получает право на самостоятельную таможенную общность, и венгерский парламент независимо от Австрии продлевает таможенную общность до конца 1903 г. Принятый парламентом по предложению правительства закон фактически предусматривал сохранение этой общности до 1970 г., т. е. до истечения сроков внешнеторговых договоров, и запретил заключение новых после 1907 г., если до этого не удастся добиться соглашения с Австрией. Тот же закон уполномочил кабинет Селла начать не позднее 1901 г. переговоры с австрийским правительством⁹.

⁸ R. Charnatz. Österreichs innere Geschichte von 1848 bis 1907, Bd. II. Leipzig, 1918. S. 413; V. Bibl. Der Zerfall Österreichs, Bd. II. Wien — München, 1924, S. 280—285.

⁹ СЖН, 1899, 19. 1.

Так называемая «формула Селла» удовлетворила на время и сторонников общей таможи, и ее противников, и меркантилистов, и аграриев, ибо, ничего не меняя в существующем положении вещей, она в то же время формальным провозглашением принципа самостоятельности льстила национальному самодлюбивой оппозиции. Но в то же время правительство Селла приняло одно из главных австрийских требований об увеличении венгерской квоты на 3% (34,2% вместо прежних 31,2%), что повысило вклад Венгрии в общенеперский бюджет на 3,5 млн. крон в год. Но поскольку венгерский парламент не одобрил увеличение квоты, оно вступило в силу указом короля. В качестве компенсации аграрии добились проведения законопроекта (в начале 1900 г.) об отмене права крупных мукомольных предприятий на беспошлинный ввоз пшеницы¹⁰. Другим важным мероприятием правительства явилось продление привилегий Австро-венгерского банка до 1910 г.

Партии и их лидеры

Временное урегулирование экономических отношений с Австрией на какое-то время укрепило позиции К. Селла и несколько ослабило раздоры в правящей либеральной партии. К ней вернулась возглавлявшаяся графом Д. Андраши-младшим и отколовшаяся в 1898 г. группа диссидентов. Отпрыск одной из богатейших в Венгрии семей, владения которой достигали ста тысяч хольдов, тесно связанный с финансовым миром, Д. Андраши-младший унаследовал от своего отца — блестящего и удачливого министра иностранных дел монархии — не революционные увлечения его молодости в период 1848—1849 гг., а глубокую преданность династии и безусловную верность дуализму. Однако это не помешало младшему Андраши стремиться к некоторому пересмотру Соглашения 1867 г. в пользу Венгрии.

К либеральной партии присоединилась также консервативная национальная партия, образованная под руководством графа Алберта Аппони в 1882 г. из отколовшихся от либеральной партии крупных помещиков, главным образом «чистых» аграриев, не имевших интересов в промышленности. Имя Аппони не украшало списков членов правлений, директоров банков или промышленных корпораций. Жил он исключительно за счет доходов с двух имений. Мало кто из представителей венгерской знати мог похвастаться таким пуританством. Реакционный консерватизм в политике и воинствующий клерикализм в

¹⁰ *Bacher Emil. A magyar malomipar. Bp., 1911, 12. l.*

идеологии были семейной традицией Аппони. Его предки неизменно примыкали к самому правому крылу прогабсбургски настроенной части венгерской аристократии. Воспитанник иезуитского ордена Алберт Аппони выдвинулся на авансцену венгерской политической жизни не только благодаря знатному происхождению, утонченному аристократизму манер и представительной внешности, но и великолепному ораторскому дарованию, отличному владению языками, позволявшему ему блестяще выступать не только на родном, но и на английском, французском и немецком языках, а также благодаря политической гибкости, переходившей порой в бесхребетность.

Антиподом ему, да и Андраши, во многих отношениях был Иштван Тиса — восходящее светило политического небосклона дуалистической монархии. Внешне ничем не примечательный, неказистый на вид сын лидера либеральной партии и премьера, он был лишен многих важных атрибутов, необходимых для успешной политической карьеры в тогдашней Венгрии. Он не был латифундистом, хотя семья его владела 20 тыс. хольдов плодородных земель в комитате Бихар; он не был католиком и исповедовал кальвинизм, который долгое время преследовался. Выходец из среднепоместного дворянства, Тиса не отличался и родовитостью, а его графский титул, пожалованный за заслуги отца перед династией, не многого стоил в глазах потомственных магнатов. Человек крутого нрава, раздражительный, вспыльчивый, но последовательный и целеустремленный в своих действиях, наделенный трезвым умом и железной волей, Тиса был политиком новой формации.

Прежде чем заняться политикой, он усвоил навыки и приемы делового мира, побывав на постах члена правлений металлургического гиганта «Римамурань-Шалготарян» и «Адриатической судоходной компании», а затем и председателя «Центрального ипотечного банка венгерских сберегательных касс» и «Венгерского промышленно-торгового банка»¹¹. Вероятно, с этим связан его необычный для венгерского политического деятеля интерес к социальным проблемам и стремление притупить классовую борьбу пролетариата попыткой насаждения тред-юнионов английского типа и введением социального страхования.

В либеральной партии, во главе которой он вскоре занял место своего отца, Тиса был самым ярким представителем интересов империалистической буржуазии. Яснее, чем кто-либо другой из правящего лагеря, он отдавал себе отчет в том, что без сильной австро-венгерской монархии невозможно будет удерживать власть венгерских господствующих классов над угнетенными народами в самой Венгрии. Понимая потенциальную

¹¹ *Hegedüs Lóránt. Két Andrassy és két Tisza.* Бр., s. a., 260, 265. l.

опасность, исходившую из самого факта существования независимых национальных государств — Сербии и Румынии, ставших центром притяжения для югославянских народов и румын Венгрии и Австрии, Тиса настоятельно предупреждал, что обстановка на восточных и южных границах делает более необходимым, чем когда-либо, прочный союз с Австрией и сохранение дуализма в неизменном виде¹². Тиса отлично понимал, что спасение буржуазно-помещичьей Венгрии — в прочном содружестве с Австрией, а монархии в целом — в тесном союзе с Германской империей. Именно поэтому сохранение дуалистического Соглашения 1867 г. стало главной политической заповедью Тисы, которую он решительно и последовательно проводил в жизнь.

Благодаря деятельности Тисы и его группы старая либеральная партия на рубеже двух веков трансформировалась в партию блока финансовой олигархии и крупного землевладения, и в этом блоке руководящая роль все больше переходила к представителям монополистического капитала. Сохранение австро-венгерской монархии на базе дуализма являлось главной ее политической задачей, поэтому ее часто называли партией 67-го года.

На этой же платформе по существу стояла слившаяся с ней национальная партия Аппони, яркий шовинизм которой был направлен не столько против монархии, дуализма или Австрии, сколько против невенгерских народов королевства¹³. Поэтому эта партия стремилась добиться введения мадьярского языка в венгерских частях общей армии, чтобы таким образом осуществить мадьяризацию славян и румын Венгрии. Так называемые национальные лозунги сближали группу Аппони с партией независимости и отдаляли ее от основного ядра либералов, считавших, что любая ревизия Соглашения 1867 г. может иметь далеко идущие последствия не только для монархии, но и для самой Венгрии. Присоединение Аппони к либералам усилило позиции либеральной партии.

Партия независимости и 48-го года была второй политической партией правящих классов. Она выражала интересы определенных групп венгерской торговой и промышленной буржуазии (прежде всего средей буржуазии), которые испытывали на себе гнет австро-венгерских монополий и, следовательно, были заинтересованы в большей экономической и политической независимости от Австрии. Основным ее требованием было создание самостоятельной таможни¹⁴. Часть помещиков, преиму-

¹² *Tisza István. Képviseelőházi beszédei*, III. k. Bp., 1937, 2—8, 705—708. 1.

¹³ *Apponyi Albert. Emlékirataim*, II. k. (1899—1906). Bp., 1926, 78—80, 268—270. 1.

¹⁴ *Gratz Gusztáv. Op. cit.*, 6—10. 1.

ственно средних (500—1000 хольдов), также кокетничала национальными лозунгами, рассчитывая укрепить свои экономические и политические позиции¹⁵.

Во главе партии стоял Ференц Кошут, сын вождя революции 1848—1849 гг. Старший сын Лайоша Кошута мало чем походил на своего великого отца. Природа не одарила его способностями и талантом. Человек, которому в силу его происхождения была предопределена роль вождя самой сильной партии оппозиции, на которого — одни с надеждой, другие со страхом — взирали как на законного наследника и продолжателя дела жизни Л. Кошута, был так же далек от идей 1848 г. и венгерской независимости, как и открытые сторонники 1867 г. Колеблющийся, нерешительный, он, однако, умел ловко прикрыть отсутствие твердых убеждений и политической концепции громкой, радикально звучащей фразой.

Как политический лидер Ференц Кошут был на голову ниже своего главного соперника Иштвана Тисы. Единственным его достоинством было овечье легендами имя отца. И этот капитал он умудрился растратить за какие-нибудь 10—15 лет своей бесславной политической карьеры. Много лет спустя, уже успевший обанкротиться политик, на пороге смерти в минуту откровенности он признается своему младшему брату: «Наш бедный отец... почти наверняка не одобрил бы мое возвращение на родину и мою здешнюю деятельность»¹⁶. В довершение ко всему он не обладал достаточным политическим опытом и знанием венгерских условий, не говоря уже о широте кругозора.

На родину Ференц Кошут вернулся в конце 1894 г., сразу после смерти отца. Большую часть жизни он прожил на чужбине, в основном в Италии, где, работая инженером на шахте, заслужил такую ненависть рабочих, что едва не стал жертвой «несчастливого случая». Через несколько месяцев после возвращения Ф. Кошут был избран председателем партии независимости и депутатом парламента.

Он стал вождем самой популярной в средних слоях венгерского населения партии. Ни одна буржуазно-помещичья партия довоенной Венгрии не имела столь широкой социальной базы, как партия независимости. Это не была чисто парламентская партия наподобие либеральной. За пей шли довольно значительные группы трудящихся: мелкие землевладельцы-крестьяне, кустари, ремесленники и даже рабочие, главным образом те, кто легко поддавался национализму и кто еще не

¹⁵ *Mérei Gyula. Magyar politikai pártprogrammok (1867—1914)*. Вр., 1934, 128—130. I.

¹⁶ OL, Kgy, II, U. 10, 1850—1923.

был охвачен социал-демократической партией и ее профсоюзами¹⁷. Она была главным проводником буржуазной и националистической идеологии среди крестьянства и рабочего класса. Имя национального героя придавало партии независимости привлекательность, которой не имела ни одна другая политическая партия страны, включая либеральную.

Между партией независимости и либеральной партией не было принципиальных разногласий даже в вопросе об отношении к Австрии, хотя основные противоречия, их разделявшие, касались дуализма. Обе партии твердо стояли за сохранение монархии с той лишь разницей, что либералы выступали против ревизии соглашения, а их соперники настаивали на большей самостоятельности Венгрии в рамках империи¹⁸. Наиболее крайние элементы мечтали о создании сильного венгерского государства под скипетром Габсбургов, о перенесении центра империи в Будапешт, словом, о преобразовании Австро-Венгрии в Венгро-Австрию на основе персональной унии, т. е. чтобы обе страны связывала лишь личность монарха. Они также выступали за энергичную экспансию на Балканах¹⁹.

Лозунги полного государственного суверенитета Венгрии и, особенно, самостоятельной таможни встречали живое сочувствие среди средней и мелкой буржуазии, страдавшей от засилья австрийских и австро-венгерских монополий и от конкуренции австрийских промышленных изделий на венгерском рынке²⁰. Поэтому эти элементы охотно примыкали к партии независимости, руководящее ядро и парламентская фракция которой находились в руках средних помещиков.

Таким образом, буржуазия не имела своего непосредственного политического представительства, своей собственной политической партии. Единственная чисто буржуазная политическая организация — демократическая партия — была партией по существу одного города — Будапешта, к тому же она шла в фарватере партии независимости. В эту партию, образовавшуюся в мае 1900 г., входили адвокаты, врачи, учителя, журналисты, мелкие предприниматели и торговцы, в основном еврейского происхождения²¹. Официальная программа партии включала требования буржуазных свобод, всеобщего избирательного права, бесплатного образования, повышения жалования учителям, введения подоходного налога, уменьшения косвенных налогов,

¹⁷ *Doimányos István. A magyar parlamenti ellenzék történetéből (1901—1904).* Вр., 1963. 80—85, 92—93. л.

¹⁸ *Hentaller Lajos, Szatmári Mór. Kossuth Ferenc harminc parlamenti beszéde.* Вр., 1906, 245—252. л.

¹⁹ Вр Н, 4. I 1903, 25. XII 1904.

²⁰ *Tarczai Lajos. Pártalakulások.*— Szoc, 1907—1908, 650. л.

²¹ *Szendé Pál. A magyar politikai pártok és az Ausztriával fennálló kapcsolat.*— «Huszadik Század», II. к. Вр., 1908, 510—511. л.

антикартельного законодательства, законов об охране труда, обязательного страхования рабочих, введения 8-часового рабочего дня для прекращения классовой борьбы, самостоятельной таможи²².

Возглавлявшаяся адвокатом Вильмошем Важони демократическая партия пользовалась наибольшим влиянием в муниципальных органах столицы, в особенности VI округе (Терезварош). Социальная демагогия, к которой широко прибегала эта партия, была продиктована стремлением нейтрализовать растущее влияние социал-демократии и профсоюзов.

Это же стремление в первые годы XX в. приобретало все большее значение в практической деятельности другой партии оппозиции — так называемой народной партии, которая образовалась пятью годами раньше, чем демократическая партия Важони. Первоначально она возникла как традиционная парламентская партия высшего католического духовенства и консервативной землевладельческой аристократии во главе с крупными магнатами Яношем и Нандором Зичи²³. После знаменитой папской энциклики «Рерум новарум» и в связи с успехами социалистического движения в Венгрии партия, приняв на вооружение идеи «христианского социализма», развернула битву за овладение умами и сердцами заблудших сынов церкви. Выступая за «справедливую» налоговую систему, за государственную защиту крестьян, рабочих, ремесленников, расширение страхования рабочих, ругая, не жалея слов, капиталистов и либералов, она вербовала сторонников в средних слоях и среди имущих крестьян, пользуясь их религиозностью и влиянием своих агитаторов-священников. Новые лидеры партии — Карой Хусар и Шандор Гиссвайн, — часто называя себя социалистами, решительно отвергали идеи научного социализма. Особую их ярость вызвали идеи классовой борьбы и пролетарского интернационализма, которым они противопоставляли христианское примирение угнетенных и угнетаемых²⁴.

С начала века партия все чаще прибегала и к национальным лозунгам, провозглашая необходимость защиты конституционных прав «венгерской нации», обеспечения «национального характера» Венгрии и ослабления зависимости ее от Австрии. Наряду с этим и в отличие от других партий венгерских господствующих классов программа народной партии обещала невенгерским народам поддержку их «справедливых желаний», поскольку это будет совместимо с «единством венгерского государства». Благодаря этим обещаниям ей удалось привлечь на свою сторону известную часть словацких католи-

²² OL, BM. eln. 1900—184. res.; *Vázsonyi Vilmos*. Op. cit., 3—8. 1.

²³ *Galántai József*. Egyház és politika, 1890—1918. Bp., 1960, 65—70. 1.

²⁴ *Ibid.*, 79—80. 1.

ков-крестьян²⁵. Ее активистами становятся известные впоследствии политические деятели А. Хлинка, Ф. Юрига и другие священники. Клерикальная народная партия в парламенте созыва 1901—1904 гг. имела 24 депутатских мандата (вместо 19 в 1896—1900 гг.).

Отношения между правящей верхушкой и оппозицией обострились в конце 1902—в начале 1903 г. Правительство Селла разработало законопроект об увеличении рекрутского набора в армию. Проект, представленный палате министром обороны генералом Фейервари, был продиктован австрийской военщиной, которой не терпелось включиться в гонку вооружений, охватившую великие державы.

В сущности партия независимости и другие оппозиционные группы парламента не возражали против модернизации австро-венгерской армии и усиления ее боеспособности. Однако они были не прочь попытаться добиться и усиления венгерского влияния в общих вооруженных силах. Программа «мадьяризации» общей армии должна была открыть широкий доступ к офицерским должностям и военной карьере многочисленным отпрыскам влиятельного в партии независимости слоя обедневших дворян — так называемых джентри. Оппозиция обусловила свое согласие на утверждение военного законопроекта следующими требованиями: введение венгерского языка в венгерских частях армии, расквартирование их лишь на территории Венгрии, употребление исключительно национальных знамен, знаков отличий и герба, замещение командных должностей только венгерскими офицерами.

Правительство было не в состоянии обеспечить принятия Веной ни одного из этих требований. Ни для кого не являлось секретом, что король ни при каких обстоятельствах не соглашался идти на уступки в делах, касавшихся вооруженных сил. Армия в его глазах олицетворяла империю и казалась гарантом ее единства и самого существования, выражением неограниченной власти монарха. Дуализм мало что изменил в структуре и в механизме руководства армией, которая и официально называлась «императорской и королевской».

Венгерская оппозиция, прибегнув во время обсуждения в палате военного законопроекта к обструкции, сорвала его принятие. Из-за обструкции не получило парламентского одобрения и экономическое соглашение, договоренность о котором была достигнута после длительных переговоров Селла с Кёрбером в новогоднюю ночь на 1903 г. Новое соглашение, которое венгерский премьер считал своим лучшим достижением на посту главы правительства, предусматривало, к выгоде как

²⁵ *Tarczai Lajos*. Op. cit., 650. l.

австрийской буржуазии, так и венгерских аграриев, повышение ввозных пошлин на промышленные и сельскохозяйственные продукты ²⁶.

Военные требования оппозиции чрезвычайно накалили внутривнутриполитическую обстановку в империи. Австрийский рейхсрат с редким для него единодушием принял специальную резолюцию протеста. Престолонаследник эрцгерцог Франц-Фердинанд, ярый противник венгерских национальных требований, подстрекал императора к энергичному подавлению оппозиционных выступлений, принявших форму уличных манифестаций и митингов.

Политическая борьба в Венгрии в 1903 г. вышла за стены парламента. Социал-демократическая партия повела ее с позиций последовательного антимилитаризма, резко протестуя против гонки вооружений, вся тяжесть которых ложилась на плечи трудящихся. Организованные ею митинги и демонстрации проходили под лозунгом улучшения материального положения пролетариев, особенно безработных, число которых в 1902 г. достигало 100 тыс., а также демократической реформы избирательной системы. Руководство партии изъявило готовность поддержать партию независимости, если она выступит за введение всеобщего избирательного права. Однако Ф. Кошут и его сторонники не желали связывать себя подобного рода обещаниями. После неудачи этих переговоров социалисты повели борьбу не только против правительства и оппозиции, но и против выдвинутых ею и популярных в народе национальных лозунгов.

Тем временем политическая обстановка продолжала обостряться. Селлу, искусному тактику и мастеру закулисных переговоров, не удалось осуществить рекомендованных придворными кругами и группой Тисы крутых мер по подавлению оппозиции. Не справился с этой задачей и пришедший ему на смену барон Куэн-Хедервари, бывший хорватский бан, заслуживший доверие и благосклонность консервативных кругов монархии беспощадным подавлением волнений в Хорватии. Его попытка уладить дело путем подкупа некоторых оппозиционных депутатов окончилась провалом и вызвала грандиозный скандал в палате. Раздраженный этим король решил положить конец обструкции личным публичным вмешательством, что было необычным шагом. 17 сентября во время армейских маневров в Галиции (Хлопи) он издал приказ по армии, который гласил: «Я должен и хочу и впредь сохранить существующие в армии порядки. Пусть знают, что я никогда не откажусь от

²⁶ G. Kolmer. *Parlament und Verfassung in Österreich*, Bd. VIII. Wien — Leipzig, 1914, S. 336—337; KN, 1901—1904, X. 306—310. 1.

моих прав и привилегий верховного командующего... Моя армия должна остаться общей и единой, такой как она есть»²⁷. Патриотизм мадьяр особенно был задет фразой приказа, утверждавшей, что «благодаря духу единства и гармонии, царящим в армии, национальное своеобразие всех племен и народностей служит общему делу». Это означало, что мадьяры приравниваются ко всем остальным народам.

Этот приказ, вошедший в историю под названием «хлопинского инцидента», вызвал бурю негодования в Венгрии и был воспринят как прямой вызов и тяжкое оскорбление национальных чувств. В некоторых местах дело дошло до стычек между населением и австрийскими гарнизонами. Настал час И. Тисы.

Сформированное им в октябре 1903 г. правительство решило не доводить дела до разрыва с оппозиционными партиями. Тиса обещал воздержаться от немедленного проведения военного законопроекта и ревизии парламентского устава, которой он угрожал оппозиции. Оппозиционные партии со своей стороны согласились прекратить обструкцию и не мешать вотинованию обычного ежегодного военного бюджета. Это компромиссное решение было достигнуто под непосредственным воздействием стачечного движения промышленных и сельских рабочих, принявшего в 1903—1904 гг. угрожающие размеры. Поэтому первым делом Тиса решил расправиться с массовыми движениями, а потом уж взяться за парламентскую оппозицию.

Весной и летом 1903 г. над некоторыми районами страны вновь после пятилетнего перерыва нависла грозная тень аграрно-социалистических волнений конца прошлого века (90-х годов). Центром волнений стали Бачка и Банат и прилегающие к ним районы Южной Венгрии. Как и в 90-х годах, стачечное движение батраков и жнецов за повышение заработной платы и улучшение условий труда переплеталось с борьбой беднейших крестьян за землю. Правительство Тисы наводило южные области жандармами и войсками, которые при малейшем поводе, а часто и без повода, пускали в ход оружие. 24 апреля 1904 г. произошло кровавое побоище в Алешде (Элешд, комитат Бихар). Войска и жандармы открыли огонь по толпе румынских и венгерских крестьян. Десятки человек были убиты, несколько десятков ранено²⁸. «Одновременно с трагическим происшествием в Элешде,— писал в донесении русский консул в Будапеште,— беспорядки социалистического характера возникли и в других местах Бихарского комитата, населенных румынами»²⁹. В знак траура и возмущения крова-

²⁷ *Th. Sosnosky. Die Politik im Habsburgerreiche*, Bd. II. Berlin, 1913, S. 179.

²⁸ MMTVD, III. k., 21. l.

²⁹ АВПР, ф. Политический архив, 1904, д. 579, л. 43.

вым злодеянием властей рабочие административного центра комитата г. Орадя (Надьварад) на следующий день объявили всеобщую стачку. В город немедленно были введены войска, а социал-демократические организаторы и руководители забастовки — арестованы.

Особую тревогу правительства вызывала связь (если не прямая, то косвенная) волнений в деревне с социалистическим рабочим движением, с агитационной и пропагандистской деятельностью социал-демократии. «Социалистическое движение в южных провинциях страны приняло опасный характер и угрожает не только миру и спокойствию народа, но и общественной безопасности и государственному порядку», — писал Тиса министру юстиции в январе 1904 г. Тиса требовал энергичного пресечения «подстрекательской» деятельности представителей ЦК Социал-демократической партии Венгрии, а также конфискации социалистической литературы и газет, которые издавались в Будапеште и Белграде и широко распространялись в Бачке и Банате. В результате бесконечных конфискаций и непосильных денежных штрафов партия вынуждена была в конце 1904 г. прекратить выпуск будапештской газеты на сербском языке «Народна реч». Напуганное беспорядками, в ходе которых наблюдались даже попытки раздела земли, правительство ввело в январе 1904 г. в комитатах Темеш и Торонтал осадное положение, а в комитат Арад направило новые отряды войск³⁰.

Наиболее значительной из классовых битв, развернувшихся в Венгрии в первые годы XX в. (до 1905 г.), безусловно, была всеобщая забастовка железнодорожников. Начавшаяся 19 апреля 1904 г. забастовка в течение пяти дней парализовала движение на всех железных дорогах страны. Вот как описывал это «событие, всецело овладевшее умами населения», очевидец, русский консул в Будапеште А. Н. Львов: «Стачка началась по сигналу, переданному по телеграфу коноводами движения, и в ту же минуту станционные чиновники оставили свои посты, поезда остановились на тех же станциях, где их настигло известие о всеобщей стачке; машинисты, кондуктора, сигналисты, стрелочники и т. д. бросили все на произвол судьбы и, образовав экстренные поезда, со всех сторон Венгрии направились в Будапешт, дабы принять участие в сходке, имевшей состояться в тот же день... стачечники захватили в свои руки телеграф, дабы помешать центральной администрации принимать соответствующие меры к восстановлению прерванного на железных дорогах движения»³¹.

³⁰ OL, IM, 1902—1904, R-4721; MSzM, 1904, 211. 1.

³¹ АВПР, ф. Политический архив, 1904, д. 579, лл. 33, 37.

«Коноводами» стачки, как выразился Львов, были не рабочие и не социалисты, а железнодорожные служащие — машинисты, кондукторы и даже заместители начальника станции. Они полностью находились под влиянием партии независимости и никаких связей с социал-демократией не имели. Но силу и размах стачке придало участие в ней тысяч рабочих мастерских и депо, путейцев, ремонтников, кочегаров и др. Борьбу венгерских железнодорожников поддержал и международный пролетариат. В стачечный фонд поступили довольно крупные суммы от железнодорожников Германии, Франции, Италии. Требования, с которыми выступали стачечники, были весьма скромными: увеличение заработной платы, право на организацию, смягчение полувоенной дисциплины, пересмотр служебного устава и др. Стачком обратился за помощью к оппозиционным партиям парламента. Однако помощи от них он не получил. Выступая в палате депутатов 20 апреля, Тиса заявил: «Если нужно будет, я восстановлю порядок при помощи штыков; я выполню свой долг!» По его приказу вокзалы и станции Будапешта и других городов были заняты войсками. 22 апреля по настоянию Тисы был издан приказ, подписанный королем и венгерским министром обороны, объявлявший железнодорожников военнообязанными, состоящими на действительной службе, и предписывавший им нести службу на своих постах. На всякий случай премьер решил отсрочить заседания парламента. Руководители забастовки были арестованы и преданы суду. Этими чрезвычайными мерами Тисе удалось 25 апреля восстановить на транспорте «порядок».

Социал-демократия безучастно наблюдала за тем, как Тиса расправляется с беззащитными железнодорожниками, только потому, что руководство стачкой стояло «на платформе патриотизма» и не хотело иметь ничего общего с социал-демократической партией. Такой подход был не случайной ошибкой, а логически вытекал из взглядов социалистических лидеров на сложные и противоречивые проблемы, с которыми столкнулось венгерское рабочее движение в ходе кризиса дуализма.

Политика венгерской социал-демократии

Венгерская социал-демократия испытывала со дня своего зарождения сильнейшее влияние германской и австрийской социал-демократии. Успехи немецкой социал-демократии на выборах в рейхстаг порождали иллюзорные надежды в отношении парламентаризма. Всеобщее избирательное право превратилось для руководителей партии в главную и почти единственную цель

социалистического движения в Венгрии. Оно считалось «единственным оружием, при помощи которого пролетариат свергнет нынешнее общество и построит новое»³².

Ограничение целей, стоявших перед венгерским рабочим движением, лишь борьбой за всеобщее избирательное право и игнорирование главных в то время задач — завершения буржуазно-демократической революции и перерастания ее в социалистическую — отражало не только слабость в вопросах тактики, но и теоретическую несостоятельность венгерской социал-демократии, ее глубоко ошибочное понимание конкретно-исторической обстановки в Венгрии начала XX в. Лидеры социал-демократической партии считали, что в Венгрии начала XX в. элементы капиталистического развития представлены в виде отдельных, изолированных островков в городах. Отсюда вытекал первый тезис: задачей венгерского пролетариата являлось помочь буржуазной перестройке страны. Вот как писал об этом один из теоретиков партии Жигмонд Кунфи: «В настоящее время в Венгрии нет буржуазии в европейском смысле, как это ни звучит парадоксально... Венгерская социал-демократия ныне борется за создание буржуазного класса, она является повивальной бабкой буржуазного общества. Особенность венгерской истории состоит в том, что не буржуазия создает своего могильщика, а рабочему классу необходимо сначала создать своего угнетателя»³³.

Огромное влияние на формирование оппортунистической идеологии венгерской социал-демократии оказал так называемый австрмарксизм, представлявший собой извращение марксистской теории и классовой борьбы пролетариата.

Венгерская социал-демократическая партия в соответствии с официальной позицией германской и австрийской социал-демократии также выступала с критикой бернштейнианства. Однако социал-демократическое руководство осуждало Бернштейна лишь за то, что он отрицал за социал-демократией право на революционность и призывал ее, отбросив «революционную фразу, стать тем, чем она в действительности является — демократическо-социалистической партией реформ»³⁴. В статьях, опубликованных в центральном органе партии газете «Непсава», настойчиво проводилась мысль, что Бернштейн стремится не к ревизии марксизма, а лишь к изменению тактики социал-демократии.

Венгерская социал-демократия в лучшем случае занимала примиренческие позиции по отношению к ревизионизму. Газета «Непсава» в специальной статье, озаглавленной «Немецкий

³² «Allami rendőrség működése az 1897. évben». Bp., 1898, 513, 1.

³³ «Die Neue Zeit» (Stuttgart), 1906, 2. Bd., S. 88.

³⁴ MMTVD, II. k., 635. 1.

ревизионизм» (уже одно заглавие подчеркивало, что ревизионизм не международное, а чисто германское явление), внушала читателям мысль о незначительности разногласий между радикальным и ревизионистским течениями в германской социал-демократии. И ревизионисты, и радикалы, писала газета, борются за обобществление средств производства, за социализм, разногласия касаются лишь будущего, в них речь идет не о сегодняшней политике партии и рабочего движения, а о «предсказании будущего». Придет время, когда ревизионисты увидят, что революция необходима для достижения конечной цели, тогда они не откажутся от применения революционных методов. Что же касается разногласий по вопросу об отношении к буржуазным партиям, то они носят чисто тактический, а не принципиальный характер³⁵.

Такую же примиренческую непоследовательную позицию заняла газета в отношении «казуса Мильерана». Французский социалист Мильеран, ставший министром в буржуазном правительстве, на практике претворил в жизнь теоретический ревизионизм Бернштейна. Он удостоился похвалы как «мужественный целеустремленный и неутомимый борец на благо пролетариата, который не совершил предательства, а принес жертву»³⁶. Из дела Мильерана «Непсава», вполне в духе бернштейневского ревизионизма, делала вывод о необходимости осуществления программы-минимум социал-демократии в рамках буржуазного общества, опираясь на помощь буржуазии. При этом задача партии сводилась к подготовке «пролетариата к тому времени, когда само экономическое развитие создаст новый и лучший общественный строй»³⁷.

Венгерская социал-демократия разделяла господствовавшие в партиях II Интернационала теории о «реакционности» крестьянства. Ее непризнание крестьянства как революционной силы, способной стать союзником пролетариата, проявилось и в отрицательном отношении к идее раздела земли. Единственным требованием, выдвинутым в интересах среднего и мелкого крестьянства, было требование снижения налога на мелкую собственность и прогрессивного налогообложения крупных поместий³⁸. «...Мы никогда не будем защищать интересы мелких хозяев», — заявил Гарамии на съезде партии³⁹. Партия требовала принятия закона об охране труда сельских рабочих, улучшения их материального положения, обеспечения свободы объединения и собраний.

Такое же пренебрежение венгерская социал-демократиче-

³⁵ N, 12.III 1907.

³⁶ MMTVD, II. k., 638. 1.

³⁷ Ibidem.

³⁸ MMTVD, II. k., 286. 1.

³⁹ MMTVD, III. k., 122. 1.

ская партия проявила и к весьма сложному и животрепещущему в условиях многонациональной монархии национальному вопросу. Венгерская социал-демократия, как и австрийская, не выдвинула лозунга о праве наций, населявших монархию, на самоопределение вплоть до отделения. Социал-демократическая партия даже не поставила вопрос о ликвидации габсбургской монархии и создании демократической республики.

Венгерская социал-демократия с таким же пренебрежением относилась к национальной борьбе венгров, как и к борьбе угнетенных национальностей в самой Венгрии. Социал-демократическое руководство не сумело, да и не пыталось, выработать марксистской программы разрешения национального вопроса. Не случайно поднявшаяся волна национальной борьбы застала социал-демократию и теоретически, и тактически неподготовленной. Венгерские реформисты считали национальный вопрос второстепенным, тактическим, они объявляли борьбу за независимость устаревшей, чуждой рабочему классу. Один из влиятельных лидеров партии, выступая 22 марта 1903 г. на митинге в Будапеште, говорил: «Все национальные требования ни к чему не ведут; они не облегчат гнет, не прекратят эксплуатацию. Улучшится ли положение народа хоть на йоту, если с нашими солдатами будут также скверно обращаться, но команду будут подавать не на немецком языке, а на венгерском?»⁴⁰.

Попыткой дать ответ на вопросы, поставленные обострившейся классовой и национальной борьбой, был социал-демократический съезд 1903 г. Важнейшей задачей съезда явилось принятие новой программы в соответствии с постановлением предыдущего съезда, в 1902 г. Последнее было продиктовано тем, что австрийская партия на своем съезде в 1901 г. отказалась от Хайнфельдской программы, послужившей, как известно, образцом для венгерской «Декларации принципов» 1890 г. Новая австрийская программа, утвержденная венским съездом в 1901 г. и включавшая ряд откровенно ревизионистских положений, отразила усиление в рабочем движении Австрии реформистских тенденций⁴¹.

Проект венгерского программного документа, составленный комиссией во главе с Э. Гарами, был предварительно рассмотрен и в целом одобрен К. Каутским. За основу на этот раз была взята Эрфуртская программа германской социал-демократии⁴². Ряд моментов выгодно отличал проект как от «Декла-

⁴⁰ «A katonai javaslatok, az éllenzék, a klerikalizmus. Két beszéd. Tartották: Weltner és Bokányi elvtársak 1903, március 22-én». Вр., s. a.

⁴¹ «История Второго Интернационала», т. II, стр. 62.

⁴² Varga Lajos. A magyarországi szociáldemokrata párt 1903-as programjának néhány kérdése.— ПТК, 1969, N 3, 32—66. 1.

рации принципов», так и от Венской программы австрийской социал-демократии. В новой программе, представленной съезду популярнейшим оратором венгерских рабочих каменщиком Д. Бокани, отсутствовало прежнее лассальянское положение о «полном вознаграждении труда рабочего». Яснее и четче звучала формулировка об исторической миссии пролетариата. Подготовка и осуществление нового общественного строя, говорилось в нем, возможны только против воли господствующих классов и путем подавления их сопротивления. Свою историческую задачу, указывалось далее в документе, рабочий класс может выполнить «лишь планомерной, целеустремленной классовой борьбой и только завоеванием политической власти»⁴³. Упоминание о необходимости завоевания политической власти было безусловно шагом вперед по сравнению с прежней программой. Однако оно не компенсировало отсутствия в новой программе важнейшего положения марксистской теории о революционном свержении капиталистического строя и установлении диктатуры пролетариата.

О том, что это вовсе не было случайным упущением составителей, свидетельствуют рекомендованные венгерскими социал-демократами пути и методы достижения конечной цели. В том же, третьем пункте программы говорилось: «К средствам этой классовой борьбы относятся: просвещение всех слоев населения, непрерывное разъяснение и распространение социалистических идей; энергичная политическая и экономическая организация и борьба рабочего класса; вообще любое средство, соответствующее чувству справедливости пролетариата» (в австрийской программе речь шла о средствах, «соответствующих правовому сознанию» рабочих). Главная оппортунистическая ошибка теоретической части программы заключалась в том, что из-за непонимания диалектического единства и взаимосвязи революции и реформ, стратегических целей и тактических задач, она порождала иллюзии мирного вращивания социализма в капитализм⁴⁴.

Подчеркивая более высокий теоретический уровень программы 1903 г., авторы выпущенной Институтом истории партии ВСРП «Истории венгерского революционного рабочего движения» в то же время справедливо указывают, что социал-демократическая «партия сосредоточила внимание только на частичных политических и экономических требованиях, не видела назревания революции, ее характера и главных задач»⁴⁵.

Непонимание лидерами партии революционных задач пролетариата, вытекавших из необходимости завершения буржуаз-

⁴³ MMTVD, III. k., 139. 1.

⁴⁴ Varga Lajos. Op. cit., 51. 1.

⁴⁵ «A magyar forradalmi munkásmozgalom története». Bp., 1966, 50. 1.

но-демократических преобразований, ярко проявилось в фетишизации лозунга всеобщего избирательного права, в отказе от поддержки борьбы крестьян за раздел помещичьей земли (в программе 1903 г. было даже опущено старое требование о национализации латифундий), в позиции по национальному вопросу.

В 1903 г., принимая новую программу, венгерская социал-демократическая партия сделала робкую попытку определить свое отношение к острейшим и сложнейшим вопросам политической жизни, которые были поставлены на повестку дня обострением австро-венгерских отношений и кризисом дуализма. В конкретной части новой программы, содержавшей ближайшие задачи венгерского пролетариата, было выдвинуто требование «полного самоуправления», «независимости государственных, комитатских и муниципальных властей», «их выборности и ответственности», а также отмены «всех унаследованных рангов и титулов»⁴⁶. Этот в высшей степени туманный пункт означал, оказывается, и требование независимости, и лозунг уничтожения монархии и установления республики. Но все это можно было понять только из устного разъяснения докладчика Бокани, в котором говорилось: полное самоуправление «включает в себя, по единодушному мнению программной комиссии, независимость Венгрии. Другими словами, мы, социал-демократы, считаем естественным, чтобы Венгрия распоряжалась своей судьбой как в политической, так и в экономической областях независимо от внешнего влияния, скажем, от Австрии»⁴⁷.

В то время как австрийские социалисты все настойчивей требовали расторжения дуалистического Соглашения 1867 г. и обособления Австрии от Венгрии — это положение было включено в программу 1902 г., — среди венгерских социалистов не было никакого единства.

Не было единодушия и четкости в позиции партии по актуальным вопросам борьбы за государственную независимость. Съезд 1899 г. высказался за самостоятельность страны, а в докладе партии Парижскому конгрессу II Интернационала указывалось, что Венгрия получила независимость в 1867 г.⁴⁸ Предвыборный манифест партии 1901 г. содержал требование «полной экономической и политической независимости Венгрии»⁴⁹.

Резолюция, предложенная на съезде 1902 г. А. Гольднером, о включении в программу требования самостоятельной таможни, вызвала оживленную дискуссию, но не была принята ввиду решительного возражения Гарамы⁵⁰. Гарамы, считавший, что социалисты, будучи интернационалистами, должны бороться во-

⁴⁶ ММТВД, III. к., 140. 1.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibid., 33. 1.

⁴⁹ PI Arch. Rgy, I, 1901-III-758-1.

⁵⁰ ММТВД, III. к., 82—86. 1.

обще против любых национальных лозунгов и движений, поскольку они способствуют консервации национальности, понимал в то же время, что постановка вопроса о венгерской независимости немедленно и автоматически влечет за собой вопрос о судьбе невенгерских народов. «О какой независимости идет речь?— говорил он на съезде в 1902 г. — О венгерской? Разве здесь (живут) только венгры? Разве нет словаков, сербов, румын, немцев? Было бы тогда логично, чтобы и они потребовали свою национальную независимость с целью присоединения своей национальной территории: к Румынии, Сербии и т. д.»⁵¹ Уклоняясь от напрашивавшегося вывода, Гарамы такой постановкой вопроса хотел лишь сорвать принятие резолюции Гольднера.

На съезде 1903 г. в поддержку резолюции выступили Д. Бокани, Я. Вельтнер и др. Она была принята, но не включена в программу. Резолюция требовала экономического отделения от Австрии и использования протекционистских пошлин в интересах капиталистического развития страны⁵².

Но заметных последствий в практической деятельности партии это событие не имело; в центре агитации партии по-прежнему стоял лозунг всеобщего избирательного права.

Что касается позиции социал-демократической партии в отношении борьбы национальностей, населяющих Венгрию, то и в этом вопросе дело обстояло не лучше. В программе партии, принятой на съезде в 1903 г., имелся пункт о «полном равноправии для всех национальностей». Съезд отклонил резолюцию сербских делегатов о включении в программу требования об автономии⁵³, хотя в предвыборном манифесте 1901 г. СДПВ выступала за предоставление национальностям автономии⁵⁴. Заметные успехи социалистической агитации в сербских и румынских областях заставили венгерскую социал-демократию уделить несколько большее внимание национальному вопросу на съезде в 1904 г. Съезд призвал социал-демократических рабочих вести энергичную борьбу против шовинизма буржуазно-помещичьих партий, усилить агитационную и организационную работу среди трудящихся всех национальностей.

В принятой резолюции съезд 1904 г. констатировал, что трудящиеся национальностей Венгрии страдают от экономического и политического гнета не только как немцы, сербы, румыны, словаки, и т. д., но главным образом и в первую очередь как пролетарии, «вместе с мадьярами» разделяя их участь. Иными словами, резолюция игнорировала тот факт, что невенгерские народы, помимо капиталистической эксплуатации,

⁵¹ ММТД, III. к., 84. 1.

⁵² Ibid., 130—135. 1.

⁵³ Ibid., 140—142. 60—61. 1.

⁵⁴ PI Arch. Rgy., I. 1901-III-758-1.

подвергались еще и национальному гнету. Резолюция ставила знак равенства между шовинизмом мадьярских буржуазно-помещичьих партий и национализмом подобных же партий венгерских национальностей⁵⁵.

Венгерская социал-демократия, как и австрийская, ограничившись декларативным провозглашением равноправия национальностей, не выдвинула лозунга права угнетенных наций Венгрии на самоопределение вплоть до отделения. Между тем только самое решительное и последовательное отстаивание права наций на самоопределение могло привлечь трудящихся угнетенных национальностей на сторону венгерского рабочего класса. Все это, безусловно, ослабляло эффективность классовой борьбы национальностей. Тем не менее социал-демократическая партия была единственной политической партией Венгрии, защищавшей интересы трудящихся всех народов Венгрии. «При всем оппортунизме социал-демократического руководства... все же многие социал-демократические организации и профсоюзы эффективно поддерживали борьбу крестьянства и угнетенных народов — этих естественных союзников рабочего класса»⁵⁶.

Важное значение имело принятие устава, определившего основные обязанности членов партии: «К социал-демократической партии, — говорилось в нем, — принадлежит тот, кто признает основные принципы и программу партии, распространяет их по мере своих сил и постоянно оказывает партии материальную и моральную поддержку»⁵⁷.

Венгерская социал-демократическая партия имела перед рабочим классом крупные заслуги в деле создания политических и экономических организаций пролетариата; она руководила упорной борьбой трудящихся за политические свободы и за улучшение условий труда и жизни. Успехи социал-демократического движения, а главное, отсутствие организационно сложившегося и теоретически подготовленного левого крыла позволили оппортунистам длительное время сохранять за собой руководство в партии. К концу 90-х годов идейное влияние реформизма возобладало в руководстве и нанесло большой вред рабочему движению⁵⁸.

Этому способствовал своеобразный характер организационной структуры партии, благодаря которой партия постепенно стала придатком профсоюзов. Партийные организации строились главным образом на базе профессиональных союзов.

⁵⁵ MMTVD, III. k., 199. l.

⁵⁶ M. Constantinescu, L. Bányai, V. Cutricăpeanu, C. Göllner, C. Nuțu. Zur nationalen Frage in Österreich-Ungarn (1900—1918). — «Die nationale Frage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1900—1918». Вр., 1966, S. 65.

⁵⁷ MSzP, XI, 7—8. l.

⁵⁸ К 40-й годовщине образования Коммунистической партии Венгрии (тезисы). — «Новая и новейшая история», 1959, № 1, стр. 158.

В Венгрии профессиональные союзы и объединения рабочих могли создаваться только после одобрения их устава правительством, допускаящим существование подобных организаций в том случае, если они официально отказывались от политической деятельности и организации стачек. Поэтому венгерские рабочие вынуждены были образовывать наряду с официальными «легальными» профсоюзами нелегальные, так называемые «свободные организации», которые руководили политической и экономической борьбой пролетариата. В этих «свободных профсоюзах» и строила всю свою работу социал-демократическая партия.

Самостоятельных, отдельных от профсоюзов ячеек партия почти не имела. В немногие самостоятельные партийные организации (окружные) входили главным образом представители интеллигенции, которые не являлись членами профсоюзов.

Роль местной партийной организации выполняли так называемые доверенные лица, избираемые «свободными профсоюзами». Прием партийных взносов также производился через кассы этих профсоюзов; член профсоюза одновременно платил взнос и как член социал-демократической партии⁵⁹. Мано Бухингер, секретарь ЦК партии с 1905 г., уподоблял венгерское рабочее движение «дому, хозяином которого были профессиональные организации, а терпимыми квартирантами или снимающими койку являлись партийные»⁶⁰.

На ежегодных съездах партии «доверенные лица» выбирали руководство партии. Последнее составлялось из руководителей крупнейших профсоюзов-строителей, металлистов и др. Характерно, что оппортунистические лидеры в своей деятельности стремились опереться не на промышленный пролетариат крупных предприятий, а на кустарей и хорошо оплачиваемых рабочих. Якаб Вельтнер, один из влиятельных руководителей социал-демократической партии, подчеркивал, что «наиболее культурные, выдержанные и самоотверженные борцы социал-демократической партии — это рабочие, имеющие сокращенный рабочий день, и хорошо оплачиваемые»⁶¹.

Такое смешение профсоюзов с партией, непонимание особой — организующей, руководящей — роли партии рабочего класса, как его авангарда, принижение роли партии, подчинение ее профсоюзной политике и профсоюзному руководству являлось и следствием и одной из причин оппортунизма в партии. Подчинение партии профсоюзам стало одним из источников постоянно питающим оппортунизм в социал-демократии.

⁵⁹ N, 18.VIII 1907.

⁶⁰ *Buchinger Manó*. Küzdelem a szocializmusért. Bp., é. n., 115—116. l.

⁶¹ MMTVD, III. k., 285. l.

В ходе экономических и политических боев в первые годы XX в. рабочий класс укреплял свои организации. В конце 90-х годов был создан ряд крупных профсоюзных организаций. В начале 900-х годов численность организованных рабочих быстро растет. Если к началу 1902 г. их число составляло 10 тыс., то к концу года оно увеличилось до 15 тыс.⁶² О степени организационного усиления венгерского рабочего движения говорит тот факт, что за один 1903 год число членов профсоюзов увеличилось на 26 тыс. человек — к 31 декабря 1902 г. их было 15 тыс., а к 31 декабря 1903 г. — 41 тыс. К 30 июня 1904 г. в профсоюзах насчитывалось 52 тыс. человек, т. е. 12,53% всех рабочих⁶³. (В Австрии организованные рабочие составляли 7,5%, в Германии — 21%).

Особенно быстро росла организованность наиболее боевых отрядов венгерского пролетариата — металлистов и строителей. Союз металлистов начал свою деятельность только в середине 1903 г. За полгода число его членов достигло 7500 человек⁶⁴. Не случайно министр торговли обращал внимание правительства на усиление профсоюзов и стремительный рост стачечного движения, что, по его словам, «угрожает не только отдельным промышленным предприятиям, но и целым отраслям промышленности»⁶⁵.

Определенное значение в необычайно быстром расширении профессионального движения в 1903 г. имела известная либерализация рабочей политики правительства К. Селла⁶⁶. Последнее отказалось от прямолинейных лобовых атак и терроризма в отношении рабочих организаций, от методов, которые применялись предшествующим кабинетом Д. Банфи. Селл, который открыто похвалялся тем, что он является первым венгерским премьером, заявившим, что нельзя привлекать людей к ответственности из-за принадлежности к социал-демократии⁶⁷, повелел полиции не слишком придирааться к законно признанным организациям, не мешать их собраниям⁶⁸. Распоряжением министерства торговли от 27 июля 1903 г. властям запрещалось принуждать бастующих к работе при помощи вооруженной силы, высылать их лидеров⁶⁹.

Этими маневрами правительство пыталось притупить остроту классовых боев и оказать косвенную поддержку реформистской

⁶² Ibid., 240. 1.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ OL, PM, 1904—2960.

⁶⁶ *Erényi Tibor. A magyarországi szakszervezeti mozgalom kezdetei.* Bp., 1962, 242. 1.

⁶⁷ KN, IV, 92—95. 1.

⁶⁸ N, 3. VII 1902.

⁶⁹ N, 6.VIII 1903.

линии руководства партии и профсоюзов. В свою очередь лидеры рабочего движения, прилагавшие немало сил и энергии для его расширения и усиления, опасаясь репрессий, остерегались переступить рамки законности и порядка.

Оппортунистическое руководство венгерского Совета профсоюзов нередко мешало рабочим в применении важнейшего орудия борьбы — стачек. Часто стачки срывались по воле реформистских лидеров профсоюзов.

В 1904 г. конгресс профсоюзов принял так называемый стачечный устав, который резко ограничивал права и возможности рабочих организовать забастовки и давал широкие полномочия Совету профсоюзов. По новому положению ни одна стачка не могла начаться без разрешения местной организации и Совета профсоюзов. Последний должен был быть уведомлен о стачке за четыре недели до ее начала. На материальную помощь могли рассчитывать лишь те профсоюзы, которые за полгода до стачки уже входили в Совет профсоюзов⁷⁰.

Влияние социал-демократии распространялось не только на членов партии и профсоюзов. Многие рабочие, которые не в состоянии были регулярно платить членские взносы и не являлись формально членами партии, активно поддерживали ее мероприятия.

По мнению германского консула в Будапеште, в 1905 г. социал-демократическая партия насчитывала приблизительно 60 тыс. членов только в Будапеште. «Сильные организации» по 6—8 тыс. человек имелись в Братиславе, Эдене, Тимишоаре, более слабые — в Араде, Орадя, Клуже, Кошице и т. д.⁷¹

На почве соглашательской политики партийного руководства в аграрном вопросе из-за нежелания его активно поддержать революционные выступления сельского пролетариата в 1900 г. в социал-демократии произошел новый раскол. 16 апреля 15 делегатов съезда партии в знак протеста против действий руководителей покинули съезд и образовали собственную партию, назвав ее «Реорганизованной социал-демократической партией Венгрии»⁷². Ее возглавил бывший часовщик-подмастерье, известный среди сельских рабочих Алфёлда социал-демократический публицист Вильмош Мезёфи. Печатным органом партии стала газета «Сабад Со» («Свободное слово»), издававшаяся сельскохозяйственными рабочими — социалистами Сентеша с ноября 1899 г. После образования партии газету редактировал В. Мезёфи.

В целом программа партии исходила из социал-демократи-

⁷⁰ ММТВД, III. к., 244—245. л.

⁷¹ ЦПА ИМЛ, ф. 191, д. 557, 21.X 1905.

⁷² «Jelentés a Budapesti Fű-és székesvárosi Allami Rendőrség az 1900. évi működéséről». Вр., 1901, 300—305. л.

ческой программы 1890 г., но в ней, в отличие от последней, на первый план выдвигались задачи поддержки и организации деревенской бедноты, а также, — что было совершенно новым, — требования, направленные на сохранение мелкокрестьянской земельной собственности путем освобождения ее от налогов и выкупа государством латифундий для сдачи их в аренду крестьянам⁷³.

Были в программе и крупные, принципиального характера упущения: в ней даже не упоминались необходимость обобществления средств производства и идея пролетарского интернационализма⁷⁴. Последнее упущение не было случайным. В июне 1900 г. конференция трансильванской организации открыто объявила себя сторонницей «венгерской государственной идеи, руководящей политической роли венгерской нации, опирающейся на тысячелетнее государственное существование»⁷⁵. Признание этой шовинистической идеи в конце концов привело партию Мезёфи в лагерь буржуазной оппозиции. Несмотря на это, ей удалось распространить свое влияние не только на венгерских крестьян и сельскохозяйственных рабочих, но и на румынских, в особенности в комитатах Арад и Бихар⁷⁶.

Реорганизованную социал-демократическую партию вскоре покинули социалистические элементы и организации, она стала демократической партией имущих слоев крестьянства.

В 1902—1903 гг. появились первые признаки складывания в венгерской социал-демократической партии левой оппозиции. Группу недовольных реформистской линией руководства молодых социалистов возглавлял Эрвин Сабо. Выдающийся деятель венгерского рабочего движения Эрвин Сабо стал социалистом еще будучи студентом в Вене, где он завязал дружеские связи с русскими революционерами (в основном с эсерами и экономистами). По возвращении из Вены он работал сначала в библиотеке парламента и промышленно-торговой палаты, а с 1904 г. до конца жизни — в столичной библиотеке. Одновременно Э. Сабо активно сотрудничал в газете «Непсава».

Разногласия, вызвавшие отчужденность между Э. Сабо, его друзьями и партийным руководством, не носили вначале политического характера и были связаны в первую очередь с недовольством методами партийного руководства, его пренебрежительным отношением к рабочим и недоверием к интеллигенции⁷⁷. Глубокая эрудиция и широкая образованность Э. Сабо,

⁷³ Szs, 7.V 1903.

⁷⁴ «Jelentés...», 464—468. 1.

⁷⁵ Ibid., 471. 1.

⁷⁶ FSzPMM, 331. 1.

⁷⁷ *Mucsí Ferenc. A Szabó Ervin vezette ellenzéki csoport fellépése és tevékenységének kezdete a Magyarországi szocialdemokrata pártban (1904—1905).* — «Legújabbkori Történelmi Múzeum Evkönyve», III—IV. Bp., 1963, 28. 1.

исключительная честность, убежденность, моральный авторитет привлекали к нему сердца молодых социал-демократов. В их числе были члены студенческой социалистической организации, созданной в 1904 г. К ее активу принадлежали Бела Ваго, Карой Вантуш, Дюла Алпари, Енё Ласло, Бела Кун и др.⁷⁸, которым в скором времени предстояло сыграть ведущую роль в судьбах движения и страны.

Э. Сабо, указывал М. Бухингер, входивший до 1905 г. в кружок его единомышленников, был недоволен «идейным содержанием, уровнем и темпами партийного движения»⁷⁹. По словам самого Сабо, он стремился к «реформе партии»⁸⁰. В этих целях группа Э. Сабо весной 1904 г. наладила выпуск оппозиционной газеты «Вилагошшаг». На съезде партии в 1904 г. оппозиционеры резко критиковали беспринципную тактику руководства в развернувшейся политической борьбе, его попытки добиться соглашения с партией независимости и недостаточную активность в организации движения крестьянской бедноты⁸¹. Оппозиция выступала за устранение из руководства Гарбаи, Кардоша и др., в особенности — Гольднера, и выставила свой список. Однако из этого ничего не вышло. Легальные действия оппозиции на съезде не имели успеха. Точно так же оппозиционной группировке осенью 1904 г. пришлось уступить энергичному нажиму руководства и отказаться от собственной газеты, без которой, по словам Э. Сабо, «в Венгрии никогда не будет настоящего социализма»⁸².

Обострение кризиса дуализма и внутриполитическая борьба в начале 900-х годов

Наступившее в конце 1903 г. затишье в парламенте продолжалось недолго. Оппозиционные партии вовсе не думали отказаться от единственного своего действенного оружия парламентской борьбы — обструкции. Между тем венгерскому правительству в этот период больше чем когда-либо был нужен послушный парламент. Обострение классовая и национальной борьбы в 1903—1904 гг., а также необходимость утверждения бюджета и военных кредитов заставили правительство спешить.

⁷⁸ PI Arch. Rgy, Diákszervezet naplója.

⁷⁹ *Buchinger Manó*. Op. cit., 41—42. l.

⁸⁰ OSZK, Szabó Ervin levele Somló Bodoghoz, 29.VI 1904; PI Arch, Szabó Ervin levelezés.

⁸¹ MSzPJ, XI, 33—34. l.

⁸² *Szabó Ervin*. Válogatott írásai. Bp., 1958, 446. l.

Торопили Тису и король и еще больше — наследник престола Франц-Фердинанд.

Эрцгерцог с нетерпением ждал своего часа, чтобы занять место престарелого Франца-Иосифа. Считая себя спасителем империи, он уже готовился к роли повелителя монархии, возрождающего славу династии. Эрцгерцог принципиально отвергал всякие компромиссы, предпочитая им «высочайшие указы», подкрепленные угрозой применения силы, как наиболее эффективный способ разрешения политических проблем. Militarист с ног до головы, он еще более ревностно, чем сам император, оберегал верховные права короны по отношению к вооруженным силам. «Тот, кто покушается на мою (!) армию, тот поднимает руку на меня»⁸³, — любил говорить престолонаследник. Не удивительно, что военные требования венгерской оппозиции он воспринял чрезвычайно болезненно, чуть ли не как личное оскорбление.

В планах наследника, которые ревностно поддерживала женщина во главе с начальником генштаба генералом Ф. Конрадом фон Гётцендорфом, вооруженным силам отводилась исключительная политическая роль как надежному оплоту реакции в борьбе против революционных и национально-освободительных движений. «Благонадежная, подчиняющаяся только кайзеру, национально индифферентная армия» казалась ему важным условием сохранения империи и существования династии, именно о такой армии мечтал Франц-Фердинанд⁸⁴. Причем эрцгерцог не скрывал, по крайней мере от приближенных, что эта армия готовилась для использования в первую очередь против «внутреннего врага», «тем более, что внешняя война ему казалась менее вероятной, чем революция»⁸⁵.

Эрцгерцог судил обо всем, в том числе и о сложных явлениях общественно-политической жизни, с точки зрения средневекового феодального сеньера. В глубине души он вынашивал идею милитаризации всего государственного аппарата путем насаждения в администрацию офицеров, ибо, по признанию политических единомышленников, хорошо его знавших, он был убежден, что «для любого занятия каждый образованный офицер более пригоден, чем гражданский чиновник»⁸⁶. В одном из писем, направленных предшественнику Конрада на посту начальника генерального штаба Фр. Беку, эрцгерцог прямо заявил, что главная задача армии — уничтожение любого внутреннего врага.

⁸³ *G. Franz. Erzherzog Franz-Ferdinand und die Pläne zur Reform der Habsburger Monarchie.* Berlin, 1943, S. 29.

⁸⁴ *C. Bardolff. Soldat im alten Österreich.* Jena, 1930, S. 142.

⁸⁵ *Th. Sosnosky. Franz Ferdinand, Der Erzherzog-Thronfolger.* München — Berlin, 1929, S. 106.

⁸⁶ «*Österreichische Rundschau*», Bd. XXXIV. Wien, 1914, S. 359.

Предчувствуя неизбежность обострения внутренних социальных и национальных противоречий и наступление тяжелых для Габсбургов времен, он призывал не жалеть усилий для укрепления боеспособности вооруженных сил, в которых видел единственную защиту династии и трона. «В монархии противоречия становятся все более острыми. В Венгрии мы идем прямо навстречу революции. В этой половине монархии (Трансильтании. — *Т. И.*) устрашающим образом берут верх сепаратистские национальные стремления, так же как и разрушительные социалистические идеи, которые день ото дня беспрепятственно распространяются среди низших слоев населения, в особенности среди рабочих», — такую неутешительную для Габсбургов картину нарисовал наследник в упомянутом письме⁸⁷. Даже по признанию некоторых монархически настроенных исследователей, вся деятельность Франца-Фердинанда была отмечена печатью непреодолимого страха перед надвигавшейся революцией⁸⁸. Этим страхом объяснялась его неприкрытая враждебность и непонятная для многих современников ненависть к Венгрии, к обитателям этой страны, к языку ее народа, словом, ко всему мадьярскому. Страх этот был так велик, а ненависть так слепа, что наследник, часто теряя чувство реальности, видел в каждом мадьяре революционера, «будь он министр, князь, кардинал, буржуа, гусар или лакей»⁸⁹.

В окружении эрцгерцога время от времени возникали планы переустройства монархии на федеративных началах, но Франца-Фердинанда они интересовали лишь постольку, поскольку могли быть использованы против особого положения и особых привилегий Венгрии. В сущности речь шла о новом варианте стародавнего габсбургского рецепта разрешения национального вопроса путем использования менее сильных и опасных национальных движений против наиболее грозного и мощного. В данном случае реакционные круги монархии во главе с наследником стремились ликвидировать дуализм, чтобы превратить Венгрию в обычную коронную землю руками хорватов, словаков, румын и других национальностей, отнюдь не помышляя о предоставлении этим нациям действительного равноправия, не говоря уже о независимости и самоопределении.

Франц-Фердинанд не отказывался и от военного решения венгерского вопроса и страстно ждал наступления момента, «когда наконец наступит насущно необходимый крах»⁹⁰, т. е. такой кризис, который дал бы повод для усмирения Венгрии си-

⁸⁷ *E. Glaise-Horstlenau*. Franz Josefs Weggefährte. Zürich, 1930, S. 474.

⁸⁸ *G. Franz*. Op. cit., S. 116.

⁸⁹ *R. Kiszling*. Erzherzog Franz Ferdinand von Österreich-Este. Gratz — Köln, 1953, S. 83.

⁹⁰ *G. Franz*. Op. cit., S. 54; *Th. Sosnosky*. Op. cit., S. 65.

лой оружия. Пока же, в ожидании этого часа, эрцгерцог решил поручить своему бывшему учителю, а теперь — приближенному и высокопоставленному чиновнику австрийского правительства Максу Владимиру Беку изложить свои рецепты излечения монархии от венгерского недуга. 16 августа 1903 г. Бек вручил эрцгерцогу «Замечания о политической ситуации в монархии», названные последним «Государственной запиской».

Главной задачей мер, предложенных Беком для сохранения монархии, становилось укрепление экономической общности обеих ее частей, основанной на общей таможене. В ликвидации экономического единства Австро-Венгрии Бек видел первый шаг к разрушению единства вооруженных сил и общего руководства внешней политикой, что в конечном счете неминуемо должно было привести к распаду империи Габсбургов⁹¹. Более того, он был готов ради сохранения таможенной общности пожертвовать единством армии и пытался убедить в этом эрцгерцога. «Даже полное разделение армии на австрийскую и венгерскую, каким бы достойным сожаления этот шаг ни был, не могло бы повлечь за собой так быстро тех последствий, которые неминуемо произойдут при полном экономическом отделении», — писал Бек в упомянутом меморандуме⁹².

Кризис монархии, по его мнению, мог быть прекращен двояким путем: либо насильственным, т. е. новым завоеванием Венгрии силой оружия, либо проведением «политики большого стиля». Первый путь он отвергал как опасный, невозможный и практически неосуществимый, «так как государство внутренне расколото и разделено десятилетними раздорами». Поэтому длительная и устойчивая гарантия «общих дел» путем некоторых уступок мадьярам по второстепенным вопросам казалась ему более предпочтительной⁹³.

Все это предполагалось претворить в жизнь после прихода к власти Франца-Фердинанда, а до наступления этого времени следовало любым способом удержать старого кайзера от всяких уступок в пользу Венгрии, особенно таких обязательств, которые могли бы связать руки его преемнику. Более того, Бек упорно внушал эрцгерцогу мысль воспользоваться политическими неурядицами в Венгрии для укрепления позиций короны и в случае необходимости не останавливаться перед такими мерами, как роспуск венгерского парламента, разжигание национальной розни и натравливание хорватов, румын и других национальностей против мадьяр. Он сам, по собственной инициативе, еще до вступления на пост главы правительства нала-

⁹¹ R. Kiszling. Op. cit., S. 84.

⁹² J. Chr. Allmayer-Beck. Minister-Präsident Baron Beck. Ein Staatsmann des alten Österreich. Wien, 1956, S. 165—166; R. Kiszling. Op. cit., S. 84.

⁹³ J. Chr. Allmayer-Beck. Op. cit., S. 164.

дил и поддерживал контакт с некоторыми лидерами буржуазных партий невенгерских национальностей.

Однако в венгерских политических кругах «бельведерская клика» эрцгерцога не имела сколько-нибудь серьезной опоры. Сам Франц-Фердинанд не пользовался популярностью даже в правящей верхушке венгерской столицы. Что же касается его взаимоотношений с Тисой, то они были более чем прохладными. Тем не менее политика, проводившаяся венгерским премьером, была вполне во вкусе престолонаследника. Жесткая манера Тисы, подавление им стачек пролетариев города и деревни в равной мере импонировали и Францу-Иосифу, и его наследнику. И потому осенью 1904 г., начиная новый тур борьбы с парламентской оппозицией, Тиса мог не опасаться интриг эрцгерцога, доверие же монарха ему было обеспечено полностью.

Опираясь на эту поддержку, 7 октября 1904 года он объявил войну оппозиции, положив тем самым конец перемирию, царившему с весны того же года. В открытом письме избирателям своего округа Тиса предупреждал своих противников, что они ведут рискованную игру и подвергают угрозе национальные ценности и наследие отцов — дуалистическое соглашение, что они безответственно подрывают взаимное доверие короля и нации, а также авторитет государства и законов. В письме ясно звучала решимость Тисы любыми средствами положить конец обструкции, «превращающей парламент в арену действий подстрекателей анархии»⁹⁴.

После этого события разворачиваются с калейдоскопической быстротой. 15 ноября 1904 г. депутат правящей либеральной партии Э. Даниель представляет палате законопроект о ревизии устава парламента, делавший невозможным применение технической обструкции и обеспечивавший быстрое утверждение бюджета и прочих правительственных предложений. 18 ноября в нарушение существующих парламентских правил Тиса добивается прекращения дискуссии и принятия «закона Даниеля». В большой речи, произнесенной на вечернем заседании палаты, премьер объявляет оппозицию «заклятым врагом нации», обвинив ее в том, что она ведет страну к «катастрофе». Комедия голосования завершается поспешным закрытием сессии парламента до 13 декабря.

Однако успех Тисы оказался Пирровой победой. Он переоценил склонность к уступчивости партии независимости и бесхребетность ее вождей. Более того, он восстановил против себя многих своих единомышленников, возмущенных его грубыми методами. На следующий же день либеральную партию покинули группа магнатов во главе с Д. Андраши и группа аграриев,

⁹⁴ ВН, 7.X 1904.

возглавлявшихся Ш. Каройи. Они вошли в образованную 19 ноября коалицию оппозиционных партий, ядро которой составила партия независимости. К лагерю противников Тисы примкнул даже бывший премьер Д. Банфи, а его коллега К. Селл отказался от своего депутатского мандата. Теперь сторонникам Тисы в палате противостоял блок, насчитывавший 160 мест.

13 декабря Тиса распорядился окружить здание парламента войсками, а в зал заседаний ввести парламентскую охрану. Заседание превратилось в форменную драку между противниками и сторонниками Тисы; оружием служили чернильницы, сломанные стулья, многокилограммовые книги законов. Для Тисы и короля не осталось другого выхода, как объявить о роспуске Государственного собрания и назначении новых выборов⁹⁵.

Политический кризис 1905—1906 гг.

За роспуском парламента 3 января 1905 г. последовала ожесточенная предвыборная борьба партий оппозиционной коалиции с правящей либеральной партией Тисы.

Весьма широкая и интенсивная агитация партии независимости сосредоточилась вокруг так называемых «национальных лозунгов». Речь в конечном счете шла о пересмотре отношений Венгрии с Австрией и короной и об установлении новых связей на основе персональной унии. Свести до минимума все «общие дела», ограничить взаимосвязи между обоими государствами «общностью» монарха, вернуть Венгрии все внешние атрибуты ее суверенитета — вот идеалы, которые должны были воодушевить «нацию» на борьбу против правящего лагеря, заявившего себя непоколебимым сторонником соблюдения верности дуализму. К этим лозунгам присоединилась также небольшая группа депутатов во главе с графом А. Аппони, называвшая себя национальной партией. 4 января эта группа объявила о своем слиянии с партией независимости, заявив при этом, что действия Тисы и нарушение им конституционных законов в Венгрии лишили Соглашение 1867 г. «моральной силы» и права на дальнейшее существование⁹⁶.

Более «скромными» и в то же время более трезвыми были цели, которые ставили перед собой Тиса и его сторонники. Им нужно было во что бы то ни стало нанести сокрушительное поражение оппозиции, завоевать большинство мандатов, произ-

⁹⁵ Т. М. Исламов. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959, стр. 104.

⁹⁶ Там же, стр. 113—114.

вести ревизию устава палаты, чтобы раз и навсегда исключить всякую возможность обструкции, и создать, таким образом, сплоченное и послушное воле Тисы парламентское большинство, способное обеспечить безотказное функционирование дуалистического механизма.

Однако либералы не имели ни желания, ни сколько-нибудь серьезных шансов состязаться с оппозиционной коалицией на почве антиавстрийских национальных лозунгов. Поэтому они стремились завоевать избирателей, т. е. представителей имущих классов, обещаниями навести в стране порядок и спокойствие. Пугая буржуазию и помещиков призраком грядущей политической анархии и экономической катастрофы, либералы претендовали на роль единственной партии, способной предотвратить эти бедствия, сдержат натиск пролетариата и невенгерских народов и создать стабильный режим.

Тиса и его сторонники публично заверяли капиталистов в своей твердой решимости раз и навсегда покончить со стачечным движением и «защищать хозяев от необузданных притязаний рабочих»⁹⁷. Однако Тиса, понимая невозможность «устранить социальное зло», прибегал только лишь к насилию и жандармам. Поэтому рабочий вопрос предполагалось решить путем «обеспечения классового мира» с предпринимателями при изоляции социал-демократической партии и профсоюзов. Для этой цели, по мнению Тисы, следовало заменить профсоюзы «самостоятельными, автономными организациями», — самостоятельными, разумеется, по отношению к идеям классовой борьбы и социализма. В этих организациях рабочие должны заниматься самообразованием, «повышать внутреннюю ценность своего труда» и употребить все духовные и физические силы на то, чтобы прилежанием и старанием добиваться повышения заработной платы. Таков был либеральный рецепт разрешения «великой проблемы улучшения условий рабочего класса без ущемления интересов промышленной конкуренции»⁹⁸.

Чтобы ослабить эффективность национальных лозунгов коалиции и направить венгерский буржуазный национализм всецело против угнетенных народов страны, либеральная партия в предвыборной кампании развернула разнузданную травлю политических организаций невенгерских народов. Тиса требовал, чтобы все они «без колебаний» признали единство венгерской нации и венгерского государства, которое может существовать только как единое национальное государство. Иными словами, Тиса требовал от национальностей полной и безоговорочной покорности.

⁹⁷ Т. М. Исламов. Указ. соч., стр. 113—114, стр. 115—116, 117.

⁹⁸ N, 17.1 1905.

Объектом наиболее яростных атак стало самое сильное в стране национальное движение — румынское. В предвыборной речи Тиса угрожал руководителям «крайнего течения» румын, что будет беспощадно подавлять «любую агитаторскую деятельность, подрывающую согласие, мир и мощь венгерской нации»⁹⁹. Попытка Тисы путем угроз склонить румынских лидеров к сотрудничеству во время выборов потерпела неудачу. Отклонив предложение Тисы, они, впервые после 25-летнего перерыва, решили отбросить тактику пассивности и принять участие в выборах в парламент. Национальная партия осудила политику мадьяризации и призвала румын не отдавать своих голосов за кандидатов-мадьяр, к какой бы партии они ни принадлежали¹⁰⁰. Это решение было принято 10 января в Сибиу (Надьсебене) на заседании национального комитета вместе с программой, предусматривавшей введение всеобщего избирательного права, ликвидацию латифундий и распродажу земель казны мелкими участками, соблюдение автономии румынских церквей, употребление румынского языка в административных учреждениях областей, где румыны составляли большинство, и т. д.¹⁰¹

Переход румынской буржуазии от пассивного сопротивления к активной тактике сопровождался выдвижением на первый план социальных и политических и смягчения национальных требований. Теперь она уже выступала не за ревизию закона 1868 г. о национальностях, а за его соблюдение. Кое-где (в Банате, Араде и т. д.) румынская буржуазия, в нарушение прежних традиций, открыто заявляла о своей преданности венгерскому государству¹⁰². В то же время, опасаясь превращения армии в орудие мадьяризации, она решительно высказалась против военных требований венгерской оппозиции и за сохранение единства армии и укрепление дуализма¹⁰³.

Активизировала свою деятельность и словацкая буржуазия. Хотя она по-прежнему заявляла о своей приверженности «единству и неделимости нашего венгерского отечества», чрезвычайную популярность приобрела идея чехословацкой общности и сближения¹⁰⁴. Павол Блахо, Вавро Шробар через газету «Словенски тизденник» усиленно пропагандировали идею Т. Масарика о национальном единении двух братских народов в рамках дуализма и монархии Габсбургов.

На национальное движение сербов и хорватов Венгрии все

⁹⁹ Вр Н, 16.1 1905.

¹⁰⁰ «История Румынии. 1848—1917». М., 1971, стр. 520—521.

¹⁰¹ АВПР, ф. Политархив, 1905, д. 580, л. 8.

¹⁰² Вр Н, 12.1 1905.

¹⁰³ OL, ME, XIV — 152 — 3384; V. Liveanu. 1918. Din istoria luptelor revoluționare din România. București, 1960, p. 65—70.

¹⁰⁴ L. Holotik. O vzájomných vťahoch čechov a slovakov. Bratislava, 1956, st. 280.

большее влияние оказывало существование независимого Сербского королевства, особенно после свержения Обреновичей и воцарения Карагеоргиевичей. Часть хорватской буржуазии также стала видеть в Сербии будущий центр объединения югославян¹⁰⁵. Однако сербская радикальная партия Яши Томича проявляла склонность к сближению с венгерской оппозицией, оказывая ей поддержку в борьбе против Тисы¹⁰⁶.

15 января Тиса произнес большую речь, которая целиком была посвящена национальному вопросу. Программу, принятую в Сибиу, он назвал «экстремистской и отчаянно дерзким объявлением войны венгерской национальной политике»¹⁰⁷.

Существовавшая в то время в Венгрии избирательная система позволяла правящим классам почти полностью игнорировать волю большинства населения. Именно поэтому либералы обращались главным образом к буржуазно-помещичьим слоям, обещая им в случае победы водворить в стране «царство мира и спокойствия». Судьбу 20 млн. людей решали голоса одного миллиона избирателей. Подавляющее большинство этих «избранников» составляли землевладельцы, далее шли капиталисты, адвокаты, священники, домовладельцы, словом, люди с положением в обществе и устойчивым ежегодным доходом не менее 210 крон в год, который позволял им платить в казну 20 и больше крон прямого налога¹⁰⁸. Для тех, кто не имел счастья родиться дворянином или владеть недвижимостью, имущественный ценз был установлен в тройном размере.

Классовая и национальная тенденциозность избирательной системы отчетливо проявились при составлении и распределении избирательных округов. Рабочий пригород столицы Эржебетфалва с его 12 тыс. избирателей посылал в палату одного депутата, в то время как некоторые сельские округа с несколькими сотнями избирателей тоже выбирали одного депутата. По 7 кандидатов посылали 24 тыс. избирателей округа, расположенного в Словакии, и 15 тыс. мадьяр округа в комитате Хевеш¹⁰⁹.

Из 1048 тыс. избирателей, зарегистрированных в 1905 г., мадьяр было 590 тыс. (56,2% всех избирателей), немцев — 133 тыс. (12,7%), словаков — 120 тыс. (11,4%), румын — 117 тыс. (11,2%), закарпатских украинцев — 31 тыс. (2,9%), хорватов — 1,2% (без Хорватии), сербов — 30 тыс. (2,8%) и других — 11 400 (1,6%)¹¹⁰. К этим «законным», освященным конститу-

¹⁰⁵ Ю. А. Писарев. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962, стр. 61—62.

¹⁰⁶ «Застава». 7, 9, 18.XII 1904.

¹⁰⁷ PL, 16.I 1905.

¹⁰⁸ MSIE, 1905, 420. l.

¹⁰⁹ Th. Sosnosky. Die Politik im Habsburgerreich, Bd. II. Berlin, 1913, S. 215.

¹¹⁰ OL, Fejérváry cs. lvt. Emlékirat az általános választói jogról.

цией средствам ограничения избирательных прав следует бавить произвол центральных властей, фальсификацию списков, массовые спаивания избирателей и беззакония, творимые местной администрацией.

Однако, несмотря на все усилия, не удалось спасти режим Тисы от жесточайшего разгрома. Выборы, состоявшиеся в конце января — начале февраля 1905 г., принесли решающую победу оппозиции и в первую очередь партии независимости, завоевавшей 166 мандатов.

От либеральной партии было избрано 159 депутатов, от народной — 25, конституционной — 27, новой партии — 13, демократической — 2, от венгерских народов — 10 и от беспартийных — 9. При поддержке партии независимости мандаты получили лидер реорганизованной социал-демократической партии В. Мезёфи и представитель крестьянства А. Ахим. Всего оппозиционная коалиция располагала 231 мандатом. Депутатами стали 280 помещиков, 45 чиновников, 15 священников, 67 адвокатов, журналистов, учителей и мелких землевладельцев¹¹¹.

Правящие круги расценили итоги выборов как «начальный этап разложения монархии»¹¹². Многие либеральные кандидаты, писал русский посол в Вене, «скандально провалились на выборах лишь потому, что заявили себя сторонниками политического и экономического Ausgleich'a (соглашения) с Австрией»¹¹³. Орган австрийской социал-демократии усматривал в победе оппозиции проявление «антипатии к дуализму и ненависти к Вене» венгерского населения¹¹⁴. Русский консул в Будапеште видел причину поражения Тисы «в стремлении венгерского народа отделиться от Австрии с сохранением государственной связи исключительно в лице общего монарха...»¹¹⁵ Будапештская биржа выражала «сильнейшие сомнения по поводу сохранения государственно-правовых основ дуализма и политической общности с Австрией»¹¹⁶.

Начавшиеся тем временем переговоры между победившей коалицией и королем о формировании нового правительства шли очень туго. Против осуществления национальных лозунгов возражали не только Франц-Фердинанд и вся придворная военно-политическая верхушка, но и австрийское правительство и австрийский парламент. Не помогло разрешению венгерского кризиса и личное присутствие в Будапеште короля во второй половине марта — в начале апреля. Ни одна из сторон не же-

¹¹¹ N, 4.II 1905.

¹¹² *Kristóffy József*. A választójogi harc, 1920, 122. l.

¹¹³ АВГП, ф. Политархив, 1905, д. 580, л. 16.

¹¹⁴ «Arbeiterzeitung» (Wien), 28.I 1905.

¹¹⁵ АВГП, ф. Политархив, 1905, д. 580, лл. 16—17.

¹¹⁶ PL, 11.II 1905.

лала уступать. Министр иностранных дел Австро-Венгрии польский аристократ граф А. Голуховский в беседе с русским послом, обосновывая невозможность уступок в пользу Венгрии, говорил: «Франц-Иосиф не допустит посягательств на свою армию, он сознает, что удовлетворение венгерских требований низвело бы монархию со степени великой державы, и общественное мнение Цислейтании восстало бы против новых уступок венграм... идти далее по этому пути значило бы посягнуть на самую сущность дуализма, а на это император не может согласиться»¹¹⁷.

Поскольку оппозиция не рискнула покориться воле монарха безо всяких уступок, образование внепарламентского правительства стало неизбежным. Выбор Франца-Иосифа пал на генерала Фейервари, капитана венгерской королевской лейб-гвардии. 18 июня было опубликовано официальное письмо короля к Фейервари, где Франц-Иосиф объявил о невозможности «доверить судьбу нации правительству, вышедшему из рядов коалиции», и своей твердой решимости не допускать каких-либо реформ, которые могли бы «поставить под угрозу боевую готовность армии, имеющей жизненное значение для обоих государств монархии»¹¹⁸.

21 июня новый кабинет предстал перед парламентом. Согласно договоренности с Францем-Иосифом Фейервари должен был огласить два рескрипта короля, один о своем назначении, другой об отсрочке заседаний, чтобы избежать вынесения палатой вотума недоверия, которое сразу же подорвало бы авторитет и законность правительства в глазах даже самых твердых его доброжелателей. Однако разыграть спектакль в такой последовательности Фейервари не удалось. Вопреки традициям палаты, Государственное собрание, не дав премьеру возможности зачитать приказ об отсрочке, сразу же перешло к обсуждению первого рескрипта. По предложению Кошута палата выразила правительству вотум недоверия, к которому присоединился даже Тиса. Затем была принята резолюция об объявлении «пассивного сопротивления». Так как правительство антиконституционно и игнорирует волю большинства нации, говорилось в ней, то оно не имеет права собирать налоги и вербовать рекрутов. Резолюция призвала комитаты к неповиновению распоряжениям генерала Фейервари и его кабинета¹¹⁹. К этому решению присоединились 25 комитатских и 17 городских органов самоуправления, которые, помещая поступавшие налоги в местные сберкассы, лишили правительство важных

¹¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 117, лл. 42—43.

¹¹⁸ OL, ME, 26.II 1905.

¹¹⁹ KN, 1905, 741. I.

источников доходов¹²⁰. Венгерский кризис таким образом вступил в новую фазу. Положение, сложившееся в Венгрии летом 1905 г., казалось столь серьезным, что генеральный штаб приступил к разработке плана военных операций против Венгрии и к установлению военной диктатуры¹²¹.

Весной и особенно летом 1905 г. наблюдался необычайный подъем политической и экономической борьбы рабочего класса и всех трудящихся страны, огромное влияние на который оказала первая русская революция, встреченная венгерским народом с огромным энтузиазмом и воодушевлением. Ее благотворное влияние, в частности, с особой силой проявилось в обогащении арсенала классово-борьбы венгерского пролетариата новыми эффективными средствами и в первую очередь идеей всеобщей политической забастовки. Уже в резолюциях первых митингов и собраний, организованных социал-демократией в честь русской революции, как правило, содержалось требование всеобщей стачки. Буржуазная газета в статье, озаглавленной «150 митингов за всеобщую забастовку», признавала, что «эта идея стала необыкновенно популярной по всей стране»¹²². Организуя такие митинги и собрания, социал-демократические лидеры стремились оказать давление на правящие круги и оппозицию с целью завоевания всеобщего избирательного права.

Влияние русских событий сказалось также в обострении борьбы революционной и реформистской тенденций в рабочем движении Венгрии. Накануне очередного партийного съезда, состоявшегося 23—25 апреля 1905 г., в газете «Непсава» в порядке предсъездовской дискуссии был опубликован ряд статей, критиковавших руководство за его политику и тактику во время парламентских выборов. Авторы статей указывали, что эта политическая линия ведет к «упадку партийной жизни, беспринципности и к соглашательству»¹²³. Руководителей критиковали за пассивность, бездействие, предвзятость, за нетерпимое отношение к критике.

Словацкая социал-демократическая газета обвинила руководство партии «в одностороннем шовинистическом поведении» и потребовала изменения партийного устава, мешавшего, по ее мнению, широкому участию представителей национальностей в работе съездов. Газета справедливо утверждала, что все дела, касающиеся национальностей, должны решаться сообща¹²⁴.

¹²⁰ АВПР, ф. Политархив, 1905, д. 580, л. 102.

¹²¹ H. Hantsch. Die Geschichte Österreichs, Bd. II. Wien, 1953. S. 487.

¹²² «Friss Ujság», 23.II 1905.

¹²³ N. 21.II 1905.

¹²⁴ «Slovenské Robotnicke Noviny», 1.IV 1905.

Особенно активно выступала группа левых во главе с Э. Сабо, которая разработала и опубликовала новый проект устава партии¹²⁵.

Сабо справедливо указывал, что действующий устав, принятый в 1903 г., игнорировал задачу создания партийных организаций, «которые и должны составить настоящую основу партии». Он предлагал ограничить произвол руководства в определении повестки дня съездов, а также в подготовке и составлении резолюций путем привлечения к этому делу представителей местных организаций. «Социализму нужны не солдаты, а сознательные борцы, которые знают, за что борются, и знают, почему борются так, а не иначе»¹²⁶, — писал Сабо. Устав, по его замыслу, должен был исключить возможность принятия руководителями каких-либо решений без прямого и активного участия рядовых членов партии.

Вместе с тем проект устава группы Сабо имел ярко выраженные черты анархосиндикализма. Этот проект предусматривал не только резкое ограничение компетенции партийного секретариата, но и максимальную децентрализацию руководства партии. От членов партии он требовал согласия лишь с «основными принципами», а не с программой в целом.

Благодаря смелому выступлению оппозиции на съезде 1905 г. развернулась невиданная прежде по размаху, широте и остроте критика оппортунизма¹²⁷.

Представители левых и делегаты местных организаций, поддержавшие их, поставили в своих выступлениях важную для венгерского рабочего движения проблему союзников пролетариата. Партия, по их мнению, должна приложить максимальные усилия для вовлечения в социалистическое движение трудящихся национальностей и деревенскую бедноту, чтобы иметь шансы на успех в такой многонациональной и аграрной преимущественно стране, какой была тогдашняя Венгрия¹²⁸.

Вся работа съезда проходила под знаком усиления революционных настроений, охвативших рабочий класс Венгрии в условиях обострения политического кризиса и нарастающего подъема русской революции. Эти настроения ярко проявились во время обсуждения вопросов о массовой политической стачке.

¹²⁵ *Mucsi Ferenc*. A Kristóffy — Garami paktum. Bp., 1970, 29—30. l.

¹²⁶ *Szontagh Ernő*. Hogyan módosítsuk a pártszervezeti Szabályzatot? Bp., 1903.

¹²⁷ *Mucsi Ferenc*. Op. cit., 34. l. После съезда предпринимались попытки организационного оформления оппозиции и расширения ее рядов. В частности, намечалось привлечь к ней П. Энгельмана, одного из основателей и руководителей социал-демократической партии в 90-х годах, а также молодого руководителя клужской социал-демократической организации Бела Куна и некоторых других. Осуществлению этого плана помешала длительная болезнь Э. Сабо, начавшаяся весной 1905 г.

¹²⁸ MSzPJ, XII, 61. l.

Представители местных организаций с трибуны съезда заявляли о готовности пролетариата в любой момент начать всеобщую забастовку. Реформистам пришлось уступить и признать необходимость ее проведения. Съезд принял резолюцию, провозглашавшую всеобщее избирательное право «важнейшим средством осуществления подлинной воли народа», которое должно привести к падению «классового парламента» и к переходу власти к «подлинно народному представительству».

В резолюции далее говорилось, что «пролетариат прибегнет к всеобщей стачке, если избирательная реформа будет недостаточно удовлетворительной»¹²⁹. Руководству партии предоставлялось право самому определить время ее проведения. Несмотря на реформистский дух резолюции и множество оговорок и лазеек для оппортунистических толкований, принятие этой резолюции, признавшей массовую политическую стачку важнейшим оружием классовой борьбы пролетариата, явилось значительным успехом революционного крыла венгерского пролетариата.

О возросшей активности пролетариата, его классовой сознательности и солидарности свидетельствовали крупные стачечные бои, развернувшиеся весной и летом 1905 г. Всю страну потрясла забастовка столичных металлистов. 30 тыс. рабочих в течение месяца, с 29 мая по 2 июля, вели упорную борьбу за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и за свои гражданские права. Забастовка металлистов закончилась безрезультатно, в чем немалая вина руководства социал-демократии и профсоюзов, поспешивших дать отбой в самый разгар борьбы. Не менее упорной была 6-недельная стачка шахтеров южновенгерского города Печ. Несмотря на введение в горняцкий поселок войск и выселение рабочих семей из квартир, администрация вынуждена была удовлетворить часть требований забастовщиков¹³⁰.

Боевые выступления пролетариата оказали революционизирующее влияние и на деревенскую бедноту, прибегнувшую к чисто пролетарскому средству борьбы — стачке. Особенно большой размах движение приняло в Задунайской области¹³¹. Главными центрами сельскохозяйственных стачек стали комитаты Шомодь, Толна, Веспрем, Фейер.

«К политическим осложнениям, — писала венская газета, — прибавилось аграрно-социалистическое движение, которое началось непосредственно перед сбором урожая и во многих местах

¹²⁹ Т. М. Исламов. Указ. соч., стр. 160.

¹³⁰ Szekeres József. Kenyérért és szabadságért. Bp., 1955.

¹³¹ Mérey Klára. A mezőgazdasági munkásság mozgalmái Dunántulon 1905—1907-ben. Bp., 1956.

приняло угрожающий размах»¹³². Основным требованием жнецов-батраков было повышение заработной платы и улучшение условий труда. Наряду с этим они выступали также за искоренение пережитков феодализма — за отмену различных видов и форм «робота» (отработок).

Под предлогом «предотвращения беспорядков» правительство мобилизовало и направило в районы, охваченные движением, крупные силы войск и жандармерии, а также отряды штрейкбрехеров, которых набирали из жителей национальных окраин¹³³. В Задунайской области фактически было введено осадное положение; тюрьмы были переполнены забастовщиками.

Тем временем по мере углубления политического кризиса объявленное коалицией «пассивное сопротивление» ширилось с каждым днем и угрожало опрокинуть рамки «законности и порядка», о соблюдении которых без устали твердили вожди оппозиции. По мнению русского консула в Будапеште, пассивное сопротивление уничтожало «в гражданах сознание их обязанности в отношении к государству, и дезорганизовало систему управления и вызвало внутреннюю междоусобицу»¹³⁴. Уже к середине июня к движению неповиновения присоединились 25 комитатов и 30 городов Венгрии. В июле министерство финансов, отметив «значительное сокращение государственных доходов», потребовало от правительства принятия срочных мер¹³⁵.

Мятежные настроения, охватившие почти все слои общества, начали проникать и в венгерские части общей армии. Военное министерство жаловалось на участвовавшие случаи «подстрекательства» солдат к неповиновению офицерам; солдаты некоторых полков отказывались выполнять команды, подававшиеся на немецком языке. Не исключено, что брожение в армии помимо национальных лозунгов усилило и героическое восстание моряков броненосца «Потемкин», нашедшее широкий отклик в Венгрии.

Венгерское правительство в тесном контакте с австрийскими властями и министерством иностранных дел Австро-Венгрии с самого начала русской революции принимало меры против ввоза в Венгрию революционной литературы из России и против проникновения в страну «нежелательных элементов». С этой целью 12 июля совет министров предоставил министру внутренних дел особые полномочия. На том же заседании было принято решение начать активную борьбу против пассивного сопротивления комитатов и муниципалитетов. Однако меры, принятые кабинетом Фейервари, оказались недостаточными и мало-

¹³² NFP, 30.VI 1905.

¹³³ OL, MTJ, 1905-12-24.

¹³⁴ АВПР, ф. Политархив, 1905, д. 580, лл. 97—98.

¹³⁵ OL, MTJ, 1905-18-22.

эффективными, ибо «за комитетами и их чиновниками стоит масса мадьярского народа...» Движение продолжало расширяться. К концу августа пассивным сопротивлением было охвачено 35 комитатов и 30 городов, и положение, по словам русского консула, с каждым днем принимало «все более угрожающий характер»¹³⁶.

Чтобы сломить сопротивление оппозиции, кабинет Фейервари с согласия короля в конце июля решил прибегнуть к помощи социал-демократической партии. 27 июля 1905 г. министр внутренних дел Й. Криштофи принял делегацию партии и сделал сенсационное заявление о необходимости введения в Венгрии всеобщего избирательного права. Декларации министра предшествовали секретные переговоры с социалистическими лидерами Э. Гарамии и А. Гольднером, которые завершились заключением так называемого «пакта Криштофи — Гарамии».

На основе их информации на заседании партийного руководства было решено всеми силами поддержать правительство, после того как оно публично выступит в пользу всеобщего избирательного права. Криштофи со своей стороны обязался не чинить препятствий проведению социал-демократических митингов и собраний, а также утвердить устав союза сельскохозяйственных рабочих.

В соответствии с пактом в конце лета партийное руководство социал-демократии бросило в бой против коалиционных партий всю мощь организованного пролетариата Венгрии. Дело, однако, не ограничилось разоблачением реакционной политики оппозиции. Социал-демократические лидеры развернули яростную кампанию против национальных лозунгов, противопоставив справедливые национальные требования венгерского народа политическим целям рабочего движения. Тем самым они оказали монархии и антиконституционному режиму Фейервари неоценимую услугу в момент острейшего кризиса дуализма.

В конце лета в Венгрии развернулось массовое движение за всеобщее избирательное право. Митинги и демонстрации, организованные социал-демократией, охватили всю страну. С требованием демократизации общественно-политического строя выступили виднейшие представители прогрессивной интеллигенции, объединившиеся вокруг «Лиги избирательного права». «Венгрия стоит на историческом перепутье,— говорится в манифесте лиги.— Сейчас решается судьба страны. Решается вопрос о том, желает ли страна продолжать начатую в 1848 году политику равноправия и всеобщего просвещения, или же с близоруким равнодушием она пройдет мимо жгучих проблем современной Европы»¹³⁷.

¹³⁶ АВГР, ф. Политархив, д. 587, лл. 97—98.

¹³⁷ Вр Н, 22.VIII 1905.

Огромный резонанс венгерское движение за избирательную реформу получило в соседней Австрии, оно придало новые силы и новую решимость продолжавшейся в течение многих десятилетий борьбе австрийского пролетариата за демократическую избирательную реформу. Опасаясь «вредного влияния» введения всеобщего избирательного права на Австрию, австрийский министр-президент барон Гауч и министр иностранных дел монархии Голуховский оказали энергичный нажим на Франца-Иосифа, понудив его отказаться от предварительной санкции на проведение венгерской реформы. В тот же день, 11 сентября, правительство Фейервари подало в отставку, сознавая, что без всеобщего избирательного права его позиции станут безнадежными. Отставка была принята.

Бесцеремонное и незаконное вмешательство австрийского правительства во внутренние дела Венгрии заставило социал-демократическое руководство обратиться к более решительным средствам. Состоявшийся 10 сентября 1905 г. чрезвычайный партийный съезд единогласно принял резолюцию, которая провозглашала готовность пролетариата к решительной борьбе с применением «самых крайних средств» против любого парламентского большинства или правительства, «которое не считает всеобщее избирательное право своей наиболее срочной задачей»¹³⁸.

Съезд постановил в день открытия парламента 15 сентября провести в Будапеште всеобщую забастовку и демонстрацию. Рабочий Будапешт с радостью и воодушевлением откликнулся на этот призыв. В оставшиеся четыре дня в промышленных районах столицы шли лихорадочные приготовления. Активисты партии и профсоюзов группами и в одиночку обходили предприятия и квартиры рабочих, призывая трудящихся быть готовыми к демонстрации. От руководства они получили строжайшие инструкции сохранять порядок и спокойствие и не давать повода полиции для провокации и столкновений.

15 сентября всеобщая забастовка парализовала всю промышленность столицы. Почти полностью прекратилось движение транспорта. Закрылись магазины и кафе. Тысячные колонны рабочих шли к парламенту, неся транспаранты и плакаты с лозунгами «Да здравствует всеобщее избирательное право!», «Права народу!», «Равенство, братство!», «Мы хотим быть свободными!» и т. д. Делегация во главе с Гарам вручила председателю палаты меморандум с требованием введения всеобщего избирательного права. После этого партийные вожди приложили максимум сил и старания, чтобы убедить сотысяч-

¹³⁸ N, 12.IX 1905.

ную массу, собравшуюся на площади перед парламентом, спокойно и организованно разошлись по домам ¹³⁹.

«Красная пятница» была первой в истории Венгрии массовой политической стачкой. Она явилась внушительной демонстрацией силы, организованности и революционных потенций рабочего класса Венгрии.

15 сентября не привело к ослаблению политического кризиса. На заседании палаты Фейервари, сообщив об отставке кабинета, зачитал королевский указ об очередной отсрочке заседаний парламента. Устранение правительства Фейервари — Криштофи, ненавистного оппозиции, нарушившего правила политической игры апелляцией к «черни» и «безродным социалистам», открыло путь для прямых переговоров с коалицией. 23 сентября Франц-Иосиф дал 5-минутную аудиенцию пяти лидерам оппозиции ¹⁴⁰. Король предложил им сформировать правительство на основе программы, которая «полностью учитывала бы» условия короны. Венский двор считал, что, уволив генерала Фейервари и его министра Криштофи и отклонив избирательную реформу, он уже сделал достаточно уступок венгерской оппозиции. Корона не желала удовлетворить ни одно из ее требований. Но национальные лидеры еще не были готовы на этих условиях на сделку с Веной. Король был вынужден вновь обратиться к Фейервари. 27 сентября он был вызван в Вену. Генерал настаивал на реформе в качестве неперемного условия возобновления своих полномочий.

3 октября Криштофи подробно изложил Францу-Иосифу разработанный им проект реформы, подчеркнув при этом, что корона поставлена перед альтернативой или уступить оппозиции или же попытаться сломить ее сопротивление при помощи всеобщего избирательного права. Король избрал второй путь.

6 октября Фейервари информировал свой кабинет о принципиальном согласии короны на разработку законопроекта о всеобщем избирательном праве. 16 октября Франц-Иосиф обнародовал рескрипт о назначении Фейервари и об одобрении программы его правительства. Гвоздем этой программы, официально объявленной Фейервари 28 октября, была реформа избирательного права. Для ее проведения через палату правительства надеялось привлечь на свою сторону депутатов либеральной партии. Однако генерал жестоко просчитался.

Партия Тисы, нарушив соблюдавшийся ею нейтралитет, открыто перешла в лагерь противников кабинета. 30 октября либералы опубликовали заявление, в котором говорилось, что введение всеобщего избирательного права подвергло бы «опас-

¹³⁹ Т. М. Исламов. Указ. соч., стр. 229—233.

¹⁴⁰ *Mucsi Ferenc*. Op. cit., 86—87. l.

ности священные интересы нации». Коалиция в свою очередь возобновила свои атаки против правительства, назвав его проект реформы «попыткой подкупа масс».

В ноябре 1905 г. с новой силой разгорелась борьба комитатов и муниципалитетов против антиконституционного режима. В результате пассивного сопротивления образовавшийся в государственном бюджете дефицит, по подсчетам министерства финансов, к концу первого полугодия 1906 г. должен был составить огромную сумму в 120 млн. крон¹⁴¹. Правительству пришлось в срочном порядке обратиться к крупным банкам за займом. Одновременно министры внутренних дел и юстиции направили комитатам грозные приказы немедленно внести в казну налоги и обеспечить призыв рекрутов.

Правительство пыталось подорвать пассивное сопротивление увольнением старых и назначением новых фёйшпанов. Положение правительства осложнилось еще тем, что после упомянутого выступления либеральной партии против кабинета, представители центральной власти в городах и комитатах, подавляющее большинство которых составляли либералы, отказывались служить генералу Фейервари.

Вновь назначаемые чиновники подвергались форменному бойкоту: местное общество демонстративно отказывалось принимать их, им отказывали в жилище и гостеприимстве, мятежные органы самоуправления запечатывали служебные помещения. «Одним словом, анархия в муниципалитетах была в полном разгаре»¹⁴². По словам министра юстиции, муниципалитеты и комитаты препятствовали новым чиновникам в принесении ими присяги, без чего они не имели права приступать к выполнению своих обязанностей. В своем донесении от 23 ноября русский консул указывал, что оппозиция образовала «рядом с королевским правительством свое собственное правительство, располагающее внушительными средствами борьбы. В каждом комитате имеется с этой целью стройная организация»¹⁴³.

Единственной политической силой, выступавшей в поддержку неконституционного правительства, была венгерская социал-демократия. Газета «Непсава» называла Фейервари «реформатором-освободителем», «отважным молодежавым генералом», а его программу началом «новой эпохи» в венгерской истории¹⁴⁴. Социал-демократические лидеры пытались использовать происходившие в России события для оправдания своей собственной оппортунистической тактики. Октябрьский манифест царя они интерпретировали как окончательную победу револю-

¹⁴¹ OL, MTJ, 1905-41-7; 1905-42-14.

¹⁴² B. Lanyi. Die Regierung Fejérváry. Berlin, 1908, S. 159.

¹⁴³ ЛВПР, ф. Подлитаржив, 1905, д. 580, л. 193.

¹⁴⁴ N, 29.X 1905.

ции, как ликвидацию «царской тирании». «Русский народ получил завоеванные права из рук царя...,— писал центральный орган партии.— Почему же венгерский народ не может принять принадлежащие ему права из рук отставного генерала?»¹⁴⁵

Независимо от намерений социал-демократического руководства героические выступления пролетариата в России в ноябре—декабре оказали огромное влияние на рабочий класс Венгрии. На всех митингах и собраниях, проходивших в эти месяцы по всей стране, вопросы внутривластной борьбы неизменно связывались с событиями, происходившими в России. Русские приемы классовой борьбы становились все более популярными. Об этом, в частности, свидетельствовала политическая забастовка типографских рабочих Будапешта, состоявшаяся в начале декабря. Она была пачата 3 декабря в знак протеста против клеветнической кампании, развернутой буржуазной печатью против пролетариата и Социал-демократической партии Венгрии. Прекратив выпуск газет, рабочие, вооружившись дубинками и железными ломом, громили типографии и редакции крупнейших газет. Издатели десяти из них 6 декабря по существу капитулировали, обязавшись впредь «лояльно излагать свои концепции». «Рабочие Будапешта, — писала по этому поводу петербургская «Новая жизнь», — также прибегли отчасти к русским приемам. Наборщики отказались печатать газеты, высказывавшиеся против священного права народа (всеобщего избирательного права. — *Т. И.*). Это подействовало»¹⁴⁶.

Боевые выступления венгерского пролетариата вынудили вождей коалиции хотя бы на словах признать справедливость требования всеобщего избирательного права. 11 декабря партия независимости объявила о решении включить в свою программу этот лозунг, сохранив при этом приоритет за «национальными требованиями»¹⁴⁷.

9 февраля 1906 г. король одобрил предложения венгерского кабинета о роспуске строптивного парламента, назначении в комитаты королевских комиссаров, насильственном взыскании налогов и проведении рекрутского набора. Поскольку в своем пассивном сопротивлении комитаты опирались на формальное решение существующего парламента, введение абсолютистского по существу правления началось с разгона Государственного собрания. 19 февраля здание парламента было окружено кольцом крупных соединений пехоты, кавалерии и полицейских частей. Солдаты полковника Д. Фабрициуса в течение нескольких минут очистили помещение, не встретив никакого сопро-

¹⁴⁵ N, I.XI 1905.

¹⁴⁶ «Новая жизнь» (СПб.), I.XII 1905.

¹⁴⁷ Вр Н, 8.XII 1905.

тивления¹⁴⁸. Коалиция не пожелала сойти с безопасной почвы буржуазной законности. Никто и пальцем не пошевелил, чтобы спасти высший орган «народного представительства». Накануне социал-демократические лидеры провели собрания, на которых всю ответственность за насильственный роспуск парламента возложили на коалицию. По собственному признанию оппортунистов, они были согласны признать любой режим, даже установленный на штыках абсолютизм, лишь бы не развеялось знамя всеобщего избирательного права.

Социал-демократическая партия, говорилось в отчете начальника полиции, «не предприняла серьезных атак против правительства, так как хорошо знала, что эти меры не направлены против ее руководства». В том же отчете откровенно признавалось, что «все эти действия (разгром митингов и демонстраций.— *Т. И.*) парализующе влияли также на агитацию социал-демократической партии»¹⁴⁹.

Роспуск парламента и наметившийся спад пассивного сопротивления, так же как и начавшееся весной 1906 г. мощное стачечное движение провинциального пролетариата, усилили разброд и капитулянтские настроения в рядах буржуазно-помещичьей коалиции. Среди ее лидеров все громче стали раздаваться призывы к восстановлению «конституционности и порядка» любой ценой, вплоть до отказа от национальных требований. В такой обстановке в апреле начались переговоры между Ф. Кошутом и Криштофи об образовании временного коалиционного правительства. Оно было сформировано в Вене 8 апреля во главе с беспартийным Ш. Векерле при участии виднейших лидеров оппозиции.

Тщательно скрывавшийся от общественности «апрельский пакт» коалиции с короной был заключен на основе полной капитуляции входивших в нее буржуазно-помещичьих партий, ценой их отказа от национальных требований. Кабинет Векерле — Кошута обязался обеспечить утверждение бюджета, набор нормального контингента рекрутов, урегулирование австро-венгерских отношений, утверждение торговых договоров с иностранными государствами, а также проведение избирательной реформы¹⁵⁰.

В конце апреля — начале мая состоялись новые парламентские выборы. Незадолго до них либеральная партия Тисы, правившая страной в течение 37 лет, объявила о самороспуске. Таким образом, коалиция пришла к выборам, не имея по существу перед собой сколько-нибудь значительного противника.

¹⁴⁸ *Т. М. Исламов. Указ. соч.*, стр. 287—289.

¹⁴⁹ *Mucsi Ferenc. Op. cit.*, 149—150. l.

¹⁵⁰ *Т. М. Исламов. Указ. соч.*, стр. 305—306.

Избирательная кампания превратилась в травлю национальностей.

Партия независимости, став из оппозиционной правящей, изменила не только своим идеалам и лозунгам, но и своему слову. Не прошло и полгода, как ею была нарушена Фиумская декларация, в которой хорватской оппозиции торжественно была обещана поддержка партии независимости.

До прихода к власти партия независимости и ее лидеры не скупилась на самые широкие обещания представителям других национальностей Венгрии. В еженедельнике, издававшемся румынскими политическими деятелями в Будапеште, Кошут, обращаясь к румынам, обещал им «полное равноправие с мадьярами, неприкосновенность прав их языка...» и даже «готовность его партии на всяческие жертвы для культурного и духовного развития румын». Сербам, проживавшим в Южной Венгрии, лидеры партии независимости постоянно внушали, что «лишь при поддержке коалиции они достигнут полного удовлетворения своих национальных вожелений». Влиятельный лидер этой же партии Аппони не раз подчеркивал, что Венгрия после победы оппозиции «будет спасительницей немagyarских народностей, так как она не станет преследовать их родного языка, а будет заботиться исключительно об установлении духовной связи между всеми гражданами общего отечества». Все это говорилось и писалось до образования коалиционного правительства, когда Кошут, Аппони и другие лидеры оппозиции могли только мечтать о власти. «Но как только коалиционные партии неожиданно для самих себя получили власть,— их отношение к инородцам резко изменилось; не нуждаясь более в их поддержке, они дали полный простор неукротимому шовинизму...»¹⁵¹, — писал консул Львов.

Несмотря на террор и преследования, в парламент было избрано 26 кандидатов национальностей, на 15 больше, чем в 1905 г. Абсолютное большинство мест завоевала партия независимости — 253. Национализм этой партии отныне был обращен не против «наследственного врага» — Австрии, а против народностей, населявших Венгрию. Устами одного из своих лидеров Аппони она открыто объявила мадьяризацию важнейшей целью нового правительства.

Готовясь к новым классовым боям, социал-демократическая партия в начале 1906 г. приступила к организации деревенского пролетариата, который во время «урожайных» стачек 1906 г. явственно обнаружил стремление к объединению с социалистическим движением. 7 января состоялся учредительный съезд Союза сельскохозяйственных рабочих. Целью его, согласно уставу, разработанному социал-демократическим руководст-

¹⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1906, д. 140, лл. 141—142.

вом, было объединение сельских рабочих для улучшения их тяжелого положения. Такая умеренность программы была продиктована не только стремлением авторов устава добиться беспрепятственного утверждения его власти. Учредители союза и не ставили перед собой задачу создания революционной организации. «Мы не хотим революции мотыг и кос..., — говорил на съезде М. Бухингер, — пусть это примут к сведению владельцы тысячектарных поместий, если они не хотят, чтобы мы говорили так же, как русские»¹⁵².

Сельская беднота с радостью и надеждой восприняла весть о создании союза. В течение первых трех месяцев его существования численность его членов перевалила за 20 тыс. человек¹⁵³. Местные и центральные органы власти с растущей тревогой наблюдали за успехами социалистической агитации в деревне.

Союз помещиков выработал ряд «превентивных» мер, которые должно было осуществить венгерское правительство: ввести строгий прокурорский и судебный надзор, начать преследование органов печати, «подстрекающих против существующего общественного строя и религии и раздувающих классовую ненависть; запретить в летние месяцы (июнь — август) митинги рабочих; заготовить резервную рабочую силу и сельскохозяйственные машины на период уборки урожая; использовать войско в качестве рабочей силы во время «урожайных» стачек, а также в случае стачки сельскохозяйственных рабочих; объявить военнообязанных рабочих мобилизованными; распустить организации и кружки рабочих, подстрекающие рабочих к подготовке «урожайной» стачки, или к отказу от договорной работы¹⁵⁴.

Министр земледелия коалиционного правительства Дарани, прославившийся жестоким подавлением «аграрно-социалистических движений», весной 1906 г., едва получив портфель министра, развернул энергичную деятельность, «чтобы обеспечить спокойное течение работ по уборке урожая». В частности, он настоял на отсрочке до 30 августа 1906 г. призыва венгерских рекрутов, которых в течение двух лет не получала армия¹⁵⁵. 24 мая он разослал комитатам секретную инструкцию по борьбе с аграрным движением¹⁵⁶. Словом, весь государственный аппарат был поставлен на ноги.

Выступление деревенского пролетариата в 1906 г. началось необычайно рано. Во второй половине марта оно распространилось на южные районы Алфёльда. Только в сербском Среме 21 марта забастовало 1200 сельскохозяйственных рабочих. Вол-

¹⁵² MMTVD, III. k. 413, I.

¹⁵³ MSzPE, XIV, 69. I.

¹⁵⁴ MSzM, 1906, 411—412. I.

¹⁵⁵ Pl Arch., A. XV, 1906—4-2142.

¹⁵⁶ OL, ME, 1906-VII-2333.

нения охватили комитаты Фейер, Тороитал, Бач-Бодрог и Чонград. Весной 1906 г. среди крестьянской бедноты Алфёльда вновь усилилось влияние независимой социалистической партии Варкони. Партия Варкони, преобразованная в конце 1905 г. в Независимый социалистический союз Венгрии, привлекала к себе революционные элементы венгерского крестьянства благодаря тому, что она требовала передачи в государственную собственность земель крупных помещиков и церковных владений и раздачи их беднякам мелкими участками в аренду за небольшую плату.

Социал-демократическая партия Венгрии не только не выдвинула подобной программы, но и решительно боролась против идеи раздела земли. 4 августа 1906 г. орган социал-демократического союза сельскохозяйственных рабочих опубликовал специальную статью, посвященную этому вопросу. Ссылаясь на пример Великой французской революции, автор статьи пытался доказать, что раздел земли всегда и везде служил только интересам буржуазии и противоречит интересам социалистического пролетариата, ибо, получив землю, крестьянство «теряет свою революционность»¹⁵⁷.

Естественно, что, проповедуя подобные взгляды, социал-демократическая партия не могла завоевать на свою сторону широкие массы крестьянства. Партия же Варкони энергичной пропагандой раздела земли добилась поддержки не только венгерского крестьянства (особенно в комитатах Бекеш, Бач-Бодрог и Чонград), но и сербской и словацкой деревенской бедноты.

18 марта 1906 г. в Бекешчабе под руководством Андраша Ахима возникла «крестьянская партия Алфёльда». Свою политическую деятельность Ахим начал во время избирательной компании 1905 г. Соединение крестьянской программы с социалистическими лозунгами позволило ему добиться успеха и стать депутатом венгерского парламента. В 1906 г., однако, его парламентский мандат был аннулирован, так как парламентская комиссия обвинила его... «в подстрекательстве против классов». 25 марта эта партия слилась с партией Варкони, и таким образом был создан Независимый крестьянский социалистический союз Венгрии. Под редакцией Ахима начала выходить «Парастуйшаг» («Крестьянская газета»), которая смело разоблачала антинародную сущность политики господствующих классов.

Все это явилось ярким выражением антифеодальных, демократических стремлений крестьянских масс и свидетельством разочарования крестьянства в политике партии независимости и других коалиционных партий, с одной стороны, и в программе и тактике социал-демократической партии,— с другой.

¹⁵⁷ ММТВД, III. к., 489—491. I.

Коалиционное правительство, укрепив свои позиции после выборов, приступило к осуществлению своей главной задачи — подавлению движения народных масс города и деревни. В конце мая правительство отдало распоряжение о расследовании деятельности Союза сельскохозяйственных рабочих и Союза защиты рабочих, организованного Мезёфи, хотя последний был далек от «подстрекательства» сельских рабочих к стачке. С политическим кредо социал-демократического союза мы уже знакомы. Что же касается союза Мезёфи, то для его характеристики достаточно привести высказывание самого Мезёфи о том, что его союз не намерен «вызывать беспорядки между рабочими и работодателями». Мезёфи откровенно признал, что не поддерживает идею стачки, особенно среди сельских рабочих. Через свою газету «Сабад Со» («Свободное слово») Мезёфи проповедовал классовый мир и «согласие» угнетенных с угнетателями, призывал рабочих к «терпению» и «самообладанию». «...Не бросайте работу и соблюдайте при любых обстоятельствах договор, который вы подписали», — говорил Мезёфи ¹⁵⁸.

Впрочем, министр внутренних дел Андраши, убедившись в безвредности организации Мезёфи, быстро прекратил ее преследование. В защиту социал-демократического союза выступил организованный пролетариат Венгрии. С 8 по 11 июня состоялись многочисленные собрания рабочих, участники которых требовали объявить в случае роспуска союза всеобщую забастовку. Резолюция большого митинга, организованного социал-демократической партией в Будапеште 10 июля, призвала рабочий класс «к самой решительной борьбе» для защиты права на объединение. Эта резолюция была подтверждена митингами и собраниями рабочих Дебрецена, Арада, Клужа, Кошице, Мишкольца, Орадя, Тимишоары и других городов, т. е. практически всем многонациональным пролетариатом страны ¹⁵⁹.

Угроза всеобщей политической забастовки заставила правительство воздержаться от официального запрещения социал-демократического союза сельских рабочих. Зато местные власти всеми правдами и неправдами чинили препятствия деятельности союза. В своем рвении они нередко доходили до курьезов. В одном месте собрание сельских рабочих было запрещено на том основании, что «стоит холодная погода» ¹⁶⁰.

Несмотря на обширные приготовления государства и самих помещиков, летом 1906 г. стачечное движение сельского пролетариата охватило свыше 20 комитатов. «Уборка урожая в этом году началась при неблагоприятных и тревожных пред-

¹⁵⁸ SzSz, 30.VI 1906; *Dolmányos István. Mezőfi és a koalíció.* Bp., 1960.

¹⁵⁹ MMTVD, III. k., 455—456. l.

¹⁶⁰ KN, 264. l.

знаменованиях и вызывающих серьезное беспокойство симптомах», — доносил Францу-Иосифу венгерский министр земледелия¹⁶¹.

Первыми забастовку объявили сельские рабочие юго-западных комитатов Торонтал, Зала, Бач-Бодрог, Фейер, Чонград, которые бросили работу еще до начала жатвы. В комитате Чонград, где бастовало около 5 тыс. человек, основными причинами движения, по мнению властей, были «экономические условия» и «подстрекательство социалистов». Для обеспечения своевременной уборки урожая в венгерские и сербские районы были направлены тысячи крестьян, завербованных в словацких и румынских областях¹⁶².

Венгерское правительство было вынуждено просить помощи у военного министра монархии. Последний направил в Венгрию дополнительно армейский корпус. Кроме того, расквартированные в Венгрии части общей армии получили приказ выполнять любое распоряжение начальника жандармских округов. При этом войска должны были действовать не самостоятельно, а совместно с полицейскими и жандармскими частями, благонадежность которых никогда не вызывала сомнений.

Для подавления волнений пришлось, по признанию министра земледелия Дарани, «пустить в усиленных масштабах в ход вооруженные силы, а властям использовать всю строгость закона»¹⁶³. Несмотря на эти меры и на то, что в тюрьму было брошено несколько тысяч рабочих и батраков, помещики и крупные арендаторы, чтобы спасти богатый урожай, были вынуждены во многих случаях удовлетворить требования стачечников. Они добились повышения заработной платы от 25 до 100%. По словам руководителя Союза сельскохозяйственных рабочих, «крупнейшая по масштабам и по территориальному распространению стачка 1906 г. имела наибольший успех»¹⁶⁴.

Следует отметить, что местные организации социал-демократической партии и Союза сельскохозяйственных рабочих провели в 1906 г. большую работу по организации деревенской бедноты и руководству ее борьбой. Именно поэтому помещики, а также комитатские власти в летние месяцы с особой настойчивостью требовали ликвидации союза и принятия draconовских мер против «социалистов-подстрекателей», «возбуждающих классовую ненависть» и «вызывающих беспорядки»¹⁶⁵.

¹⁶¹ OL, FM, 1906-160-6667.

¹⁶² Ibidem.

¹⁶³ Ibidem.

¹⁶⁴ Szoc, 1906/1907, 488. 1.

¹⁶⁵ PI Arch. Zala m. alisp, 1906—1717.

После кратковременной передышки, наступившей вследствие смены режима и ликвидации политического кризиса, летом 1906 г. рабочее движение вновь оживилось. Массовые выступления сельской бедноты слились с мощной волной стачек промышленного пролетариата провинции. Забастовки, как правило, охватывали целые города. Такие всеобщие стачки в мае—июне имели место в Тимишоаре, Лугоже, Караншебеше, Риэке, Дебрецене. Рабочие Дебрецена освободили арестованного социал-демократа Бела Ваго и добились проведения митинга с его участием. В Петрошени забастовали 1500 румынских и венгерских шахтеров. Вызванные для усмирения рабочих войска устроили в стачечном лагере кровавое побоище.

В 1906 г. число забастовок по сравнению с 1905 г. увеличилось почти вдвое (346 и 652 соответственно), а число их участников осталось почти тем же, как и в 1905 г. (58 тыс. в 1905 г. и 60 тыс. в 1906 г.)¹⁶⁶.

¹⁶⁶ SzE, 1907, N 5.

АРЬЕРГАРДНЫЕ БОИ ПРОЛЕТАРИАТА

Правительство национальной коалиции

В апреле 1906 г. закончился самый острый и опаснейший со времени заключения австро-венгерского Соглашения 1867 г. кризис. Буржуазно-помещичья коалиция прекратила «пассивное сопротивление», т. е. отказалась от осуществления так называемых национальных лозунгов (самостоятельный банк, самостоятельная таможня, введение венгерского языка в армии) и пошла на соглашение с Габсбургами. Между короной и «нацией» вновь воцарились мир и согласие.

Апрельский пакт 1906 г. продлил жизнь агонизировавшей монархии более чем на целое десятилетие, и в этом отношении по своему значению и последствиям он не уступает Соглашению 1867 г. Во всяком случае, после 1906 г. вплоть до крушения монархии ей не угрожала серьезная опасность со стороны венгерских господствующих классов. Что же касается финансовой олигархии, которая одинаково тесно была связана как с венгерскими земельными магнатами, так и с австрийской буржуазией, то она никогда и не помышляла о серьезной борьбе против дуализма.

Крупная буржуазия с радостью приветствовала предательство коалиции. Биржа ответила на него повышением курса акций крупнейших финансовых и промышленных предприятий. И это не случайно. Экономический кризис 1900—1903 гг. в Венгрии оказался более затяжным и глубоким, чем в других европейских странах, а вследствие политического кризиса депрессия продолжалась до весны 1906 г. Временная политическая консолидация, наступившая в апреле, создала необходимые предпосылки для экономического оживления во 2-й половине 1906 г. Этому способствовал и необычайно богатый урожай. Власти отмечали, например, что «вследствие урегулирования политического кризиса и благоприятного урожая» значительно оживилась начиная со второй половины 1906 г. деловая актив-

ность в сфере промышленного производства, особенно в машиностроительной промышленности¹.

Новое правительство, пришедшее на смену антиконституционному кабинету генерала Фейервари, было весьма пестрым по своему составу. Министерские портфели получили признанные вожди партии независимости и 48-го года Ференц Кошут и Алберт Аппоши. Возглавлял же кабинет убежденный сторонник сохранения системы дуализма в неизменном виде представитель крупной буржуазии и крупный землевладелец Шандор Векерле. Портфель министра внутренних дел получил граф Андраши, лидер конституционной партии (по существу ставшей наследницей провалившейся и исчезнувшей на время с политической сцены либеральной партии Тисы), открытый противник всеобщего избирательного права, хотя введение всеобщего избирательного права было торжественно провозглашено одной из первоочередных задач нового правительства.

Это было правительство всех более или менее значительных и влиятельных групп и слоев господствующих классов. И в то же время оно было самым представительным кабинетом Венгрии периода дуализма. Выборы, состоявшиеся в конце мая — начале июня, завершились внушительной победой коалиции. Партия независимости получила абсолютное большинство голосов и абсолютное большинство мандатов в парламенте. После прихода к власти эта партия, бывшая некогда знаменем оппозиции и средоточием всех антигабсбургских сил, претерпела значительные изменения. В партию независимости вошло основное ядро либеральной партии, ее бывшего антипода. Один из видных и активных в прошлом деятелей партии независимости Л. Мочари, известный своими прогрессивными взглядами по национальному вопросу, заявил по этому поводу, что политическая партия, «которая и ныне носит название партии независимости и 48-го года, с начала созыва нынешнего парламента действует так, что между ней и потерпевшей поражение либеральной партией нет никакой разницы...»²

Текучесть состава буржуазных партий всегда являлась характерной особенностью венгерского парламентаризма. Депутаты парламента с необыкновенной легкостью переходили из одной партии в другую, меняя заодно свои принципы и политические убеждения. Но все же вплоть до 1906 г. партия независимости, в противоположность либеральной, считалась противником дуализма, хранителем традиций венгерской независимости. Именно поэтому ее лидер Ф. Кошут мог безнаказанно спекулировать именем своего отца.

¹ «Kereskedelmünk és iparunk az 1906. évben». Вр., 1907, 24, 1.

² *Mocsáry Lajos. Válogatott írásai.* Вр. 1958, 455. l.

И после апреля 1906 г. национальная, вернее националистическая, демагогия продолжала оставаться в арсенале Ф. Кошута и А. Аппони. Поэтому они тщательно оберегали тайну своего «чудесного» перевоплощения в министров его королевского величества. Но именно потому, что лидеры партии апрельским пактом окончательно изменили национальным лозунгам и отказались от малейших попыток пересмотра основ дуализма, бывшие либералы толпами стали переходить в ее лагерь. А им-то не пришлось отказываться от своих принципов. Партия независимости явилась достойной преемницей партии Тисы. В 1901 г. в этой партии был всего один земельный магнат, а в 1906 г. уже 18; крупных помещиков (1–2 тыс. хольдов) после выборов стало 93³.

Тем не менее благодаря жонглированию национальными лозунгами ей удалось сохранить свое влияние не только в средних слоях буржуазии и помещиков, но и мелкой буржуазии и крестьянства, по крайней мере в первый период деятельности коалиционного правительства. Предвестником отхода крестьянства от партии независимости уже являлось образование крестьянской партии под руководством А. Ахима. Но влияние крестьянской партии не выходило за пределы нескольких областей Алфёльда и в основном ограничивалось комитатом Бекеш.

Во всяком случае, превращение партии независимости из оппозиционной в правящую лишило ее национальную демагогию прежней эффективности. Став правящей партией и прекратив борьбу за национальные требования, партия независимости и другие партии коалиции фактически лишились возможности отвлекать внимание широких слоев венгерского населения шовинистической агитацией от социально-экономических и демократических проблем.

Кризис социал-демократической тактики. Стачечное движение осенью 1906 г.

В этих условиях социал-демократическая партия имела возможность с большими шансами на успех вести борьбу против коалиции за ее изоляцию. Но это могло произойти лишь в том случае, если бы она возглавила национальное, социальное и демократическое движение угнетенных классов всех народов многонациональной Венгрии. Однако социал-демократическое руководство продолжало по-прежнему цепляться за лозунг всеобщего избирательного права и не собиралось пересматривать

³ *Lakatos Ernő. Magyar politikai vezetőréteg. Bp., 1942, 99. 1.*

свою политику применительно к новым, изменившимся условиям. Приход к власти коалиции и отставка антиконституционного кабинета генерала Фейерваря автоматически аннулировали пресловутый пакт Криштофи — Гарамы. Тем самым для социал-демократических лидеров отпала необходимость в компрометирующей их поддержке полуабсолютистского режима.

Апрельский пакт венгерской коалиции с Габсбургами застал партийное руководство врасплох, поведение его в это время отличалось неуверенностью, усугублявшейся тем, что оно не решалось выступить против правительства, которое торжественно объявило о своем намерении осуществить всеобщее избирательное право. Хотя не было никаких признаков, которые бы подтверждали серьезность этих намерений, социал-демократическое руководство предпочло поверить, что правительство действительно выполнит свое обещание.

Пока лидеры социал-демократии пребывали в ожидании милостей правительства, венгерские господствующие классы, консолидировав свои ряды, повели решительное наступление против массового движения городского и сельского пролетариата всех национальностей страны. Однако летом 1906 г. еще продолжался подъем массового движения. Лишь осенью становится очевидным оборонительный характер классовых боев пролетариата города и деревни.

Последним всплеском стачечной волны насыщенного острейшими экономическими и политическими боями лета 1906 г. явилась всеобщая стачка 5 тыс. венгерских и румынских шахтеров в Петрошени в августе—сентябре. Бастующие требовали установления минимума зарплаты, сокращения рабочего дня с 12 до 8 час., признания права на организацию и т. д. Поддержанная властями администрация акционерного общества «Римамурань Шалготарьян» заняла непримиримую позицию, заявив о своем намерении вести переговоры о «некотором улучшении условий оплаты труда» лишь в случае немедленного прекращения стачки и не раньше декабря⁴. Не довольствуясь этим, администрация 2 сентября объявила бастующим, что если до 8 сентября они не начнут работать, то будут считаться уволенными и выселенными при помощи вооруженной силы из жилищ, принадлежавших компании.

Собравшиеся 1000—1200 шахтеров выслушали это сообщение, как отмечалось в обвинительном заключении по процессу руководителей стачки, «с большим недовольством и не только не послушались призыва разойтись, но некоторые из них даже кричали, что власти не имеют никакого отношения к стачке, а конфликт касается только рабочих и предпринима-

⁴ PI Arch, IM, 1906—34809 (37548) ált.

телей»⁵. Пристав решил вызвать подкрепления. Три роты войск и жандармы «сумели выполнить приказ пристава, лишь атаковав толпу; пулями и штыками было ранено 60 рабочих. После нападения толпа стала медленно расходиться...»⁶ Так спокойно повествовал об этой кровавой бойне судебный чиновник венгерского государства. Необычайно быстрая и жестокая расправа государственного аппарата с рабочей забастовкой свидетельствовала о новых тенденциях в антирабочей политике коалиционного правительства. Прежде венгерские власти расправлялись с такой жестокостью только с волнениями сельской бедноты. Кровавой расправой, учиненной над горняками, новое правительство как бы предупреждало, что отныне его главной заботой будет борьба против стачечного движения и сельского и городского пролетариата, причем неограниченная в средствах.

Осенью стачечное движение шло на убыль, но стачечная борьба еще не прекратилась. Об этом свидетельствовала упорная забастовка рабочих столичных пекарей. В борьбу вступили 930 рабочих 256 предприятий. Уже по числу пекарен можно судить о том, что это были по преимуществу мелкие кустарного типа предприятия, в которых рабочим приходилось трудиться по 14—18 часов в день при 30—40-градусной жаре⁷. Требования стачечников были минимальными: сокращение рабочего дня до 10—12 часов, увеличение заработной платы на 3 филлера в неделю, признание системы доверенных лиц и т. д. Начавшаяся 11 октября стачка окончилась 31 октября некоторыми уступками со стороны предпринимателей⁸. Стачки рабочих пекарен вызвали серьезные перебои в снабжении столицы хлебом.

Большой резонанс вызвала последовавшая затем стачка рабочих и служащих трамвая в Будапеште. Жители венгерской столицы ранним утром 25 октября были поражены необычным зрелищем: на улицах не было видно ни одного трамвая. Собравшиеся на остановках пассажиры тщетно ждали. Вскоре всякие сомнения рассеялись: забастовка трамвайщиков, о которой в последние дни по городу носились слухи, началась. 20 октября состоялось решающее собрание рабочих и служащих всех пяти частных акционерных обществ, которым принадлежал городской транспорт столицы. Собрание выработало меморандум, включавший требования введения 9-часового рабочего дня, дополнительной оплаты ночной работы, улучшения системы страхования от болезни и несчастных случаев, опла-

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ «Élelmezési Munkás», 16.X 1906.

⁸ «A Nevezetesebb sztrájkok és kizárások 1906-ban. Kereskedelemügyi Minisztérium». Bp., 1907.

ченного воскресного отдыха⁹. Было решено начать стачку, если до 25 октября компании не ответят на меморандум.

Несмотря на то, что рабочие городского транспорта пытались провести стачку еще весной 1903 г., социал-демократическая партия и профсоюзный совет не позаботились о том, чтобы создать среди рабочих трамвая свои организации, хотя венгерские социалисты уделяли серьезное внимание созданию новых профсоюзов. Работники трамвая были вовлечены в так называемый «Союз священной короны» (Союз железнодорожников стран священной венгерской короны), во главе которой стоял граф Т. Баттяни. Еще задолго до забастовки лидеры союза приложили огромные усилия, чтобы не допустить объявления стачки. Им удалось удержать рабочих от выступлений, хотя они требовали объявить стачку еще до вручения меморандума в начале октября. Сама идея меморандума была выдвинута руководством союза, чтобы выиграть время и создать возможность «мирного улаживания конфликта».

Таким образом, компании получили пять дней передышки, которой они воспользовались для организации отпора. В течение этих дней занимались штрейкбрехеры, были пущены в ход все средства: угрозы увольнений, обещания уступок¹⁰. В то же время администрация пыталась организовать движение хотя бы на главных линиях и в ограниченном масштабе силами штрейкбрехеров под охраной полиции. Это вызвало ответные действия стачечников: ранним утром, ежедневно из стачечного лагеря, где находились 7 тыс. бастующих (многие с женами и детьми), на линии выходили группы по 30—40 человек во главе с доверенными лицами.

В четкой организации забастовки выдающуюся роль сыграл адвокат Е. Лаидлер, который возглавлял стачечный комитет. Каждый вагон, выходящий на линию штрейкбрехерами, неизменно подвергался нападению рабочих, которых активно поддерживали трудящиеся столицы. Срывались рельсы, вагоны подвергались обстрелу камнями¹¹. Штрейкбрехеры, кондукторы и водители спасались бегством.

Начальник полиции Будапешта Д. Бода ежедневно публиковал специальные сообщения о работе трамвая, вернее о ходе забастовки. В этих сообщениях приводились все случаи нападений на штрейкбрехеров, столкновений с полицией. На второй день забастовки он заявил, что, учтя опыт стачки парижских трамвайщиков, полиция примет меры, чтобы «подавить беспорядки». Однако он признался, что вынужден обратиться за под-

⁹ N, 24.X 1906.

¹⁰ «Magyar Vasutas», 26.XIII 1906.

¹¹ OL, Kúria, 1908-IV-3701.

креплением к армии. Рвение полиции щедро оплачивалось компаниями, выплачивавшими каждому полицейскому по 3,6 крон в день. Но львиную долю этой суммы — 2 кроны прикарманивало высокое начальство¹². Бода не брезговал и мелкой провокацией. Он направил к стачечному лагерю отряд полицейских во главе с капитаном под предлогом, будто бы рабочих насильно держат в лагере. Однако на приглашение капитана выйти из лагеря не отозвался ни один человек.

Таким образом, первая попытка получить повод для разгона лагеря провалилась. 29 сентября начальник полиции предпринял новую попытку — сорвать стачку при помощи руководителей союза. Этому помешал Е. Ландлер, который категорически заявил от имени стачкома, что так называемый «комитет пяти», назначенный союзом, не уполномочен вести переговоры. В разгар стачки Баттяни открыто отмежевался от борьбы, заявив, что ни он, ни руководимый им союз, не имели никакого отношения к принятому 26 октября роковому решению о стачке¹³.

Утром 30 октября компании направили некоторым из бастовавших извещение об увольнении. Эта угроза не подействовала. Тогда власти решились на крайнюю меру. 31 утром в лагерь стачечников ворвался вооруженный отряд (50 пеших, 150 конных полицейских и эскадрона гусар) и разогнал рабочих. Д. Бода заявил, что лагерь распущен в интересах сохранения «общественного порядка»¹⁴.

Весть о разгоне лагеря вызвала в столице возмущение. Рабочие вышли на улицы, чтобы выразить свой протест. Между ними и полицией произошли стычки. Полицейским с большим трудом удалось оттеснить около 1200 рабочих на территории заводов.

Борьба рабочих и служащих трамвая окончилась поражением. Восемь участников забастовки были приговорены судом к тюремному заключению сроком от 3 до 8 месяцев каждый¹⁵. Предприниматели потребовали от всех рабочих и служащих подписать заявление о том, что они обязуются не вступать ни в какие союзы, в особенности социалистические¹⁶.

Социал-демократия в целом поддержала стачку. Ее печать решительно выступила в защиту бастующих. Социал-демократическая партия внесла в стачечный фонд 800 крон¹⁷. Рабочая солидарность проявлялась и в других формах. Так, рабо-

¹² N, 28.X 1906.

¹³ N, 30.X 1906.

¹⁴ «Friss Ujság», 1.XI 1906.

¹⁵ Ibidem; OL, Kúria, 1908-IV-3701.

¹⁶ «Friss Ujság», 2.XII 1906.

¹⁷ «Friss Ujság», 31.X 1906.

чие железнодорожной линии Будапешт—Мархегг в знак солидарности с трамвайщиками пунктуально и строго соблюдая железнодорожный устав и правила технической эксплуатации, срывали график движения и добивались таким образом опоздания поездов на 6—10 часов¹⁸.

После окончания забастовки партия провела митинг, на котором председательствовал Д. Алпари. Рабочие — социал-демократы открыто выражали свою солидарность с работниками трамвая. При упоминании коалиционного правительства раздавались возмущенные крики: «Долой их!», «Обманщики, иезуиты!», «Банда изменников!»¹⁹

На этом же митинге впервые среди социал-демократов появился Е. Ландлер, будущий выдающийся лидер венгерских левых. Уже тогда деятельность Ландлера, руководителя стачкома, снискала ему всеобщее уважение рабочих. Его появление на трибуне было встречено шумными аплодисментами, возгласами: «Эльен!», «Да здравствует новый товарищ!». Ландлер заявил на митинге, что «социал-демократическая партия была единственной политической партией, которая с братской любовью, силой и смелостью выступила в защиту рабов трамвая»²⁰.

Однако действенной и эффективной поддержки бастующие все же от социал-демократии не получили. Не оказал им такой поддержки и социал-демократический союз железнодорожников. Роспуск стачечного лагеря нередко приводил к всеобщей стачке. Однако руководители на это не решились. Лидеры социал-демократии заявляли, что они сознательно не привлекали работников трамвая в социалистические организации, ибо знали, что «предстоит жестокая схватка, и поэтому не хотели подрывать единства рядов рабочих и ослабить их накануне борьбы»²¹.

Забастовка рабочих трамвая вызвала негодование буржуазно-помещичьей Венгрии. «Общество» было возмущено почти так же, как и в период сельскохозяйственных стачек. На страницах газет в парламенте участников забастовки обливали потоками грязи. Не в силах отрицать справедливости требований забастовщиков, беспощадная эксплуатация труда которых приносила кучке акционеро-барышников скандальные барыши, «представители нации» обвиняли их в антипатриотизме, чуть ли не в измене «мадьярскому отечеству».

Дело в том, что по времени стачка совпала с торжествами по случаю перенесения в Будапешт останков вождя освободительного движения начала XVIII века князя Ракоци II. Пред-

¹⁸ N, 30.X 1906.

¹⁹ N, 3.XI 1906.

²⁰ «Friss Ujság», 4.XI 1906.

²¹ «Magyar Vasutas», 2.XI 1906; N, 26.X 1906.

ставители буржуазии и помещиков возмущались тем, что стачка нарушает нормальный ход торжеств и поэтому-де является кощунством. Министр юстиции, выступая в парламенте, обвинял забастовщиков в том, что они «не уважают памяти Ракоци... и хотят подорвать национальные чувства рабочих. Этого венгерское законодательство не может терпеть, ибо тогда нация погибнет...»²² На самом деле речь шла не о «патриотических соображениях» «публики» или меркантильных интересах предпринимателей. Вся эта шумиха вокруг Ракоци была рассчитана на то, чтобы укрепить авторитет правящей коалиции как выразительницы «национальных интересов» и заодно продемонстрировать несуществующее «единство нации». Стачка же городского транспорта заранее обрекала эти потуги на явную неудачу. Вот почему еще накануне стачки с трибуны палаты депутатов один из ведущих ораторов коалиции, красобай и мастер парламентских обструкций, З. Лендьел призвал министра торговли Кошута «всеми силами помешать стачке»²³.

Представитель католической народной партии К. Хенц спустя несколько дней после окончания забастовки выступил в парламенте с типичной для христианских социалистов агитацией. Осудив «еврейских предпринимателей» и выразив сочувствие эксплуатируемым ими рабочим, весь пыл своего красноречия он направил против социал-демократов. Они, по его словам, и явились главными подстрекателями стачки и организаторами уличных беспорядков. Вместе с тем этот «друг» несчастных трамвайных рабочих не постеснялся одобрить действия полиции²⁴. Выступивший затем министр юстиции Г. Полони взял под защиту все незаконные действия и бесчинства полиции. «Да, полиция выполнила свой долг. Думаю, что каждый любящий порядок и уважающий конституцию человек может говорить о полиции лишь с признательностью», — сказал он²⁵.

Социальная демагогия коалиции

Однако все это вовсе не означало, что венгерские господствующие классы всецело полагались лишь на репрессии. Именно в этот период социальная демагогия становится характерной чертой политики венгерской буржуазии и помещиков. Объяснялось это различными причинами, прежде всего глубокими политическими сдвигами последних лет.

²² KN, 3 k., 186—188. l.

²³ Ibid., 149. l.

²⁴ Ibid., 241. l.

²⁵ Ibidem.

После грандиозных классовых битв 1905 г. и первой половины 1906 г. стало невозможно отрицать наличие в Венгрии весьма острых социальных проблем и прежде всего «рабочего вопроса». Кроме того, политика заигрывания с рабочим классом, к которой в Венгрии впервые широко прибегло министерство Фейервари, была столь эффективна, что в апреле 1906 г. предопределила капитуляцию коалиции. Естественно поэтому, она решила попытаться использовать то оружие, которым была побеждена сама.

При заключении «апрельского пакта» коалиция обязалась осуществить избирательную реформу. Правда, всерьез об этом никто из коалиционных лидеров не думал. Забегая несколько вперед, скажем, что пункт «апрельского пакта» о введении всеобщего избирательного права был единственным, который так и остался на бумаге. Коалиция согласилась включить его в свою программу весьма неохотно, уступив давлению Вены, которая не на шутку была встревожена размахом движения за всеобщее избирательное право. Так, лозунг избирательной реформы «по последству» переключался из программы кабинета Фейервари — Криштофи в программу министерства Векерле — Андраши — Кошута. Разница была лишь в том, что кабинет Фейервари, заключив пакт Гарамни — Криштофи, опирался на поддержку оппортунистического руководства социал-демократии. «Национальная» же коалиция не собиралась вступать ни в какие блоки с социал-демократией.

Поскольку бороться против социалистического движения только средствами полицейско-административного террора казалось явно недостаточным, коалиция пришла к выводу о необходимости социальной демагогии. На второй день после начала осенней сессии парламента с изложением программы правительства выступил премьер-министр Векерле. Значительное внимание он уделил проблемам социальной политики. В речи упоминалось о ряде законопроектов, которые правительство собиралось осуществить. Оно предполагало представить проекты законов об улучшении положения государственных служащих (намечалось выделение 700 тыс. кроен для повышения оплаты учителей и железнодорожных служащих), об обязательном страховании рабочих по болезни и инвалидности, «о защите батраков», о парцеллизации и поселениях, о помощи секейскому населению Трансильвании (секеи, как выразился один из депутатов, — «страж нации и крепость родины на восточных границах»), о реформе налогового дела с введением прогрессивного подоходного налога (но отнюдь не поземельного, который бы несколько задел карманы магнатов — в этом вопросе премьер был непреклонен)²⁶.

²⁶ KN, 3 k., 22--29. 1.

Эти более чем умеренные законодательные акты квалифицировались как последнее слово наиболее «современной и наиболее передовой социальной политики», благодаря которой Венгрия, по выражению Векерле, должна была играть «руководящую роль среди цивилизованных государств». Под аплодисменты палаты премьер-министр заявил, что социальная программа правительства имеет целью «противостоять всей мощью государства тем крайним тенденциям, которые выступают под именем социализма, но на деле ведут к подрыву общества»²⁷.

Итак, война против социализма была объявлена важнейшим принципом правительственной государственной политики. Такова была первая, политическая цель программы. О другой, экономической ее подоплеке премьер предпочел выразиться более туманно. Речь шла об увеличении потребительских, т. е. наиболее обременительных для трудящихся, налогов. Векерле ссылался на ведущиеся переговоры с Австрией, от исхода которых, по его мнению, будет зависеть решение вопроса. Но все же Векерле дал понять, что «каким бы ни был результат переговоров», он не видит других источников покрытия расходов по реформам, кроме повышения налогов на потребительские товары.

Открытая война с движением пролетариата, наступление на жизненный уровень трудящихся — такова была сущность политики венгерских господствующих классов. По неполным данным, за первые восемь месяцев правления коалиции была прекращена деятельность 21 профсоюзной группы, запрещены 292 собрания, подвергнуты наказанию 5095 сельскохозяйственных рабочих-стачечников и т. д.²⁸ Владельцы латифундий, финансисты и фабриканты требовали объявить вне закона парламентским законодательным актом стачку, а заодно все социалистическое движение и профсоюзы.

Муниципальные собрания комитатов Дьёр и Зала внесли в парламент петицию об издании специального антистачечного закона. Рассмотрев петицию, комиссия парламента пришла к выводу, что «бесперывные стачечные бои не только подвергают опасности крупную промышленность, но и наше прозябающее кустарное производство и даже земледелие. Они разоряют промышленность и торговлю»²⁹. Комиссия предложила одновременно с изданием закона принять меры к «защите» рабочих от ростовщичества.

Министр юстиции, выступая в парламенте, жаловался, что «существующие законы не дают защиты против организационной пропаганды тех... кто спекулирует на недовольстве рабо-

²⁷ Ibidem.

²⁸ MSzM, 1906, 26. l.

²⁹ KN, 3 k., 184—185. l.

чих и увлекает за собой массы рабочих»³⁰. Он утверждал, что Англии и Франции «давно бы пришел конец», если бы им «пришлось пережить такие потрясения, которым якобы постоянно подвергалась Венгрия, и где, по его словам, происходит «систематическое и прямое подстрекательство к свержению государственного порядка и общественного строя». Министр призвал палату обратить особое внимание на железнодорожные и сельскохозяйственные стачки как наиболее опасные.

Граф Алмаши, Фёйшпан комитета Солнок, в письме министру внутренних дел предлагал положить конец деятельности «подстрекателей классовой ненависти, так как она подрывает благополучие всего народа, ослабляет страну материально и, кроме того, создает благоприятную почву для агитаторов венгерских национальностей»³¹.

Это стремление представить стачку как антинациональное деяние особенно отчетливо прозвучало в речи депутата Э. Надя. Прежде всего он тщился доказать полную беспочвенность социализма в Венгрии. По его мнению, в противоположность странам Западной Европы в Венгрии социализм и социалистические идеи появились раньше, чем возникли соответствовавшие им экономические условия, прежде всего крупная индустрия. «Поэтому, — говорил он, — стачечный вопрос надо рассматривать у нас иначе, чем в зарубежных государствах, ибо вечное повторение стачек, необузданность их ведет к полному уничтожению конкурентоспособности венгерской промышленности и к ее разорению»³².

Особую тревогу властей и помещиков вызывали сельскохозяйственные стачки. Напуганные силой и размахом аграрных волнений лета 1905 и 1906 гг., а также ростом организованности сельского пролетариата уже осенью 1906 г. венгерские помещики принимали меры, чтобы обеспечить уборку урожая 1907 г. В октябре 1906 г. влиятельная организация помещиков — ОМГЕ серьезно обсуждала вопрос о привлечении к уборке урожая рабочих из России, Галиции и даже Китая³³. Орган союза сельскохозяйственных рабочих опубликовал обращение «К нашим зарубежным товарищам», в котором призывал социал-демократические организации стран Европы, в особенности Германии, России и Галиции, «всеми средствами помешать осуществлению этих планов»³⁴. Помещики комитета Бекеш по инициативе одного из богатейших землевладельцев Венгрии графа Д. Венкхайма решили пригласить 15—20 тыс. китайских

³⁰ KN, 3 к., 188. I.

³¹ PI Arch., Szolnok m. alisp. 1906—22647.

³² KN, 3 к., 191. I.

³³ N, 24.X 1906.

³⁴ «Világszabadság», 30.X 1906.

кули, если до конца января будущего года с рабочими не будут заключены контракты об уборке урожая³⁵.

Пленум ОМГЕ, состоявшийся в декабре, предложил правительству и парламенту издать новый закон о батраках, «который одновременно являлся бы защитой против стачек и нарушений контрактов», а также установить эффективный контроль над социал-демократическим союзом сельскохозяйственных рабочих и «распустить его, поскольку деятельность союза угрожает общественному спокойствию и интересам общества»³⁶. Предлагалось также принять специальные законы, чтобы воспрепятствовать «подстрекательству» социалистической печати, «распространяющей классовую ненависть и выступающей против священного принципа собственности, против существующего строя и веры»³⁷. Один из руководящих деятелей ОМГЕ Д. Рубинек требовал немедленного запрещения всех организаций, «стоящих на позициях интернациональной социал-демократии»³⁸.

Газета «Пешти Хирлап» выступала за запрещение взимания социал-демократической партией и профсоюзами членских взносов, ограничение собраний, высылку агитаторов и «издание более строгих законов против подстрекателей»³⁹. На разгоне профсоюзов, «деятельность которых противоречит интересам нации», настаивали также власти комитата Боршод⁴⁰.

Немедленно после пленума ОМГЕ к министрам земледелия и юстиции была направлена специальная делегация, которая изложила требования помещиков. Оба министра обещали аграриям полную поддержку. Министр юстиции Полони заявил, что он выступит с соответствующим законопроектом в парламенте⁴¹.

Наступление объединенных сил реакции на права рабочих и крестьян встретило решительный отпор трудящихся и прежде всего организованного пролетариата. В течение осени, до конца года, были проведены сотни собраний и митингов протеста. На одном из таких собраний, состоявшемся 9 декабря, один из рабочих, выражая общее настроение, сказал: «Пусть попробует Ференц Кошут издать стачечный закон, мы и дальше будем бастовать. Ныне рабочий класс в состоянии парировать любой удар»⁴². Профсоюзная газета писала: «Пусть господа продолжают идти по этому пути (речь идет об антистачечном зако-

³⁵ PH, 27.XI 1906.

³⁶ N, 10.XII 1906.

³⁷ Ibidem.

³⁸ «Az Ujság», 10.XII 1906.

³⁹ PH, 4.XI 1906.

⁴⁰ OL, Miskolci áll. lvt. 1906—893.

⁴¹ PH, 12.XII 1906.

⁴² PJ, Arch. Bp. Főkapit. 1906—784, res.

не.— *Т. И.*), этот путь легко приведет к России»⁴³. Одним из самых крупных был 40-тысячный митинг рабочих Будапешта, который состоялся 18 ноября⁴⁴.

Вскрывая антидемократический характер правительственной программы и особенно стачечного закона, социал-демократы по-прежнему главное внимание уделяли требованию всеобщего избирательного права. При этом социал-демократические ораторы нередко ссылались на события, происходившие в России. Один из социал-демократических лидеров Я. Кардош говорил на митинге рабочих: коалиция вдохновляется русской контрреволюцией, но она забывает, что у нас есть кому подражать, «для нас примером являются русские революционеры». В специальной листовке, которая широко распространялась партией, коалиционное правительство разоблачалось как верный слуга помещиков и капиталистов, как верный союзник всех врагов рабочего класса. Социал-демократическое руководство призывало пролетариат готовиться к борьбе, ибо «эти люди (члены правительства.— *Т. И.*) способны на такие наглые поступки, как роспуск профсоюзов»⁴⁵.

Угроза, нависшая над организациями, заставила руководство партии принять меры для подготовки отпора реакции. Было решено в первую очередь усилить профсоюзные организации. Руководство последних приняло резолюцию, которая призвала союзы укреплять связь с массами, а доверенных лиц — постоянно держать контакт с рядовыми членами не только на предприятиях, но и дома, созывать собрания протеста и т. д. 4-й пункт этой резолюции предлагал представить правительству меморандум и напомнить ему, что «именно профсоюзы и их руководители ограничивали стачки и выступали против необдуманных забастовок»⁴⁶. Вместе с тем партийные и профсоюзные лидеры, опасаясь репрессий властей, стремились ограничить стачечное движение пролетариата.

Составленный в соответствии с этими принципами меморандум, подписанный председателем Совета профсоюзов Ш. Ясан, был вручен министру торговли Ф. Кошуту. В нем подробно говорилось об антирабочей деятельности Союза промышленников, проводимых им систематических локаутах, о черных списках. «из-за которых рабочие, не имея возможности получить работу в Венгрии, вынуждены эмигрировать в Америку»⁴⁷. Авторы меморандума всячески стремились доказать, что профсоюзы вообще не имеют никакого отношения к забастовке и что, наобо-

⁴³ «Typographia», 10.XI 1906.

⁴⁴ SzE, 1906, N 12.

⁴⁵ PI Arch. Vas m. föisp. 1906 — Plakát.

⁴⁶ SzE, 1906, N 12.

⁴⁷ Ibidem.

рот, они выполняют чрезвычайно важную «для государства и общества» миссию по воспитанию «образованного и интеллигентного рабочего класса», что свою задачу профсоюзы видят в ограничении стачек, а не в провоцировании забастовок. Ясаи просил правительство оказать содействие заключению коллективных договоров, чтобы не долгие годы гарантировать предпринимателям мир, а рабочих избавить от частых стачек и дать им возможность «спокойно развивать свои организации»⁴⁸.

Этот меморандум являл собой образец соглашательства, попытку «мирно» разрешить антагонистические противоречия между трудом и капиталом. Оппортунизм руководства профсоюзов и партии с полной очевидностью проявился еще в период политического кризиса 1905—1906 гг. Поэтому нет ничего удивительного в появлении подобного документа. Удивляет другое. На протяжении нескольких месяцев социал-демократическая печать неоднократно подчеркивала, что коалиционное правительство представляет интересы крупного капитала и крупного землевладения и поэтому, как писала газета «Непсава», «от него нельзя ждать ничего хорошего». Руководство партии и профсоюзов имело веские доказательства бессмысленности и вредности какого бы то ни было соглашения с этим правительством. Сравнивая это правительство с кабинетом Фейервари, оно явно сожалело об уходе в отставку последнего: «Да, правительство Фейервари было незаконным, оно нарушило основные принципы парламентаризма и все же оно одобрило больше уставов рабочих объединений, чем три предшествовавших ему правительства и, наконец, оно подготовило в течение нескольких месяцев законопроект избирательного права»⁴⁹. Так принципиальный оппортунизм привел лидеров социал-демократии к полной беспринципности.

Союз сельскохозяйственных рабочих

Духом оппортунизма была проникнута политика партии и в отношении сельскохозяйственного пролетариата и его организаций. В конце 1905 г., после долгой и упорной борьбы, сельским рабочим удалось завоевать право на создание собственной организации. Социал-демократический союз сельскохозяйственных рабочих возник в 1906 г. в тяжелейших условиях правительственного террора и травли местных властей. К концу года союз, по приблизительным данным, насчитывал в своих рядах 428 местных групп и свыше 50 тыс. членов. По подсче-

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ N. 25.XI 1906.

там секретариата социал-демократической партии, число его членов достигло 100 тыс.; союз охватывал около 2,5 тыс. венгерских, сербских, немецких и румынских сел⁵⁰. Особенно сильным влиянием он пользовался в комитатах Темеш, Торонтал, Фейер, Бач-Бодрог, Солнок, Толна, Сатмар, Саболч и Зала.

Союз был создан по образцу и подобию профессиональных союзов промышленных рабочих. На случай роспуска существовал Всевенгерский организационный комитет (состоящий из 11 членов, в него входили Д. Нистор и Б. Ваго), который формально занимался сбором и изучением статистических данных и т. д.

В октябре—ноябре и начале декабря состоялись 15 окружных конференций союза сельскохозяйственных рабочих. В них приняло участие 1490 делегатов от 674 сел⁵¹. На этих конференциях обсуждались выработанные под руководством союза проекты контрактов для жнецов, батраков и поденщиков. Эти проекты должны были явиться основой для заключения договоров с хозяевами. Докладчики призывали пролетариат деревни приступить также к созданию политических организаций, к поддержке политики социал-демократии, к пропаганде и распространению органа союза — газеты «Вилагсабадшаг»⁵².

Подводя итоги конференций, «Вилагсабадшаг» писала, что начинается новый этап движения, когда союз должен подготовиться к отпору и создать тысячу новых групп в тех деревнях, которые заявили о своем присоединении к союзу, но не допускают никаких насильственных актов: «Не мотыга и коса являются оружием сопротивления пролетариата и не в насиллии сила пролетариата... он нуждается в тихой, спокойной, сознательной организации...»⁵³ Таким образом, большая работа по сплочению наиболее революционных сил деревни сопровождалась попыткой ограничить деятельность союза рамками закона.

Тем не менее размах движения, особенно кампания за подписание контрактов на условиях, рекомендованных союзом, не на шутку встревожил власти. Эта агитация задевала интересы помещиков, ведь раньше они имели дело с неорганизованными группами жнецов, поденщиков и батраков, которые имели работу и заработок в течение недолгого сезона уборки урожая и готовы были зимой подписать любой контракт. Летом же, когда они начинали бастовать, требуя лучшей оплаты, власти заключали их в тюрьму по обвинению в нарушении контрактов. Теперь дело принимало неприятный для помещиков оборот. Отсюда и истерические призывы о приглашении рабочей силы даже из Китая.

⁵⁰ MMTVD, III. k., 510. l.

⁵¹ PI Arch. Vas m. alisp. biz., 1906-21.

⁵² N, 31.X 1906.

⁵³ «Világszabadság», 8.XII 1906.

Алишпан комитата Солнок доносил министру внутренних дел, что «подстрекательство к классовой несправедливости пынче безнаказанно распространяется по всей стране. Лидеры через рабочие профсоюзы (группы союза.— *Т. И.*), которые созданы почти в каждой деревне, бросили клич... подписывать контракты только на тех условиях, которые указаны центральным руководством»⁵⁴.

Центральные органы власти немедленно реагировали на сигнал тревоги. Они конфисковали социал-демократическую листовку, призывавшую сельскохозяйственных рабочих не подписывать «плохие контракты». В некоторых местах жандармы вырывались в помещения союза и в дома рабочих социал-демократов. Министерство внутренних дел предоставило фёйшпанам право распускать местные группы союза сельскохозяйственных рабочих, если они найдут, что при образовании таких групп было допущено малейшее нарушение устава. Министр земледелия в свою очередь разослал по всем комитатам циркуляр, в котором сообщал о конференциях союза и обязывал местные власти, «внимательно следя за движением... энергично защищать свободу личности, возможность осуществления свободной воли тех, кто не присоединяется к организации рабочих»⁵⁵.

Впрочем, комитатская администрация, в которой вершили дела помещики или исполнители их воли, не нуждалась в подобного рода «поощрениях». Об этом свидетельствует множество донесений и отчетов местных властей министерству внутренних дел. Признание успехов идей социализма в венгерской деревне и призыв использовать все средства борьбы против движения сельского пролетариата — таковы главные выводы этих донесений. Так, в отчете комитата Фейер указывалось, что в течение 1906 г. на территории комитата происходило «широкое движение» за создание местных групп союза сельскохозяйственных рабочих. Пристав одного из районов этого комитата отклонял все заявления об устройстве собраний, ибо он полагал, что «можно опасаться подстрекательских речей бессовестных агитаторов, которые склоняют рабочий народ к нарушению контрактов и к стачкам». Он разрешал проводить собрания с целью образования групп союза лишь в том случае, «если они не окажут вредного влияния на беспрепятственное течение сельскохозяйственных работ»⁵⁶. Этот пристав в своем служебном рвении дошел до того, что запретил даже собрания христианских социалистов.

⁵⁴ PI Arch., Szolnok m. alisp. 1906—22647.

⁵⁵ Ibid., Vas m. föisp., 1906—548.

⁵⁶ OL, BM. eln. res. 1907—736.

Начальник полиции города Печ не разрешил созвать конференцию сельскохозяйственных рабочих на том основании, что, по его мнению, обсуждение условий оплаты труда сельских рабочих без предпринимателей носит односторонний характер и может привести к нежелательным последствиям⁵⁷.

Весьма любопытный документ вышел из-под пера алишпана комитета Солнок, который, по-видимому, считал себя человеком широких взглядов. Во всяком случае, судя по отчету, он понимал, что самым ходом исторического развития Венгрии поставлены проблемы социальных реформ, от разрешения которых невозможно уйти. Распространению социализма в Венгрии, признавал он, нельзя преградить путь одними только насильственными мерами. Алишпан сетовал по поводу бессилия властей бороться с созданием союза сельскохозяйственных рабочих, в местных группах которого «изучают учение Маркса и Энгельса и, конечно, не понимают, а лишь искажают его». Социалистические газеты, по его мнению, будоражат массу и она после этого способна на все... Несмотря на признание неэффективности насилия, он все же предпочел бороться с идеями при помощи насилия: в течение года в этом комитате не было разрешено ни одного собрания⁵⁸.

Власти комитатов Бекеш и Шомодь жаловались на «вредное влияние» социалистических изданий, которые «подрывают авторитет власти перед легковверными низшими слоями народа», и требовали от правительства принятия прочных и действенных мер «для защиты общества и власти»⁵⁹. В конце декабря фёишпан комитета Ваш приказал всем местным властям «сделать все возможное», чтобы помешать распространению среди населения листовок с проектами контрактов, выработанными конференциями. В циркуляре подчеркивалось, что «ни один сельский хозяин не может выполнить эти требования (контракты. — *Т. И.*), не подвергая опасности собственное благополучие»⁶⁰.

В комитате Эгер, по признанию алишпана, социалистическое движение «к концу 1906 г. охватило все районы» комитета. Но речь шла не только о социал-демократическом союзе, ибо здесь, как и в ряде других мест, наряду с социал-демократической организацией сельских рабочих, действовали довольно значительные и насчитывавшие свыше сотни членов объединения христианских социалистов и сторонников Мезёфи. Газета Мезёфи имела в комитате 660 подписчиков, «Непсава» и «Ви-

⁵⁷ FL, Bp. Fökapit. 1907-263. res.

⁵⁸ Ibid., 1907—373. res.

⁵⁹ OL, BM. eln. res. 1907-631-706.

⁶⁰ PI Arch., Vas m. föisp. ált. 1906-548.

лагсабадша» — 980, а христианско-социалистические газеты «Игас Со» и «Уй лап» соответственно 250 и 180 ⁶¹.

Венгерские господствующие классы боролись против сплочения аграрного пролетариата под знаменами социал-демократии не только средствами административного давления и политического террора. Верой и правдой им служили христианские социалисты и так называемая реорганизованная социал-демократическая партия В. Мезёфи. Отчеты властей многих комитатов показывают значительную активизацию в 1906 г. деятельности христианских социалистов в деревнях, особенно в тех районах, где преобладало католическое население. В борьбе против социал-демократического союза христианские социалисты встречали поддержку местных властей, тем более что «они препятствовали стачкам и призывали рабочих к соблюдению контрактов» ⁶².

В Залаэгерсеге сразу же после создания местной группы социал-демократического союза был образован христианский рабочий союз, «призванный, согласно официальному донесению, — освободить рабочих из-под влияния интернациональной социал-демократии» ⁶³. В городе Нови-Замки (Эршекуйвар) христианским социалистам в 1906 г. удалось добиться некоторых успехов среди сельскохозяйственных рабочих, но зато «все промышленные рабочие за немногим исключением принадлежали социал-демократической партии» ⁶⁴. Не добились особого успеха христианские социалисты и в Пече ⁶⁵.

Значительно более опасной была деятельность партии Мезёфи, которая достигла наибольшего влияния именно в конце 1906 г. В некоторых районах ей удалось оттеснить социал-демократов. О степени влияния партий можно судить по числу подписчиков на их газеты. В комитате Хевеш, например, «Ви-лагсабадшаг» имела 380 подписчиков, «Сабад Со» (орган партии Мезёфи) — 400, а христианско-социалистическая «Игас Со» — 250 ⁶⁶.

Выше уже говорилось, что на окружных конференциях сельскохозяйственных рабочих осенью 1906 г. неизменно ставился вопрос о политической организации. Один из руководящих деятелей социал-демократического союза Р. Ладани указывал, что задача заключается в изоляции христианских социалистов и партии Мезёфи ⁶⁷.

⁶¹ Ibid., EAL, 1906.

⁶² FL, Bp. Főkapit, res. 1907—373.

⁶³ Ibid., 1907-66.

⁶⁴ Ibid., 1907-118.

⁶⁵ Ibid., 1907-263.

⁶⁶ *Dolmányos István. Mezőfi és a koalíció.* Bp., 1960, 7. 1.

⁶⁷ N, 25.XII 1906.

Социал-демократические лидеры начинали созреть, что им не добиться осуществления главного лозунга партии — всеобщего избирательного права без широкой поддержки сельского пролетариата. Тем более что быстрое разорение средних хозяйств, сильные пережитки феодализма, хозяйничанье картелей, а также стихийная революционность венгерского крестьянства создавали весьма благоприятные условия для завоевания его на сторону социализма и создания революционного союза пролетариата и крестьянства. Но в венгерской социал-демократии укоренился унаследованный от партии II Интернационала взгляд на крестьянство как на реакционную силу, неспособную идти вместе с пролетариатом.

Любопытно, что этих взглядов теоретики венгерской социал-демократии придерживались несмотря на то, что в ноябре 1906 г. они получили недвусмысленное разъяснение от признанного авторитета II Интернационала К. Каутского. Каутский тогда писал, что имущее крестьянство он считает реакционным фактором и фанатичным сторонником частной собственности лишь в Западной Европе (без Италии). В письме, написанном им по случаю основания теоретического журнала венгерской социал-демократии «Социализмуш», Каутский отмечал рост социализма в Восточной Европе, особенно в России и в Венгрии, значительно более быстрый, чем на Западе. На Западе, указывал Каутский, классовая борьба пролетариата «может развиваться лишь против крестьянства, а не с привлечением его. Совершенно иное положение в Венгрии. Там, так же как и в России, крестьянство является еще революционным фактором». В этом он видел одну из причин успехов социалистического движения в Венгрии и считал, что важнейшая задача нового журнала — исследование своеобразия венгерских условий и в особенности аграрных отношений.

Однако венгерские реформисты, несмотря на то, что считали Каутского «наиболее последовательным продолжателем и последователем марксизма», остались глухи к этому предложению Каутского. Возможно, этому способствовал в некоторой степени и сам Каутский, который писал: «На практике наши венгерские товарищи нашли правильный путь и в аграрном вопросе...»⁶⁸. Социалистическая агитация и организационная работа в деревне по-прежнему ограничивались сельскими рабочими и то лишь ради ограниченной цели — завоевания всеобщего избирательного права⁶⁹.

Партийное руководство ни практически, ни теоретически не ставило вопроса о союзниках пролетариата. Точно так же обстояло дело и с национальным вопросом. По существу социал-

⁶⁸ MMTVD, III. k., 492—494. l.

⁶⁹ Ibidem.

демократическая партия многонациональной Венгрии не признавала национального вопроса. Правда, в партийной программе фигурировало требование равноправия национальностей. Излюбленным аргументом венгерских социал-демократов было утверждение, что они признают лишь две нации — эксплуататоров и эксплуатируемых. «Источники бед мы видим не в угнетении языка словаков, румын, сербов, а в эксплуатации класса пролетариев, на каком бы языке они ни говорили», — утверждал центральный орган партии⁷⁰. Венгерские социал-демократы не хотели понять, что как представители господствующей нации они обязаны были бороться против национального гнета и шовинизма, за право на самоопределение каждой из угнетенных наций Венгрии, ибо без прочного союза с ними венгерский пролетариат не мог выполнить своей исторической миссии.

Итоги стачечных боев

Несмотря на оппортунистическую политику руководства профсоюзов и наступление реакции осенью 1906 г., рабочее движение Венгрии достигло значительных успехов. Оно не только сумело защитить свои организации, но и расширило свое влияние. Был создан первый социал-демократический союз народных учителей, а по инициативе Д. Алпари сделана попытка образовать Союз рабочей молодежи. Однако Союз рабочей молодежи в 1906 г. создать не удалось. Министр внутренних дел граф Андраши мотивировал отказ утвердить устав Союза тем, что будто «молодой возраст руководителей не дает необходимых гарантий того, что союз будет действовать в соответствии с уставом»⁷¹.

Для улучшения работы партийных организаций на национальных окраинах были учреждены национальные комитеты (немецкие, словацкие, сербские, румынские и постоянные партийные секретариаты в крупнейших провинциальных городах: Братиславе, Араде, Секешфехерваре, Дьёре, Шопроне, Нови-Саде, Сомбатхее). В декабре начали функционировать специальные теоретические курсы для секретарей провинциальных организаций. Кроме того, центральное руководство партии организовало в некоторых городах чтение цикла лекций по теоретическим проблемам социализма.

Особенно велики были успехи профсоюзного движения. В течение года в профсоюзы вступило 58 тыс. рабочих. К концу 1906 г. число организованных рабочих достигло 129 тыс.,

⁷⁰ N. 3.XII 1906.

⁷¹ FL, Вр., polgm. 1906-IX-1251.

составив 30% общего числа промышленных рабочих. Тираж многочисленных профсоюзных газет увеличился с 80 тыс. до 146 тыс. экземпляров. Партийным издательством было выпущено 12 листовок (свыше 1 млн. экземпляров)⁷².

Таким образом, налицо был определенный рост социал-демократического движения в Венгрии в конце 1906 г. Однако его недостатком было то, что оно развивалось не вглубь, а вширь. Революционная энергия масс и их энтузиазм направлялись на достижение ограниченной цели — реформы избирательного права.

Осенью 1906 г. рабочее движение обнаруживает тенденцию к спаду. Наступательные выступления городского и сельского пролетариата начиная с лета сменяются ожесточенными арьергардными боями, носившими отчетливо выраженный оборонительный характер. После ликвидации политического кризиса и создания коалиционного правительства объединенные силы буржуазно-помещичьей реакции перешли в наступление. Рабочий класс вынужден был начать длительную и упорную защиту экономических и политических завоеваний, добытых в ходе революционного подъема 1905 и первой половины 1906 г. Этот оборонительный характер классовой борьбы венгерского пролетариата осенью 1906 г. виден и при сравнении данных статистики о стачечном движении 1905—1906 гг.

Несмотря на то, что в 1906 г. число стачек, по сравнению с 1905 г., увеличилось почти вдвое (соответственно 346 и 652), число стачечников осталось почти таким же, как и в 1905 г. (59 тыс. в 1905 г. и 61 тыс. в 1906 г.)⁷³. Объясняется это тем, что в отличие от 1905 г. в 1906 г. центр тяжести стачечного движения переносится в провинцию, где рабочие были менее организованы, чем в Будапеште. Отсюда — многочисленность стачек в 1906 г. и незначительное увеличение количества бастовавших.

Стачки в 1906 г. носили менее длительный и упорный характер, чем в 1905 г., когда ведущую роль играли наиболее организованные и сильные отряды пролетариата.

⁷² MMTVD, III. k., 509—512. l.

⁷³ SzE, 1907, N 5.

ЛИКВИДАЦИЯ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО КОНФЛИКТА

Австро-венгерские переговоры

Одной из неотложных задач коалиционного правительства являлось урегулирование австро-венгерских отношений, которые в течение последних четырех лет, начиная с 1902 г., находились в состоянии кризиса и вызвали сильнейшее беспокойство правящих кругов монархии. Хотя уже в апреле 1906 г., в результате капитуляции коалиционной венгерской оппозиции, конфликт в отношениях между двумя частями империи в сущности был преодолен и кабинет Векерле в принципе обязался продлить австро-венгерское соглашение на последующее десятилетие, начавшиеся осенью 1906 г. переговоры обнаружили серьезные расхождения между их участниками.

О напряженности обстановки, сложившейся во время этих переговоров, свидетельствовала отставка двух общих министров Австро-Венгрии: министра иностранных дел Голуховского и военного министра Питрайха, уволенных под «давлением коалиции». 18 сентября совет министров Венгрии отклонил требование Голуховского о прекращении нападок венгерской печати, поддерживавших правительства, а также венгерской делегации против внешней политики и личности самого министра иностранных дел. Вдобавок Голуховский желал получить гарантии в виде официального заявления венгерского кабинета о полной поддержке последним его дипломатического курса.

Франц-Иосиф настойчиво советовал правительству Венгрии удовлетворить желания министра, подчеркивая «нежелательность» его отставки. Тем не менее кабинет Векерле, сославшись на отсутствие всякой надежды обеспечить столь необходимую поддержку делегаций Голуховскому и на недоверие парламентских кругов к его политике, отверг предложение короля. Таким образом судьба Голуховского была решена. Вскоре последовала официальная отставка¹. Устранением военного ми-

¹ OL, MTj, 1906-41, 17—19. l.

нистра венгерское правительство, объяснял русский посол в Вене, добилось временного снятия с повестки дня весьма острого вопроса об увеличении ежегодного контингента рекрутов².

Коалиция и, в первую очередь, лидеры партии независимости стремились добиться от Австрии хотя бы некоторых, пусть незначительных уступок, которые позволили бы скрыть факт полной капитуляции, сохранить иллюзию «национального» характера нового режима и удержать за собой националистически настроенные массы избирателей.

В связи с заключением новых торговых договоров императорским указом от 1 марта 1906 г. было вновь возобновлено действие старого тарифа. Однако коалиционное правительство отказывалось признать законность этого тарифа, соглашаясь утвердить его парламентским актом лишь в качестве венгерского таможенного, а не общеимперского тарифа³. В соответствии с этим венгерское правительство предусматривало незначительные изменения текста закона о таможене. В отличие от проекта Селла действие нового закона распространялось только на территории Венгрии, а не всей монархии⁴.

Разработанный проект подтверждал сохранение свободной, беспошлинной торговли между Венгрией и Австрией при условии принятия последней идентичного тарифа и соблюдения принципа взаимности. Правительство уполномочило премьер-министра Векерле запросить предварительное согласие короля на представление парламенту законопроекта о венгерском таможенном тарифе.

Еще до начала австро-венгерских переговоров было решено заменить таможенный союз таможенно-торговым договором с некоторыми изменениями статей, касавшихся пошлин на сахар, спирт, пиво и топливо. Вполне вероятно, что на принятие этого решения повлияли настойчивые слухи о намерении «Австрии подвергнуть коренной ревизии отношения, связывающие оба государства монархии»⁵. По свидетельству видного чиновника совета министров Австрии, кабинет Гогенлоэ ушел в отставку не только в знак протеста против учреждения самостоятельного венгерского тарифа, но и для того, чтобы «укрепить позиции короны» против Венгрии и показать, что ни корона, ни тем более Австрия, не собираются без боя сдавать свои позиции⁶.

Вершители судеб монархии искали на пост главы австрийского правительства человека, который наилучшим образом мог бы завершить трудные переговоры с мадьярами о заключении

² OL, MTJ, 1906-41, 17—19. 1.

³ OL, ME, 1906-VII-2503-3659. cs.

⁴ Ibidem.

⁵ OL, PM, 1906-2150.

⁶ K. Erhart. Im Dienste des alten Österreich. Wien, 1958, S. 174—175.

австро-венгерского экономического соглашения и закрепить успех, достигнутый монархией благодаря капитуляции коалиции оппозиционных партий Венгрии в апреле 1906 г.

Такой человек был найден в лице Макса Владимира Бека⁷. Два обстоятельства сыграли решающую роль при назначении Бека министром-президентом. Во-первых, полное соответствие его взглядов на жизненно важные экономические и политические проблемы монархии интересам австрийской буржуазии. Во-вторых, его тесные связи с эрцгерцогом Францем-Фердинандом, воспитанием и обучением которого он руководил в течение длительного времени. Не только в Венгрии, но и в Австрии современники не без оснований расценили это назначение как приход к власти «правительства» Франца-Фердинанда. Во всяком случае, с этого времени начинается активное, а иногда и бесцеремонное вмешательство эрцгерцога в политические дела, что сыграло не последнюю роль в усилении реакции и агрессивности австро-венгерской монархии.

Наиболее полно и развернуто взгляды Бека на австро-венгерские отношения были изложены в меморандуме, написанном им специально для наследника престола летом 1903 г., т. е. в разгар венгерского кризиса. Меморандум, получивший название «государственной записки», был вручен эрцгерцогом Францу-Иосифу в марте 1905 г. В ответном письме, отправленном неделю спустя из Будапешта, Франц-Иосиф всецело одобрил меморандум, подчеркнув, что содержание документа «полностью соответствует» его «взглядам и намерениям»⁸. «Если бы я хоть приблизительно представлял себе, как обстоят дела в действительности, я бы всеми силами воспротивился даже приказу кайзера»⁹. Но зато его воспитанник Франц-Фердинанд не преминул воспользоваться представившейся возможностью и напомнить Беку в свойственном ему повелительном тоне: «...действовать только в нашем духе, в духе меморандума, не уступать абсолютно ни в чем и не делать ни малейших уступок Венгрии. Сейчас наступил важнейший момент и все будет потеряно, если мы пойдем на уступки»¹⁰.

В первом десятилетии XX в. Франц-Фердинанд стал олицетворением, знаменем и надеждой обреченных ходом исторического процесса сил австро-венгерской монархии. В этом факте

⁷ *J. Chr. Allmayer-Beck. Minister-Präsident Baron Beck. Wien, 1956; R. Kiszling. Erzherzog Franz Ferdinand von Österreich-Este. Graz—Köln, 1953, S. 94—95.*

⁸ *R. Kiszling. Op. cit., S. 83—85.*

⁹ *J. Chr. Allmayer-Beck. Op. cit., S. 122; A. Spitzmüller-Harmersbach. Der letzte österreichisch-ungarische Ausgleich und der Zusammenbruch der Monarchie. Berlin, 1929, S. 7.*

¹⁰ *G. Franz. Erzherzog Franz Ferdinand und die Pläne zur Reform der Habsburger Monarchie. Brünn, 1943, S. 29, 31.*

нашел свое конкретное проявление поворот империалистической буржуазии и полуфеодалной аристократии во внутренней политике к реакции, во внешней — к агрессии¹¹.

Ожидавшаяся смена фигур на габсбургском троне должна была принести «умиротворение» внутри страны и развязать монархии руки для участия в затевавшейся в то время большой игре великих держав за гегемонию на Балканах. Но еще до наступления этого момента эрцгерцог постарался укрепить позиции и расширить свое влияние не только в армии, но и в гражданской администрации.

Осенью 1906 г. во главе некоторых важнейших ведомств Австро-Венгрии встали люди, которые в той или иной степени были обязаны своим назначением протекции Франца-Фердинанда. Кстати, и те, кого они заменили, также были обязаны своим падением последнему. Военный министр Питрайх оказался подозрительно наследнику слишком податливым в отношении мадьярских требований и вынужден был под его прямым нажимом подать в отставку. Военным министром «по желанию эрцгерцога» был назначен генерал Шёнайх, являвшийся до этого министром обороны Австрии. Бывший командир полка Конрад фон Гётцендорф был «открыт» и выдвинут на ключевой пост начальника генерального штаба исключительно благодаря стараниям того же Франца-Фердинанда. Ведомство иностранных дел вместо польского аристократа Голуховского, чья политика казалась недостаточно активной, возглавил посол при петербургском дворе барон Эренталь, взгляды которого вполне соответствовали целям наследника¹².

Таким образом, осенью 1906 г. произошел определенный поворот в сторону усиления практического влияния эрцгерцога и его окружения на политику монархии. Благодаря тесным связям с некоторыми австрийскими буржуазными партиями и представителями национальностей группа Франца-Фердинанда имела в своем распоряжении эффективные средства воздействия на общественное мнение. Особенно важное значение имело длительное и устойчивое политическое сотрудничество клики Фердинанда с руководством одной из наиболее массовых буржуазных партий Австрии, — христианско-национальной, которую не без основания называли «партией престолонаследника». Ее лидеров, бургомистра Вены К. Луегера и редактора газеты «Райхспост» Фундера, с Францем-Фердинандом связывали не только клерикализм и антисемитизм, но и общая ненависть к Венгрии. В распоряжении эрцгерцога находились и другие органы печати, «Армеецайтунг» и «Эстеррайхише Рундschau».

¹¹ T. M. Islamov. Aus der Geschichte der Beziehungen zwischen Österreich und Ungarn am Anfang des 20. Jahrhunderts. In: «Österreich und Ungarn in der Weltpolitik 1900 bis 1918». Berlin, 1965, S. 111—147.

¹² SLHA, d. 1795, 113, 6.XI 1906.

В число советников претендента на престол входили будущие министры А. Шпицмюллер, О. Чернин, Х. Клам-Мартиниц, Х. Ламмаш, высокопоставленные чиновники министерства внутренних дел и торговли барон Айххоф и Р. Ридл, и, наконец, лидеры буржуазных партий национальных меньшинств Венгрии немцы Э. Штайнакер и Р. Брандш, румыны — депутаты венгерского парламента Ю. Маниу, А. Попович и епископ М. Кристиа, будущий премьер Румынии А. Вайда-Воевод (позднее митрополит Бухареста), хорваты — барон Раух и И. Франк и, наконец, словаки К. Стодола и М. Ходжа, тоже депутат венгерского парламента и будущий глава правительства Чехословацкой республики. Все это давало основание говорить уже в то время о наличии бельведерской партии, не уступавшей по влиянию императорскому двору, о «двойном правительстве» и даже о «двух императорах»¹³.

Переговоры о заключении нового австро-венгерского экономического соглашения казались Францу-Фердинанду и его клике, представлявшим крайне правое крыло правящих кругов Австрии, удобным поводом для активного политического выступления. И надо сказать, что это бестактное по форме и неуместное по существу вмешательство создавало в ходе переговоров дополнительные осложнения и, бывало, выводило из себя даже сдержанного и терпеливого премьера Австрии.

Приход к власти в Австрии правительства, твердо решившего разговаривать с Венгрией «с позиций силы» и к тому же постоянно подстрекаемого кликой Франца-Фердинанда, не предвещал ничего доброго венгерской стороне. Уже самые первые шаги и предварительные действия правительства Бека не оставляли сомнений в их характере. Со времени первого десятилетнего экономического соглашения между Австрией и Венгрией в 1867 г. никогда еще в Вене не готовились с такой тщательностью к заключению нового «Аусгляйха».

Первым делом новый австрийский кабинет забрал представленный рейхсрату, но не утвержденный им проект соглашения, разработанного австрийским правительством Кёрбера и венгерским кабинетом Селла в 1903 г. Тем самым «строптивым мадьярам» дали понять, что в крайнем случае Австрия готова прибегнуть к самым решительным мерам. В ходе переговоров Вена неоднократно применяла методы угроз и запугивания партнера, но остерегалась перешагнуть ту грань, за которой начиналась неизвестность, ассоциировавшаяся многими с кошмарным призраком распада¹⁴.

Программа австрийской стороны в целом сводилась к следующему: 1) Возобновление после длительного перерыва

¹³ *M. Muret. L'archiduc — François-Ferdinand. Paris, 1932, p. 172.*

¹⁴ *J. Chr. Allmayer-Beck. Op. cit., S. 178.*

(с 1897 г.) конституционного урегулирования таможенно-торговых отношений с Венгрией. 2) Отмена так называемой сахарной сверхпошлины, ибо эта добавочная пошлина на сахар, введенная в 1903 г. по настоянию Венгрии, помимо того, что была направлена против интересов австрийских сахарозаводчиков, рассматривалась австрийцами как в высшей степени рискованный прецедент, который мог создать почву для возведения между обоими государствами таможенных барьеров. 3) Попытка обеспечить таможенно-торговую общность на более длительный срок, не на 10, а на 20—30 лет. Кое-кто мечтал даже о «прагматизации» экономических вопросов, т. е. признания их такими же общими делами, как внешняя политика и оборона. 4) Увеличение венгерской доли расходов, так называемой квоты минимум на 2%.

Суть и главная цель австрийской программы заключались в прочном урегулировании экономических отношений и обеспечении экономической общности как наиболее верного и надежного способа ослабления партикуляристских устремлений Венгрии. К такому выводу пришло совещание австрийских министров, состоявшееся 7 и 8 сентября 1906 г. и решившее отдать предпочтение экономическим вопросам.

В противоположность австрийскому венгерское правительство приступило к переговорам, не имея ни заранее подготовленной программы, ни четко сформулированных целей. Создавалось впечатление, что оно даже не знало, чего, собственно, хотело. Положение осложнялось тем, что среди членов кабинета существовали довольно серьезные разногласия по самым важным вопросам предстоящих переговоров.

Ни для кого не было секретом, что премьер-министр — горячий сторонник тесных политических и экономических отношений Венгрии с Австрией не мог проводить политику, которая могла бы привести к какому-либо ослаблению этих связей, не говоря уже об их разрыве. Австрийскому правительству было хорошо известно, что, вступая в коалицию, Векерле ставил перед собой цель добиться эволюции партии 1848 г. в партию Соглашения 1867 г. заставить партию независимости принять платформу дуализма¹⁵.

Векерле решительно противился не только созданию самостоятельной таможни, он отвергал даже установление промежуточных пошлин, опасаясь, что оно может привести к полному отделению и самостоятельности Венгрии. По мнению Векерле, Венгрии не следовало стремиться к самостоятельной таможне ввиду отсутствия... подготовленных таможенных чиновников.

¹⁵ OL, HHSt, gA, Nachlass Daruváry, 1906; 21.

На позицию правительства прямое влияние оказывали руководители деловых кругов. Представитель крупной промышленной буржуазии финансист Ж. Корнфельд, тесно связанный с Аппони и Кошутом, требовал учреждения самостоятельной таможни для защиты интересов венгерской промышленности, прекращения дальнейшего обострения конкурентной борьбы между обоими странами. Он выступал за спасение экономической общности¹⁶ и предлагал, чтобы каждая сторона получила 1/3 поступлений от пошлин.

Министр внутренних дел тоже являлся сторонником монархии и дуализма, но считал необходимым его ревизию в пользу Венгрии, по крайней мере в области экономических отношений, если не будут удовлетворены венгерские «языковые требования». Андраши допускал возможность введения промежуточных пошлин как наименьшего зла для успокоения общественного мнения и предотвращения распада империи.

Лидеры партии независимости и влиятельные министры Кошут и Аппони до того как вступили в правительство, как известно, выступали с самыми радикальными и далеко идущими требованиями, но после этого сильно изменили тон своих речей. Включение Кошута в состав венгерской делегации вызвало у австрийцев немало опасений: ведь он был сыном ненавистного им Лайоша Кошута и лидером самой антидинастической и антиавстрийской партии Венгрии. Но эти опасения вскоре рассеялись. Австрийцы, к немалому своему удивлению, увидели за столом переговоров покладистого партнера, готового идти навстречу даже вопреки принципам своей партии и собственным публичным высказываниям. Так, в Вене считали, что самым крупным препятствием утверждению таможенной общности на более длительный срок (20 лет) явится позиция венгерского министра торговли. Но «оказалось, что Кошут не возражает против продления таможенной общности при условии введения венгерского языка в венгерских частях армии и установления весьма умеренных промежуточных пошлин, и то через 10 лет, т. е. после 1918 г.»¹⁷. Невозможность осуществления основных экономических требований своей партии он объяснил отсутствием достаточного большинства в палате депутатов.

В выработке позиции Венгрии видная роль принадлежала статс-секретарю министерства торговли И. Стерени, который настойчиво убеждал Кошута и Аппони отказываться от требования самостоятельной таможни, пугая их неизбежной в этом случае потерей австрийского рынка для продуктов венгерского сель-

¹⁶ J. M. Baernreiter. Der Verfall des Habsburgerreiches und die Deutschen. Fragmente eines politischen Tagebuches 1897—1917. Wien, 1939, S. 153.

¹⁷ A. Spitzmüller-Harmersbach. Op. cit., S. 13.

ского хозяйства. Его взгляды в конечном счете легли в основу нового австро-венгерского соглашения. Суть его сводилась к тому, что обе страны заключали торговый договор вместо существующего торгово-таможенного союза, но с сохранением его основных положений. Общая таможня по существу сохранялась, идентичный таможенный тариф каждой стороной объявлял самостоятельным. По мнению Стерени, следовало стремиться к изъятию из этого соглашения вопроса о косвенных налогах и добиться в этом полной самостоятельности с тем, чтобы ввести монополию на некоторые товары, в первую очередь на спирт и нефть¹⁸. Ценой полной капитуляции перед австрийской буржуазией он надеялся привлечь австрийский капитал к строительству новых промышленных предприятий в Венгрии.

Австро-венгерские переговоры начались в Вене в середине сентября, велись они правительственными делегациями, а также комиссиями экспертов, составленными из высших чиновников. В отличие от своих австрийских коллег венгерские участники переговоров в погоне за внешне эффектными, но призрачными в действительности успехами выдвинули на первый план государственно-правовые вопросы в ущерб финансовым и экономическим. Это не замедлило отразиться, причем самым неблагоприятным образом, на позиции Венгрии.

На первом же заседании экспертов руководитель венгерской комиссии заявил о готовности Венгрии сохранить существующее положение вещей до истечения срока соглашений с иностранными государствами, т. е. до 1917 г.¹⁹, если не будет достигнута договоренность в области экономических отношений. Подобное заявление не могло быть расценено иначе, как явный признак слабости и боязни экономических репрессий со стороны Австрии. Так оно и случилось. Австрийское правительство поспешило занять жесткую позицию, хотя оно с самого начала и решило пойти на некоторые уступки формально-юридического характера взамен на далеко не формальные уступки мадьяр.

Любопытно, что Бек незадолго до начала официальных переговоров, 8 сентября, объяснял своим министрам: «Эти уступки нам ничего не стоят, в то время как венгры их оплачивают²⁰. Когда же появилась возможность увеличения этой платы, австрийцы сделали вид, что от них требуют слишком много. Правительство Бека в начале переговоров предупредило, что Австрия предпочитает «полное разъединение с Венгрией, представлению ей новых уступок...»²¹ О «разъединении», конечно,

¹⁸ *T. M. Iszakov. Op. cit., 11. 1.*

¹⁹ *OL, PM, 1906, IX.8.*

²⁰ *J. Chr. Allmayer-Beck. Op. cit., S. 181.*

²¹ *АВПР, ф. Канцелярия, 1906, ед. хр. 139, л. 107.*

всерьез никто не думал, скорее речь шла о том, чтобы, воспользовавшись стесненным положением венгерского правительства, добиться от него максимума уступок и еще крепче привязать Венгрию к Австрии.

Австрийская делегация потребовала уменьшения своей доли в общих расходах и увеличения доли доходов от общей таможи. Векерле настаивал на сохранении прежней квоты распределения общих расходов, т. е. 67,6 для Австрии и 32,4 для Венгрии, и на замене таможенного союза торговым договором²². Это означало формальное признание экономической независимости Венгрии. Кроме того, венгерское правительство надеялось таким образом создать видимость экономической независимости от Австрии и показать себя поборником «национального дела».

Позиция венгерского правительства в начавшихся с австрийским правительством переговорах определялась скорее соображениями престижа, чем политической или экономической целесообразностью.

Австрийское правительство, согласно заявлению Векерле русскому консулу 28 сентября, готово было удовлетворить венгерские требования в случае согласия правительства Венгрии на повышение размера квоты и его отказа самостоятельно распорядиться акцизными (косвенными) налогами²³. Таким образом, Австрия стремилась воспользоваться затруднительным положением коалиционного кабинета для того, чтобы добиться весьма существенных экономических и финансовых уступок.

Однако даже столь убежденный сторонник дуализма и общей таможи, как Векерле, не мог пойти на такие жертвы. Увеличение общеимперских расходов ничего не давало венгерской буржуазии, ибо ассигнования, выделяемые для общей армии и флота, а также для министерства иностранных дел и для содержания двора, почти целиком расходовались в Австрии. Крупные заказы на вооружение и обмундирование размещались там же и обогащали австрийских заводчиков и фабрикантов²⁴. Мало того, военное министерство отказывалось отпускать средства даже на строительство в Венгрии казарм, ибо население городов и сел, чтобы избавиться от постоя, само оплачивало расходы на их строительство. Что же касается косвенных налогов, то, по признанию самого Векерле, лишь они давали возможность «поддержать равновесие в бюджете»²⁵.

Действительно, если в 1867 г. поступления от косвенных на-

²² OL, PM, ТТУ, 18, 23.IX 1906.

²³ АВПР, ф. Канцелярия, 1906, ед. хр. 139, л. 124.

²⁴ OL, PM, ТТУ, 24.IX 1906.

²⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1906, ед. хр. 139, л. 215.

логов составляли незначительную часть бюджета (40 млн. крон), тогда как прямые налоги давали 180 млн. крон, то к 1907 г. положение изменилось. Теперь общая сумма прямых налогов равнялась лишь 200 млн. крон, косвенных же — 400 млн. крон²⁶, т. е. основное бремя налогов легло на плечи трудящихся. Разумеется, не последнее обстоятельство побуждало правительство противиться австрийским домогательствам. Безоговорочное принятие австрийских условий без какой-либо компенсации поставило бы коалицию в тяжелое положение и полностью разоблачило бы ее в глазах тех, кто еще верил в патриотизм лидеров коалиции и партии независимости²⁷.

Чтобы спасти лицо, правительство упорно добивалось от Австрии уступок по второстепенным вопросам, стремясь в то же время избежать открытого обострения отношений с Австрией и короной. Такая характерная для политики венгерского правительства двойственность ярко проявилась во время погребения останков национального героя венгерского народа, вождя антигабсбургского восстания начала XVIII в. князя Ференца Ракоци II. С одной стороны, официальная Венгрия постаралась обставить эти торжества с наибольшей помпой и пышностью. Вожди коалиции печатно и устно клялись в верности знамени Ракоци. Партия независимости объявляла себя преемницей и хранительницей его славных традиций. Лишь социал-демократы и буржуазные радикалы (в особенности П. Сенде), разоблачая правящие классы, с полным основанием указывали, что именно их предки, представители аристократии и дворянства, предали Ракоци и национальное восстание²⁸. С другой стороны... за несколько дней до начала торжеств министр обороны Венгрии издал специальный приказ о запрещении гонведам участвовать в похоронах. Исключение делалось только для потомков Ракоци и его сторонников. Правительство рискнуло этой «мерой возбудить» «негодование мадьяр», лишь бы не навлечь на себя гнев короля Франца-Иосифа.

Желание угодить Австрии и королю было так велико, что коалиционный кабинет не остановился и перед международным инцидентом, запретив делегации сербской скупщины возложение венков на могилу Ракоци. Любопытно, что, по мнению русского консула в Будапеште, «весьма влиятельная часть партии независимости... втайне поощряла сербских патриотов воспользоваться столь подходящим случаем для нового сербско-мадьярского братания в антиавстрийском направлении, которое

²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1906, ед. хр. 139, л. 215.

²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 140, л. 205.

²⁸ АВПР, ф. Департамент, 1—5, р. IV, 1906, д. 1, п. 1, л. 13.

явилось бы особенно знаменательным при паличии конфликта между Австро-Венгрией и Сербией»²⁹ (речь идет о торговой войне.— *Т. И.*).

Возмущение столь бестактным поведением Векерле партии независимости было столь велико, даже среди депутатов, что ему пришлось дать разъяснения в парламенте. Хотя заявление председателя совета министров о том, что политическая демонстрация со стороны представителей зарубежных государств может быть допустима только с согласия министра иностранных дел, прозвучало не совсем убедительно, депутаты парламента, подчинившись партийной дисциплине, приняли его к сведению без возражений. Все же инцидент вышел за рамки парламента. Несколько сот студентов Будапештского университета вопреки уговорам ректора и запрету полиции, а также сторонники партии независимости под руководством депутата З. Лендьеля 14 ноября устроили факельное шествие перед зданием консульства Сербии в Будапеште³⁰.

Однако эти инциденты не могли существенным образом повлиять на решение правительства урегулировать отношения с Австрией. В конце октября — начале ноября генералу Шёнайху удалось получить согласие венгерского кабинета на увеличение ежегодного контингента рекрутов, на чем в течение последних 4 лет безуспешно настаивали военные руководители Австро-Венгрии. Слухи об этой очерредной уступке правительства проникли в печать и вызвали протесты оппозиционно настроенной части партии независимости. Выступая в палате, Векерле категорически опровергал эти слухи, но в то же время упорно проводил при этом мысль о необходимости увеличить численность армии и намекал при этом на возможность осуществления некоторых венгерских требований.

Одобрение большинства парламента заявления Векерле означало молчаливое согласие венгерской палаты на продолжение переговоров в духе уступок. Тем не менее русский консул считал, что обсуждение соответствующего законопроекта в парламенте, которое должно было состояться весной 1907 г., вызовет бурю и даже «новый государственный кризис», если не будет сопровождаться национальными уступками в пользу Венгрии: «Хотя в правительственных кругах замечается известный оптимизм, основанный на надежде, что страна, утомленная 4-летней политической борьбой, не откажет нынешнему популярному министерству в удовлетворении неотложных военных нужд монархии, тем не менее я позволю себе усомниться на основании опыта последних лет, чтобы законопроект об

²⁹ Там же, л. 237.

³⁰ Там же, л. 263.

увеличении рекрутского набора мог быть утвержден сеймом и не вызвать обструкции со стороны крайних элементов...»³¹

К концу ноября правительство Венгрии и министр Шенайх пришли к следующему соглашению: в случае утверждения венгерским парламентом законопроекта о рекрутском наборе³² военное министерство обязуется ввести в венгерских частях общей армии венгерский язык. Впрочем, особую уступчивость в этом пункте соглашения трудно усмотреть. По уставу австро-венгерской армии обучение в полках велось на языке большинства личного состава. Но так как министерство старалось формировать части по возможности однородные в национальном отношении, то число подразделений, в которых можно было ввести венгерский язык, было очень невелико. Поэтому гораздо большее значение имело обещание военного министра пересмотреть в будущем принцип формирования частей и распределять солдат венгерской национальности таким образом, чтобы в полках, рекрутируемых из жителей Венгрии, они составляли хотя бы незначительное большинство. Это несомненно увеличило бы число подразделений с венгерским языком обучения и дало бы в руки венгерских шовинистов дополнительное и весьма эффективное средство мадьяризации угнетенных национальностей Венгрии.

Нельзя не признать справедливости в этой связи опасений русского консула, что «Австрия еще раз заключит перемирие с мадьярами за счет интересов остальных народностей»³³. Векерле удалось заручиться обещанием военного министра поручить выполнение части заказов на военные поставки венгерской промышленности, что сулило Манфреду Вайсу и другим венгерским фабрикантам оружия крупные барыши³⁴.

Австрийским и венгерским правящим классам нетрудно было найти общий язык там, где дело касалось ущемления интересов славянских и других угнетенных народов монархии. Значительно сложнее им было договариваться о вопросах, касавшихся их собственных интересов и требовавших взаимных жертв и уступок. Этим объясняется затяжной характер переговоров о заключении австро-венгерского соглашения.

Изучение хода этих переговоров показывает также, что оба правительства, испытывавшие постоянное давление со стороны общественного мнения своих стран, стремились в то же время использовать переговоры для отвлечения внимания народных масс от насущной необходимости проведения социальных и на-

³¹ АВПР, ф. Департамент, 1—5, р. IV, 1906, д. 1, п. 1, л. 250.

³² Там же, л. 317.

³³ Там же.

³⁴ Там же, л. 316.

циональных преобразований. Отсюда многочисленные маневры и контрманевры, к которым охотно прибегала время от времени та или другая сторона.

В начале 1907 г. в венгерской печати появились явно инспирированные правительством настойчивые слухи о намерении кабинета Векерле представить на утверждение парламента законопроект о введении самостоятельного венгерского таможенного тарифа³⁵. Как раз в это время в Венгрии разразился крупный скандал, связанный с подкупом и взятками, в котором оказался замешан министр юстиции Г. Полони. Несмотря на это, последний весьма неохотно расстался с министерским портфелем и согласился подать в отставку лишь под сильнейшим нажимом графа Андраши, который грозился выйти из коалиции и вызвать тем самым правительственный кризис. Теперь, чтобы замять дело Полони и заодно скандал, бросавший тень на репутацию всего кабинета, и для того, чтобы отвлечь от него внимание публики, венгерское правительство «совершенно неожиданно подняло жгучий вопрос о самостоятельном венгерском таможенном тарифе, пустив в печать известие, что оно предполагает теперь же передать его на утверждение райхстага»³⁶.

Естественно, что это сообщение вызвало весьма бурную реакцию австрийской печати и правительственных кругов, тем более, что несогласие в этом вопросе между Австрией и Венгрией послужило причиной падения министерства князя Гогенлоэ³⁷. Коалиционный кабинет пошел на этот шаг, несмотря на определенное обещание не вносить в парламент соответствующий законопроект вплоть до окончания австро-венгерских переговоров, обещание, которое было дано Векерле преемнику Гогенлоэ, барону Беку. Австрийское правительство в свою очередь решило воспользоваться этим инцидентом, чтобы заручиться поддержкой парламента, который впервые должен был быть избран на основе всеобщего избирательного права. Поэтому оно имело веские основания опасаться сильной оппозиции фракций социалистов и национальностей.

Надо сказать, что заключение австро-венгерского соглашения и окончательное оформление избирательной реформы в Австрии оказались довольно причудливым образом связанными друг с другом. Как известно, развернувшееся под влиянием первой русской революции движение австрийского пролетариата за всеобщее избирательное право получило новый мощный стимул после того, как политический кризис в Венгрии заставил корону и правительство Фейервари официально выступить

³⁵ ВрН, 2, 17.II 1907.

³⁶ ВрН, 5.III 1907; АВПР, ф. Канцелярия, 1907, оп. 470, ед. хр. 133, л. 29.

³⁷ NFP, 15.II 1907; «Wiener Allgemeine Zeitung» (Abenbdlatt), 16.II 1907.

с проектом избирательной реформы. Уже к концу 1906 г. правящие круги в принципе согласились с проведением реформы в Австрии: им было трудно отказать австрийскому народу в том, что было обещано Венгрии. Однако от обещания реформы до ее осуществления путь был долгим. Проведению реформы препятствовали влиятельные консервативные круги во главе с эрцгерцогом. Последний неоднократно заявлял, что реформа избирательного права хороша и приемлема для Венгрии, но не для Австрии.

Таким образом, кабинету Бека предстояло решить в течение одного года две задачи исключительной трудности. Нормальное функционирование австрийского рейхсрата было возможно только на основе расширения избирательных прав. Такой парламент нужен был правительству не только для усиления его позиций во время переговоров с мадьярами, но и для того, чтобы австро-венгерское соглашение получило силу закона. Австрийское правительство, кроме того, остро нуждалось в поддержке парламента для переговоров с венгерскими министрами, за которыми стояло подавляющее большинство будапештской палаты депутатов. В силу указанных причин Бек придавал огромное значение реформе избирательного права, видя в ней «залог единения и силы, необходимых для разрешения многих стоящих на очереди вопросов, из которых наиболее важным следует признать установление нормальных отношений с Венгрией на более продолжительный срок»³⁸.

Бек сумел использовать австро-венгерские переговоры, чтобы парализовать сопротивление консервативной оппозиции и склонить ее в пользу избирательной реформы. Эрцгерцогу, занимавшему непримиримую позицию в обоих вопросах, он советовал не противиться реформе, «играть роль друга народа» и учесть, что «тот, кто мешает проведению избирательной реформы, работает на Венгрию». Последний аргумент должен был звучать для Франца-Фердинанда более убедительно, чем первый. По свидетельству биографа Бека, он «постоянно использовал венгерский вопрос для оказания давления» на противников реформы, т. е. на своих собственных политических противников. Той же цели служили угрожающие речи главы венского кабинета по адресу Венгрии, при помощи которых он надеялся усмирить оппозицию в рейхсрате. Вот почему министр-президент Бек решился заговорить о возможности отделения Австрии от Венгрии и выразил надежду, что «обновленный парламент окажется в случае нужды твердой опорой Австрии для самостоятельного определения своей судьбы»³⁹.

³⁸ АВВР, ф. Канцелярия, 1907, оп. 470, ед. хр. 133, л. 93. Донесение от 19 VI 1907.

³⁹ Там же, лл. 2—3.

Однако на самом деле барон Бек еще менее был склонен осуществить свою угрозу, чем Векерле. Достаточно было единственной встречи глав правительств обеих стран и посредничества министра иностранных дел Эренталя, чтобы уладить конфликт. Австрийский премьер обещал ускорить заключение соглашения, а венгерский — отложить дебаты о таможенном тарифе до апреля⁴⁰. Австрийская печать словно по мановению волшебной палочки сменила гнев на милость: от резких нападок по адресу Венгрии и требования разрыва с нею она перешла к более умеренному тону, в котором звучала надежда на благополучный исход переговоров. Русский консул в Вене следующим образом комментировал эту внезапную перемену: «...не вполне понятен этот поворот и лишний раз доказывает только желание Австрии сохранить, хотя бы путем уступок, связь с Венгрией. В этом направлении оказывает свое могущественное влияние император Франц-Иосиф...»⁴¹

Надежды на преодоление возникших разногласий в первые месяцы 1907 г. были еще весьма далеки от осуществления. В официальных кругах Вены в это время царили глубокие уныние и пессимизм относительно перспектив австро-венгерского соглашения. Эти настроения хорошо иллюстрирует замечание, сделанное кайзером в беседе с начальником штаба. Когда Фр. Конрад фон Гётцендорф во время разговора, состоявшегося в конце февраля, коснулся вопроса о соглашении, Франц-Иосиф прервал его следующими словами: «Вы еще верите в него, я нет»⁴². Надо полагать, что император имел веские основания для такого заявления. Судя по докладу Векерле на заседании венгерского правительства 19 февраля, его последняя встреча с австрийским премьером Беком окончилась безрезультатно. Обе стороны согласились отложить обсуждение таможенного тарифа и в конце февраля вновь встретиться, чтобы попытаться устранить принципиальные расхождения по вопросу о соглашении. В то же время Векерле старался не допустить разрыва и оставить двери открытыми для последующих переговоров. По предложению Векерле совет министров единогласно решил внести в протокол заседания дополнительный пункт, в котором была выражена надежда, что окончательное урегулирование произойдет не позднее пасхальных праздников. Однако, считаясь с возможностью провала переговоров, кабинет признал необходимым принять «срочные с политической и экономической точки зрения» предварительные меры и назначил с этой целью специальную комиссию в составе вы-

⁴⁰ OL, MTJ, 1907-44. 1907.II 19.

⁴¹ АВПР, Канцелярия, 1907, оп. 470, ед. хр. 133, л. 23.

⁴² Там же, л. 30. Донесение Урусова от 8(21).II 1907.

сокопоставленных чиновников министерств торговли, финансов, земледелия и юстиции⁴³.

Несмотря на глубокую тайну, которой были окутаны переговоры, крайняя напряженность австро-венгерских отношений не осталась незамеченной даже сторонними наблюдателями. Характеризуя обстановку, сложившуюся в это время, русский консул констатировал: «Вопрос об экономическом соглашении... не перестающий в течение стольких лет встречать непреодолимое препятствие к своему осуществлению, снова принял острую форму и всецело поглощает общественное мнение обеих стран монархии Габсбургов»⁴⁴.

В самом деле, переговоры между Австрией и Венгрией в феврале зашли в тупик. В Вене всерьез думали о применении против Венгрии репрессивных мер, чтобы сделать ее более створчивой. Австрийское правительство обсуждало возможность использования в первую очередь экономических санкций; речь шла об ограничении или прекращении вывоза венгерского скота и других продуктов сельского хозяйства в Австрию и через ее территорию; о повышении железнодорожных тарифов и, наконец, о прекращении деятельности «Австро-венгерского банка»⁴⁵.

Несомненно, что каждая из этих мер представляла внушительную угрозу для венгерской экономики, а в совокупности они могли бы стать причиной финансово-экономического краха. Но вместе с тем, это означало бы открытое объявление торгово-экономической войны Венгрии со всеми вытекающими отсюда последствиями, в частности, с такими, как эвентуальная возможность потери Венгрии в целом и лишения австрийской буржуазии ее капиталов и предприятий по ту сторону Лейты. Словом, при ближайшем рассмотрении австрийцы должны были убедиться, что соблазнительные на первый взгляд средства экономического давления на самом деле являются обоюдоострым оружием. Кабинет Бека предпочел уклониться от проведения этих рискованных экспериментов и искать иных путей для достижения своих целей.

Генералы против уступок Венгрии

Австрийский кабинет пришел к выводу о необходимости купить согласие мадьяр на заключение экономического соглашения на австрийских условиях ценой удовлетворения их требований в военном вопросе. Но для этого важно было выяснить

⁴³ OL, MTJ, 1907.II 19; *J. Chr. Allmayer-Beck*. Op. cit., S. 180.

⁴⁴ АВІР, д. Политархив, 1907, ед. хр. 581, л. 28. Донесение от 5.III 1907.

⁴⁵ OL, MTJ, 1907.II 19.

точку зрения военщины. 25 февраля по инициативе Бека в австрийской столице было созвано совещание высших чинов армии под председательством военного министра Австро-Венгрии Шёнайха. Генералам было предложено установить, в какой мере, с их точки зрения, возможен максимум уступок мадьярам в военном вопросе, чтобы хотя бы на одно десятилетие снять с повестки дня этот вопрос и исключить предъявление дальнейших национальных требований (Венгрией.— Т. И.)⁴⁶. Но генералы и в первую очередь Конрад категорически отклонили предложение о признании венгерского языка в венгерских частях общей армии, ссылаясь на необходимость сохранения единого руководства войсками. Не помогли также и уговоры министра иностранных дел Эренталя, который в тот же день (25 февраля) убеждал Конрада, что удовлетворение требований мадьяр выгодно не только с политической точки зрения, но и с чисто военной, ибо это облегчило бы утверждение венгерским парламентом новых военных расходов и увеличения численности армии, чего с таким рвением добивался сам Конрад⁴⁷.

Вето начальника генерального штаба решило судьбу проекта главы австрийского кабинета. Но помимо прямого противодействия Конрада этому способствовали закулисные действия эрцгерцога Франца-Фердинанда, который, как известно, пользовался особым расположением военных кругов. По-видимому, именно в это время и из-за позиции Бека по военному вопросу между ним и эрцгерцогом наступило заметное охлаждение.

Еще в середине ноября Бек письменно обещал наследнику, что без его ведома в австро-венгерском соглашении «не будет сделано никаких существенных шагов». А спустя некоторое время тот же Бек предпринимает особые меры предосторожности, чтобы сохранить переговоры по военному вопросу втайне от наследника, опасаясь, что иначе «все будет потеряно». Однако усилия Бека оказались тщетными. Несмотря на строжайший приказ кайзера о соблюдении тайны, эрцгерцог знал о совещании и делал все, чтобы сорвать соглашение и не допустить уступок в пользу Венгрии⁴⁸.

Франц-Фердинанд и его адъютант Брош требовали отчета и разъяснений не только у Конрада или Шёнайха, но даже у самого императора. Таким образом, Беку пришлось столкнуться и с начальником штаба, и с наследником, взгляды которых в отношении способа решения венгерского вопроса были идентичны. Позиция Конрада изложена в памятной записке, напи-

⁴⁶ R. Sieghart. Die letzten Jahrzehnte einer Grossmacht. Berlin, 1942, S. 121.

⁴⁷ Rr. Conrad von Hötendorf. Aus meiner Dienstzeit. Bd. I. Berlin — Wien, 1921, S. 503.

⁴⁸ J. Chr. Allmayer-Beck. Op. cit., S. 173.

санной им в начале апреля 1907 г. По его мнению, единственным условием сохранения монархии и династии Габсбургов являлось создание сильной единой армии и единого государства. Для достижения этой цели он предлагал отказаться от дуалистической системы, прекратить всякие переговоры с мадьярами, отменить венгерскую конституцию, провести реформу избирательного права и отделить Хорватию от Венгрии⁴⁹.

Весной 1907 г. генерал открыто проповедовал немедленное применение «энергичных мер» в отношении Венгрии, настаивая на срыве переговоров, прекращении действия венгерской конституции, и даже разрабатывал план военных действий против Венгрии («Кригсфалл Унгарн»); предусматривавший нанесение главного удара основными силами из Нижней Австрии и Южной Моравии⁵⁰.

В начале апреля, сославшись на то, что переговоры с венгерским правительством якобы потерпели провал, Конрад официально заявил о недопустимости «иметь дело одновременно с двумя противниками, с Венгрией и Италией, и быть задушенными ими»⁵¹. Франц-Фердинанд со своей стороны, отправившись с неофициальным визитом в Берлин, предпринял зондаж с целью выяснения позиции кайзера Вильгельма в случае конфликта с Италией, а также с Венгрией⁵². Таким образом, австрийская военщина во главе с Конрадом и Францем-Фердинандом, готовясь к агрессивным внешним войнам, в явно провокационных целях делала попытку использовать в качестве предлога угрозу войны с Италией, чтобы силой оружия положить конец освободительным стремлениям Венгрии и укрепить позиции монархии как внутри страны, так и вне ее.

Желая ускорить ход переговоров, венгерское правительство в начале марта направило в Вену представительную делегацию в составе председателя совета министров Векерле, министра торговли Кошута и министра земледелия Дарани. Однако, как скоро выяснилось, ни одна из сторон не собиралась уступать, ибо венгерская буржуазия, так же как и австрийская, настойчиво требовала ограждения своих интересов.

В декабре 1906 г. будапештская торгово-промышленная палата обратилась к правительству с просьбой принять меры к защите «венгерских торговых национальных интересов, которым угрожает австрийская политика в области железнодорожных тарифов», а во время переговоров с Австрией в случае неуступчивости последней, применить ответные меры⁵³. При помощи

⁴⁹ J. Chr. Allmayer-Beck. Op. cit., S. 175.

⁵⁰ Fr. Conrad von Hötzendorf. Op. cit., S. 505.

⁵¹ Ibidem.

⁵² J. Chr. Allmayer-Beck. Op. cit., S. 180.

⁵³ OL, ME, 1906-XLI-6357.

высоких тарифов на перевозку венгерских товаров по австрийским железным дорогам Австрия постоянно ограничивала венгерскую торговлю с иностранными государствами, в особенности с Германией. А Германия могла стать крупнейшим потребителем венгерских сельскохозяйственных продуктов и поставщиком силезского угля, в котором так остро нуждалась развивавшаяся национальная промышленность Венгрии. Но этот вопрос стал предметом дискуссии лишь на более поздней стадии переговоров.

Поскольку ни в конце 1906 г., ни в начале 1907 г. не было никаких видимых признаков склонности австрийцев удовлетворить притязания венгерских партнеров, венские беседы венгерских министров с их австрийскими коллегами не вызывали в Будапеште особых радужных надежд⁵⁴. Вот как описывал настроения, царившие тогда в венгерской столице, внимательный и хорошо осведомленный русский консул: «...венгерское общество с напряженным вниманием следит за ходом этих переговоров, к которым оно, однако, относится менее страстно, нежели в Австрии. Вообще как политические, так и деловые круги настроены здесь весьма пессимистически и не ожидают ничего доброго от венских совещаний министров»⁵⁵. И действительно, убедившись в невозможности сближения своих позиций, обе делегации договорились продолжить обмен мнений в Будапеште.

Чтобы сдвинуть переговоры с мертвой точки и найти выход из тупика, правительство Австрии вынуждено было лихорадочно искать новые пути к соглашению. В начале марта 1907 г. австрийский премьер попытался уговорить своего венгерского коллегу оставить в силе экономическое соглашение сверх 10 лет еще на 5 лет, даже в случае провала будущих переговоров. Со своей стороны Австрия готова была дать согласие на введение промежуточных пошлин в течение этого пятилетнего периода. Однако эта уступка сводилась на нет существенной оговоркой, по которой размеры этих пошлин не могли «превышать определенного процента пошлин, взимаемых с иностранных государств». Кроме того, австрийское предложение предусматривало отказ обеих стран от заключения в течение этого периода (пятилетнего) торговых договоров с иностранными государствами. Это означало, что Венгрия в случае расторжения торгово-экономической общности с Австрией через 15 лет оказалась бы в чрезвычайно трудном положении, не имея торговых договоров с другими государствами.

По существу это был точно рассчитанный маневр, имевший своей целью затруднить, если не предотвратить, экономическое

⁵⁴ ВрН, 2.III 1907.

⁵⁵ АВПР, ф. Политархив, 1907, ед. хр. 581, лл. 266, 268; ф. Канцелярия, оп. 470, д. 133, л. 117.

отделение Венгрии. Маневр этот, однако, был разгадан в Будапеште. По этой причине, а также потому, что «ни одна партия венгерского парламента не была бы склонна одобрить такое соглашение», 19 марта кабинет Векерле принял решение отклонить предложение Бека⁵⁶. К середине марта оно приняло и, по видимому уже окончательное, решение согласиться с венгерским требованием о замене таможенно-торгового союза договором и исключить из текста этого договора упоминание выражения «общая таможенная территория». Во избежание новых осложнений со стороны эрцгерцога. Бек поспешил 14 марта информировать его через Броша о своем новом плане, подчеркнув при этом, что незначительные по своему характеру уступки в области государственно-правовых отношений совершенно не касаются военного вопроса и позволяют в то же время полностью защитить экономические интересы Австрии.

Планы Эренталья

В ход событий на этот раз вмешался австрийский министр иностранных дел Эренталь. Еще будучи послом в Петербурге, он бомбардировал Вену письмами, решительно предостерегая правительство Австрии от любых уступок, которые могли бы создать видимость государственной самостоятельности Венгрии и нанести ущерб авторитету и престижу монархии как великой державы.

Эренталь заявил официальный протест против предполагаемых уступок в государственно-правовом вопросе сначала императору, а затем и непосредственно австрийскому кабинету⁵⁷. Бек в свою очередь обвинил министра в превышении полномочий. Эренталю пришлось иметь дело не только с австрийскими министрами, но и с мадьярами, признанными знатоками и непрекаемыми авторитетами в области конституционных и государственных прав Венгрии.

В начале февраля 1907 г. Эренталь выдвинул план⁵⁸, который предусматривал передачу Венгрии австрийской провинции Далмации с включением ее в состав Хорватии — Славонии. Таким путем Эренталь надеялся, во-первых, склонить мадьяр подписать австро-венгерское соглашение, во-вторых, получить их согласие на строительство военно-морского флота и, наконец, ослабить эффективность великосербского движения созданием

⁵⁶ АВГР, ф. Политархив, 1907, ед. хр. 581, лл. 28—29. Донесение Львова от 5.III 1907.

⁵⁷ МТЖ, 1907-45, 4-61, 19.III 1906.

⁵⁸ Т. М. *Iszlamov*. *Op. cit.*, 18. l.

в лице Хорватии центра, способного соперничать с Белградом в борьбе за гегемонию среди югославянских народов.

Эренталь ясно сознавал бесперспективность всякой активной, т. е. экспансионистской, внешней политики монархии из-за глубоких разногласий и противоречий, разделявших обе ее составные части. Поэтому первым долгом, по его мнению, следовало создать прочный тыл, урегулировать австро-венгерские отношения, добиться более или менее длительного внутреннего мира с тем, чтобы развязать руки дипломатии и военщине. Основная цель — укрепление, консолидация монархии — должна была быть достигнута в два приема: завершением австро-венгерских экономических переговоров на базе сохранения экономической общности, а затем более радикальным разрешением национальных проблем.

В первом своем меморандуме Эренталь характеризовал внешнюю политику монархии, проводившуюся со времен графа Андраши-старшего, как пассивную, негативную и оборонительную, призванную лишь предотвратить образование большого славянского государства на развалинах европейских владений Османской империи. Ныне же, в начале XX в., по мнению Эренталя, настала пора «сформулировать позитивную идею и позаботиться о будущем развитии в нашем смысле»⁵⁹.

Эренталь предлагал первым делом отказаться от поддержания статус-кво, «которое сделало невозможным более тесное присоединение оккупированных провинций». Иными словами, речь шла об аннексии Боснии и Герцеговины, что должно было ознаменовать начало осуществления «позитивной идеи». Но и аннексия не являлась самоцелью. Министр хотел воспользоваться ею для реорганизации югославянских территорий монархии, которая позволила бы создать из них «противовес исходящей из Белграда притягательной силе великосербской идеи».

В отличие от многих своих коллег, особенно венгерских, Эренталь сознавал бесперспективность всяких попыток ликвидации национального движения югославянских народов Австрии и Венгрии. Предвидя дальнейшее его усиление, особенно в случае введения в Венгрии всеобщего избирательного права, он считал необходимым приспособить национальные устремления хорватов и сербов интересам монархии, использовать их в борьбе против Сербии и Черногории. План Эренталя предусматривал объединение части югославянских территорий монархии в рамках Венгерского королевства и вокруг Хорватии и обеспечить таким путем на длительное время «влияние монархии у ворот Востока». Первым шагом на пути создания такой группы

⁵⁹ S. Wank. Aehrenthals Programme for the Constitutional Transformation of the Habsburg Monarchy: Three secret memoirs.— «The Slavonic and East European Review», June 1963, v. 41, № 97, p. 513.

Должно было явиться присоединением к Венгрии юридически принадлежавшей ей, но фактически входившей в состав Цислейтании Далмации. Со стороны Венгрии Эренталь не ожидал особых возражений, поскольку она получила бы более широкий выход к Адриатике, устранила бы конкуренцию далматинских портов своему единственному порту Фиуме, а заодно приобрела бы и довольно значительный торговый флот. И все это за простое подтверждение и выполнение «обязательств, вытекавших из Прагматической санкции». Кроме того, Эренталь глухо упоминал о поправках «в смысле проведения полнейшего паритета», т. е. об увеличении венгерской доли общих расходов.

Таким образом, венгеро-хорвато-далматинская комбинация Эренталья начисто игнорировала политическую сторону дела. Она явно недооценивала противоречия между Хорватией и Венгрией, и самое главное нежелание последней увеличить численность и удельный вес славянского элемента не только в монархии, но и в пределах Венгерского королевства.

Более всего Эренталь был озабочен поисками компенсации для Австрии за уступку ею Далмации. Обеспечение прочного и длительного экономического единства империи путем создания австро-венгерского таможенного союза или таможенной унии сроком на 25 лет явилось бы, по замыслу Эренталья, достаточной платой за приобретение Венгрией Далмации. Причем Венгрия должна была приступить к платежу немедленно. Уже в ходе переговоров об экономическом соглашении венгерской стороне следовало делать ударение «не на разделяющие, а на связывающие элементы экономической жизни монархии».

Присоединение Боснии и Герцеговины к Венгерскому королевству должно было завершить создание югославянской группы, но и в этом случае Австрия могла бы получить достаточную компенсацию в виде торжественного подтверждения Венгрией принципа экономической общности и общей обороны. Таким образом, как в ближайших, так и в перспективных планах Эренталья исключительное место отводилось сохранению и дальнейшему развитию экономического единства империи Габсбургов. Вот почему он с нескрываемой тревогой следил за австро-венгерскими переговорами, ход которых, по его словам, «заставлял ждать возможности установления промежуточных таможенных пошлин» между обоими государствами. Возведение таможенных барьеров между Австрией и Венгрией подорвало бы международный престиж монархии как великой державы и почти полностью изолировало бы оккупированные провинции от Австрии.

Дальнейшее развитие и уточнение эти идеи получили во втором и третьем меморандумах. Эренталь приводит новые аргументы в подкрепление своих предложений, чтобы убедить правящие круги Австрии в их выгоды и приемлемости. На пер-

вый план на этот раз выдвигаются стратегические соображения. Узкий далматинский берег, отделенный от австрийских территорий принадлежащей Венгрии Хорватией, не может представлять для Австрии действительную ценность. По мнению Эренталя, существует лишь одна возможность сохранить Далмацию для Австрии — присоединение к ней целиком триединого королевства (Хорватия—Славония — Далмация.— *Т. И.*) и Боснии — Герцеговины. Но такое решение проблемы чревато серьезным конфликтом с Венгрией, поэтому единственный разумный и одновременно наиболее целесообразный выход для Австрии — уступить эту провинцию Венгрии.

Обладание Далмацией еще больше привяжет Венгрию к Австрии, в своих собственных интересах она будет вынуждена стремиться к усилению армии и флота, а не противодействовать этому, как это было раньше. Венгрия, границы которой будут простираться до Черногории, должна будет «участвовать в разрешении проблем, которыми до сих пор занималась одна Австрия, без поддержки Венгрии». Другими словами, Венгрии отводилась роль активного проводника, авангарда далеко идущих честолюбивых замыслов Эренталя в западной части Балкан. И, наконец, Эренталь приводит еще один, чрезвычайно любопытный аргумент, который проливает свет на его планы и намерения. Эренталь рассчитывал на то, что созданием значительной югославянской группы в составе Венгерского королевства и выходом его на Адриатику Венгрия «пришла бы в противоречие с Италией и Сербией и тем самым перестала бы играть роль в политических комбинациях этих государств, направленных против сохранения австро-венгерской монархии».

Эренталь утверждал, что во время венгерского кризиса со стороны некоторых иностранных государств предпринимались попытки вступить в сношение с вождями венгерских коалиционных партий и что эти попытки были не безуспешны. Эренталь считал совершенно необоснованными опасения, что расширение границ Венгрии вызовет к жизни «нечто вроде венгерского империализма» в ущерб единой империи, поскольку хорвато-далматинская группа способствовала бы не усилению «мадьярской идеи», а привела бы в будущем к триализму. Так, план Эренталя в конечном счете перекликался с теми проектами преобразования монархии на началах триализма, которые разрабатывались в окружении эрцгерцога.

Эренталь призвал сосредоточить все силы и внимание на скорейшем завершении австро-венгерских переговоров об экономическом соглашении. В категорической форме он отвергал венгерские предложения о введении промежуточных таможенных пошлин между Австрией и Венгрией, как акт, наносящий ущерб монархии и подготавливающий «полное, также политическое отделение» обоих государств.

Наиболее благоприятное решение экономических вопросов Эренталь видел в заключении таможенного союза за 25 лет, который мог быть расторгнут или изменен лишь с согласия обеих сторон. По замыслу Эренталья, австро-венгерский таможенный союз «обладал бы необходимой эластичностью, с тем чтобы к нему могли примкнуть также экономические районы других стран», т. е. он должен был стать главным орудием экономического и политического подчинения соседних балканских стран австро-венгерскому империализму. В худшем случае министр готов был довольствоваться сохранением существующих между Австрией и Венгрией торгово-таможенных отношений до 1917 г.

Эренталь пытался найти путь к временному ограниченному соглашению и по военному вопросу, чтобы гарантировать вето венгерским парламентом военного законопроекта об увеличении расходов для нужд общей армии и военно-морского флота. В день представления парламенту этого проекта он предлагал опубликовать торжественную декларацию короны о ее намерении «принять во внимание венгерские пожелания относительно употребления венгерского языка и пересмотра вопроса о гербе и флагах», если законопроект будет принят венгерской палатой. Одновременно, по его мнению, следовало заручиться надежной гарантией, исключающей всякую возможность выдвижения со стороны мадьяр новых «далеко идущих национальных требований» в течение всего периода действия военного закона, т. е. на протяжении 25 лет.

Министр иностранных дел возражал против комплексного обсуждения всех проблем австро-венгерских отношений, поскольку считал, что часть из них входит в компетенцию короны и поэтому не может быть предметом переговоров правительств Австрии и Венгрии. Он опасался возможности достижения экономического соглашения за счет ущемления прав императора-короля в области руководства вооруженными силами и внешними сношениями.

Существовала еще одна «актуальная» причина, которая заставляла Эренталья выступать за раздельное обсуждение всех вопросов. Для проведения активной внешней политики, в частности, боснийской операции, одного дипломатического искусства и новых «конструктивных идей» было явно недостаточно. Для этого требовалась еще современная, хорошо вооруженная и оснащенная армия. Поэтому Эренталь, как и военные руководители монархии, считал, что в случае провала переговоров о таможенном союзе «невозможно будет воздержаться от представления нового военного закона и отложить далее изыскание средств, необходимых для вооружения и оснащения армии»⁶⁰.

⁶⁰ OL, HHSt, gA, Nachlass Daruváry, Aehrenthals Memorandum. 5.II 1907.

Таким образом, программа-минимум Эренталя сводилась к достижению двух целей: заключению австро-венгерского экономического соглашения до 1917 г. и проведению через парламент нового военного законопроекта, ради которых он был готов пойти на некоторые уступки в отношении употребления в армии венгерского языка.

Новая серия переговоров, начавшаяся между австрийской и венгерской делегациями в Вене 28 февраля, проходила под знаком нарастающего нажима на обоих партнеров со стороны Франц-Иосифа и его министра иностранных дел. В официальной аудиенции, данной барону Беку, император подчеркнуто заявил, что желает, наконец, видеть обеспеченным решение больших государственных вопросов⁶¹. Эренталь со своей стороны в течение полутора часов разъяснял прибывшим в Вену венгерским министрам, что «острейшие разногласия между Австрией и Венгрией ставят монархию и министерство иностранных дел в тяжелое положение на международной арене»⁶². Обе эти беседы породили новые надежды на благоприятный перелом в ходе переговоров.

Дискуссия о продолжительности экономического соглашения

В марте 1907 г. наметилось первое сближение позиций обеих сторон. На данной стадии переговоров наиболее острые споры вызвало обсуждение сроков действия нового экономического соглашения. По инициативе австрийской стороны в повестку дня был поставлен вопрос о ревизии одного из важнейших положений Соглашения о дуализме от 1867 г., предусматривавшего урегулирование общих для обеих стран финансовых и экономических проблем через каждые 10 лет.

Австрийские критики дуализма одним из его крупнейших недостатков считали установленный Соглашением 1867 г. порядок возобновления экономического соглашения между Австрией и Венгрией через каждые 10 лет, который, по их мнению, лишал монархию столь необходимого для великой державы внутренне-экономического единства и мог в один прекрасный день подорвать само существование империи. Величайшее упущение основателей дуализма, по мнению сторонников и проповедников идеи единого австрийского государства («Гезамтштаат»), заключалось в том, что таможенно-торговые дела не были объявлены общим делом. Тем самым в фундамент здания дуализма

⁶¹ S. Wank. Op. cit., p. 523.

⁶² NFP (Abendblatt). 28.II 1907.

был заложен «взрывчатый снаряд, от которого в любое время могло взлететь в воздух единство управления иностранными делами и армией»⁶³. Австрийская буржуазия, заинтересованная в Венгрии как в важном рынке сбыта своей промышленной продукции, требовала обеспечения экономической общности и двуединой монархии на возможно более длительный срок. Промышленники «постоянно жаловались» на то, что краткосрочное соглашение дает лишь «неустойчивую основу» для сохранения венгерского рынка и затрудняет широкое проникновение австрийского капитала в экономику Венгрии⁶⁴. Таким образом, новое требование венского кабинета было продиктовано непосредственными экономическими интересами буржуазии.

Но руководящим политическим деятелям также казалось в высшей степени желательным длительное и прочное урегулирование австро-венгерских экономических отношений. Они ожидали от этого не только укрепления престижа империи, но и повышения эффективности ее внешнеполитических действий и торгово-экономической экспансии.

Идея продления срока соглашения получила полное одобрение наследника престола, который с нескрываемой радостью писал Беку: «...если Вам удастся заключить соглашение с Венгрией на 25—30 лет, Вы совершите великое деяние...»⁶⁵. Правда, когда стало известно, что это деяние придется все же оплатить кое-какими уступками, пыл эрцгерцога остыл и он снова принялся интриговать против долгосрочного соглашения⁶⁶.

Идеальным, с австрийской точки зрения, решением проблемы была бы прагматизация торгово-таможенных дел, т. е. признание их такими же неизменно общими, как военные и иностранные дела. Об этом в Вене могли только мечтать, так как трудно было ожидать, что Венгрия добровольно согласится с таким серьезным ущемлением своих суверенных прав. Поэтому идея прагматизации в ходе переговоров была затронута в самой общей форме.

Правительство Бека решило добиваться заключения соглашения на 20-летний срок, стремясь наилучшим в сложившихся условиях образом обеспечить интересы господствующих классов страны, которые громко «требовали от правительства энергичной защиты австрийских интересов»⁶⁷. Выдвигая это требование, буржуазия Австрии пыталась наряду с обеспечением собственных экономических интересов снять с повестки дня вопрос

⁶³ *Fr. Tezner. Der Kaiser. Österreichisches Staatsrecht in Einzeldarstellungen. Wien, 1909, S. 98.*

⁶⁴ ВрН. I.III 1907.

⁶⁵ *A. Spitzmüller-Harmersbach. Op. cit., S. 9, 10.*

⁶⁶ *J. Chr. Allmayer-Beck. Op. cit., S. 171.*

⁶⁷ *L. Chlumeccky. Erzherzog Franz Ferdinands Wirken und Wollen. Berlin, 1929, S. 302.*

о политической и экономической независимости Венгрии по меньшей мере на два десятилетия.

Венгерское правительство и в первую очередь партия независимости не могли, разумеется, взять на себя ответственность за сохранение дуализма на такое длительное время и соглашались продлить австро-венгерское соглашение лишь на 10 лет, т. е. до истечения срока уже заключенных с иностранными государствами торговых договоров. На период сохранения экономической общности Будапешт намеревался в той или иной форме добиться признания за ним права обложения таможенными пошлинами некоторых категорий статей австрийского импорта (например, текстильных изделий), чтобы содействовать развитию соответствующих отраслей венгерской промышленности⁶⁸. Однако и эти венгерские предложения были отклонены Веной.

Таким образом, предметом дискуссий стали не конкретные условия экономического соглашения, а само будущее дуалистического государства. Что же касается перспектив успешного завершения переговоров, то они стали еще более отдаленными и туманными⁶⁹. Коалиция не желала связывать себя на слишком длительный срок. Любопытно, что русский консул трезво и реалистично оценивал создавшееся положение. «Если по остальным спорным вопросам,— писал он,— можно допустить, что в конце концов компромисс состоится, то спор относительно продолжительности экономического соглашения едва ли разрешим без уступок со стороны Австрии справедливым требованиям Венгрии»⁷⁰.

Тем не менее лидеры коалиционного кабинета, для которых уступки в правовом и военном вопросах являлись делом первоочередной важности, готовы были идти навстречу австрийским пожеланиям о продлении срока соглашения. В конце марта и начале апреля (21 марта и 7 апреля) венгерская делегация сделала австрийской стороне соответствующие предложения, не без оснований полагая, что согласие Венгрии на 20-летнее соглашение явится достаточной компенсацией австрийских уступок в военном вопросе и в отношении введения после 1918 г. промежуточных пошлин⁷¹. Сами австрийские представители подтверждали символический характер этих пошлин, так как они должны были составить менее 30% размера пошлин, взимаемых с иностранцев и «едва ли имели бы существенный экономический эффект». Именно поэтому против их введения не

⁶⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1907, ед. хр. 133, оп. 470, л. 33. Донесение от 7.III 1907.

⁶⁹ АВПР, ф. Политархив, 1907, ед. хр. 581, л. 30.

⁷⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1907, ед. хр. 133, оп. 470, л. 33. Донесение от 7.III 1907.

⁷¹ АВПР, ф. П. Департамент, 1—5, р. III, 1907, п. 1, ед. хр. 1, л. 1.

возражали весьма заинтересованные в венгерском рынке «выдающиеся представители австрийской промышленности»⁷².

Несмотря на это, новые венгерские предложения были встречены австрийцами с большим недоверием. Они усмотрели в них коварное желание мадьяр обезопасить себя от угрозы таможенной войны со стороны Австрии в случае будущих осложнений. Однако подлинная причина отклонения венгерских предложений заключалась в нежелании правящих кругов Цислейтании удовлетворить военные требования Венгрии. Таким образом, венский кабинет в свою очередь вынужден был расстаться с заманчивой мыслью о 20-летнем экономическом соглашении⁷³.

Несговорчивость Вены в военном вопросе привела к тому, что в конце апреля комиссии венгерского парламента утвердили переданный на их рассмотрение правительственный законопроект об автономной венгерской таможене, что вызвало новую волну антивенгерской кампании в австрийской печати.

Кабинет Векерле решился на этот шаг под давлением снизу. В течение марта и апреля в стране происходили многочисленные собрания, участники которых выступали за разрыв экономических связей с Австрией и осуществление лозунгов партии независимости. Голоса, требовавшие экономической независимости, все громче раздавались в рядах ведущей партии коалиции. Вследствие этого положение правительства стало «еще более неустойчивым, нежели до сих пор»⁷⁴.

Этот показательный жест — чисто формальный акт утверждения автономного тарифа парламентскими комиссиями — преследовал пропагандистские цели. В это время Кошут пустил в ход все средства, чтобы «исподволь подготовить своих приверженцев к неизбежности известных уступок...»⁷⁵

Поворот в ходе переговоров

К концу весны в отношениях между официальными кругами Будапешта и Вены наступил, точнее, намечился едва заметный, но определенный поворот в сторону их улучшения. Эта перемена в настроении обеих сторон была вызвана рядом причин и прежде всего обоюдным нежеланием обострения конфликта, который мог привести к самым неожиданным и нежелательным последствиям⁷⁶.

⁷² R. Sieghart. Op. cit., S. 123.

⁷³ A. Spitzmüller-Harmersbach. Op. cit., S. 13.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ АВПР, ф. Политархив, 1907, ед. хр. 581, л. 46. Донесение от 2.IV 1907.

⁷⁶ T. M. Iszlamov. Op. cit., 21. 1.

Убедившись в неосуществимости своих максимальных требований — венгерских в военном вопросе и австрийских в отношении долгосрочного соглашения,— оба правительства занялись обсуждением конкретных пунктов самого экономического соглашения. Уже в ходе весенних переговоров кабинет Бека в принципе решил принять венгерское предложение о замене торгово-таможенного союза договором и общего таможенного тарифа формально автономным, но по существу тождественным венгерским тарифом. За это Австрия требовала увеличения ежегодных взносов Венгрии в кассу общих расходов, отказа венгерского правительства от его суверенного права самостоятельно распоряжаться поступлениями от косвенных налогов под предлогом создания единого законодательства в области косвенных налогов. Первоначально казалось, что венгерская сторона не могла принять эти условия, «так как никакой сейм не утвердил бы подобного соглашения...»⁷⁷, и она, надо отдать ей должное, упорно противилась им.

Совместные заседания экспертных комиссий, которые происходили в Будапеште в мае—июне 1907 г., показали сближение позиций обоих правительств по некоторым пунктам соглашения, хотя до решения основных спорных вопросов было еще очень далеко⁷⁸. Тем не менее в хорошо информированных политических кругах венгерской столицы сложилось мнение, что «результаты будапештских заседаний превзошли все ожидания»⁷⁹.

Немаловажное значение для дальнейшего хода переговоров имело открытое выступление Франца-Йосифа в поддержку основных австрийских требований. В тронной речи короля, произнесенной 19 июня, высказывалось пожелание, чтобы урегулирование экономических отношений между Австрией и Венгрией происходило в соответствии со старыми традициями и не подвергало опасности целостность и единство монархии. Тронная речь «произвела удручающее впечатление» «на все без исключения коалиционные партии» и была воспринята ими как прямое осуждение венгерских стремлений к экономической независимости⁸⁰. Более того, в ней вновь был поднят вопрос, хотя и в завуалированной форме, об увеличении численности армии, несмотря на то, что корона еще в апреле 1906 г. обязалась не настаивать на этом требовании.

Эта речь, как и последовавшее за ней программное выступление главы австрийского правительства в рейхсрате, были направлены на то, чтобы принудить Венгрию к новым уступкам.

⁷⁷ АВПР., ф. Политархив, 1907, ед. хр. 581, лл. 85—86. Донесение от 28.IV 1907.

⁷⁸ Там же, л. 29. Донесение от 5.III 1907.

⁷⁹ OL, РМ, 1907, VI-9-10.

⁸⁰ АВПР., ф. Политархив, 1907, ед. хр. 581, л. 122. Донесение от 20.VI 1907.

В своей речи Бек пригрозил, что в случае провала переговоров, Австрия предпочтет проводить «политику свободных и крепких рук» сохранению с Венгрией существующих шатких отношений, не дающих достаточных гарантий обеспечения жизненно важных интересов Австрии. Заметив, что переговоры идут «весьма туго», и выразив сожаление по поводу невозможности долгосрочного соглашения, Бек дал ясно понять, что надеется на заключение десятилетнего соглашения по всем вопросам⁸¹.

Угрозы австрийского премьера, как всегда, вызвали очередную вспышку бурного негодования некоторых коалиционных партий и газет. Но они встретили более сдержанный прием в руководящих сферах Будапешта, так как, по выражению русского консула, «благоразумные элементы в Венгрии отлично сознают, что слова барона Бека были не более как тактический прием с целью обеспечить себе большинство при голосовании государственной росписи»⁸².

В июле 1907 г. по обе стороны Лейты появилась уверенность в успешном завершении экономических переговоров, вступивших в стадию окончательного урегулирования всех спорных вопросов. Предстояло согласовать диаметрально противоположные позиции Австрии и Венгрии по трем конкретным экономическим вопросам: о квоте, железнодорожном и общем австро-венгерском банке.

По первому вопросу кабинет Бека в конце июля предпринял попытку усиления своей позиции путем односторонней демонстрации. В ответ на одобрение комиссиями венгерского парламента законопроекта об автономном таможенном тарифе австрийское правительство постаралось взять реванш в вопросе о квоте. Оно ловко воспользовалось тем обстоятельством, что срок действия императорского указа о размерах квоты, изданного 1 июля 1906 г., истекал 1 июня 1907 г., и добилось его продления лишь на полгода. Тем самым венский кабинет недвусмысленно дал понять, что не намерен допустить дальнейшего распределения общих расходов на прежнем уровне (66, 46/49 для Австрии и 33, 33/49% для Венгрии), который считал слишком «обременительным» для себя и поэтому не желал «связывать свою свободу более чем на шесть месяцев»⁸³. Опубликование указа императора от 28 июля было встречено австрийской печатью с большим удовлетворением, оценившей его как несомненный успех правительства Бека⁸⁴.

⁸¹ Т. М. Iszlamov. Op. cit., 21. l.

⁸² АВПР, ф. Канцелярия, 1907, ед. хр. 133, оп. 470, лл. 129—130. Донесение от 24.VI 1907.

⁸³ АВПР, ф. Политархив, 1907, ед. хр. 581, л. 129. Донесение от 24.VII 1907.

⁸⁴ ОЛ, РМ, ТТу, 1907, 1.7; АВПР, ф. Канцелярия, 1907, оп. 470, ед. хр. 133, лл. 141—142. Донесение от 5.III 1907.

Но получить согласие Венгрии на повышение квоты австрийскому кабинету удалось только в самый последний день переговоров, в день подписания соглашения. Венгерская делегация вначале вообще отказывалась признать связь между определенным размером общих расходов и экономическим соглашением, но затем под австрийским давлением вынуждена была изменить свою позицию. В сентябре она, наконец, согласилась обсудить вопрос об увеличении венгерской доли общеимперских расходов (не на 3%, как того добивалась Австрия, а на 2%⁸⁵) при условии удовлетворения своего давнишнего требования о присоединении сети венгерских железных дорог (линии Кошице — Одерберг) к железным дорогам Пруссии путем строительства дороги протяженностью 70 км через территорию Цислейтании.

Прямая транспортная связь, установления которой упорно, но тщетно добивалась Венгрия с конца 70-х годов, с каждым годом, по мере роста объема торговли с Германией, приобретала все большее значение для венгерской экономики. Она открывала дешевый путь экспорту продуктов сельского хозяйства на рынок Германии, крупнейшего после Австрии партнера по торговле, и обеспечивала беспрепятственный ввоз в Венгрию силезского угля и продукции немецкой индустрии. Окруженная полукольцом австрийских территорий, Венгрия имела общую границу только с такими же, как она сама, аграрными государствами Балканского полуострова и, располагая лишь одним портом (Фиуме на Адриатике), вынуждена была осуществлять значительную часть своих перевозок через австрийскую территорию. Австрийская буржуазия беззастенчиво пользовалась всеми выгодами своего «географического» положения, имея возможность наносить чувствительные удары венгерской экономике изменением железнодорожных тарифов⁸⁶. «Таким образом, большей части венгерского вывоза суждено проходить через Австрию, которая благодаря этому имеет возможность парализовать своими тарифами мероприятия Венгрии, клонящиеся к облегчению своего вывоза в ущерб Австрии», — писал русский представитель в Вене⁸⁷.

Согласие на соединение венгерских железных дорог с прусскими означало бы потерю Веной этого важного преимущества. Кроме того, Австрия не желала выпустить из своих рук важное средство сохранения зависимости Венгрии и оказания на нее постоянного давления⁸⁸. Поэтому австрийское правитель-

⁸⁵ АВГП, ф. Политархив, 1907, ед. хр. 581, л. 130. Донесение от 5.VIII 1907.

⁸⁶ ОЛ, МТГ, 1907—46, 9.IX 1907.

⁸⁷ АВГП, ф. Канцелярия, 1907, оп. 470, ед. хр. 133, л. 162. Донесение от 19.IX 1907.

⁸⁸ *H. Benedikt*. Die wirtschaftliche Entwicklung in der Franz-Jósef Zeit. Wien, 1958, S. 161.

ство и на этот раз, как и прежде, отклонило венгерское требование⁸⁹. «Пока не было прямого соединения,— писал финансовый эксперт делегации Австрии,— австрийское правительство могло препятствовать сообщению между Венгрией и Пруссией на 70-километровом отрезке, проходящем по австрийской территории, и закрыть для нее прямое сообщение с Германией, если бы Венгрия всерьез захотела осуществить разделение таможен...»⁹⁰

Всякий раз, когда возникал призрак экономического отделения Венгрии, правительство Австрии обсуждало возможность использования этого мощного оружия против Венгрии и не думало отказываться от него до тех пор, пока Венгрия могла угрожать разрывом таможенно-экономических связей с Австрией. Оно отклонило даже весьма умеренную просьбу Будапешта о строительстве второй колеи линии Кошице — Одерберг, являвшейся общей собственностью обоих государств, так как увеличение пропускной способности дороги было исключительно в интересах Венгрии, вывозящей по ней хлеб, муку, дрова и скот в Германию...»⁹¹

Прокладку второго пути этой линии австрийские делегаты поставили в зависимость от согласия Венгрии на соединение австрийских железных дорог с далматинскими через Хорватию.

Переплетение вопроса о квоте с железнодорожной проблемой едва не сорвало переговоры по экономическому соглашению. Если это не произошло, то только благодаря полной капитуляции венгерской стороны и принятия ею австрийских экономических условий. Такой крутой поворот был связан с развитием событий, не имевших никакого отношения ни к Австрии, ни к экономическому соглашению с ней. Эти события, которым было суждено сыграть едва ли не решающую роль в судьбе экономического соглашения, касались так называемых конституционных гарантий.

По замыслу графа Андраши, автора соответствующего законопроекта, эти гарантии должны были включать в себя расширение компетенции комитатов, ликвидацию института королевских комиссаров, которым так широко и успешно пользовалось правительство Фейервари в борьбе против коалиционной оппозиции и, наконец, расширение прав административного суда. Выдвижением на первый план конституционных гарантий коалиция преследовала двоякую цель: успокоить рядовых членов коалиционных партий по поводу чрезвычайно серьезных экономических уступок, которые правительство собиралось сделать

⁸⁹ OL, Kgy, II, u. 10, Kossuth Ferenc levele Kossuth Lajos Todorhoz, 12.X 1907.

⁹⁰ A. Spitzmüller-Harmersbach. Op. cit., S. 37.

⁹¹ OL, PM, Tty, 2.X 1906, 15—17.IV 1907.

Австрии, а, с другой стороны, подготовить в комитатах надежную базу для легальной борьбы с короной в случае вынужденной отставки правительства. Усиление комитатского самоуправления, где почти безраздельно господствовали преданные коалиции средние помещики, за счет некоторого ослабления исполнительной власти повысило бы эффективность нового «пассивного сопротивления» и в то же время сделало бы излишней нежелательную апелляцию к помощи народных масс⁹².

Разработанный министром внутренних дел проект конституционных гарантий был встречен в Вене в штыки, в особенности наследником престола, который решил, что он направлен лично против него⁹³. Попытка Андраши получить предварительную санкцию короля на рассмотрение законопроектов палатой депутатов не имела успеха. Франц-Иосиф потребовал внесения в них столь значительных поправок, что, по мнению русского консула в Будапеште, «едва ли возможно было рассчитывать» на их принятие венгерским парламентом⁹⁴. Между тем, по словам того же Львова, согласие короны на проведение конституционных гарантий было обусловлено еще в апреле 1906 г.⁹⁵ «Под давлением партии независимости...,— писал Львов,— законопроекты конституционных гарантий приняли, однако, такую форму, что ими уничтожается всякое влияние центрального правительства на местную администрацию»⁹⁶.

Многие современники переоценивали значение пресловутых гарантий, иные, конечно, не без умысла. В частности, подобное преднамеренное преувеличение имело место в правящих кругах Вены, но не подлежит сомнению, что Андраши был вынужден придать законопроектам более радикальную форму, чтобы спасти престиж правительства хотя бы в глазах собственных сторонников. К этому их вынуждало теперь уже открытое недовольство в рядах партии независимости условиями австро-венгерского экономического соглашения, на которую, как указывает Криштофи, «эти горькие разочарования оказали глубокое впечатление»⁹⁷.

Предпринятая графом Андраши в начале мая попытка добиться предварительной санкции успеха не имела, видимо, не без «содействия» кабинета Бека, который с радостью писал о неудаче этого демарша⁹⁸. Бек также считал эти гарантии по-

⁹² *T. M. Iszlamov. Op. cit., 23—24. l.*

⁹³ *Kristóffy József. Magyarország kálváriája. Az összeomlás útja. Politikai emlékek 1890—1926. Bp., 1927, 463. l.*

⁹⁴ АВПР, ф. Политический архив, д. 581, 1907, л. 111. Донесение Львова Урусову.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ *Kristóffy József. Op. cit., 468. l.*

⁹⁸ *J. Chr. Allmayer-Beck. Op. cit., S. 186.*

пыткой посягательства на права короны. Однако он был вынужден изменить свое отношение к проекту Андраши, когда тот разъяснил ему, что без этих гарантий дальнейшее пребывание у власти кабинета Векерле станет невозможным. Перспектива нового политического кризиса в Венгрии пугала австрийских руководителей не меньше, чем венгерских, ибо он поставил бы под удар экономическое соглашение и тем самым, по всей вероятности, и правительство Бека.

Правящие круги Австрии отлично понимали, что в случае отставки коалиционного правительства «всякое иное министерство явилось бы поводом к возникновению нового конфликта между короной и сеймом в еще более острой форме»⁹⁹, чем кризис 1905—1906 гг. Подобного развития событий опасались и в Будапеште, и в Вене. 9 мая, боясь преждевременного падения венгерского правительства, глава венского кабинета принимает решение посоветовать императору санкционировать венгерский проект, ибо «все зависит от того, удастся ли отодвинуть кризис в Венгрии до осени», т. е. до заключения соглашения¹⁰⁰. Таким образом, по вопросу о конституционных гарантиях между обоими правительствами начал складываться своего рода единый фронт. Такая метаморфоза должна была неизбежно повлечь за собой открытое выступление эрцгерцога против кабинета Бека и, в особенности, против самого Бека.

Криштофи и Франц-Фердинанд

По иронии судьбы не кто иной, как Владимир Бек рекомендовал эрцгерцогу, ставшему теперь его политическим противником, бывшего венгерского министра Криштофи. Меморандум, составленный Йожефом Криштофи по поручению австрийского министра-президента, был передан Бекон Францу-Фердинанду. Идеи и рекомендации, изложенные в этом документе, пришлось по душе наследнику и тот пожелал встретиться с его автором. Свидание это состоялось в один из мартовских дней 1907 г. в покоях Бельведерского дворца. Майор Брош фон Ааренау, правая рука и исполнитель особо щекотливых политических поручений его высочества, бывший единственным посвященным и свидетелем этой встречи, чтобы сохранить ее в полнейшей тайне, ввел гостя во дворец через заднюю садовую калитку. Ни один из собеседников не желал афишировать свою связь друг с другом и, как увидим дальше, имел на то веские основания. Намекая на меморандум Криштофи, эрцгерцог не скрыл своей

⁹⁹ АВПР, ф. Политархив. 1907, ед. хр. 581, л. 112. Донесение от 31.V 1907.

¹⁰⁰ *J. Chr. Allmayer-Beck*. Op. cit., S. 186.

радости и удовлетворения тем, что нашелся, наконец, венгерский политический деятель, идеи которого полностью совпадают с его собственными¹⁰¹.

Каковы же были те идеи, которые привели в такой восторг человека, известного своей враждебностью ко всему венгерскому?

Криштофи предсказывал неизбежность, рано или поздно, нового конфликта между короной и Венгрией, который, в конечном счете, может привести к распаду монархии и ее гибели. Династия поэтому ни в коем случае не может и не должна бездействовать и выжидать развития событий, а, наоборот, собрав все верные ей силы, заранее подготовиться к неизбежному столкновению. Криштофи предлагал использовать недовольство народных масс, и причем как можно быстрее, пока они не вовлечены в сети коалиции и политики независимости, ибо «в случае конфликта Венгрия может быть сохранена только оружием»¹⁰².

Во время первой встречи Криштофи с наследником престола последний довольно прозрачно намекнул своему собеседнику на то, что в один прекрасный день поручит ему формирование венгерского кабинета. В ожидании наступления этого дня, который из-за дряхлости престарелого императора казался весьма близким, Криштофи согласился информировать Франца-Фердинанда через его военную канцелярию «о важнейших венгерских делах»¹⁰³.

Однако очень скоро ему стали давать более ответственные задания. Первым поручением Криштофи, ставшего активным участником политических интриг бельведерской клики, была организация широкой антиправительственной агитации под лозунгом всеобщего избирательного права. Несмотря на огромную популярность этого лозунга среди демократической общественности Венгрии, созданная Криштофи Лига всеобщего избирательного права, в которую вошла небольшая группа представителей буржуазной интеллигенции венгерской столицы, успеха не имела¹⁰⁴. Поскольку при помощи этой затеи не удалось поколебать позиции коалиционного правительства и партии независимости, в Бельведере возникла идея создания из сторонников дуализма политической группы или партии, которая могла бы заменить распавшуюся либеральную партию Тисы и вести успешную борьбу против партии независимости и правительства.

Ставка делалась прежде всего на клерикальную «народную», а также на конституционную партии, которые были из-

¹⁰¹ *Kristóffy József. Op. cit., 391. 1.*

¹⁰² *Ibid., 385. 1.*

¹⁰³ *Ibid., 393. 1.*

¹⁰⁴ *Ibid., 456. 1.*

вестны своей приверженностью монархии и дуализму и по своим идейным устремлениям вполне соответствовали целям создания консервативной партии. Криштофи соглашался с необходимостью образования подобной группировки, но, учитывая царившие в стране настроения, отчетливо представлял себе огромные трудности, стоявшие на пути осуществления этой задачи. По его мнению, ни конституционная партия Андраши, ни «народная» партия не могли служить основной цели — оттеснению на задний план политики и лозунгов национальной независимости, поскольку, как справедливо указывал Криштофи, «в области национально-шовинистической политики они с успехом соревнуются с антидинастической партией независимости 48-го года»¹⁰⁵.

Поэтому в мае 1907 г. Криштофи предложил Францу-Фердинанду идею создания «буржуазной радикальной партии» (или «партии свободных граждан») из сторонников бывшей либеральной партии Тисы, которая была бы консервативной по своей сущности и программе, но радикальной по лозунгам и тактике. При этом он уверял, что радикальное название и радикальные лозунги никакой опасности не представляют, и их ни в коем случае нельзя отождествлять с французским радикализмом»¹⁰⁶. Эти разъяснения, по-видимому, окончательно рассеяли опасения эрцгерцога, и Криштофи приступил к осуществлению своего плана, которого ожидала такая же плачевная участь, как и авантюру с Лигой всеобщего избирательного права¹⁰⁷.

Криштофи развернул бурную подстрекательскую деятельность. Весной, когда возник план достижения экономического соглашения путем удовлетворения некоторых требований Венгрии в военном вопросе, Криштофи поднял на ноги Бельведер, чтобы предотвратить такое решение¹⁰⁸. В конце июля — начале августа 1907 г. была сделана еще одна попытка достичь соглашения по всем спорным вопросам. Австрия склонялась к мысли допустить принятия венгерских требований о конституционных гарантиях и признании венгерского языка языком командования в ответ на подписание Венгрией экономического соглашения и согласие последней увеличить военные расходы¹⁰⁹. Но этот план отпал не только благодаря вмешательству генерала Конрада и эрцгерцога, но и потому, что венгерское правительство не имело возможности заплатить цену, которую запросили австрийцы. Оно было вынуждено даже отказаться от

¹⁰⁵ *Kristóffy József*. Op. cit., 458. ff.

¹⁰⁶ *Ibidem*.

¹⁰⁷ *Ibidem*.

¹⁰⁸ *J. Chr. Allmayer-Beck*. Op. cit., S. 177.

¹⁰⁹ *Ibid.*, S. 174.

такой сделки по военным вопросам, которая была заключена им в конце 1906 г. с общим военным министром Шёнайхом. Как указывал в одном из донесений русский консул в Будапеште, «...при господствующем в настоящую минуту настроении среди народных представителей, правительство едва ли может рассчитывать на успех означенных требований военного ведомства»¹¹⁰ (об увеличении ассигнований на нужды общей армии и ежегодного рекрутского контингента.— *Т. И.*).

В сложившейся обстановке коалиционному кабинету ничего не оставалось, как добиваться осуществления конституционных гарантий, без которых было нелегально получить одобрение парламента на заключение экономического соглашения. Андраши пришлось столкнуться с сильнейшим противодействием эрцгерцога, подстрекаемого Криштофи.

В сентябре — октябре 1907 г., когда австро-венгерские переговоры вступили в решающую стадию, Франц-Фердинанд, решив, что проект Андраши направлен лично против него, всячески убеждал и главу австрийского правительства, и министра иностранных дел, что в случае вступления в силу гарантий «государь перестанет быть в Венгрии государем», что он, Франц-Фердинанд, — «не позволит связать руки его величеству, а затем далее ему самому и его преемникам только потому, что это нравится небольшой клике государственных изменников в Венгрии»¹¹¹.

Но австрийское правительство придерживалось иного мнения и не только из-за экономического соглашения, но и ввиду отсутствия «сильного человека», который мог бы встать во главе венгерского кабинета и иметь шансы на успех в борьбе с коалицией. В то же время оно охотно воспользовалось непримиримой позицией Франца-Фердинанда, чтобы шантажировать Андраши и других венгерских министров угрозой прямого вмешательства эрцгерцога в ход переговоров. Угроза подействовала, и в конце сентября Андраши согласился внести в свой проект «любые приемлемые изменения».

В критический момент переговоров министр иностранных дел Эренталь употребил все свое влияние, чтобы привести их к успешному завершению еще до возобновления сессии Государственного собрания 10 октября. В меморандуме, составленном 24 сентября, он подчеркнул, что провал соглашения и конституционных гарантий Андраши неминуемо повлек бы за собой отставку коалиционного правительства. Корона в таком случае была бы поставлена перед альтернативой образования внепарламентского кабинета во главе с Фейервари или Криштофи или

¹¹⁰ АВПР, ф. Политархив, 1907, ед. хр. 581, л. 112. Донесение от 31.V 1907.

¹¹¹ ОЛ, МТ). 1907-28, 5.X 1907.

же вручения власти правительству, составленному исключительно из деятелей партии независимости во главе с Ф. Кошутом. Последнее можно было бы устранить только при помощи «расширения избирательного права, популярного в низших классах и среди невенгерских элементов»¹¹².

Но все это было сопряжено с риском нового политического кризиса в Венгрии, с весьма неясными перспективами. Кроме того, Эренталь считал, что отклонение конституционных гарантий и неудача экономических переговоров создали бы критическую ситуацию и для кабинета Бека, падение которого в данный момент ему казалось нежелательным. Поддержка Эренталья облегчила действия Бека. Спустя две недели были завершены переговоры по экономическому соглашению, проект которого был представлен на утверждение парламентов обеих стран 16 октября 1907 г. Одно из наиболее существенных изменений заключалось в том, что местные органы самоуправления обязывались при любых обстоятельствах выполнить мобилизационные распоряжения и приказы военных властей.

9 сентября венгерский совет министров признал настоятельную необходимость быстрее завершения переговоров с тем, чтобы правительство целиком «сконцентрировало свои усилия на оздоровлении внутривнутриполитического положения, с учетом состояния хорватских дел, а также прогресса движения национальностей и социал-демократического движения». Совет уполномочил Векерле, Кошута и Дарани подписать соглашение и согласиться на 2%-ное увеличение квоты и заявить, что это обязательство венгерское правительство выполнит лишь при одновременном принятии королем венгерских военных требований¹¹³.

Завершение австро-венгерских переговоров

Полное соглашение по всем интересовавшим обе стороны вопросам было достигнуто 5 октября. В тот же день был согласован и последний, самый острый и существенный с экономической точки зрения вопрос о квоте.

Окончательно вопрос об удовлетворении требования австрийской стороны относительно повышения венгерской доли общеперских расходов — квоты был решен на заседании совета министров Венгрии 5 октября 1907 г. В случае отказа Венгрии от 2%-ного повышения квоты правительство Бека грозило пре-

¹¹² OL, HHSt, GA, Ausgleichsverhandlungen mit Ungarn, 1907:29.

¹¹³ OL, MTJ, 1907-46, 9.IX 1907.

рвать переговоры, сохранив за собой право принять любые меры по всем экономическим вопросам, за исключением лишь тех, которые касались торговых договоров с зарубежными странами¹¹⁴.

На заседании совета министров 5 октября Кошут заявил, что таким бы тяжелым ни было 2%-ное повышение квоты, еще более тяжелой он считает ответственность, которую правительство взяло бы на себя в случае провала соглашения. Это, по его мнению, вызвало бы «экономическую катастрофу»¹¹⁵. Министр внутренних дел Андраши сказал, что считает «соглашение в целом хорошим», но в то же время рекомендует уступить в вопросе о квоте потому, что убежден в невозможности без этого заключить соглашение. Андраши также повторил доводы своего коллеги относительно «экономической катастрофы», добавив, что, по его мнению, экономическое положение в стране очень тяжелое.

С ним полностью согласился министр земледелия И. Дарани, который настаивал, чтобы решение было принято «сегодня же, ибо откладывать уже нельзя»¹¹⁶. Министр по делам Хорватии-Славонии предлагал ускорить заключение соглашения, ожидая от этого «благоприятного влияния на тамошние политические условия». Министр культов и просвещения Аппони и министр юстиции полностью присоединились к позиции Кошута. По мнению Векерле, отсутствие соглашения привело бы не только к финансовому, но и к политическому кризису¹¹⁷. В единогласно принятом решении подчеркивалось, что совет министров единодушно постановил поручить министру-президенту и министрам торговли и земледелия удовлетворить требование австрийского правительства о повышении квоты на 2% и подписать соглашение с Австрией, «учитывая его срочность с точки зрения хозяйственного положения страны»¹¹⁸.

Об успешном завершении переговоров в австрийской столице стало известно поздно вечером 5 октября из экстренных выпусков газеты «Нойе Фрайе Прессе». Влиятельнейшая из австрийских газет сразу же оценила это событие как большой успех, как победу дуализма над стремлениями к «отделению и персональной унии». «Нойе Фрайе Прессе» как, впрочем, и другие ведущие органы печати Австрии, одобряя заключение соглашения, остерегалась, однако, слишком откровенно выражать свои чувства: «Не победным салютом и не колокольным звоном должно быть отпраздновано заключение Аусгляйха, его можно приветствовать лишь тихим вздохом облегчения; благодарение

¹¹⁴ OL, MTJ, 1907-28, 5.X 1907.

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ Ibidem.

¹¹⁷ Ibidem.

¹¹⁸ Ibidem.

небу, что закончились эти ужасные, раздирающие душу монархии «переговоры»¹¹⁹.

К сдержанности тона и осторожности оценок вынуждали, разумеется, не только печальный опыт недалекого прошлого австро-венгерских отношений, но и перспектива предстоящих дебатов в парламентах обеих стран по вопросу об экономическом соглашении. Впрочем, и сам Бек был достаточно осмотрителен, чтобы не слишком афишировать свою радость. Комментируя речь Бека в рейхсрате 16 октября, германский дипломат хвалил ее «мудрую умеренность», в которой, как он отмечал, «не звучали торжествующие нотки, хотя и были для этого некоторые основания...», так как самый факт достижения соглашения являлся «крупным выигрышем для монархии»¹²⁰.

Газеты «Фремденблатт» и «Цайт» видели в заключении соглашения торжество разума и победу «железной необходимости», «реальных» факторов (исторических, экономических и географических) над «политическими и эмоциональными моментами, стоявшими на пути соглашения»¹²¹. Газета «Нойе Винер Тагблатт», комментируя благоприятный исход переговоров с точки зрения международного положения монархии и ее великодержавных устремлений, выражала надежду, что, покончив с внутренними мелочными раздорами, подрывавшими ее позиции на мировом рынке, монархия может устремить свои взоры к великим целям и приступить к тому, чтобы «вновь занять почетное место, предназначенное ей историей»¹²².

Текст экономического соглашения был опубликован лишь 16 октября, в день официального внесения соответствующих законопроектв на рассмотрение парламентов обеих сторон. Венгерскому парламенту одновременно были представлены законопроекты Андраши о конституционных гарантиях. Тем самым коалиционный кабинет явно продемонстрировал свое намерение устранить оппозицию «довольно значительной части» партии независимости против утверждения экономического соглашения¹²³. Обсуждение экономического соглашения в парламенте затянулось до середины декабря и закончилось незадолго до истечения срока временного соглашения по общим экономическим вопросам.

Серьезные экономические уступки для многих членов парламента явились большой неожиданностью и поэтому доклад Векерле на первом же заседании палаты произвел на депутатов

¹¹⁹ NFP, 5.X 1907.

¹²⁰ SLHA, d. 1831. S. 11, 19.X 1907.

¹²¹ «Fremdenblatt», 6.X 1907.

¹²² «Neue Wiener Tageblatt», 6.X 1907.

¹²³ АВГП, ф. Политархив, 1907, ед. хр. 581, л. 140. Донесение Штральборна от 8.IX 1907.

удручающее впечатление и «встретил весьма холодный прием, который перешел в настоящую бурю возмущения», когда докладчик упомянул о повышении квоты¹²⁴. Вновь в роли спасителя выступила верхушка партии независимости и, в частности Кошут, постаравшийся убедить своих сторонников, что соглашение носит временный характер и представляет собой компромисс. Кошут намекал на возможность изменения его условий в будущем.

В кулуарах парламента некоторые представители партии Кошута называли это соглашение предательством, грозились выйти из партии и начать открытую кампанию против его одобрения.

Саксонский посланник в Вене, совершивший осенью 1907 г. 3-недельную поездку в Венгрию, имел возможность наблюдать, с каким нетерпением «имущий класс» ожидал заключения экономического соглашения с Австрией, надеясь таким образом получить кредиты, необходимые для капиталовложений в сельское хозяйство и промышленность¹²⁵.

Лидеры коалиции пытались убедить общественное мнение страны в выгодности экономического соглашения для Венгрии, ссылаясь на такие «достижения», как замена торгово-таможенного союза договором и формальное признание Австрией самостоятельности венгерской таможни. По сравнению с этими ничтожными уступками нововведение в порядке подписания торговых договоров с иностранными государствами могло казаться крупным завоеванием венгерского правительства. Оно заключалось в том, что эти договоры отныне должны были подписываться не только общим министром иностранных дел, но и представителями Венгрии и Австрии. Эту уступку, которую мадьярам удалось вырвать у министра иностранных дел в «самую последнюю минуту» (13 октября), сам Эренталь охарактеризовал как «чисто декоративную, ничего в сущности не меняющую в государственно-правовом отношении»¹²⁶.

Соглашение 1907 г. было выгодным для Австрии во всех отношениях и прежде всего в экономическом; ей удалось добиться повышения венгерской доли общих расходов на 2%, присоединения далматинских железных дорог к австрийским через венгерскую территорию и отмены сахарной сверхпошлины. Даже такой безусловный сторонник дуализма, как Тиса, с нескрываемым раздражением говорил об этих условиях. Сохранением экономического единства империи австрийским правящим кругам удалось добиться временного укрепления системы дуализма и продления жизни монархии.

¹²⁴ Там же, л. 157. Донесение от 20.X 1907.

¹²⁵ SLHA, d. 1831. С. 12, 19.X 1907.

¹²⁶ OL, HHSt, GA, 190:29. Aehrenthals Exposé.

небу, что закончились эти ужасные, раздирающие душу монархии «переговоры»¹¹⁹.

К сдержанности тона и осторожности оценок вынуждали, разумеется, не только печальный опыт недалекого прошлого австро-венгерских отношений, но и перспектива предстоящих дебатов в парламентах обеих стран по вопросу об экономическом соглашении. Впрочем, и сам Бек был достаточно осмотрителен, чтобы не слишком афишировать свою радость. Комментируя речь Бека в рейхсрате 16 октября, германский дипломат хвалил ее «мудрую умеренность», в которой, как он отмечал, «не звучали торжествующие нотки, хотя и были для этого некоторые основания...», так как самый факт достижения соглашения являлся «крупным выигрышем для монархии»¹²⁰.

Газеты «Фремденблатт» и «Цайт» видели в заключении соглашения торжество разума и победу «железной необходимости», «реальных» факторов (исторических, экономических и географических) над «политическими и эмоциональными моментами, стоявшими на пути соглашения»¹²¹. Газета «Нойе Винер Тагблатт», комментируя благоприятный исход переговоров с точки зрения международного положения монархии и ее великодержавных устремлений, выражала надежду, что, покончив с внутренними мелочными раздорами, подрывавшими ее позиции на мировом рынке, монархия может устремить свои взоры к великим целям и приступить к тому, чтобы «вновь занять почетное место, предназначенное ей историей»¹²².

Текст экономического соглашения был опубликован лишь 16 октября, в день официального внесения соответствующих законопроектв на рассмотрение парламентов обеих сторон. Венгерскому парламенту одновременно были представлены законопроекты Андраши о конституционных гарантиях. Тем самым коалиционный кабинет явно продемонстрировал свое намерение устранить оппозицию «довольно значительной части» партии независимости против утверждения экономического соглашения¹²³. Обсуждение экономического соглашения в парламенте затянулось до середины декабря и закончилось незадолго до истечения срока временного соглашения по общим экономическим вопросам.

Серьезные экономические уступки для многих членов парламента явились большой неожиданностью и поэтому доклад Векерле на первом же заседании палаты произвел на депутатов

¹¹⁹ NFP, 5.X 1907.

¹²⁰ SLHA, d. 1831. S. 11, 19.X 1907.

¹²¹ «Fremdenblatt», 6.X 1907.

¹²² «Neue Wiener Tageblatt», 6.X 1907.

¹²³ АВПР, ф. Политархив, 1907, ед. хр. 581, л. 140. Донесение Штральборна от 8.IX 1907.

Конституционные гарантии

Как уже упоминалось, одновременно с обсуждением экономического соглашения венгерская палата приступила к рассмотрению конституционных гарантий. Их суть сводилась к расширению компетенции верховного административного суда, которому присуждалось право в случае возникновения конфликта между органами самоуправления и исполнительной властью выносить окончательное решение и определить компетентность последней в том или ином спорном вопросе. Комитатские собрания и городские муниципалитеты могли обжаловать незаконные с их точки зрения действия министров и королевских комиссаров в случае назначения таковых. Эти меры, по мнению русского посла в Вене, были не только «законным средством» защиты органов самоуправления против нарушения их прав, но и средством контроля над деятельностью властей и имели целью «ослабить влияние коронных органов»¹³².

По замыслу Андраши, этот законопроект, во-первых, должен был обеспечить утверждение парламентом экономического соглашения и, во-вторых, укрепить позиции коалиции в комитатах, превратить их в надежную опору коалиции в будущей борьбе за «национальные требования». Последнее обстоятельство и являлось основной причиной резкой оппозиции Франца-Фердинанда конституционным гарантиям, которая не прекратилась и после того, как они уже стали предметом обсуждения венгерской палаты.

В октябре 1907 г. эрцгерцог, явившись к Францу-Иосифу, который обычно избегал встреч со своим племянником и наследником, заявил, что поскольку законопроекты непосредственно направлены против наследников престола, он вправе оказать решающее влияние на решение этого вопроса. При этом Франц-Фердинанд сослался на донесения Криштофи¹³³. Криштофи указывал, что уже сам факт представления парламенту предложений Андраши означает, что «венгерская королевская власть роковым образом выдана комитатам», которые в любой момент и беспрепятственно могут использовать ее против центральной власти¹³⁴. По мнению Криштофи, конституционные гарантии давали комитатам право отказаться от выполнения любых распоряжений правительства, за исключением общецимперских дел¹³⁵. «Если этот проект получит силу закона, венгерский король станет тенью короля»¹³⁶.

¹³² Там же, л. 186.

¹³³ *Kristóffy József*. Op. cit., 468. l.

¹³⁴ *Ibidem*.

¹³⁵ *Ibidem*.

¹³⁶ *Ibid.*, 471. l.

Криштофи горько сетовал на то, что этой уступкой династия фактически дезавуировала истинных сторонников короны в Венгрии, всех тех, кто боролся от ее имени и в ее интересах, т. е. самого Криштофи и его немногочисленных приспешников¹³⁷.

Но вот вслед за этим донесением автор направляет эрцгерцогу новое письмо, в котором настойчиво рекомендует ему любым способом добиться падения коалиционного кабинета не позднее ноября текущего года, пока он не успел полностью подчинить себе местные органы власти в комитатах, заменив фёйшпанов своими людьми¹³⁸. Для этого следовало не только аннулировать конституционные гарантии, но и потребовать от венгерского правительства немедленного принятия законов об увеличении численности армии и реформе избирательного права. Криштофи брал на себя задачу убедить венгерское общественное мнение, что причиной отставки правительства является исключительно его нежелание осуществить всеобщее избирательное право. Франц-Фердинанд, со своей стороны, должен был напомнить королю, что он имеет полное право потребовать от коалиции выполнения всех условий апрельского пакта, включая реформу избирательного права и увеличение рекрутского контингента, если она настаивает на гарантиях, которые лишь упоминались в тронной речи и ничего общего не имели с пактом¹³⁹.

В конце сентября 1907 г., когда Франц-Иосиф, уступив совместно давлению австрийского и венгерского правительств, дал свое согласие на обсуждение законопроектов о конституционных гарантиях в венгерском парламенте, Франц-Фердинанд сделал еще одну попытку заставить короля отменить свое решение. Он предложил императору свои услуги во имя предотвращения «катастрофы и сохранения монархии» и заодно освобождения старого монарха от утомительного бремени власти! Таким образом Францу-Иосифу был сделан недвусмысленный намек потесниться и уступить свои верховные права в отношении Венгрии честолюбивому племяннику. Не согласившись с подобным «разделением труда», король предложил наследнику составить подробный меморандум о положении в Венгрии и о тех опасностях, которые, по мнению последнего, исходят отсюда¹⁴⁰.

Этот меморандум, написанный Криштофи, 25 октября был представлен королю. В нем утверждалось, что политика коалиционного правительства ведет страну к социальной анархии вследствие ухудшения экономического положения и «бурного

¹³⁷ *Kristóffy József*. Op. cit., 471. l.

¹³⁸ *Ibidem*.

¹³⁹ *Ibid.*, 472. l.

¹⁴⁰ *Ibid.*, 474. l.

распространения недовольства масс». Широкие народные массы, введенные в заблуждение национальными лозунгами, разочаровались в коалиции и чувствуют себя обманутыми. Правительство пальцем не пошевелило, чтобы хоть в какой-то мере смягчить «страшную дороговизну» и приостановить катастрофический рост массовой эмиграции, в результате которой «обезлюдели целые области». Оно уклонилось от выполнения своего обязательства о введении всеобщего избирательного права, ссылаясь на отсутствие статистических материалов, хотя они были собраны и обработаны еще при правительстве Фейервари. Этим правительство вызвало ожесточенную ненависть широких слоев народных масс, ожидавших от реформы избирательного права улучшения своего политического и социального положения.

Несмотря на насильственный образ действий коалиции, борьба за всеобщее избирательное право приняла еще более широкий размах. Блестящее тому доказательство — всевенгерская массовая политическая стачка и демонстрация сотен тысяч трудящихся в день открытия осенней сессии парламента, организованная социал-демократической партией 10 октября 1907 г. Реакционные политические деятели вынуждены были считаться с этими объективными фактами народного недовольства и политической активности трудящихся. В меморандуме Криштофи признавал, что «теперь уже бурлит рабочий народ всей страны...»¹⁴¹.

Преднамеренно сгущая краски, он пугал Габсбургов призраком готовившейся якобы к 1908 г. «последней решительной схватки» в форме всеобщей стачки промышленных и сельских рабочих, которая должна была привести к «экономическому краху Венгрии»¹⁴². Он утверждал, что коалиция своими действиями объективно ведет страну к анархии и даже гражданской войне.

Единственный выход из создавшегося положения Криштофи видел в решительном вмешательстве династии во внутренние дела Венгрии, чтобы предотвратить «вовлечение в мятеж рабочих масс». В случае отказа коалиции неуклонно и последовательно придерживаться принципов Соглашения 1867 г., а также апрельского пакта 1906 г., Криштофи советовал вызвать правительственный кризис и, повторив опыт 1905 г., назначить внепарламентский кабинет. Новое правительство, чтобы завоевать доверие масс, немедленно должно осуществить реформу избирательного права, заменить антидинастический парламент более послушным. Кроме того, следует создать надежную продинастическую партию из всех недовольных существующим режимом политических партий и течений, в том числе и социал-

¹⁴¹ Ibid., 479. 1.

¹⁴² Ibidem.

демократической партии, которая была бы в состоянии предотвратить «анархию».

С этой целью Криштофи пытался в это время склонить радикалов, депутатов невенгерских национальностей, руководителей демократической, крестьянской и социал-демократической партии в пользу идеи создания «контркоалиции» на базе лозунга всеобщего избирательного права. Руководящую роль в ней могли бы играть сторонники Тисы, которые должны были направить деятельность этой коалиции в нужном для монархии направлении. Но Тиса, будучи принципиальным противником всеобщего избирательного права, упрямылся, убедить его изменить свою позицию мог лишь один король, если бы он принял весь план в целом. Опираясь на эту коалицию, династия могла бы шантажировать венгерское правительство, а в худшем случае изолировать партию независимости и ее союзников и стать прочной опорой внепарламентского кабинета и династии ¹⁴³.

Планом Криштофи заинтересовались в канцелярии Франца Фердинанда. 7 ноября состоялось тайное совещание, на котором обсуждался проект создания антиправительственной коалиции на базе всеобщего избирательного права. Был образован исполнительный комитет во главе с бывшим чиновником министерства внутренних дел, доверенным человеком Криштофи, Л. Кафкой. По мнению Криштофи, созданию коалиции должно было предшествовать образование радикальной партии, которой отводилась роль руководящей силы весьма разношерстной по своему составу коалиции — от социал-демократии до христианских социалистов.

Правительственные круги, узнав о планах Криштофи, усиленно распространяли слухи о том, что Криштофи якобы стал орудием социалистов. Для выяснения достоверности слухов о «грехопадении» Криштофи в Будапешт выехал флигель-адъютант эрцгерцога Брош. Однако этот план Криштофи вызвал в дворцовых кругах Вены, считавших всякое политическое сотрудничество с социалистами противоестественным, серьезные опасения и возражения. Чтобы рассеять их, Криштофи 15 ноября направил Брошу донесение, в котором следующим образом обосновывал возможность и необходимость подобного сотрудничества:

1. Социал-демократы в силу их относительной малочисленности не способны натворить больших бед и даже не могут вызвать посредством всеобщей стачки серьезного экономического кризиса, ибо их деятельность затрагивает главным образом промышленность, не являющуюся решающей отраслью народного хозяйства Венгрии. Хотя конечные цели социалистов и угрожают государству, но «так как партия хочет осуществить их

¹⁴³ *Kristóffy József. Op. cit., 484. 1.*

законным и конституционным, а не революционным путем», они не представляют настоящей опасности¹⁴⁴. Не следует бояться усиления социалистов и в случае, если будет введено всеобщее избирательное право, ибо они могли бы рассчитывать максимум на 20—25 мандатов. Разве не смешно думать, писал Криштофи, что такая немногочисленная группа депутатов в состоянии «поколебать основы буржуазного общества?»¹⁴⁵. Опыт показывает, что даже в тех странах, где социалисты располагают более значительным числом депутатских мандатов, они не представляют никакой опасности для государства.

2. Основная масса социалистов сосредоточена в крупных городах и, особенно, в Будапеште, где они господствуют на улице и где от них зависят «мир и порядок»¹⁴⁵. Здесь они могут быть наиболее эффективно использованы против правительства.

3. Не следует смешивать социал-демократов с аграрными социалистами, представляющими двухмиллионную армию сельскохозяйственных рабочих и батраков, которые стремятся к собственности и земле, а не к обобществлению средств производства, и поэтому не могут быть союзниками социал-демократической партии. Сельские пролетарии, благодаря их склонности к «противозаконным средствам» борьбы, потенциально более опасны для государства, чем социалисты. Но государство может их успокоить и превратить в «мирных буржуа» путем проведения в больших масштабах парцеллизации земли. Кроме того, основная масса деревенского пролетариата все еще находится под влиянием партии независимости и политически не организована¹⁴⁶.

Криштофи подчеркивал, что с точки зрения династии и государства, из политических партий Венгрии социал-демократическая партия являлась наименее опасной. Поэтому он рекомендовал включить ее в «контркоалицию».

Однако ему не удалось убедить своих венских хозяев в благопристойности союза с социал-демократами. Да и социалисты, даже самые правые из них, после памятного для них бесславного пакта Криштофи — Гарамп не проявляли особой склонности вновь связать себя с Криштофи. Социал-демократические лидеры после прихода к власти коалиции некоторое время занимали выжидательную позицию. Но когда они убедились в нежелании коалиции выполнить свое обязательство о введении всеобщего избирательного права, решительно выступили против коалиционного правительства¹⁴⁷.

Несмотря на всю соблазнительность идеи использовать социал-демократию против правительства, она не получила одоб-

¹⁴⁴ Ibid., 485. l.

¹⁴⁵ Ibid., 491. l.

¹⁴⁶ Ibid., 489. l.

¹⁴⁷ Ibid., 490. l.

рения канцелярии Франца-Фердинанда, а Криштофи не осмелился возобновить, на собственный страх и риск, контакты с Э. Гарамии, прерванные после ухода в отставку кабинета Фейервари — Криштофи.

Поскольку Франц-Фердинанд продолжал категорически возражать против принятия конституционных гарантий, в Вене было решено сделать попытку рассеять его опасения, устроив личную встречу с графом Андраши. По инициативе Бека Франц-Иосиф предложил эрцгерцогу принять венгерского министра, и Франц-Фердинанд, демонстративно не желавший иметь дело с венгерскими политическими деятелями, в особенности с лидерами ненавистной ему коалиции, вынужден был подчиниться.

Впрочем, эта аудиенция, наделавшая в свое время много шума, существенных результатов не дала. Она лишь выявила полную непримиримость позиций обоих собеседников не только по вопросу конституционных гарантий, но и по другим вопросам, касавшимся взаимоотношений Венгрии с Австрией. Эрцгерцог доказывал, что его противодействие проекту Андраши объясняется якобы заботой об интересах Венгрии. Ослабление королевской власти, как и связей этой страны с Австрией, нанесло бы, по его словам, ущерб самой Венгрии, ибо одна она недостаточно сильна, чтобы сохранить свою независимость, и поэтому «Венгрия должна стремиться составить с Австрией единое целое»¹⁴⁸.

Андраши посоветовал ему не противиться утверждению гарантий, если он не хочет вконец подорвать свой престиж в Венгрии и вызвать, мягко выражаясь, отчуждение со стороны мадьяр. Заодно Андраши выразил свое недоумение по поводу непонятной и необоснованной настойчивости эрцгерцога в вопросе введения всеобщего избирательного права в Венгрии и поддержки им антимадьярской деятельности лидеров невенгерских партий. «Вообще, сказал он, — когда думают вырвать руководство в Венгрии из рук интеллигенции (читай: крупных землевладельцев, финансистов и джентри.— *Т. И.*) и полагают, что в Венгрии можно опираться на национальности и править страной с их помощью, роковым образом заблуждаются. Государь, который бы предпринял такую попытку, рисковал бы своим троном»¹⁴⁹.

Далее он разъяснил, что словаки не могут служить противовесом мадьярам ввиду недостаточности их экономической мощи и «интеллектуального развития». Что же касается румын, если бы они пришли к власти в Трансильвании, то даже несмотря на все сделанные им уступки, стремились бы к воссоединению с румынским королевством. Поэтому, по мнению Анд-

¹⁴⁸ *Kristóffy József*. Op. cit., 493. 1.

¹⁴⁹ «*Magyar Szemle*», XX. к. Вр., 1934, 388—396. 1.

раши, Габсбурги сами заинтересованы в сохранении мадьярской гегемонии в Венгрии и должны поддержать усилия Андраши в борьбе против всеобщего избирательного права и за введение в Венгрии плюрального права.

Несмотря на все красноречие Андраши, ему не удалось переубедить эрцгерцога, который заявил о своей решимости по всем правилам оформить свой официальный протест против конституционных гарантий. Для обоснования этого необычного шага Франц-Фердинанд выдвигал различные, отнюдь не лестные для царствовавшего монарха и оскорбительные для мадьяров версии. То он утверждал, что венгерские министры вырвали согласие Франца-Иосифа на утверждение конституционных гарантий, «приставив к его груди пистолет», когда он собирался уезжать на отдых в Ишл¹⁵⁰; то, рассказывая своему юристу Х. Ламмашу о беседе с Андраши, эрцгерцог, констатируя невеняемость императора, подчеркивал, что Франц-Иосиф одобрил проект Андраши в момент болезни, когда он был не в состоянии понять значение и важность своих поступков¹⁵¹. Подобными аргументами Францу-Фердинанду удалось склонить в пользу протеста и своего племянника, слабовольного эрцгерцога Карла-Франца-Иосифа — будущего (и последнего) императора из династии Габсбургов¹⁵².

Соответствующий документ был подписан 8 января 1908 г. в строжайшей тайне в присутствии министра иностранных дел Эренталя и двух приближенных Франца-Фердинанда (графа Клам-Мартиница и старшего гофмейстера)¹⁵³. Ссылаясь на то, что конституционные гарантии якобы «связывают государю руки в управлении страной и лишают его вообще всех прав», а также на то, что на императора было оказано давление, Франц-Фердинанд объявил их незаконными и недействительными. 15 января один экземпляр официального протеста был передан Эренталем на хранение в государственный архив, где и пролежал нераспечатанным до наших дней. Несомненно, что в случае прихода к власти Франца-Фердинанда этот документ приобрел бы практическое значение и стал источником новых осложнений между Венгрией и Австрией.

Урегулирование финансово-экономических, политических и юридических разногласий между Австрией и Венгрией способствовало временному укреплению дуалистической системы, ухудшило условия борьбы всех народов монархии за демократию и свободу, развязало руки австро-венгерскому империализму для внешнеполитических экспансий.

¹⁵⁰ Ibidem.

¹⁵¹ R. Kiszling. Op. cit., S. 105.

¹⁵² H. Lammasch. Aufzeichnungen, sein Wirken und seine Politik. Hrsg. von K. M. Lammasch und H. Sperl. Wien — Leipzig, 1922, S. 81.

¹⁵³ Kristóffy József. Op. cit., 423. l.

Спустя несколько дней (31 декабря 1907 г.) после утверждения экономического соглашения и конституционных гарантий генерал Конрад вручил императору меморандум, в котором настаивал на скорейшей аннексии Боснии и Герцеговины¹⁵⁴.

Через год правящие круги Австро-Венгрии отважились развязать всеевропейский кризис, присоединив к своей территории оккупированные турецкие провинции Боснию и Герцеговину и став тем самым на роковой путь, который закономерно привел их к Сараево.

Достигнутый компромисс не ликвидировал глубокие экономические и политические противоречия между господствующими классами Австрии и Венгрии. Скорее он стал возможным благодаря временному равновесию между противоположными интересами и теми общими интересами, которые прочно связывали австрийскую буржуазию и венгерские господствующие классы. И те, и другие были убеждены в необходимости объединенными усилиями остановить расшатывавшие устои монархии демократические и национальные устремления рабочего класса и всех трудящихся Австро-Венгрии¹⁵⁵.

Это равновесие сил и придавало монархии, несмотря на всю ее внутреннюю слабость, ту удивительную жизнеспособность, благодаря которой она преодолевала один кризис за другим до тех пор, пока не была сметена сокрушительной волной революции и военной катастрофой на полях первой мировой войны.

Компромиссное решение австро-венгерского конфликта не удовлетворило ни Австрию, ни тем более Венгрию. Венгерские промышленники не без основания считали, что соглашение «нисколько не способствовало экономическому развитию страны», а уступки, добытые правительством, имеют лишь «воображаемую ценность»¹⁵⁶.

Сам глава венгерского правительства, приложивший огромные усилия для одобрения парламентом этого соглашения, признавал, что оно налагает на страну тяжелое финансовое бремя, и призвал депутатов утвердить его во имя консолидации внутриполитического положения: «...В интересах уверенного руководства нашей национальной консолидацией и внутренними отношениями, с точки зрения всего нашего политического положения мы нуждаемся в мире, а не в борьбе...», — говорил Бекерле, выступая в парламенте¹⁵⁷.

¹⁵⁴ R. Neck. Der Protest Franz Ferdinands gegen die ungarischen Verfassungsgarantien von 1907.— «Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchiv», Bd. XI—XII. Wien, 1959, S. 433—436.

¹⁵⁵ T. M. Iszlamov. Op. cit., 33—34. l.

¹⁵⁶ Gratz Gusztáv. A dualizmus kora, II. k., 184, l.; OL, PM, TTJ.

¹⁵⁷ KN. 1906—1910. XIII, 23. l.

В день голосования в палате Векерле признал, что правительство «было вынуждено» принять австрийское требование о повышении квоты¹⁵⁸. Не удивительно, доносил русский консул из Будапешта, что «до последней минуты в здешних политических кругах опасались возникновения каких-либо осложнений. И без того весьма натянутые отношения между обеими частями монархии, в последнее время приняли особенно острый характер...»¹⁵⁹

Поводом для последнего инцидента послужила интерпелляция чешского депутата-клерикала Шиллингера, внесенная им во время обсуждения австрийским рейхсратом австро-венгерского соглашения. Несмотря на возражения барона Бека, резолюция Шиллингера была принята почти единодушно. Она осуждала преследование невенгерских национальностей в Венгрии и рекомендовала австрийскому кабинету обратить внимание венгерского правительства на недопустимость произвола в отношении прав мадьярских национальностей и необходимость соблюдения закона о национальностях 1868 года¹⁶⁰. Принятие подобной резолюции, как указывал глава австрийского кабинета, означало вмешательство во внутренние дела Венгрии¹⁶¹.

Желая подчеркнуть свою лояльность по отношению к венгерскому правительству, Бек в довольно резких выражениях осудил эту резолюцию. Более того, чтобы смягчить ответную реакцию Будапешта, он велел немедленно по телеграфу довести до сведения правительства Венгрии текст своей речи в палате. Получилось довольно удачное, с точки зрения австрийской реакции, разделение труда. С одной стороны, рейхсрат демонстрацией своего сочувствия невенгерским национальностям явно намекал на возможность их использования против Венгрии, а с другой — глава правительства своевременно отмежевался от этого шантажа.

Эта резолюция вызвала бурное негодование депутатов венгерского парламента и дала повод для новых, весьма резких по форме, антиавстрийских выступлений. Депутат Т. Баттяни от имени большинства осудил оскорбительное «для венгерской нации» вмешательство в ее внутренние дела и потребовал немедленного удовлетворения. Его возмутило упоминание председателем палаты депутатов рейхсрата Вайскирхеном «общей, единой монархии»: «...они смеют говорить, — восклицал Баттяни, — об единой монархии, имея в виду и Венгрию. Нам не известна

¹⁵⁸ KN, 1906—1910, XIV, 452, 1.

¹⁵⁹ АВПР, ф. Политархив, ед. хр. 581, 1907, л. 197. Донесение Штральборна от 22.XII 1907.

¹⁶⁰ «Stenographische Protocolle über die Sitzungen des Abgeordnetenhauses, XVIII. Session». Wien, 1907, S. 3643.

¹⁶¹ Ibid., S. 3570.

единая монархия, наши законы, утвержденные и освященные королем, не знают единой монархии...»¹⁶² Другой член венгерской палаты (А. Бозоки) заявил, что если нет мира в отношении между Австрией и Венгрией и нет надежды на его установление в ближайшее время, то «отпадает и мотив голосования за повышение квоты»¹⁶³.

Опасность отклонения соглашения была устранена благодаря общим условиям премьеров обеих стран. Бек официально выразил сожаление по поводу вмешательства рейхсрата во внутренние дела Венгрии, заявив о его некомпетентности, и обещал впредь не допускать подобных актов. Но заявление Бека не получило одобрения австрийского парламента и отнюдь не прекратило антимадьярские выступления в Австрии. В антивенгерской кампании, развернувшейся в Австрии во время переговоров, особую активность проявляла христианско-социальная партия, которая выступила с лозунгом: «Лучше экономическое отделение, чем дальнейшее позорное рабство». Такие же требования выдвинули ландтаги Силезии, Зальцбурга, Чехии, которые приняли резолюцию о немедленном разрыве экономических связей, если не удастся заключить с Венгрией «почетного» соглашения.

Комментируя эти события, русский дипломатический представитель в Вене приходил к выводу о непрочности австро-венгерского примирения: «В этом смысле эти бурные инциденты не лишены вообще значения, и ясно проявившееся при этом обоюдное нерасположение в обеих половинах монархии может служить предостережением для будущего»¹⁶⁴.

Несмотря на взаимную неприязнь, за несколько дней до истечения срока временного соглашения Селла — Кёрбера оба парламента одобрили все законопроекты, представленные на их рассмотрение, обеспечившие экономическую, да и не только экономическую общность монархии на последний десятилетний период ее существования. В канун Нового, 1908 г. (31 декабря 1907 г.), в письме, направленном Векерле по случаю его награждения орденом св. Иштвана, Франц-Иосиф с особым удовлетворением отмечал, что «после длительного периода снова удалось урегулировать дружественные отношения между обоими государствами монархии на прочной основе». Король выразил уверенность в том, что соглашение будет способствовать «усилению обоих государств и авторитету монархии»¹⁶⁵.

¹⁶² KN, XIV, 408—409. l.

¹⁶³ *Ibid.*, 454. l.

¹⁶⁴ АВПР, ф. Политархив, ед. хр. 581, 1907, л. 197.

¹⁶⁵ *J. Chr. Allmayer-Beck. Op. cit.*, S. 192.

КРАХ КОАЛИЦИОННОГО РЕЖИМА

Во второй половине 1906 г. и в течение 1907 г. происходила консолидация коалиционного режима. Экономика страны выходила из состояния застоя. Кривая конъюнктуры шла вверх, а безработицы — вниз. Последнее обстоятельство, впрочем, объяснялось не столько расширением промышленного производства, сколько большим отливом работоспособного населения из страны. В 1907 г. было зарегистрировано рекордное за всю венгерскую историю количество эмигрантов, свыше 200 тыс. преимущественно молодых крестьян, не найдя на родине применения своим силам, покинуло пределы страны в поисках работы и хлеба. Не без основания крупнейший венгерский поэт Эндре Ади назвал эмиграцию «убегающей революцией». Молодой, но уже авторитетный специалист венгерской социал-демократии по экономическим вопросам Енё (Евгений) Варга с тревогой писал о том, что гигантская по масштабам страны эмиграция, увлекшая из страны только за 10 лет (1900—1910) свыше полумиллиона человек, лишает социалистическое рабочее движение наиболее молодых, динамичных и энергичных кадров, которые должны были бы играть руководящую роль в партии и профсоюзах¹. Быстрое уменьшение численности резервной армии труда из-за массовой эмиграции рабочей силы, сдерживавшей в какой-то мере наступление капитала на жизненный уровень трудящихся, вызывало серьезную тревогу венгерской буржуазии. Не случайно на очередном пленарном заседании Союза венгерских промышленников этот вопрос занял едва ли не центральное место. Один из его руководителей Лорант Хегедюш заявил, что эмиграция не только задерживает развитие промышленности и строительство новых предприятий, но и причиняет существующим заводам, испытывающим недостаток в рабочей силе, значительные трудности. Союз обратился к своим

¹ «Die Neue Zeit» (Berlin), Bd. I, N 6, 1906, S. 169—177.

членам с просьбой высказать свои соображения о способах «уменьшения этой чрезвычайной национальной опасности».

Венгерская буржуазия отдавала себе отчет в невозможности и неосуществимости простого запрещения эмиграции в законодательном порядке, не без основания полагая, что такие меры могут еще более «отравить» отношения между рабочими и работодателями. Поэтому она надеялась ограничиться полумерами, никак не затрагивающими интересы предпринимателей.

Союз предложил правительству установить строгий контроль над деятельностью пароходной компании «Кунард Лайн», взявшей на откуп вербовку эмигрантов в Америку и перевозку их через порт Риека (Фиуме), ограничить число рейсов, отменить наиболее несправедливые, задевающие рабочих и мелких хозяев налоги. Желая воспользоваться эмиграцией для расширения протекционистской политики правительства, союз требовал поощрения промышленного предпринимательства и устранения всяких препятствий и пут, сковывавших развитие производства².

В июне 1907 г. Союз венгерских промышленников созвал по этому поводу специальную конференцию под председательством одного из ведущих капитанов венгерской индустрии Ференца Хорина. Эта конференция, между прочим, послужила поводом для резких нападок на позицию коалиционного кабинета, отдававшего явное предпочтение интересам крупного землевладения, причем нередко в ущерб промышленному капиталу. Большинство участников конференции видело причины эмиграции в экономических, социальных и даже политических условиях страны. Нашлись делегаты, которые обвинили правительство в проведении «реакционной внутренней политики», в ограничении свободы собраний и объединений и даже потребовали, хотя и робко, введения всеобщего избирательного права. Назывались и более конкретные экономические причины эмиграции: слабое развитие промышленности, низкая зарплата, господство латифундий, несправедливая налоговая система, злоупотребления администрации, произвол местных властей и т. д.³

В эмиграционном вопросе с особой отчетливостью проявилась противоположность интересов буржуазии и помещиков. Верхушка буржуазии отдавала себе отчет в том, что проблеме «эмиграции рабочих семей наиболее радикально можно было бы решить удовлетворением земельного голода нашего народа, так как вследствие чрезмерной гипертрофии латифундий рабочим семьям буквально закрыт доступ к приобретению земли для поселения». Поэтому союз предлагал ограничить право рас-

² РН, 23.IV 1907.

³ Ibidem.

ширения владений «мертвой руки», ликвидировать латифундии в горных провинциях, парцеллировать некоторые казенные земельные фонды, чтобы выделить мелкие участки для рабочих и крестьянских семей.

Все предлагаемые меры по сокращению эмиграции могли быть осуществлены в основном за счет помещиков, поэтому они не встречали особых возражений со стороны представителей промышленной буржуазии. Но стоило одному из делегатов намекнуть на необходимость увеличения заработной платы рабочих, улучшения материального и культурного их уровня и на желательность уступок организациям рабочего класса, как настроение собрания сразу изменилось. Председательствующий Ф. Хорин обрушился с резкими нападками на руководителей социал-демократии за то, что они изображают «работодателей», т. е. капиталистов, «эксплуататорами и угнетателями», за то, что они, не считаясь с возможностями промышленности, выдвигают невыполнимые требования. Аплодисментами было встречено заявление оратора о том, что предприниматели могут иметь дело с социал-демократической партией и профсоюзами лишь в том случае, если в их политике и пропаганде «нынешний тон ненависти уступит место более умеренному взгляду»⁴.

Таким образом конференция промышленников выявила наряду с расхождением позиций помещиков и буржуазии глубокую пропасть между интересами рабочего класса и буржуазии. Хотя венгерские предприниматели и создавали, что эмиграция и происходившая в стране «тихая революция» могут быть прекращены лишь преобразованием экономики и перераспределением земельной собственности, тем не менее они не были в достаточной мере политически организованы, чтобы проводить или, вернее, иметь решимость действовать наперекор желанию и воле могущественной землевладельческой аристократии. Если буржуазия и предпринимала шаги для усиления собственной организованности, то лишь с целью противостоять растущему движению пролетариата, а не для того, чтобы лишить власти помещиков, в союзе с которыми она нуждалась для борьбы с рабочим классом. Венгерская буржуазия не желала и боялась остаться без помощи и поддержки класса помещиков, один на один со своим основным противником — рабочим классом. Вот почему, целиком передоверив управление страны помещикам, она не сделала сколько-нибудь серьезных попыток к созданию собственной партии. Руководство партиями коалиции, стоявшей у власти и представлявшей также интересы буржуазии, почти целиком находилось в руках помещиков.

⁴ РН, 23.VI 1907.

Внутренняя политика коалиционного кабинета

Ликвидация конфликта с династией и постепенное урегулирование отношений с Австрией позволило правящим классам организовать широкое наступление на экономические и политические завоевания трудящихся. Однако несмотря на спад массовых выступлений, правительство остерегалось предпринимать чересчур прямолинейные действия в борьбе против рабочего движения. Преследуя социалистические организации и, пытаясь в то же время оставаться на почве «законности», власти часто обосновывали свои действия «нарушением», чаще мнимым, чем действительным, официальных уставов этих организаций.

Лидеры коалиции хорошо понимали, что причины, вызвавшие опасные взрывы социального возмущения низов в 1905—1906 гг., далеко не устранены. Именно поэтому внутренняя политика коалиции носила отпечаток некоторой двойственности, которая ярко проявилась в ее социальном законодательстве и экономических мероприятиях. «Мы ходим по клокочущему вулкану», — писал официоз партии независимости газета «Будапешт», напоминая о пожаре крестьянских восстаний, охватившем соседнюю Румынию. Сравнивая положение в Венгрии с ситуацией, сложившейся во Франции накануне революции, газета заклинала правителей страны «вернуть себе доверие народа... Необходимо действовать сегодня, ибо завтра уже будет поздно»⁵.

Социальное законодательство коалиции, широко разрекламированное в печати и с парламентской трибуны как средство «модернизации» венгерского государства по образцу западных демократий, содержало в себе известный элемент уступок народным низам. Наиболее характерный пример этой политики «кнута и пряника» — принятый Государственным собранием в 1907 г. закон о рабочем страховании. То, что этот закон сделал страхование обязательным, было несомненной уступкой пролетариату, который боролся за это на протяжении полутора десятков лет. Положительным в нем было также создание единой и централизованной системы страхования от болезни и несчастных случаев. Однако помимо того, что средства, выделяемые для страхования, были ничтожно малы — рабочие называли этот закон не иначе, как «законом милостыни», — новый закон урезывал права пролетариата в страховых учреждениях тем, что вводил паритетный принцип представительства. Если раньше эти учреждения состояли на $\frac{2}{3}$ из рабочих и лишь на $\frac{1}{3}$ из предпринимателей, то теперь обе стороны должны были иметь равное число представителей. Кроме того, страхование,

⁵ РН, 18.IV 1907.

и деятельность страховых учреждений, практически были поставлены под контроль государства, являвшегося орудием классового господства буржуазии и помещиков.

Другой законодательный акт коалиции (так называемая «железнодорожная прагматика») под предлогом «упорядочения» заработной платы и уточнения статута служащих и рабочих железнодорожного транспорта объявил их состоящими на государственной службе. Этот закон, метко прозванный железнодорожниками «законом о кандалах», сделал практически невозможной не только политическую, но и экономическую борьбу работников транспорта, лишив их права на создание легальных организаций.

Оба эти закона, а также «рабский закон» о батраках были продиктованы стремлением ослабить остроту классовой борьбы угнетенных классов, надеждой подорвать растущее влияние социал-демократической партии в массах⁶. Законодательные акты коалиции явились своеобразным дополнением той политики преследований рабочих организаций, которая проводилась полицией и властями.

Преследование венгерских национальностей

Потерпев неудачу в попытках расширить национальные права Венгрии за счет короны или Австрии, коалиция решила укрепить свой пошатнувшийся авторитет путем утверждения мадьярской гегемонии в пределах Венгерского королевства. Вся сила неудовлетворенного честолюбия тщеславных лидеров «национальной коалиции» обратилась против беззащитных по существу национальностей Венгрии. Славянские и румынский народы сделались жертвами просчетов правительства в «большой политической игре» с Веной.

Весной 1907 г. кабинет внес в палату два законопроекта — Аппони о «народных школах» и Ф. Кошута о «служебном уставе железных дорог». Непосредственным поводом разработки первого проекта, получившего название закон Аппони, явилось повсеместно усилившееся во второй половине 1906 г. недовольство учителей низкой оплатой труда. Многие из них грозились примкнуть к социал-демократической партии и вести в школе пропаганду идей социализма⁷. Повышение жалования, имевшее целью затруднение социалистической агитации среди учителей,

⁶ РН, 7.IV 1907.

⁷ J. Dolmányos. Kritik der Lex Apponyi.— «Die nationale Frage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. 1900—1918». Вр., 1966, S. 236—237.

играло, однако, подчиненную роль в системе мер, задуманных венгерскими шовинистами.

Главной задачей законопроекта министра просвещения Аппони была насильственная мадьяризация невенгерского населения страны. Школьная политика правительства Венгрии издавна служила целям мадьяризации, однако, несмотря на все усилия она не приносила ощутимых результатов. Причина этого заключалась в том, что и в начале XX в. просвещение продолжало оставаться по существу монополией церкви. Во всей Венгрии лишь 12,1% школ принадлежало государству, остальные же находились в ведении церковью (77,3%) и общин (8,8%)⁸.

Законопроект Аппони предусматривал установление верховного контроля государства над всеми школами, независимо от того, кем они содержались. Мало того, правительству было нужно найти эффективное средство постоянного вмешательства в дела негосударственных школ. И оно было найдено. Было решено установить новый, значительно более высокий, уровень жалованья учителям — 1000—1200 вместо прежних 600—800 крон.

Такая щедрость правительства объяснялась не столько заботой об улучшении материального положения учителей. Закон, принятый по проекту Аппони, обязывал повысить зарплату учителям всех школ, включая церковные и общинные. В случае невыполнения этого положения он ставил школьные власти перед дилеммой: или закрыть школу или же обратиться за финансовой поддержкой к министерству просвещения. Последнее означало, однако, не только чисто финансовую зависимость от правительства, ибо согласно другому параграфу этого же закона государственной помощью могли пользоваться лишь те школы, где обучение велось по программе и учебникам, разработанным и утвержденным министерством. Кроме того, преподавание таких предметов, как венгерский язык, история, география, арифметика и гражданское право должно было проводиться на мадьярском языке.

Это был точно рассчитанный удар, грозивший поставить на службу политике мадьяризации сотни школ невенгерских народов. К тому же в любой школе, независимо от того, кому она принадлежала, следовало перейти к обучению на мадьярском языке, если родным языком более 20% учащихся считался венгерский. Еще более тяжким покушением на права национальностей был параграф о том, чтобы ученики невенгерских школ по окончании четырех классов начальной школы «умели ясно излагать свои мысли в письменной и устной форме на венгерском языке»⁹. Словом «ясно» было заменено еще более абсурд-

⁸ MSiK, XXXI, 30. 1.

⁹ CJH, 1907, 357—394. 1.

ное требование первоначального проекта, содержащее слово «бегло». Во время обсуждения законопроекта в совете министров было решено отказаться от этого бессмысленного, практически невыполнимого, а в политическом отношении провокационного требования¹⁰.

Венгерские законодатели позаботились не только о принудительном изучении и обучении на мадьярском языке. Одной языковой мадьяризации им было мало. Не меньшее, если не большее значение они придавали «патриотическому» воспитанию подрастающего поколения. Закон Аппони предписывал всем школам и каждому учителю воспитывать у детей «чувства привязанности к мадьярскому отечеству и сознание принадлежности к венгерской нации» независимо от национального происхождения.

Этим «патриотическим духом» должны были быть пронизаны не только учебные планы и учебники. Он должен был иметь вполне конкретное выражение в виде венгерских флагов и гербов, которые закон предписывал вывешивать у входа в каждую школу и в каждом классе. Тот же закон предусматривал применение дисциплинарных взысканий против учителей за нарушение того или иного параграфа, а также за проступки, направленные против государства, конституции, против единства, территориальной целостности и независимости Венгрии, за подстрекательство против общественных классов, религий, частной собственности¹¹.

Законопроект Аппони вызвал справедливое возмущение невенгерских народов. Против него протестовали и видные сановники церкви, особенно православной и униатской церквей румын и сербов. Однако церковников беспокоило не столько нарушение прав национальностей, сколько ущемление автономии церкви. В различных городах Трансильвании и Баната, Бачки и Словакии состоялись митинги и демонстрации протеста.

Движение протеста национальностей не нашло должного отклика и поддержки со стороны демократических и либеральных элементов венгерского общества. Венгерская социал-демократия по существу уклонилась от борьбы против законов Аппони. Социалистическая печать, хотя и осуждала национальную политику правительства, не придавала сколько-нибудь серьезного значения мадьяризаторским устремлениям господствующих классов. Социалисты видели в школьных законах главным образом инструмент клерикализма, а не вопиющее нарушение национальных прав невенгерских народов.

Практическим следствием проведения в жизнь школьных законов Аппони явилось резкое сокращение национальных школ.

¹⁰ OL, MTJ, 1907-8-4.

¹¹ СЖН, 1908, 357—394. 1

С 1907 по 1911 г. было закрыто 459 румынских школ (из 2760), число учителей-румын за это же время сократилось с 3286 до 2858. В 1907 г. в государственных школах, где преподавание велось на венгерском языке, обучалось только 35 тыс. румынских детей (т. е. 15,6%), а в 1911 г. уже 56 тыс.¹², т. е. 24,6%.

Венгерские шовинисты с восторгом встретили школьные реформы Аппони. Радость их омрачало лишь то, что эти законы не имели силы на территории Хорватии. Этот досадный, с их точки зрения, пробел должен был в известной мере восполнить законопроект министра торговли Ф. Кошута об уставе железных дорог. Упомянутая выше «железнодорожная прагматика» имела не только антисоциалистическую направленность. Она содержала параграф, который предписывал государственным железным дорогам принимать на службу только лиц, владеющих мадьярским языком, причем действие нового закона распространялось на всю территорию Венгерского королевства, т. е. и на автономную Хорватию.

Хорватские депутаты венгерского парламента тщетно протестовали, справедливо указывая, что устав противоречит букве и духу венгеро-хорватского соглашения от 1868 г. Видя бесплодность ссылок на конституцию и законы, они прибегли к обструкции. Однако венгерское большинство палаты, опять-таки в нарушение конституции, уполномочило министерство ввести в действие устав простым правительственным декретом, не дожидаясь официального одобрения парламента. В ответ хорватские депутаты покинули Будапешт, а правительство Хорватии во главе с баном подало в отставку. Попытка распространения мадьяризации на Хорватию положила начало острому и длительному политическому кризису в этой стране.

Прямым следствием агрессивной политики коалиции в национальном вопросе и нагнетания шовинистических настроений явилось массовое избиение словацких крестьян в Чернове. Расстрел безоружной толпы венгерскими жандармами в октябре 1907 г. вызвал возмущение и гнев не только венгерской, но и европейской общественности. Поводом для зверской расправы, учиненной венгерскими жандармами над мирными жителями Черновы, послужило освящение новой церкви, построенной на средства местного населения. В злодейском убийстве 15 словацких крестьян были повинны не только местные власти, но и провокационное поведение католического епископа. Несмотря на неоднократные и настойчивые просьбы жителей деревни и священника Глинки, сепешский епископ запретил последнему участвовать в освящении церкви и прислал нового пастора. Более того, зная о возбужденном настроении крестьян, он вы-

¹² *Dolmányos István. Lex Apponyi.— Sz, 1967, N 1-2, 1556. 1.*

звал в деревню отряд жандармов. В тот момент, когда возмущенные крестьяне преградили путь новому священнику и его свите, жандармы, не колеблясь, открыли огонь по толпе собравшихся у церкви крестьян. Ни убийцы, ни их подстрекатели в сутанах не понесли никакого наказания, наоборот, они удостоились похвалы за «патриотизм» и «образцовое выполнение служебного долга». Не довольствуясь десятками убитых и раненых, венгерское правосудие возбудило дело о мятеже против крестьян Черновы и приговорило 59 человек к тюремному заключению¹³.

Подготовка массовой политической стачки

Уже в первой половине 1907 г. массовое движение в стране шло явно на убыль. Стаечное движение городского и сельского пролетариата потеряло свою былую мощь, размах и наступательный дух. Уменьшились, по сравнению с двумя предыдущими годами, количество забастовок и число их участников, значительно более частыми стали случаи массовых увольнений и локаутов. Ослабление экономической борьбы в 1907 г. сказалось и на политической активности рабочего класса. Социалистическое рабочее движение, равно как и социал-демократическая партия и профсоюзы, переживали тяжелые времена¹⁴. Новая обстановка, создавшаяся в стране в результате прихода к власти коалиции, требовала от партии критического пересмотра старой тактики и старой стратегии, оказавшихся малоэффективными в прошлом и совершенно непригодными в новых условиях.

Социал-демократическое руководство, все еще ожидая выполнения правительством его обещания о введении всеобщего избирательного права, не решалось организовать энергичные акции против коалиционного режима. Тактика выжидания дорого стоила рабочему движению. Оппортунистические лидеры отвергли настойчивые требования рядовых членов партии и местных профсоюзных организаций, подвергшихся преследованиям властей, о подготовке и проведении массовой политической забастовки. Они ссылались на то, что правительство преднамеренно провоцирует пролетариат на выступление, чтобы одним ударом расправиться с партией и профсоюзами.

Между тем необходимость всеобщей стачки с каждым днем становилась все очевидней. 28 января 1907 г. состоялось тайное совещание корпуса доверенных лиц, на котором были представ-

¹³ OL, IM, 1808-x-1000.

¹⁴ См. подробнее Т. М. Islamov. Die Ungarländische Arbeiterbewegung zur Zeit der Koalitionsregierung (1907—1909).— АН. 16. 1970. 105—150. 1.

лены все политические и профессиональные организации пролетариата. На совещании было решено провести 15 мая или 15 июня всеобщую политическую стачку. Против резолюции голосовали три члена ЦК партии. Руководителям первичных организаций было поручено провести соответствующую подготовку, выяснить возможное число участников забастовки, а партийному руководству издать 3 млн. листовок на различных языках¹⁵.

Но и это решение наиболее представительного после съезда форума социал-демократии осталось на бумаге. Не удивительно, что XIV съезд партии, состоявшийся 31 марта — 2 апреля 1907 г., стал ареной ожесточенной схватки недовольных оппортунистической политикой элементов с руководством партии. Критикуя выжидательную тактику руководства, многие делегаты от имени своих организаций заявляли, что пролетариат Венгрии готов в любой момент объявить всеобщую стачку, но руководители всячески уклоняются от более или менее радикальных действий. В обстановке разгула террора и неприкрытых преследований, направленных против рабочего класса, газета «Непсава» проповедует мирный путь развития и уважение к законам, «к тем законам, которые преследуют партийное движение», — говорил в своем выступлении делегат Кошицы¹⁶.

Развернутую критику оппортунистической политики партийного руководства содержали выступления видных деятелей левой оппозиции Енё Ласло и Бела Ваго. Они охарактеризовали деятельность ЦК как «бесплановую, непродуктивную, бесплодную и бесцельную». Ласло упрекал лидеров партии за то, что они не оказывали должного внимания и помощи местным организациям, в частности и особенности социалистическому движению среди румынских и сербских рабочих¹⁷.

Бела Ваго предлагал расширить фронт борьбы за всеобщее избирательное право путем привлечения к нему национальных партий невенгерских народов и развертывания широкой агитации за образование самостоятельной таможенной территории Венгрии.

Левая оппозиция поставила два чрезвычайно важных для венгерского социалистического движения вопроса: о создании самостоятельных политических, т. е. партийных организаций, и о разработке аграрной программы. Съезд поручил руководству партии приступить к строительству территориальных партийных организаций, опираясь на уличную и домашнюю агитацию и представить очередному съезду проект временной аграрной программы.

¹⁵ PI Arch. BpF, 1907—29. res.; OL. BM, res. 1907—58.

¹⁶ MSzPJ, XIV, 1907, 114. l.

¹⁷ Ibid., 123, 126. l.; MSzM, 1907, 299. l.

Некоторого успеха оппозиция добилась при выборах руководящих органов партии. Съезд забаллотировал некоторых видных деятелей. Но пришедшие им на смену люди не имели ни достаточного опыта партийной работы, ни должного авторитета, чтобы проводить самостоятельную политику. Временно устраненные из ЦК старые лидеры сумели сохранить свои позиции в партии.

После съезда вновь оживилась политическая борьба пролетариата. Особенно этому способствовала блестящая победа австрийской социал-демократии на выборах в рейхсрат в мае 1907 г. после введения в Австрии всеобщего избирательного права. Успех австрийской социал-демократии на выборах в рейхсрат вызвал необычайное воодушевление среди венгерских рабочих и смятение буржуазных кругов, опасавшихся, что результаты австрийских выборов окажут «большое влияние на дальнейшее развитие событий в Венгрии»¹⁸.

Буржуазная печать считала вполне вероятным возобновление массовых акций венгерского пролетариата в пользу всеобщего избирательного права при поддержке австрийской социал-демократии. Венский корреспондент будапештской буржуазной газеты «Эдетертеш» («Согласие») сообщал о совещании лидеров социал-демократических партий обеих стран, обсуждавших тактику совместных действий. Австрийские лидеры обещали бороться в рейхсрате против заключения экономического соглашения с таким венгерским правительством, которое не имеет за собой парламентского большинства, избранного на основе всеобщего избирательного права, и оказать полную поддержку «акции огромных масштабов», которую начнет венгерская социал-демократия в июне 1907 г.¹⁹

Все это ускорило летом 1907 г. подготовку всеобщей забастовки. Прелюдией к ней должны были служить организованные венгерскими социал-демократами в конце июня собрания и митинги, на повестке дня которых стоял, как правило, вопрос: «Австрийское избирательное право и венгерский парламент»²⁰.

В резолюциях митингов и демонстраций, созданных социал-демократией, подчеркивалось, что сигнал к успешной борьбе австрийских рабочих за избирательную реформу был дан движением венгерского пролетариата за всеобщее избирательное право в 1905 г. Резолюции осуждали антирабочие мероприятия правительства и требовали немедленного представления парламенту проекта закона о всеобщем избирательном праве²¹.

¹⁸ «Egyetértés», 22.X 1907.

¹⁹ «Egyetértés», 21.V 1907.

²⁰ FL, BpF, 1907-32-1064. res.

²¹ Ibidem.

Во многих местах рабочие выступали за применение революционных методов борьбы. Руководитель братиславской социал-демократической организации Виттих, активно критиковавший реформистских лидеров на съезде, 27 мая на собрании в Братиславе призвал рабочих во имя завоевания избирательных прав «выйти на улицу, разобрать мостовую, воздвигнуть баррикады и показать, что они не боятся ни полицейской пули, ни жандармских штыков, показать, что рабочие имеют достаточно сил, чтобы стереть с лица земли господствующую клику»²². В этот день после окончания собрания на улицах Братиславы произошли столкновения рабочих с полицейскими. Виттих и несколько других социалистов были арестованы²³.

Одно за другим проходили собрания и митинги, участники которых заявляли о своей решимости добиваться политических прав и защиты своих организаций любыми средствами, включая массовую политическую забастовку. В городе Велики Бечкерек рабочие, руководимые видным сербским социалистом Тушановичем, 27 мая устроили митинг, на повестке дня которого стоял вопрос: выборы в Австрии и венгерское Государственное собрание. В принятой резолюции говорилось о необходимости решительной борьбы за всеобщее избирательное право²⁴. В июне движение приняло еще более широкий размах.

Несмотря на горькие уроки 1906 г., социал-демократические вожди продолжали возлагать большие надежды на помощь и содействие венского двора, в особенности Франца-Иосифа.

В начале лета представился весьма подходящий случай для проявления верноподданнических чувств оппортунистов. Поводом послужил приезд Франца-Иосифа в Будапешт на торжества, посвященные 40-й годовщине коронации его венгерским королем (в 1867 г.). В этот день социал-демократическое руководство превзошло в своем рвении монархистов всех оттенков. Для встречи короля оно вывело на улицы столицы 40 тыс. организованных рабочих. Из рядов демонстрантов то и дело раздавались возгласы: «Да здравствует король!» и даже: «Да здравствует народный король!»²⁵. «На улицах царили образцовый порядок и спокойствие», — писала венская газета. Единение монарха с «народом» было полным. Пышная встреча, равно как и здравицы в честь «народного короля», были не стихийным выражением чувств масс, а тщательно продуманной и подготовленной социал-демократическими лидерами инсценировкой.

Все их усилия были направлены на то, чтобы отделить Франца-Иосифа от венгерской олигархии, изобразить его непо-

²² OL, K, 1909-IV-879.

²³ N, 30.V 1907.

²⁴ «Narodni Glas» (Br.), 30.V 1907.

²⁵ N, 7.VI 1907.

колебимым сторонником всеобщего избирательного права и свалить всю вину за отсутствие такового на коалицию. В день приезда Франца-Иосифа газета «Непсава» писала: «Господствующие классы ради своих привилегий хотят использовать короля против народа. Поэтому сегодня народ вышел на улицу, чтобы король увидел и услышал, что народ не позволит использовать себя против короля... Всем известно, что король желает осуществления всеобщего тайного избирательного права. Но все знают, что этого не хочет королевское правительство»²⁶.

Реформисты использовали доверие социал-демократических рабочих к своей партии, их искреннее стремление к демократической избирательной реформе, чтобы придать демонстрации монархический характер. Газета независимой социалистической партии И. Варкони «Фёльдмивелё» («Земледелец»), резко осудившая эту унижительную для революционеров затею как «позорное пятно в истории венгерской социал-демократии», возложила всю вину за «вредный и опасный» для социалистического движения «проступок» непосредственно на центральное руководство партии²⁷. В ответ на критические выступления реформистское руководство утверждало, что проблема всеобщего избирательного права «создает тесную общность интересов господаря и рабочего класса» и что так как король и пролетариат в равной мере заинтересованы в осуществлении современных социально-политических реформ, между ними в течение длительного времени не будет никаких противоречий²⁸.

Противники этого откровенного «монархосоциализма» тщетно доказывали непримиримую противоположность интересов пролетариата и габсбургской династии. Автор одной из критических статей напоминал, что все антинародные и антирабочие законы, принятые венгерским парламентом в 1906—1907 гг., были одобрены тем самым Францем-Иосифом, которого так восхваляют руководители социал-демократии. Автор резонно замечал, что королю нужны деньги и солдаты, а не всеобщее избирательное право. И если во время политического кризиса 1905—1906 гг. он и носился с этой идеей, то лишь для того, чтобы держать в узде оппозиционное дворянство. Нельзя заставлять венгерских рабочих таскать каштаны для короля. Пролетариат и его партия должны проводить самостоятельную классовую политику, а не предаваться опасным иллюзиям насчет помощи династии — таково было требование всех, кого волновала судьба социалистического движения в Венгрии²⁹.

²⁶ Ibidem.

²⁷ «Földmívelő», 14.VI 1907.

²⁸ N, 5.IX 1907.

²⁹ Ibidem.

Летом 1907 г. движение за реформу избирательного права приняло еще более широкий размах. Дело чуть было не дошло до преждевременного объявления всеобщей забастовки. В первых числах июня министр внутренних дел Андраши отдал распоряжение распустить союз каменщиков. Как только об этом стало известно, в Будапеште собрались на тайное совещание 285 представителей 79 профессиональных организаций. Большинство из них потребовало немедленно объявить стачку. Однако руководители наиболее крупных союзов заявили, что она может охватить всю страну и превратиться во всеобщую забастовку, к которой рабочий класс еще не готов³⁰.

Большинство участников совещания, особенно делегаты рабочих Будапешта, все же продолжали настаивать на немедленном объявлении забастовки. Лишь с большим трудом руководителям удалось удержать рабочих от этого шага. Совещание осудило грубый произвол властей и заявило, что распущенный союз будет немедленно восстановлен как «свободная организация». Одновременно оно указало, что непосредственной целью этого акта правительства является попытка спровоцировать рабочих на преждевременное выступление.

Под давлением революционно настроенных рабочих в резолюцию было включено следующее важное положение: рабочий класс убежден в неизбежности борьбы, которую можно довести до конца лишь с помощью самых крайних средств и прежде всего массовой стачки. Участники совещания призвали пролетариат всей страны быть готовым в любой момент заменить распущенные союзы «свободными организациями», развернуть по всей стране движение за создание системы доверенных лиц на базе уличной и домашней агитации³¹.

С этого времени политическая борьба пролетариата Венгрии была подчинена одной цели — подготовке и проведению массовой политической забастовки. В сентябре 1907 г. движение вступило в решающую стадию. «По всей стране идет агитация. Один за другим союзы присоединяются ко всеобщей стачке. И в провинции повсюду идет подготовка к забастовке», — писала в эти дни одна из буржуазных газет³². Уже к концу сентября о своей готовности объявить стачку заявили рабочие 80 городов и поселков³³. 10 сентября социал-демократическая партия обнародовала манифест, в котором призвала народ Венгрии в день открытия осенней сессии парламента 10 октября прекратить работу по всей стране. Правительственные чиновни-

³⁰ РН, 12.VI 1907.

³¹ «Világszabadság», 15.VI 1907.

³² «Az Ujság», 12.X 1907.

³³ «Az Ujság», 26.IX 1907.

ки объясняли это решение «недовольством масс руководителями, особенно старыми»³⁴.

Огромный размах движения не на шутку встревожил господствующие классы, опасавшиеся волнений и беспорядков в Будапеште, Тимишоаре, Клуже, Араде, Орадя, Брашове, Лугоже, Сату-Маре, Кошице, Петрошени, Хунедоаре, Бекешчабе, Сегеде. Властям рекомендовалось держать под неусыпным наблюдением промышленные предприятия, рудники и шахты, особенно там, где имелись «поселения национальностей» и где хранились запасы динамита³⁵.

По инициативе лидера партии независимости и министра торговли Ф. Кошута венгерское правительство приняло все меры предосторожности, чтобы ослабить эффективность всеобщей стачки. 23 сентября Кошут обратился к премьер-министру, министру внутренних дел и министру финансов с предложением в официальном порядке запретить участие в намеченной забастовке рабочим всех государственных предприятий, включая государственные железные дороги, и дать соответствующие инструкции полиции и жандармерии о предотвращении «столкновений и беспорядков».

В тот же день Кошут направил дирекции венгерских железных дорог следующее распоряжение: «Ни при каких обстоятельствах я не могу допустить участия в такой акции (всеобщей забастовке.— *Т. И.*) служащих и рабочих государственных железных дорог». Ссылаясь на устав железных дорог от 1907 г., министр поручил администрации предупредить рабочих и служащих, что в случае участия в забастовке все они немедленно будут уволены³⁶. Такая необычайная «твердость» обычно нерешительного министра торговли поразила хорошо знавших его коллег.

В письме к своему брату Тодору от 12 октября Кошут хвастался: «...я показал своим коллегам-министрам, что если нужно, если повелевают долг и интересы родины, я могу быть каменным. Новый случай к тому представился, когда к величайшему ужасу министра внутренних дел я запретил участие 90 тыс. железнодорожников в забастовке 10 октября... Векерле и Андраши пытались уговорить меня отказаться от этого шага, но тщетно... Ибо наступил момент, когда надо было усмирить распоясавшихся, теперь или никогда. Мои строгие распоряжения имели блестящий успех, число непослушных было ничтожным, их мы и выбросили»³⁷.

³⁴ OL, PM, 1907-10.

³⁵ Ibidem.

³⁶ PI Arch., VM eln. 1907-774. res.

³⁷ OL Kgy, II, u. 10, 1850—1923, 12.X 1907.

Кошут, однако, напрасно старался приписать все заслуги преследования рабочих собственной персоне. Другие министры нисколько не отставали от него в усердии и изобретательности. Циркуляр, разосланный министром внутренних дел Андраши в середине сентября всем местным органам власти, обязывал их незамедлительно принять меры для предотвращения и прекращения «крупных беспорядков, подготовленных социал-демократическими руководителями». Намеченную на 10 октября всеобщую забастовку министр характеризовал «как террористический акт против суверенности парламента» и приказывал властям употребить «все законные средства» для сохранения мира и порядка. Он намекал на «желательность» запрещения собраний, поскольку они усиливают возбуждение и недовольство: Особые меры предосторожности Андраши рекомендовал принять в тех местах, где сконцентрированы большие массы рабочих и где наблюдается агитация профсоюзов. В таких местах, по его мнению, следует объединить усилия органов власти, полиции, жандармерии, а также администрации крупных промышленных предприятий. Все они обязаны находиться в постоянном контакте и действовать сообща на основе единого плана³⁸.

Ни одно выступление венгерского пролетариата за всю историю существования социалистического движения не вызывало столь обширных приготовлений со стороны буржуазии и государственного аппарата, как массовая политическая забастовка 10 октября 1907 г. Полиция и жандармы были приведены в состояние полной боевой готовности³⁹. Из крупных промышленных центров поступали просьбы о присылке новых подкреплений.

Начальник полиции Печского угольного бассейна, рабочие которого издавна славились революционным настроением и боевым духом, еще 27 сентября получил подкрепления. 7 октября, т. е. за три дня до начала решающих событий, он вновь обратился в Будапешт с просьбой прислать отряд войск, ссылаясь на то, что «рабочие готовятся к серьезным акциям»⁴⁰.

9 октября начальник полицейского управления венгерской столицы опубликовал распоряжение, запрещающее демонстрантам нести красные флаги и плакаты «с оскорбительными надписями», а также выкрикивать лозунги, направленные против короля, правительства и классов⁴¹. Но уже никакими силами невозможно было остановить рабочих.

³⁸ PI Arch. BM eln. 1907-770, res.

³⁹ «Budapest», 8.X 1907.

⁴⁰ Pécsi áll. lvt. Polgm. eln. 1907-43-47.

⁴¹ BH, 9.X 1907.

«Красный четверг» 10 октября 1907 г.

С раннего утра 10 октября из всех промышленных окраин столицы в городской парк начали стекаться многолюдные группы рабочих. Построившись в колонны, они направились к парламенту. Это была внушительная не только по размаху, но и по строгой дисциплинированности демонстрация. Несмотря на усиленные наряды войск и полиции, подлинным хозяином столицы в этот день был рабочий класс. Вопреки предупреждениям полицейского начальника, в колоннах демонстрантов преобладал красный цвет. На огромных плакатах и транспарантах, которые несли демонстранты, красными буквами были начертаны лозунги: «Да здравствует всеобщее избирательное право!», «Долой классовое господство!», «Нет родины без прав!»; красными были ленточки, украшавшие шапки мужчин.

Особый колорит колонне придавали ярко-красного цвета платья девушек и красные шапки рабочих газовых заводов. Сто тысячная армия пролетариев шествовала по аристократическим и буржуазным кварталам Будапешта, распевая «Марсельезу» и другие революционные песни⁴². Полиция, ожидавшая, что в стачке примут участие максимум 20—25 тыс. человек⁴³, была достаточно благоразумна, чтобы воздержаться от всяких попыток вмешательства.

Делегация социал-демократической партии во главе с Д. Бокани явилась в парламент, чтобы от имени пролетариата Венгрии потребовать скорейшего введения всеобщего избирательного права. Она была принята председателем палаты депутатов Д. Юштом. Выслушав представителей рабочих, он в весьма резких тонах высказался против попытки посредством массовой стачки оказать давление на Государственное собрание, «стоящее над классами», которое будет решать вопрос об избирательной реформе не в пользу какого-то отдельного класса, а в общих интересах «всей родины». Словозвержение Юшта превало замечание Бокани: «Все это звучит красиво, но это неправда!» Далее последовала резкая перепалка между депутатами, сопровождавшими Юшта, и социалистами.

Весть о грубом обращении с делегацией вызвала возмущение рабочих. В рядах демонстрантов раздавались негодующие возгласы: «Долой коалицию, обманывающую народ!», «Долой черную банду феодалов!». Социал-демократическим лидерам пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы успокоить рабочих.

Многолюдные демонстрации и стачки состоялись в этот день

⁴² N, 11.X 1907; PI Arch., Szántó Béla visszaemlékezései. Kézirat, 89—90. l.

⁴³ «Budapest», 4.X 1907.

в Пече и Тимишоаре (по 20 тыс. рабочих), Риэке (18 тыс.), Братиславе (12 тыс.), Дебрецене (10 тыс.) и т. д.⁴⁴ Даже по официальным данным, во всеобщей забастовке приняли участие почти 200 тыс. рабочих⁴⁵.

В день «красного четверга» весь многонациональный пролетариат Венгрии продемонстрировал высокую организованность, возросшую классовую сознательность, способность и готовность к революционному действию. В этом состояло важнейшее значение событий 10 октября. С этим фактом вынуждена была считаться и буржуазная печать, обычно игнорировавшая социалистическое движение.

В статье с многозначительным названием «Пробная война» одна из газет правящего лагеря писала, что, хотя всеобщая забастовка не произвела особого впечатления ни на буржуазию, ни на парламент, она доказала, что «улица принадлежит социал-демократам и нет в стране другой такой партии, которая была бы способна привести в движение такие массы...»⁴⁶ Орган партии независимости извлек из этих событий следующие уроки: «Всеобщая забастовка — оружие исключительной силы, и это оружие необходимо выбить из рук рабочих, ибо оно подрывает экономические условия существования общества»⁴⁷.

Выступая в палате, министр внутренних дел для успокоения возмущенной и напуганной «публики» пытался преуменьшить значение забастовки. «Эти волнующиеся массы не так опасны», — сказал министр, напомнив, что прекратила работу не вся Венгрия и даже не все заводы и фабрики столицы. Сославшись на то, что собранные статистические данные еще не обработаны, Андраши предостерегал правительство и парламент от «поспешных и легкомысленных действий» при разработке проекта избирательной реформы⁴⁸.

Стало ясно, что коалиционный кабинет не собирается менять избирательную систему.

«Красным четвергом» 10 октября 1907 г. завершился целый этап рабочего движения Венгрии. Наступившая затем длительная полоса относительного затишья продолжалась почти до 1912 г.

Несмотря на безуспешность попыток завоевания всеобщего избирательного права путем организации массовых выступлений, пролетариат не отказался от своей непосредственной политической цели — демократизации общественного строя. Однако все

⁴⁴ N, 12.X 1907.

⁴⁵ «Munkabeszüntetések és munkáskizárások Magyarországon az 1907. évben. Függelék», Вр., 1909.

⁴⁶ «Egyetértés», 11.X 1907.

⁴⁷ N, 11.X 1907.

⁴⁸ KN, XIII, k., 14. l.

же после длительных, почти непрерывных боев, стоивших огромного напряжения, но не давших конкретных политических результатов, наступило известное разочарование, появились признаки усталости.

Определенную роль в этом сыграл и психологический фактор. Десятки и сотни тысяч сознательных рабочих поднялись на борьбу с верой в близость и неизбежность победы. Эта стихийная вера укреплялась повседневной устной и печатной агитацией социал-демократической партии. В итоге произошла фешизация идеи всеобщего избирательного права. Слишком много надежд возлагалось не только на избирательные права, но и на однодневную массовую политическую забастовку, объявленную чуть ли не самым «крайним оружием» классовой борьбы пролетариата. Накануне «красного четверга», выступая перед железнодорожниками Секешфехервара, социал-демократический оратор говорил: «Мы стоим на пороге революции, точно так же, как и в 1848 г... Так же, как и наши отцы в 1848 г. не выбирали средств, и мы не будем рассуждать о средствах — пусть будет, что будет»⁴⁹.

Однако 10 октября не принесло желанного успеха. Наступившее после этого разочарование было бы не столь горьким, если бы партия точно определила объективное значение и характер всеобщего избирательного права и всеобщей забастовки. Все это не могло не способствовать переходу некоторой части недовольных реформизмом элементов рабочего движения на позиции анархизма и анархо-синдикализма.

Группа «революционных социалистов», которая еще в 1906 г. справедливо критиковала социал-демократическое руководство за оппортунистическую тактику и переоценку парламентаризма, начала сближаться со сторонником «чистого анархизма» Эрвином Баттяни. Грубый и насильственный образ действия партийного руководства, в административном порядке изгнавшего «революционных социалистов» из редакции газеты «Тештверишег» («Братство»), лишь ускорил это сближение. Группа Дюлы Мерё, также примыкавшего к этому течению, не имевшая тесных связей с рабочими организациями, в конце концов прикнула к газете Э. Баттяни «Таршадалми Форрадалом» («Общественная революция») ⁵⁰.

Накануне всеобщей забастовки 10 октября «революционные социалисты» выпустили листовку-обращение «К рабочим братьям!» В ней они противопоставляли массовой политической забастовке идею анархистской экономической стачки, всеобщему избирательному праву и парламентаризму — отрицание всякой

⁴⁹ PI Arch., Fejér m. fősip., 1907-607.

⁵⁰ *Mucsi Ferenc*. Az első orosz forradalom és a magyar munkásmozgalom. Bp., 1956, 155—160. l.

политической борьбы. Они уверяли венгерских рабочих, что завоевание избирательных прав не только не прекратит капиталистический гнет и эксплуатацию, но «в величайшей степени затруднит» борьбу рабочего класса за свое освобождение, что в реформе избирательного права заинтересованы не рабочие, а «торговая и промышленная буржуазия, рвущаяся к власти».

«Революционные социалисты» призывали венгерский пролетариат превратить 10 октября в первый шаг «непосредственного революционного действия». В этот день, писали авторы манифеста, пролетарии должны бороться не для завоевания политических прав и свобод, а «за экономическое освобождение»⁵¹.

Пропаганда откровенно анархистских взглядов поставила группу «революционных социалистов» вне рядов социалистического движения, ибо ни анархизм, ни его синдикалистская разновидность не имели в венгерском рабочем движении скольконибудь глубоких корней и серьезных традиций.

Поиски новых путей организации

Социал-демократическая партия мучительно переживала неудачу движения за демократизацию общественно-политического строя. Очевидная несоразмерность между большими усилиями и малыми результатами порождала в самой партии не только скептицизм и даже нигилистические настроения, но и поиски новых путей и средств борьбы.

К пересмотру старой тактики побуждало партийное руководство изменение соотношения сил в пользу реакции, объединившейся в лагере правящей коалиции. Первый урок, который руководство партии извлекло из сложившейся обстановки, было признание необходимости перейти от наступления к обороне. Из этого следовал второй вывод: в новой обстановке центр тяжести борьбы рабочего класса «на длительное время» переносится в политическую область, но она ведется иными средствами⁵².

Наступление буржуазии и государства против профсоюзов и забастовок ослабляет их эффективность, а заодно и силу сопротивления пролетариата. В наступившей «критической стадии» рабочего движения недостаточно эффективны также и полулегальные «свободные организации». Тесно связанные с профессиональными организациями, они достаточно хороши для защиты интересов отдельных союзов, но непригодны в политической борьбе, затрагивающей интересы рабочего класса в целом.

Поэтому задачей первостепенной важности для социал-де-

⁵¹ PI Arch., Plakáttár.

⁵² N, 20.XI 1907.

мократии на этом этапе становится партийное строительство, создание самостоятельных политических организаций. Таким образом, идея отделения партии от профсоюзов, выдвинутая левой оппозицией, после XIV съезда под давлением обстоятельств приобрела конкретные очертания, хотя и не была полностью осуществлена. Поскольку невозможно было создать партийные организации с разрешения властей, по замыслу руководства они должны были стать нелегальными, включать организованных в профсоюзы рабочих и опираться на систему доверенных лиц, охватывающую каждую улицу и каждый дом⁵³.

С конца 1907 г. социал-демократические руководители направляли свои усилия главным образом на разъяснение и пропаганду идеи «домашней и уличной агитации». Большое внимание уделялось распространению газеты «Непсава» и листовок, проведению политических собраний и осуществлению постоянной связи с партийным руководством через доверенных лиц городских округов⁵⁴.

В середине декабря 1907 г. партийные лидеры разработали и утвердили организационный устав корпуса доверенных лиц. В уставе отчетливо проявилось отсутствие ясного понимания функций, задач и роли партийных организаций. Согласно первому параграфу, в корпусе должны быть представлены как партийные, так и профсоюзные организации, регулярно платящие партийные взносы.

Формальным показателем принадлежности к партии была уплата членских взносов. Согласно уставу, одно доверенное лицо представляло 50 членов профсоюза, постоянно выполнявших это условие. Сопрошения корпуса созывались руководством партии раз в месяц или же по требованию доверенных лиц не менее 10 организаций⁵⁵. Корпус доверенных лиц, обсуждавший и выносивший решения по актуальным вопросам партийной жизни в период между съездами⁵⁶, сыграл впоследствии важную роль в венгерском рабочем движении.

Приступая к созданию сети доверенных лиц при помощи «домашней и уличной агитации», сосредоточивая внимание партии на вопросах организационного строительства, партийное руководство прежде всего имело в виду использовать партийные организации в предвыборных кампаниях и для парламентской деятельности. Член секретариата Енё Хоровиц, выступая на открытии партийной школы в декабре 1907 г., призывал слушателей активно готовиться к тому «недалекому времени, когда будет всеобщее избирательное право, или по крайней мере рас-

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ N, 28.XI 1907.

⁵⁵ N, 15.XII 1907.

⁵⁶ PI Arch, Bgy, Horovitz Jenő levele Beck Somáház, 20.II 1907.

ширение избирательного права...Надеюсь, что в парламент попадет и несколько наших товарищей»⁵⁷.

Сама школа была создана с узкопрактической целью подготовки социалистов — будущих депутатов, способных вступать в словесные схватки с опытными ораторами буржуазно-помещичьих партий под сводами будапештского парламента. Учебная программа включала следующие предметы: практическая политика, венгерское право, Соглашение 1867 г. и дуализм, австро-венгерские экономические отношения.

Итак, реорганизация партии ставилась в прямую зависимость с парламентской деятельностью. Вместе с тем убежденность в близком предоставлении права голоса рабочим все глубже проникала в партию, причем в равной мере эту веру разделяли и реформистские и левые элементы социал-демократии. «Осуществление избирательного права столь очевидно, что вся страна уже заранее готовится к этому», — писали левые социал-демократы Эрнё Цобель и Йожеф Погань, критиковавшие руководство, настаивая на скорейшей реорганизации партии по территориальному принципу⁵⁸.

Профессиональные организации венгерского пролетариата, выросшие и окрепшие под непосредственным руководством социал-демократической партии, составляли основную опору и базу социалистического движения Венгрии. Согласованность действий между партией и профсоюзами являлась одной из главных предпосылок успехов рабочего движения в целом. Руководители обеих организаций клялись в верности марксизму, отмежевывались от бернштейнства и провозглашали себя приверженцами принципов классовой борьбы. Опасный разрыв между словами руководителей и их поступками по самой логике вещей не мог остаться без последствий. Практический реформизм центрального руководства партии и профсоюзов естественно проникал и в местные организации. Весьма показательный в этом отношении случай произошел в конце 1907 г.

В октябре 1907 г. один из сильнейших профсоюзов Венгрии — союз типографских рабочих заключил коллективный договор с владельцами типографий. Суть его сводилась к тому, что в обмен на увеличение заработной платы на несколько крон союз обязывал своих членов работать только в тех типографиях, которые входили в картель. Тем самым этот социал-демократический профсоюз способствовал установлению монопольно высоких цен на книжном рынке в ущерб потребителям. Воспользовавшись этим коллективным договором, владельцы типографий немедленно повысили цены на книги и газеты на 10%. Так профсоюз типографских рабочих отдал предпочтение

⁵⁷ N, 11.XII 1907.

⁵⁸ Szoc, 1907—1908, N 12, 369. 1.

своим узкоцеховым интересам, не считаясь с интересами трудящихся в целом. Это был опасный прецедент, тем более что предложение о заключении такого же коллективного договора было сделано предпринимателями рабочим пекарен.

Центральное руководство социал-демократической партии, вопреки категорическому возражению которого был заключен коллективный договор, решительно осудило профсоюз типографских рабочих, обвинив его лидеров в отступлении от принципов классовой борьбы⁵⁹. Это была правильная и принципиальная оценка. Но поступок правления союза печатников был «лишь естественным проявлением того духа, в котором социал-демократическое руководство воспитывает рабочих», духа соглашательства с господствующими классами ради мелких «завоеваний» и отказа от революционных методов борьбы⁶⁰.

Газета союза типографских рабочих «Типография» находила по меньшей мере странным, что о соблюдении принципов классовой борьбы говорит та самая «Непсава», которая изо дня в день компрометирует классовую борьбу. Упрек, разумеется, не был лишен основания. Однако руководители союза печатников пытались теоретически обосновать и объяснить свой поступок. Ссылаясь на Бернштейна, они пытались доказать, что марксистское учение о классовой борьбе, ставшее будто бы догмой, не может считаться главным и единственным объяснением социальных процессов и общественного развития. По их мнению, теория классовой борьбы должна быть ограничена, уточнена. Она якобы не учитывает, что оба противоположных класса — класс наемных рабочих и класс капиталистов, — не будучи по своему составу однородными, включают «многочисленные группы с разными и даже противоречивыми классовыми интересами». Поэтому нельзя утверждать, что «общество состоит из двух или трех классов».

«Теоретики» из газеты «Типография», призывая к «объективной» ревизии марксизма, утверждали, что вследствие воздействия правовых, эстетических и других сил происходит «смягчение» классовой борьбы. Это делает невозможными революционные взрывы. Смягчению классовых противоречий способствуют как коллективный договор печатников, так и стремление социал-демократической партии попасть в парламент⁶¹.

Передовая статья газеты «Типография» выражала недовольство отношениями между Социал-демократической партией Венгрии и профсоюзами. В условиях, когда «профсоюзы дают моральную и материальную силу политической партии», господство партии более недопустимо, говорилось в ней.

⁵⁹ N, 19.X 1907.

⁶⁰ «Társadalmi Forradalom», 15.XI 1907.

⁶¹ «Typographia», 8.XI 1907.

Неудача попыток добиться избирательной реформы одним ударом и силами только организованного пролетариата вновь поставила перед социал-демократией вопрос о союзниках рабочего класса. Лидеры партии видели их прежде всего в венгерской буржуазии и династии Габсбургов.

Продолжая считать Франца-Иосифа сторонником всеобщего избирательного права, социал-демократические руководители возлагали надежды на новый конфликт между короной и коалицией, который, по их мнению, непременно должен закончиться поражением коалиции и торжеством избирательной реформы, великодушно даруемой королем.

Лишь одно обстоятельство омрачало эти радужные перспективы — отсутствие «в стране буржуазной партии, на которую могла бы опираться династия, поскольку нельзя ожидать, что социал-демократов назначат министрами». Величайшей бедой Венгрии, по словам Шандора Гарбаи, выступившего с официальным докладом на съезде партии, было то, что «еще не образовалась радикальная буржуазная партия, которая в случае необходимости была бы способна отнять власть у коалиции»⁶². Отсюда следовал вывод о кровной заинтересованности пролетариата и его партии в скорейшем создании такой партии.

Теоретическое обоснование этой концепции, ставшей господствующей в идеологии социал-демократии предвоенного периода, было дано в речах и статьях виднейших ее лидеров — Эрнё Гарамии и Жигмонда Кунфи. Суть ее сводилась к следующему. «В Венгрии, — писал Кунфи, — все еще господствует феодализм и в экономическом, а еще более в социально-политическом отношении. Страна только начинает переходить «к ранней стадии капитализма»»⁶³.

Своеобразную позицию занимал Енё Варга, проявлявший значительный интерес и к вопросам теории. В венгерских условиях, по его мнению, наиболее важное значение имело дальнейшее развитие капитализма, особенно современной индустрии. В этом он видел «фундаментальную общность интересов» рабочего класса и радикальной буржуазии. Поэтому Варга предлагал партии поддерживать позицию венгерской буржуазии по основным вопросам экономических взаимоотношений с Австрией и, особенно, в отношении самостоятельной таможи за исключением тех случаев, когда интересы буржуазии непосредственно и прямо противоположны интересам пролетариата. «Если мы хотим, чтобы у нас было сильное рабочее движение, сильный рабочий класс, нам нужно иметь сильную буржуазию», — писал Варга. Варга понимал, однако, что самой социал-

⁶² MSzPJ, XIV, 182—183. 1.

⁶³ *Kunfi Zsigmond. A pártkongresszus elött.* — Szoc, 1907—1908, № 12, 353. 1.

демократической партии нечего ждать от буржуазии. Во-первых, потому, что в Венгрии пока нет «классовой сознательной» буржуазии и нет партии, которая бы представляла в парламенте чисто буржуазные интересы. Во-вторых, если бы и появилась такая партия, буржуазия и буржуазные партии не заинтересованы в усилении рабочего класса и его партии. Поэтому социал-демократия должна оказывать помощь буржуазии, не надеясь ни на какие услуги с ее стороны⁶⁴.

Гораздо дальше, чем Ж. Кунфи и Е. Варга, шел главный идеолог оппортунизма в венгерской социал-демократии Эрнё Гарамии. Революция 1848 г. в Венгрии, по его мнению, не была ни демократической, ни буржуазной. Это было восстание лишь среднего дворянства против аристократии и Вены. С тех пор, писал Гарамии, «немногое изменилось в надстройке», если не считать появления пролетариата. Рабочий класс выступил против «национального дела» мадьяр и «тем самым сделал королю сторонницей демократической реформы». В первом десятилетии XX в., продолжал он, пролетариат совершает «ту буржуазную революцию», карикатурой на которую была революция венгерского дворянства в 1848 г.⁶⁵

Развивая эти положения Гарбаи и Гарамии, Кунфи доказывал, правда, с некоторыми оговорками и не так прямолинейно, что династия до некоторой степени заинтересована в избирательной реформе, поскольку с ее помощью король мог бы мобилизовать массы против джентри⁶⁶.

Этот анализ не соответствовал истинному положению вещей. Заинтересованность династии в избирательной реформе была лишь мимолетным увлечением, которому она поддалась лишь однажды, в 1905 г. в пору острейшего кризиса дуализма, будучи в весьма затруднительном положении. Но с тех пор обстоятельства изменились.

Как только коалиция перестала фрондировать против «своего короля» и положила под сукно венгерские национальные лозунги, у династии не оставалось более ни причин, ни желаний прибегать к такому обоюдоострому оружию, как натравливание «низов против верхов» посредством избирательной реформы. Что касается джентри, довольно многочисленного слоя деклассированного дворянства, которых Кунфи характеризовал как самый реакционный элемент венгерского общества, то, не будучи самостоятельным классом и являясь лишь промежуточной социальной прослойкой в экономическом отношении и придатком класса помещиков в политическом отношении, оно не мог-

⁶⁴ N, 20, 27.IV 1907.

⁶⁵ *Garami Ernő. Magyarország 1848-ban és 1908-ban.*— Szoc, 1907—1908, N 8, 225. 1.

⁶⁶ *Kunfi Zsigmond. Op. cit., 353—354. 1.*

ло быть главным противником социалистического пролетариата. Между тем, согласно стратегии Кунфи, рабочий класс и социал-демократия должны всеми силами бороться против партии независимости, представляющей интересы джентри, и выступать в качестве союзников других партий коалиции — консервативной конституционной партии Андраши и клерикальной народной партии. Эти реакционные партии магнатов земли и капитала, по мнению Кунфи, тоже были «заинтересованы» в избирательной реформе. Характерно, что Кунфи рекомендовал социал-демократической партии тщательно избегать видимости того, что она поддерживает буржуазно-помещичьи партии. «Вся деятельность социал-демократии должна быть направлена на достижение реформы избирательного права. Если партийный съезд не сможет решить вопрос об аграрной реформе, это не беда», — писал Кунфи⁶⁷.

Итак, социал-демократические руководители даже в узкотактическом плане не ставили вопроса об отрыве партии независимости от крестьянства, составлявшего ее массовую базу. Они предпочитали добиваться политической изоляции этой партии при помощи сомнительного блока с реакционнейшими группировками коалиции в лице партии Андраши и католической народной партии. Социал-демократическое руководство и не думало скрывать свое более чем благожелательное отношение к австрийскому дому.

В 1908 г. социал-демократы расклеили по всему Будапешту плакат, который содержал следующий любопытный диалог: «Что обещал венгерский король? — Всеобщее, равное, тайное избирательное право... Может ли король нарушить свое слово? — Андраши говорит: да Народ отвечает — нет!»⁶⁸. Подобная пропаганда не могла не порождать в массах монархистских иллюзий.

Этих иллюзий не смогла избежать и та часть венгерской социал-демократии, которая не разделяла реформистских взглядов партийного руководства. «Избирательная реформа будет осуществлена, ибо она в интересах конституционной партии и династии», — писал один из активнейших в этот период деятелей левой оппозиции Лайош Тарцаи⁶⁹. Последний, однако, несколько не обманывался насчет «демократизма» партии Андраши или Габсбургов. Он полагал, впрочем, без особых на то оснований, что «династия хочет провести реформу во имя сохранения единства империи», а конституционная партия — для того, чтобы заставить партию независимости «проводить политику 67-го года»⁷⁰. В корне ошибочным было само противопоставле-

⁶⁷ *Kunfi Zsigmond*. Op. cit., 357—358. l.

⁶⁸ FL, ВрF, 1908—2140 (38. cs.).

⁶⁹ *Tarczai Lajos*. A politikai helyzet és nemzetiségek.— Szoc, 1907—1908, N 9, 266. l.

⁷⁰ *Ibidem*.

ние партии независимости консерваторам и короне. Партия Кошута, во всяком случае, с того момента, как стала у руля правления, не только ничем не угрожала имперскому единству, но и всеми силами стремилась проводить курс дуалистического Соглашения 1867 г.

Характерной чертой внутрипартийной жизни в эти годы было страстное обсуждение политики и тактической линии социал-демократии в новых условиях. В центре внимания участников дискуссий неизменно стояла неудачная практически и вредная в теоретическом отношении попытка союза социал-демократического руководства с антиконституционным кабинетом генерала Фейервари. Сторонники и противники официального руководства часто черпали аргументы за и против из опыта международного социалистического движения, в особенности русской революции и германской социал-демократии.

Весной 1907 г. центральный орган партии газета «Непсава» в порядке предсъездовской дискуссии опубликовала серию статей социал-демократа Йозефа Штрассера, близкого к левой группе Э. Сабо, под заглавием: «Общность наших интересов». Он обращал внимание партии на усиление ревизионистской опасности в германской социал-демократии. Штрассер указывал, что несмотря на предупреждения К. Каутского о потери буржуазией остатков ее бывлой революционности, немецкие ревизионисты, утверждая идею общности интересов рабочего класса с буржуазным либерализмом, стремятся отказаться от революции как метода классово́й борьбы.

Признавая в принципе временную общность интересов и возможность временного сотрудничества с либеральными элементами буржуазии, главную ошибку венгерского руководства Штрассер усматривал в том, что оно не предупреждает партию и рабочий класс о преходящем характере и относительности этой общности. В частности, по его мнению, такое сотрудничество возможно, и даже обязательно, для завоевания венгерским пролетариатом всеобщего избирательного права.

В последние годы, указывал Штрассер, когда рабочий класс Венгрии стал играть важную политическую роль, а его классовая борьба приобретает все большее значение, у венгерского пролетариата и социал-демократической партии нет более срочной и важной задачи, чем завоевание всеобщего избирательного права. Лишь после выполнения этой задачи партия и организованный пролетариат Венгрии могут полностью развернуть свои силы. В то же время буржуазные партии, спекулирующие избирательной реформой для оказания идеологического воздействия на рабочих, будут лишены этой возможности.

Для достижения этой первостепенной важности политической цели, по мнению Штрассера, пролетариат Венгрии может использовать две тактики. 1. Тактику раскола буржуазных партий

и использования одних партий против других. Такая тактика целесообразна и необходима, поскольку реальный перевес сил находится на стороне объединенного господствующего класса, который к тому же поддерживает несознательная и неорганизованная часть пролетариата. 2. В распоряжении рабочего класса имеется такое оружие, как массовая политическая забастовка.

«Русская революция поставила на первый план всеобщую политическую стачку в качестве одного из наиболее мощных оружий пролетариата», — писал Штрассер⁷¹. Однако он считал, что венгерская социал-демократия ни в коем случае из тактических соображений не должна вызывать стачку. Напротив, она должна выждать, пока стачка не вспыхнет стихийно и лишь после этого использовать ее в своих политических целях. До тех же пор, пока не произойдет неизбежный в виду быстрой пролетаризации сельского населения и недостаточного развития промышленности «общий взрыв», пока не придет «день массовой стачки», партия должна по возможности избегать крупных схваток, требующих больших жертв, и придерживаться тактики мелких стачек для расширения политических прав пролетариата.

Национальный вопрос

В этой повседневной борьбе социал-демократия может вступать в соглашения с буржуазными партиями. В частности, Штрассер хотел бы видеть в роли союзников социалистического рабочего движения буржуазные партии угнетенных народов Венгрии. Поскольку последние для более успешной борьбы против мадьяризаторской политики венгерских господствующих классов кровно заинтересованы в осуществлении демократической избирательной реформы, они могут стать временными союзниками пролетариата в борьбе за всеобщее избирательное право.

Кроме того, завоевание избирательных прав поможет социал-демократии нейтрализовать влияние буржуазных партий среди венгерских рабочих и способствовать «пробуждению у них классовой сознательности». Кстати, Штрассер, как и многие другие венгерские социалисты, был убежден, что с введением избирательной реформы автоматически «исчезнет национальный гнет и только тогда партия развернет широкую работу среди пролетариев венгерской национальности»⁷².

В создавшейся после прихода к власти коалиции обстановке, полагал Штрассер, венгерские социалисты могут рассчитывать на союзников и среди венгерских буржуазных партий. «Во

⁷¹ N, 22.III 1907.

⁷² N, 23.III 1907.

время правления Фейервари партия во имя всеобщего избирательного права стояла на стороне правительства, выступавшего за сохранение таможенной общности с Австрией. Теперь за эту же цель надо бороться на стороне противников общей таможенности»⁷³,— утверждал Штрассер. Поскольку, продолжал он далее, в новой обстановке социалистам нечего ждать ни от короны, ни от правящей коалиции, они должны использовать обострение противоречий между аграриями и меркантилистами и, поддерживая последних, добиваться проведения избирательной реформы.

Последняя часть предложений Штрассера предвосхищала эволюцию тактических представлений самого партийного руководства. Но время для их осуществления еще не наступило. В 1907—1910 гг. практически все венгерские буржуазные партии находились в рядах одной коалиции, в которую входили и меркантилисты, и аграрии, и сторонники общей с Австрией таможенной территории, и противники такой общности. Это была основная причина того, что некоторое время социал-демократическое руководство оставалось без буржуазных союзников.

Возражая Штрассеру, автор одной из дискуссионных статей Д. Хорват указывал, что буржуазные партии невенгерских народов, будучи враждебными пролетариату как венгерскому, так и угнетенных национальностей, не могут помогать борьбе рабочего класса за демократические права⁷⁴. Что же касается венгерских буржуазных партий, то, по его мнению, последние могут стать союзниками социал-демократии лишь в том случае, если они будут поставлены перед альтернативой — погибнуть или вести переговоры с рабочей партией.

Ответ Штрассера содержал ряд интересных и новых (для тогдашней венгерской социал-демократии) моментов по национальному вопросу. Действительно, соглашался он, буржуазия невенгерских национальностей эксплуатирует собственные народы. Но рабочие этих национальностей в первую очередь непосредственно сталкиваются с гнетом и произволом венгерской государственной администрации и поэтому их ненависть и гнев обращены прежде всего против мадьяр. Классовые противоречия, таким образом, затушевываются и заменяются борьбой против мадьярского господства, которая хотя и обоснованна, но направлена к защите общих интересов классов. Позитивным в рассуждениях Штрассера был и следующий момент. В отличие от точки зрения руководства, он считал, что национальный вопрос затрагивает не только буржуазию угнетенных народов, но и рабочих⁷⁵.

⁷³ N, 31.III 1907.

⁷⁴ N, 4.IV 1907.

⁷⁵ N, 14.IV 1907.

Партийные лидеры, однако, не желали отказываться от догматических взглядов по национальному вопросу. «Национальный вопрос — одно из изобретений классовой политики (буржуазии. — Т. И.) и потому социал-демократия не признает его», — твердила «Непсава». Официальная позиция сводилась к простой схеме: «национальные моменты» нисколько не отражаются на классовой солидарности угнетенных пролетариев; «патриотические» лозунги, так же как и религиозные, пригодны и призваны лишь для того, чтобы отвлечь эксплуатируемые массы от борьбы за их политические и экономические интересы. Такова общая теоретическая платформа венгерской социал-демократии по национальному вопросу. Что касается Венгрии, то в этой многонациональной стране, по мнению лидеров партии, не существует национального вопроса, так как мадьяры подвергаются не меньшей эксплуатации, чем рабочие других национальностей»⁷⁶.

В редакционной статье «Наша партия и национальности» газета «Непсава», отрицая наличие национального гнета, утверждала, что бесправное положение невенгерских народов страны связано исключительно с классовым господством и поэтому для искоренения гнета и для борьбы против классового неравенства нужна не национальная, а социальная программа. Реформисты считали, что эксплуатация и гнет сами по себе автоматически «устраняют всякие национальные и языковые различия» между трудящимися разных народов и «воздвигают непреодолимую пропасть» между угнетенными и угнетателями одной и той же национальности. Исходя из этой явно догматической установки, венгерские реформисты решительно осуждали любые «национальные стремления» как искажающие суть и смысл «простой и ясной классовой борьбы».

Особая национальная программа и особые национальные устремления, по их мнению, не только излишни, но и вредны по той причине, что с ущемлением прав невенгерских народов в различных областях общественной жизни и культуры будет покончено в ходе борьбы за демократизацию страны при помощи волшебного исцелителя — всеобщего избирательного права.

Все это писалось в то время, когда венгерская буржуазная печать была полна панических слухов о предстоящем якобы заключении союза между социал-демократией и партией национальностей. Оскорбленные социал-демократические лидеры поспешили успокоить и заверить шовинистов, что о подобном союзе «не может быть» и речи. Люди, которые в течение многих лет твердили, что готовы вступить в союз с кем угодно, лишь бы этот союзник высказался за всеобщее избирательное право, теперь категорически отвергали даже теоретическую возможность совместных действий с буржуазными партиями невенгер-

⁷⁶ N, 20.IV 1907.

ских народов, боровавшимися за демократическую избирательную реформу. В угоду шовинистическим настроениям «общественности» газета «Непсава» прямо заявила, что венгерская социал-демократия «желает роспуска партии национальностей»⁷⁷.

В 1908 г. один из руководителей партии М. Бухингер вынужден был в одной из своих статей признать, что теперь «национальная проблема в партии» актуальна не только для Австрии, но и для Венгрии. При этом он выразил надежду, что она не будет причинять «больших трудностей» социал-демократии. Бухингер утверждал, что венгерская партия «делала все», чтобы помочь организации невенгерских рабочих, «однако если они думают, что уже могут стоять на собственных ногах, против этого мы не возражаем».

Повторив эти слова В. Адлера, Бухингер давал понять, что и в рамках венгерской социал-демократии национальный вопрос будет решаться по австрийскому рецепту, который, как известно, лишь способствовал усилению сепаратизма в австрийском рабочем движении⁷⁸. Руководство венгерской партии полагало, что оно может решить эту сложную проблему, включив в партийный устав положение о «далеко идущей автономии» организаций невенгерских социал-демократов и предоставлении в их распоряжение нужных материальных средств.

В отличие от реформистов левые социал-демократы искали союзников не в Вене или среди реакционных деятелей коалиции, а среди миллионных масс угнетенных национальностей Венгрии. Продолжая критику политики партийного руководства, начатую в 1905 г., левые прямо заявили, что венгерская социал-демократия «не выполняет своего долга в отношении пролетариата национальностей»⁷⁹. В то же время и среди левых зрело убеждение о необходимости консолидации усилий рабочего класса в масштабах всей монархии, об укреплении солидарности социал-демократических партий Австрии, Венгрии и Хорватии.

Вопреки широко распространенному в партии мнению, Л. Тарцаи предупреждал о возможности возникновения расхождений по ряду вопросов между социалистами трех стран, в частности, по вопросу об отношении к монархии и ее дуалистической структуре. Различия в мнениях между австрийскими и венгерскими социал-демократами в оценке экономической общности Австрии и Венгрии, а также общей таможи, по мнению Тарцаи, «не бросаются в глаза» только потому, что для венгерской партии австро-венгерские государственно-правовые отношения «еще не являются актуальными». Пока партия не имеет

⁷⁷ N, 25.VI 1907.

⁷⁸ Sz, 1907—1908, N 15, 454—455. 1.

⁷⁹ MSzl, 18.I 1908.

своего представительства в парламенте, она может обходиться без своей принципиальной платформы по этим вопросам. К тому же заключенное на последующее десятилетие экономическое соглашение делает это «излишним» и даже «напрасным».

Другое дело — национальный вопрос, непосредственно затрагивающий интересы австрийского, венгерского и хорватского пролетариата. Но здесь авторитет австромарксизма неоспорим и в глазах венгерских левых. Теоретические работы австрийских социалистов по национальному вопросу имеют «эпохальное значение», — писал Тарцаи. Поэтому речь должна идти лишь о согласовании практической политики трех партий. Для разработки единой тактики пролетариата трех стран в вопросах, представлявших общий интерес, Тарцаи предлагал усилить контакты между руководящими органами трех партий и созывать время от времени общие партийные съезды, по примеру скандинавских стран, но при сохранении внутренней самостоятельности этих партий и без вмешательства во внутренние дела⁸⁰.

Л. Тарцаи лучше, чем другие его товарищи по партии, видел, что национальные противоречия в Венгрии нельзя сводить только к вопросу о культуре и языке. Не любовь к собственному родному языку и не чувство протеста против навязывания венгерского языка лежит, по его мнению, в основе национальной борьбы, а ненависть к венгерскому господствующему классу, которая объединяет не только интеллигенцию, священников и учителей, но и крестьянство, следующее за национальными лозунгами буржуазной интеллигенции. Причем, в отличие от венгерской интеллигенции, интеллигенция угнетенных народов ближе стоит по своему положению к мелкобуржуазным и крестьянским массам, что способствует укреплению ее руководящей роли в национальном движении.

Опровергая широко распространенное в венгерской социал-демократии представление о консерватизме и клерикализме национальных движений невенгерских народов, Тарцаи доказывал, что они имеют мелкобуржуазное демократическое содержание, что лишь демократия может обеспечить успех в борьбе против венгерской гегемонии во имя обеспечения экономических и политических интересов буржуазии, за развитие национальной культуры.

Тарцаи предостерегал партию от преувеличения роли клерикализма в национальных движениях. Угнетенные народы, доказывал он, вынуждены защищать свои церковные школы, пользующиеся известной автономией, ибо мадьяризаторская политика венгерского государства не оставляет им иного выхода. Популярности и росту влияния священников способствует и то обстоятельство, что они не сидят сложа руки перед лицом угро-

⁸⁰ MSzl, 21.XII 1907.

зы насильственной ассимиляции. Среди осужденных только в 1907 г. венгерским судом 230 словаков наряду с учителями, адвокатами, крестьянами было довольно много священников⁸¹.

С другой стороны, действующая реакционная избирательная система направлена не только против венгерского пролетариата, но и к укреплению власти мадьярской олигархии над невенгерскими народами. Поэтому, по мнению Тарцаи, завоевание всеобщего избирательного права имеет жизненно важное значение для буржуазии и интеллигенции угнетенных национальностей. Тарцаи напоминал социал-демократическим лидерам, что вовлечение невенгерских национальностей, составляющих половину населения страны, в движение за всеобщее избирательное право может наилучшим образом гарантировать его победу.

Левые понимали, что без вовлечения в свою орбиту широких масс трудящихся всех национальностей венгерская социал-демократия не может иметь шансов на успех, что она не должна опираться «только на мадьярский пролетариат».

Продолжение старой политики партии в национальном вопросе, по мнению левых, чревато грозными для венгерского социалистического движения опасностями: во-первых, ослаблением классовых позиций пролетариата национальностей, переходом руководства его политической борьбой к буржуазным партиям, и, во-вторых, образованием самостоятельных социал-демократических партий по национальному признаку. В большей или меньшей мере эти опасности были актуальны для всех национальностей Венгрии. Тот факт, что национальному гнету подвергались не только пролетариат и крестьянство, но и буржуазия невенгерских народов, создавал видимость общности интересов этих классов, чем и пользовались буржуазные национальные партии для утверждения своей гегемонии в национальном движении.

Попытка, правда неудачная, выделения словацкой социал-демократической партии в обособленную организацию, предпринятая в 1905—1906 гг., показала, сколь реальна угроза поражения единого многонационального пролетарского движения Венгрии опасным недугом сепаратизма. И то, что возникновение угрозы национализма и сепаратизма венгерские левые связывали в первую очередь с неправильной политикой партийного руководства, делает им честь.

Столь же очевидно, однако, что усилению подобных настроений в Венгрии способствовал, и косвенно, и прямо, рост сепаратизма в социал-демократии Австрии. Так, выступая на конференции словацких социал-демократических организаций Венгрии, лидер чешской социал-демократии Ф. Соукуп прямо призы-

⁸¹ Sz, 1907—1908, 269—273. 1.

вал к реорганизации венгерской социал-демократии⁸² по примеру австрийской.

Не удивительно поэтому, что некоторые словацкие социалисты подвергали сомнению принципы организационного единства интернационального пролетарского движения Венгрии. В словацкой рабочей печати раздавались призывы «следовать примеру других многонациональных государств», т. е. Австрии, «биться вместе — шагать раздельно»⁸³.

Вместе с тем и словацкие социал-демократы, подобно представителям других национальностей и венгерским левым, предъявляли руководству партии справедливые претензии, критикуя его за то, что оно не уделяет достаточно внимания нуждам пролетариата невенгерских народов. В. Лехоцки и другие лидеры словацких социалистов выражали недовольство тем, что рабочие невенгерских национальностей не имеют своих представителей в центральных органах партии и в делегациях, направляемых на международные конгрессы⁸⁴.

На конференции румынских социал-демократов, состоявшейся в начале 1908 г., один из ее участников, И. Крету (от Арада) указывал, что «причину пассивности румынских рабочих» надо искать «в первую очередь в будапештском центре, который до сих пор занимался только мадьярскими рабочими...»⁸⁵. Однако большинство делегатов подчеркивало общность целей рабочих всех национальностей и единство Социал-демократической партии Венгрии.

Конференция дала отпор попыткам «Трибуны» («Трибуне») и других националистических органов румынской буржуазии представить созыв конференции румынских социалистов как стремление отколоться от Социал-демократической партии Венгрии⁸⁶. В принятой резолюции конференции подчеркивалось, что поскольку привилегированные классы «подвергают угнетению весь рабочий класс Венгрии независимо от национальности», румынские социалисты «при всех обстоятельствах будут бороться совместно с мадьярским пролетариатом».

Ошибки венгерской социал-демократии в национальном вопросе проистекали из явного непонимания задач партии пролетариата в такой многонациональной стране, какой была Венгрия в то время. Венгерские социал-демократы неоднократно заявляли, что они не видят иного деления общества, как на эксплуататоров и эксплуатируемых. Полагая, что трудящиеся

⁸² N, 17.III 1908.

⁸³ «Napred» (Bp.), 15.I 1908.

⁸⁴ N, 17.III 1908.

⁸⁵ PI Arch., F. 716/2; OL, BM 1909-61 res.

⁸⁶ «Adeverul» (Bp.), 17.I 1908.

господствующей нации подвергаются гнету и эксплуатации в той же мере, что и рабочие подчиненных национальностей, социал-демократы отрицали, по существу, национальный гнет.

Они отвергали законность и правомерность выдвижения особых национальных требований, считая, что «национальные устремления лишь затушевывают классовую борьбу»⁸⁷. Даже в таких ярко выраженных актах мадьярского шовинизма, как закон Аппони, расстрел в Чернове, «железнодорожная прагматика» и т. д., венгерская социал-демократия видела только одну сторону — проявление классовой сущности государства. Безоговорочно осуждая эти акты, она не подчеркивала, что они затрагивают в первую очередь трудящихся невенгерских народов.

Надо сказать, однако, что после 1907 г. предпринимались некоторые, хотя робкие и ограниченные, попытки отхода от доктринерского подхода к национальному вопросу. В одной из передовых статей «Непсава» призывала социалистов поддержать борьбу невенгерских народов за равноправие в области языка и культуры. «Успех всякой организации сомнителен, — писала газета, — до тех пор, пока предприниматели в состоянии тысячами вербовать в качестве штрейкбрехеров совершенно необразованных словаков, русинов и румын. Исходя из этого, мы непременно должны поддержать стремления национальностей к тому, чтобы каждый ребенок учился читать и писать на своем родном языке»⁸⁸.

При этом социал-демократия не шла дальше признания прав национальностей в области языка. Только ущемление этих прав считалось «специфическим национальным гнетом в Венгрии», все остальные бедствия невенгерских народов объявлялись общим для всех народов порождением социального, а не национального угнетения⁸⁹. Но и эти робкие требования равноправия языков звучали эпизодически и скорее декларативно. Практически партия относилась к национальной борьбе невенгерских народов с не меньшим равнодушием, чем к национальным чаяниям самих венгров, считая национальный вопрос чем-то чуждым для социалистического движения.

Аграрный вопрос

Значительно большее внимание венгерские социалисты уделяли аграрному вопросу, хотя им и не удалось найти правильных путей его решения. В активе партии было привлечение большой массы сознательных сельских рабочих и батраков к социа-

⁸⁷ N, 25.VI 1907.

⁸⁸ N, 23.VIII 1907.

⁸⁹ N, 26.IV 1908.

листическому движению. В кратчайшие сроки удалось создать союз сельскохозяйственных рабочих с 587 местными группами и 72 562 членами. О размахе деятельности свидетельствует и тот факт, что на его окружных конференциях были представлены 667 сел и деревень всех частей Венгрии⁹⁰.

Однако развить этот первоначальный и многообещающий успех венгерские социалисты не сумели. Уже в 1907 г. в движении аграрного пролетариата наметились явные признаки спада. Вследствие массовых репрессий, отчасти эмиграции и плохого урожая резко сократилось число сельскохозяйственных стачек (в 1907 г. их было всего 35). К весне 1908 г. союз насчитывал только 145 групп и 7600 членов⁹¹. Это ослабление движения сельского пролетариата объяснялось не только упомянутыми объективными причинами.

Венгерская социал-демократия никогда не рассматривала крестьянство в качестве союзника рабочего класса даже в борьбе за демократизацию страны и ликвидацию пережитков феодализма. В крестьянине она видела только собственника, неспособного к коллективным действиям, невосприимчивого к социалистическим идеалам и озабоченного лишь увековечиванием частной собственности.

Абсолютизируя процесс дифференциации, венгерские социалисты считали крестьянство классом, обреченным на быстрое исчезновение, в результате чего лишенная всяких средств существования часть крестьян сама по себе присоединится к городскому пролетариату и социалистическому движению. Исходя из этого, партийное руководство сорвало осуществление решения XIV съезда о подготовке аграрной программы. Оно отказалось представить на рассмотрение съезда проект временной программы, подготовленный специальной комиссией во главе с Ш. Чизмадиа, в работе которой активное участие принимал Э. Сабо⁹².

Проект требовал конфискации крупных земельных владений и передачи их сельским общинам с последующей сдачей в личную или коллективную аренду крестьянам⁹³. Опубликованный в апреле 1908 г. проект временной программы Социал-демократической партии Венгрии провозгласил конечной целью партии отмену частной собственности на землю и обобществление всех средств производства.

Первый пункт предусматривал передачу в общественную собственность «прежде всего крупных земельных владений», ко-

⁹⁰ MSzl, 18.I 1908.

⁹¹ FL, BpF, 1908-1049.

⁹² PI Arch., 507/4-19.

⁹³ «Világszabadság», 2.IV 1908.

торые должны были поступить в распоряжение сельских общин⁹⁴. Таким образом, речь шла не о передаче земли непосредственно крестьянской бедноте, а о предоставлении им права на пользование обобществленной землей. Автор программы Чизмадиа, хорошо знавший условия жизни и психологию крестьянина, отлично сознавал, что без обещания земли социалистическая агитация не имеет никаких шансов на успех даже у сельских рабочих. Тем не менее, ссылаясь на соблюдение социалистических принципов, он подчеркнуто заявлял, что партия «не проповедует раздела земли»; главное, по его мнению, заключалось в том, чтобы «не привязывать сельского рабочего к земле, как к собственности»⁹⁵.

Ш. Чизмадиа, Р. Ладани и другие руководители движения аграрного пролетариата, находившиеся под влиянием оппозиции, доказывали, что стремление наделить бедняков землей насколько не противоречит социалистическим целям пролетариата⁹⁶.

Однако партийное руководство полностью усвоило точку зрения Й. Динер-Денеша, который не только отвергал раздел земли как антисоциалистическое мероприятие, но и отрицал необходимость выработки особой аграрной программы⁹⁷.

Руководители венгерской социал-демократической партии, клявшиеся в верности германской социал-демократии и неизменно признававшие своими учителями Бебеля и Каутского, полностью игнорировали прямые указания по аграрно-крестьянскому вопросу Карла Каутского, которого они называли «научным наследником Маркса и Энгельса, наиболее последовательным представителем и продолжателем марксизма в наши дни».

В письме руководству венгерской партии по случаю выхода первого номера теоретического органа партии «Социализмуш» («Социализм») Каутский подчеркивал успехи социалистического движения в восточноевропейских странах, особенно «русского и венгерского социализма». Спад революционных движений в Западной Европе он объяснял отрицательным влиянием тредьюнионизма, сектанства, анархизма и в особенности реакционной ролью имущего крестьянства на Западе. «Совершенно иное положение в Венгрии,— писал Каутский.— Там так же, как и в России, крестьянство еще является революционной силой. Его отчаянное положение может быть улучшено лишь в борьбе против господствующего способа производства, который использует остатки феодализма для капиталистической эксплуатации, и против политической гегемонии аристократии».

⁹⁴ «Világszabadság», 11.IV 1908.

⁹⁵ Ibid., 25.IV 1908.

⁹⁶ Ibidem; N, 4, 5.IV 1908; Szoc, 1908—1909. N 3, 130. l.

⁹⁷ Diner-Dénes József. Az agrárprogramról.— Szoc, 1907—1908, N 18, 545. l.

Каутский напоминал, что, будучи неспособным к самостоятельной классовой борьбе, крестьянство в Венгрии, как и всюду, нуждается «в руководящем союзнике». И так как в силу объективных условий своего существования венгерское крестьянство революционно, то «оно легко находит путь к пролетариату», увеличивая силу его социалистического движения. В этом он видел главную причину бурного роста «социализма в Венгрии» и настойчиво рекомендовал тщательно изучать своеобразие социально-экономических и, особенно, аграрных условий Венгрии.

Теоретическое исследование аграрно-крестьянского вопроса — таково, по мнению Каутского, «важнейшая задача» венгерской социал-демократии и ее теоретического журнала. Однако в то же время Каутский считал, что «на практике наши венгерские товарищи нашли правильный путь и в аграрном вопросе»⁹⁸. Это заявление Каутского можно объяснить лишь его недостаточным знакомством с конкретной практической деятельностью венгерской партии. В действительности венгерские социал-демократы, к сожалению, не могли найти правильного решения аграрного вопроса не только в теории, но и на практике. Они не пожелали прислушаться к принципиально важным и разумным рекомендациям Каутского.

«Крестьянство как класс реакционно», — писала газета «Непсава», ибо оно хотело бы уничтожить капитализм, восстановить старые докапиталистические отношения, натуральное хозяйство и домашнюю промышленность, возродить «старые добрые времена». Сотрудничество возможно только с беднейшими крестьянами, являющимися по существу наемными рабочими, но их привлечение в качестве союзника пролетариата связано с «огромными трудностями» и может быть достигнуто «ценой длительной и упорной просветительской работы». Вопреки Каутскому венгерские реформисты утверждали, что реакционность является сущностью крестьянской политики и «от этой политики нас отделяет еще более глубокая пропасть, чем от политики просвещенной буржуазии»⁹⁹.

Борьба против плюрального избирательного права

Некоторое оживление в рабочем движении наступило после того, как стало известно о намерении коалиционного правительства вместо обещанного всеобщего избирательного права внести в палату проект Андраши о незначительном расширении из-

⁹⁸ MMTVD, III. k., 492—494. 1.

⁹⁹ N, 26.VII 1907.

бирательных прав. О проекте закона так называемого плюрального (т. е. множественного) права первой сообщила «Непсава» в середине января 1908 г.¹⁰⁰ Газета предупреждала своих читателей, что вместо обещанного всеобщего, равного и тайного избирательного права правительство собирается представить парламенту законопроект, основанный на антидемократическом принципе плюральности. Социал-демократической газете удалось получить некоторые данные о характере готовящейся реформы. Согласно этим данным, избирательные права должны были получить 2 621 894 взрослых (достигших 24 лет) граждан, умеющих читать и писать на родном языке, из которых 1 864 223 человека имели бы по одному голосу, а 75 766 — по 2. В число этих последних должны были войти владельцы земельной собственности в 15 и больше хольдов и платившие не менее 60 крон подоходного налога, арендаторы, имевшие в своем распоряжении не менее 50 хольдов; промышленники и торговцы, работники промышленности и торговли, работающие не менее 3 лет у одного и того же предпринимателя, все окончившие гимназию или 4 класса начальной школы, независимо от рода занятий; граждане, имевшие в своей частной собственности дом или квартиру, состоящую не менее чем из одной жилой комнаты и кухни¹⁰¹.

На основании этого проекта, по самым скромным подсчетам, 1 144 691 голосу рабочих противостояли бы свыше 2 186 тыс. голосов имущих граждан. Кроме того, проект Андраши исключал из числа избирателей 1 273 647 взрослых мужчин, не умеющих читать и писать. Последних особенно много было среди невенгерского населения, в частности, у румын — около полумиллиона человек.

Плюральный проект, не имевший ничего общего с буржуазными принципами равенства, мог привести лишь к усугублению бесправия рабочего класса и миллионов трудящихся угнетенных национальностей¹⁰².

Законопроект гарантировал мадьярам и немцам, составлявшим менее половины населения страны, 77,7% всех голосов.

20 января состоялись первые собрания и митинги рабочих, участники которых призвали руководство социал-демократии в случае внесения такого законопроекта немедленно объявить массовую политическую забастовку¹⁰³. В начале марта глава правительства Ш. Векерле подтвердил информацию «Непсавы», заявив, что проект будет представлен парламенту осенью 1908 г. Тогда же секретариат социал-демократической партии обратился ко всем организациям с циркуляром организовать

¹⁰⁰ N, 15, 17.I 1908.

¹⁰¹ Ibidem.

¹⁰² N, 17.I 1908.

¹⁰³ N, 18.I 1908.

собрания, митинги, демонстрации протеста против плюрального права¹⁰⁴.

О бесплодности политической линии социал-демократической партии, проводившейся в 1907—1908 гг., свидетельствовала и реакция властей. В полицейском отчете одного из крупнейших промышленных центров Венгрии г. Дьёра за 1908 г. с удовлетворением констатировалось, что «вследствие тактики центрального партийного руководства борьба против избирательной реформы, в особенности против плюрального права, почти полностью оттеснила на задний план подстрекательство и борьбу против общественных классов»¹⁰⁵.

Начавшаяся кампания против проекта избирательной реформы велась в отрыве от насущных нужд классовой борьбы пролетариата и отчасти поэтому митинги и собрания, созывавшиеся партией, не вызывали интереса широких масс рабочих.

Раньше, когда главный удар направлялся против крупного капитала, аграриев, против классового господства, существующих порядков и их защитников, отмечалось в отчете, «рабочий класс был готов с ожесточенной ненавистью следовать за своими вождями». При одном только упоминании слов «крупный капитал», «латифундисты», «клерикалы», «военщина» рабочие «немедленно возбуждались и выказывали угрожающее поведение». Выражая сомнение в способности партийного руководства повести за собой трудящихся под лозунгом борьбы против плюрального права, полиция в то же время не скрывала опасения, что в случае возобновления выступлений против классового гнета, «вновь проявится страшная сила, скрывающаяся в организованной массе...»¹⁰⁶

Однако по воле оппортунистов революционная энергия пролетариата тратилась впустую, во имя достижения узкорформистских целей.

В знак протеста против антирабочего законопроекта 8—13 марта 1908 г. партия провела серию митингов и демонстраций в Будапеште, Дебрецене, Орадя и других городах. В Дебрецене и особенно в Будапеште дело дошло до столкновений рабочих с полицией. Тогда министр внутренних дел Андраши пригрозил в случае повторения демонстраций распустить профсоюзы, заверяя, что задуманная им реформа отвечает «интересам народа» и социал-демократии, которая получит таким образом возможность послать своих депутатов в палату¹⁰⁷. Угроза, приправленная столь соблазнительной приманкой, подействовала — партийные лидеры вновь протрубили отбой.

¹⁰⁴ FL, BpF, 1908—125, 128, 183.

¹⁰⁵ Ibid., 1908—469, 746.

¹⁰⁶ PI Arch., Györi lvt. 1908-1-94, fősip.

¹⁰⁷ MSzM, 1908; 649.1.; N, 15.III 1908.

XV съезд СДПВ

Б. Ваго, Л. Тарцаи и другие левые уже в конце 1907 — начале 1908 г., спустя всего несколько месяцев после «красного четверга», снова критиковали реформистских лидеров за бездействие и выжидательную тактику. Они справедливо указывали, что после 10 октября 1907 г. партия ничего не предпринимала во имя завоевания всеобщего избирательного права и не готовила пролетариат к новым политическим боям, к новой борьбе сил¹⁰⁸.

Партия рабочего класса, указывали они, является партией борьбы, которая «не выносит покоя, тишины, бездействия». Между тем, по их глубокому убеждению, социал-демократическое руководство после массовой стачки 10 октября перестало готовить партию и пролетариат к новым неизбежным классовым боям крупного масштаба. Левые предупреждали, что для достижения поставленной цели — завоевания всеобщего избирательного права — потребуются не одна и не две всеобщие забастовки — «нам нужен не одно и не два, а вероятно много 10 октября».

Выступая на XV съезде социал-демократической партии в 1908 г., Ваго упрекал партийное руководство в том, что оно поверило Андраши, оказало доверие реакционному правительству вместо того, чтобы вовлечь в движение румын и другие национальности, готовить рабочий класс к массовой стачке, причем не обязательно мирными средствами, а ведя наступательную политику¹⁰⁹.

Ш. Винце, Й. Дьюриаш и многие другие делегаты провинций говорили в своих выступлениях о разочаровании рабочих в связи с пассивностью партии, осуждали руководство за организацию торжественной встречи королю Францу-Иосифу по случаю его приезда в Будапешт. Не отрицая этого факта, докладчик Ш. Гарбаи пытался оправдать эту странную демонстрацию интересами избирательной реформы и тем, что встреча на вокзале «не означала, что социал-демократическая партия примирилась с монархической формой государства». Это более чем двусмысленное заявление свидетельствовало о том, что руководство продолжало делать ставку на «демократизм» короны и не желало занять ясную и четкую позицию в отношении монархии.

Нежелание руководства развернуть активные политические выступления, включая массовую всеобщую политическую забастовку, Гарбаи объяснил на съезде «пассивностью» провинций и недостаточной организованностью аграрного пролетариата.

¹⁰⁸ MSzPJ, XV, 138—140. l.

¹⁰⁹ Ibid., 97. l.

Делегаты местных организаций отвергли попытки лидеров снять с себя вину за продолжение тактики выжидания.

Под давлением большинства делегатов съезд принял резолюцию о проведении «массовой политической стачки промышленного и сельского пролетариата Венгрии» в случае внесения правительством в парламент проекта плюрального избирательного права. Вопрос о сроке, характере и масштабах ее должен был решить чрезвычайный съезд, созываемый руководством партии¹¹⁰.

Однако лидеры партии и после съезда всячески тормозили осуществление этой резолюции. Оценивая результаты съезда, Ж. Кунфи в статье, опубликованной в теоретическом органе социал-демократии, констатировал решимость партии к «быстрым и энергичным действиям» и ее готовность прибегнуть к оружию всеобщей стачки. Для этой стачки, указывал он, необходимо иметь поддержку сельских рабочих и пролетариата национальностей. Но тут же, вступая в противоречие с самим собой и с выступлением Гарбаи на съезде, он доказывал, что вовсе не обязательно, чтобы стачка происходила во время уборки урожая (тогда какой же смысл участия в ней сельских рабочих жнецов?).

Отсюда нетрудно было прийти к выводу о ненужности участия «массы сельскохозяйственных рабочих» в стачке, а затем и о ненужности всеобщей стачки для завоевания избирательных прав¹¹¹. Таков был конечный итог рассуждений Кунфи. Оставалось только ждать действий правительства и буржуазии. Этим и занималась партия до осени 1908 г.

В социал-демократической верхушке царили уныние и неверие в силу и способности организованного пролетариата. Об этом свидетельствуют секретные совещания партийного руководства, состоявшиеся во второй половине июля и в начале августа 1908 г. Выступавший на совещании 17—18 июля М. Бухингер нарисовал, согласно полицейскому донесению, положение дел в партии «в весьма темных красках». Бухингер открыто заявил, что партия не сможет развернуть решительной борьбы и агитации, чтобы помешать принятию избирательной реформы, какой бы реакционной она ни была. Организации, говорил докладчик, «настолько слабы как в материальном, так и в моральном отношениях», что всеобщая забастовка «подорвала бы еще больше и без того незначительные силы партии»¹¹².

Обсудив доклад Бухингера, совещание 25 июля приняло его предложение ограничиться, вместо массовой политической стачки проведением «политической забастовки отдельных организа-

¹¹⁰ MSzPJ, XV, 97—98. 1.; MSzI, 18.1 1908.

¹¹¹ *Kunfi Zsigmond. Fegyverkezés.*— Szoc, 1907—1908, N 13, 399—402. 1.

¹¹² FL, BpF, eln., 1908—1454. res.

ций»¹¹³. Одновременно было решено войти в контакт с Социал-демократической партией Австрии, чтобы использовать ее влияние для введения в Венгрии «современного избирательного права». Предварительные контакты имели место еще в начале января во время конгресса венгерских профсоюзов в Будапеште. Воспользовавшись присутствием представителя австрийских профсоюзов и руководителя германских профсоюзов К. Легина, венгерские лидеры попросили их поддержать кампанию за всеобщее избирательное право¹¹⁴. Последнее предложение было обсуждено более подробно на совещании, которое имело место 7—8 августа.

Принимая это решение, совещание исходило из того, что австрийские социалисты имеют «связи с австрийским правительством и высочайшим двором его величества, что они могут благодаря (этим связям) оказать давление на венгерское правительство в интересах избирательного права»¹¹⁵. Ведение переговоров с В. Адлером и парламентской фракцией австрийской социал-демократии было поручено Э. Гарам и Ж. Кунфи.

Итак, руководство венгерской социал-демократии летом 1908 г. решило обратиться к международной помощи. С этой целью на многотысячный митинг социалистов европейских стран, состоявшийся 3 августа в Шафхаузене (Швейцария), на котором с речами выступали такие видные деятели, как Фр. Адлер, В. Пернерсторфер (Австрия), Г. Ледебур (Германия), был направлен М. Бухингер¹¹⁶. От имени венгерской партии Бухингер пригласил участников митинга приехать в Будапешт и вместе с венгерскими рабочими выразить свой протест против намерения правительства провести антидемократическую реформу избирательного права¹¹⁷. На это приглашение, кстати, Бухингер, по сведениям полиции, не имел никаких партийных полномочий¹¹⁸.

Но поскольку предложение было сделано публично, в присутствии социалистов многих европейских стран, в том числе и русских, венгерское руководство оказалось в щекотливом положении. Опасаясь новых осложнений с властями, оно не допускало и мысли о созыве международного митинга солидарности в поддержку прав венгерского рабочего класса в столице Венгрии. Выход все же был найден. Гарам и Кунфи, уполномоченные вести переговоры с В. Адлером, получили дополнительное задание — уговорить австрийцев провести этот митинг в Вене¹¹⁹.

¹¹³ Ibid., 1908—1482. res.

¹¹⁴ OL, BM, eln., 1908-28. res.

¹¹⁵ Ibid., eln. 1908—1551. res.

¹¹⁶ MSzM, 1908, 19. l.

¹¹⁷ ВрН, 6.VIII 1908.

¹¹⁸ OL, BM, eln. 1908—509. res.

¹¹⁹ Ibidem.

В результате переговоров родилась идея созыва в Вене широкого совещания представителей социал-демократических партий всей австро-венгерской монархии.

Имперская конференция, первая за многие годы существования социалистического движения, открылась 27 сентября в Вене. Состав делегации венгерской социал-демократии был следующим: Э. Гарамы, М. Бухингер, Ж. Кунфи, Д. Тушанович (от сербов), А. Брестански (от словаков), Ф. Киттел (от немцев); хорватскую социал-демократию представлял В. Букшег, боснийскую — Ю. Деметрович.

С основным докладом на конференции выступил вождь австрийской социал-демократии Виктор Адлер¹²⁰. От имени австрийских рабочих Адлер заверил венгерский народ в полной поддержке его борьбы за политические права и демократические свободы. Отсутствие этих свобод и прав в Венгрии, говорил оратор, оказывает отрицательное воздействие на политическое, экономическое и культурное развитие не только Венгрии, но и Австрии. Идя навстречу желаниям лидеров венгерской социал-демократии, Адлер подчеркнул «исключительную важность позиции короны» в вопросе избирательной реформы. Взывая к чувству благоразумия династии, Адлер заклинал короля выполнить свое обещание, ибо «безрассудство господствующих (в Венгрии.— *Т. И.*) юнкеров ведет империю в пучину гибели», и опасность грозит «не только народам, но и государству и самой короне».

Коснувшись заключенного в 1907 г. австро-венгерского экономического соглашения, Адлер заявил, что оно не представляет окончательного решения отношений обоих государств, а является лишь временным перемирием. Лишь демократическая Австрия и демократическая Венгрия, только сами народы этих стран могут обеспечить свою самостоятельность и по-настоящему урегулировать отношения между Австрией и Венгрией.

По предложению докладчика конференция приняла следующий текст резолюции: осуществление всеобщего тайного, равного избирательного права в Венгрии в равной мере затрагивает жизненно важные государственные интересы как Венгрии, так и Австрии, в особенности интересы пролетариата обоих государств. Именно поэтому австрийская социал-демократия внимательно следит за борьбой рабочего класса Венгрии и «полна решимости оказать помощь своим венгерским братьям». Отсталость Венгрии, несправие ее рабочих воздвигает роковые препятствия на пути политического и общественного развития Австрии, «постоянно и непосредственно затрудняет и подвергает опасности» интересы пролетариата Австрии¹²¹.

¹²⁰ AZ, 28.IX 1908.

¹²¹ Ibidem.

Весьма примечательно, что, осуждая в резких выражениях антинародную политику венгерских правителей, авторы резолюции в то же время выгораживали габсбургскую династию, стараясь доказать, что в отсутствии всеобщего избирательного права повинна только коалиция, что король Франц-Иосиф и двор к этому абсолютно не причастны¹²².

В таком же духе выступал Бухингер, который, говоря о «заинтересованности короны» во всеобщем избирательном праве, счел нужным повторить слова австрийского социалиста Пернерсторфера, сказанные им в 1905 г.: «Тот, кто против избирательного права, тот против династии»¹²³.

В передовой статье, посвященной конференции, «Непсава» утверждала, что всеобщее избирательное право, введенное в Австрии в 1907 г., создало предпосылки и условия для материального благополучия и общественно-политического прогресса трудящихся страны, превратило их в сторонников сохранения австрийского государства. «Австрийский пролетариат заинтересован в сохранении австрийского государства, а рабочий класс Венгрии еще не заинтересован в сохранении венгерского государства в нынешней форме»¹²⁴, — писала газета.

Это означало, что венгерская социал-демократия была готова гарантировать существование венгерского государства немедленно после провозглашения всеобщего избирательного права. В то же время венгерские реформисты заверяли в своей решимости защищать «государственную независимость Венгрии от великоавстрийских устремлений» после демократической избирательной реформы.

Выступая на чрезвычайном съезде партии, созванном 6 декабря, Бухингер «с гордостью» сказал, что венгерские социал-демократы стоят «на службе государственной самостоятельности и независимости Венгрии, на страже всех ее справедливых и законных интересов»¹²⁵. Эти заявления свидетельствовали о намерении руководителей подготовить партию к очередному тактическому повороту в ее политике — к поддержке национальных лозунгов, которые они на протяжении многих лет категорически отвергали.

27 сентября венгерская партия организовала митинг и демонстрацию 33 тыс. рабочих в Будапеште¹²⁶. Выступавший на митинге оратор под одобрительные возгласы заявил, что рабо-

¹²² AZ, 28.IX 1908.

¹²³ MSzPJ, XVI, 19. I.

¹²⁴ N, 29.XI 1908.

¹²⁵ N, 7.XII 1908.

¹²⁶ MSzM, 1908, 53—54. I.

чий класс Венгрии в борьбе за свои права готов будет использовать «русские методы», если к тому его принудит поведение правящих кругов¹²⁷.

Рабочий класс в борьбе за демократизацию страны

Осенью 1908 г. в Венгрии наступил новый тур боев за демократизацию страны. Начало новой волне политических выступлений венгерских рабочих положило опубликование социал-демократической партией 10 сентября обращения «К народам Венгрии. На штурм против коалиционных узурпаторов!»¹²⁸. Ставка на благоразумие коалиционного правительства оказалась битой, и руководству партии ничего другого не оставалось как призвать массы к активным действиям.

Вечером 16 сентября партия и профсоюзы организовали первую серию митингов и собраний, по окончании которых их участники вышли на улицы столицы. Одна из групп демонстрантов подверглась нападению со стороны полиции¹²⁹. Даже буржуазная печать вынуждена была признать, что поведение рабочих не давало им малейшего повода для провокационного нападения полицейских¹³⁰.

Спустя 5 дней, 21 сентября, рабочие столицы провели одновременно 23 собрания и, несмотря на полицейский запрет, вновь устроили шествие, в котором участвовало около 30 тыс. человек¹³¹. На этот раз полиция не осмелилась вмешаться. Демонстрация прошла под лозунгами: «Да здравствует всеобщее избирательное право!», «Долой плюральное право!» Выступивший с речью Б. Ваго подчеркнул, что мирный характер демонстрации, сознательность и дисциплина рабочих свидетельствуют о зрелости пролетариата Венгрии и что если будет нужно, он перейдет к революционным действиям¹³².

Вслед за Будапештом на борьбу поднялись рабочие провинции. 27 сентября митинги и демонстрации состоялись в Дебрецене, Дьёре, Эгере, Араде, Орадя, Клуже, Тимишоаре, Лугоше, Брашове, Братиславе, Кошице, Нови-Саде и других городах¹³³.

В начале октября мирные демонстрации стали перерастать в перестрелку вооруженных револьверами рабочих с полицей-

¹²⁷ FL, BpF, eln. 1908—2134, 1845. res.

¹²⁸ OL, BM, eln. 1908—639, 640. res.; MSzM, 1908, 27. l.

¹²⁹ Ibid., 20. l.

¹³⁰ «Egyetértés» (Bp.), 17.IX 1908; «Az Ujság» (Bp.), 24.IX 1908.

¹³¹ OL, BM, eln. 1908—580. res.; FL, BpF, eln. 1908—1830. res.

¹³² N, 22.IX 1908.

¹³³ MSzM, 1908, 27. l.

скими. Первое столкновение произошло 4 октября. В этот день группа рабочих демонстрантов, подвергшихся нападению со стороны конных и пеших полицейских, с целью самозащиты вынуждена была прибегнуть к оружию¹³⁴.

На следующий день на улицах Будапешта появились прокламации, в которых начальник столичной полиции грозно предупреждал, что не намерен более терпеть вечерние шествия и демонстрации рабочих, под каким бы предлогом они ни устраивались, что будет защищать «общественный порядок, ночной покой публики и частную собственность с должной энергией и всеми имеющимися в его распоряжении законными средствами»¹³⁵.

Кровопролитные столкновения произошли в столице вечером 8 октября. Полиция запретила проведение 21 из 22 заявленных социал-демократией на этот день собраний. Одновременно начальник полицейского управления обратился к командующему 4-го армейского корпуса с просьбой прислать подкрепления, поскольку «можно ожидать крупного масштаба уличную демонстрацию, для обуздания которой вооруженные силы полиции могут оказаться недостаточными»¹³⁶.

Как только партийное руководство получило официальное извещение властей о запрещении собраний, оно распорядилось отпечатать и распространить во всех будапештских организациях листовки, которые призывали рабочих собраться в 7 час. 30 мин. вечера в центре столицы, на пересечении двух главных магистралей — улицы Андраши и бульварного кольца. Мирное шествие пролетариата вновь стало объектом атак конных и пеших полицейских: снова рабочие ответили ударом на удар, пустив в ход железные ломы и прутья, а также и револьверы. В завязавшейся схватке были ранены один полицейский и несколько рабочих¹³⁷.

Начались повальные аресты и систематическая травля социал-демократических организаций. В тот же вечер полиция задержала 50 человек, на следующий день — 23, через два дня — еще 17 человек, обвиненных «в подстрекательстве к убийству и к насилию против властей». Озверевшие полицейские жестоко избивали арестованных рабочих. Однако достичь своей главной цели — обнаружить «вещественные доказательства» для официального роспуска социалистических организаций власти так и не сумели. Обыски, произведенные на квартирах у М. Бухингера, Б. Ваго, К. Вантуша, Л. Тарцаи (редактора газеты «Мадьяр Вашуташ», «Венгерский железнодорожник»), К. Пейера, Д. Фараго и других видных деятелей партии, утешительных

¹³⁴ PI, Arch, A. XV. 1 (1908) 6.

¹³⁵ FL, BpF, eln. 1908—1929, 1954. res.

¹³⁶ FL, BpF, eln. 1908—1965. res.

¹³⁷ Ibidem.

для полиции результатов не дали. Ни железных ломов, ни тем более огнестрельного оружия полицейским ищейкам обнаружить не удалось, несмотря на все их рвение.

Уличные столкновения дали полиции желанный повод для усиления репрессий против центрального органа партии газеты «Непсава», которая в эти осенние дни выступала с особенно резкими антиправительственными днями и причиняла властям немало хлопот. Полицейское управление Будапешта 11 октября направило министру внутренних дел официальное представление, которое квалифицировало «постоянную публикацию газетой подстрекательских статей» как прямое нарушение уголовного кодекса.

Начальник полиции предупреждал, что дальнейшее продолжение деятельности «Непсавы» приведет к еще более кровавым и тяжелым столкновениям, ибо «обычные» судебные процессы по делам печати слишком медлительны и не могут ослабить «вредного влияния, подстрекательских статей «Непсавы». Поэтому предлагалось осуществлять конфискацию газеты в ранние утренние часы, еще до начала распространения тиража¹³⁸. Министр юстиции, заявив, что королевская прокуратура «и до этого постоянно и внимательно следила за газетой», заверил министра внутренних дел, что со своей стороны примет все необходимые меры¹³⁹.

В травле рабочих организаций не желал отставать от своих коллег и министр торговли Ф. Кошут. Не довольствуясь «железнодорожной прагматикой», значительно ограничивавшей политические права железнодорожников, 15 августа он отдал распоряжение о роспуске профессионального союза рабочих государственного машиностроительного завода.

Одновременно, не имея на то конституционного права, министр потребовал от Всевенгерского союза железнодорожных рабочих полного прекращения всяких связей с социал-демократической газетой «Мадьяр Вашуташ», предписав союзу немедленно представить полный список своих членов¹⁴⁰. Разумеется, союз и не подумал выполнить эти неслыханно дерзкие требования Кошута. Разгневанный непочтительным ответом союза, осмелившегося критиковать самого министра, последний 14 октября разразился новым указом, по которому союз временно должен был прекратить свою деятельность¹⁴¹.

Но Кошуту и этого было мало. В тот же день он предложил совету министров специальным правительственным декретом объявить Социал-демократическую партию Венгрии и все

¹³⁸ FL, BpF, eln. 1908—2007. res.

¹³⁹ OL, BM, eln. 1908—684. res.

¹⁴⁰ «Magyar Vasutás» (Bp.), 10.X 1908.

¹⁴¹ FL, BpF, eln. 1908—2039, 2041. res.

примыкающие к ней организации антинациональной и антипатриотической организацией с тем, чтобы он своей властью мог запретить любому железнодорожнику стать социал-демократом под угрозой немедленного увольнения¹⁴². Мотивируя это довольно рискованное предложение, Кошут не скрывал свою озабоченность «необузданной агитацией» социалистов в пользу всеобщего избирательного права и интенсивной подготовкой новой массовой политической забастовки.

Временное прекращение деятельности союза железнодорожников, за которым вскоре (до конца месяца) должен был последовать его роспуск, министру казалось недостаточно эффективным средством борьбы против влияния социал-демократии среди железнодорожных рабочих. Кошут опасался, что после роспуска профсоюза рабочие прямо и открыто будут вступать в партию¹⁴³.

15 октября совет министров, обсудив предложения Кошута, уполномочил его объявить социал-демократические цели несовместимыми с уставом железных дорог, запретить железнодорожному персоналу вступать в социал-демократические организации под угрозой немедленного увольнения. Сославшись на то, что социал-демократическая партия развивает «величайшего размаха подстрекательскую деятельность против существующего государственного и общественного порядка», министр торговли 4 декабря специальным распоряжением объявил, что на всей территории «стран венгерской короны», т. е. включая Хорватию, ни один рабочий или служащий железных дорог «не может быть членом какого-либо органа или организации этой партии»¹⁴⁴.

Через 5 дней, 9 ноября 1908 г., последовал официальный приказ министерства торговли о роспуске Всевенгерского союза железнодорожных рабочих. Одновременно Кошут обязал администрацию всеми силами воспрепятствовать намерению рабочих-железнодорожников восстановить союз под видом свободных организаций¹⁴⁵. Это был один из тяжелейших ударов, нанесенных венгерской реакцией по социалистическому движению, имевший длительные и далеко идущие последствия. До самого конца существования Австро-Венгрии большой отряд венгерских рабочих оказался вследствие произвольных актов коалиции вне сферы влияния социал-демократии.

В конце декабря правящая клика обрушила на организованный пролетариат новый удар. Министр внутренних дел Андраши издал распоряжение о временном прекращении деятельности

¹⁴² OL, MTJ, 1908—1919.

¹⁴³ OL, ME, 1908-VII-4647.

¹⁴⁴ Ibidem.

¹⁴⁵ N, 12.XI 1908.

одного из крупнейших и наиболее боевых профсоюзов венгерского рабочего класса — союза металлистов, а также будапештской группы профсоюза столяров. Предлогом на этот раз послужило недоказанное обвинение союза в хранении и частичном распространении «револьверов, патронов и железных дубинок», использованных рабочими во время уличных стычек в октябре 1908 г.¹⁴⁶

Ответ рабочих не заставил долго ждать. В тот же день, 29 декабря, представители будапештских организаций обратились к партийному руководству с просьбой немедленно провести однодневную массовую политическую забастовку протеста. На следующий день партия призвала всех рабочих столицы 31 декабря прекратить работу и выйти на улицу¹⁴⁷. Во второй половине дня уже были изготовлены и начали распространяться 200 тыс. листовок, содержавших этот призыв. Естественно, за один или неполных два дня очень трудно было организовать всеобщую стачку, которая бы целиком охватила все заводы и фабрики столицы. Тем не менее забастовка, в которой приняло участие 62 тыс. человек, оказалась внушительной демонстрацией силы, решимости и революционных возможностей венгерского пролетариата¹⁴⁸.

Аннексия Боснии-Герцеговины и Венгрия

В 1908 г. для правящих кругов австро-венгерской монархии наступили, казалось бы, благоприятные условия для новых внешнеполитических авантур. Волна массовых выступлений шла на убыль и в Австрии и в Венгрии. С венгерским кризисом было покончено. Вновь обретенная относительная внутренняя устойчивость монархии развязала руки военщине.

Свыше 40 лет Габсбурги не вели войн, а предыдущие войны, начиная со времени царствования Иосифа II, приносили сплошные огорчения и территориальные потери. Последняя по счету военная добыча Габсбургов — турецкие провинции Босния и Герцеговина, оккупированные австро-венгерской армией согласно решению Берлинского конгресса 1878 г., — была приобретена не собственными военными усилиями, а благодаря победе России над Турцией в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Эти провинции, где проживало сербское, хорватское и мусульманское население, были переданы монархии во временное управление. Все подписавшие Берлинский трактат державы, включая Австро-Венгрию, признали суверенитет султана над провинция-

¹⁴⁶ OL, BM, eln. 1909—15. res.

¹⁴⁷ FL, BpF, eln. 1908—2602. res.

¹⁴⁸ PH, 31.XII 1908; N 2, I 1909.

ми и торжественно обязались соблюдать права Османской империи. Босния и Герцеговина стали первой жертвой экспансионистской политики австро-венгерского империализма.

Присоединение провинций к монархии должно было стать первым шагом осуществления более обширных планов экономической и военно-политической экспансии на Балканах. Из великих держав лишь Италия и Россия могли оказать серьезное противодействие австро-венгерскому проникновению на Балканский полуостров. Однако Россия, ослабленная тяжелой и неудачной войной на Дальнем Востоке, а также революцией, не в состоянии была предпринять активные действия в Европе. Новый империалистический хищник — Италия был слишком слаб, чтобы отважиться на открытый разрыв со своим партнером по Тройственному союзу.

В портфеле начальника австро-венгерского генерального штаба Конрада фон Гётцендорфа лежал готовый план военных действий против Италии. Нетерпеливый генерал в течение 1907—1908 гг. неоднократно и настойчиво советовал Францу-Иосифу, не утруждая себя придумыванием повода, немедленно объявить союзнику превентивную войну. Однако ни престарелый император, ни более благоразумный Эренталь не желали ввязываться в чересчур рискованную авантюру.

Австро-итальянского конфликта не желал допустить и Берлин, который все еще рассчитывал на Италию в качестве союзника в будущей войне за передел уже поделенного мира. В то же время германская дипломатия активно подталкивала правителей Вены на усиление экспансии против балканских народов и, в частности, против Сербии. Это небольшое югославянское королевство с некоторых пор стало внушать Вене и Будапешту растущую тревогу.

Свержение с сербского престола в 1903 г. прогабсбургской династии Обреновичей сопровождалось резкой переменой внешнеполитического курса Сербии, которая ранее традиционно ориентировалась на Вену. Попытка приручить новых правителей Белграда путем оказания дипломатического давления успеха не имела. Не принесла Вене желанного успеха и начатая в 1906 г. по ее инициативе торговая война против Сербии, от которой очень пострадали торговцы и промышленники Австро-Венгрии.

Боснийская операция была задумана как удар против независимой Сербии. Запугать Сербию, унижить ее достоинство и лишить это государство притягательной силы в глазах югославянского населения Австрии и Венгрии — такую цель преследовали правители монархии. В роли инициаторов и организаторов аннексии двух оккупированных провинций выступила группа высших руководителей монархии в лице венгерского деятеля, министра финансов Австро-Венгрии Иштвана Буриана, который одновременно возглавлял гражданскую администрацию

Боснии-Герцеговины, министра иностранных дел Эренталя, военного министра Фр. Шёнайха и генерала Конрада.

Впервые идея аннексии была высказана Бурианом в памятной записке о политическом положении Боснии-Герцеговины, врученной им императору 13 мая 1907 г. Со своей стороны Конрад, поддерживаемый эрцгерцогом Францем-Фердинандом, уже в ноябре—декабре того же года требовал ликвидации в провинциях гражданской администрации, передачи всей власти армии и присоединения провинций¹⁴⁹.

Сразу же возник вопрос: к какой из двух частей монархии присоединить провинции? Первый, майский меморандум Буриана, одобренный в принципе императором, содержал предложение о включении их в состав венгерского королевства¹⁵⁰ в качестве самостоятельной автономной единицы. Это предложение встретило упорное противодействие австрийских деятелей, которые в крайнем случае готовы были согласиться на передачу провинций Хорватии с тем, чтобы усилить и противопоставить последнюю Венгрии.

В марте 1908 г. Буриан направил меморандум главам правительств Австрии и Венгрии, а также Эренталю, в котором предлагал отложить дискуссию о принадлежности Боснии-Герцеговины и заняться практической подготовкой самого акта аннексии. Заручившись поддержкой министра иностранных дел, Буриан в апреле вновь просил Франца-Иосифа ускорить подготовку к аннексии.

Важной составной частью этой подготовительной работы была организация целой серии провокационных процессов над политическими лидерами Боснии-Герцеговины и Хорватии, обвиненных в великосербской пропаганде, в создании заговорщических организаций с целью присоединения провинций к Сербии¹⁵¹. Венгерские власти приняли самое активное участие в подготовке и проведении этих процессов. Достаточно сказать, что одна из главных фигур Загребского процесса провокатор Настич был платным агентом боснийской администрации и венгерского правительства, а брошюры его были сфабрикованы в Будапеште по распоряжению самого Векерле.

Вспыхнувшая летом 1908 г. в Турции буржуазная революция заставила австро-венгерских руководителей поторопиться с аннексией. Младотурецкая революция стимулировала новый подъем освободительных движений на Балканах. Лозунги младотурок — свобода, конституция, реформы — нашли горячий отклик в Боснии-Герцеговине, которая формально еще оставалась

¹⁴⁹ *Fr. Conrad von Hötzendorf. Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, Bd. I. Wien — Berlin, 1921, S. 516.*

¹⁵⁰ OSzK, ThN.

¹⁵¹ *Ю. А. Писарев. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962, стр. 168.*

турецкой провинцией. В Сараево и других городах демонстранты требовали предоставления провинциям конституции и автономии.

В Вене опасались, что новый турецкий режим может воспользоваться своими суверенными правами, подтвержденными Берлинским конгрессом, и провозгласить автономию Боснии-Герцеговины. Такой акт лишил бы всякой юридической основы продолжение оккупации провинций Австро-Венгрии. Поэтому надо было торопиться, опередить события и поставить Турцию и другие европейские державы перед свершившимся фактом.

19 августа 1908 г. состоялось совместное заседание правительств Австрии и Венгрии при участии общих австро-венгерских министров и начальника штаба под председательством министра иностранных дел Эренталя. Министр финансов Буриан мотивировал в своем выступлении необходимость немедленной аннексии опасностью распространения идей младотурецкой революции. С этим были согласны все участники совещания. Но если Буриан предлагал прикрыть грубое нарушение международного права и противозаконную агрессию обещанием реформ, то воинственный Конрад ратовал за то, чтобы аннексия завершилась военным разгромом Сербии. Решение об аннексии было принято¹⁵².

15 сентября Эренталь встретился в Бухловице (Бухлау) с русским министром иностранных дел Извольским и сообщил ему о возможности присоединения провинций к Австро-Венгрии. Заявление было сделано в довольно туманных выражениях, намеренно рассчитанных на то, чтобы ввести собеседника в заблуждение. Не подозревая ловушки, Извольский опрометчиво дал свое принципиальное согласие на аннексию, довольствуясь ни к чему не обязывающими заверениями Эренталя о поддержке русских планов в отношении проливов. Точно так же обошелся австро-венгерский министр и со своим итальянским коллегой. На этом дипломатическая подготовка аннексии была закончена.

5 октября 1908 г. Франц-Иосиф обнародовал указ о присоединении Боснии-Герцеговины к своим владениям. Начался так называемый боснийский кризис, который едва не привел к общеевропейскому конфликту. Возникла реальная угроза войны между монархией и Сербией, которая из всех держав наиболее резко реагировала на агрессивный акт северного соседа¹⁵³. Правительства Сербии и Черногории, поддержанные Петербургом, наотрез отказывались признать незаконное присоединение двух населенных славянами провинций, которые к тому же не-

¹⁵² OL, ME, XLI—4731.

¹⁵³ ОУА, I, S. 155—160; К. Б. Виноградов. Боснийский кризис 1908—1909 гг. Л., 1964; В. М. Хвостов. Дипломатия в новое время. 1871—1914.— «История дипломатии», т. II. М., 1963.

посредственно граничили с Сербией и Черногорией. Оба эти государства теперь оказались зажатыми в стратегическое полукольцо габсбургских владений.

Из всех великих держав только Германия всецело одобряла и поощряла агрессивные действия Австро-Венгрии. Присоединением Боснии и энергичным выступлением против великосербского движения, писал 2 ноября саксонский посланник в Вене граф Рекс, «заложены основы позитивной и масштабной восточной политики»¹⁵⁴.

Пользуясь поддержкой Германской империи и зная о неподготовленности к войне России, австро-венгерская дипломатия пыталась склонить к уступчивости Сербию и Черногорию угрозой прямого вторжения. В середине ноября 1908 г. австро-венгерский генштаб приступил к частичной мобилизации. «Война кажется неизбежной», — записал в своем дневнике видный чиновник общего министерства финансов Л. Таллоци 19 ноября¹⁵⁵. Австро-венгерская военщина и лично Эренталь были не прочь воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы осуществить свою мечту о расправе с непокорной Сербией.

Некоторое сопротивление этим планам оказывало венгерское правительство. Хотя оно почти единодушно (за исключением Андраши) поддерживало аннексию, но не имело ни малейшего желания ввязаться в войну, которая в случае благоприятного исхода могла привести к нарушению равновесия в монархии в пользу Австрии. Венгры, доносил саксонский посланник из Вены, «боятся войны с Сербией и Монтенегро (Черногорией. — Т. И.), в которой им нечего было бы выигрывать»¹⁵⁶.

Однако по мере обострения отношений с Сербией в Вене верх брала военная партия во главе с Конрадом. Благоприятные для монархии изменения в международной обстановке еще больше подогревали воинственное настроение Вены. В конце февраля 1909 г. ей удалось урегулировать конфликт с Турцией, обязавшись вывести свои войска из Новибазарского санджака, принадлежавшего Турции, и уплатить последней 2,5 млн. фунтов стерлингов в качестве компенсации за отказ от турецких притязаний на Боснию¹⁵⁷.

К этому времени потерпели полный провал усилия русской дипломатии добиться англо-французской поддержки справедливого дела Черногории и Сербии¹⁵⁸. Обе страны, заключившие двусторонний оборонительный союз против монархии, оказались в полной дипломатической изоляции. Из Вены посыпались

¹⁵⁴ SLHA, d. 1795, N 403 (143).

¹⁵⁵ OSzK, ThN, 19.XI 1908.

¹⁵⁶ SLHA, d. 1795, N 500 (145). 30.XII 1908.

¹⁵⁷ V. Bibl. Von Revolution zu Revolution. Wien — München, 1924, S. 449.

¹⁵⁸ Ю. А. Писарев. Указ. соч., стр. 193—195.

дипломатические демарши и ультимативные ноты, тон которых с каждым днем становился все более нетерпимым и угрожающим. 5 марта 1909 г. Эренталь потребовал от Сербии безоговорочного признания аннексии Боснии. Нота была подкреплена объявленным за два дня до этого по армии приказом об отправке войск на южные границы¹⁵⁹.

Сербия, однако, продолжала настаивать на территориальных компенсациях и в ответ на австро-венгерские угрозы приняла необходимые для защиты своих границ военные меры. К середине марта обстановка накалилась до крайности. Начиная с 14 марта в течение двух недель Дунайская монархия была охвачена предвоенной лихорадкой. Армейские корпуса в Далмации, Хорватии, Боснии и Воеводине были приведены в состояние полной боевой готовности, к сербско-черногорской границе направлялись новые полки и батальоны австро-венгерской армии.

Вожди военной партии Конрад и Франц-Фердинанд, метивший на пост главнокомандующего силами вторжения, осаждали престарелого монарха, требуя дать согласие на объявление войны. Франц-Иосиф колебался, ожидая известий из Петербурга и Лондона.

«Миротворческую» миссию, разумеется, за счет интересов Сербии и Черногории и нисколько не считаясь с престижем царской России, взял на себя шеф Форин Офиса Эдуард Грей. 29 марта, в день официального объявления частичной мобилизации вооруженных сил монархии, Грей принял продиктованную Эренталем формулу сербского заявления о признании аннексии и убедил Петербург согласиться с австро-венгерскими требованиями. По инициативе Грея 30 марта 1909 г. послы Англии, России, Франции и Италии выступили в Белграде и Цетинье с коллективным демаршем, «дружески» предложив правительствам Сербии и Черногории склониться перед волей агрессора.

Это было равносильно коллективному ультиматуму. Сербии и Черногории ничего другого не оставалось, как капитулировать и безоговорочно принять аннексию¹⁶⁰. Непосредственная угроза войны миновала, но завязался еще один клубок противоречий, сыгравший роковую роль в июльские дни 1914 г. Боснийский кризис был прообразом июльского.

Венгерский рабочий класс и социал-демократия резко осуждали балканскую политику правящих кругов Австро-Венгрии, как империалистическую и колониалистскую. Всякие проекты строительства железных дорог на Балканах и экономическое

¹⁵⁹ OL, ME, XLI-826-625.

¹⁶⁰ OUA, II, S. 225.

проникновение австро-венгерского империализма в страны Балканского полуострова, указывала «Непсава», подготавливая почву «для вооруженного вмешательства и насильственных завоеваний», создают угрозу военных конфликтов. Господствующие классы сознательно идут на риск вооруженных столкновений, чтобы отвлечь внимание общественности от внутривнутриполитических проблем и ускорить утверждение парламентами Австрии и Венгрии военных законопроектов. «Непсава» доказывала, что в колониальной политике заинтересована прежде всего австрийская буржуазия, что торговля Венгрии с балканскими странами не имеет существенного значения, так как она не располагает достаточно мощной индустрией, чтобы завоевывать балканские рынки ¹⁶¹.

В дни боснийского кризиса газета писала, что венгерский народ не желает расплачиваться за внешнеполитические авантюры правительства, что он не намерен жертвовать своими интересами ради спасения великодержавного престижа монархии ¹⁶². Газета обращала внимание на то, что в Боснии и Герцеговине, не имеющих никакого отношения к Венгрии, расположены преимущественно и главным образом венгерские полки. В случае военного конфликта с Сербией, во имя славы династии и ради прибылей австрийского капитала, опасности будут подвергаться в первую очередь венгерские солдаты, которыми командуют австрийские офицеры.

Состоявшийся 6 декабря 1909 г. чрезвычайный съезд партии принял резолюцию протеста против аннексии Боснии, призывавшую партию организовать митинги и демонстрации рабочих против мобилизации в армию. Одновременно осудив плюральный законопроект как антидемократический и антинародный, съезд обязал организованный пролетариат вести борьбу против его осуществления «с применением самого острого оружия». Принятая съездом резолюция поручила партийному руководству объявить всеобщую политическую забастовку «в удобный с внутри- и внешнеполитической точки зрения момент» ¹⁶³.

Кризис и распад коалиции

Кризисные явления сопутствовали коалиции с момента ее прихода к власти. Заботясь исключительно об интересах крупного землевладения и крупного капитала, она сразу же противопоставила себя рабочему классу, аграрному пролетариату и не-

¹⁶¹ N, 13.II 1908.

¹⁶² N, 21.II 1909.

¹⁶³ N, 8.XII 1908.

венгерским национальностям. Самое грозное ее оружие — национальные лозунги — после позорной капитуляции перед Австрией и заключения экономического соглашения в 1867 г. потеряло свою первоначальную эффективность.

Попытка коалиционных лидеров прикрыть свою трусливую уступчивость по отношению к Вене и короне необузданной шовинистической травлей невенгерских народов не имела того успеха, на который рассчитывали ее организаторы. Мнимое и призрачное национальное единство, созданное оглушительной националистической демагогией коалиционных партий, не выдержало испытания практической политики. Патриотические речи, все еще по инерции произносившиеся с неподражаемым апломбом и пафосом с парламентской трибуны, находились в кричащем противоречии с практическими делами коалиционного кабинета. Тем более горьким было разочарование поверивших в патриотизм Кошута и компании и жестоко обманутых ими масс крестьянства, мелкой и средней буржуазии.

Саморазоблачение коалиции послужило отправным пунктом для новой перегруппировки политических сил. Националистический дурман перестал скрывать противоположность экономических, политических и социальных интересов различных групп и слоев населения, следовавших в фарватере партии независимости и других партий коалиции. На передний план выдвинулись социальные и классовые противоречия.

Начался отход крестьянства от коалиции. Не случайно, что именно в период правления коалиционного кабинета в 1906—1910 гг. образовались первые чисто крестьянские политические организации. Возникшие в конце XIX в. и в начале 900-х годов партии Варкони, Мезёфи, а также социал-демократический Союз сельскохозяйственных рабочих, охватывали преимущественно полупролетарские и пролетарские слои венгерской деревни.

Первая самостоятельная крестьянская партия была учреждена в комитате Бекеш в 1906 г. Ее возглавил сын богатого крестьянина из Бекешчаба Ахим Андраш. Человек огромного роста и незаурядной физической силы, он невольно внушал страх и уважение своим политическим противникам, каких было немало среди местных помещиков. Своими смелыми разоблачениями господствовавших в комитатской администрации коррупции и помещичьего произвола он быстро завоевал популярность среди жителей сел, хуторов и больших сельскохозяйственных городов Венгерской равнины (Алфёльда).

В 1905 г., одержав на выборах победу над крупным помещиком Э. Жилинским, Ахим стал первым крестьянским депутатом венгерского Государственного собрания, где он вел себя так же независимо и гордо, как в своем родном городке. Нисколько не смущаясь ни великолепием вновь отстроенного

огромного дворца на берегу Дуная, ни изысканностью манер аристократического и дворянского большинства палаты, ни модными нарядами заполнявшей галереи публики, Ахим неизменно появлялся в зале заседаний в сапогах и в черной паре, которые венгерские крестьяне носили по праздничным дням, демонстративно подчеркивая свою принадлежность к народу. Неслыханная в анналах Государственного собрания дерзость депутата из Бекешчаба дошла до того, что он осмелился внести в парламент официальный законопроект о выкупе государством латифундий и церковных владений и передаче их в аренду беднякам ¹⁶⁴.

С парламентской трибуны и через основанную им «Парастуйшат» («Крестьянскую газету») Ахим требовал предоставления всем гражданам страны независимо от национальности, религии и имущественного положения равного и тайного избирательного права ¹⁶⁵. «Отцы нации» не могли простить ему подобного вольнодумства. В сентябре 1906 г. депутатский мандат Ахима был аннулирован. С этого времени он целиком посвятил себя делу организации широкой партии крестьянства.

Состоявшийся в 1908 г. II съезд независимой крестьянской партии принял новую программу, которая содержала более радикальные требования, чем программа 1906 г. Главным ее пунктом было требование раздела поместий, размер которых превышал 1000 хольдов (в программе 1906 г. речь шла лишь о владениях свыше 10 тыс. хольдов). Партия выступала за самостоятельную таможенную, демократизацию администрации, прогрессивное налогообложение и отстаивала интересы имущего крестьянства ¹⁶⁶.

А. Ахим считал, что крестьянская партия может идти вместе с рабочим классом, «но они всегда останутся чужими друг другу». Он осуждал стремление социал-демократии привлечь на свою сторону деревенский пролетариат, который, по его мнению, составляет вместе с мелкими землевладельцами единый класс и потому должен быть в рядах крестьянской партии. Отстаивая политическую самостоятельность крестьянства и его партии, Ахим утверждал, что рабочая партия «не может быть призвана руководить крестьянством» ¹⁶⁷.

Тем не менее состоявшийся в начале июля 1908 г. конгресс крестьянской партии принял специальную резолюцию, в которой говорилось о готовности партии Ахима сотрудничать с социал-демократической партией в борьбе за всеобщее избирательное

¹⁶⁴ KN, 1906, II, 195—197. I.

¹⁶⁵ «Parasztújság», 8.IV 1906.

¹⁶⁶ «Parasztújság», 23.VIII 1908, 14.VI 1908; N, 18.VIII 1908.

¹⁶⁷ HSz, 1908, 310—314. I.

право, если последняя обратиться к ней с таким предложением. Однако этот призыв не нашел отклика со стороны руководителей венгерской социал-демократии. Наоборот, «Непсава» и особенно орган социал-демократического Союза сельскохозяйственных рабочих «Вилгсабадшаг» постоянно печатали на своих страницах выдержанные в издевательских тонах материалы о крестьянской партии и о ее популярном вожде.

Ссылаясь на то, что движение Ахима пользуется влиянием в не более чем четырех комитатах (Бекеш, Чанад, Чонград и Бихар), социал-демократические лидеры считали возможным высокомерно третировать его как незначительное явление в общественно-политической жизни страны. Представители же местных властей, нисколько не преувеличивая истинного размаха движения, с пристальным вниманием следили за ним, так как полагали, что в отличие от социал-демократии крестьянская партия Ахима «имеет перспективы развития»¹⁶⁸.

Отношение А. Ахима к социал-демократии и рабочему движению было пронизано недоверием и порою даже враждебностью¹⁶⁹. Отрыв от социалистического пролетариата дорого обошелся этой демократической организации. Стремясь выйти из политической изоляции, она завязала через И. Криштофи связи с реакционной кликой эрцгерцога Франца-Фердинанда, став орудием ее антивенгерских политических интриг.

Такая же участь постигла Всевенгерскую земледельческую партию, образованную в Балмазуйвароше весной 1908 г.¹⁷⁰ Обе эти партии носили местный, провинциальный характер, сфера их деятельности не выходила за пределы одного или нескольких комитатов Алфёльда.

Более значительным по масштабу своей деятельности политическим формированием венгерского крестьянства стала партия мелких сельских хозяев, которая была основана в 1909 г. богатым крестьянином из задунайского комитата Шомодь И. Надьатади Сабо¹⁷¹. Первоначально она также выступала за уничтожение пережитков феодализма, за ликвидацию латифундий и за демократическую избирательную реформу, но затем постепенно превратилась в типичную кулацкую партию, отстаивавшую незыблемость частной собственности на землю.

Возникновение крестьянских партий, особенно последней, способствовало значительному сужению массовой базы коалиции и в первую очередь ее ведущей силы — партии независимости.

¹⁶⁸ FL, BpF, eln. 1908—1912. res.

¹⁶⁹ *Achim András. Vita a paraszti programról.*— «Huszadik Század». II. k. Bp., 1908, 314. l.

¹⁷⁰ MSzM, 1908, 663. l.

¹⁷¹ *Bodrogközi Zoltán. A magyar agrármozgalmak története.* Bp. 1929, 114. l.

В 1908—1911 гг. стали более интенсивными и настойчивыми попытки передовой части буржуазной интеллигенции вырваться из-под влияния традиционного дворянского политиканства, погрязшего в бесконечных и бесплодных спорах вокруг венгерского государственного права, Прагматической санкции и Соглашения 1867 г. Возникло новое идейное течение, отражавшее тенденцию к размежеванию от дворянства как в области идеологии, так и политики. Конечной его целью было обновление венгерского общества на капиталистических началах и ликвидация феодальных пережитков при помощи экономических, политических, социальных и административных реформ без революционного вмешательства масс.

Наиболее сильной стороной этого нового течения, названного буржуазным радикализмом, являлась критика пороков и недостатков существующего строя. Оскар Яси, Пал Сенде, Бодог Шомло, Йожеф Маджар и другие идеологи венгерского буржуазного радикализма черпали свою аргументацию из модных в то время в Европе эволюционистских учений Спенсера и Бергсона и частично также из препарированного в ревизионистском духе исторического материализма Маркса и Энгельса.

Буржуазные радикалы вышли из масонского движения и в первую очередь из трех его прогрессивных лож «Мартинович», «Демократия» и «Коменский». В 1906—1908 гг. они сложились в самостоятельное течение, центрами которого стали «Социологическое общество» и его журнал «Двадцатый век» («Хусадик Сазад»), а также «Кружок Галилея». Они страстно бичевали клерикализм и реакционность господствовавшей идеологии, выступали за отмену латифундий, введение всеобщего избирательного права и других демократических свобод, за признание прав невенгерских народов на свободное и беспрепятственное развитие своей культуры и языка.

Не имея собственной массовой базы и массовых организаций, буржуазный радикализм испытывал определенное тяготение к социалистическому движению пролетариата, стремясь использовать его силу и влияние для достижения своих классовых целей. Социал-демократическое руководство со своей стороны охотно шло ему навстречу, видя в буржуазном радикализме союзника более желанного, чем крестьянство и национальности. Сотрудничество между ними не ограничилось, к сожалению, совместной борьбой против коалиции за демократизацию общественного строя, а распространилось и на область идеологии.

Социал-демократия заимствовала у Яси и его сторонников концепцию о господстве феодализма в Венгрии. Социал-демократические лидеры совместно с радикалами основали «Свободную школу общественных наук», в которой активисты социалистического рабочего движения воспитывались, обучались и просвещались в духе идей буржуазного радикализма. Буржуаз-

ные радикалы искренно поддерживали все более или менее прогрессивные явления духовной жизни и культуры Венгрии, способствовали пробуждению интереса венгерской общественности к проблемам социального развития, расширяли оппозицию против правящей коалиции.

Сужению массовой базы коалиционных партий и прежде всего партии независимости способствовало обострение противоречий между средней и мелкой буржуазией, с одной стороны, и блоком крупной буржуазии и земельных магнатов — с другой. Недовольство этих слоев населения политикой коалиции стало предпосылкой начавшегося распада партии независимости.

Весной 1908 г. группа отколовшихся от нее депутатов образовала собственную партию, назвав ее левой партией независимости и 48-го года. Возглавляли ее И. Саппанош, Д. Надь и А. Бозоки, которые находили уступчивость Кошута и компании по отношению к Австрии чрезмерной, возражали против повышения доли Венгрии в общеимперских расходах (квоты) и планировавшегося правительством увеличения численности рекрутского набора в общую армию.

Новую пищу растущим внутри самой правящей коалиции оппозиционным настроениям дало опубликование осенью 1908 г. законопроекта Андраши о плюральном избирательном праве¹⁷². Вопиющий антидемократизм его был столь очевидным, а негодование, вызванное им, столь всеобщим, что мало кто даже из самых прожженных политиканов осмеливался открыто поддержать проект Андраши.

На первый взгляд реформа, предложенная министром внутренних дел, расширяла избирательные права граждан, так как предусматривала предоставление права голоса всем гражданам, достигшим 24 лет и умеющим читать и писать. Но это только на первый взгляд. На самом же деле подданные Венгерского королевства официально объявлялись неравными перед законом. Те из них, кто достиг 32 лет и окончил 4 класса средней школы или же имел возможность вносить в казну 20 крон подоходного налога, получал два голоса, а те, кто платил 100 крон налога и к тому же имел законченное среднее образование, получал три голоса. Зато безграмотным венгерским гражданам Андраши великодушно давал 1 голос на 12 человек¹⁷³.

Реформа была рассчитана не только на сохранение, но и на дальнейшее укрепление политической монополии правящих классов в ущерб интересам венгерских трудящихся и угнетенных национальностей. По мнению германского генерального кон-

¹⁷² «Az Ujság» (Bp.), 12.XI 1908.

¹⁷³ KI, 1908, XXVIII, 926. sz.

сула в Будапеште, проект имел целью «путем введения плюрального голосования и соответствующего распределения избирательных округов обеспечить на обозримое время гегемонию элементов, до сих пор поддерживавших венгерское господство». «Таковыми,— писал далее он,— наряду с мадьярами открыто признаются немцы; более того, последним предоставляются даже больше преимуществ, чем первым. В то время, как мадьяры получают на одну пятую больше голосов, чем их численность, немцам новое избирательное право дает 16% всех голосов, вместо полагающихся им 11% в соответствии с их численностью»¹⁷⁴.

Плюральный законопроект не принес лавров ни автору, ни тем более правительственному большинству. Кабинет Векерле—Кошута оказался достаточно благоразумным, чтобы не спешить с его обсуждением. А вскоре он был отодвинут и вовсе забыт после событий, которые должны были завершиться печальным исходом для правительства, коалиции и партии независимости. Совершенно неожиданно зловещую роль в их судьбе сыграл так называемый банковский вопрос.

В 1910 г. истекал срок полномочий Австро-венгерского банка. В конце 1907 г. палата депутатов утвердила крайне невыгодное для Венгрии экономическое соглашение с Австрией, поверив торжественному обещанию кабинета, что по истечении срока действия договора об «Австро-венгерском банке» он не будет возобновлен и Венгрия получит таким образом возможность учредить собственный государственный банк.

Партия независимости после многих уступок, сделанных ею сторонникам дуализма в коалиции, надеялась восстановить свой сильно пошатнувшийся авторитет претворением в жизнь этого единственного программногo требования. Однако этому противились не только в Вене, но и в самом Будапеште. Уже весной 1908 г., когда еще ничто не предвещало банковской бури, Кошут, словно предчувствуя беду, предсказывал: «Сохранить коалицию в ее нынешнем виде будет трудно», ибо в банковском вопросе Андраши и Векерле «ни за что не хотят принять точку зрения партии независимости...»¹⁷⁵

Кошут горько сетовал на то, что несмотря на все жертвы, принесенные его партией ради сохранения единства коалиции, причем часто «в противоположность собственным принципам», Андраши и Векерле срывают все попытки партии независимости осуществить хотя бы один из тех лозунгов, которые она провозглашала в течение 40 лет.

Уже в это время Кошута занимала мысль о создании однопартийного правительства путем прямой сделки с королем. Ес-

¹⁷⁴ SLHA, d. 1837, N 666 (A. 15982), 5.I 1908.

¹⁷⁵ OL, Kgy, II, 10, 1850—1923; SLHA, d. 1837, N 666 (A. 15982), 19.III 1908.

ли бы удалось склонить последнего согласиться с учреждением венгерского национального банка в 1911 г. и самостоятельной таможни в 1907 г., то партия независимости приняла бы все военные требования Австрии и короны, «дала бы армии все, что нужно, и гарантировала бы спокойное правление»¹⁷⁶.

Когда во время аудиенции 1 апреля 1908 г. Кошут заговорил о возможности формирования такого правительства, Франц-Иосиф сухо заметил: «Об этом еще преждевременно говорить, коалиция должна сохраниться»¹⁷⁷. Таким образом, попытка лидера партии независимости опередить события еще до наступления правительственного кризиса не увенчалась успехом.

Между тем в конце 1908 г. правление «Австро-венгерского банка» официально обратилось к правительствам Австрии и Венгрии с просьбой о продлении срока полномочий банка. Чтобы избежать преждевременного раскола коалиции, Андраши и Векерле выдвинули компромиссную идею создания картельного банка взамен общего австро-венгерского. Суть ее заключалась в учреждении двух самостоятельных эмиссионных банков, действия которых должны были координироваться общей комиссией, в которой руководители обоих банков имели бы равное представительство.

Комиссия должна была иметь широкие полномочия в ведении и контроле финансовых операций, размещении ценных бумаг, регулировании денежного обращения, конверсии валюты и т. д. Т. е. создание такого национального банка несколько не продвинуло бы дело венгерской экономической независимости, ибо его собственная самостоятельность была бы равна нулю. Несмотря на это, 12 февраля 1909 г. совет министров Венгрии обсудил и одобрил это предложение.

Однако австрийское правительство отклонило идею картельного банка. Отрицательным был и ответ короля. Сославшись на международное положение, Франц-Иосиф 24 апреля официально высказался за сохранение общности банка. На следующий день кабинет Векерле принял решение об отставке. 27 апреля король принял отставку кабинета, одновременно поручив ему ведение дел вплоть до формирования правительства¹⁷⁸. Начался новый правительственный кризис.

8 июня Кошут предложил королю поручить партии независимости, обладавшей абсолютным большинством мест в парламенте, образование конституционного кабинета, но ответом было категорическое «нет». «...Со многими вашими стремлениями я не могу согласиться, я не могу их одобрить и потому не могу

¹⁷⁶ OL, Kgy, II, 10, 1850—1923; SLHA, d. 1837, N 666 (A. 15982), 5.IX 1908.

¹⁷⁷ OL, MTJ, 62.sz., 12.II 1909.

¹⁷⁸ OL, MTJ, 48.sz., 25.IV 1909.

только вам одним доверить правительство»,— сказал Франц-Иосиф ¹⁷⁹. На следующий день Кошут, доложив о безрадостных результатах своего визита в Вену руководящему комитету партии независимости, все же высказался за сохранение коалиции.

Против признанного вождя партии выступила группа депутатов во главе с председателем палаты Д. Юштом, которая решительно настаивала на образовании однопартийного кабинета и немедленном создании самостоятельного государственного банка. Акции Кошута катастрофически падали. «Начиная с сегодняшнего дня,— писала известная пештская газета,— истинным вождем этой партии является не Ференц Кошут, а Дюла Юшт» ¹⁸⁰.

Конференция партии, состоявшаяся 9 июля, подтвердила большинством голосов позицию так называемой «банковской группы» Юшта ¹⁸¹. Появилась реальная угроза раскола партии независимости. Раскол не произошел в начале лета только потому, что политические лидеры не хотели себе портить летние каникулы. По предложению кабинета Векерле—Кошута, король отложил разрешение правительственного кризиса до осени 1909 г.

С наступлением осени кризис коалиции вступил в заключительную, решающую фазу. Возобновившиеся осенью переговоры обнаружили глубокие расхождения между отдельными партиями коалиции и внутри самой партии независимости. В начале ноября 1909 г. Кошут открыто стал на сторону Андраши, который тщетно пытался сформировать новое правительство, составленное из правых и умеренных элементов коалиции при условии сохранения «Австро-венгерского банка».

Лидер банковской группы Юшт, выступая на митинге в г. Мако, в присутствии 94 депутатов парламента от партии независимости публично осудил отступничество официального вождя партии. Никакого сотрудничества, никакой коалиции со сторонниками Соглашения 1867 г., говорил Юшт, демонстративно подчеркивая свое несогласие с Кошутом. Первостепенной важности задача партии независимости, заявил он, восстановление экономической независимости Венгрии путем создания самостоятельной таможни, самостоятельной кредитной системы и собственного государственного банка. Эта программа выражала стремления широких кругов мелкой и средней буржуазии ¹⁸².

¹⁷⁹ OL, ME, III—2363.

¹⁸⁰ OL, Kgy, II, 10, 1850—1923, VI 1909.

¹⁸¹ ВрН, 10.VI 1909.

¹⁸² OL, ME, 1909-III-2363; MTJ, 5.VII 1909.

Чтобы привлечь к себе симпатии трудящихся, Юшт и его сторонники присоединились к требованию всеобщего избирательного права. 11 ноября состоялась партийная конференция, на которой группа Юшта внесла формальную резолюцию, содержащую эту программу. За резолюцию голосовало большинство участников конференции (120), против голосовали 74 сторонника Кошута¹⁸³. Последние вышли из партии и образовали партию независимости Кошута.

Раскол стал свершившимся фактом. Наступили последние месяцы агонии коалиции. Ее ускорению содействовал вновь появившийся на арене венгерской политики Иштван Тиса. Отчаянные усилия Кошута, Андраши и Векерле вдохнуть жизнь в разлагающийся труп коалиции и склотить новый кабинет на коалиционной основе потерпели неудачу. Франц-Иосиф, как и австрийское правительство Бинерга, решил не иметь теперь дело не только с радикальными деятелями коалиции, но и с умеренными консервативными ее элементами.

Коалиция до конца сыграла свою роль. Теперь перед лицом грядущих международных осложнений Вена желала видеть во главе Венгрии людей более решительных, энергичных и деятельных, способных навести в стране «порядок» и обеспечить армии прочный тыл. Наступала новая эра Тисы.

¹⁸³ ВрН, 10.VI 1909.

ПАРТИЯ ТИСЫ У ВЛАСТИ

**Приход к власти партии
национального труда**

17 января 1910 г. премьер-министром Венгрии стал доверенное лицо Франца-Иосифа и приближенный Тисы граф Карой Куэн-Хедервари. Это была попытка выйти из кризиса. Главной задачей нового правительства являлась подготовка страны и парламента к возвращению к власти графа Иштвана Тисы. Сам Тиса до поры до времени вынужден был держаться в тени и действовать из-за кулис. Как-никак, палата депутатов на 90% состояла из его противников.

У кабинета Куэна в парламенте не было не только необходимого большинства, но даже сплоченного меньшинства, на которое он мог рассчитывать. Поэтому за день до своего назначения, предвидя, что Государственное собрание в нынешнем его составе будет «неработоспособным», Куэн получил у короля разрешение прервать заседания палаты по своему усмотрению¹.

24 января правительство, в соответствии с парламентской процедурой, предстало перед палатой. Палата встретила его враждебно. Через три дня большинство депутатов проголосовало вотум недоверия кабинету Куэна. В тот же день, 28 января, заседания государственного собрания были прерваны до 24 марта. Одновременно Куэн сообщил королю о своем намерении распустить парламент и назначить новые выборы². Пришло время восстановить старую испытанную, верную букве и духу Соглашения 1867 г. либеральную партию, которая была распущена во время политического кризиса 1905—1906 гг. На этот раз, однако, под новой вывеской.

8 февраля Куэн объявил о предстоящем преобразовании «Национального кружка» в политическую партию³. В этом

¹ OL, ME, 1910-III-233/234.

² Ibid., 1910-III-233/489.

³ ВрН, 9.II 1910.

кружке, представлявшем собою нечто вроде политического клуба, нашли пристанище единомышленники Тисы после роспуска их партии в 1906 г. Заявление Куэна прозвучало как боевой призыв ко всем сторонникам дуализма. И первым на него откликнулась конституционная партия Андраши, которая 15 февраля заявила о самороспуске, чтобы облегчить задачу Тисе и Куэну. Только давнее личное соперничество с Тисой помешало последовать примеру своей партии самому Андраши. В тот же день появилась прокламация, в которой были изложены официальные цели правительства Куэна и партии Тисы. Авторы заявляли о своем намерении спасти страну от угрожающей ей «анархии», обеспечить «порядок», спокойные условия развития, проводить «национальную политику» и добиться полного примирения «нации с королем»⁴. За этими словами угадывалась решимость крупного капитала и землевладения любой ценой навести в стране угодный им порядок.

Партия национального труда была образована 19 февраля 1910 г. С первого же дня существования эта партия, как и само правительство, пользовалась неограниченным доверием венгерского финансового капитала. В лице бывших директоров и крупнейших акционеров пештского «Кредитного банка» Л. Лукача и К. Хиероними, занявших ключевые посты министров торговли и финансов, финансовый капитал получил прямое и непосредственное представительство в кабинете. Буржуазия со своей стороны не осталась в долгу. Особенно расщедрился «Венгерский банк», внесший через Лукача огромную сумму — 4 млн. 800 тыс. крон в партийную кассу для финансирования ее избирательной кампании⁵.

Впрочем, у сторонников Тисы были и другие, не менее эффективные средства воздействия на ход выборов. Кабинет Куэна воспользовался отсрочкой заседаний палаты, чтобы укрепить свои позиции путем смещения старых и назначения новых фёишпанов комитатов. Эта операция была необходима прежде всего для подготовки новых выборов, ибо, как резонно заметил в своем донесении саксонский посланник в Вене граф Рекс, «в Венгрии исход выборов зависит от воздействия правительства больше, чем в других странах»⁶. В то же время клика Куэна—Тисы делала все, чтобы оставить оппозиции как можно меньше времени на избирательную кампанию. О назначении новых выборов поэтому было объявлено не в день роспуска парламента — 21 марта, а спустя почти два месяца — 10 мая 1910 г.

⁴ «Az Ujság» (Bp.), 15.II 1907.

⁵ *Fábián Béla. A Dési-Lukács per.* Bp., 1911, 174—190. l.

⁶ SLHA, d. 1832, № 35, 1.II 1910.

На стороне сплотившихся вокруг Тисы сил венгерской реакции были также симпатии влиятельных кругов Вены. Министр иностранных дел Эренталь в беседе с германским послом фон Чиршки выразил надежду, что Куэну и Тисе «удастся основать жизнеспособную партию и обеспечить ей победу на выборах».

Эренталь, как и германские дипломаты, с вполне понятной заинтересованностью ожидал, что партия Тисы покончит с «непродуктивными государственно-правовыми спорами», «осуществить переход к устойчивой, соответствующей практическим потребностям Венгрии политике и тем самым окажет услугу... всей монархии»⁷.

Тиса и Куэн оправдали возложенные на них надежды. Результаты всеобщих выборов, состоявшихся 1—2 июня 1910 г., превзошли самые смелые ожидания. Партия национального труда завоевала абсолютное большинство мест в парламенте. К 257 ее мандатам следует добавить 21 мандат так называемых беспартийных сторонников 1867 г. Остальные места распределились следующим образом: партия Кошуна — 55 мест, партия Юшта — 41, группа беспартийных независимцев во главе с графом Михаем Каройи — 10, католическая народная партия — 13, христианские социалисты — 1, демократическая партия В. Важони — 2, партия мелких сельских хозяев Надьятади Сабо — 3 и представители национальностей — 8.

Весьма показателен национальный состав парламента. Подавляющее большинство депутатов (393 из 413) были мадьяры. Между тем, даже по сильно преувеличенным данным переписи 1910 г., лишь 54,5% населения Венгрии (без Хорватии) составляли венгры. Остальные места в палате депутатов были распределены следующим образом: 2 депутата от двухмиллионного словацкого населения, 5 депутатов от 3 млн. румын и 13 от 2 млн. немцев. Сербь (св. 1 млн. человек) и закарпатские украинцы 472 тыс. человек) вообще не были представлены в венгерском парламенте⁸.

Характерно, что почти 60% избирателей (637 тыс. из 1 млн.) составляли мадьяры. Но даже при таком соотношении избирателей венгерской и певенгерской национальностей, лишавшем права голоса значительную часть граждан немадьярского происхождения, мадьяры должны были бы получить 240 мандатов, а другие национальности 175, если бы, разумеется, не неслыханный произвол во время выборов. Парламент созыва 1910 г., представлявший интересы узкой прослойки пра-

⁷ SLHA, d. 1832, № 106, A 2619, 11.II 1910; № 56, 23.II 1910.

⁸ BpH, 5.VII 1910; *Balla Antal*. A magyar országgyűlés története, 1867—1927, Bp., 1927, 336. 1.

вающей мадьярской клики, был еще более реакционным, чем предыдущий.

В момент бесславного падения коалиции демократические силы венгерского общества были разобщены и дезориентированы. Незавидным было положение и нового кабинета. В стадии организации находилась партия, от имени которой он правил страной.

Лишенные парламентской опоры, правительство Куэна-Хедваря и партия национального труда на первых порах были вынуждены действовать с чрезвычайной осторожностью, чтобы не допустить сплочения в едином антиправительственном лагере рабочего класса, крестьянства, средних слоев и буржуазных партий невенгерских национальностей. Группа Куэна—Лукача пыталась использовать в своих целях враждебность друг другу всех этих сил для упрочения своего положения.

Отношение партии национального труда к угнетенным народам страны было таким же угнетательским, ассимиляторским и мадьяризаторским, как и коалиции и всех прочих партий венгерских господствующих классов. Вместе с тем в политике Куэна (особенно до выборов в парламент), правящей партии и Тисы проявлялись тенденции, свидетельствовавшие об их стремлении, в отличие от коалиции, привлечь на сторону венгерского государства и дуалистического режима помещичье-клерикальную и буржуазную верхушку национальностей Венгрии.

Подобный подход к проблеме национальностей особенно был характерен для И. Тисы, рассматривавшего ее в тесной связи с ухудшившимся международным положением монархии и усилением опасных для Австро-Венгрии национально-освободительных движений как в пределах империи, так вне ее, особенно на Балканах. Заигрывание премьера с лидерами буржуазных национальных движений Венгрии было продиктовано чисто внутренними, партийно-политическими соображениями. Речь, произнесенная им в палате депутатов 12 июля 1910 г., создавала впечатление, что Куэн не представлял себе достаточно отчетливо угрозы дуализму и мадьярской гегемонии в Венгрии со стороны славян и румын⁹. Тиса, смотревший дальше и лучше понимавший ситуацию, сознавал, что интересы и монархии, и самой Венгрии требуют применения помимо насильственных иных средств. В первой же большой речи в парламенте нового созыва 12 июля он пытался убедить, прежде всего собственную партию, в необходимости некоторого пересмотра политики предыдущего правительства в национальном вопросе. Он говорил, что у «венгерской нации нет более трудной задачи», чем достижение единства между ее гражданами, без этого не-

⁹ KN, I, к. 102. I.

мыслимо «удовлетворительное решение проблемы национальностей»¹⁰. Тиса обратил внимание палаты на то, что соседние государства, даже те из них, правительства которых поддерживают с монархией самые дружественные отношения (например, Румыния), считают «венгерскую нацию деспотичной и угнетательской»¹¹. Тиса предупреждал, что прежняя национальная политика, которая «не ослабляет противника, а лишь раздражает его», может иметь роковые последствия, «бросив в объятия подстрекателей» широкие слои невенгерских народов¹². Он предлагал сочетать подавление железной рукой всяких попыток подстрекательства против «единности и неделимости» венгерского государства с удовлетворением «справедливых требований» немадьярских народов. Но когда Тиса заговорил об уступках в пользу национальностей, его речь была прервана шумными возгласами неодобрения. Не обращая на это внимания, он обратился с трибуны парламента к «естественным руководителям румынского общества» с призывом высказать откровенно «справедливые пожелания» и претензии румын, с тем чтобы общими усилиями создать предпосылки сотрудничества румын и мадьяров. Однако, добавил Тиса угрожающе, «венгерскую нацию нельзя принудить к уступчивости словом ненависти и подстрекательства»¹³. Эти слова оратора сопровождалась бурным одобрением аудитории; Тиса решительно требовал, чтобы представители невенгерских народов «признали единство венгерской политической нации»¹⁴.

Тиса полагал, что крупная победа на выборах партии национального труда и правительства создаст благоприятные условия для переговоров с лидерами буржуазных национальных движений немадьярских народов. В первую очередь имелась в виду национальная партия румын Венгрии. Выбор был не случайным. Тиса рассчитывал на поддержку Вены, Берлина и даже Бухареста. Румыния, как известно, с 1883 г. являлась членом Тройственного союза. Германская дипломатия, так же как и австро-венгерская, особенно после боснийского кризиса, готовясь к новым авантюрам, прилагала большие усилия, чтобы еще крепче привязать ненадежного румынского союзника к колеснице центральных держав¹⁵. Немалым препятствием на этом пути были румыно-венгерские противоречия, обострившиеся в связи с подавлением движения румын в Трансильвании, Банате и других частях Венгрии, с одной стороны, и до-

¹⁰ KN, I. k., 125. f.

¹¹ Ibid., 127. l.

¹² Ibid., 129. l.

¹³ Ibid., 130—132. l.

¹⁴ Ibid., 132. l.

¹⁵ В. М. Хвостов. Дипломатия в новое время. 1871—1914.— «История дипломатии», т. II, стр. 738.

могательствами правителей Бухареста на роль защитников попранных прав «единоплеменников». По существу речь шла об обладании богатствами населенных румынами территорий Венгрии, о стремлении румынских правящих кругов сделать Румынию центром притяжения для всех румын и создать «Великую Румынию»¹⁶. Тиса же, напротив, стремился путем некоторых уступок румынским помещикам, буржуазии и князьям церкви, а также дипломатическим нажимом на Бухарест со стороны Берлина и Вены положить конец ирредентистскому движению по обе стороны Карпатского хребта.

Тисе казалось, что румынский вопрос будет легче решить, чем югославянский, поскольку перспектив мирного урегулирования споров с Сербией с каждым годом становилось все меньше. Поэтому в своем выступлении в Араде в июне 1910 г. Тиса провозгласил политику примирения с румынами, которые, по его словам, имеют все возможности найти свое место «в рамках единой венгерской политической нации ... чтобы румынская национальность могла развиваться еще быстрее и плодотворнее»¹⁷.

Не теряя времени, сразу же после выборов в парламент Тиса обратился к румынским епископам с просьбой выступить посредниками между ним и руководством румынского национального движения. Одновременно министерством юстиции и культов были даны секретные указания школьным инспекторам воздержаться от жесткого применения законов 1907 г. о преподавании венгерского языка в румынских школах, быть повежливее в обращении с представителями румынской церкви. Министерство юстиции получило негласное распоряжение не форсировать слушание многочисленных судебных дел «о подстрекательстве»¹⁸.

В то же время по просьбе венгерского правительства посол монархии в Бухаресте Иштван Угрон при активной поддержке германского посла вступил в контакт с лидером либеральной партии и премьером И. Брэтиану. Последний в письме на имя министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталя в сентябре 1910 г. заверил его в своем благожелательном отношении к попыткам венгерского кабинета договориться с трансильванскими румынами. Вместе с тем он высказался за целесообразность прямых переговоров венгерских лидеров с руководителями национальной партии румын, а не только с епископами¹⁹. Об этом ни Тиса, ни тем более Куэн-Хедервари

¹⁶ В. Н. Виноградов. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1970, стр. 34—35.

¹⁷ ВрН, 31.VI 1910.

¹⁸ *Pölöskei Ferenc. Kormányzati politika és parlamenti ellenzék. 1910—1914.* Вр., 1970, 20. l.

¹⁹ *Ibid.*, 22. l.

и слышать не хотели, считая роспуск этой партии, незаконной в их глазах и не имевшей права на существование, предварительным условием примирения. В соответствии с этим Тиса продолжал переговоры с епископами и помещиком-адвокатом И. Миху, который хотя и состоял в национальной партии румын, но не входил в ее руководящие органы.

В середине сентября при посредничестве Миху был составлен и вручен Тисе меморандум, содержащий требования, «необходимые для осуществления возможности мирных условий и сотрудничества» румын Венгрии. Основные положения этого документа сводились к следующему: строгое соблюдение статей закона о национальностях от 1868 г. в отношении церковных и школьных дел, отмена всех противоречащих им распоряжений и практики, обеспечение возможности беспрепятственного функционирования самостоятельной политической партии румын, введение всеобщего избирательного права, образование не менее 50 избирательных округов с румынским большинством, назначение румынских чиновников в местные судебные и административные органы, учреждение новых румынских православных епископств, создание трех румынских гимназий²⁰. Эти требования оказались для венгерских правящих кругов неприемлемыми, и Тисе пришлось прервать переговоры²¹.

Румынская национальная партия после провала этих переговоров повела еще более энергичную кампанию, причем не только против политики кабинета Куэна, лишившего ее лидеров нескольких мандатов на выборах, но и против собственной церковной верхушки, проявлявшей склонность к соглашательству и сотрудничеству с венгерскими властями.

Еще более печальными оказались итоги хорватской политики Куэна-Хедервари, признанного в монархии специалиста по этому вопросу. В начале 1910 г., еще до парламентских выборов, казалось, дело шло не так уж плохо. Куэну удалось прекратить на очень короткое время состояние почти открытой войны хорватских партий с коалиционным кабинетом Векерле—Кошута. Куэн обещал им уважать венгеро-хорватское соглашение 1868 г. и даже пересмотреть ненавистную всем хорватам «железнодорожную прагматику». В знак своего «миролюбия» он отстранил от должности бана Хорватии-Славонии барона П. Рауха, назначив его преемником ученого правоведа, профессора Загребского университета Н. Томашича, пользовавшегося репутацией либерального деятеля²². В январе 1910 г.

²⁰ *Pölöskei Ferenc*. Op. cit., 22. 1.

²¹ OL, ME, 1912-XXV-226.

²² Ю. А. Писарев. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962, стр. 213—216.

Томашичу удалось договориться с ведущими хорватскими партиями. Куэн и Томашич провели избирательную реформу, увеличившую число избирателей в четыре раза. В ответ на эти уступки хорватско-сербская коалиция обязалась поддержать правительство Томашича, обеспечить нормальное функционирование сабора, прекратить бойкот венгерского Государственного собрания, причем хорватские депутаты должны были выступить в палате на стороне кабинета Куэна²³.

Однако Куэн и Томашич первыми нарушили это соглашение. Воодушевленный избирательной победой в Венгрии, Куэн решил и в Хорватии попытаться создать верное правительству большинство в хорватском саборе²⁴. В соответствии с его указаниями бан Томашич в августе распустил сабор и назначил новые выборы. Несмотря на подкуп, прямое вмешательство полиции и властей в ход выборов и разного рода манипуляции, Куэну—Томашичу не удалось добиться поставленной цели. Сторонники укрепления союза с Венгрией в конце октября потерпели поражение. Томашичу пришлось вновь вступить в переговоры с коалицией и после их неудачи провести в декабре 1910 г. выборы, также закончившиеся поражением мадьярофилов²⁵. На этом и закончилась бесславная политическая карьера загребского профессора. На посту бана в конце декабря 1911 г.²⁶ его сменил один из хорватских приближенных Куэна, бывший чиновник хорватского провинциального правительства Славко Цувай.

В своей внутренней политике правительство Куэна не гнушалось и социальной демагогией. Программа, провозглашенная Куэном с трибуны парламента, содержала обещание соблюдения свободы собраний и объединений, предусматривала увеличение числа народных школ, строительство дорог, а также домов для рабочих, благоустройство городов, оживление промышленности и торговли, проведение парцеллизации и т. д. В программе говорилось о намерении кабинета осуществить избирательную реформу на основе принципов всеобщего голосования, причем без плюральности и имущественного ценза²⁷.

Этого последнего обещания было достаточно, чтобы социал-демократическое руководство заняло по отношению к новому режиму позицию благожелательного нейтралитета. С заявлениями о поддержке правительства и его программы выступили также руководители крестьянской партии А. Ахим и демократической партии В. Важони.

²³ OL, MTJ, 1910-2, I.II 1910.

²⁴ OL, ME, 1910-879.

²⁵ Ю. А. Писарев. Указ. соч., стр. 100.

²⁶ Там же.

²⁷ KN, 1910, XXVI, 91—92.1.; PH, 25.I 1910.

Весной 1912 г. для кабинета Куэна-Хедервари, оказавшегося между двух огней — под непрерывным нажимом правящих кругов монархии, настаивавших на увеличении вклада Венгрии в военные усилия австро-венгерского империализма, с одной стороны, и оппозицией, требовавшей ответных уступок от Вены, — наступили тяжелые времена.

В конце марта 1912 г. Куэн со всем кабинетом отправился в Вену, чтобы доложить королю о тщетности своих попыток унять оппозицию. Визит оказался неутешительным: Франц-Иосиф недвусмысленно заявил о неотложности вотирования военных законопроектов. Более того, Франц-Иосиф угрожал в случае неудовлетворения Венгрией его требований отречься от престола. «Это высочайшее заявление, — подчеркнул Куэн, — если бы оно осуществилось, было бы тяжелым ударом и сопровождалось бы не поддающимися учету тяжкими последствиями не только для Венгрии, но и для всей монархии...» Поэтому, заявил он, необходимо во что бы то ни стало, не колеблясь ни на мгновение, «устранить от нации опасность такого рокового поворота». Этот демарш короля заставил кабинет взять обратно прошение об отставке.

29 марта Куэн созвал в Вене заседание совета министров, предложив просить короля опубликовать официальное заявление, в котором было бы сказано, что «его величество далек от мысли ущемить конституционные права венгерской нации, включая ее право на утверждение рекрутского контингента»²⁸, полагая, что подобное заявление поможет ему справиться с оппозицией. В противном случае он считал неизбежной отставку своего правительства. Франц-Иосиф в конце концов согласился с предложенным венгерским премьером способом решения вопроса и подтвердил свое одобрение деятельности возглавлявшегося Куэном кабинета. Но этого было мало. Вена желала скорейшего урегулирования политического кризиса и в Хорватии.

Этому вопросу было посвящено состоявшееся на следующий день, 30 марта, заседание венгерского правительства. Куэн обрисовал сложившееся в Хорватии положение довольно мрачно, указав, что он не видит иного выхода, как «восстановить порядок чрезвычайными и исключительными мерами»²⁹. Его поддержал бан Славко Цувай. Бан жаловался на то, что хорватско-сербская коалиция терроризирует народ, преследует сторонников правительства, что среди чиновников ослабла дисциплина, а подавляющая часть печати полна «необузданных нападок не только на правительство, но и на существующие

²⁸ OL, ME, 29.III 1912.

²⁹ Ibid., 30.III 1912.

правовые отношения между странами короны св. Иштвана...»³⁰ Исходя из этого, и бан, и премьер предложили воздержаться от проведения новых выборов в хорватский сабор, назначенных ими же на апрель 1912 г. Министр финансов Л. Лукач в своем выступлении подчеркнул, что правительство обязано прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы положить конец «антигосударственным, сепаратистским стремлениям в Хорватии-Славонии»³¹.

Подытоживая обсуждение, премьер-министр заявил, что во имя гарантии непоколебимости «идеи империи св. Иштвана» и восстановления в Хорватии «нормальных условий» целесообразно повторить опыт 1883 г., хотя «нынешнее положение намного хуже, чем в 1883 г.», принять чрезвычайные меры и назначить в Хорватию королевского комиссара с широкими полномочиями. Совет министров единогласно принял постановление о назначении комиссаром бана Цува³².

Последние перед войной парламентские выборы завершились крупным успехом объединенных сил венгерской реакции. Франц-Иосиф, уже давно привыкший к скверным вестям из Венгрии, на этот раз воспрянул духом, увидев в исходе выборов осуществление своего давнишнего желания — торжества «либеральной политики 1867 г.» Король, не скрывая радости, заявил министру финансов Буриану: «Я верю, что венгерская нация и в будущем будет стоять на стороне творения Деака», т. е. дуализма³³.

Пользуясь растерянностью и неорганизованностью оппозиции, в начале марта 1911 г. правительство провело через парламент законопроект о продлении полномочий «Австро-венгерского банка» до 1917 г. Вопрос, на котором сломала себе шею коалиция, не вызвал в палате почти никаких прений. Ободренные этим успехом, новые правители решили тотчас же приступить к выполнению самой важной и насущной для австро-венгерского империализма задачи — утверждению законопроекта об увеличении численности вооруженных сил монархии³⁴.

В мае 1911 г. кабинет Куэна представил палате законопроект, который предусматривал увеличение рекрутского контингента более чем на 40 тыс. человек ежегодно. В ответ партия независимости Юшта организовала в парламенте обструкцию, которая продолжалась до весны 1912 г. Так как попытка Куэна уладить конфликт с оппозицией не увенчалась успехом,

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

³² Ibidem.

³³ SLHA, d. 1832, № 66, A.4239, 14.III 1911.

³⁴ Ibid., № 143. A 6816, 16.IV, 1912.

в апреле 1912 г. он решил подать в отставку, уступив свое место Л. Лукачу. Тиса, настойчиво требовавший решительного подавления обструкции, 22 мая был избран председателем палаты депутатов.

Все эти изменения были осуществлены под прямым нажимом Вены, настаивавшей на скорейшем утверждении военного законопроекта. Дело дошло до того, что Франц-Иосиф 29 марта угрожал отречением от престола, если законопроект не будет утвержден. На заседании общего совета министров Австро-Венгрии военный министр генерал М. Ауффенберг-Комаров потребовал от венгерского правительства «довести до конца борьбу за решение военного вопроса, не терпящего отлагательства»³⁵.

Куэн не сумел выполнить эти требования. Все его усилия, писала влиятельнейшая газета Австрии «Нойе Фрайе Прессе», разрешить кризис «мирным путем полностью провалились», к тому же он «потерял доверие» общим министрам и короны³⁶. Его преемник Л. Лукач пользовался репутацией «самого выдающегося финансиста Венгрии» (этот финансовый гений менее чем через год оказался главным героем самого скандального в истории Венгрии судебного процесса о мошенничестве!). Император, по словам германского посла, особенно ценил Лукача за то, что «он всегда умел находить деньги, необходимые для военных целей, и финансовое ведомство, руководимое им, никогда не возражало против требований армии»³⁷.

Лукач был желанным лицом на посту венгерского премьера и для Германии. Благосклонность германской дипломатии он заслужил весьма оригинальным способом. Став в 1910 г. министром финансов в кабинете Куэна, Лукач первым делом аннулировал крупный заем, заключенный правительством Векерле во Франции. Он сумел быстро понять «большое политическое значение такой важной операции» и отдал предпочтение германскому денежному рынку перед французским³⁸.

Назначением Лукача премьером и избранием Тисы председателем палаты австро-венгерская реакция вплотную приблизилась к осуществлению своих целей. Не только оппозиция, но и сторонние наблюдатели хорошо понимали, что занятия Тисой председательского кресла в Государственном собрании предвещало начало «энергичной борьбы с обструкцией»³⁹.

4 июня председатель палаты лишил депутатов оппозиции слова, ввел в зал заседаний полицейских и голосами прави-

³⁵ SLHA, d. 1832, № 149, A 7205, 26.IV 1912.

³⁶ NFP (Abendblatt), 20.IV 1912.

³⁷ SLHA, d. 1832, № 149, A 7205, 26.IV 1912.

³⁸ SLHA, d. 1832, № 218, A 9143, 23.V 1912.

³⁹ Ibidem.

тельствования большинства добился утверждения военного законопроекта. Спустя четыре дня послушное Тисе большинство приняло новый устав парламента, который наделил председателя палаты диктаторскими полномочиями и предоставил в его распоряжение специальную «дворцовую охрану».

Венгерский парламентаризм с его вековыми традициями сословной конституционности умер, не успев стать буржуазным органом «народного представительства». Единственным властителем Государственного собрания сделался И. Тиса, который, выполняя волю наиболее реакционных империалистических сил монархии, шел по пути, избранному им, не зная колебаний, с последовательностью и одержимостью фанатика.

Отношение социал-демократической партии к режиму Куэна

На первых порах после прихода к власти правительства Куэна-Хедервари социал-демократическая партия, не строя никаких иллюзий насчет истинной сущности нового режима, занимала выжидательную позицию. Партии были хорошо известны взгляды стоявшего за спиной Куэна Иштвана Тисы, убежденного в том, что демократическая избирательная реформа хороша для любой страны, за исключением его собственной. Дать избирательные бюллетени миллионам трудящихся, особенно немадьярской национальности, по мнению Тисы, означало вложить в руки «врагам государства» оружие, которое рано или поздно будет употреблено для уничтожения мадьярской гегемонии. В то же время премьер-министр, не желая преждевременно раскрывать карты, уклонялся от подобных заявлений и, наоборот, всячески подчеркивал намерение своего правительства провести социальные и политические реформы.

Маневры и социальная демагогия Куэна порождали у некоторых социалистических лидеров надежды на то, что демократическая реформа избирательного права может быть осуществлена правительством партии национального труда. «Что бы ни произошло,— говорил во время переговоров о формировании нового кабинета секретарь социал-демократической партии Я. Вельтнер, выступая на митинге в Будапеште,— какое бы правительство ни пришло к власти, мы встретим его словами: дайте всеобщее, равное, тайное избирательное право. Это — единственное условие поддержки нами любого правительства в этом вопросе... Ради этого мы готовы вступить в союз с самим дьяволом...»⁴⁰ Сказано достаточно ясно.

⁴⁰ OL, VM, 1909-1035. res.

Другой партийный лидер Л. Тарцаи заявил 21 февраля, что социал-демократия не препятствовала, вопреки ожиданиям многих, образованию партии Тисы, «ибо это диктовалось политической целесообразностью, так как партия должна была родиться для того, чтобы похоронить коалицию»⁴¹. Лишь во время выборов и, особенно, после победы партии национального труда, убедившись в бесперспективности тактики ожидания милостей от реакции, социал-демократия начала переходить к политике союза с антиправительственной оппозицией, во главе которой стала партия независимости Д. Юшта. Социал-демократы рассчитывали, что в неизбежной после падения коалиции борьбе ее участников друг с другом и против клики Тисы—Куэна группа Юшта будет вынуждена искать союза и поддержки рабочего класса. И тогда, полагали социалистические лидеры, они смогут продиктовать Юшту свои условия, заставив его осуществить всеобщее избирательное право. Однако многолетняя практика правления коалиционного кабинета, особенно опыт последних четырех лет, породили в рабочем классе и в рядах партии глубокое недоверие ко всем без исключения партиям и группировкам бывшей коалиции. И лидеры социал-демократии опасались, что Юшт и его сторонники хотели бы использовать социалистическое рабочее движение в собственных целях, для того, чтобы с его помощью свалить новое правительство. Поэтому Тарцаи, в частности, заявлял, что «надо освободить страну от Тисы, но быть начеку, чтобы власть не перешла в руки Юшта и его сторонников, которые тоже не хотят давать права народу». Примечательно, что еще в это время все социалисты объявляли национальные лозунги Юшта (венгерский банк, таможня и т. д.) «пустыми лозунгами», непригодными для того, чтобы превратить Венгрию в развитую «независимую страну»⁴².

Социал-демократическая партия соглашалась на сотрудничество с партией Юшта лишь в случае официального заявления и обязательного включения в ее программу лозунга всеобщего избирательного права. После того, что случилось, писала «Непсава» после выборов, «бороться только за национальные завоевания смешно. Борьба за самостоятельный банк — запоздалое и непопулярное дело». Газета уверяла, что оппозиция может рассчитывать «на самую энергичную внешнюю поддержку всей страны», если будет твердо и честно отстаивать всеобщее избирательное право⁴³.

Неудачные для партии Юшта парламентские выборы июня 1910 г. заставили ее пересмотреть прежнюю тактику и про-

⁴¹ OL, VM, 1910-108. ges.

⁴² Ibidem.

⁴³ N, 3.VI 1910.

грамму. Состоявшаяся в начале июля конференция ведущих деятелей партии приняла решение включить в программу наряду со старыми «национальными лозунгами» о венгерском государственном банке и самостоятельной таможне также требование всеобщего избирательного права⁴⁴. Граф Тивадар Батяни, вице-председатель партии, официально заявил, что сторонники Юшта будут «вести энергичную и непрекращающуюся борьбу» за принятие закона о всеобщем, равном и тайном избирательном праве, так как убеждены, что только таким путем можно избежать злоупотреблений на выборах и обеспечить нормальное течение «конституционной жизни»⁴⁵. С конца февраля и, особенно, с июня 1910 г., партия независимости начала усиленно агитировать за всеобщее избирательное право и предложила социал-демократии совместные действия.

«Социал-демократическая партия отказалась от продолжения самостоятельной пролетарской политики и уступила руководящую роль Юшту и его сторонникам»⁴⁶. В перемене политического курса социал-демократии помимо внешних факторов немалую роль сыграли обострившиеся в это время внутрипартийные разногласия.

После выборов «Непсава» предлагала подождать тронную речь короля и обнародование программы правительства и начать борьбу, если обнаружится, что программа не содержит «честного заявления» по поводу избирательной реформы⁴⁷. Но и тронная речь короля не рассеяла сомнений социал-демократического руководства. Важнейшие ее положения были сформулированы нарочито туманно, так как кабинет не желал преждевременно раскрывать своих карт. «Наиболее важной задачей правительства объявлялось «урегулирование вопроса об избирательном праве». Не называя определенных сроков, правительство обещало представить парламенту законопроект, «основанный на всеобщем избирательном праве», который должен был отвечать требованиям «демократического развития» при условии соблюдения «единонационального характера венгерского государства». Будет ли новая система голосования основана на принципах всеобщности, равенности, тайности — об этом правительство умалчивало. Зато оно не скрывало, что реформа будет направлена против прав и интересов угнетенных народов.

Социал-демократические лидеры, в течение последних пяти лет связывавшие всеобщее избирательное право с именем короля, вынуждены были признать: «Королевское обещание не осуществилось. Двор использовал всеобщее избирательное пра-

⁴⁴ «Magyarország», 2.VII 1910.

⁴⁵ «Magyarország», 5, 9.VII 1910,

⁴⁶ N, 10.VI 1910.

⁴⁷ N, 26.VI 1910.

во в качестве оружия для устрашения венгерского господствующего класса». Вера в демократизм династии была поколеблена. Однако комментируя тронную речь, «Непсава» все же находила возможным утверждать, что «лишь в случае крайней необходимости двор обратится к всеобщему избирательному праву»⁴⁸.

Отныне взоры лидеров социал-демократии все чаще обращаются к партии Юшта, о которой всего за несколько месяцев до этого Ж. Кунфи писал, что она так же не хочет демократической реформы избирательной системы, как и другие партии венгерского Государственного собрания⁴⁹. Политическое сотрудничество с буржуазными партиями и группировками, — необходимое для борьбы против такого сильного врага, как Тиса и его партия национального труда, однако, не обошлось без принципиальных уступок, наносивших ущерб интернационалистской позиции социал-демократии. В партийной пропаганде все чаще звучали нотки, ассоциировавшиеся с представлениями, свойственными образу мышления большинства представителей «официальной Венгрии». Возможно это происходило от желания партийных лидеров представить социал-демократию менее интернационалистической, более патриотичной, чем она была в глазах буржуазного общества, и сделать ее тем самым приемлемым для парламентской оппозиции партией.

Стремясь рассеять опасения тех, кто считал, что введение всеобщего избирательного права поставит под угрозу «мадьярский национальный характер» государства, центральный орган партии газета «Непсава» в передовой статье указывала, что «супрематия мадьяр лучше всего можно гарантировать, положив конец гибельной для страны деятельности «господствующих классов ... В государстве, где царят равноправие и благосостояние, нет необходимости в обеспечении национальной супрематии»⁵⁰. Удивительно, что подобные взгляды высказывались и некоторыми австрийскими социалистами. Известный идеолог австромарксизма К. Реннер, выступая на митинге, заявил: «Пусть Тиса не боится национальностей. Всеобщее избирательное право, средство не взрывающее государство, а скрепляющее его ... Если Франц-Иосиф не боится избирательной реформы, не может ее бояться и Тиса»⁵¹.

Усиление политической реакции создало благоприятные предпосылки для активизации тех элементов буржуазного общест-

⁴⁸ N, 22.IV 1910; MSzM, 1910, 20. 1.

⁴⁹ Szoc, 1909—1910, № 2, 49. 1.

⁵⁰ N, 26.I 1910.

⁵¹ N, 4.II 1910.

ва, особенно прогрессивной интеллигенции, которые, опасаясь за судьбы страны, видели будущее Венгрии на путях демократического развития. В этих кругах зрело убеждение, что от социальных и национальных потрясений Венгрию может спасти лишь радикальная реформа избирательного права. Большинство учредителей Лиги всеобщего избирательного права (она была образована 21 апреля 1910 г.) считало всеобщее избирательное право лучшей гарантией сохранения «единого венгерского национального государства». Стремясь рассеять опасения «истинных мадьярских патриотов» в отношении избирательной реформы, один из членов лиги в своем выступлении на учредительной конференции подчеркивал, что ограничение права голоса образовательным цензом (умением читать и писать) обеспечит преобладание избирателей-мадьяр.

Наряду с бывшим премьер-министром Д. Банфи, чье правление было отмечено яростным преследованием социалистических организаций в 90-е годы, среди основателей Лиги фигурировали также руководитель буржуазных радикалов О. Яси и социалисты Й. Динер-Денеш и Э. Гарамы. Последний в своей речи счел нужным особо подчеркнуть, что всеобщее избирательное право для его партии не является «специфически социалистическим требованием», а лишь средством превращения «аграрно-феодальной Венгрии» в буржуазную страну.

В резолюции, принятой учредительной конференцией, указывалось, что задачей лиги является пропаганда идеи всеобщего избирательного права в столице и провинции. Председателем лиги был избран барон Банфи, в исполнительный комитет от социал-демократической партии вошли Гарамы, Кунфи и Бухингер⁵².

В начале ноября 1910 г. ведущие деятели Лиги всеобщего избирательного права образовали так называемый «Клуб реформ» — политический центр сторонников избирательной реформы из либеральной интеллигенции. Социал-демократия была представлена в клубе Бухингером, Гарамы, Кунфи и Динер-Денешом. Председателем правления клуба стал барон Банфи⁵³.

Борьба тенденций в социал-демократии по вопросам тактики

В предвоенные 1910-е годы обсуждение вопросов тактики заняло в жизни и деятельности партии более важное место, чем в предыдущий период. В острых и порою страстных и непримиримых столкновениях мнений, в первую очередь вокруг поли-

⁵² N, 10.XI 1910.

⁵³ Szoc, 1910—1911, № 2, 52. l.

тики рабочего класса и его партии, постепенно выкристаллизовались три течения — правооппортунистическое, центристское и левое.

Борьба реформистской и революционной тенденций в венгерском рабочем движении, особенно отчетливо проявившаяся в годы первой русской революции, вызвала к жизни левое течение. В составе группы левых социал-демократов, поднявшей знамя восстания против всеильного оппортунистического руководства, в 1906—1909 годах произошли значительные изменения. Часть левых во главе с виднейшим деятелем венгерского рабочего движения начала XX в. Эрвином Сабо, встав на путь анархосиндикализма французского толка, по существу оказалась вне рядов социалистического рабочего движения. Уход из партии Сабо — теоретика европейского масштаба, пользовавшегося к тому же всеобщим уважением и авторитетом в социалистических кругах не только Венгрии, но и других стран Европы, оказался утратой, которую венгерское рабочее движение не могло возместить в течение длительного времени.

Наиболее яркой фигурой складывавшегося, значительно более слабого, чем левое, центристского течения был Жигмонд Кунфи. Бывший педагог, друг и ученик Э. Сабо пришел в партию в 1906 г. по личной рекомендации Сабо. Человек, несомненно, одаренный, мыслящий, широко образованный публицист и блестящий оратор, он быстро выдвинулся в первые ряды движения, стал главным редактором теоретического журнала «Социализмуш» и членом руководства социал-демократической партии. В целом он неизменно поддерживал официальную линию партийного руководства. Отличие его взглядов от точки зрения Гарамии и некоторых других лидеров партии более или менее отчетливо проявилось во время дискуссии по вопросам тактики, которая была организована по инициативе партийной организации IX района Будапешта. В дискуссии, продолженной на страницах журнала «Социализмуш», приняли участие Вельтнер, Бухингер, Кунфи, Тарцаи, Динер-Денеш и другие.

В целом все участники дискуссии исходили из общепризнанного тезиса о господстве феодализма в Венгрии, которое, по их мнению, могло быть подорвано лишь при помощи всеобщего избирательного права. Эти два тезиса, являвшиеся альфой и омегой теоретической платформы венгерской социал-демократии, казались бесспорной истиной, не нуждавшейся в доказательствах. Расхождения касались главным образом средств и путей достижения цели.

Позиция правого крыла в наиболее концентрированном виде была изложена в выступлении ведущего теоретика венгерского реформизма И. Динер-Денеша. В этом выступлении он не только повторил взгляды, высказанные им в 1906 г., но и развил их дальше.

Суть этих соглашательских воззрений сводилась к следующему. В экономической и социальной структуре Венгрии по сравнению с первыми годами XX в. никаких изменений не произошло. Как и раньше, Венгрия продолжает оставаться феодальной страной. Превращение феодальной Венгрии в буржуазно-капиталистическую и есть историческая задача венгерского рабочего класса. Пролетариат и социал-демократия могут добиться уничтожения феодализма в общей борьбе с буржуазией. Но поскольку у венгерской буржуазии не развито еще классовое сознание и в политическом отношении она не организована, то на долю венгерской социал-демократии выпала миссия пробудить у нее классовое чувство, политически организовать и даже «выковать для нее боевое оружие». Не беда, что после свержения феодализма буржуазия будет с удвоенной энергией бороться против рабочего класса, как это было во Франции и Германии. «Если мы вооружим буржуазию и в решающем бою против феодализма будем главной армией, а буржуазия лишь вспомогательным отрядом, у нее не будет достаточно сил для того, чтобы целиком забрать себе плоды победы. Вследствие этого мы будем находиться в более благоприятном положении в сражении, которое развернется между буржуазией и нашей партией»⁵⁴.

Путь, предлагавшийся Динер-Денешом, означал отказ пролетариата от классовой самостоятельности и от борьбы против капитализма. Динер-Денеш рекомендовал партии первым делом наладить прочные контакты с буржуазией и бросить все силы социал-демократии на агитацию и «просвещение буржуазии», чтобы убедить капиталистов в общности их интересов с интересами рабочих. Союз с буржуазией любой ценой, включая отказ пролетариата от своих классовых целей, от повседневной борьбы за улучшение условий труда и жизни, если это мешает сближению с капиталистами,— такова, по мнению Динер-Денеша, тактика, которой неуклонно должна следовать социал-демократия Венгрии, чтобы завоевать всеобщее избирательное право. Соглашательская идея сотрудничества с буржуазией любой ценой с предельной откровенностью была выражена в выдвинутом им лозунге: «Мы должны по возможности избегать всего, что может бросить буржуазию в объятия феодализма и феодальной олигархии».

Динер-Денеш настойчиво рекомендовал социал-демократической партии в своей деятельности выдвигать на первый план те проблемы и конкретные цели, которые не противостоят интересам капитализма. Исходя из этого, социалистическое рабочее движение должно сосредоточить свои силы в борьбе за всеобщее избирательное право, за административные реформы,

⁵⁴ Szoc, 1910—1911, № 2, 54—56. 1.

против клерикализма, против дороговизны, налогового законодательства, ибо, как полагал Динер-Денеш, в этих вопросах интересы обоих классов тождественны.

В то же время он предлагал рабочим свернуть или, во всяком случае, «не доводить до крайностей» борьбу за снижение квартирной платы, так как «домовладельцы составляют часть буржуазии». В этом и подобных случаях партия, по мнению Динер-Денеша, должна пытаться найти какой-то «средний путь», чтобы не оттолкнуть капиталистов. Если же интересы рабочих и предпринимателей непосредственно сталкиваются, например, в отношении заработной платы или продолжительности рабочего дня, то в таком случае, писал Динер-Денеш, «я не вижу причин, почему бы в интересах политической борьбы нельзя было бы на время отложить эти вопросы в сторону»⁵⁵.

Опасаясь возражений со стороны профсоюзов, возглавлявших экономическую борьбу венгерского пролетариата, и видя в них главное препятствие на пути осуществления классового сотрудничества с буржуазией, Динер-Денеш предлагал реорганизовать социал-демократическую партию, создать независимые от профсоюзов политические организации, резко отделить политическое движение рабочего класса от его экономической борьбы.

Основным оппонентом Динер-Денеша в развернувшейся дискуссии был Ж. Кунфи. Безоговорочное принятие всей концепции Динер-Денеша в целом было равнозначно открытой капитуляции перед ревизионизмом. Это было тем более невозможно, что венгерская социал-демократия официально и формально стояла на позициях ортодоксального марксизма.

Кунфи оспаривал рассуждение Динер-Денеша о тактике партии. В принципе Кунфи не был против союза социал-демократии и рабочего класса с непролетарскими слоями населения и их политическими представителями. Он целиком и полностью одобрял политику партийного руководства во время кризиса 1905—1906 гг. Пресловутый пакт Криштофи—Гарамы в его глазах был образцом осмотрительности и гибкости в тактике.

Ориентация на династию, по словам Кунфи, была «единственной масштабной и перспективной идеей» венгерской и австрийской социал-демократии за последние десятилетия. Кунфи весьма сожалеет, что эта политика, которую он откровенно называл «политическим трабантизмом», потерпела неудачу по не зависящим от социал-демократических лидеров причинам.

Так как в создавшейся обстановке на династию уже нельзя рассчитывать, главная задача партии, по мнению Кунфи, за-

⁵⁵ Szoc, 1910—1911, № 3, 108. 1.

ключается в «собрании сил». В этом мнения оппонентов сходились. Расходились же они в основном в том, какие силы следует «собирать» и какими пользоваться при этом средствами. Тактику, предложенную Динер-Денешем, Кунфи находил не только ошибочной, но и опасной, ибо она может помешать распространению влияния и увеличению сил социал-демократии.

Кунфи согласен, что для свержения феодализма и завоевания всеобщего избирательного права пролетариат нуждается в содействии буржуазии. Но в отличие от Динер-Денеша он считал венгерскую буржуазию не однородным классом, а классом, который включает в себя целый ряд прослоек, начиная от крупных капиталистов и кончая мелкими владельцами, часто с противоположными интересами — экономическими и политическими. Пытаться проводить какую-то «общую политику» с такой «буржуазией» Кунфи считал невозможным. Речь, по мнению Кунфи, может идти о городской буржуазии, объединяющей торговцев и промышленников. Но и в союзе с ними социалистический пролетариат не будет обладать достаточной силой для того, чтобы одержать верх над феодализмом. И тут Кунфи делает важное признание. Пролетариат не в состоянии одолеть феодализм потому, что «крестьянство представляет величайший резерв венгерского феодализма; громадная его масса, неорганизованная, введенная в заблуждение и привязанная цепями рабства к феодализму, парализует всякое демократическое стремление...»

Кунфи упрекал Динер-Денеша в том, что тот не принимает в расчет крестьянство, хотя этот упрек следовало бы адресовать самому себе, социал-демократическому руководству и всей партии в целом. По мнению Кунфи, тот, кто пытается добиться демократического преобразования венгерского общества без участия деревенского населения, совершает ошибку. Но сам Кунфи ничего не предлагал для того, чтобы сделать крестьянские массы «политической резервной армией» пролетариата.

Кунфи, как и Динер-Денеш, был за союз с буржуазией, но в противоположность своему оппоненту, он решительно возражал против капитуляции пролетариата перед буржуазией во имя достижения всеобщего избирательного права. «Мне не нужно такое всеобщее избирательное право, которое нужно купить путем снижения заработной платы рабочих и увеличения рабочего дня их, т. е. усиления эксплуатации пролетариата»⁵⁶, — писал Кунфи. В экономических выступлениях рабочего класса против капиталистической эксплуатации Кунфи видел «наиболее важную цель и ценнейший результат» всего пролетарского

⁵⁶ Szoc, 1910—1911, № 3, 109—112. 1.

движения. Само всеобщее избирательное право для Кунфи было лишь средством борьбы пролетариата за улучшение условий труда, средством облегчения этой борьбы.

Принятие программы Динер-Денеша, предупреждал Кунфи, толкнуло бы социалистическое движение на путь соглашательства и парламентского кретинизма. Профсоюзы перестали бы быть боевыми организациями, потеряли бы право на существование, пришли бы в упадок. Это в свою очередь подорвало бы условия существования и развития политического движения рабочего класса, ибо социал-демократическая партия лишилась бы материальных источников своей силы.

В то же время Кунфи одобрял усилия партийного руководства, направленные к установлению тесных контактов с Лигой всеобщего избирательного права, «Клубом реформ» и другими подобными буржуазными организациями. Разницу между официальной политикой партии и тактикой, предлагавшейся Динер-Денешем, он определял следующим образом: «Товарищ Динер-Денеш поднимает знамя буржуазии в нашем лагере, мы же развеваем знамя пролетариата в лагере противника»⁵⁷.

В статье под названием «Партия двух миллионов рабочих» Кунфи рассматривал конкретные возможности расширения социалистического движения. Возобновившаяся в партии в 1910—1911 гг. дискуссия вокруг аграрной программы убеждала его, как и многих других социалистов, в том, что в аграрном государстве невозможно достичь сколько-нибудь значительных успехов в борьбе за всеобщее избирательное право без активного участия в этом движении «сельской демократии». Таким образом, признанием в принципе необходимости аграрной программы и привлечения крестьянства к движению за демократическое преобразование венгерского общества Кунфи делал попытку отмежеваться от правооппортунистического крыла социал-демократии. Но конкретные его представления о решении этой важнейшей для Венгрии проблемы не отличались ни новизной, ни оригинальностью.

Кунфи выступал за разработку аграрной программы партии независимо от исхода теоретических споров о применимости Марксова закона концентрации в сельском хозяйстве. Но, ссылаясь на необходимость сохранения пролетарского характера социал-демократической партии, он утверждал, что социалистическая программа должна отвечать потребностям и устремлениям только сельскохозяйственных рабочих. Он отлично понимал, что большинство трудящегося населения венгерской деревни составляют не сельскохозяйственные наемные рабочие, лишенные всех средств производства, а крестьяне — владельцы

⁵⁷ Szoc, 1910—1911, N 3, 268. 1.

мелких и карликовых клочков земли. Последних Кунфи считал резервом не пролетариата, а крупных землевладельцев. По его мнению, первым условием прихода социал-демократии к власти является пролетаризация большинства населения страны. До тех пор, пока оно не перешло в ряды наемных рабочих, партия пролетариата может и должна проводить не социалистическую, а демократическую политику. Доказательство этого, как ни странно, он видел в Парижской Коммуне и в казусе Мильерана, сравнивая явно несравнимые вещи.

Пока большая часть населения страны не пролетаризирована, считал Кунфи, социалистическое движение и социал-демократическая партия могут быть лишь движением и партией меньшинства. Это означало, что венгерская социал-демократия должна «отказаться даже от теоретической возможности завоевания большинства сельскохозяйственного населения»⁵⁸. Соответственно этой концепции, программу партии, всю ее деятельность в деревне он ориентировал на привлечение миллиона сельских рабочих.

Некоторое отличие взглядов Кунфи от позиции правого крыла проявилось и в оценке уровня социально-экономического развития Венгрии. В указанной выше статье он предпринял попытку несколько пересмотреть концепцию о господстве в Венгрии феодализма. Несмотря на преобладание в стране «аграрного феодализма», «промышленный капитализм уже расправляет крылья и в Венгрии ... и последнее десятилетие прошло под знаком сильной индустриализации»⁵⁹. За эти десять лет выросло много новых заводов и фабрик и число промышленных рабочих достигло почти миллиона. «Капитализм вторгается в Венгрию», — писал Кунфи. Поэтому важнейшей задачей социал-демократической партии он считал просвещение и организацию новых масс рабочих, пришедших в промышленность из деревни.

Кунфи критиковал лидеров профсоюзов за то, что они не уделяли должного внимания созданию организаций на крупных предприятиях, хотя именно большие заводы наилучшим образом приспособлены для того, чтобы «стать подлинной практической школой социализма». Он признавал, что подавляющее большинство членов профсоюзов составляют рабочие мелких и средних предприятий. По словам Кунфи, крупнейшие индустриальные гиганты: завод «Ганца», машиностроительный завод государственных железных дорог, металлургический комбинат «Римамурань» «дают социалистическому движению едва ли столько же борцов, как будапештские кофейни и мясобойни».

⁵⁸ «Der Kampf», 1914, № 8, S. 530.

⁵⁹ *Kunfi Zsigmond. Kétmillió munkás pártja.*— Szoc, № 3, 1910—1911. 268—269. 1.

В завоевании и организации миллиона рабочих, в первую очередь крупнопромышленных, Кунфи видел самую важную и наиболее благородную задачу венгерской социал-демократии.

Вместе с тем Кунфи лучше, чем другие ведущие руководители партии, понимал необходимость привлечения к социалистическому движению деревенской бедноты. Именно ему принадлежит заслуга выдвижения лозунга «В деревню!», который хотя и был встречен в партии с большим одобрением, но практически так и не был осуществлен. Выступая с докладом о всеобщем избирательном праве на XVI съезде, Кунфи призывал венгерских социалистов «разрушить китайскую стену, воздвигнутую помещиками и попами вокруг деревенского населения»⁶⁰.

Для выполнения этой задачи и претворения в жизнь лозунга «В деревню!» он предлагал отказаться от прежних форм работы на селе и искать новые, более гибкие методы. В частности, по его мнению, социал-демократической партии следовало не ограничиваться посылкой в сельские районы профессиональных агитаторов и распространением социалистических изданий, бесполезных и непонятных крестьянам по той простой причине, что большинство их не умеет читать. Наиболее эффективным методом агитации в деревне он считал устные беседы, которые должны вести, пользуясь воскресными и праздничными днями, городские рабочие.

Такое было конкретное содержание лозунга Кунфи. Недостаток его программы заключался в том, что ста тысячам промышленных рабочих, которым предстояло просвещать массы крестьян, нечего было им предложить, за исключением всеобщего избирательного права. Этого было совершенно недостаточно для того, чтобы заинтересовать жаждавших земли крестьян и привлечь их к социал-демократической партии.

Дело Алпари

Борьбу против реформизма в венгерском рабочем движении в 1910—1911 гг. возглавлял один из левых социал-демократов, впоследствии видный деятель международного коммунистического движения, замученный и казненный фашистами в концлагере Заксенхаузен в 1944 г. — Дюла Алпари.

Алпари (настоящее имя Мозеш Адлер) родился в 1882 г. в Дунафёльдваре (комитат Толна) в юго-западной части Венгрии⁶¹. В 1902 г., будучи молодым гимназистом, вступил в партию и в том же году начал сотрудничать в газете «Неп-

⁶⁰ MSzPJ, XVI, 76. 1.

⁶¹ OL, BM, eln. 1911—106 res.

сава». В 1907 г. в качестве редактора газеты «Ифюмункаш» («Молодой рабочий») он приступил к созданию социалистической организации рабочей молодежи, а затем вместе с К. Либкнехтом стал одним из инициаторов и учредителей Интернационала молодежи. С апреля 1907 г. по июль 1908 г. находился в качестве корреспондента «Непсавы» в Германии, где близко сошелся с Либкнехтом и другими видными деятелями германской «левой»⁶².

Переломным моментом в жизни и во всей его дальнейшей деятельности стал Штуттгартский конгресс II Интернационала на котором Алпари был делегатом. Выступления на этом конгрессе В. И. Ленина, Розы Люксембург и Клары Цеткин, подвергших уничтожающей критике теорию и практику международного ревизионизма, произвели глубокое впечатление на молодого венгерского марксиста.

С этого времени Алпари бесповоротно связал свою судьбу с революционным крылом международного пролетарского движения. Его тесные связи с германскими левыми не ускользнули от бдительных взоров берлинских сыщиков. Прусская полиция выслала Алпари из Пруссии⁶³. Против этого незаконного со специальной статьей протеста выступил центральный орган германской социал-демократии газета «Форвертс».

По возвращении на родину летом 1908 г. Алпари примкнул к уже сложившейся группе венгерских левых. Опыт, накопленный им в борьбе с германским ревизионизмом, оказался весьма кстати. Приехав в Венгрию, он развернул бескомпромиссную борьбу против реформистского руководства венгерской социал-демократии. Алпари резко критиковал антидемократические методы руководства партии, переоценку парламентаризма и погоню за депутатскими мандатами, склонность к беспринципным пактам.

Алпари внес свежую струю в деятельность левого крыла венгерской социал-демократии не только страстностью и партийностью своей критики. Под влиянием германской «левой» и благодаря участию в работе Штуттгартского конгресса II Интернационала, на котором В. И. Ленин и другие марксисты-революционеры с особой остротой поставили вопросы войны и мира перед всем международным пролетариатом, Алпари стал инициатором развертывания широкого антимилитаристского движения в Венгрии. По этому пути, в частности, он стремился направить деятельность Союза рабочей молодежи.

Особенной резкостью и прямоотой отличались его выступления против соглашателей из партийной и профсоюзной вер-

⁶² *Alpári Gyula. Válogatott írásai.* Вр., 1960, 6—11. l.

⁶³ *Ibidem.*

хушки. «Революционный инстинкт пролетариата уже давно возмущен этой «политикой» лидеров. И если бы венгерская партия была бы организована на демократической основе, эти руководители давно уже не были бы руководителями»⁶⁴, — писал Алпари в газете «Бремер Бюргерцайтунг». Так как реформистские лидеры захлопнули перед ним дверь в «Непсаву», он был вынужден публиковать некоторые свои статьи в Германии и особенно часто в органе немецких левых — «Лейпцигер Фольксцайтунг».

Партийное руководство он обвинял в подчинении деятельности партии интересам профсоюзной верхушки, в саботировании дела создания самостоятельных партийных организаций, в игнорировании воли членов партии, стремившихся определить тактику пролетариата и направлять его движение в соответствии с принципами классовой борьбы, а не соглашательства⁶⁵. Выступления Алпари против венгерских реформистов поддержали социал-демократическая организация VIII района столицы и некоторые профсоюзные организации и их органы «Ювеш», «Кёмювеш» и «Кюзделем» («Стекольщик», «Каменщик», «Борьба»).

Алпари одним из первых среди венгерских левых обратил внимание партии на соглашательскую позицию руководства в отношении правительства Куэна. 3 марта 1910 г. на заседании доверенных лиц Алпари в качестве уполномоченного партийной организации VIII округа Будапешта высказал опасения о существовании пакта между кабинетом Куэна и руководством партии. Двусмысленные статьи «Непсавы» и отдельные заявления лидеров давали для этого серьезное основание. Ответ, данный Бухингером, мог лишь усилить подозрения. Бухингер дал понять, что руководство не желает начинать борьбы, исход которой сомнителен. Ссылаясь на слабость партийных и профсоюзных организаций, оно избегало любых действий, могущих вызвать преследования властей против этих организаций, «которые они едва ли выдержали бы». Это были обычные и излюбленные реформистами отговорки.

Бухингер вскрыл истинную причину колебаний и выжидательной тактики социал-демократического руководства. Он признал сложившееся политическое положение настолько запутанным, что «неизвестно, против кого надо вести борьбу». Это уже было похоже на правду. Но главное заключалось в другом. Оппортунистам очень хотелось верить, что наиболее ярый противник всеобщего избирательного права И. Тиса не будет оказывать влияния на политику кабинета Хедервари и «правительственная избирательная реформа одержит победу». Имен-

⁶⁴ *Alpári Gyula. Op. cit., 75. l.*

⁶⁵ *MMTVD, IV/A, 227. l.*

но поэтому борьбу против правительства они считали «бесцельной»⁶⁶. Таким образом, партийная верхушка признала справедливость опасений Алпари. Тем более опасной для реформистов становилась его деятельность в рядах социал-демократии.

Состоявшийся 27—30 марта 1910 г. XVII съезд партии прошел под знаком состряпанного руководством «дела Алпари». Выступивший на нем со специальным сообщением Я. Вельтнер обвинил Алпари в распространении через зарубежную печать клеветы на социал-демократическую партию и профсоюзы⁶⁷. Еще ранее руководство партии обратилось к правлению германской социал-демократии с протестом против публикации в германской печати статей Алпари. Германское руководство обещало принять меры. Однако «Лейпцигер Фольксцайтунг» продолжила печатание материалов, направленных против венгерского реформизма.

Желая во что бы то ни стало заставить замолчать Алпари, которого помимо германских левых активно поддерживали партийная организация VIII городского округа, а также профсоюзы стекольщиков и столяров, социал-демократическая верхушка решила исключить его из партии с тем, чтобы поставить Алпари вне рядов социалистического движения Венгрии. С этой целью «дело Алпари» было передано на рассмотрение партийного арбитражного суда. После длительного расследования последний вынес решение, в котором говорилось, что суд «не исключает товарища Алпари из партии, а высказывает свое *неодобрение его поступку*, так как в инкриминируемых статьях он обнародовал такие обвинения, которые вообще *не могут быть доказаны*»⁶⁸.

Несмотря на давление руководства, партийный суд счел нужным дважды повторить в своем вердикте нежелание исключить Алпари из партии. Партийная комиссия нашла этот приговор «мягким», но все же подтвердила его. Разумеется, Алпари, который не участвовал в заседаниях руководящих органов партии и не имел доступа к его документам, трудно было доказать обоснованность некоторых обвинений, содержащихся в его статьях. Однако, как показало расследование, основные его обвинения реформистов по принципиальным вопросам были настолько бесспорны, что не нуждались в особых документальных доказательствах⁶⁹.

Вызванные на суд в качестве свидетелей Гарамии, Гарбаи и другие лидеры подтвердили, в частности, что они неоднократно

⁶⁶ PI Arch., Révész Mihály-gyűjtemény, 64—72.

⁶⁷ MSzPJ, XVII, 79—80. l.

⁶⁸ «Der Ungarländische Wahlrechtskampf». Budapest, 1910, S. 12.

⁶⁹ «Népakarat» (Győr), 10.VII 1910.

но вступали в соглашение с правительством по вопросам, касающимся форм и методов борьбы за избирательное право, а также относительно количества участников демонстраций и т. д. Они признались, что вели переговоры с Андраши, пытаясь договориться с ним относительно законопроекта о плюральном праве.

Партийное руководство, пытаясь приостановить рост влияния левых, добилось исключения Алпари на съезде партии. Левые организации заявили решительный протест против этого решения руководства партии и обратились с жалобой к Копенгагенскому конгрессу II Интернационала⁷⁰. 4 апреля 1910 г. состоялось партийное собрание VIII округа, которое отказалось принять к сведению резолюцию съезда партии об исключении Алпари и постановило передать это дело на рассмотрение международного социалистического конгресса в Копенгагене⁷¹.

Узнав об исключении Алпари, орган франкфуртской организации германской социал-демократической партии «Франкфуртер Фольксштимме» решительно поддержал Алпари. Напомнив своим читателям о статьях и корреспонденциях Алпари, печатавшихся на страницах газеты в течение полутора лет, она подчеркнула, что выступления Алпари «обвиняли венгерское партийное руководство в оппортунистических сделках», это, «естественно, сильно задело всемогущих вождей венгерской партии» и послужило причиной исключения.

Несмотря на то, что клеветнические обвинения венгерских реформистов в адрес Алпари получили официальное одобрение съезда, «Франкфуртер Фольксштимме» счел необходимым публично засвидетельствовать Алпари свое уважение: «Мы знаем Алпари как порядочного, надежного и честного человека, который без колебаний идет прямым путем и не имеет иных целей, кроме защиты интересов рабочего класса. Возможно, что в своих нападках он иногда нарушал равновесие, но ведь тот, кто имеет дело с осиным гнездом, вынужден действовать твердой рукой»⁷². В заключение «Франкфуртер Фольксштимме» выражал надежду, что, несмотря на решение конгресса венгерской партии, германские социалисты не изменят своего отношения к Алпари, а органы немецкой социалистической печати и впредь будут публиковать его корреспонденции.

Венгерские рабочие, члены цюрихского социал-демократического союза прислали в редакцию «Непсавы» текст резолюции, единодушно принятой на собрании этого союза 3 мая 1910 г. и потребовали опубликования ее в газете. Резолюция констатировала необходимость «строгого соблюдения принци-

⁷⁰ PI Arch., Szabó Ervin-gyűjtemény, 507/14—11; Szoc, 1909—1910, № 6, 27. 1.

⁷¹ PI Arch., Rgy. II. 3/1910/663-1.

⁷² Ibid., 3/1910/363-1.

пов классовой борьбы в движении организованного пролетариата за всеобщее избирательное право» и подчеркивала, что участники собрания «не усматривают в статьях Алпари клевету, а только лишь критику тактики партийного руководства»⁷³.

Изгнание Алпари из рядов социалистического движения преследовало цель предотвратить возможность образования сильной и организованной внутривнутрипартийной оппозиции, которая могла бы поколебать влияние реформизма в социал-демократии и профсоюзах. Если бы речь шла только об Алпари или небольших партийных и профсоюзных организациях, его поддерживавших, реформистское руководство, несомненно, воздержалось от применения таких крутых мер. Однако оно отлично видело, что деятельность Алпари пробуждает оппозиционные настроения во всей социал-демократии. Орган одного из крупнейших венгерских профсоюзов — союза металлистов «Ваш еш Феммункашок Лапья» прямо писал, что социал-демократические рабочие «имеют право на такое партийное руководство, которое не принижает перед врагом силу, серьезность и целеустремленность пролетариата». Газета подчеркивала, что классовая борьба рабочего класса должна вестись независимо от контактов с буржуазными партиями, «без всякого соглашательства и примиренчества». В другой статье эта же газета решительно отвергала попытки партийных лидеров квалифицировать всякую критику в их адрес как клевету. «Революционная партия должна в интересах прогресса,— писала газета,— терпеть критику как в собственных рядах, так и извне»⁷⁴.

В листовке, выпущенной партийной организацией VIII района Будапешта после исключения Алпари, указывалось, что Социал-демократическая партия Венгрии строится не на демократической основе и поэтому не пролетариату навязывает волю партийному руководству, а наоборот. Объясняется это также и тем, что рядовые члены партии не имеют возможности оказывать влияние на решения и ход ежегодных съездов партии, ибо «во многих организациях делегаты на съезд избираются не членами этих организаций», а по существу назначаются руководителями. Социал-демократы VIII района заявляли, что, несмотря на репрессии реформистского руководства, они и впредь будут вести решительную борьбу за преобразование партии венгерских рабочих «в истинную социал-демократическую партию»⁷⁵.

Из видных деятелей партии лишь Ж. Кунфи и З. Ронаи осмелились публично высказать свои сомнения относительно ре-

⁷³ N, 11.V 1910.

⁷⁴ Vas-és Fém munkások Lapja, 8.IV 1909.

⁷⁵ Ibid., 15.IV 1909; PI Arch, Rgy. II. 3/1910/663—1.

шения об исключении Алпари. Нисколько не разделяя взглядов Алпари, они решились выступить против грубой расправы, учиненной над инакомыслящим. Кунфи в своем открытом письме в журнал «Социализмуш» не одобрял действий Алпари, который, по его словам, «хочет исправлять мнимые или действительные ошибки венгерской партии» «через редакции немецких партийных газет». Но касаясь решения съезда, Кунфи указывал, что он, «как и многие другие члены партии, не считает такой способ правильным». Кунфи жаловался, что председательствовавший на заседании съезда Ш. Гарбаи «чересчур строго» вел заседание и лишил возможности тех, кто не был согласен с заключением комиссии, изложить и обосновать свои взгляды.

Позиция, занятая Кунфи по «делу Алпари», была соглашательской, центристской. Он считал, что если бы Алпари исключили из партии на полгода или максимум на год, решение съезда было бы единогласным, съезд не разделился бы на два лагеря и не было бы впечатления, «что хоть кто-то из делегатов солидарен с нападками Алпари, с их содержанием, аргументацией или с методами его борьбы»⁷⁶. Кунфи выступал лишь против решения внутрипартийных проблем методами наказаний и репрессий и ограничением свободы мнений в партии. По своему характеру его критика партийного руководства была морализирующей, а не политической.

Более принципиальный характер носила статья З. Ронаи. Не касаясь существа проблем, затронутых в статьях Алпари, он находил недопустимым исключение из партии за критику социал-демократической тактики. Поскольку социалисты борются за демократизацию общества, их непрменный долг осуществить демократию прежде всего в собственных рядах, что невозможно без обсуждения общепартийных дел в критическом духе: «Консерватизм всегда враждебен критике, всякая революция основана на критике» — таков лейтмотив рассуждений Ронаи⁷⁷.

Не скрывая своей антипатии к Алпари, Ронаи в то же время вынужден признать, что значительная часть его выступлений в сущности представляет собой комментарии к фактам, изложенным самой «Непсавой». Весьма важным было указание Ронаи о наличии в венгерской социал-демократии «сторонников радикальной и умеренной тактики», которые хотя и не сложились в четко разграниченные группы, как в Германии и других развитых странах, но «едва ли можно ожидать, что в будущем они прекратят свое существование»⁷⁸. По мнению

⁷⁶ Szoc, 1909—1910, № 6, 241—245. l.

⁷⁷ Ibid., 271. l.

⁷⁸ Ibid., 272—274. l.

Ронаи, насильственное подавление разногласий по вопросам тактики и политики социал-демократии равнозначно подрыву основ партии и потому решение съезда об исключении Алпари наносит ущерб интересам ее дальнейшего развития.

Примечательно, что Гарамии по существу обошел выступление Кунфи, сосредоточив весь огонь критики против статьи Ронаи. Гарамии утверждал, что Алпари исключен якобы не за критику тактики и политики партии, а за клевету против членов руководства и нарушение партийной дисциплины⁷⁹.

Ободренные поддержкой правого крыла II Интернационала, венгерские реформисты после Копенгагена начали травлю целых организаций. 23 декабря партийные лидеры созвали совещание доверенных лиц, которое приняло решение об исключении из социал-демократической партии организаций стекольщиков, строителей-дорожников и цементных рабочих. Оппортунистическое руководство, пользуясь своим влиянием, добилось исключения из профсоюзов поддерживавших Алпари групп, входивших в союзы строительных рабочих (под руководством Э. Марко), стекольщиков, путейцев⁸⁰.

В знак протеста против подтверждения партийным руководством решения союза строительных рабочих об исключении профсоюзных групп, поддерживавших Алпари, 6 августа подал в отставку секретарь и член руководства Социал-демократической партии Венгрии Л. Тарцаи. Последний заявил, что своими действиями лидеры социал-демократии, «стремясь к автаркии», нарушают устав партии и подавляют свободу критики⁸¹.

Несмотря на исключение, Алпари не сложил оружия. Вернувшись с Копенгагенского конгресса, Алпари, по всей вероятности, под влиянием бесед с В. И. Лениным, впервые в истории венгерского рабочего движения выдвинул идею организованного разрыва с оппортунизмом и создания революционной партии пролетариата⁸². В марте 1911 г. Алпари провозгласил лозунг: «За новую, настоящую социал-демократическую партию» и образовал организационный комитет в составе 25 членов для подготовки создания новой партии⁸³.

Активным помощником Алпари был Янош Хирошик, впоследствии видный участник венгерского коммунистического движения. Оппозиционная группа Алпари в марте 1911 г. основала собственный печатный орган — газету «Социал-демократ», пер-

⁷⁹ Ibid., № 7, 289—296. l.

⁸⁰ MSzPJ, XVIII, 16. l.; «Szakszervezeti mozgalom Magyarországon. 1907—1910». Bp., 1911, 11. l.

⁸¹ «Pesti Napló», 10.VIII 1910; «A Nap», 11.VIII 1910; N, 11, 13, 18, 23.VIII 1910. 23. VIII 1910.

⁸² *Alpári Gyula*. Op. cit., 239—241. l.

⁸³ «A Szociáldemokrata», Bp., 1911, márcus.

вый номер которой вышел в количестве 1000 экземпляров. Вместе с газетой подготовительный комитет разослал своим читателям текст следующего заявления, которое они должны были подписать в случае согласия: «Я, нижеподписавшийся, заявляю, что считаю необходимым образование новой Социал-демократической партии Венгрии и буду действовать в интересах ее создания. Если она возникнет, готов стать ее членом. Для покрытия расходов, необходимых для образования новой партии, посылаю (такую-то) ... сумму денег»⁸⁴.

Однако из-за отсутствия достаточной финансовой поддержки со стороны рабочих организаций группа Алпари в мае 1911 г., согласно донесению начальника полиции Будапешта министру внутренних дел, вынуждена была прекратить издание газеты и отказаться от попытки образовать новую социал-демократическую партию⁸⁵. Многие рабочие, одобрявшие деятельность Алпари, не решались порвать с официальной социал-демократией, так как это грозило изгнанием из профсоюза и лишением его материальной поддержки во время забастовок.

Против раскола выступили даже такие убежденные противники оппортунизма, как Л. Рудаш, Е. Ласло и Б. Ваго. У самого Алпари не было ясного представления о роли партии как передового, руководящего авангарда пролетариата. По многим важнейшим теоретическим вопросам он разделял ошибочные взгляды Р. Люксембург⁸⁶.

Понадобился мучительный и кровавый опыт империалистической войны, опыт Великой Октябрьской революции и венгерской пролетарской революции 1919 г., чтобы в рабочем движении Венгрии окончательно созрела идея создания революционной партии.

Копенгагенский конгресс II Интернационала и венгерская социал-демократия

В конце августа — начале сентября 1910 г. в столице Дании состоялся VIII международный социалистический конгресс, на котором венгерское рабочее движение было представлено довольно многочисленной делегацией. В делегацию, состоявшую из 13 человек, входили Гарамы, Кунфи, Бухингер от социал-демократической партии, а также Вельтнер от союза рабочих деревообрабатывающей промышленности, Бокани от профсоюза строительных рабочих, Динер от работников кофеен, два

⁸⁴ OL, VM, eln. 1911—106. res.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ «A Magyar, forradalmi munkásmozgalom története», I, k. Bp., 1966, 75—76. l.

представителя союза печатников и по одному делегату от профсоюзов портных, сапожников, пекарей, слесарей и частных служащих.

Лидеры партийной оппозиции Д. Алпари и Й. Штрассер, прибывшие на конгресс, с ведома Международного социалистического бюро были исключены из состава делегации Венгрии руководством венгерской социал-демократии. Мандат, выданный Алпари отдельными группами профсоюзов цементных рабочих, строителей-дорожников, стекольщиков и грузчиков, был аннулирован мандатной комиссией Международного социалистического бюро по настоянию руководства венгерской делегации.

Венгерские левые и Алпари были поддержаны В. И. Лениным, а также Р. Люксембург, К. Либкнехтом, К. Цеткин и др. Против Алпари выступили известные оппортунисты Ф. Эберт, Э. Вандервельде, Я. Брантинг, Р. Макдональд и т. д., которые и добились утверждения решения об исключении⁸⁷. Тем самым оппортунистическое крыло II Интернационала способствовало укреплению реформизма в венгерском рабочем движении.

Венгерская делегация представила конгрессу два официальных документа: о деятельности социал-демократической партии за последние три года (от Штуттгарского до Копенгагенского конгресса) и второй документ «Борьба за всеобщее избирательное право в Венгрии», целиком направленный против Алпари⁸⁸.

В свою очередь Алпари и Штрассер распространили среди делегатов конгресса меморандум оппозиции, содержащий резкую критику венгерского реформизма.

Копенгагенский конгресс и участие в его работе венгерских социалистов вызвали оживленные комментарии буржуазной печати Венгрии. Буржуазная газета «Аз Уйшаг» находила симптоматичным обсуждение дела Алпари на международном конгрессе. Это лишний раз подтверждало, что «в социал-демократической партии Венгрии существует брожение, беспокойство и недовольство»⁸⁹. Газета подчеркивала, что уничтожением мандата Алпари конгресс подтвердил его исключение из рядов партии, тем самым «дезавуировал внутреннюю оппозицию в Социал-демократической партии Венгрии и стал на сторону партийного руководства».

Не скрывая своего благожелательного отношения к социал-демократическому руководству, газета связывала наличие в пар-

⁸⁷ «Üveges», 1. I 1911; MSzM, 1910, 347. l.; *Alpári Gyula*. Op. cit., 14—15. l.; «Internationaler Sozialisten Kongress zu Kopenhagen». Berlin, 1910.

⁸⁸ «Der Ungarländische Wahlrechtskampf». Bp., 1910.

⁸⁹ «Az Ujság», 3. IX 1910.

тии оппозиции с недовольством рабочих резким ухудшением их экономического положения, с «растущей дороговизной», и в конечном счете проявлением того, что политический строй Венгрии более не соответствует и «не выражает» экономические отношения. Газета предупреждала правящую олигархию, что «экономический строй» Венгрии нуждается в срочной и «коренной реформе», иначе ей грозит катастрофа. Нынешний кризис рабочего движения является отражением кризиса всей страны — таков был вывод газеты. Передовая «Аз Уйшаг» выражала настроения тех кругов венгерской буржуазии, которые были заинтересованы в выгодном для себя развитии рабочего движения Венгрии.

Другой буржуазный орган «Мадьяр Хирлап», касаясь резко-го осуждения главой венгерской делегации Гарамии сепаратистских стремлений чешских социалистов, вопрошал, почему же в таком случае венгерская социал-демократия «клемит как реакционное и антинародное» любое мероприятие венгерского государства, направленное к сохранению своего единства и пресечению тенденций к сепаратизму⁹⁰.

Социал-демократическое руководство немедленно реагировало на это обвинение. «Непсава» в своем ответе справедливо отстаивала принципы единства и неделимости профсоюзного движения и социал-демократической партии каждой страны, в том числе и Венгрии, независимо от национальностей. Но этим, к сожалению, она не ограничилась. Перенеся принцип единства социалистического движения в область государственной политики, «Непсава» от имени всего многонационального пролетариата страны заявила: «Мы осуждаем (сепаратизм.— *Т. И.*) в экономической области. Ничто так не чуждо нам, как мысль раздробить Венгрию на мадьярскую, хорватскую, румынскую, словацкую, сербскую области в хозяйственно-политическом, таможенном, финансовом, налоговом отношениях»⁹¹. Руководство партии считало справедливым стремление к обособлению немадьярских национальностей лишь в отношении языка и культуры «великодушно» соглашаясь с тем, чтобы эти народы имели собственные школы, национальную культуру и судебные учреждения.

Осуждая попытку господствующего класса защищать свои привилегии под флагом единства венгерского государства, «Непсава» в то же время сочла нужным подчеркнуть, что социал-демократическая партия «не отвергает идею единства венгерского государства». Таким образом, выступая вместе с большинством II Интернационала против чешского сепаратизма, венгерская социал-демократия отстаивала не только идею интер-

⁹⁰ «Magyar Hirlap», 2.IX 1910.

⁹¹ N, 3.IX 1910.

национального единства трудящихся собственной страны, но и шовинистическую концепцию «единой Венгрии». Такая позиция никак не способствовала сплочению пролетариев и социалистов всех национальностей Венгрии.

Характерно, что венгерские лидеры настойчиво пытались внушать рабочим партиям II Интернационала мысль об отсутствии в Социал-демократической партии Венгерских национальных конфликтов и даже почвы для них. В статье «Венгерские профсоюзы и национальности», написанной специально для теоретического журнала австрийской социал-демократии, руководитель венгерских профсоюзов Ш. Ясаи заявлял, что в отличие от Австрии в венгерском социалистическом движении никогда не было национальных распрей. Ясаи утверждал, что социалисты немадьярской национальности «не склоняются к сепаратизму, они понимают, что отделение повредило бы не только интернационализму, но в первую очередь их собственным интересам». Он исключал возможность создания самостоятельных организаций по национальному признаку и в будущем, так как партийное и профсоюзное руководство «старается по мере возможностей удовлетворить языковые требования» невенгерских рабочих. Ясаи, как и другие лидеры, считал издание газет и литературы на немецком, словацком, румынском и сербском языках достаточной гарантией против возникновения сепаратистских тенденций⁹².

К сожалению, положение в социалистическом движении Венгрии отнюдь не было столь идиллическим, как это пытались представить оппортунисты. Если в Венгрии национальная рознь не приняла таких размеров, как в Австрии, то это произошло не потому, что партия строго придерживалась интернационалистских принципов, и не потому, что среди невенгерских социалистов не было «склонности к сепаратизму». Причина заключалась в том, что на национальных окраинах Венгрии не было такого сильного и организованного рабочего движения, которое можно было бы сравнить с чешским социалистическим движением в Австрии. Именно по этой причине потерпела неудачу предпринятая в 1906 г. попытка создания самостоятельной словацкой социал-демократической партии.

В Венгрии отсутствовала материальная возможность создания национально обособленных организаций и партий. Но это вовсе не означало, что венгерское социалистическое движение обладало иммунитетом против «австрийской болезни». Признаки этой болезни становились все более явственными по мере увеличения числа рабочих угнетенных народов страны и их организаций.

⁹² «Der Kampf», 1910, № 8, S. 365—367.

Национальные и националистические тенденции в предвоенные годы с особой силой проявились в рабочем движении Словакии, связи и контакты которого с чешскими социалистами становились все более тесными и разнообразными. В словацкие рабочие центры из Чехии регулярно поступали социалистические газеты, книги, брошюры и т. д. Представители Чехославянской социал-демократической партии принимали активное участие в работе конференций и совещаний словацких социалистов. Однако такое сотрудничество пролетарских организаций двух братских народов наряду с несомненно положительными имело и теневые стороны. Чешские и словацкие реформисты пытались использовать естественное тяготение рабочих других родственных народов в раскольнических целях.

Выступая на конференции социал-демократов, представитель руководства Чехославянской социал-демократической партии Теска призывал к созданию «самостоятельной словацкой организации»⁹³. Лидер словацких социалистов Лехоцки, ссылаясь на то, что руководство партии является «мадьярским», заявил, что решения съезда Социал-демократической партии Венгрии не обязательны для словацких организаций.

Делегат союза рабочих кожевенной промышленности Венгрии Г. Бауэр на XVIII съезде социал-демократической партии утверждал, что чехи оказывают давление на многие социалистические организации в Братиславе, Турчански Свати Мартине (Мартон) и других городах Словакии, с тем, чтобы они «порвали с центром», т. е. с центральным руководством партии в Будапеште. Он обращал внимание съезда на то, что в Словакии происходит процесс создания особой партии, руководство которой осуществляется из Праги⁹⁴.

Разногласия между словацкими и венгерскими социалистами особенно обострились после Копенгагенского конгресса в связи с обсуждением на нем чешского вопроса и позицией, занятой по этому поводу Социал-демократической партией Венгрии. В то время как партия в целом осуждала чешский сепаратизм, оппортунистические элементы социалистических организаций Словакии недвусмысленно одобряли политику чехославянской партии. Орган словацкой социал-демократии газета «Роботнице Новини» обвинял в шовинизме не только австрийских и венгерских социалистических лидеров, но и большинство партий II Интернационала, принимавших участие в работе конгресса в Копенгагене. Газета критиковала центральное руководство венгерской социал-демократии за то, что оно не издает ни одного журнала на словацком языке, не оказывает материальной помощи словацким органам партии «Напред» и «Роботнице

⁹³ «Robotnické Noviny», 7.IV 1910.

⁹⁴ MSzPJ, XVIII, 62. l.

Новини», включает в состав делегаций, направляющихся на международные конгрессы и конференции, только венгерских товарищей. Копенгагенский конгресс, по ее мнению, только подтвердил правоту чехов. Словацкий орган призывал пролетариат Словакии следовать примеру чешских раскольников и создавать собственную независимую организацию⁹⁵. В другой статье, написанной также в связи с Копенгагенским конгрессом, газета заявляла, что словацкие социал-демократы никогда не откажутся от стремлений к созданию самостоятельного движения социалистического пролетариата Словакии⁹⁶.

Однако венгерскому руководству удалось временно ослабить остроту конфликта. На совместном совещании партийного руководства, Совета профсоюзов и словацкого комитета Социал-демократической партии Венгрии было заключено полюбовное соглашение. Центральные органы партии и профсоюзов обещали оказывать большую материальную поддержку словацкой газете. Словацкий комитет в свою очередь обязался следить за тем, чтобы «газета относилась с большим вниманием к профсоюзному движению»⁹⁷. Под этой туманной формулировкой скрывалось обязательство не выступать с публичными нападками против интернационального единства профсоюзов. Во всяком случае, начиная с этого времени тон статей, публиковавшихся в «Работнице Новини», стал гораздо более умеренным.

XVIII съезд социал-демократической партии

Основной задачей состоявшегося 16—18 апреля 1911 г. в Будапеште социал-демократического съезда являлось определение политики партии в новых условиях. С докладом «Правительство, партии, всеобщее избирательное право» выступил Э. Гарамы⁹⁸, поставивший целью подготовить партию и пролетариат к самому значительному после 1905 г. повороту в тактике социалистического движения. Докладчик не скрывал, что переход социал-демократии от «союза с габсбургской династией к союзу с оппозиционной, шовинистической партией Юшта» может показаться многим странным и неожиданным. Гарамы доказывал, что этот союз необходим для того, чтобы воспрепятствовать ассигнованию парламентом новых миллионов на вооружение армии, а, с другой стороны, чтобы добиться успеха в борьбе за всеобщее избирательное право. Однако он должен был признать,

⁹⁵ «Robotnické Noviny», 15.IX 1910.

⁹⁶ «Robotnické Noviny», 25.VIII 1910.

⁹⁷ «Robotnické Noviny», 25.VIII 1910.

⁹⁸ MSzPJ, XVIII, 9—10. I.

что борьбу против милитаризма и увеличения военных расходов партийное руководство начало лишь в тактических целях: для оказания давления на правительство, чтобы заставить его пойти на реформу избирательного права.

Зная, какое важное значение придают правительство и венский двор военным законопроектам, социал-демократическое руководство было убеждено, что в случае их провала официальные круги и Будапешта и Вены будут вынуждены вновь обратиться к всеобщему избирательному праву как средству давления на парламентскую оппозицию. Поэтому социалистические лидеры решили всеми средствами помешать утверждению Государственным собранием военных законопроектов. Но для этого был нужен союзник в палате депутатов. Таким союзником оказалась партия Юшта, которая не желала допускать перевооружения австро-венгерской армии, пока не будут удовлетворены венгерские «национальные требования» в отношении самостоятельного банка и таможни.

Из доклада Гарамии стало ясно, почему реформистские вожди так долго уклонялись от решительного и открытого выступления против кабинета Куэна-Хедервари. По словам Гарамии, Куэн «не выполнил своего обещания» о введении всеобщего избирательного права, данного социалистическим лидерам, решив, что «сможет провести через палату военный законопроект и избавиться таким образом от необходимости осуществления избирательной реформы»⁹⁹.

Разумеется, в докладе не было недостатка в ссылках на принципиальную враждебность социалистического рабочего движения милитаризму. Желая обезопасить себя от возможных упреков в беспринципности, он говорил: «Речь идет не о том, что мы хотим заключить с правительством сделку: вы нам избирательное право, а мы вам — оборонный законопроект»¹⁰⁰. Однако есть основание полагать, что так, или почти так, и обстояло дело. И если сделка с Куэном не состоялась, то отнюдь не по вине реформистов.

Несмотря на все усилия Гарамии, ему все же не удалось избежать критики части делегатов съезда. Вилмош Бём, будущий видный деятель венгерской социал-демократии, соглашаясь с необходимостью союза с буржуазными партиями ради реформы избирательного права, в то же время выступал против слишком тесного «органического сотрудничества» с ними. Он выражал сомнение в желании и способности партии Юшта по-настоящему бороться за всеобщее избирательное право. Бём находил ошибочным также решение Гарамии, Бухингера, Кунфи и

⁹⁹ MSzPJ, XVIII, 72—85. l.

¹⁰⁰ Ibid., 88—89. l.

других руководителей партии о вступлении в Лигу всеобщего избирательного права и в «Клуб реформ».

Лига и клуб, не располагавшие сколько-нибудь значительной социальной базой, посылали социал-демократических агитаторов на собрания, где присутствовали главным образом рабочие. Поскольку эти буржуазные организации были не в состоянии привлечь к движению за избирательное право новые слои населения, преимущественно из буржуазного сословия, Бём считал союз с «Клубом реформ» и лигой совершенно бесполезным для социал-демократии¹⁰¹.

Надо сказать, что выступление Бёма отражало мнение группы активистов партии, осуждавшей тесные контакты лидеров с клубом и лигой. На совещании доверенных лиц, состоявшемся незадолго до съезда, был поставлен вопрос о выходе социалистов из Клуба. Предложение это мотивировалось тем, что вхождение социал-демократических вождей в буржуазные организации «затушевывает принципы классовой борьбы и люди не знают, где начинается социал-демократическая партия, а где буржуазно-радикальная». Делегат съезда Г. Шварц отвергал сотрудничество с партией Юшта, так как последняя хотела использовать влияние и силу пролетариата в собственных целях». «Если бы партия Юшта имела 99 мандатов, она плевала бы на всеобщее избирательное право. Теперь нам предлагают оживить этот труп», — говорил оратор¹⁰².

С резкой критикой тактики партийного руководства выступил представитель рабочих г. Печ Д. Хайду. Принятие съездом резолюции Гарамы, которая призывает к союзу с Юштом и ни словом не упоминает «о массовой стачке и революционных выступлениях», по мнению Хайду, означало бы, что «социал-демократическая партия перестает быть революционной партией»¹⁰³. Он категорически возражал против сотрудничества с партией, преследующей шовинистические цели, и предлагал ориентировать партию и рабочий класс на подготовку «энергичных внепарламентских выступлений».

Е. Ландлер, также возражавший против резолюции Гарамы, заявил, что рабочий класс и его партия не должны доверять дело избирательной реформы буржуазным партиям и верить честному слову буржуазных политиков. Показав, что резолюция Гарамы преувеличивает значение парламентаризма, а некоторые ее формулировки страдают «парламентским кретинизмом», Ландлер предложил свой проект резолюции. В нем подчеркивалась «решимость социал-демократической партии использовать все силы организованного пролетариата в борьбе за всеобщее из-

¹⁰¹ Ibid., 90—97. 1.

¹⁰² Ibid., 92. 1.

¹⁰³ Ibid., 92—93. 1.

бирательное право, всеми средствами помешать утверждению военных законопроектов...»¹⁰⁴

Однако оппортунистам удалось навязать свою волю съезду, который большинством голосов принял предложенную Гарами резолюцию. Против голосовало лишь семь делегатов. Так политика союза с партией Юшта получила официальное одобрение партии.

В этих условиях вопрос о союзе с деревенской беднотой утратил всякую актуальность, а вместе с ним и необходимость разработки аграрной программы. Избрание съездом еще одной комиссии «для фундаментального изучения проблем сельского хозяйства» в составе Гарами, Бухингера, Чизмадиа, Кунфи, Вельтнера и других только подтверждало стремление реформистов оттянуть выработку аграрной программы.

В 1910 г. XVII съезд партии поручил руководству созвать специальную конференцию для обсуждения аграрного вопроса. Конференция состоялась в январе 1911 г. К этому времени стало ясно, что, не завоевав на свою сторону крестьянства, партия по существу потеряла влияние даже среди сельских рабочих. Социал-демократический союз сельскохозяйственных рабочих насчитывал в своих рядах всего 8 тыс. человек вместо 50—70 тыс. в 1906—1907 гг. Это обстоятельство, казалось бы, должно было побудить социал-демократию мобилизовать все силы для того, чтобы усилить свои позиции в деревне. Но лидеры думали иначе: если сельская беднота не хочет организовываться, то тем хуже для нее. Отход аграрного пролетариата от социал-демократического союза служил, по их мнению, аргументом не за, а против развертывания социалистической агитации в деревне.

Подготовленный и опубликованный в 1908 г. проект аграрной программы так и не был представлен на рассмотрение партийного съезда. Сам автор проекта Ш. Чизмадиа придерживался на съезде мнения, что вопрос о программе потерял свою актуальность, ибо никакая программа не в состоянии оживить движение деревенской бедноты, если у нее «нет классового сознания».

Упомянутая выше конференция была созвана в ответ на критику руководства, прозвучавшую на съезде, но в действительности для того, чтобы похоронить идею аграрной программы. Против ее разработки был выдвинут и теоретический аргумент — отсутствие в партии единства по вопросу о тенденциях развития сельского хозяйства, о роли крупного и мелкого производства, о тождественности или противоположности действия законов капитализма в промышленности и сельском хозяйстве.

¹⁰⁴ MSzPJ, XVIII, 95—96. 1.

В результате дискуссии конференция отклонила идею аграрной программы и высказалась за разработку «программы действия для сельских рабочих». Составить четыре проекта этой программы было поручено Ш. Чизмадиа, К. Йочаку, П. Агоштону и Б. Шомоди. Представленные ими проекты не были обсуждены реформистским руководством. Как показал весь ход XVIII съезда, оппортунисты считали своим первым долгом налаживание тесных контактов с буржуазией, а не с крестьянством.

Несмотря на реформизм лидеров социал-демократии и профсоюзов в годы, предшествовавшие войне, в особенности в 1912 г., венгерский пролетариат снова продемонстрировал свою революционную энергию.

В 1911 г. после долгого перерыва вновь оживилась классовая борьба пролетариата. Во второй половине 1911 г. усилилось стачечное движение, которое было направлено главным образом против растущей дороговизны и усиления налогового бремени, связанных с хозяйничанием монополий и аграриев в экономике страны и увеличением военных расходов.

12 ноября 1911 г. в Будапеште состоялась большая демонстрация рабочих против милитаризма и войны¹⁰⁵. Социал-демократическая партия 4 марта 1912 г. организовала забастовки и демонстрации 28 тыс. рабочих под лозунгом всеобщего избирательного права¹⁰⁶. Это было самое массовое и крупное выступление венгерского пролетариата после 1907 г., явившееся предвестником новых грозных его выступлений. В ходе подготовки забастовки социал-демократические лидеры изображали всеобщее избирательное право как панацею от всех бед: от дороговизны, всех экономических невзгод и даже как средство завоевания власти, но только при условии, если борьба за всеобщее избирательное право будет вестись в рамках закона, без нарушений порядка¹⁰⁷.

Листовка, выпущенная накануне демонстрации социал-демократическим руководством, имела целью успокоить буржуазию и слегка припугнуть правительство угрозой революции: «Революция еще не пришла. Вероятнее всего, ее и не будет. Не потому, что ограбленному и обманутому пролетариату не хватает революционной решимости и ожесточения, а потому, что власть клики Тисы и Андраши в Венгрии не так уже сильна, чтобы ее можно было свергнуть только применением самых крайних средств», — говорилось в листовке. Реформисты уверяли, что революция не вспыхнет «даже в том случае, если народ будут

¹⁰⁵ N, 14.XI 1911.

¹⁰⁶ PH, 5.XII 1912.

¹⁰⁷ PI Arch, 1.2/1921/III—51.

расстреливать из пушек...»¹⁰⁸ Соблюдение «законности и порядка» было главной заповедью реформистов.

«Кровавый четверг» 23 мая 1912 г.

Однако последующие события показали, что массы не всегда бывают послушны своим вождям. В день «Кровавого четверга», 23 мая 1912 г. логика классовой борьбы опрокинула все расчеты социал-демократических лидеров.

Изменение политической обстановки в стране в пользу правительства побудило и венгерскую социал-демократию изменить свою тактику. Непреклонная позиция, занятая венской камарильей в отношении военных вопросов, и угроза отречения Франца-Иосифа поколебали казавшиеся едиными ряды оппозиции. После отказа партии Кошута от продолжения обструкции в палате и усиления позиции группировки Тисы в правящих кругах, о чем свидетельствовала замена колебавшегося Куэна креатурой Тисы Л. Лукачом, резко возросли шансы на утверждение венгерским парламентом требуемых Веной военных реформ. Все меньше оставалось надежд на то, что у оставшейся в одиночестве партии Юшта хватит сил и решимости провалить правительственные законопроекты об увеличении ежегодного рекрутского набора в австро-венгерскую армию и в отряды венгерских гонведов. Тактика социал-демократии, как уже говорилось, строилась именно на предотвращении принятия оборонных законов, что, по ее мнению, должно было заставить Вену форсировать введение всеобщего избирательного права в Венгрии. Нужно было во что бы ни стало вдохнуть новые силы и решимость в парламентскую оппозицию, побудить ее к продолжению борьбы и показать, что за социал-демократической партией и ее союзником Юштом стоят массы, готовые принять вызов Тисы.

С момента назначения Лукача премьер-министром (22 апреля 1912 г.) действия реакционной клики Тиса — Лукач не оставляли никаких сомнений в ее намерении любыми средствами довести до победного конца битву за военные законопроекты и подавить обструкцию оппозиции. В этих условиях замысел реакции могли сорвать только революционные действия масс.

21 мая социал-демократическая партия предупредила пролетариат Венгрии: враги народа собираются применить в парламенте насилие, расправиться с оппозицией и сделать тем самым невозможной демократическую избирательную реформу; пришло время выполнить обязательства социал-демократического съез-

¹⁰⁸ PI Arch, Rgy. I.1/1912—165,

да защищать партию Юшта силой масс, настал момент «смелых и суровых действий»¹⁰⁹.

На следующий день, когда правительственное большинство, несмотря на бурные протесты оппозиции, добилось избрания на пост председателя палаты депутатов Государственного собрания И. Тисы, социал-демократическая партия призвала пролетариат столицы прекратить работу и выйти на улицу.

Избрание Тисы председателем произошло при скандальных даже для венгерского парламента обстоятельствах, после рукопашной схватки между сторонниками Тисы и депутатами оппозиции. Не желая быть соучастниками жалкой комедии, заранее подготовленной и инсценированной большинством, депутаты партий Кошута, Юшта и народной партии покинули зал заседаний. За Тису, получившего 210 голосов из 438, таким образом, голосовали только депутаты его собственной партии — партии национального труда. Это означало, что новый председатель палаты депутатов представлял только одну партию. Поднявшись на председательское место, Тиса торжественно поклялся — исполняя свой долг, «не знать колебаний и страха, прислушиваться только к голосу совести». Тиса обещал, пользуясь полномочиями председателя, обеспечить в парламенте «порядок и тишину», «излечить» венгерское Государственное собрание «от хронической болезни», т. е. обструкции¹¹⁰.

Массовая политическая забастовка стала неизбежной, уклонение от борьбы могло привести лишь к деморализации социалистического пролетариата и потере влияния социал-демократического руководства в партии и среди рабочих, которые уже в течение пяти лет настойчиво требовали решительных действий и прежде всего всеобщей стачки. Однако партия допустила серьезную политическую ошибку и явный психологический просчет, ориентируя массы на единственную и притом однодневную демонстрацию.

В обращении социал-демократической партии, опубликованном 23 мая, говорилось: «Сегодня ваша судьба решается на многие годы вперед... Если на улицы выйдут сотни тысяч бесправных и... покажут революционную решимость и воодушевление... то эта наша великая схватка будет последней, ибо ее результатом будет завоевание всеобщего избирательного права и поражение врагов народа»¹¹¹.

Рано утром 23 мая рабочие окраин Будапешта, опрокидывая полицейские кордоны, двинулись к центру города, к зданию парламента, расположенному на набережной Дуная. Вокруг

¹⁰⁹ N, 21.V 1912.

¹¹⁰ BH, 23.V 1912.

¹¹¹ N, 13.V 1912.

парламента и в других частях города развернулись уличные бои. В некоторых местах возникли импровизированные баррикады. Рабочие сражались под лозунгами «Да здравствует народный парламент!», «Долой классовое господство!», «Долой графскую банду!», «Да здравствует революция!».

Социал-демократическое руководство испугал размах, который приняло движение. Уже после полудня оно обратилось с воззванием, в котором призывало рабочих прекратить всеобщую забастовку, так как стачка уже одержала победу. «Мы обращаемся к вам, — говорилось в воззвании, — закончить после великого и победоносного четверга эту главу нашей борьбы так же дисциплинированно и единодушно, как вы ее начали, и в пятницу утром вернуться на работу»¹¹².

Несмотря на все усилия, социал-демократическим лидерам не удалось убедить всех рабочих возобновить работу. В некоторых промышленных окраинах Будапешта утром 24-го были воздвигнуты баррикады. Во избежание новых беспорядков руководство партии обратилось к Лукачу с настоятельной просьбой дать указание властям и предпринимателям не провоцировать рабочих¹¹³.

Касаясь решения партийного руководства о прекращении борьбы, буржуазная газета «Пешти Хирлап» 24 мая писала, что оно было принято, как только стало известно о намерении правительства арестовать всех руководителей социал-демократической партии по обвинению в мятеже¹¹⁴.

В воскресенье состоялись торжественные похороны трех рабочих, павших во время уличных боев 23 мая. Траурную процессию сопровождали тысячи пролетариев венгерской столицы. К их могилам были возложены венки с одинаковыми надписями: «Мученикам борьбы за народные права» от социал-демократических партий Венгрии, Австрии, Хорватии, от профсоюзов Венгрии, а также от Д. Юшта, его партии и «Клуба реформ»¹¹⁵.

23—24 мая массовые демонстрации и забастовки состоялись в Кошице, Тыргу-Муреше, Мишколце, Братиславе, Солноке, Тимишоаре, Араде и в других городах страны. В двух крупных промышленных центрах — Пече и Дьёре рабочие также продолжали бастовать в пятницу. Согласно донесению местных властей, стачку в Пече удалось прекратить только к вечеру 24 мая, хотя соответствующая инструкция будапештского партийного центра поступила еще в 9 часов утра¹¹⁶. Однако,

¹¹² *Erényi Tibor* Vértörök Csütörtök. Bp., 1952.

¹¹³ N, 25.V 1912.

¹¹⁴ PH, 24.V 1912.

¹¹⁵ MSzM, 1912, 65. 1.

¹¹⁶ N, 25.V 1912.

в донесении подчеркивалось, что рабочие Печа не прекращают борьбу против правительства Тисы, военных законопроектов и за всеобщее избирательное право. Продолжали забастовку в пятницу 24 мая и крупнейшие предприятия Дьёра: вагоностроительный, машиностроительный, спиртоводочный заводы, спичечная и обувная фабрики и некоторые другие. «Сообщение руководства об окончании стачки,— докладывал начальник городского полицейского управления,— вызвало бурное возражение, так как большая часть рабочих желала ее продолжения»¹¹⁷.

Под впечатлением событий 23 мая Лукач отдал распоряжение местным властям разрешать митинги и собрания социал-демократической и оппозиционных партий только при условии, «если организаторы являются надежными в нравственном отношении лицами» и если они дают «полную гарантию за нормальный ход собрания». Кроме того, собрания и митинги «по возможности» должны были проводиться в закрытых помещениях, при наличии «должного количества полицейских сил» и «далеко идущих превентивных мероприятий для сохранения порядка и безопасности»¹¹⁸.

«Красный четверг» был самым крупным революционным выступлением венгерского пролетариата в эпоху, предшествовавшую революциям 1918—1919 гг. Оскар Яси, виднейший представитель буржуазного радикализма, назвал 23 мая «величайшей датой венгерской истории с 1848 года». За исключением русской революции, писал он, «за последнее десятилетие ни одна страна Европы не знала более грандиозного политического восстания масс», чем «майская революция будапештских рабочих». В этот день, по мнению Яси, пролетариат стал самой крупной, самоотверженной и внушительной политической силой, без которой и против которой не может действовать ни одна политическая группировка» в Венгрии¹¹⁹.

Сербская социал-демократическая газета «Слобода» в передовой статье от 1 июня 1912 г. писала, что, подняв красное знамя революции над столицей, будапештский пролетариат показал, что «добьется своих прав собственными силами». «В прошлый четверг рабочие Будапешта не демонстрировали, не протестовали, а делали историю»¹²⁰. Представитель международного союза металлистов, побывавший в эти дни в Будапеште, заявил, что организованные рабочие всего мира восхищены героической борьбой пролетариата Венгрии. Такие же заявления сделали представители профсоюзов Австрии и Германии, выра-

¹¹⁷ Pécsi áll. lvt. Főkapit. biz., 1913—6.; Győri áll. lvt. Főisp. biz. 1912—31.

¹¹⁸ OL, BM, eln., 1912—328. res.

¹¹⁹ HSz, 1912, I k., 734—740. l.

¹²⁰ «Sloboda», I.VI 1912.

жившие полную солидарность рабочих этих стран с революционным движением Венгрии¹²¹.

Участники специального митинга, устроенного Чехославянской социал-демократической партией, от имени «всего организованного чешского пролетариата» заверили в поддержке и полной солидарности с борющимся пролетариатом Венгрии. «Мы знаем,— говорил один из руководящих деятелей партии Соукуп,— насколько наша судьба связана с судьбой Венгрии... Мы все принадлежим великому союзу и мы провозглашаем: не «Отделимся!», а «Объединимся!». Мы провозглашаем объединение всех наций, живущих на обширной территории Дунайского бассейна»¹²².

Один из лидеров австрийских социалистов Фр. Аустерлиц не скрывал своего удивления по поводу того, что венгерские пролетарии, которые так долго терпели обман и махинации вокруг обещанной избирательной реформы, оказались «достаточно сильными для того, чтобы делать собственную политику и делать эту политику пролетарским кулаком»¹²³.

Анализируя события 23 мая, социал-демократическое руководство пришло к выводу, что главная цель массовой стачки и демонстрации — предотвратить отступление партии Юшта — достигнута. Но в то же время после 23 мая партии пришлось все же внести некоторые поправки в свою пропаганду.

23 мая социал-демократическое руководство связывало судьбу всеобщего избирательного права с успехом или неудачей парламентской обструкции военных законопроектов правительства. Но после того как, установив в палате депутатов режим диктатуры и введя в здание парламента полицейских, Тиса сделал невозможным продолжение обструкции, социал-демократическим лидерам пришлось несколько изменить свое отношение к деятельности оппозиции в парламенте. Ж. Кунфи теперь утверждал, что отныне судьбу избирательной реформы решает не обструкция, а «пролетарский кулак, революционные массы социал-демократической партии»¹²⁴. Все дело в том, что оппортунистическое руководство не имело ни малейшего желания опираться на революционную энергию рабочего класса. Эту печальную истину подтвердил дальнейший ход событий.

Социал-демократия не сумела сделать правильных выводов из событий 23 мая. «Красный четверг», революционное восстание рабочих и его кровавое подавление показали, что до тех пор, пока господствующие классы пользуются безусловной поддержкой вооруженных сил всей монархии, нельзя рассчитывать

¹²¹ PI Arch., V. Sz, 1912—4.

¹²² «Robotnické Noviny», 6.VI 1912.

¹²³ «Neue Zeit», 1912, № 36, S. 126.

¹²⁴ Szoc, 1912, № 8, 46. 1.

на то, что они добровольно согласятся на более или менее существенные демократические реформы.

Далее события показали, что партия Юшта, несмотря на то, что в эти годы она была наиболее прогрессивной парламентской партией венгерской буржуазии, не могла быть надежным и последовательным союзником пролетариата. Оппортунисты не поняли, что партия Юшта напугана революционным выступлением рабочих не меньше, чем правящие круги, что отныне рабочий класс и его партия становятся для нее «неудобным союзником». Не случайно, спустя несколько дней после «Красного четверга» наступило сближение между сторонниками Юшта и умеренно консервативными группами Кошута и Аппони. 2 июня 1912 г. Ф. Кошут от имени объединенной оппозиции выступил с проектом избирательной реформы, ничего общего не имевшим с требованием всеобщего избирательного права, с которым выступала партия Юшта до событий 23 мая.

Проект избирательного права, разработанный Юштом и нашедший полное одобрение таких известных националистов, как Аппони и Ф. Кошут, обуславливал предоставление избирательных прав цензом образования, оседлости, наличием постоянной квартиры и другими ограничениями. Пункт 5-й этого проекта констатировал: «Подстрекатели против мадьярского национального государства теряют активные и пассивные избирательные права в первый раз на десять лет, а в повторном случае навсегда»¹²⁵. Венгерские реформисты не возражали против такого «всеобщего» избирательного права.

4 июня 1912 г. Тиса велел вывести из зала заседаний палаты депутатов оппозиции и добился утверждения военных законопроектов. На всякий случай улицы столицы в этот день патрулировали усиленные наряды полиции, жандармерии и полицейских частей. Однако положение продолжало оставаться напряженным. Неслыханный прои́звол председателя палаты депутатов парламента депутат оппозиции Дюла Ковач трижды выстрелил в Тису, четвертым выстрелом он смертельно ранил себя. Председатель остался невредим. Покушение ни на иоту не повлияло на поведение вождя венгерской реакции.

В связи с неудачным покушением на Тису, правильно осуждая анархистскую тактику индивидуального террора, «Непсава» в то же время писала, что рабочая партия является противником «всякого насилия», она добивается осуществления своих целей «мирным способом и законными средствами»¹²⁶.

Социал-демократическое руководство в официальном обращении к рабочим убеждало их оставаться спокойными, не под-

¹²⁵ МН. 30.V 1912.

¹²⁶ N, 8.VI 1912.

даваться ни на какие провокации, во избежание кровопролития «держат ружье приставленным к ноге», и ...положиться на объединенную парламентскую оппозицию, «которая храбро, с серьезной решимостью выполняет свой долг»¹²⁷.

Антивоенные выступления венгерского пролетариата осенью 1912 г.

Кровавые события «Красного четверга» не сломили революционной воли и решимости пролетариата Венгрии. В течение всего лета в буквально всех крупных городах страны происходили политические стачки и демонстрации против произвола Тисы и за демократические реформы. Вслед за Будапештом поднялась провинция.

Осенью 1912 г. политические требования рабочего класса стали шире. Это было вызвано нарастающей угрозой войны в непосредственной близости от границ Австро-Венгрии, на Балканах, а также лихорадочными приготовлениями европейских великих держав к новым вооруженным схваткам в борьбе за передел мира. Венгерская социал-демократия и пролетариат Венгрии внимательно следили за происками австро-венгерской дипломатии и военщины, понимая, что попытки усиления позиций монархии в Албании, Болгарии и других частях Балкан таят в себе угрозу военного конфликта с Италией и Россией. Подчеркивая международную солидарность трудящихся всех стран, социалистическая печать категорически предупреждала правящие классы: «Народы Австрии и Венгрии не хотят войны»¹²⁸.

Венгерские социал-демократы решительно разоблачали провокационные действия австро-венгерской дипломатии на Балканах. В связи с началом балканской войны «Непсава» указывала, что во имя своих империалистических целей монархия «подстрекает одни балканские народы против других». Она обвиняла министра иностранных дел графа Берхтольда в проведении «преступной и легкомысленной политики». Австро-венгерская монархия, писал центральный орган социал-демократической партии, опираясь на поддержку германской дипломатии, выступает на Балканах в роли «главного подстрекателя войны, чтобы иметь возможность продолжить экспансионистскую политику, начатую аннексией Боснии и Герцеговины»¹²⁹.

¹²⁷ N. 9.VI 1912.

¹²⁸ N. 8.IX 1912.

¹²⁹ N. 17.X 1912.

Требую немедленного прекращения этой опасной игры, социал-демократия напоминает господствующим классам об уроках Парижской Коммуны и первой русской революции, «когда вооруженный народ повернул ружье не против внешнего, а внутреннего врага». «Любая война,— писала газета,— может вызвать вспышку «социальной революции». «Непсава» заявляла, что такая возможность существует и в Венгрии, что «для этого недостает только оружия», которое господствующие классы, в случае войны и мобилизации, вынуждены будут дать в руки народа, возбужденного последними событиями¹³⁰.

Объявив «войну войне», социал-демократическая партия предупредила, что пролетариат Венгрии противопоставляет агрессивной внешней политике монархии «внутреннюю революцию» и при помощи массовых движений сделает все, чтобы «сорвать интриги дипломатических салонов»¹³¹.

6 октября начались первые крупные антивоенные выступления рабочих Венгрии, организованные и проведенные социал-демократической партией. На митинге, состоявшемся в городе Дьёр, оратор социал-демократ, рассказав о балканских событиях, о русско-японской войне и русской революции, заявил, что если рабочие будут вооружены «для защиты отечества, они еще подумают, в кого им стрелять»¹³².

17 октября «Непсава» опубликовала призыв Международного социалистического бюро II Интернационала ко всем социалистическим партиям оказать поддержку рабочим балканских стран против войны, а также — манифест социалистических партий Турции, Болгарии, Сербии, Румынии. В ответ на эти обращения международного пролетариата венгерская социал-демократия 30 октября провела серию антивоенных митингов и демонстраций в крупнейших городах страны. Только в Будапеште состоялось 14 митингов¹³³.

Антивоенное движение венгерских трудящихся усилилось в ноябре 1912 г. 10 ноября на заседании доверенных лиц социал-демократической партии по предложению партийного руководства было принято решение провести в Будапеште митинг и демонстрацию протеста в целях расширения движения против войны. Местным организациям было предложено мобилизовать всех членов партии для подготовки этой демонстрации. Одновременно, в связи с предстоявшим чрезвычайным конгрессом II Интернационала в Базеле, руководство призвало все крупнейшие профсоюзные и партийные организации послать своих делегатов на конгресс в Базель, учитывая «ту большую опасность,

¹³⁰ N, 2.X 1912.

¹³¹ N, 10.X 1912.

¹³² Györi áll. lyt. föisp. biz. 1912—73.

¹³³ MSzM, 1912, 84. l.; PI Arch., Rgy, I/1912/X/310—1.

которая угрожает (социалистическому.— Т. И.) движению Венгрии в случае войны»¹³⁴.

За несколько дней до начала демонстрации в промышленных окраинах венгерской столицы были распространены тысячи листовок, в которых разоблачалась антинародная реакционная политика правителей монархии¹³⁵.

В воскресенье 17 ноября улицы и площади столицы вновь заполнились массами рабочих. Внушительная демонстрация завершилась многотысячным митингом, на котором в качестве почетного гостя присутствовал Карл Либкнехт. С речами на митинге выступили Д. Бокани и представитель австрийской социал-демократии В. Элленбоген. В принятой резолюции пролетариат Венгрии требовал «обеспечения мира при любых обстоятельствах и любой ценой». «Высшие политические и экономические интересы народов Австро-венгерской монархии требуют,— говорилось в резолюции,— чтобы мы жили в постоянной и прочной дружбе и согласии с балканскими народами». Участники митинга от имени всех трудящихся Венгрии дали торжественную клятву «мобилизовать все силы на борьбу против войны»¹³⁶.

Характерным для почти всех более или менее значительных демонстраций 1912 г., особенно после 23 мая, было выдвижение лозунга «Да здравствует республика!». Этот призыв стал постоянным спутником многотысячных митингов и демонстраций, вопреки стараниям социал-демократического руководства.

Стихийные антимонархистские и республиканские стремления масс заставили партийных лидеров выявить свое отношение к этому вопросу. В статье «Да здравствует республика!», опубликованной в «Непсаве» 25 июня, газета признавала, что любая социалистическая партия по природе своей является антимонархистской и республиканской. Однако, подчеркивала «Непсава», «в Венгрии социал-демократическая партия пока не ведет энергичной республиканской агитации потому, что ей надо решать гораздо более важные и актуальные вопросы...»

Самым странным в этом разъяснении была попытка оппортунистов объяснить причины антимонархистских настроений действиями правительства. «Непсава» обвиняла Тису в том, что произволом и террором он подрывает веру в «доброе короля» и возбуждает в массах республиканские настроения. Что же касается социал-демократии, то «у нее нет ни времени, ни сил для республиканской агитации»¹³⁷.

4 ноября, когда во время массовой демонстрации, состоявшейся по случаю приезда в Будапешт Франца-Иосифа, особен-

¹³⁴ PI Arch., V-Sz, 1912-1.

¹³⁵ PI Arch, Rgy, 1/1912/XI/176—2.

¹³⁶ OL, BM. eln. 1912—1115, 309. res.; PH, 19.XI 1912,

¹³⁷ N, 25.VI 1912.

но настойчиво прозвучал лозунг «Да здравствует республика!»¹³⁸, «Непсава» была вынуждена вновь вернуться к этому вопросу. В посвященной ему передовой статье опять подчеркивалась приверженность социал-демократии к республиканской форме правления, но снова повторялось: «Мы не боремся за республику в качестве особой, самостоятельной цели». Появились, однако, и новые аргументы: нет необходимости вести борьбу против монархии и за республику, так как пока существует эксплуататорское общество, нет никакой разницы между республиканской и монархической формой правления; когда же победит социализм, монархия исчезнет сама собой «как учреждение бессмысленное и бесполезное».

Значительно больший интерес представляет дальнейший ход рассуждений «Непсавы». Демократическая реформа избирательного права, являющаяся главной целью пролетариата, может быть достигнута «либо революционным, либо мирным путем. Она в интересах и господствующих классов». В Венгрии, утверждала газета, «теперь (после «Кровавого четверга». — Т. И.), по-видимому, подобное происходит последний раз. Большая часть господствующего класса вместе с бесправным народом желает такой реформы». Реформы не хотят только Тиса и его клика, обманывающие короля. Если бы Франц-Иосиф знал истинное положение вещей в Венгрии, «возможно, он одумался бы и порвал с политикой, революционизирующей народ».

Эти рассуждения совершенно точно отражали истинную соглашательскую сущность политики реформизма. Социал-демократические лидеры все еще продолжали надеяться на помощь короля и именно поэтому не поддерживали республиканское движение. Поэтому «Непсава» поспешила отмежеваться от антимонархистских лозунгов, подчеркивая, что «за республиканскую демонстрацию никто не выступал и ее не организовывал»¹³⁹.

Демонстрация, которую так не хотели реформисты, подверглась яростной атаке конных и пеших полицейских. Приезд короля в венгерскую столицу ознаменовался кровавым побоищем¹⁴⁰.

24 ноября в Будапеште состоялась новая демонстрация. К лозунгу «Да здравствует республика!» прибавился новый: «Долой династию!» И снова рабочие подверглись нападению полиции и войск. Был убит один полицейский, среди демонстрантов насчитывались сотни раненых¹⁴¹. 24 ноября стало, по выражению «Непсавы», «днем кровавого крещения идеи республики». Теперь и «Непсава» предупреждала, если и дальше

¹³⁸ MSzM, 1912, 86. 1.

¹³⁹ N, 5.XI 1912.

¹⁴⁰ PI Arch., Rgy, 1.5/1912/XI/761-1.

¹⁴¹ PH, 26.XI 1912.

будут продолжаться кровавые оргии режима Тисы, лозунг республики станет действительно актуальным¹⁴².

Чрезвычайный международный социалистический конгресс, по предложению его председателя, швейцарского социалиста Грейлиха, выразил возмущение и протест международного пролетариата расправой венгерского правительства с будапештскими рабочими и горячую солидарность с борьбой пролетариата Венгрии. Принятый конгрессом манифест, получивший полную поддержку и одобрение венгерского рабочего класса и социал-демократической партии, ставил перед социалистическим движением важные задачи в связи с усилением угрозы мирового военного конфликта. Манифест обязал социал-демократические партии Австрии, Венгрии, Хорватии и Славонии, Боснии и Герцеговины «продолжать крупные акции, с которыми они выступили против агрессивных намерений Австро-Венгрии против Сербии». В манифесте выражалась уверенность, что эти партии и впредь «будут бороться за право на самоуправление в рамках австро-венгерской монархии для части югославянского народа, живущего под габсбургским господством»¹⁴³.

Подъем социалистического движения в конце 1912 — начале 1913 г.

Осенью 1912 г. политическая обстановка продолжала обостряться. В начале декабря клика Тисы — Лукача, ссылаясь на военную угрозу, провела через палату депутатов серию «исключительных законов», которые давали правительству чрезвычайно широкие диктаторские полномочия в случае войны или даже «непосредственной угрозы войны». Одновременно правительство предприняло маневр с целью внесения раскола в движение за всеобщее избирательное право. Под непосредственным руководством Тисы был разработан проект избирательной реформы, который рекламировался официальной правительственной прессой как широкая демократическая реформа. На самом деле он был еще более реакционным, чем пресловутый «плюральный законопроект» Андраши.

Согласно законопроект Тисы — Лукача избирательные права предоставлялись гражданам Венгрии (которые являлись венгерскими подданными свыше 5 лет), достигшим 30-летнего возраста, имевшим удостоверение об окончании 6 классов начальной школы, умеющим читать и писать, сельским и городским жителям, владеющим не менее 8 хольдами земли или же пла-

¹⁴² N, XI. 1912.

¹⁴³ *Jemnitz János. A háború veszélye és a II. Internacionálé (1911—1914). Bp., 1966.*

тившим свыше 20 крон подоходного налога, работающим в одном и том же месте не менее 2 лет¹⁴⁴.

Голосование должно было быть тайным только в так называемых «свободных королевских городах». Это означало, что даже жители окраин Будапешта обязаны голосовать открыто. Таким образом, маневр Тисы был рассчитан на закрепление политического бесправия подавляющего большинства трудящегося населения Венгрии.

Как только стали известны подробности готовившейся реформы, 23 декабря было созвано специальное совещание социал-демократического руководства, которое решило созвать чрезвычайный съезд партии, если законопроект будет официально представлен на рассмотрение парламента¹⁴⁵.

31 декабря кабинет Лукача внес в палату депутатов проект закона об избирательной реформе. Начался новый этап движения пролетариата Венгрии за всеобщее избирательное право. 8 января 1913 г. конференция доверенных лиц и представителей профсоюзных организаций приняла решение рекомендовать чрезвычайному партийному съезду применить оружие массовой политической забастовки¹⁴⁶. 12 января почти во всех городах страны состоялись демонстрации и митинги, на повестке дня которых стоял один вопрос — избирательный проект правительства и рабочий класс.

26 января собрался чрезвычайный съезд социал-демократии, в работе которого приняли участие 172 делегата 83 будапештских организаций и 124 представителя от 87 провинциальных организаций. Основным докладчиком на съезде выступил Э. Гарам. Докладчик, подробно проанализировав правительственный законопроект, призвал партию и пролетариат к решительной борьбе против его осуществления. Гарам заверил съезд, что венгерская буржуазия и оппозиционные партии будут поддерживать рабочий класс в этой борьбе «с той же решимостью», как и раньше. Гарам пространно доказывал, что и политические и экономические интересы буржуазии повелительно требуют демократической реформы избирательного права.

Учитывая боевое настроение пролетариата, партийное руководство вынуждено было внести важные изменения в тактику массовой стачки. В отличие от предыдущих всеобщих политических забастовок планируемая стачка должна продолжаться до победного конца, а не один день, как это было раньше. Таким образом, предполагалось, что новая всеобщая стачка не только по форме, но и по содержанию и задачам существенным образом должна отличаться от предыдущих. Прежние стач-

¹⁴⁴ N, 21.XI 1912.

¹⁴⁵ MSzM, 1913, 7. l.

¹⁴⁶ Ibidem.; MSzPJ, XX, 41. l.

ки, говорил Гарамии, «не преследовали цель выиграть решающую битву», а лишь продемонстрировать силу и решимость к сопротивлению. «Теперь речь идет не о демонстрациях, их было достаточно», — заявил докладчик под бурные аплодисменты делегатов съезда. Однако Гарамии в том же докладе доказывал, что «если буржуазия вместе с нами выполнит свой долг, в массовой стачке не будет необходимости»¹⁴⁷.

Все же доклад был, пожалуй, одним из самых революционных выступлений этого виднейшего представителя венгерского оппортунизма за всю его многолетнюю деятельность.

Чрезвычайный съезд уполномочил партийное руководство «объявить в удобный момент всевенгерскую массовую политическую забастовку». В течение нескольких недель во всех рабочих организациях шли лихорадочные приготовления.

21 февраля специальная парламентская комиссия, завершив предварительное обсуждение правительственного проекта избирательной реформы, единогласно одобрила его. Согласно процедуре в начале марта должно было начаться окончательное обсуждение и утверждение законопроекта палатой депутатов. Приближался час решающей битвы, но он так и не наступил. 1 марта начальник полицейского управления объявил о запрещении демонстраций и скоплениях людей на улицах¹⁴⁸. 5 марта правительство ввело в Будапешт, а также и в другие крупные центры страны крупные отряды войск. Однако эти предосторожности оказались излишними.

Накануне, 4 марта, устами Аппони оппозиция заявила, что отказывается признать проект правительства и будет бойкотировать его обсуждение. После этого заявления депутаты оппозиции во главе с Юштом, Аппони и Кошутом покинули зал заседаний палаты. Оппозиция оставила поле боя. Точно так же поступило и социал-демократическое руководство. 5 марта 1913 г. оно обратилось к рабочему классу, который с нетерпением ожидал сигнала к выступлению, со следующим призывом: социал-демократические силы были готовы поставить на карту все — жизнь, свободу, свои организации — ради того, чтобы провалить избирательный проект Тисы и завоевать всеобщее, равное, тайное избирательное право. В сложившейся политической обстановке эту цель можно достигнуть, только связав «уличную революцию с революцией парламентской». Парламентская оппозиция протестовала против обсуждения проекта и после этого ушла из палаты депутатов. Этот поступок достоин уважения и вызван серьезными политическими соображениями. Тем самым парламентская борьба пока завершилась этим протестом. Без парламентской борьбы уличная борьба, какой бы героической и

¹⁴⁷ MSzM, 1913, 28. l.

¹⁴⁸ Ibid., 41. l.

самоотверженной она ни была, осталась бы безуспешной и вызвала лишь ненужное кровопролитие. В этих условиях, «сознавая нашу огромную ответственность, мы должны в данный момент временно отказаться от применения оружия массовой стачки»¹⁴⁹.

Достаточно было угрозы Тисы и трусливого отступления оппозиции, чтобы реформисты забили отбой.

Спустя два дня послушное Тисе парламентское большинство одобрило законопроект избирательной реформы.

Готовый к боевому выступлению пролетариат Венгрии был деморализован в решительный момент капитуляцией реформистов. На следующий день, 6 марта, «Непсава» вынуждена была признать: «Большая часть рабочего класса недовольна тем поворотом, который произошел в борьбе за всеобщее избирательное право... недовольна не только поведением оппозиции... Большая часть рабочих неудовлетворена также решением руководства социал-демократической партии отложить начало массовой политической стачки и тем, что оно не попыталось помешать принятию законопроекта Тисы, пусть даже ценой кровавых уличных боев»¹⁵⁰.

Капитуляция оппортунистического руководства социал-демократической партии нанесла непоправимый удар социалистическому движению венгерского пролетариата. После мартовских событий 1913 г. рабочее движение Венгрии, пережившее в 1912 и начале 1913 г. наивысший подъем, пошло на убыль. Отныне ничто, по существу, не препятствовало реакции в осуществлении ее замыслов. Спустя три месяца после этих событий Тиса сам возглавил венгерское правительство. Внутриполитическая подготовка к грядущей войне практически была уже завершена.

¹⁴⁹ PI Arch., Rgy, 1/1913/III/203—2.

¹⁵⁰ N, 6.III 1913.

Экономический кризис 1913 г. и его последствия

В последние 1,5—2 года, предшествовавшие сараевскому убийству, произошло заметное ухудшение экономического положения Венгрии. Депрессия, наблюдавшаяся в 1912 г., уже в следующем году переросла в настоящий кризис. Дипломатические конфликты, почти непрерывные с начала 1912 г., постоянная угроза вмешательства Австро-Венгрии в развернувшиеся на Балканах военные действия, военные тревоги, частичные и полные мобилизации и рекрутские наборы привели к резкому падению предпринимательской активности и сокращению капитального строительства. Агрессивная внешняя политика монархии лишила промышленность значительной части важнейших для нее балканских рынков. По той же причине почти полностью прекратился приток западноевропейских капиталов, особенно французских. В соответствии с пожеланиями военно-политических и дипломатических кругов Антанты парижские банки не только прекратили выдачу займов и ссуд, но и поспешно изымали из австро-венгерских предприятий уже вложенные капиталы.

Германия, занятая в это время обхаживанием Турции и Румынии, не спешила компенсировать потерю французского денежного рынка, поскольку ее добровольный союзник — двуединая монархия не нуждалась в особых поощрениях. Тщетно разгневанный Тиса взывал к «союзническому долгу», требуя от германского правительства, чтобы оно оказало «энергичное воздействие» на берлинские финансовые круги. В письме от 22 сентября 1913 г. к министру иностранных дел Л. Берхтольду он прямо указывал, что закрытие французского денежного рынка для финансовых операций Австро-Венгрии произошло «по политическим причинам» и из-за «наших союзных отношений с Германией», которая вместо того, чтобы «эффективно содействовать покрытию наших потребностей в деньгах», отписывается «ученым абзацем о трудностях финансового положения». Венгерский премьер пробовал даже угрожать: «Если компетентные германские политические и финансовые круги и дальше будут от-

носиться с тем же бездумным равнодушием, как теперь, к нашему тяжелому положению, вызванному потерей французского денежного рынка, то рано или поздно это окажет неблагоприятное влияние на общественное мнение и на оценку Тройственного союза в обоих государствах» (монархии.— *Т. И.*)¹. Однако это была пустая угроза. В Берлине не хуже, чем в Вене и Будапеште, знали, сколь прочны цепи, приковавшие монархию к колеснице германского милитаризма. И меньше всего Тиса желал ослабления Тройственного союза.

Политика, которой верно служил Тиса, нисколько не способствовала смягчению экономических трудностей, переживавшихся его страной. Активное участие монархии в Тройственном союзе обернулось непосильным для ее недостаточно развитой экономики бременем военных расходов. Наравне с Австрией она несла все тяготы, связанные с покрытием огромных расходов по содержанию армии и флота и их перевооружением. Однако средства, выделявшиеся для этих целей, тратились преимущественно в Австрии. Львиная доля заказов на оружие размещалась на австрийских предприятиях.

Правительство Тисы, усердно выполняя растущие требования военного ведомства, выделяло все новые и новые средства из бюджета. Однако в силу подчиненного положения Венгрии в системе дуализма она не имела возможности эффективным образом отстаивать интересы собственной буржуазии, которые представлялись Тисой и его партией. В 1912—1914 гг. почти ни одно заседание венгерского кабинета не обходилось без рассмотрения очередных, а чаще внеочередных заявок венских военных властей. И Тиса их удовлетворял, иногда даже в обход послушного ему парламента.

Уже при обсуждении военного бюджета на 1912 г. обнаружилось нежелание австрийской военщины довольствоваться обычными, «нормальными» ассигнованиями на военные нужды. Новый военный министр генерал Ауффенберг-Комаров, выступая на заседании венгерской делегации, требовал «не задумываясь вотировать требуемые на оборону страны кредиты», вопреки данному его предшественником обещанию не добиваться в течение пяти лет увеличения военных расходов². В том же году, ссылаясь на напряженное положение на Балканах, генералы выдвинули новую обширную программу вооружений, которая предусматривала, помимо закупок обычных видов стрелкового оружия и артиллерии, развитие военной авиации, строительство подводного флота и даже двух дорогостоящих дредноутов. Все это должно было обойтись налогоплательщику в кругленькую сумму, превышавшую 400 млн. крон.

¹ OL, ME, 22.XI 1913. K-468. Félhivatalos.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1911, д. 311, л. 224.

Предлагая совету министров новый военный бюджет, венгерский министр финансов Л. Лукач все же был вынужден предупредить о «весьма тревожных последствиях нового бремени военных расходов как с точки зрения государственных финансов, так и политической...»³ Учитывая последнее обстоятельство, министр высказался за то, чтобы на утверждение австрийской и венгерской делегаций была вынесена лишь часть требуемой суммы. Чтобы подсластить пилюлю, было решено попытаться убедить военное министерство разместить соответствовавшую венгерской квоте часть заказа на снаряды на венгерском оружейном заводе в Дьошдьёре. Венгерское правительство довольно сдержанно отнеслось к идее замены крейсеров старого типа «монарх» дредноутами, поскольку судоверфи единственного венгерского порта Риека (Фиуме) не были приспособлены для их строительства и операция эта не сулила венгерским капиталистам никаких выгод. Не будучи в состоянии переубедить адмиралов, оно принялось с удвоенной силой добиваться уступок в других вопросах. В связи с этим важное значение во взаимоотношениях венгерского кабинета с австрийским и общим военным министерством приобрел вопрос и о поставках нового артиллерийского вооружения.

Венгерский кабинет потребовал закрепить за Венгрией часть заказов на орудия, соответствующую ее доле участия в общих расходах. В этом требовании не было ничего необычного, ибо оно соответствовало духу и букве австро-венгерского соглашения. Однако такого предприятия в Венгрии не было. И нужды в нем долгое время не было. Дело в том, что почти до самой мировой войны Вена, сомневаясь в благонадежности венгерских гонведов, не допускала их вооружения артиллерией.

Поэтому Будапешт выступил с предложением отсрочить выполнение части военных поставок на два года, с тем чтобы за это время построить собственный завод артиллерийских орудий. Не имея возможности отклонить венгерское предложение, Австрия пустила в ход все средства, чтобы провалить эту затею. Германская фирма Круппа, предложившая правительству Венгрии свои услуги в деле строительства завода, вдруг «безо всякой мотивировки взяла обратно свое предложение», хотя сделка эта сулила ей немалые барыши. От выгодного для Венгрии контракта же с английской фирмой «Викерс» пришлось отказаться ввиду категорического вето общего военного министра, заявившего, что в строительстве могут принимать участие лишь предприятия стран Тройственного союза. У венгерского правительства не осталось иного выхода, кроме как обратиться к австро-чешской фирме «Шкода» (Пльзен), хотя подрыв ее монополий являлся давней мечтой венгерских фабрикантов оружия. Одна-

³ OL, MTJ, 7.X 1912, 34—42. 1.

ко от мысли о конкуренции со «Шкодой» пришлось отказаться точно так же, как и от намерения строить завод собственными силами на базе государственного металлического завода, поскольку военного министра на этот раз не устраивали сроки. Условия, на которых после долгих переговоров удалось заключить в марте 1913 г. контракт со «Шкодой», оказались чрезвычайно неблагоприятными⁴.

Почти год (с мая 1912 по март 1913 г.) совет министров Венгрии неоднократно возвращался к этому вопросу, и все же согласился принять тяжелые условия «Шкоды», хотя сам министр финансов Л. Лукач признавал, что «эти деньги, использованные для других целей, принесли бы большую пользу экономике и финансам страны»⁵.

Расходы на авантюристические внешнеполитические и военные цели монархии тяжким бременем легли на плечи трудящихся, положение которых усугублялось сокращением занятости, вздорожанием цен на продовольственные товары в связи с прекращением ввоза сельскохозяйственных продуктов из балканских стран.

Об ухудшении экономической конъюнктуры, падении деловой активности и как следствии их безработице и массовой эмиграции, особенно в 1913 г. и в начале 1914 г., свидетельствовали тревожные донесения местных властей и мрачные отчеты торгово-промышленных палат. Торговая и промышленная палата Дебрецена, охарактеризовавшая в своем отчете за 1913 г. экономическое положение города как «чрезвычайно плохое», констатировала наличие «большой нужды в равной мере и работодателей и рабочих». В отчете говорилось о банкротстве и закрытии целого ряда торговых и промышленных предприятий, о «кризисе, уничтожающем состояния» и лишаящем предпринимателей доходов и прибылей. Все эти заявления не ос-

⁴ Основную тяжесть расходов по строительству оружейного завода взяло на себя венгерское государство (7 млн. крон основного капитала обеспечивала казна и лишь 4 млн. — «Шкода»). Расходы по строительству специальной железнодорожной ветки и покупке земельного участка шли за счет казны. Завод освобождался от всяких налогов и пошлин на 15 лет. В первое время лишь 25% его рабочих и служащих должны были составить венгерские подданные и лишь спустя 10 лет — 75%. Сначала завод должен был выпускать орудия только мелкого и среднего калибра (от 150 до 305 мм), и только через 3 года после ввода в строй — всех калибров, в том числе и корабельные. Первоначально представители «Шкоды» и слышать не хотели о выпуске орудий крупного калибра (OL, MTJ, 10.III 1913. 19—46. л).

⁵ OL. MTJ, 10.III 1913, 46. I. Подробные признания не помешали Лукачу на том же самом заседании кабинета убедить своих коллег выбросить буквально на ветер кругленькую сумму на покупку у немецкого банковского консорциума 51% акций «Восточной железной дороги» (Салоники — Монастырь), несмотря на очевидную сомнительность этой сделки, только для того, чтобы угодить венским банкирам и завоевать расположение министра иностранных дел Бертольда. (OL, MTJ, 5.V 1913).

тавляют никаких сомнений в классовых симпатиях авторов отчета. Тем достоверней их признание — «1913 год был годом безработицы, оказавшей парализующее влияние также и на рабочее движение»⁶.

Дебреценская палата требовала от властей организации общественных работ, хотя бы для частичного сокращения безработицы и ее смягчения. Только за один 1913 год из этого района эмигрировало около 15 тыс. человек. (Число эмигрантов уже в 1912 г. по всей стране перевалило за 100 тыс.)⁷

Размах эмиграции, разумеется, и состоятельным классам казался «пугающим», потому что она уносила рабочие руки, сокращала резервную армию труда, затрудняла буржуазии возможность выхода из кризиса путем максимального усиления эксплуатации. Признавая, что «для тысяч людей нет иного выбора, чем голодная смерть или эмиграция», представители делового мира тем не менее заботились прежде всего о сохранении прибылей. Именно поэтому они так настойчиво рекомендовали правительству принять меры к ограничению эмиграции административными средствами и выделить средства для возведения защитных сооружений, дамб и плотин на р. Тиса. Любопытно, что в то же время начальник одного из уездов, пораженных голодом в результате продолжительных дождей и опустошительного наводнения летом 1913 г., охватившего обширный район от Дебрецена до Мукачево, наоборот, просил министра внутренних дел немедленно отменить все административные ограничения на эмиграцию, поскольку, как он полагал, никакой государственной или общественной помощью невозможно преградить путь «абсолютному пауперизму». Напоминая старую истину, что «нужда является величайшим революционером», чиновник предупреждал: «...по всей вероятности, голодающий народ забудет об уважении законов, а безопасность личности, имущества, как и общественное спокойствие, окажутся под угрозой»⁸.

В масштабе всей страны основным источником бедствий — на этот раз уже не стихийных; — стала невиданная со времени кризиса 1903 г. безработица. В строительной промышленности Будапешта в 1911 г. было занято почти 32 тыс. рабочих, в середине 1912 г. — 26 700, а летом 1913 г. — всего 11 600 рабочих⁹. В 1913 г. и в первой половине 1914 г. число безработных в столице, являвшейся крупнейшим промышленным центром страны, колебалось от 40 до 30 тыс. человек. По самым осторожным подсчетам, во всей Венгрии насчитывалось около 100 тыс.

⁶ «Debreceni Kereskedelmi és Ipar Kamara Évkönyve. 1913». Вр., 1914, 81. 1.

⁷ Ibid., 87. 1.

⁸ OL, BM, eln. 1913—VIII—24. res.

⁹ *Pogány József*. A munkapárt bünei. Вр., 1917, 33—34. 1.

безработных. Только в 1913 г. к профсоюзам с просьбой о содействии в устройстве на работу обращалось свыше 60 тыс. человек¹⁰. Весной 1914 г., по сообщению еженедельника союза слесарей, десятки тысяч трудящихся столицы жили в условиях «невыразимой нищеты и пауперизма»¹¹.

Развернувшуюся осенью 1913 г. — весной 1914 г. борьбу трудящихся против дальнейшего ухудшения условий труда и жизни возглавил организованный пролетариат во главе с Социал-демократической партией Венгрии. В конце сентября 1913 г. партия организовала специальные митинги и собрания, на повестке дня которых стоял один вопрос — экономический кризис и безработица. Участники митинга принимали резолюции, призывавшие правительство и городские муниципалитеты к немедленному осуществлению мер по смягчению бедствия трудового народа¹². В конце сентября министра торговли и промышленности посетила делегация в составе 20 человек, которая от имени 40 тыс. безработных столицы потребовала принятия чрезвычайных мер¹³. Как и следовало ожидать, эффективной помощи безработные от государства не получили. Более того, правительство принудило власти столицы воздержаться от организации широких общественных работ и дало указание местным властям других городов выделять средства на эти цели лишь в крайних случаях¹⁴.

Рабочий класс поэтому был вынужден перейти к более активным действиям. 26 ноября в Будапеште состоялась демонстрация безработных. 24 февраля в столице проходил большой митинг и шествие, показавшие «готовность десятков тысяч голодающих к борьбе с самыми крайними средствами». Наблюдатели отмечали «революционную решимость» демонстрантов, выступавших с лозунгами «хлеба и работы, иначе и мы начнем бросать бомбы!»¹⁵

Однако эти разрозненные акции, как и уговоры и прошения, не дали желаемого результата. Помочь безработным могли лишь сами рабочие. В эти трудные дни вновь проявилась сила солидарности и эффективность профессиональной организации пролетариата. В условиях нараставших экономических трудностей вся деятельность венгерских профсоюзов была подчинена выполнению двух главных задач — смягчению бедственного положения безработных и их семей и пресечению попыток лишить их завоеваний, добытых в упорной борьбе в предшествующие

¹⁰ «Népszava Naptár», 1915. Bp., 1915. 20—22. l.; «Népszava», I.X 1913.

¹¹ «Acsok Szaklapja», 10.IV 1914.

¹² Györi all. lvt. Főisp. ir. 1913—123, 1913—127. biz.

¹³ MSzM, 1913, Bp., 1914, 619. l.; N, I.X 1913.

¹⁴ Pogány József.. Op. cit., 35. l.

¹⁵ «Szakszervezeti Ertesítő». 914, N 3; «Magyar Vasutas». I.III 1914.

годы, не дать буржуазии найти выход из кризиса целиком и полностью за счет рабочего класса.

Пользуясь неблагоприятной для пролетариата обстановкой, предприниматели нередко провоцировали рабочих на забастовки, с тем чтобы получить предлог для массовых увольнений, для пересмотра в свою пользу ранее заключенных коллективных договоров. Участвовавшие случаи локаутов и массовых увольнений рабочих свидетельствовали о том, что обострившаяся накануне мировой войны классовая борьба в Венгрии проходила под знаком наступления капитала на права и завоевания трудящихся. Некоторое представление о динамике классовых конфликтов в промышленности в предвоенные годы дает нижеследующая таблица ¹⁶:

Год	Стачки	Локауты	Число бастующих	Число потерянных рабочих дней
1906	652	70	60 780	1 019 399
1907	488	133	44 276	1 825 483
1908	251	71	19 414	410 442
1909	181	32	13 419	418 888
1910	162	27	20 884	367 612
1911	206	21	21 517	235 586
1912	236	22	37 085	270 718
1913	133	42	19 948	264 028

После спада рабочего движения 1908—1909 гг. усилившаяся в 1910 г. политическая активность венгерского пролетариата сопровождалась оживлением его экономической борьбы, которая достигла своего кульминационного пункта (по числу забастовок и стачечников) в 1912 г. В следующем, 1913 г., наблюдалось резкое снижение активности пролетариата как в области политической, так и экономической борьбы. Но даже в 1912 г., когда в забастовках приняло участие свыше 37 тыс. рабочих, стачечное движение по всем показателям резко уступало движению 1905—1907 гг.

В отличие от периода первой русской революции подъем рабочего движения Венгрии в предвоенные 1910—1912 гг. носил ярко выраженный политический характер. Если сравнить данные за 1912 г. и 1913 г., то обнаружится резкое падение числа стачек (с 236 до 133) и числа бастовавших (с 37 085 до 19 948), а также значительный рост числа локаутов (42 локаута против 22 в 1912 г.). В 1912 г. предпринимателями было локаутировано 4168 рабочих, а в 1913 г. почти в два раза больше —

¹⁶ «Népszava Napfár». 1915. Вр., 1915, 32. 1.

8086 рабочих. В то же время резко снизилась результативность выступлений пролетариата. В 1912 г. 30 802 рабочих добились увеличения заработной платы на 3 182 886 крон и 14 093 рабочих — сокращения рабочего дня на 6701 час, а в 1913 г. 8453 рабочих добились увеличения заработной платы на 21 639 крон, и 4 тыс. рабочих — сокращения рабочего дня на 23 263 часа. Переход пролетариата от наступательных действий к обороне и в сфере экономической борьбы, совершившийся в 1913 г. в условиях очевидной неудачи его акций за демократизацию общественного строя и краха оппортунистической тактики социал-демократического руководства, был продиктован общей неблагоприятной во всех отношениях обстановкой.

Профессиональным союзам в 1913—1914 гг. приходилось заботиться главным образом не об улучшении, а о сохранении существующих условий труда и его оплаты. «О наступательных действиях,— говорилось в отчете совета профсоюзов,— и думать не приходилось, да и защита уже завоеванного чрезвычайно осложнялась наличием десятков тысяч безработных и голодающих»¹⁷.

Вместе с тем, несмотря на неимоверные трудности, пролетариат сумел сохранить свои организации и предотвратить существенное падение численности профсоюзов, что иллюстрируется следующими данными. В рядах профсоюзов насчитывалось¹⁸:

1905 г.	—	71 173 членов	1910 г.	86 478 членов
1906 г.	—	129 332 »	1911 г.	95 180 »
1907 г.	—	130 120 »	1912 г.	111 966 »
1908 г.	—	102 054 »	1913 г.	107 486 »
1909 г.	—	85 266 »		

Таким образом, в последний год мирной эпохи организованный пролетариат Венгрии вступил, имея в своих рядах свыше 100 тыс. человек. Понесенные им потери были невелики, если учесть, что профсоюзная статистика по многолетней привычке составлялась на основе списков лиц, вносивших членские взносы (по последнему взносу, сделанному в последнюю неделю каждого года). Вследствие этого многие безработные, оставшиеся в союзах, но не имевшие возможности платить взносы, не учитывались статистикой. «Экономические условия прошедшего года заставили наши организации перейти к обороне»,— констатировала профсоюзная газета «Ачок Сакляпя» («Листок слесарей») 13 июня 1914 г. Некоторые профсоюзы и в условиях

¹⁷ «Szakszervezeti Ertesítő», 1914, N 1.

¹⁸ «Népszava Naptár». 1915. Vp., 1915, 18—34. l.

кризиса и безработицы сумели даже добиться некоторого увеличения своей численности. Так, крупнейший в Венгрии союз металлистов к концу 1913 г. насчитывал почти 30 тыс. человек, т. е. почти на 11% больше, чем в предыдущем году. Не обошлось, разумеется, и без потерь. Больше всего от кризиса и безработицы пострадали сильные организации строительных рабочих и деревообделочников: численность первой сократилась на 28%, второй — на 11%. Свыше 31% своих членов лишился социал-демократический союз сельскохозяйственных рабочих, что объяснялось в первую очередь неудовлетворительным состоянием партийной работы среди деревенского пролетариата.

Из приведенных данных вытекает, что общая численность организованного пролетариата Венгрии даже в самые тяжелые предвоенные времена не падала ниже уровня 1905 г. Наиболее неблагоприятными в этом отношении были 1908 и 1909 гг., а также частично и 1910 г. Характерно, что спады и подъемы в развитии профессионального движения почти не отразились на организации женщин-работниц, которая оставалась стабильной в течение всего указанного периода (5,5 тыс. в 1906 г. и 6,5 тыс. в 1912 и 1913 гг.).

О больших и результативных усилиях профсоюзов в кризисные годы говорит тот факт, что несмотря на некоторое уменьшение числа их членов, доходы их в 1913 г. по сравнению с предыдущим годом возросли на 60 тыс. крон (общая сумма составила немногим меньше 2,5 млн. крон). Это было достигнуто благодаря добровольным взносам рабочих и частично займам в фонд помощи безработным. Именно поэтому некоторые союзы сумели выплатить своим безработным членам пособия на суммы, превышавшие общий сбор от членских взносов¹⁹. Львиная доля профсоюзных средств шла на оказание помощи безработным и организацию питания для их голодающих семей.

Национальные конфликты.

Попытки их преодоления

Проблема национальностей в Венгрии воспринималась в лучшем случае как вопрос культурно-национальный. Непокколебимая вера в единство и неделимость королевства, уверенность в превосходстве мадьяров во всех сферах деятельности над остальными населявшими страну народами стали стандартными атрибутами образа мышления мадьярского обывателя. Ущемление прав национальностей, грубые методы насильственной ма-

¹⁹ Jászi Oszkár. A nemzeti államok kialakulása és a nemzetiségi kérdés. Bp., 1912. 496—502. 1.

дьяризации осуждались многими, но даже самые благожелательные и здравомыслящие считали вполне достаточным устранить «крайности» политики ассимиляции и строго соблюдать положения закона о национальностях от 1868 г.

Передовые представители буржуазной интеллигенции, люди, безусловно преданные идее общественного прогресса, заслужившие своей бескомпромиссной борьбой против феодально-клерикальной реакции признание и у национальностей Венгрии, считали возможным решение национальной проблемы без коренной ломки основ национальных отношений, без преобразования государственной структуры. Один из таких людей, буржуазный радикал Оскар Яси, взгляды которого и по национальному вопросу в тогдашней Венгрии многим казались излишне радикальными, был искренно убежден, что многонациональная Венгрия нуждается не в федеративном переустройстве, а лишь в широком развитии индустриального капитализма и буржуазной демократии западноевропейского образца, которые сами по себе способны обеспечить беспрепятственное культурное развитие национальностей и выравнивание национальных противоречий. От невенгерских народов требовался «лишь» отказ от политических целей, т. е. согласие на превращение национального вопроса из политического в чисто культурный.

Все это писалось в 1907 г. Но и в 1912 г., в разгар подъема освободительных движений на Балканах, в специальном исследовании, посвященном образованию национальных государств и национальному вопросу, Яси утверждал, что среди мадьярских народов «не существует стремления к гравитации (т. е. к выделению из состава венгерского государства. — Т. И.)». Так, однако, обстояло дело лишь на первый взгляд. Действительно, в то время ни одна партия в Венгрии не ставила вопроса о территориальной автономии или отделении. Но это не означало отсутствия подобных тенденций, хотя и подспудных. Яси, П. Сенде исходили из возможности и необходимости единства венгерского государства, гарантией существования которого Яси считал осуществление демократии, а также «мирной культурной и экономической гегемонии мадьяр»²⁰.

Если буржуазные радикалы видели решение национального вопроса на пути широких демократических преобразований, то ослепленное шовинизмом большинство господствующих классов отдавало предпочтение традиционным методам насильственного подавления освободительных движений невенгерских народов. Такой подход, характерный для всех венгерских правительств эпохи дуализма, сделал невозможным проведение в жизнь умеренно-либеральных принципов Деака — Етвёша, которые были заложены в законе о национальностях 1868 г. Выступая на за-

²⁰ KN, 22. к., 255. 1.

седании палаты 20 февраля 1914 г., премьер-министр И. Тиса во всеуслышание заявил о полной невозможности осуществления этого закона, само издание которого он считал ошибочным шагом, «проявлением беззаботности мадьярской нации»²¹. Самое парадоксальное заключается в том, что как раз в это время Тиса прилагал огромные усилия, чтобы убедить собственный класс в необходимости некоторых уступок в пользу немадьярских национальностей, хотя в принципе он преследовал те же цели, что и другие коллеги. Однако в отличие от многих других руководящих деятелей Венгрии Тиса считал возможным и необходимым добиваться соглашения с верхушкой национальной буржуазии и помещиков невенгерских народов²².

На формирование взглядов и политики Тисы по национальному вопросу решающее влияние оказали события 1912—1913 гг. на Балканах. Кроме того, в силу особенностей сложившейся в это время международной обстановки в урегулировании национальных конфликтов в Венгрии оказался прямо заинтересованным Тройственный союз, перешедший к форсированной подготовке европейской войны²³.

Поскольку Берлин и Вена особое значение придавали обеспечению союза с Бухарестом, который был невыносим без решения румынского вопроса в Венгрии²⁴, то последний вопрос приобрел чрезвычайную остроту и актуальность как в плане внешнеполитическом, так и внутриполитическом. Да и сам Тиса вносился к тому, что сговориться с лидерами венгерских румын будет легче, чем с буржуазией славянских народов Венгрии. Не последнюю роль играл и расчет на то, что стремление румынских бояр к отторжению от России Бессарабии возьмет верх над их жадной обладания Трансильванией.

Переговоры, начатые Тисой с лидерами румынской национальной партии в конце 1912 г. и продолженные осенью 1913 г.

²¹ КН, 22. к., 255. 1.

²² По мнению Тисы, судьбу и будущее страны следовало основывать на сотрудничестве с «патриотически мыслящей частью интеллигенции национальностей» («Az Ujság», 4.I 1910).

²³ Подробнее см. «История Венгрии», т. 2. М., 1972, стр. 473. В критический момент переговоров Тисы с румынами в январе 1914 г. близкое к премьеру и пользовавшееся его покровительством «Венгерское общество социальных наук», проведя опрос о путях решения национального вопроса в Венгрии, пришло к выводу, что его следует решить путем переселения мадьяр в области, компактно заселение немадьярами, недопущения создания каких-либо организаций на национальной основе, укрепления «венгерского национального духа» в администрации, назначения чиновников только из числа лиц мадьярской национальности, («Az Ujság», 4.I 1910).

²⁴ Когда переговоры Тисы с национальной партией румын достигли кризисной стадии, румынский генерал Филипеску публично заявил, что благожелательное отношение Румынии к Австро-Венгрии, а следовательно, и к Тройственному союзу, будут целиком зависеть от успеха венгеро-румынского пакта в Трансильвании.

и в начале 1914 г., окончились ничем, несмотря на активное «содействие» германской и австро-венгерской дипломатии²⁵. Руководящие политические деятели Бухареста, и в первую очередь И. Брэтиану, относившиеся к ним на первых порах под давлением германского посла вроде бы сочувственно и даже призывавшие лидеров румынского движения Венгрии к умеренности, по мере сближения Румынии с Антантой теряли интерес к предложениям венгерского кабинета.

В свою очередь правительство Тисы оказалось неспособным удовлетворить основную часть национальных требований румынской буржуазии Венгрии (соблюдение закона 1868 г., гарантирование свободы организации и деятельности национальной партии, образование 50 избирательных округов с румынским большинством, право на употребление румынского языка в населенных румынами районах, использование и назначение румынских чиновников во всех звеньях местной и комитатской администрации) на последних этапах переговоров было выдвинуто требование назначения из числа румын министра без портфеля в будапештском кабинете, — строгое соблюдение автономных прав румынских церквей и выдача им субсидий ежегодно по 1 млн. крон каждой, образование трех новых православных епископств в Орадя, Тимишоаре, Клуже и трех румынских гимназий, прекращение попыток мадьяризации, прекращение политических процессов и др.²⁶.

Тиса готов был удовлетворить лишь часть требований, касавшихся положения школ, церквей и языка. Дальше этого он не желал идти. Иного и нельзя было ожидать. То, в чем он отказывал собственному народу, он, естественно, не мог дать и другим²⁷.

17 февраля исполнительный комитет румынской национальной партии отклонил предложения венгерского премьера. 20 февраля 1914 г. в большой речи, произнесенной в палате депутатов, Тиса заявил, что в ходе переговоров с румынами «требования, противоречащие краеугольным принципам венгерского государства», он наблюдал лишь «в узком кругу». Чтобы не закрывать пути для возможного возобновления диалога с лидерами румынского национального движения, в той же речи он обещал облегчить возможность обучения на румынском языке в государственных и муниципальных школах, повысить жалованье

²⁵ Подробности переговоров см. «История Венгрии», т. 2, стр. 476.

²⁶ OL, ME. K-467, 1911—325. félhivatalos.

²⁷ Задачи «правильной политики» в отношении национальностей, писал Тиса, заключаются в том, чтобы «с беспощадной последовательностью ослаблять, отбрасывать и если нужно тормозить опасные для национального единства устремления, всеми силами поддерживать патриотическое направление», и, одновременно устранять недоразумения и обиды («Magyar Figyelő», 1912, 2. k., 204—205. l.).

румынским учителям, создать новые гимназии, не чинить препятствий деятельности румынской партии, а также общественных, культурных, экономических, просветительских, благотворительных учреждений и организаций. Предусматривалось также оказание государством материальной и финансовой помощи торговым и промышленным предприятиям румын, а также сельским хозяйствам наравне с венгерскими²⁸.

Попытки Тисы сдвинуть с мертвой точки национальную политику венгерского государства, на которой она застыла с 70-х годов прошлого века, путем сговора с буржуазно-помещичьей и клерикальной верхушкой румын проходили под яростный аккомпанемент негодующих голосов мадьярских шовинистов, которым сама мысль о переговорах с «собственными» румынами казалась кощунственной. Дело дошло до того, что некоторые комитаты принимали официальные резолюции, осуждавшие попытки примирения с румынами. Такую резолюцию 12 января 1912 г. принял комитат Пешт, выразивший протест и «патриотическую озабоченность» стремлением правительства «обеспечить одной группе граждан исключительные права». Объявив политику правительства «покушением на единство страны», общее собрание комитата призвало другие комитаты присоединиться к этому решению²⁹.

Особенно усердствовали мадьярские помещики Трансильвании. На митинге, созванном в Клуже, ораторы требовали защитить Трансильванию «от экономической нищеты, морального упадка» и... «от венгерского правительства». Резолюция комитата Клуж, осудившая переговоры, указывала, что они создают впечатление о намерении сделать уступки Румынии из-за охлаждения ее отношений с Тройственным союзом. Авторы резолюции требовали принятия мер к укреплению границ Трансильвании, отозвания из других областей секейских полков и размещения их в Трансильвании. Кроме того, в резолюции говорилось, что нет более неподходящего лица для ведения таких переговоров, чем Тиса, которому не доверяют «подавляющее большинство нации»³⁰.

С резкой критикой национальной политики Тисы выступила парламентская оппозиция. Ф. Кошут назвал ее опасной, противоречащей принципам территориального единства и суверените-

²⁸ KN, 22. k., 255—257. Некоторые из этих обещаний (в отношении употребления языка в школах) были выполнены правительством уже весной 1914 г. Несколько раньше, в феврале, Тиса дал указание комитатским властям в Трансильвании проследить за тем, чтобы «выступления в пользу венгерской национальной идеи» не сопровождалось «враждебными немадьярскими гражданами страны» нападками (*Pölöskei Ferenc. Tisza István nemzetiségi politikája az első világháború előestéjén.*— «Sz», 1970, N 1, 19. 1.).

²⁹ Pest. m. lvt. kozg. jkv. 1914-1204/3.

³⁰ Szolnok m. alisp. iz 1914/1392.

та Венгрии и способствующей усилению симпатий румынского населения страны к Румынии. Другой лидер оппозиции, граф М. Каройи заявил, что уступка румынам приведет лишь к расширению их требований и падению престижа государства³¹. Один из руководителей партии независимости граф Т. Баттяни в открытом письме на имя известного шовиниста Е. Ракоши утверждал, что истинной целью лидеров румынского движения является не завоевание национальных прав, а «полное раздробление страны»³².

Не менее резким нападкам Тиса подвергся слева, со стороны социал-демократии. Смысл маневров правительства они видели в его стремлении использовать национальности путем подкупа их лидеров в борьбе реакции против лагеря демократии, в попытке противопоставления угнетенных народов Венгрии мадьярам. С другой стороны, указывали венгерские социал-демократы, румынская политика Тисы служит завоевательным устремлениям Германии³³. Центральный орган партии в передовой статье с характерным заглавием «Тиса — будущий боярин» подчеркивал, что суть «трансильванского вопроса заключается в освобождении румынского крестьянина», в его жажде получить землю и добиться прав. А национальная партия, говорилось в статье, пользуется нищетой и «наивной верой румынского народа в объединение со своими братьями по ту сторону гор» в собственных целях³⁴. Орган румынской секции Социал-демократической партии Венгрии газета «Адеверул» прямо называла националистов — лидеров румынского движения «изменниками народа», верными прислужниками режима. От их пакта с Тисой бедняки ничего не выиграют, в лучшем случае в парламенте станет больше несколькими националистами, указывала газета³⁵.

Разоблачая лидеров национальной партии, румынские социалисты подчеркивали, что их пакт с Тисой направлен против румынского народа и рабочего класса и его демократических целей³⁶. При этом в соответствии с главной своей задачей они считали борьбу против собственной буржуазии и ее национальной партии. В печати и в устных выступлениях румынские социал-демократы Венгрии доказывали, что А. Вайда-Воевод, А. Поповичи и им подобные, равно как и их зарубежные вдохновители и покровители из Румынии, на каждом шагу предают интересы народа. Положение крестьян и рабочих в «свободной

³¹ ВрН, 2, 4.I 1914.

³² «Magyarország», 22.I 1914.

³³ N. 25.I 1914.

³⁴ N. 9.I 1914.

³⁵ «Адеверул», 12.XII 1913.

³⁶ «Адеверул», 18.I 1914.

Румынии», указывали они, «намного хуже, чем у нас, трансильванцев. Избирательное право там еще более ограничено, чем у нас, среди крестьян свирепствуют голод, бедность, пеллагра, а румынские бояре еще более алчны, прихотливы и высокомерны»³⁷. Именно поэтому, писал один из руководителей румынской секции Социал-демократической партии Венгрии И. Крету, бояре и лично министр внутренних дел Т. Ионеску, с готовностью идя навстречу Тисе и выполняя его просьбу, убедили трансильванских националистов проявить в переговорах с венгерским правительством уступчивость и воздержаться от выступления в пользу всеобщего избирательного права³⁸. Решительная позиция, занятая румынскими социалистами в отношении собственной буржуазии, далеко не означала абсолютной тождественности их взглядов в национальном вопросе с политикой официального руководства венгерской социал-демократии, хотя, надо сказать, что раздававшиеся из их рядов время от времени критические выступления были значительно более умеренны, чем, скажем, словацких или сербских социал-демократов. Подобные выступления, однако, касались скорее внутривластных вопросов, а не постановки и решения национальных проблем во всей их совокупности.

Стремясь добиться большей самостоятельности в рамках единой Социал-демократической партии Венгрии, румынские социалисты на своем съезде, состоявшемся в начале 1912 г. в Будапеште, постановили переименовать «Всевенгерский комитет румынского социалистического движения» в «Центральный комитет». Было выдвинуто предложение о том, чтобы партийные взносы вносились не в общую кассу, а в кассу румынских местных секций, с тем чтобы выделить больше средств для агитации и пропаганды на румынском языке³⁹. Последнее обстоятельство

³⁷ «Adeverul», 12.XII 1913.

³⁸ Справедливости ради следует отметить, что лидеры национальной партии не менее внимательно прислушивались и к советам и рекомендациям, исходящим из кругов, близких к престолонаследнику Францу-Фердинанду. Узнав о первых контактах Тисы с румынскими руководителями, эрцгерцог сделал заявление, в котором сквозило едва прикрытое неудовольствие: «...в моих планах я рассчитываю на румын как на передовой отряд, который защитит меня от любых атак. Я надеюсь, что не будет обманут, что они не создадут общего фронта с венграми». А. Вайда-Воевод тут же поспешил рассеять опасения наследника: «Между нами и венграми честный мир абсолютно исключен... Я даю гарантии, что при первом же сигнале Вашего императорского высочества мы немедленно создадим казус-белли и повернем оружие против венгров». Позднее Франц — Фердинанд употребил все свое влияние, чтобы побудить венгерское правительство к уступкам в пользу национальной партии румын (*M. Constantinescu. Partisans et adversaires roumains de la «Grossosterreich» en Transylvanie.— «Nouvelles etudes d'histoire» Bucarest, 1965, p. 355*).

³⁹ «Adeverul», 18.II, 21.I 1912.

имело важное значение и потому, что крайне редко проводились чисто румынские собрания и митинги, а на общих собраниях и ораторы-румыны предпочитали говорить по-венгерски или по-немецки⁴⁰.

Некоторое представление о настроениях румынских социал-демократов дает оживленная дискуссия, завязавшаяся на съезде в связи с выступлением представителя сербских социалистов Теодоровича. Съезд с «воодушевлением» принял его предложение о созыве каждые три месяца совместных конференций социал-демократов всех национальностей Венгрии, т. е. отдельно от венгерских. Выступавшие по этому поводу делегаты указывали, что венгерская социал-демократия, «признающая, что венгерское правительство обращается с мадьярскими народами страны как с пасынками, сама впадает в ту же ошибку, что и правительство, и обеспечивает мадьярам вместо равенства с другими народами — первенствующую роль»⁴¹.

Однако явно националистические нотки прозвучали лишь в речи представителя румынских социал-демократов Буковины, входившей тогда в состав Австрии, депутата рейхсрата Г. Григоровичи. Сетую на печальную судьбу румын, особенно венгерских, он указывал, что причиной всех несчастий румынского народа является раздробление «бывшей великой Румынии». Он жаловался на то, что не только мадьярские господа, но и весь венгерский народ в целом, включая рабочих, не могут и не хотят понимать «жажду всех румын к объединению». Толкуя об отсутствии принципиальной разницы между «социализмом и национализмом», об ошибочности представлений, «будто идея национализма противоречит социализму», сей интернационалист уверял, что у рабочего класса «есть лишь один единственный враг — капиталистический господствующий класс, а не националисты или национализм». Однако Григоровичи был все же достаточно благоразумен, чтобы заявить, что «объединение всех румын сегодня еще далекая звезда, согревающая и наши, социалистов, сердца», не может быть включено в программу рабочей партии. Ни словом не обмолвившись о требованиях автономии или самоопределения, в заключение оратор призвал делегатов лишь к «экономическому укреплению профсоюзов и просвещению членов румынских секций»⁴².

Успехи освободительной борьбы народов балканских стран, как и венгеро-румынские контакты и другие события и факты, свидетельствовавшие об обострении национального конфликта в Венгрии, нашли широчайший отклик во всех уголках многонациональной страны. Они стали предметом оживленного обсуж-

⁴⁰ «Adeverul», 15.III 1912.

⁴¹ «Adeverul», 18.II 1912.

⁴² «Adeverul», 21.I 1912.

дения и среди сознательных рабочих, особенно национальностей. Словацкие социал-демократы, как и венгерские и румынские, резко осуждали закулисный торг венгерского правительства с румынскими буржуазными националистами, подчеркивая, что их целью является не защита интересов румынского народа Трансильвании и Венгрии, а желание завоевать расположение Вены и румынской дипломатии. Однако при этом они высказывали взгляды, которые явно отличались от господствовавших в венгерской социал-демократии точек зрения.

В январе 1914 г. словацкий орган Социал-демократической партии Венгрии опубликовал статью «Актуальный вопрос», в которой указывалось, что национальный вопрос принадлежит к числу таких вопросов, «решение которых не терпит отлагательства». «Национальное равноправие,— писала газета,— является таким же фундаментальным требованием, как и всеобщее избирательное право»⁴³. Венгерские социалисты, как известно, отдавали предпочтение избирательной реформе перед всеми другими вопросами, считая ее проблемой первостепенной важности. Вместе с тем словацкие социалисты также отвергали идею раздробления венгерского государства. Они решительно осудили «словацких шовинистов», выдвинувших лозунг «национальной самостоятельности Словакии»⁴⁴. (Речь шла о пропагандистской кампании, начатой в США словацкими эмигрантскими кругами).

Столь же решительно они отмежевались от «лояльных» в отношении венгерского государства и правительства заявлений Ф. Юрига и других словацких депутатов пештского парламента, пытавшихся подготовить почву для переговоров с Тисой⁴⁵. Словацкие социалисты отказались поддержать предложение представителей словацкой буржуазии о созыве весной 1914 г. в Будапеште специального конгресса всех национальностей Венгрии, считая, что и этот шаг служит той же цели — достижению полюбовной сделки с правительством⁴⁶.

Однако все это не могло скрыть наличие между словацкими социал-демократами и руководством партии довольно существенных разногласий, которые с особой четкостью проявились на состоявшейся в апреле 1914 г. в Братиславе конференции словацких организаций. Со специальным докладом «Словацкий национальный вопрос и социал-демократия» на ней выступил один из руководителей братиславской организации Э. Лехоцки. В присутствии представителя партийного руковод-

⁴³ «Robotnické Noviny», 29.I 1914.

⁴⁴ «Robotnické Noviny», 2.VII 1914.

⁴⁵ «Robotnické Noviny», 19.III 1914.

⁴⁶ «Robotnické Noviny», 23.IX 1914.

ства (М. Бухингера) и чешского социалиста, депутата рейхс-прата А. Немеца, докладчик прямо заявил, что считает «далеко недостаточным 4-й пункт партийной программы» от 1903 г. о национальном равноправии. Он просил, чтобы «мадьярские товарищи, держащие в своих руках руководство партией, не только уточнили это важнейшее требование, но и развернули под его знаком работу во всем рабочем движении и показали в области политики национальностей хороший пример»⁴⁷.

Политику партийного руководства в национальном вопросе Лехоцки прямо назвал «катастрофической» — и призвал отказаться от нее пока не поздно, пока она не привела «к опасному сепаратизму и взаимной братоубийственной борьбе в социалистических организациях»⁴⁸.

Однако критика оппортунистической политики в национальном вопросе, к сожалению, не была дополнена сколько-нибудь убедительной позитивной программой. Конкретизация 4-го пункта партийной программы, за что так горячо ратовали лидеры словацкого движения, сводилась, помимо обычно повторявшейся просьбы об увеличении материальной помощи национальным секциям, всего лишь к пересмотру организационной структуры Социал-демократической партии Венгрии. Конференция поставила вопрос об учреждении исполнительного комитета партии, в который вошли бы представители всех живших в стране национальностей. Принятая резолюция не содержала даже упоминания о праве наций на самоопределение.

Подчеркнув, что словацкая социал-демократия «стоит на платформе программы Социал-демократической партии Венгрии», конференция констатировала, что полное равноправие немедьярских национальностей с мадьярами представляет «единственную основу достижения национального мира и осуществления самоотверженного сотрудничества всех национальностей в интересах всех наций Венгрии».

Решительно осудив политику пактов Тисы с буржуазными националистами, конференция в то же время выразила протест против «фальшивой игры руководителей национальностей», которые, выступая в роли прислужников «мадьярской олигархии и венской камарильи», кокетничают то с императорскими генералами — сторонниками «Великой Австрии», «то с великославянской или другой ирредентой».

Провозгласив лозунг «национального самоуправления», резолюция на первый план выдвинула языковые требования. По

⁴⁷ «Robotnické Noviny», 16.IV 1914.

⁴⁸ В то же время оратор дал восторженную оценку О. Яси и его деятельности. По его словам, Яси искренно «глубоко занимается национальным вопросом... пропагандируя его справедливое урегулирование в духе равноправия...»

мнению ее авторов, «единственной здоровой и приемлемой национальной политикой в Венгрии» является та, которая гарантирует словакам право свободно употреблять в общественной жизни и развивать родной язык. В качестве дополнения к 4-му пункту программы конференция выдвинула следующие конкретные предложения «для словацкого народа»: 1) предоставление гражданских прав, включая свободу собраний, объединений, а также всеобщего избирательного права; 2) судопроизводство на языке участвующих в нем сторон; 3) употребление «языка народа» в местной администрации; 4) обучение на словацком языке в начальных, средних и профессиональных школах; 5) отмена всех распоряжений трудового законодательства, исключающих возможность использования рабочих, не знающих венгерского языка.

Выступивший с ответной речью член руководства венгерской социал-демократии М. Бухингер, выразив в «принципе» согласие с текстом резолюции, заявил, что «за ошибки, имевшие место в национальном вопросе, ответственность несут не только мадьярские, но и словацкие товарищи». Представитель партийного руководства в полном соответствии с господствующей реформистской по существу практикой отклонил и те немногие и чрезвычайно умеренные культурно-языковые требования, которые были выдвинуты конференцией. Бухингер сказал, что 4-й пункт партийной программы «совершенно ясен и не нуждается в конкретизации». Из его рассуждений вытекало, что этим должны заниматься «другие», т. е. те, кто имеет реальную власть для осуществления национальной политики, а «мы спокойно можем предоставить им эту возможность». В связи с предстоящими и не состоявшимися из-за мировой войны парламентскими выборами им была предложена резолюция, которая предусматривала, что в избирательных округах со словацким большинством будут выдвигаться партией лишь такие кандидаты, которые говорят по-словацки, а в округах со словацким меньшинством — понимающие словацкий язык. На этом Бухингер счел свою миссию законченной.

Венгерская социал-демократия так и не сумела найти противоядия против опасного недуга национализма. Однако она почувствовала, что болезнь слишком далеко зашла, чтобы можно было ее не замечать. Балканские войны положили конец старой тактике замалчивания национального вопроса и в социал-демократических кругах. Накануне мировой войны все чаще к нему стала обращаться и центральная партийная пресса.

В связи с развернувшимися в палате дебатами по национальному вопросу «Непсава» 22 марта 1914 г. опубликовала передовую статью, которая заметно отличалась от многих прежних печатных и устных выступлений венгерских социалистов по этой чрезвычайно острой для Венгрии проблеме. Разобла-

чая попытки правительства Тисы, направленные к достижению «национального мира» при сохранении доминирующего положения венгерских господствующих классов, газета справедливо указывала, что «мир с национальностями может быть достигнут только путем обеспечения полного равноправия, т. е. уничтожением венгерской национальной гегемонии». Автор утверждал, что Венгрия «стоит на пороге не мира и примирения между национальностями, а самой ожесточенной борьбы между ними, ибо развитие капитализма вызвало к жизни не только пролетариат, борющийся против классового господства, но и пробудило национальное сознание угнетенных народов, которые «выступают в первую очередь против мадьярского характера этого классового господства».

Автор статьи, взгляды которого явно расходились с официальной социал-демократической доктриной, подметил, что венгерские господствующие классы, представленные как правящей партией труда Тисы, так и оппозицией, разными средствами пытаются сдержать натиск новых социальных сил — рабочего класса и угнетенных народов. Выступление оппозиции в пользу демократической избирательной реформы, ее совместные действия с социал-демократией, так же как попытка Тисы заключить пакт с буржуазией угнетенных народов, являются, указывал он, «следствием и показателем ослабления политических и общественных позиций венгерского господствующего класса». Вывод, который напрашивался и который не сделал автор статьи: помогая оппозиции, социал-демократия косвенно содействовала укреплению классовой и национальной гегемонии венгерских помещиков и буржуазии.

Более реалистичная была в этой статье и оценка объективной роли Австрии и габсбургской династии, а также системы дуализма. В отличие от широко распространенных в партии представлений в статье констатировалась, что «с 1867 г. Австрия и династия были главной опорой венгерского господства в стране». В то же время венгерскому населению предназначена роль главной опоры Тройственного союза в Средней Европе, «роль одной из решающих сил в готовящейся всемирной схватке».

Пробуждение национального и классового сознания угнетенных народов и эксплуатируемых классов, их возросшая политическая активность, писал в заключение автор статьи, несмотря на все маневры реакции, приближают неотвратимый конец гегемонии венгерского господствующего класса⁴⁹.

Постепенно, хотя и, быть может, слишком поздно, пришло понимание жизненной важности не только для монархии, но и для Венгрии устранения межнациональных конфликтов. Венгерские социалисты стали сознавать, что надвигающиеся исто-

⁴⁹ N, 22.III 1914.

рические коллизии властно повелевают необходимость коренного демократического переустройства отжившей системы «тысячелетнего венгерского государства», включая решение национального вопроса, переставшего быть внутренним делом и приобретающего все более «европейский характер». «Узколобый мадьярский национализм», писала «Непсава» в другой статье, «означает смерть для единства венгерского государства»⁵⁰. Но в силу непонимания ведущей авангардной роли рабочего класса в решении буржуазно-демократических задач социал-демократия и в этом вопросе добровольно уступила поле деятельности «историческим партиям» господствующих классов венгерского общества.

Венгерские социалисты убеждали оппозицию противопоставить концепции Тисы, пытавшегося превратить страну «в восточную феодальную Швейцарию на основе принципа национального деления», собственную концепцию, исходным пунктом которой было бы создание «восточной Швейцарии на основе сплочения народов и объединения их интересов на базе демократии». В связи с этим центральный орган партии в январе 1914 г. сделал чрезвычайно важное заявление, проливающее свет на суть отношения социал-демократии к многонациональному венгерскому государству: «Не забота о единстве венгерского национального государства волнует нас. Нам важно, чтобы государственные рамки, в которых живут народы, давали подданным больше прав, больше хлеба, больше культуры. Но единство венгерского национального государства сейчас означает единство демократии для всех жителей Венгрии без классовых и языковых различий»⁵¹. Реформистские лидеры наивно полагали, что если оппозиционные партии признают эту далеко не бесспорную истину и сделают из нее соответствующие выводы, то «единство государства, простирающегося от Карпат до Адриатики, может быть обеспечено».

Социалисты предупреждали, что после распада Турецкой империи очередь за Габсбургской империей. Предотвратить этот процесс, по их мнению, можно было лишь при условии, «если народ здесь будет удовлетворен, если коренным образом будет преобразована структура всей империи, если принадлежность к монархии не будет означать принуждение отказаться от национальной жизни, от культурного прогресса, от социального благоденствия»⁵². Однако это не означало отказа от идеи сохранения территориальной целостности монархии и самой Венгрии, ибо социал-демократия выступила лишь за «национальное

⁵⁰ N, 8.I 1914.

⁵¹ Ibidem.

⁵² N, 27.IV 1914.

самоуправление», уклонившись к тому же от конкретизации этого нового в ее практике лозунга.

Еще меньше хотела, да и вряд ли могла сделать нужные выводы из сложившейся ситуации буржуазная оппозиция. Ей просто нечего было противопоставить инициативе Тисы в национальном вопросе. Этому мешали глубоко укоренившиеся в общественном сознании представлявшиеся ею классов и групп населения традиции шовинизма и презрительного отношения к немадьярским народам страны. Более того, в 1913—1914 гг. взаимоотношения оппозиционных партий с буржуазными партиями угнетенных народов обнаруживали явную тенденцию к ухудшению. Давно были отброшены попытки сотрудничества с ними на почве борьбы за всеобщее избирательное право, имевшее место в 1911 г., в частности с сербами. Яростные нападки лидеров оппозиции и ее печати против румынской политики Тисы сопровождались шовинистическими выпадами против законных прав национальностей. Именно поэтому деятели движения национальностей предпочитали иметь дело с Тисой, нежели с оппозицией, хотя объективно и те и другие были заинтересованы в ослаблении диктатуры премьера. По отношению к борьбе угнетенных народов за национальное равноправие оппозиция заняла более правые и более националистические позиции, чем сам Тиса.

Справа Тису упрекали за уступчивость, хотя она, как мы видели, была весьма призрачной. Тем не менее ревнители истинно «национально мадьярского» характера венгерского государства с пеной у рта доказывали, что любая уступка румынам или, что еще хуже, славянам, приведет к потере гегемонии, как это произошло якобы в Австрии с немецкой гегемонией. Подобные мысли развивал в серии статей бывший премьер Д. Ванфи еще летом 1910 г., когда только вырисовывались контуры новой национальной политики Тисы. Однако «общество» всегда охотно прислушивалось к такого рода аргументам.

Ссылкой на суверенитет и единство государства в тогдашней Венгрии можно было оправдать любое реакционное мероприятие и провалить бесспорно прогрессивное дело. Тиса широко и эффективно пользовался этим приемом. Свое нежелание допустить расширение избирательного права он неизменно обосновывал необходимостью сохранения преимущественного положения мадьярского элемента в политической системе. Своеобразие этого приема заключалось в том, что одним и тем же аргументом немадьярским народам отказывали в элементарных национальных правах, а самому венгерскому народу — в демократической избирательной реформе. «В 1910 г., — вспоминал позднее М. Каройи, — когда я находился под влиянием страстной аргументации Тисы, он объяснял, что прежде (до введения всеобщего избирательного права. — Т. И.) надо мадьяри-

зовагь немадьярскую половину венгерских граждан. Если это случится, тогда можно говорить и о демократии в Венгрии»⁵³.

Нетерпимый и агрессивный национализм оппозиции, сочетавшийся с крайней умеренностью ее социальной программы и инстинктивным отвращением к методам и средствам массовой борьбы, предопределили полнейшее фиаско политики буржуазных партий еще весной 1913 г., когда они сорвали хорошо подготовленную массовую забастовку пролетариата Венгрии. В политическом банкротстве противников Тысы из буржуазно-помещичьих кругов были повинны в первую очередь такие ведущие их лидеры, как А. Аппони, Ф. Кошут и Д. Андраши.

Руководство левого крыла партии независимости во главе с Д. Юштом оказалось бессильным вывести ее из того тупика, в который ее завела политика Аппони — Кошута. Миссия эта выпала на долю преемника Юшта крупного земельного магната графа Михая Каройи. Эволюция Каройи от консервативного агрария до вождя буржуазно-демократической революции и первого президента Венгерской республики, примечательная сама по себе, является показателем глубоких сдвигов и брожения, которые переживало венгерское общество накануне первой мировой войны.

Начало политической карьеры Каройи относится еще к 1905 г., когда он был избран депутатом парламента. Спустя четыре года, в 1909 г., он занял место своего дяди Шандора Каройи на посту председателя могущественной организации венгерских помещиков — ОМГЕ. В это время его интересовали главным образом проблемы повышения доходности и рентабельности сельскохозяйственных предприятий, развития кооперативного движения, создания специальных сельскохозяйственных палат. Выступая в палате с речами в защиту правительственных мероприятий по укреплению позиций крупнопомещичьих хозяйств и латифундий, он отстаивал также интересы среднего и мелкоземлевладения⁵⁴.

Занимая вплоть до 1912 г. промежуточные позиции между оппозицией и правящей партией национального труда, он поддерживал традиционные национальные лозунги партии независимости (самостоятельная таможня, введение венгерского языка в армии и др.), но отвергал обструкционистскую тактику Юшта. Чуждый в то время какому бы то ни было радикализму в политике, Каройи отвергал тогда не только далеко идущие социально-политические реформы, но считал допустимым изменение избирательного законодательства лишь в той мере, в какой оно гарантировало бы «постоянное превосходство» мадьяр-

⁵³ *Károlyi Mihály. Egy egész világ ellen. Bp., 1965. 62. l.*

⁵⁴ *Pölsökei Ferenc. Kormányzati politika és parlamenti ellenzék. Bp., 1970, 95—96. l.*

ского элемента. Долго и безуспешно пытался он примирить оппозицию с правительством чтобы создать работоспособный парламент и единый фронт буржуазно-помещичьих партий, способный противостоять Австрии и обеспечить венгерскую гегемонию в монархии. События 1913—1914 гг., в особенности же бесцеремонное обращение Тисы со своими политическими противниками и правилами игры в парламентскую демократию, оттолкнули Каройи от премьера и его клики. Возрастающая личная враждебность к Тисе побудила его после 4 июня, когда Тиса, совершив небольшой «государственный переворот», стал председателем палаты депутатов, уйти с поста председателя ОМГЕ и примкнуть к лагерю оппозиции.

4 июня 1912 г. Каройи вошел в тогда же созданный исполнительный комитет партий оппозиции. Этот новый этап в его деятельности характеризовался повышенным интересом к социальным и политическим проблемам, волновавшим лучших представителей прогрессивной общественности. Вместе с социал-демократом и буржуазными радикалами Каройи стал принимать активное участие в митингах и собраниях, проводившихся под антивоенными лозунгами. Все чаще в своих публичных речах он поддерживает борьбу социал-демократии за введение всеобщего избирательного права. Но не без оговорок и не без задней мысли. «Вопрос о всеобщем избирательном праве, — указывал «красный граф» в письменном показании в ноябре 1920 г. в связи с подготовлявшимся хортистами процессе по обвинению его в государственной измене, — в течение двух десятилетий держал массы в Венгрии в состоянии постоянного возбуждения... Моей руководящей идеей в этом вопросе с самого начала до самого конца, — помимо твердого моего убеждения, что осуществление всеобщего избирательного права является первым условием демократического развития, — было то, что приобретение прав и парламентское представительство бесправных масс скорее в интересах консервативно настроенных классов...»⁵⁵

Каройи считал, что рабочий класс будет представлять для государства и существующего строя «меньше опасности», если он получит возможность отстаивать свои интересы в палате депутатов, а не «вне стен парламента»⁵⁶. Обновленный благодаря всеобщему избирательному праву венгерский парламент, полагал Каройи, по примеру законодательных учреждений Западной Европы станет «великой школой, где стираются противоречия и где происходит сближение представителей различных классов, ведущих борьбу друг против друга». Такой парламент, по его мнению, в минуту опасности всегда будет единоклубен в

⁵⁵ PI Arch, 704—1/4. Károlyi Mihály iratai, 72. 1.

⁵⁶ Ibidem.

защите «великих государственных и национальных интересов». Каройи мечтал о создании экономически крепкого «нового среднего класса», который бы стал главной опорой его партии и государства вообще. Он искренно верил в «благоразумие алфёльдского мадьяра» и надеялся, что этот мадьярский крестьянин «не станет жертвой» ни аграрного социализма, ни интернационализма и «антисобственнической агитации»⁵⁷.

Искренность, убежденность, полное отсутствие ханжества и лицемерия выгодно отличали его от многих других политических деятелей довоенной Венгрии. В противоположность им он действительно верил, часто наивно, в то, что говорил. Естественно, что, вступив в борьбу с реакцией, сблизившись с демократическими кругами венгерского общества, он не сразу освободился от влияния консервативной идеологии, от привычек, взглядов, мироощущения собственного класса. И в начале лета 1914 г., когда Каройи выдвинул демократические лозунги: «Право народу!», «Землю народу!», «Хлеба народу!», он выступал как представитель своего класса, ибо в этой его новой социальной программе речь шла главным образом о парцеллизации некоторых государственных имений и о частичном погашении ипотечной задолженности крестьян.

И в политических вопросах он в первое время занимал довольно умеренные позиции. Начиная с лета 1912 г. все его усилия в основном были направлены на то, чтобы восстановить единство партии независимости, распавшейся к концу правления коалиционного правительства в 1909 г. на две партии: партию Ф. Кошута и партию Д. Юшта.

Этой цели ему удалось добиться, несмотря на возражения более радикальных элементов, справедливо опасавшихся усиления в новой партии антидемократических тенденций вследствие принципиальных уступок фракции Кошута — Аппони. В середине июня 1913 г., спустя несколько дней после того, как Тиса был назначен премьер-министром, произошло слияние двух партий независимости. Совпадение во времени этих двух важных актов не было случайным. Именно назначение Тисы явилось последним аргументом в пользу примирения, ибо в борьбе с таким противником, как Тиса, раскол и разъединение для обеих партий означали верную гибель.

В результате слияния по инициативе М. Каройи партии независимости в ней оказались политические деятели самого различного толка, от ультрашовинистов и консервативных представителей интересов крупной землевладельческой аристократии вроде Аппони до умеренных националистов и сторонников социальных и политических реформ, подобных Д. Юшту и его

⁵⁷ «Budapest», 23.VI 1912.

сподвижникам. Всех их по-настоящему объединяла лишь общая ненависть к личности нового премьера и страстное желание избавиться от стеснительных оков сильной власти.

Новую партию возглавил Каройи, но его действия существенно ограничивал президиум, в котором ведущую роль играли Ф. Кошут, Аппони и их единомышленники. Правда, скоро по болезни отошел от дел Кошут, но устранился от руководства по той же причине и Юшт, представлявший левое крыло. В результате в партии усилилось влияние опытного политика Аппони. В этих условиях неискушенному в политике молодому лидеру трудно было рассчитывать на быстрый успех его планов обновления партии и превращения ее в центр объединения всех антиреакционных сил, включая буржуазных радикалов и социал-демократов.

Каройи считал, что вывести оппозицию из состояния летаргии, вдохнуть в традиционную ее политику свежую струю, привлечь, наконец, к ней внимание широких кругов общественности, могли лишь достаточно эффективные внешнеполитические акции. Тем более, что неблагоприятный поворот в развитии международного положения и ослабление великодержавных позиций Австро-Венгрии приковывали к себе внимание всех кругов общества. И с точки зрения соотношения сил внутри партии подобные акции, казалось, имели шансы на успех. В партии независимости уже давно существовало крыло, представители которого критически относились к внешнеполитическому курсу австро-венгерской дипломатии.

Печать, ораторы, оппозиции с парламентской трибуны и на митингах всячески подчеркивали внешнеполитические неудачи Австро-Венгрии; не было недостатка и в прямой критике руководителей ведомств иностранных дел, а также и военных лидеров монархии. Однако оппозиция не имела конкретной внешнеполитической программы. Разработать такую программу и приступить к ее немедленному осуществлению — такую цель поставил перед собой М. Каройи.

Осенью 1913 г. он выступил с рядом статей — некоторые из них были опубликованы во французской печати, — содержавших резкую критику внешней политики Австро-Венгрии и Германии. Ратуя за ослабление связей монархии с Тройственным союзом и за мирное урегулирование отношений с соседями и в первую очередь с Россией, он предупреждал, что «если мы и дальше будем продолжать ради Берлина его милитаристскую политику, это приведет к большой европейской войне, которая принесет ущерб всем, и победителям и побежденным»⁵⁸.

⁵⁸ «Pesti Hirlap». 29.X 1913; *Károlyi Mihály. Az új Magyarorszáért*. Вр., 1968, 42. 1.

Каройи исходил из того, что мадьярской нации в силу географических и национальных особенностей ее положения, ее незаинтересованности в территориальном расширении самой судьбой предопределено проводить мирную политику, особенно на Балканах, где австро-венгерская дипломатия создает один очаг напряженности за другим, провоцируя военные конфликты. Надо сказать, однако, что эта мирная политика Каройи в отношении балканских соседей не означала отказа от экономической экспансии. Добрососедские отношения, по его мнению, должны были облегчить проникновение венгерского капитала на Балканы и способствовать открытию там новых рынков для венгерской промышленности.

Тису и министра иностранных дел Л. Берхтольда, кстати, своего родственника, Каройи обвинял в том, что они в угоду Германии пожертвовали великодержавными интересами Австро-Венгрии, лишили ее свободы действий. Монархия, говорил он, оказалась «в патовой позиции. Мы не получили мата, но любой следующий шаг приведет и к шаху и к мату»⁵⁹. Поэтому первостепенной задачей Каройи считал освобождение монархии от чересчур обременительных связей с Берлином, с тем чтобы она могла выступить в роли посредника и «примирителя» между противостоящими друг другу двумя военно-политическими блоками — Тройственным союзом и Антантой.

Как видим, и в этой части планов Каройи политическое благоразумие мирно соседствовало с поразительной наивностью. Тем не менее он был полон решимости приложить все силы к тому, чтобы вырвать Австро-Венгрию из железных объятий ее могущественного союзника, а если не удастся добиться радикальной переориентации внешней политики монархии, то предотвратить вовлечение в мировой конфликт хотя бы Венгрии. Первым делом Каройи намеревался искать путей сближения с Россией, ибо только она, полагал он, могла гарантировать безопасность его родины и неприкосновенность ее границ. Однако с северным соседом почти не было никаких контактов, установлению которых препятствовала многолетняя отчужденность и не изжитая еще память о событиях 1849 г. Совсем иначе обстояло дело с Францией. История франко-венгерских отношений не была омрачена какими-либо конфликтами. Это и решило выбор направления первого шага к осуществлению новой внешнеполитической концепции. Кроме того, Каройи хорошо понимал, что путь через Париж вел не только «к русским, но и к собственным славянам»⁶⁰.

⁵⁹ «Magyarország», 13.VI 1914; *Károlyi Mihály*. Op. cit., 555. 1.

⁶⁰ *Károlyi Mihály*. Egy egész világ ellen. Bp., 1965, 66—67. 1.

В январе 1914 г. через своего родственника графа М. Полиньяка Каройи, несмотря на противодействие австро-венгерского посла М. Сечени, удалось получить аудиенцию у президента республики Р. Пуанкаре. В течение двух с половиной часов он подробнейшим образом излагал внутривластическое положение монархии, особенно ее венгерской половины. Он сообщил, что возглавляемая им партия готова выступить против Тройственного союза, достичь взаимопонимания с балканскими государствами и встать на путь сближения со странами Антанты. Он не скрыл, что в Венгрии существует «антипатия к славянам» и что это чувство умело и постоянно подогревается «венской политикой, подстрекающей славян и мадьяр друг против друга». Однако преодолеть этот барьер он собирался не путем прямого обращения к представителям славянских народов, а прибегнув к посредничеству Франции, а затем и России, ибо, вынужден был признать он, «венгерское общественное мнение не поняло и не простило бы этого»⁶¹. Пуанкаре не выразил, по-видимому, особого восторга по поводу планов Каройи, а Ж. Клемансо, у которого он побывал несколько позже, отнесся к ним открыто скептически. Однако Каройи не оставлял своих попыток до самого начала военных действий. Совершая поездки в Париж, он посвящал в свои планы все новых лиц из числа влиятельных представителей французской политики, прессы и деловых кругов.

Одновременно Каройи и его единомышленники начали готовить поездку в Россию, чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений⁶². Формальным предлогом для поездки должно было служить посещение Каройи в качестве частного лица австро-венгерского посла в Петербурге Ф. Сапари, женатого на его старшей сестре. На истинные мотивы указывало намерение включить в свиту целого отряда деятелей партии независимости и журналистов (в составе 60 человек).

Весной 1914 г. подготовка к путешествию в Петербург шла полным ходом. Видные деятели партии независимости Д. Юшт, Л. Холло, Г. Полони, М. Ловаси и другие, не говоря уже о самом Каройи, усиленные нападки против Тройственного союза и германского засилья подкрепляли дружественными в адрес России заявлениями. Всячески подчеркивалась не только желательность и необходимость сближения с Россией, но и возможность соглашения с нею. На митингах, проводившихся партией независимости, принимались резолюции в поддержку замысла Каройи. Но пришла в движение и пропагандистская машина

⁶¹ Ibid., 71.1. См. также PI Arch. Károlyi Mihály, iratai, 11/7.

⁶² О плане поездки в Россию см.: *Dolmányos István. Károlyi Minály és a «szentpétervári úti terv».*— *Tört Sz.* 1963, N 2.

Тисы. Посыпались обвинения в панславизме, руссофильстве и даже в подкупе и измене. К этому хору осуждавших акцию Каройи голосов, как ни странно, присоединились и представители буржуазных партий угнетенных национальностей. Румынский депутат пештского парламента А. Вайда-Воевод счел своим долгом даже заявить в палате депутатов «от имени румынской национальной партии торжественный протест» и призвать не только румын, но и «живущих в Венгрии славян связывать свои интересы с Германией...»⁶³ В таком же духе выступили некоторые буржуазные политики словаков.

Под давлением группы Кошута — Аппони Каройи пришлось в начале мая 1914 г. объявить об отсрочке поездки в Россию. Фактически это означало провал его плана, хотя он и после начала мировой войны, в частности в 1915 г., предпринимал попытки войти в контакт с представителями Антанты. Каройи и немногочисленной группе его сторонников не удалось нейтрализовать влияние в партии независимости крайне правых клерикально-реакционных группировок и сплотить вокруг себя недовольные внешней и внутренней политикой правительства Тисы элементы венгерской буржуазии.

Небольшая часть политически активных представителей средней и мелкой буржуазии, выступившая с антидуалистическими республиканскими лозунгами (провозглашение Венгрии самостоятельной республикой, прогрессивный подоходный налог, ликвидация латифундий, демократические свободы и др.), приправленными сильной дозой мадьярского шовинизма, основала под руководством Д. Надя республиканскую партию, не оставившую, впрочем, заметного следа в венгерской истории.

Другая часть прогрессивной буржуазной интеллигенции, разочаровавшись в силе и возможностях парламентской оппозиции и ее ведущего ядра — партии независимости, под руководством О. Яси в июне 1914 г. основала буржуазную радикальную партию. Яси был не так уж далек от истины, когда, подводя итоги бесплодным парламентским баталиям, констатировал, что «в рамках парламентской борьбы нельзя свалить правительство» и что борьба оппозиции с режимом Тисы «уже никого в стране не интересует». Но еще меньший интерес вызывала деятельность его собственной партии, в рождении которой немалую роль сыграл страх буржуазии перед внепарламентскими, революционными методами борьбы пролетариата. Именно поэтому, по меткому выражению венгерского историка З. Хорвата, «буржуазный радикализм в Венгрии потерпел крах еще до того, как сформировался в особую партию»⁶⁴.

⁶³ KN, 23. k. 194—195. *Dolmányos István*. Op. cit., 185. 1.

⁶⁴ «Világ». 26.IV 1914; *Horváth Zoltán*. Magyar századforduló. A második reformnemzedék története (1896—1914). Bp., 1961, 531. l.

Социал-демократические лидеры, в течение десятилетий твердившие о необходимости самостоятельного политического выступления венгерской буржуазии, не скрывали своего разочарования и недовольства. Буржуазно-радикальное течение, сформировавшееся в 1906—1907 гг. и объединившее лишь небольшую часть прогрессивной венгерской интеллигенции, и к 1914 г. не сумело добиться какого либо влияния в буржуазных слоях населения. Еще осенью 1913 г., когда в масонской ложе «Мартиновича» горячо дебатировался вопрос о создании буржуазно-радикальной партии, социал-демократы Ж. Кунфи, И. Погань и З. Ронаи отказывались признать право на существование за такой партией. Справедливо палагая, что ей не удастся привлечь к себе буржуазию, социал-демократы опасались, что партия будет стремиться вербовать себе сторонников в первую очередь среди рабочих за счет социал-демократической партии⁶⁵. Эти опасения не были беспочвенны. Впрочем, Яси и его сторонники нисколько не скрывали, что созданием собственной партии они собираются «облегчить бремя» социал-демократии. В речи на учредительном конгрессе партии О. Яси подчеркивал, что «рабочий класс и буржуазия страны нуждаются в такой партии, которая должна служить противовесом феодальным, клерикальным и банковско-капиталистическим интересам»⁶⁶. Согласно концепции О. Яси, рабочий класс и социалистическое рабочее движение должны были стать союзником венгерского «среднего класса» в борьбе с феодально-клерикальным господством», за создание буржуазно-капиталистической Венгрии.

Но не опасность распространения буржуазной идеологии среди рабочих тревожила социал-демократических лидеров, многие из которых, как мы видели, не только разделяли антиисторическую концепцию Яси о господстве в Венгрии феодализма, но и активно ее проповедовали. Передовая статья газеты «Непсава» от 6 июня 1914 г. выражала откровенное разочарование по поводу образования буржуазно-радикальной партии и сожаление, что Яси, Сенде и Рац, выковавшие «духовное оружие», обогатившие «научный арсенал борьбы против помещичьего режима», отныне будут примыкать к другой партии. Этот формальный момент — официальное оформление буржуазного радикализма — играл в глазах венгерских оппортунистов гораздо большую роль, чем коренная противоположность буржуазной идеологии научному социализму. Яси, Сенде и Рац, указывала «Непсава», по мировоззрению, тактическим и политическим взглядам и симпатиям были настолько близки к социал-

⁶⁵ *Fukász György.* A magyarországi polgári radikalizmus történetéhez 1900—1918. Вр., 285—287. l.

⁶⁶ «Világ», 7.VI 1914.

демократии, что «очень многие в стране рассматривали их в качестве дозорных социал-демократической партии».

Образование самостоятельной партии делало невозможным продолжение сотрудничества с вождями буржуазных радикалов. До сих пор, признавала «Непсава», на собраниях и митингах буржуазных радикалов рабочие представляли основную массу слушателей и посетителей, «теперь они туда не будут ходить, ибо рабочим нечего делать на собраниях чуждой им партии»⁶⁷. В то же время социал-демократы не без основания опасались, что, стремясь привлечь к себе симпатии тех слоев венгерской буржуазии, которые шли за партией национального труда Тисы, буржуазные радикалы неизбежно будут вынуждены отдаляться от социал-демократии и сближаться с политической реакцией. Иными словами, партия Яси должна была по самой логике классово́й борьбы проделать ту же эволюцию, которую претерпели французские радикалы во главе с Ж. Клемансо. Но по-настоящему серьезной критике идеология буржуазного радикализма подверглась лишь в статьях левого социалиста Д. Аллари, изгнанного оппортунистами из партии. Теоретические концепции буржуазных радикалов, писал он в «Лейпцигер Фольксцайтунг», рассчитаны на то, чтобы «устранить противоречие между трудом и капиталом»⁶⁸.

Образование партии Яси явилось еще одним провалом тактики реформизма. Накануне мировой войны потерпела полный крах и вся довоенная тактика оппортунистического руководства венгерской социал-демократии, на формирование взглядов которого существенное влияние оказал буржуазный радикализм. Многонациональный пролетариат Венгрии, самой логикой развития венгерского общества призванный играть роль ведущей силы прогресса и не раз на деле доказавший свою способность и готовность к революционному действию, деморализованный политикой реформистского руководства, не смог выполнить миссию, возложенную на него историей. В канун первой мировой войны, таким образом, реакция, возглавлявшаяся И. Тисой, одержала, хотя и временно, победу. Венгрия лежала у ног Тисы. Однако победа реакции лишь ускорила в конечном счете неизбежный крах и дуализма, и всей системы классового господства венгерских помещиков и буржуазии.

⁶⁷ N, 6.VI 1914.

⁶⁸ «Leipziger Volkszeitung», 5.V 1914.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. Банкротство Австрии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 10.
Маркс К. Политика Австрии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 10.
Маркс К. Письмо Энгельсу 30 августа 1852 г.— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 28.
Маркс К. Письмо Энгельсу 6 апреля 1866 г.— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 31.
Энгельс Ф. Начало конца Австрии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 4.
Энгельс Ф. Австрия. Развитие революции.— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 15.
Энгельс Ф. Больной человек Австрии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 15.
Энгельс Ф. В редакцию газет «Arbeiter-Wochen-Chronik» и «Népszava».— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 22.
Энгельс Ф. Правлению Социал-демократической партии Венгрии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 22.
Энгельс Ф. Правлению Социал-демократической партии Венгрии в связи с третьим съездом.— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 22.
Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому 7 февраля 1882 г.— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 35.
Энгельс Ф. Письмо Эдуарду Бернштейну 31 января и 22 февраля 1882 г.— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 35.
Энгельс Ф. Письмо Виктору Адлеру 11 октября 1893 г.— *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 39.
Ленин В. И. Капиталистический строй современного земледелия.— *Полн. собр. соч.*, т. 19.
Ленин В. И. Железо в крестьянском хозяйстве.— *Полн. собр. соч.*, т. 23.
Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу.— *Полн. собр. соч.*, т. 23.
Ленин В. И. О «культурно-национальной» автономии.— *Полн. собр. соч.*, т. 24.
Ленин В. И. К истории национальной программы в Австрии и России. *Полн. собр. соч.*, т. 24.
Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— *Полн. собр. соч.*, т. 25.
Ленин В. И. К вопросу о национальной политике.— *Полн. собр. соч.*, т. 25.
Ленин В. И. Социализм и война.— *Полн. собр. соч.*, т. 26.
Ленин В. И. Крах II Интернационала.— *Полн. собр. соч.*, т. 26.
Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение.— *Полн. собр. соч.*, т. 27.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— *Полн. собр. соч.*, т. 27.
Ленин В. И. Новая глава всемирной истории.— *Полн. собр. соч.*, т. 2.
Ленин В. И. События на Балканах и в Персии.— *Полн. собр. соч.*, т. 17.
Ленин В. И. Балканские народы и европейская дипломатия.— *Полн. собр. соч.*, т. 22.
Ленин В. И. Тетради по империализму.— *Полн. собр. соч.*, т. 28.
Ленин В. И. Статистика и социология.— *Полн. собр. соч.*, т. 30.
Ленин В. И. О брошюре Юниуса.— *Полн. собр. соч.*, т. 30.

Архивные материалы

- Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 191, 17.
Архив внешней политики России (АВПР), ф. Политархив, 1900—1914; ф. Канцелярия, 1900—1914.
Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР, ф. «Ж».
Országos Levéltár (OL).
Belügyminisztérium (BM) eln. reservált.
Földművelésügyi Minisztérium (FM). eln. iratok
Igazságügyi Minisztérium (Ig. M), eln. általános
Ig. M. Kuria
Kereskedelemügyi Minisztérium (KM), bizalmas, ir.
Miniszterelnökség (ME).
Minisztertanács Jegyzőkönyvei (MTJ).
Pénzügyminisztérium (PM), ált. ir.
PM. Titkos kiegészési tárgyalások jegyzőkönyvei
PM. res. ir.
PM. eln. K. 255.
Andrássy családi (cs.) levéltár
Daranyi cs. lvt.
Fejérváry cs. lvt.
Khuen-Héderváry cs. lvt.
Kozma ir.
Thaly cs. lvt.
OL, Filmtár
Haus-Hof-und Staatsarchiv (HHSTA), Geheimakten der Kabinetts-kanzlei. Protokolle des gemeinsamen Ministerrates.
Párttörténeti Intézet Archivum (PI Arch).
Károlyi Mihály iratai.
PT Arch. Szabo Ervin — levelezés.
Röpiratgyűjtemény (Rgy).
Plakáttár.
Révész — Gyűjtemény.
Bm. eln. res.
Békés megyei. (Alispani), alisp. ir.
Borsod, alisp. ir.
Budapesti Főkapitányság (BpF).
Csanadm. főispáni (főisp.), ált. ir.
Egri áll. lvt.
Fejer, áisp. ir.
Pest m. főisp. ir.
Pécsi, áll. lvt.
Szegedi, áll. lvt.
Szekszardi, áll. lvt.
Tolna, m. áll. lvt.
Zala, áll. lvt.
Visszaemlékezések.
Fovarosi lvt. Rendőrfőkapitánysági biz. ir.
Sächsisches Landeshauptarchiv (SLHA). Dresden: Gesandtschaft Wien. Országos Széchenyi Könyvtár (OSzK), Fol. hung.
Magyar Tudományos Akadémia (MTA) Könyvtára, Kézirattár.

Публикации документов

- К 40-й годовщине образования Коммунистической партии Венгрии. Тезисы ЦК ВСРП. — «Новая и новейшая история», 1959, № 1.
«Документы внешней политики СССР». т. I. М., 1957.

- «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства». Серия 2-я. 1900-1913, ч. 1—3. т. XVIII XIX, XX. М., 1938—1940.
- «Красный Архив», 1925, т. 2(9), 1926, т. 2(XV), т. 3(XVI).
- «Международный социалистический конгресс в Амстердаме 14—20 августа 1904 г.» СПб., 1907.
- «Международный социалистический конгресс в Штуттгарте 18—24 августа 1907 г.» СПб., 1907.
- «A bányászok helyzete. A Magyarországi szakszervezeti tanács megbízásából». Bp., 1904.
- «Ipari sztrájkok és munkából való kizárások Magyarországon az 1905—évben». Bp., 1906.
- Ipari sztrájkok és munkából való kizárások Magyarországon az 1906. évben». Bp., 1908.
- «Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában. Összeüjtette es jegyzetekkel ellátta Kemény G. Gábor», I. k. (1867—1892), Bp., 1952; II. k., (1892—1900). Bp., 1952; III. k., (1900—1903), Bp., 1965; IV. k. (1903—1906). Bp., 1965.
- «Magyar Minisztertanácsi Jegyzőkönyvek az első világháború korából. 1914—1918». Bp., 1960.
- «A Magyar Gyáriparosok Országos Szövetsége (Gyosz) Választmányának XV. évi Jelentése». Bp., 1917.
- «A Magyar Gyáriparosok Országos Szövetsége XXV. évi Jelentése». Bp., 1927.
- «Magyarország Országgyűlés Képviselőházának Naplója. Az 1901. évi október hó 24-ere hirdetett». Bp., 1905.
- «Magyarország Országgyűlés Képviselőházának Naplója. Az 1905. évi február hó 15-ere hirdetett, 1—2. k. Bp., 1905—1906.
- «Magyarország Országgyűlés Képviselőházának Naplója. Az 1906. évi május hó 19-ere hirdetett», 1—27. k. Bp., 1906—1910.
- «Magyarország Országgyűlés Képviselőházának Naplója. Az 1910. évi június 30-ra hirdetett. 1910—1915. 1—24. k. Bp., 1910—1915.
- «A Magyar Munkásmozgalom Történetének Válogatott Dokumentumai» (MMTVD), II. k. Bp., 1954.
- MMTVD, III. k. Bp., 1955.
- MMTVD, IV. A k. Bp., 1966.
- MMTVD, IV/B k. Bp., 1969.
- «A Magyarországi Szociáldemokrata Párt XII. Pártgyűlésének Jegyzőkönyve» Bp., 1905.
- «A Magyarországi Szociáldemokrata Párt XIII. Pártgyűlésének Jegyzőkönyve». Bp., 1906.
- «A Magyarországi Szociáldemokrata Párt Budapesten 1906. június hó 3-an megtartott pártértekezletének Jegyzőkönyve». Bp., 1906.
- «A Magyarországi szociáldemokrata Párt XIV. pártgyűlésének Jegyzőkönyve». Bp., 1907.
- «A Magyarországi Szociáldemokrata Párt XV. Pártgyűlésének Jegyzőkönyve». Bp., 1908.
- «A Magyarországi Szociáldemokrata Párt XVI. Pártgyűlésének Jegyzőkönyve». Bp., 1909.
- «A Magyarországi Szociáldemokrata Párt XVII. Pártgyűlésének Jegyzőkönyve». Bp., 1910.
- «A Magyarországi Szociáldemokrata Párt XVIII. Pártgyűlésének Jegyzőkönyve». Bp., 1911.
- «A Magyarországi Szociáldemokrata Párt XIX. Pártgyűlésének Jegyzőkönyve». Bp., 1912.
- «A Magyarországi Szociáldemokrata Párt XX. Pártgyűlésének Jegyzőkönyve». Bp., 1913.
- «Hösi múltunk. Dokumentumgyűjtemény», k. 1—4. Bp., 1966—1968.
- «A Magyarországi Szociáldemokrata Párt. Der ungarländische Wahlrechtskampf». Bp., 1910.

- Kisling R.* Das Erzherzog-Franz-Ferdinand-Archiv.— «Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchiv», Bd. VI, 1953.
- «Magyarországi Szakszervezeti Tanács. A szakszervezeti mozgalom 1904». Bp., 1905.
- «Magyarországi Szakszervezeti Tanács. A szakszervezeti mozgalom Magyarországon 1904—1907». Bp., 1908.
- «Szakszervezeti Mozgalom Magyarországon. 1907—1910. A Magyarországi Szakszervezeti Tanács Jelentése». Bp., 1911.
- «Magyar kiralyi földmívelésügyi miniszter. Három év Magyarország mezőgazdasági politikájában. 1906—1909». Bp., 1909.
- «Magyarországi Szocialisztikus Munkásmozgalmak (MSzM) az 1902—1903; éven», Bp., 1904.
- «MSzM az 1903—1904. évben» Bp., 1904—05.
- «MSzM az 1905. évben». Bp., 1906.
- «MSzM az 1906. évben». Bp., 1907.
- «MSzM az 1907. évben». Bp., 1908.
- «MSzM az 1908. évben». Bp., 1909.
- «MSzM az 1909. évben». Bp., 1910.
- «MSzM az 1910. évben». Bp., 1911.
- «MSzM az 1911. évben». Bp., 1912.
- «MSzM az 1912. évben». Bp., 1913.
- «MSzM az 1913. évben». Bp., 1914.
- «Mezőgazdasági munkabérek Magyarországon az 1905. évben». Bp., 1956.
- «Munkabeszüntetések és munkakizárások Magyarországon az 1907. évben». Bp., 1909.
- Neck R.* Der Protest Franz Ferdinands gegen die ungarischen Verfassungsgarantien von 1907.— «Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchiv», Bd. XI—XII. Wien, 1959, S. 433—436.
- «A szociáldemokracia Évangéliuma. Kérdésekben és feleletekben. A Népszava könyvkereskedés kiadása». Bp., 1906.
- «VIII Congrès International d'Hygiene et le Demographie. Comptes rendues et memoirs». Bp., 1896.
- Wank S.* Aehrenthals Programme for the Constitutional Transformation of the Habsburg Monarchy: Three Secret Memoris.— «The Slavonic and East European Review», v. 41, N 97. June, 1963.

Периодическая печать

Газеты

- «Arbeiter Zeitung», 1906, 1914.
- «Adeverul» (Bp.). 1908—1914. (отдельные номера).
- «Budapesti Hirlap», 1905—1914.
- «Budapesti Napló», 1905—1913 (отдельные номера).
- «Földmívelő 1905—1906.
- «Egyetértés», 1910—1913 (отдельные номера).
- «Magyar Hirlap», 1910—1912 (отдельные номера).
- «Magyarország» 1910—1913 (отдельные номера).
- «Népszava», 1905—1913.
- «Parasztujtság», 1906—1908.
- «Neue Freie Presse», 1905—1914.
- «Pester Lloyd», 1905—1914.
- «Pesti Hirlap», 1906—1913 (отдельные номера).
- «Pesti Napló». 1910—1912 (отдельные номера).
- «Szabod Szó», 1906—1910 (отдельные номера).
- «Világ», 1910—1914 (отдельные номера).
- «Világ szabadság», 1909—1913 (отдельные номера).

- «Vas és fémmunkások szaklapja», 1908—1913 (отдельные номера).
 «Úveges», 1909—1913 (отдельные номера).
 «Az Újság», 1912—1914 (отдельные номера).

Журналы

- «Вестник Европы», 1900—1914.
 «Вестник финансов», промышленности и торговли», 1900—1912.
 «Die Neue Zeit», 1905—1916.
 «Huszadik Század», 1900, 1905—1919.
 «Jövendő», 1902—1903, 1905.
 «Közgazdasági Szemle», 1908.
 «Népszava Naptár», 1907—1915.
 «Oesterreichische Rundschau», 1906—1914.
 «Párttörténeti Közlemények». Bp., 1955—71.
 «Szocializmus», 1906—1914.
 «Szakszervezeti Ertesítő», 1904—1914.
 «Századok», 1948—1971.
 «Sozialistische Monatshefte», 1908—1914.
 «Történelmi Szemle», 1958—1970.
 «Uj marcius», 1925—1933.
 «Uj Hang», 1938—1941.

Статистика, справочники

- «Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание», ч. 1—3. СПб., 1914.
 «A Magyar szent korona országai gyariparának üzemi es munkásstatistikája az 1906. évben». Bp., 1910. Magyar statisztikai Évkönyv. Uj Folyam», к. XV. Bp., 1907.
 «Landwirtschaftliche Statistik der Länder der ungarischen Krone», Bd. 1—5. Budapest, 1897—1900.
 «A Magyar korona országainak 1900. évi népszámlalása», II. к. Bp., 1904.
 «A Magyar szent korona országainak külkereskedelmi forgalma.
 «Magyar Statistikai Közlemények (MStK). Uj Folyam, IX—XVIII. к. Bp., 1901—1912., 56. к., Bp., 1915.
 «Magyar Compass. Pénzügyi es Kereskedelmi Évkönyv». Bp., 1903—1914.
 «Fünzigjährige Entwicklung Budapests. 1873—1925». Bp., 1925.
 «Magyar politikai lexicon (Magyar politikusok).» Bp., 1929.
 «Magyar vasutas naptár 1908». Bp., 1908.
 «Magyar vas-és fémmunkások zsebnaptára». Bp., 1905.
 «Társadalmi lexicon. A szociális mozgalmak krónikája. 1789—1928». Bp., 1928.
 «Magyar Törvénytár (Corpus Juris Hungarici — CJH), к. V. Bp., 1912.
 «Hungary. Kereskedelemügyi minister. Ipari sztrájkok es munkából való kizárások Magyarországon az 1905. évben». Bp., 1906.

Мемуары, дневники, переписка, публицистика

- Adler V. Aufsätze, Reden, Briefe. Wien, 1922—1929.
 Adler V. Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky. Wien, 1954.
 Andrássy Gyula. Diplomacia es világháború. Bp., 1928.
 Apponyi Albert. Parlamenti működésem emlékei. Bp., 1912.
 Apponyi Albert. Emlékirataim, 1—II. к. Bp., 1922, 1934.
 Apponyi A. Franz Joseph als König von Ungarn. Erinnerungen an Franz Joseph I. Berlin, 1931.
 Apponyi A. Erlebnisse und Ergebnisse. Berlin, 1933.
 Arkövy Z. Vámszövetség vagy önálló vámterület. Bp., 1909.

- Auffenberg-Komarow M.* Aus Österreichs Höhe und Niedergang. München, 1921.
- Baernreither J. M.* Fragmente eines politischen Tagebuches. Berlin, 1928.
- Barabás Béla.* Emlékirataim. Békescsaba 1908.
- C. Bardolff.* Soldat im alten Österreich. Jena, 1930.
- Beksics G.* Közjogunk és nemzeti törekvésünk. Bp., 1903.
- Bresztoczy Ernő.* Általános sztrájk és választói jog Magyarországon. Bp., 1909.
- Buchinger Manó.* Küzdelem a szocializmusért. Emlékek és élmények. Bp., 1946.
- Buchinger Manó.* A szegény ember kenyere. Bp., 1904—05.
- Buchinger Manó.* A szociáldemokrata Pártszervezet. Bp., 1913.
- Bokányi Dezső.* A társadalom és az általános, egyenlő; titkos választói jog. Bp., 1909.
- Burian S.* Austria in Dissolution. London, 1925.
- Chlumecy L.* Erzherzog Franz Ferdinands Wirken und Wollen. Berlin, 1929.
- Chorin Ferenc.* Iparosok és kereskedők választási ligája. Bp., 1909.
- Csavolszky L.* Az árulás története. Bp., 1908.
- Csetényi S.* A Bánkkérdés. Bp., 1909.
- Conrad von Hötzendorf Fr.* Aus meiner Dienstzeit. Bd. 1—5. Berlin—Wien, 1921—1925.
- Dániel Arnold.* A Magyarországi földmivelő szocializmus feladatai. Bp., 1906.
- Dániel A.* The agrar problem in Hungary. London, 1922.
- Darányi T.* The state and agriculture in Hungary. London, 1905.
- Diner-Dénes József.* Az agrárprogramról.— Szoc. 1907, 1908. N 18.
- Dumaine A.* La dernière ambassade en Autriche. Paris, 1921.
- Ferenczi József.* A munkás lakáskérdés. Bp., 1916.
- Ferenczi József.* A sztrájk fogalma és jogosultsága társadalmi szempontból. Bp., 1905.
- Funder F.* Vom Gestern ins Heute. Wien, 1952.
- Garami Ernő.* Az osztályharc. Bp., 1914.
- Garami Ernő.* A politikai harc és a munkásság. Bp., 1918.
- Garami Ernő.* A Választójogi harc taktikája.— Szoc., 1912—1913, N 2.
- Garami Ernő.* Magyarország 1848-ban és 1908-ban.— Szoc, 1907—1908, N 8.
- Garami Ernő.* Forrongó Magyarország. Emlékezések és tanulságok. Leipzig—Wien, 1922.
- Garbai Sándor.* Építőmunkások zsebkönyve. Bp., 1908.
- Gratz Gusztáv.* Általános választójogi és nemzeti politika. Bp., 1905.
- Gratz Gusztáv.* Általános választójogi és Tisza István gróf. Bp., 1903. Halmany E.—Múlt és jövő. 1902—1907). Bp., 1947.
- Hodza M.* Federation in Central Europe. London, 1942.
- Jászai Samu.* A szakegyesületi mozgalom Magyarországon. Bp., 1904.
- Jászai Samu.* A szakszervezeti mozgalmak fejlődése és irányzatai. Bp., 1911.
- Jászai Samu.*— A szakfoglalom útmutatója. Bp., 1909.
- Jászi Oszkár.*— A demokráció jövője. Bp., 1906.
- Justh Gyula* beszédei. Bp., 1913.
- Károlyi M.* Gegen eine ganze Welt. München, 1924.
- Károlyi Mihály.* Az új Magyarországért. Válogatott írások és beszédek. 1908—1919. Bp., 1968.
- Károlyi M.* Memoirs. Faith without Illusions. London, 1956.
- Kossuth Ferenc.* A kiegyezésről. Bp., 1907.
- Kossuth Ferenc.* Harminc politikai beszéde. Bp., 1906.
- Kristóffy József.* Magyarország kálváriája. Az összeomlás útja. Politikai emlékek 1890—1926. Bp., 1928.
- Kristóffy József.* A királyságtól kommunizmusig. Bp., 1920.
- Kristóffy József.* A választójogi harc. Bp., 1910.
- Kunfi Zs.* Die politische Lage in Ungarn.— Die Neue Zeit», 1906, N 29.
- Kunfi Zsigmond.* Kongresszus előtt.— «Szocializmus», 1907—1908, N 12.
- Kunfi Zsigmond.* Fegyverkezés.— Sz, 1907—1908, N 13.
- Kunfi Zsigmond.* A Két milliő munkás pártja.— Sz, 1908.
- Kunfi Zsigmond.* A Balkáni események.— Sz. 1908—1909, N 7.
- Kunfi Zsigmond.* Az annexió válság.— Sz, 1908—1909, N 6.

- Kunfi Zsigmond.* Az elhalasztott sztrájk es választójog.— Sz, 1912—1913.
Ladányi Rezső. Az agrárprogramról. Sz, 1908—1909, N 3.
Ladányi Rezső. A Kétéves földmunkas szövetség.— Sz, 1907—1908, N. 6.
Lammach H. Seine Aufzeichnungen, sein Wirken und seine und seine Politik.
 Leipzig, 1922.
Lanczy Leo. Huszonöt év a magyar. közgazdaság terén. Bp., 1907.
Lányi Bertalan. Die Regierung Fejérváry. Berlin, 1909.
Margutti A. F. Kaiser Franz Joseph. Wien, 1924.
Méray-Horváth Károly. 48 pusztulása és az új függetlenségi párt. Bp., 1906.
Mercator. A bankkérdés. Bp., 1909.
Mercator. A nemzetiségi kérdés és a magyar birodalmi eszme. Bp., 1908.
Mocsáry Lajos. A függetlenségi Párt. Bp., 1906.
Muret M. L'Archiduc François Ferdinand. Paris, 1932.
Nikitsch-Boullés. Vor dem Sturm. Berlin, 1925.
Plener E. Erinnerungen. Bd. I—III. Stuttgart, 1921.
Polzer-Hoditz A. Kaiser Karl. Wien, 1929.
Racz Gyula. Általános választójog és önálló vámterület. Bp., 1906.
Redlich J. Schicksalsjahre Österreichs, 1908—1918. Das politische Tagebuch,
 Bd. I. Graz — Köln, 1953.
Rubinek Gyula. A dragulás kérdése. Bp., 1911,
Rubinek Gyula. Küzdelem a nemzetköziséggel. Bp., 1906.
R. Sieghart. Die letzten Jahrzehnte einer Grossmacht — Menschen, Völker, Probleme Habsburgerreiches. Berlin, 1932. S. 59—60.
Spitzmüller-Harmerbsach A. ...Und hat auch Ursache es zu lieben. Wien, 1956.
Steinacker E. Lebenserinnerungen. München, 1937.
Szabó Ervin. Válogatott írásai. Bp., 1958.
Szabó Ervin. Az ipari munkásság hullámozása. Bp., 1904.
Szabó Ervin. A munkásmozgalom 1903—ban. Bp., 1904.
Szabó Ervin. A szocializmus. Bp., 1906.
Szabó Ervin. A tőke és munka harca. Bp., 1911.
Szabó Ervin. Visszapillantás az 1902. évi munkásmozgalomra. Bp., 1903.
Szende Pál. A választójog küszöbén.
Szende Pál. Önálló vámterület és osztályharc. Bp., 1906.
Szende Pál. A nagybirtok és Magyarország jövője. Bp., 1911.
Szilassy J. Der Untergang der Donau-Monarchie. Berlin, 1921.
Szterényi József. Régmúlt idők emlékei. Bp., 1925.
Taafe E. Der politische Nachlass. Wien — Berlin — Leipzig — München, 1922.
Tarczai Lajos. Nemzeti küzdelem, parlamentarizmus es szociáldemokracia.—
 Szoc., N 8, 1908—1909.
Tisza E. Lettres de guerre (1914—1916). Paris, 1931.
Tisza István. Képviselőházi beszédei, III. k. Bp., 1937.
Tisza István. Tanulmányok és értekezések, I. k. Bp., 1923; II. k. Bp., 1924; III. k.
 Bp., 1926; IV. k. Bp., 1927.
Tisza István. Összes Munkái I. k. Bp., 1930; II. k. Bp., 1933.
Vázsonyi Vilmos. Beszédei es írásai. Bp., 1927.
Weltner Jakob. Milljók egy miatt. (Emlékek). Bp., 1927.
Vámbery A. The Roumanians in Hungary.— «Contemporary Review». May, 1905.
Zichy G. Aus meinem Leben. Stuttgart, 1911.

Литература

- Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. 1918.
Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910.
 М., 1961.
Бовыкин В. И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в. 1917 г.
 М., 1960.
Бовыкин В. И. Из истории возникновения первой мировой войны. М., 1961.
Борецкий-Берефелд. Борьба Венгрии за независимость. СПб., 1906.

- Василевский Л. М. Австро-Венгрия. Политический строй и национальные вопросы. СПб., 1906.
- Веселовский И. М. Австро-Венгрия. СПб., 1906.
- Виноградов В. Н. Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии. М., 1959.
- Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.
- Виноградов К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962.
- Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908—1909 гг. Л., 1964.
- Виноградов К. Б. Некоторые особенности экономического развития Австро-Венгрии накануне первой мировой войны.— «Уч. зап. Ленинградского ун-та. Серия исторических наук». Л., 1955, вып. 28, № 194.
- Виноградов К. Б. Боснийский кризис в освещении зарубежной исторической литературы.— «Новая и новейшая история», 1961, № 6.
- Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг. М., 1960.
- Грот К. Австро-Венгрия или карпато-дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. М., 1914.
- Госиоровский М. История словацкого рабочего движения. 1848—1918. М., 1958.
- Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1961.
- Зайончковский А. М. Мировая война. 1914—1918, т. I—III. М., 1938—1939.
- Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959.
- Каутский К. Кризис в Австрии. Киев, 1905.
- Каутский К. Борьба национальностей и государственное право в Австрии. Киев, 1906.
- Лозинский С. Царствование Франца-Иосифа. Пг., 1916.
- Лозинский С. Г. Национальный вопрос и политические партии в Австрии. М., 1907.
- Мухина Р. С. Подъем рабочего движения в Австрии в 1905—1907 гг.— «Первая русская революция и международное революционное движение», ч. I. М., 1955.
- Нотович Ф. И. Эпизод боснийского кризиса 1908—1909.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1947, т. IV, № 1.
- Нотович Ф. И. Бухарестский мир. 1913. М., 1959.
- Овнанян С. В. Подъем рабочего движения в Австрии. М., 1957.
- Перкерсторфер Э. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1906.
- Писарев Ю. А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962.
- Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968.
- Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. М., 1964.
- Рубинштейн Е. И. Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963.
- Силин Н. Д. Австро-венгерский банк. М., 1913.
- Трайнин И. Н. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.—Л., 1947.
- Туполев Б. М. Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX в. М., 1970.
- Тейфен Т. Имущие и обездоленные классы в Австрии. СПб., 1906.
- Трухнов Г. М. Политика германо-австрийского империализма на Балканах в период второй балканской войны (июль 1913).— «Уч. зап. Белорусского гос. ун-та. Серия истории». 1955, № 23.
- Турок В. М. Очерки истории Австрии 1918—1929. М., 1955.
- Хвостов В. М. Дипломатия в новое время. 1871—1914.— «История дипломатии», т. II. М., 1963.
- «История Второго Интернационала», т. 1—2. М., 1966.
- «История Румынии. 1848—1917». М., 1971.
- «История Чехословакии». т. 1—3. М., 1956—1960.
- «История Югославии», т. 1—2. М., 1963—1964.
- «Очерки новой и новейшей истории Венгрии». М., 1963.
- «Очерки истории экономической мысли Венгрии». М., 1962.

- «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах» (Сборник статей). М., 1970.
- «Революционное движение и строительство социализма в Венгрии». М., 1963
- Ady Endre. A fekete lobogó.* Bp., 1950.
- Ady Endre. A nacionalizmus alkonyu.* Bp., 1959.
- «Die Agrarfrage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. 1900—1918». Bukarest, 1965.
- Alföldi A. A budapesti pénzüntézetek története napjainkig.* Bp., 1928.
- Allmayer-Beck J. Materialien zum Österreichischen Kartellwesen.* Wien, 1910.
- Almayer-Beck J. Chr. Minister-Präsident Baron Beck. Ein Staatsmann des alten Österreich.* Wien, 1965.
- Alpári Gyula. Válogatott irasai.* Bp., 1960.
- Andics Erzsébet. A Magyar munkásmozgalom az 1914—1918-as világháború alatt.* Bp., 1950.
- Andics Erzsébet. A magyarországi munkásmozgalom a 1848—1849-es forradalomtól és szabadságharcától az 1917-es Nagy Októberi Szocialista Forradalomig.* Bp., 1954.
- Andrássy Gyula. Az 1867-i kiegyezésről.* Bp., 1896.
- Andrássy Gyula. A világháború előzményei. 1—2. k.* Bp., 1922—1924.
- Andrássy J. Ungarns Ausgleich mit Österreich.* Leipzig, 1897.
- Andrássy Gyula. Az 1867-i kiegyezésről.* Bp., 1896.
- Andrássy Gyula. A világháború előzményei. 1—2. k.* Bp., 1922—1924.
- Aranyossi Magda. Alpári Gyula, az új élet harcainak krónikusa.* Bp., 1954.
- Auerbach Bertrand. Les races et les nationalités en Autriche-Hongrie.* Paris, 1917.
- «Austrian History Yearbook», v. I—V. Rice University. Houston (Texas). 1967—1970.
- Babics András. A komlói kőszénbányászat története.* Pécs. 1958.
- Babics András. Az észak-mecseki kőszénbányászat története.* Bp., 1967.
- Bacher Emil. A magyar malomipar.* Bp., 1911.
- Balázs Béla. A középrétegek szerepe társadalmunk fejlődésében.* Bp., 1958.
- Balla Antal. A liberalizmus történelme.* Bp., 1926.
- Balla Antal. A magyar országgyűlés története. 1867—1917.* Bp., 1927.
- Banffy Dezső. Magyar nemzetiségi politika.* Bp., 1903.
- Bauer O. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie.* Vienne, 1907.
- Bauer O. Die Österreichische Revolution.* Wien, 1923.
- Bekszics Gusztáv. A szabadelvűpárt története.* Bp., 1907.
- Bekszics Gusztáv. Közjogunk és nemzeti törekvésünk.* Bp., 1903.
- Benedikt H. Monarchie der Gegensätze.* Wien, 1947.
- Benedikt H. Die wirtschaftliche Entwicklung in der Franz-Joseph Zeit.* Vienne — München, 1958.
- Berend Iván, Ránki György. Közép-Kelet Európa gazdasági fejlődése a 19—20. században.* Bp., 1969.
- Berend Iván, Ránki György. Magyarország gyáripára az imperializmus első világháború előtti időszakában. 1900—1914.* Bp., 1955.
- Berend Iván, Ránki György. Magyarország gyáripára 1900—1914.* Bp., 1966.
- Bernát Gyula. Az új Magyarország agrárpolitikája. 1867—1914.* Bp., 1938.
- Bibl V. Von Revolution zu Revolution.* Wien — München, 1924.
- Bibl V. Der Zerfall Österreichs, Bd. I—II.* Wien — München, 1922—1924.
- Bibl V. Die Tragödie Österreichs.* Wien, 1937.
- Bodrogközi Zoltán. A magyar agrármozgalmak története.* Bp., 1929.
- Bridge F. K. The Habsburg Monarchy 1804—1918.* London, 1967.
- Brügel L. Soziale Gesetzgebung in Österreich von 1848 bis 1918.* Wien u. Leipzig, 1919.
- Brügel L. Geschichte der Oesterreichischen Sozialdemokratie. Bd. 1—5.* W., 1922—1925.
- Bunzel J. Studien zur Sozial- und Wirtschaftspolitik Ungarns.* Leipzig, 1902.
- Charmatz R. Österreichs innere Geschichte von 1848 bis 1907, Bd. 1—2.* Leipzig, 1909.

- Chervin A.* L'Autriche et la Hongrie... Paris, 1915.
- Chervin A.* L'Autriche et la Hongrie de demain. Paris, 1919.
- Chlumecky L.* Erzherzog Franz Ferdinands Wirken und Wollen. Berlin, 1929.
- Chophin J.* L'Autriche-Hongrie «brillant second». Paris, 1917.
- Constantinescu M.* Etudés d'histoire Transylvaine. Buc., 1970.
- Constantinescu M., Liveany V.* Sur quelques problemes d'histoire. Bukarest. 1966.
- Csatári Dániel.* Roman-magyar kapcsolatok. Bp., 1958.
- Csaky E.* La question ruthen. Paris, Bp., 1920.
- Culinovic F.* Državnopravna historija jugoslovenskih zemalja XIX i XX vijeka, Knj. 1—2. Zagreb, 1953—1954.
- Czine Mihály.* Móricz Zsigmond útja a forradalomig. Bp., 1960.
- Czóbel Ernő.* Válogatott írásai. Bp., 1963.
- «Destramarea monarhieii Austro-Ungare». Buc., 1964.
- «Din istoria Transilvaniei», I. Buc., 1961.
- Diner-Dénes J.* La Hongrie. Oligarchie, Nation. Peuple. Paris, 1927.
- Diner-Dénes J.* Die Bauernschaft und die Sozial-Demokratie 1908. Volksstimmekalender.
- Deutsch J.* Geschichte der österreichischen Gewerkschaftsbewegung. Bd. 1—2. Wien, 1929—1932.
- Dezsényi Béla, Nemes György.* A magyar sajtó 250 éve. Bp., 1954.
- Dolmányos István.* Mezőii és a koalíció. Bp., 1960.
- Dolmányos István.* A magyar parlamenti ellenzék, történetéből. (1901—1904). Bp., 1963.
- Dolmányos István.* Kritik der Lex Apponyi. Bp., 1965.
- Dolmányos István.* A koalíciós kormány történetének első időszaka. E. Lorand... Ekvönyve. 1952—53.
- Domanovsky Sándor.* A magyar kérdés története. Bp., 1920.
- Droz J.* L'Europe central. Paris, 1960.
- Domanowszky A.* Die Geschichte Ungarns... München und Leipzig, 1923.
- Eber Ernő.* A magyar mezőgazdaság átalakulásának feltételei. Bp., 1906.
- Egyed Akos, Vajda Lajos, Cicala Jon.* Munkás-és parasztmozgalmak Erdélyben, 1905—1907. Buc., 1962.
- Eckhart Ferenc.* A magyar közigazdaság száz éve 1891—1941. Bp., 1941.
- Ecseri Lajos.* Az alföldi munkáskérdés és a mezőgazdasági válság. Bp., 1898.
- Eisenmann L.* Le compromis austro-hongrois de 1867. Etude sur le dualisme. Paris, 1904.
- «Erdély története». Bucarest, 1964.
- «Études historiques», I—II. k. Bp., 1960.
- Erenyi G. Stejan Tisza.* Wien — Leipzig. 1935.
- Erenyi Tibor.* A vérvörös csütörtök. 1912. május 23. Bp., 1952.
- Erenyi Tibor.* A magyarországi szakszervezeti mozgalom kezdetei. 1914 előtti tevékenységéről. Bp., 1961.
- Erenyi Tibor.* Die Hauptrichtungen der Entwicklung der Gewerkschaftsbewegung in Ungarn (1868—1904). Bp., 1961.
- Erenyi Tibor.* A magyarországi szakszervezeti mozgalom kezdetei. 1867—1904. Bp., 1962.
- Fábián Béla.* A Dési-Lukács per. Bp., 1911.
- «Falkenegg. Ungarn am Scheidewege». Berlin, 1905.
- Fellner Frigyes.* Austria és Magyarország nemzeti vagyona. Bp., 1913.
- Fellner Frigyes.* Austria és Magyarország nemzeti jövedelme. Bp., 1916.
- Fellner Frigyes.* A nemzetközi fizetési mérleg és alakulása Magyarországon. Bp., 1968.
- Fellner F.* Der Dreibund. Wien, 1960.
- Fellner Fr.* Das Volksvermögen Ungarns. Berlin und Leipzig, 1930.
- Fellner Fr.* Die Zahlungsbilanz Ungarns. Wien und Leipzig, 1908.
- Fellner Fr.* Die Währungsreform in Ungarn. Bp., 1912.
- Fellner Fr.* Das Volksvermögen Österreichs und Ungarns. Wien, 1913.
- Ferenczi E.* Das Koalitionsrecht in Ungarn. Tübingen, 1906.

- Fodor L., Vajda L.* Analékok az erdélyi szakszervezeti mozgalom történetéhez. Bukarest, 1957.
- «Földmunkás-és szegényparaszt mozgalmak Magyarországon 1848—1948», k. I—II. Bp., 1962.
- «Die Frage des Finanzkapitals in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. 1900—1918». Bukarest, 1965.
- Franz L.* Erzherzog Franz Ferdinand und die Pläne zur Reform der Habsburger Monarchie. Berlin, 1943.
- Fuchs A.* Geistige Strömungen in Osterreich. Wien, 1949.
- Fukász György.* A magyarországi polgári radikalizmus történetéhez 1900—1918. Bp., 1960.
- Futó Miklós.* A magyar gyáripár története. Bp., 1944.
- Gaertner Fr.* Der österreich-ungarische Ausgleich.— «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», Bd. XXV. Tübingen, 1907.
- Galántai József.* Egyház és politika 1890—1918. Bp., 1960.
- Galántai József.* Magyarország az első világháborúban. 1914—1918. Bp., 1964.
- Gelleni Mór.* Hetven év a magyar ipar történetéből 1842—1912.
- Geréb László.* Munkásélet és munkásmozgalom a magyar irodalomban. 1867—1872. Bp., 1959.
- Glaise-Horsstenau E.* Franz Josefs Weggefährte. Zürich, 1930.
- Gonnard R.* La Hongrie au XX-e siècle. Paris, 1908.
- Gosiorovsky M.* Dejiny slovenského robotníckého hnutia 1848—1918. Bratislava, 1956.
- Gratz Gusztáv.* A dualizmus kora. 1867—1918, I—II. k. Bp., 1934.
- Gratz G., Schüller R.* Der wirtschaftliche Zusammenbruch Oesterreich-Ungarns. Wien, 1930.
- Gross M.* Vladavina hrvatsko-srpske koalicije. 1906—1907. Beograd. 1960.
- H. Grunzel.* Handelspolitik und Ausgleich in Österreich-Ungarn. Wien, 1912.
- Gulya Károly.* A Magyarországi rutén kérdés 1910—1914 között. Szeged, 1968.
- Gunst Péter.* Az agrártörténetírás Magyarországon 1945 után.
- Halász Teréz, Széll Kálmán.* Bp., 1943.
- Hanák Péter.* A dualizmus válságának problémái a XX. század. elején Bp., 1958.
- Hanák Péter.* A dualizmus válságának problémái a XIX. század. végén. Bp., 1959.
- Hanák Péter.* Skizzen über die ungarische Gesellschaft am Anfang des 20. Jahrhunderts. Bp., 1964.
- Hanák Péter.* Recent Hungarian Literature on the History of the Austro-Hungarian Monarchy, 1848—1918. A Historiographical Survey.— «Austrian History Yearbook», v. I, 1965.
- Hanák Péter.* Hungary in the Austro-Hungarian Monarchy: Preponderancy or Dependency? — «Austrian History Yearbook», v. III, pt. 1, 1967.
- Hanák Péter, Hanák Katalin.* A Magyar Pamutipar története. 1887—1962. Bp., 1964.
- «Handbuch der Geschichte Österreichs und seiner Nachbarländer Böhmen und Ungarn», Bd. I—III. Graz — Wien — Leipzig, 1927—1941.
- Hantsch H.* Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Wien, 1953.
- Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. Graz — Wien, 1953, 3-e Auflage, 1962.
- Hegedüs Géza.* Akit vörös grófnak neveztek. Bp., 1967.
- Hegedüs Lóránt.* Két Andrássy és két Tisza. Bp., é. n.
- Hegedüs Lóránt.* Magyarország és Austria a történelem mérlegén. Bp., 1936.
- Hegedüs Lóránt.* A Pesti Magyar Kereskedelmi Bank története. Bp., 1917, III p.
- Hegedüs Lóránt.* Ady és Tisza. Bp., 1941.
- Hegedüs Sándor.* A tiszaezslári vérvad. Bp., 1966.
- Hertz Fr.* The Economic Problem of the Danubian States. London, 1947.
- Herczeg F.* Graf Stefan Tisza. Wien — Berlin, 1946.
- Hodza M.* Slovákisch-Rumänische Zusammenarbeit im Budapester Parlament. Praga, 1935.
- Hóman Bálint, Szekfü Gyula.* Magyar történet. Budapest, k. VI—VII. Bp., 1935—1939.

- «La Hongrie contemporaine et le suffrage universelle». Paris, 1909.
- Horváth E.* Ungarn und der Weltkrieg... Eine Quellenstudie... Bp., 1931.
- Horváth József.* Az 1905—1906. évi vármegeyi ellenállás története Bp., 1907.
- Horváth Zoltán.* Magyar századforduló. A második reform nemzedék története (1896—1914). Bp., 1961.
- Horváth Zoltán.* The Rise of Nationalism and the Nationality Problem in Hungary. Bp., 1963.
- Hugelmann K. G.* Das Nationalitätenrecht des alten Österreichs. Wien—Leipzig, 1934.
- Iriný Károly.* A Naumann-fele «Mittleuropa-tervezet» es a magyar politikai közvelemény. Bp., 1963.
- Islamov T. M.* Die Ungarländische Arbeiterbewegung zur Zeit der Koalitionsregierung (1907—1909).—«Acta Historica», 16, 1971.
- Izslamov T. M.* Az 1907. évi Osztrák-Magyar Kiegyezés megkötése. Sz, 1967, N 1—2.
- Islamov T. M.* Aus der Geschichte der Beziehungen zwischen Österreich und Ungarn am Anfang des 20. Jahrhunderts.—«Österreich und Ungarn in der Weltpolitik 1900 bis 1918». Berlin, 1965.
- Jancsó Benedek.* Erdély története. Cluj, 1931.
- Jancsó Benedek.* Defensio nationis Hungaricae. Bp., 1920.
- Jaray G.* La situation sociale du proletariat. Paris, 1909.
- Jaray G.* La question sociale et socialisme en Hongrie. Paris, 1909.
- Jászai Samu.* A magyar szakszervezetek története. Bp., 1925.
- Jászi Oszkár.* A nemzetiségi kérdés és Magyarország jövője. Bp., 1911.
- Jászi Oszkár.* A nemzeti államok kialakulása és a nemzetiségi kérdés. Bp., 1912.
- Jászi Oszkár.* Magyar kálvária, magyar feltámadás. (Wien), 1921.
- Jászi Oszkár.* A monarchia jövője. Bp., 1918.
- Jászi O.* Der Zusammenbruch des Dualismus. Wien, 1920.
- Jászi O.* The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago, 1929.
- Jelavich B.* The Habsburg Empire in European Affairs 1914—1918. Chicago, 1969.
- Jemnitz János.* A háború veszélye és a II. Internacionálé. Bp., 1966.
- Jemnitz János.* A szocialista pártok és a háború. 1914—1918. Bp., 1969.
- Jirkovszku Sándor.* A magyarországi pénzügyek története az első világháború végéig. Bp., 1945.
- Kann R. A.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie, Bd. I—II. Graz—Köln, 1964.
- Kann R. A.* Werden und Zerfall des Habsburger Reiches. Graz—Wien—Köln. 1962.
- Kann R. A.* The Multinational Empire, Nationalism and National Reform in the Habsburg-Monarchy 1848—1918. I—II. New York, 1950.
- Kassai Géza.* Magyar történelmi sorsfordulók és a nemzetiségi kérdés. Bp., 1959.
- Katona Béla.* Die Volkswirtschaft Ungarns. Berlin, 1914.
- Katona Imre.* A magyar kubikusok élete. Bp., 1957.
- Katus László.* Hauptzüge der kapitalistischen Entwicklung der Landwirtschaft in den südslawischen Gebieten der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. Bp., 1961.
- Kelen Jolán.* Galilei per a XX. században. Bp., 1957.
- Keller R.* Die Industrieförderung in Ungarn. Praga, 1906.
- Kemény G. Gábor.* A magyar nemzetiségi kérdés a törvények és tervezetek tükrében, 1790—1918. Bp., 1946.
- Kemény G. Gábor.* A magyar nemzetiségi kérdés története. Bp., 1947.
- Klein Fr.* Die Rivalität zwischen Deutschland und Österreich in der Türkei am Vorabend des ersten Weltkrieges.—«Politik im Krieg 1914—1918». Berlin, 1964.
- Kiszlíng R.* Erzherzog Franz Ferdinand von Österreich-Este. Graz—Köln, 1953.
- Komjáthy Miklós.* A közös ministertanács problémái. Bp., 1958.
- Kristóffy József.* A választójogi harc. Bp., 1920.

- Křížek J.* Die wirtschaftlichen Grundzüge des österreichisch-ungarischen Imperialismus in der Vorkriegszeit (1900—1914). Praga, 1963.
- Křížek J.* Annexion de la Bosnie et Herzégovine.—«Historica» (Praha). IX, 1964.
- Lackó Miklós.* Ipari munkásságunk összetételének alakulása, 1867—1949. Bp. 1961.
- Lakatos Ernő.* A magyar politikai vezetőréteg, 1848—1918. Bp., 1942.
- Léderer Emma.* A magyar polgári történetírás rövid története. Bp., 1969.
- Lehoczky Alfréd.* A borsodi szinbányászát története. Miskolc. 1965.
- Lengyel Géza.* Magyar ujságmagnasok. Bp., 1963.
- Lukinich Imre.* History of Hungary in Biographical Sketches. London — Budapest, 1937.
- Macartney C. A.* The Habsburg Empire 1790—1918. London, 1968.
- «A Magyar forradalmi munkásmozgalom története, I. k. Bp., 1966.
- «A magyar nacionalizmus kialakulása és története». Bp., 1964.
- «Magyar-orosz történelmi kapcsolatok». Bp., 1956.
- «Magyarország története», k. I—II. Bp., 1967.
- «Magyarország történeti demográfiája». Bd., 1963.
- «A földmunkás- és szegényparaszt-mozgalmak Magyarországon 1848—1948», I. k., Bp., 1962.
- Majlath J.* Studien über die Landarbeiterfrage in Ungarn. Bp., 1905.
- Majlath J.* La Hongrie rurale, sociale et politique. Paris, 1909.
- Makai O.* Gründungswesen und Finanzierung in Ungarn. Berlin, 1916.
- Marczali Heinrich.* Ungarisches Verfassungsrecht. Tübingen, 1911.
- Márkus László.* A szociáldemokrata történeftelfogás fejlődéséhez. Bp., 1963.
- Martins J.* Großösterreich und die Siebenbürgensachsen. München, 1957.
- Matlekovits A.* Gazdasági viszonyunk Ausztriával. Bp., 1903.
- Matlekovits Sándor.* Közös vámterület és a gazdasági elválás Ausztriától. Bp., 1905.
- Matlekovits Sándor.* Az ipar alakulása a kapitalizmus korszakában. Bp., 1911.
- May A. J.* The Habsburg Monarchy 1867—1914. Cambridge, 1961.
- May A. J.* The Passing the Habsburg Monarchy, 1914—1918, 2 vols. Philadelphia, 1966.
- Mérei Gyula.* Magyar politikai pártprogramok (1867—1914). Bp., 1934.
- Mérei Gyula.* Polgári radikalizmus Magyarországon 1900—1919. Bp., 1947.
- Mérei Gyula.* Föderációs tervek Délkelet-Europában és a Habsburg-monarchia. 1840—1918. Bp., 1965.
- Mérei Klára.* A mezőgazdasági munkásság mozgalmi a Dunántúlon 1905—1907-ben. Bp., 1956.
- Miskolczy Julius.* Ungarn in der Habsburger-Monarchie. Wien — München, 1959.
- Mód Aladár.* 4000 év küzdelem az önálló Magyarorszáért. Bp., 1954.
- Molnár Erik.* Válogatott tanulmányok. Bp., 1969.
- Mommsen H.* Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage im habsburgischen Vielvolkerstaat. I. (1867—1907). Wien, 1963.
- Moroianu L.* Les luttes des Roumains Transylvains pour la liberté et l'opinion européenne. Paris, 1933.
- Mucsi Ferenc.* Az első orosz forradalom és a magyar munkásmozgalom. Bp., 1956.
- Mucsi Ferenc.* A Kristóffy — Garami paktum. Bp., 1970.
- Muret M.* L'archiduc François Ferdinand. Paris (1932).
- Nadas László.* A kartellek es trustök kérdése. Bp., 1905.
- «Die nationale Frage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. 1900—1918». Bp., 1966.
- Naumann Fr.* Mitteleuropa. Berlin, 1915.
- Neck R.* Der Protest Franz Ferdinands gegen die ungarischen Verfassungsgarantien von 1907.—«Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchiv», Bd. XII—XIII. Wien, 1959.

- «Nouvelles études historiques», I, II. k. Bp., 1965.
 «Nouvelles Etudes d'Histoire». Buc., 1970.
Offergeld M. Die Grundlagen und Ursachen der industriellen Entwicklung Ungarns. Jena, 1913.
 «Otazky vyvoje kapitalizmu v ceskyh zemich a v Racousku — Uhersku do roku 1918». Praha, 1957.
 «Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900 bis 1918». Berlin, 1965.
Pach Zsigmond Pál. Magyar gazdaságtörténet 1848—1890. Bp., 1957.
Pach Zsigmond, Hanák Péter. Magyarország története az abszolutizmus és a dualizmus korában. Bp., 1956.
Pach Zsigmond Pál, Sándor Pál. A szabadversenyen alapuló kapitalizmus viszonylagos fellendülése és az ipari proletáriatus kialakulása a kiegyezés után (1959).
Pamlényi Ervin. Horváth Mihály. Bp., 1954.
Pamlényi Ervin. A magyar történetírás fejlődése a felszabadulás után.— Sz, 1967, N 6.
Pap Dávid. Magyar vámterület. Bp., 1904.
 «A parasztság Magyarországon a kapitalizmus korában, 1848—1914. Tanulmányok», k. 1—2. Bp., 1965.
Perényi József. A Ruszinok történetének vázlata. 1800—1918. Bp., 1954.
Pethő Sándor. Világostól Trianonig. Bp., 1926.
Pisch Mikulas. Ohlas ruskej burzoazno — demokratickej revolucie na Slovensku (1905—1907). Bratislava, 1966.
Pogány Mária. Tökés vállalkozók és kubikos bér munkások a Tisza-szabályozásánál a XIX. század második felében. Bp., 1966.
 «Politikai Magyarország. Szerk. Szász József, k. I—IV. Bp., 1912—1914.
Popovici A. Die Vereinigten Staaten von Gross-Oesterreich. Leipzig, 1906.
Popovici A. La question roumaine en Transylvanie et en Hongrie. Lausanne — Paris, 1918.
Pölöskei Ferenc. Parasztmozgalmak 1905—1914 között. Bp., 1959.
Pölöskei Ferenc. A koalíció felbomlása és a Nemzeti Munkapárt megalakulása. 1909—1910. Bp., 1963.
Pölöskei Ferenc. Kormányzati politika és parlamenti ellenzék 1910—1914. Bp., 1970.
Preradovich N. Die Führungsschichten in Österreich und Preussen. 1804—1848. Wiesbaden, 1958.
Puscariu Ioan. Notite despre intimplarile contemporane. Sibiu, 1913.
Puskás J. Die kapitalistischen Grosspachten in Ungarn. Bp., 1961.
Rácz Gyula. A magyar földbirtokosság anyagi pusztulása. Bp., 1906.
Rácz Gyula. Tarsadalmunk osztálytagozódása es a magyar demokracia kialakulásának útjai. Bp., 1909.
 «Die Regelung der Arbeiterverhältnisse im Kriege». Wien, 1927.
Redlich J. Das österreichische Staats- und Reichsproblem, Bd. I—II. Leipzig, 1920—1926.
Redlich J. Franz-Joseph Kaiser von Österreich. Berlin, 1929.
Renner K. Der Kampf der österreichischen Nation um den Staat. Wien, 1903.
Renner K. Die Krise des Dualismus und das Ende der Deakistischen Episode in der Geschichte der Habsburgischen Monarchie. Wien, 1904.
Renner K. Grundlage und Entwicklungsziele der österreichischen Monarchie. Wien, 1906.
Révai József. Marxizmus, népiesség, magyarság. Bp., 1949.
Révai József. Válogatott történelmi írások, 1—2. k. Bp., 1966.
Révész Mihály. A Magyarországi munkásmozgalom története. Bp., 1913.
Rézler Gyula. A magyar nagyipari munkásság kialakulása 1867—1914. Bp., 1945.
Ritter H. Aus Österreichs Vergangenheit. Salzburg, 1949.
Rubinek Gyula. Vámszövetség, kereskedelmi szerződések. Bp., 1903.
Rubinek Gyula. Küzdelem a nemzetiségiékkal. Bp., 1906.
Sándor N. Die Lage der ungarischen Landarbeiter. 1911.
Sándor Pál. A XIX. századvégi agrárválság Magyarországon. Bp., 1958,

- Sándor Vilmos.* A tőkés gazdaság kibontakozása Magyarországon. 1849—1900. Bp., 1958.
- Sándor Vilmos.* Nagyipari fejlődés Magyarországon. 1867—1900. Bp., 1954.
- Scotus Viator (Seton-Watson R. W.).* Racial Problems in Hungary. Londres, 1908.
- Scotus Viator (Seton-Watson R. W.).* Corruption and Reform in Hungary. Londres, 1911.
- Sebess D.* Magyar agrárrevolúciók. 1902—1932. Bp., s. a.
- Sebestyén József.* Hodza Milán útja. Bratislava, 1938.
- Seton-Watson.* Ungarische Wahlen. Leipzig, 1912.
- Seton-Watson R. W.* The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. London, 1911.
- Seton-Watson R. W.* German, Slav and Magyar. London, 1916.
- Sieghart R.* Zolltrennung und Zolleinheit. Wien, 1915.
- Somogyi Eva.* Választójog és parlamentarizmus Ausztriában (1861—1907). Bp., 1968.
- Simon Péter.* A századforduló földmunkás — és szegény parasztmozgalmi, 1891—1907. Bp., 1953.
- Sosnosky Th.* Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1866. Stuttgart—Berlin, 1913—1914.
- Sosnosky Th.* Franz Ferdinand. München — Berlin, 1929.
- Sosnosky Th.* Die Politik im Habsburger Reich, Bd. II. Berlin, 1913.
- A. Spitzmüller-Harmersbach.* Der letzte österreichisch-ungarische Ausgleich und der Zusammenbruch der Monarchie. Berlin, 1923.
- Spitzmüller-Harmersbach A. F.* Franz Joseph und der Dualismus. Berlin, 1931.
- Sted Henry Wickham.* The Habsburg Monarchy. London, 1914.
- Steier Lajos.* A tót nemzetiségi mozgalom fejlődésének története. Liptószentmiklós, 1912.
- Sugar O.* Die Industrialisierung Ungarns. Leipzig, 1908.
- Supilo F.* Politika u Hrvatskoj. Zagreb, 1953.
- Süle Tibor.* Sozialdemokratie in Ungarn. 1899—1910. Köln — Graz, 1967.
- «Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie». Bp., 1961.
- Szabó Ervin.* 1877—1918. Bp., 1968.
- Szabó Imre.* A burzsoa állam és jogbölcselet Magyarországon. Bp., 1955.
- Szabó István.* Tanulmányok a magyar parasztság történetéből. Bp. 1948.
- Szántó Béla.* A magyar munkásmozgalom 1914—ig. Bp., 1949.
- Szántó István.* Tanulmányok a magyar parasztság történetéből. Bp., 1948.
- Szeberényi Lajos.* A parasztság helyzete Magyarországon. Bp., 1907.
- Szeberényi Lajos.* A parasztkérdés külföldön és hazánkban. Békéscsaba, 1908.
- Szekeress József.* Kenyerért és szabadságért, 1955.
- Szekfü Gyula.* A tizenkilencedik és huszadik század. Bp., 1943.
- Szekfü Gyula.* État et nation [Paris, 1945].
- Szekfü Gyula.* Három nemzedék. Bp., 1935.
- Szekfü Gyula.* Három nemzedék és ami utána következik. Bp., 1934.
- Szekfü Gyula.* Der Staat Ungarn. Stuttgart-Berlin, 1918.
- Szekfü Gyula.* Magyar történet, V. k., Bp., 1936.
- Szontágh Jenő.* Arcképek I. Ferenc József korából. Bp., 1934.
- Szokolay Katalin.* Az osztrák-magyar kormány lengyel politikája az első világháború idején. Bp., 1967.
- Szterényi József, Ladanyi Jenő.* A magyar ipar a világháborúban. Bp., 1933.
- Takács József.* A földmunkásmozgalom története. Harminc esztendő. Bp., 1926.
- Tandler E.* Die industrielle Entwicklung Siebenbürgens. Tübingen — Kronstadt, 1909.
- «Tanulmányok a kapitalizmus történetéhez Magyarországon. 1867—1918». Bp., 1956.
- «Tanulmányok a Magyarországi szakszervezeti mozgalom történetéről». Bp., 1969.

- «Tanulmányok a magyar parasztság történetéből». Bp., 1948.
- Tapie V.* Monarchie et peuples du Danube. Paris, 1969.
- Taylor A. J.* The Habsburg Monarchy. 1815—1918. London, 1942.
- Teleszky János.* A magyar állam pénzügyei a háború alatt. Bp., 1927.
- Tersen E.* Histoire de la Hongrie.
- Tibori János.* Az Achim L. András-felé békecsabai parasztmozgalom. Bp., 1958.
- «Tisza István és a világháború». Bp., 1919.
- Tokody Gyula.* Az Össznémet Szövetség és középeurópai tervei 1890—1918. Bp., 1959.
- Tömöry Márta.* Új vizeken járok (A Galilei Kör története). Bp., 1960.
- Übersberger H.* Österreich zwischen Russland und Serbien». Köln — Graz, 1958.
- Valiani L.* La Dissoluzione dell'Austria — Ungheria. Milano, 1966.
- Varga Jenő.* A magyar kartellek. Bp., 1951.
- «Vita a Magyarországi osztályküzdelmekről és függetlenségi harcokról». Bp., 1965.
- Wittmann Tibor.* Történelmünk haladó hagyományai 1604—1918. Bp., 1951.
- Zarek O.* The history of Hungary. London, 1939.
- Zolger Iván.* Der staatsrechtliche Ausgleich zwischen Osterreich und Ungarn. Leipzig, 1911.
- Zöllner E.* Geschichte Österreichs. Wien, 1961.
- Zwitter F., Sidak J., Bogdanov V.* Les problèmes nationaux dans la Monarchie des Habsburg. Beograd, 1960.
- Wierer Moszkó.* A magyar cukoripar fejlődése, I. k. Bp., 1902.
- Wank S.* Foreign Policy and the Nationality Problem in Austria-Hungary, 1867—1914.—«Austria History Yearbook», v. III, Pt. 3, 1967.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивы

- АВПР — Архив внешней политики России
ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
- EAL — Egri Allami Levéltár.
FL, BpF — Fővárosi Levéltár, Budapesti Főkapitányság.
HHSt, GA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Geheime Akten (Wien).
HHSt, Inf — Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Staatskanzlei. Ministerium des Aussen. Informationsbüro.
- MAL — Miskolczi Allami Levéltár.
OL, BM, eln. res. — Országos Levéltár, Belügyminisztérium, elnöki. rezervált (Budapest)
- OL, F — Országos Levéltár. Filmtár.
OL, FM — Országos Levéltár, Földművelődésügyi minisztérium.
OL, K — Országos Levéltár, Kúria.
OL, Kh-HL — Országos Levéltár, Khuen-Hédervári Levéltár.
OL, Kgy — Országos Levéltár, Kossuth Gyűjtemény.
OL, IM — Országos Levéltár, Igazságügyiminisztérium.
OL, ME — Országos Levéltár, Miniszterelnökség.
OL, MTJ — Országos Levéltár, Minisztertanács Jegyzőkönyvei.
OL, PM — Országos Levéltár, Pénzügyminisztérium.
OL, PM, TTJ — Országos Levéltár, Pénzügyminisztérium, Titkos tárgyalások Jegyzőkönyve, K—255.
- OSzK — Országos Széchenyi Könyvtár Kézirattára (Budapest)
OSzK, ThN — Országos Széchenyi Könyvtár Kézirattára, Thállóczy Lajos Napló, Fol. Hung. 2459.
- PI Arch. — Párttörténeti Intézet Archivuma (Budapest)
PI Arch. Bgy — Párttörténeti Intézet Archivum, Bánóczy Gyűjtemény.
PI Arch. BM — Párttörténeti Intézet Archivum, Belügyminisztérium.
PI Arch. BpF — Párttörténeti Intézet Archivuma, Budapesti Főkapitányság.
PI Arch. Rgy — Párttörténeti Intézet Archivuma, Rőpiratgyűjtemény.
SLHA — Sächsisches Landeshauptarchiv, Aussenministerium, Gesellschaft Wien (Dresden).
SzAL — Szegedi Allami Levéltár.

Публикации документов

- FSzPMM — Földmunkás- és szegény paraszt mozgalmak Magyarországon (1848—1948).
INK, III, IV — Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában. Szerk. Kemény G. Gábor.— III. k., (1900—1903). Bp., 1965; IV. k., (1903—1906). Bp., 1965.
KI — Képviselőházi Irományok.
MGyOSz — A Magyarországi Gyáriparosok Országos Szövetsége Választmányának első évi jelentése. Bp., 1903.

- MgSt — Magyarország gyariparanak statisztikája. Bp., 1906.
 MMSt, IV, XXIV — Magyarország mezőgazdasági statisztikája. Bp., IV. k. — 1906; XXIV. k. — 1910.
 MMTVD, II—IV — Magyar munkásmozgalom történetének válogatott dokumentumai. Bp., II. k.—1954; III. k.—1955; IV./A. k.—1966.
 MStE — Magyar statisztikai Évkönyv.
 MStK — Magyar statisztikai Közlemények.
 MSzM, 1902—1914 — A Magyarországi szocialisztikus munkásmozgalmak az 1903. évben. Bp., 1904; ...1905. évben. Bp., 1906; ...1906. évben. Bp., 1907; ...1907. évben. Bp., 1908; ...1908. évben. Bp., 1909; ...1909. évben. Bp., 1910; ...1910. évben. Bp., 1911; ...1911. évben. Bp., 1912; ...1912. évben. Bp., 1913; ...1913. évben. Bp., 1914; ...1914. évben. Bp., 1915.
 MSzPJ, X—XX — A Magyarországi Szociáldemokrata Part X. Pártgyűlésének Jegyzőkönyve. Bp., 1903; XI — Bp., 1904; XII — Bp., 1905; XIII — Bp., 1906; XIV — Bp., 1907; XV — Bp., 1908; XVI — Bp., 1909; XVII — Bp., 1910; XVIII — Bp., 1911; XIX — Bp., 1912; XX — Bp., 1913.
 ÖUA, II, VIII — Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise bis zum Kriegsausbruch 1914. Berlin — Leipzig, 1930.
 PGM — Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates der Österreichisch-Ungarischen Monarchie (1914—1918). Bp., 1966.
 PM, I—II — A parasztság Magyarországon a kapitalizmus korában (1848—1948), I—II. k., Bp., 1965.

Сборники статей, коллективные труды

- EH, I—II — «Études Historique», v. I—II. Bp., 1960.
 FF — «Die Frage des Finanzkapitals in der Österreichisch — Ungarischen Monarchie, 1900—1918». Bukarest, 1965.
 MTört, I—II — «Magyarország története», I—II. k. Bp., 1964.
 NEH — «Nouvelles Études d'histoire», v. I—II. Bp., 1965.
 TKT — «Tanulmányok a kapitalizmus történetéhez Magyarországon. 1867—1918». Bp., 1956.

Журналы

- PK — «Párttörténeti Közlemények» (Bp.).
 Sz — «Századok» (Bp.).
 Szoc — «Szocializmus» (Bp.).
 TSzIK — «Történetstatisztikai Közlemények» (Bp.).
 TörtSz — «Történelmi Szemle» (Bp.).

Газеты

- Az — «Arbeiterzeitung» (Wien).
 BpH — «Budapesti Hírlap» (Bp.).
 F — «Földmivelő» (Bp.).
 M — «Magyarország» (Bp.).
 MP — «Magyar Pénzügy» (Bp.).
 MSzl — «Munka Szemléje» (Bp.).
 N — «Népszava» (Bp.).
 NFP — «Neue Freie Presse» (Wien).
 PH — «Pesti Hírlap» (Bp.).
 PL — «Pester Lloyd» (Bp.).
 SzE — «Szakszervezeti Értesítő» (Bp.).
 SzSz — «Szabad Szó» (Bp.).
 V — «Volksstimme» (Bp.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авербух Р. А., советский историк 9
 Агоштон Петер, венгерский социалист 317
 Ади Эндре, венгерский поэт 213
 Адлер Виктор, основатель и вожде австрийской социал-демократии 243, 255—256
 Адлер Макс, австрийский социалист, один из теоретиков «австромарксизма» 30
 Адлер Фридрих, австрийский социалист 255
 Айххоф Йоханн, австрийский чиновник 165
 Аллмайер-Бек Йозеф, австрийский экономист 58
 Аллмайер-Бек Йоханн Христоф, современный австрийский историк 115, 122, 165, 168, 177, 178, 186, 194, 196, 212
 Алмаши, граф, венгерский чиновник 150
 Аллари Дюла, деятель венгерского рабочего движения, один из лидеров левого крыла венгерской социал-демократии 112, 146, 159, 300—309, 362
 Андраши Дюла (старший), граф, в 1867—1871 гг. премьер-министр Венгрии, в 1871—1879 гг. министр иностранных дел Австро-Венгрии 90, 181
 Андраши Дюла (младший), граф, венгерский политический и государственный деятель, основатель и лидер консервативной конституционной партии, в 1906—1910 гг. министр внутренних дел Венгрии, в 1918 г. последний министр иностранных дел Австро-Венгрии 90—91, 116, 140, 148, 159, 167, 173, 192—199, 200—203, 208—209, 226—228, 230, 238, 250—253, 261, 266, 273—277, 304, 317, 328, 354
 Андраши, графы 61
 Аппони Алберт, граф, венгерский политический и государственный деятель, один из лидеров партии независимости и 48-го года. В 1906—1910 гг. министр просвещения и культов 90—92, 117, 133, 140, 141, 167, 200, 217—220, 247, 323, 330, 354, 356, 357, 360
 Аустерлиц Фридрих, один из лидеров австрийской социал-демократии, депутат рейхсрата, редактор центрального органа партии газеты «Арбайтерцайтунг» 322
 Ауфенберг-Комаров, барон, австрийский генерал, в 1911—1912 гг. общий военный министр Австро-Венгрии 288, 333
 Ахим Андраш, деятель крестьянского движения в Венгрии, в 1906 г. основатель и лидер крестьянской партии, с 1905 г. депутат парламента 121, 135, 269—271, 285
 Ачади Игнац, венгерский буржуазный историк 29
 Бабёф Гракх, французский утопист-коммунист 331
 Бабич Андраш, современный венгерский историк 59
 Бадени Казимир, граф, в 1895—1897 гг. премьер-министр Австрии 89
 Балла Антал, венгерский буржуазный историк 280
 Банфи Дежё, барон, венгерский политический и государственный деятель, в 1895—1899 гг. премьер-министр 89, 109, 117, 293, 353
 Бардольф Карл, барон, австрийский генерал, в 1911—1914 гг. начальник военной канцелярии эрцгерцога наследника престола Франца-Фердинанда 113
 Баттяни Тивадар, венгерский полити-

- ческий деятель, депутат парламента, один из лидеров партии независимости 144, 211, 291, 345
- Баттяни Эрвин, граф, один из лидеров анархистского течения в Венгрии, издатель газеты «Таршалалми Форрадалом» (Социальная революция) 231
- Бауэр Густав, венгерский социалист 312
- Бауэр Отто, один из лидеров австрийской социал-демократии, теоретик «австромарксизма», депутат рейхсрата 47
- Бахер Эмиль, венгерский экономист 90
- Бebel Август, один из лидеров рабочего движения Германии 249
- Бейст Фердинанд, граф, австрийский государственный деятель, в 1866—1871 гг. министр иностранных дел Австрии, затем Австро-Венгрии 41
- Бек Макс Владимир, австрийский государственный деятель, премьер-министр Австрии в 1906—1908 гг. 115, 163, 165, 168, 173—177, 180, 185, 186, 189, 190, 193, 194, 198, 200, 208, 211, 212
- Бек Фридрих, фельдмаршал, начальник генерального штаба австро-венгерской армии в 1881—1906 гг. 113
- Бенедикт Генрих, австрийский буржуазный историк 37, 191
- Бём Вилмош, венгерский социалист, в 1910—1913 гг. один из руководителей профсоюза металлистов 29, 314—315
- Бергсон Анри, французский философ 272
- Беренд Т. Иван, современный венгерский историк-экономист, лауреат премии им. Кошута 11, 53—56, 60, 64—66, 80, 81
- Берирайтер Йозеф Мария, австрийский политический деятель, член палаты господ рейхсрата 167
- Бернштейн Эдуард, деятель германской социал-демократии, идеолог ревизионизма 5, 29, 101, 102, 235
- Берхтольд Леопольд, граф, в 1906—1911 гг. посол Австро-Венгрии в Петербурге, в 1912—1915 гг. министр иностранных дел 20, 324, 335, 358
- Библ Виктор, австрийский буржуазный историк 36, 89, 266
- Бинерт-Шмерлинг Рихард, в 1908—1911 гг. премьер-министр Австрии 277
- Блахо Павол, деятель либерального крыла словацкого национального движения, депутат венгерского парламента 119
- Бода Дежё, начальник полиции Будапешта в 1906—1917 гг. 144, 145
- Бозоки Арпад, депутат венгерского парламента от партии независимости 212, 273
- Бодрогкёзи Золтан, венгерский экономист 271
- Бокани Дежё, деятель венгерского рабочего движения, с 1894 г. член руководства Социал-демократической партии Венгрии 104, 229, 308, 326
- Брандш Р., австрийский политический деятель и чиновник 165
- Брантинг Карл Ялмар, один из лидеров шведской социал-демократии 309
- Брейлсфорд Генри, английский буржуазный историк 39
- Брестански Август, словацкий социалист 256
- Брод Михай, венгерский социалист 82
- Брош фон Аренау Александер, в 1906—1909 гг. флигель-адъютант эрцгерцога Франца-Фердинанда, в 1909—1911 гг. начальник его военной канцелярии 177, 180, 194, 206
- Брэтиану Ионел, румынский государственный деятель, в 1907—1909 гг. министр внутренних дел Румынии, в 1909—1911, 1914—1918 гг. премьер-министр 283, 343
- Букшег Вилим, один из лидеров социал-демократии Хорватии-Славонии 256
- Буриан Иштван, венгерский государственный деятель, в 1903—1912 гг. общий министр финансов Австро-Венгрии, 1913—1915 гг. министр-представитель венгерского правительства при короле, в 1916—1918 гг. общий министр финансов, в 1918 г. министр иностранных дел 263—265, 287
- Бухингер Мано, венгерский социалист, с 1905 г. член руководства Социал-демократической партии Венгрии 108—112, 134, 243, 254—257, 259, 293, 294, 302, 303, 308, 314, 316, 349, 350
- Бюлов Бернгард, канцлер Германской империи в 1900—1909 гг. 202
- Ваго Бела, деятель левого крыла венгерской социал-демократии, руководитель дебrecенской организации партии и один из организаторов студенческого движения 112, 154, 222, 253, 258—259, 308

- Важони Вилмош, венгерский политический деятель, депутат парламента, основатель и лидер демократической партии 257, 259, 308
- Вайда-Воевод Александр, политический деятель румынской буржуазии Венгрии, депутат венгерского парламента, один из лидеров румынской национальной партии 165, 345, 346, 360
- Вайскирхен, австрийский политический деятель, председатель палаты депутатов рейхсрата 211
- Варга Енё (Евгений), деятель левого крыла венгерского рабочего движения, экономический обозреватель газеты «Непсава», впоследствии действительный член АН СССР 35, 59—60, 213, 236, 237
- Варга Лайош, современный венгерский историк 104
- Вандервельде Эмиль, бельгийский социалист, один из лидеров II Интернационала, председатель Международного социалистического бюро в предвоенные годы 309
- Вандрушка Адам, современный австрийский буржуазный историк 41
- Вантуш Карой, деятель рабочего движения Венгрии, с 1907 г. один из секретарей ЦК социал-демократической партии 112, 259
- Варкони Иштван, деятель рабочего и крестьянского движения Венгрии, основатель и лидер независимой социалистической партии 135, 225, 269
- Ведель, генеральный консул Германии в Будапеште 202
- Векерле Шандор, венгерский государственный деятель, в 1892—1895, 1906—1910, 1917—1918 гг. премьер-министр 19, 61, 83, 132, 140, 148, 149, 161, 162, 169, 171, 175, 178, 180, 194, 198—200, 210—212, 227, 251, 264, 274—277, 284
- Вельтнер Якоб, один из лидеров венгерской социал-демократии, с 1897 г. член руководства партии и секретарь ЦК 29, 103, 106, 108, 289, 294, 303, 316
- Венк Соломон, современный американский историк, 181, 185
- Венкхайм Д., граф, венгерский помещик 150
- Вёрёш Антал, современный венгерский историк 75, 76
- Вильгельм II Гогенцоллерн, последний германский император 20, 178
- Виноградов В. Н., советский историк 7, 20
- Виноградов К. Б., советский историк 7, 9, 28, 265, 283
- Винце Шандор, один из руководителей организации Социал-демократической партии Венгрии в Клуже (Коложваре) 253
- Виттх Пауль, руководитель организации Социал-демократической партии Венгрии в Братиславе (Пожонь, Прессбург), редактор газеты «Вестунгарисе Фольксштимме» 224
- Вольтер Франсуа-Мари, великий французский просветитель, 33
- Габсбурги, австрийская династия 35, 36, 41, 45, 50, 72, 94, 114, 115, 119, 139, 142, 176, 178, 205, 209, 236, 238, 262
- Гадани Йозеф, венгерский экономист 55
- Галантай Йозеф, современный венгерский историк 21, 22, 95
- Гарами Эрнё, фактический руководитель Социал-демократической партии Венгрии в предвоенные годы, с 1898 г. член руководства партии, главный редактор центрального органа партии газеты «Непсава» 24, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 102, 103, 105, 106, 127, 148, 207, 208, 236, 237, 255, 256, 293, 296, 303, 307, 308, 310, 313—316, 329, 330
- Гарбаи Шандор, один из лидеров венгерской социал-демократии, председатель профессионального союза строительных рабочих, затем председатель Всевенгерской рабочей кассы больничной помощи (по болезни) 112, 236, 237, 253, 254, 303, 306
- Гауч Пауль, барон, австрийский государственный деятель, премьер-министр Австрии в 1897—1899, 1905—1906, 1911 гг. 128
- Герц Фридрих, австрийский экономист 58, 74
- Гельнер Карл, современный румынский историк 107
- Гиссвайн Шандор, папский прелат, теолог, один из основателей движения христианского социализма в Венгрии 95
- Глайзе-Хорстенау Эдмунд, австрийский архивист-историк и чиновник 114
- Гогенлое-Шиллингсфюрст принц Конрад, в 1906 г. премьер-министр Австрии 164, 173

- Глинка Андрей, политический деятель клерикального крыла словацкого национального движения, католический священник 220
- Голуховски Агенор, граф, польский магнат из Галиции, министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1895—1906 гг. 122, 128, 161, 164
- Гольднер Адольф, в 1901—1906 гг. член руководства Социал-демократической партии Венгрии 105, 112, 127
- Гомперс Сэмюэль, профсоюзный деятель США 82, 83
- Грац Густав, венгерский политический деятель, публицист, историк; депутат парламента от консервативной конституционной партии 10, 88, 92, 210
- Грей Эдуард, в предвоенные годы министр иностранных дел Великобритании 267
- Грейлих Герман, один из основателей и лидеров Социал-демократической партии Швейцарии 328
- Григоровичи Георге, один из руководителей румынских социалистов в Буковине, в 1907—1918 гг. депутат австрийского рейхсрата 347
- Грунцель Генрих, австрийский экономист 80
- Дарани Игнац, венгерский государственный деятель, в 1895—1903, 1906—1910 гг. министр земледелия Венгрии 134, 137, 178, 198, 199
- Даниель Эрнё, венгерский политический деятель, депутат парламента от либеральной партии, в 1895—1899 гг. министр торговли Венгрии 116
- Деак Ференц, венгерский политический деятель, один из главных вдохновителей и творцов дуализма и австро-венгерского Соглашения 1867 г. 41, 341
- Деак Иштван, современный американский историк венгерского происхождения 7
- Динер-Денеш Йожеф, венгерский социалист, публицист, теоретик и критик 249, 293—298
- Диосеги Иштван, современный венгерский историк 46, 48, 50
- Деметрович Юрай, один из руководителей Социал-демократической партии Боснии-Герцеговины 256
- Долманьош Иштван, современный венгерский историк 18, 19, 22—24, 35, 94, 136, 217, 220, 359, 360
- Дроз Жак, современный французский историк 36
- Дьюриаш Йожеф, венгерский социал-демократ, профсоюзный деятель 253
- Евгений Савойский, принц, знаменитый австрийский полководец XVIII в. 48
- Емниц Янош, современный венгерский историк 25, 26, 328
- Етвёш Йожеф, венгерский государственный деятель XIX в. либерального толка, писатель 341
- Жорес Жан, один из лидеров французских социалистов 29
- Жилински Эндре, венгерский политический деятель, помещик 269
- Зигхарт Рудольф, австрийский экономист, в 1902—1910 гг. руководитель канцелярии правительства Австрии, затем управляющий одним из крупнейших банков 177, 188
- Зичи Янош, один из основателей и руководителей католической народной партии, в 1910—1913, 1918 гг. министр просвещения и культов Венгрии 95
- Зичи Нандор, венгерский политический деятель, один из руководителей католической народной партии 95
- Ивани Эмма, современный венгерский историк-архивист 17, 18
- Извольский А. П., министр иностранных дел царской России 265
- Исламов Т. М. 10, 117, 125, 129, 132, 164, 168, 180, 188, 190, 193, 210, 221
- Ионеску Таке, государственный деятель Румынии, в 1905—1912 гг. министр финансов, затем министр внутренних дел 346
- Иосиф II Габсбург, император 46, 262
- Иштван I святой, король Венгрии (1000—1038) из династии Арпадов 286
- Йочак Калман, деятель социал-демократической партии и профсоюзов Венгрии 317
- Канн А. Роберт, современный американский буржуазный историк 39, 45—50
- Карагеоргиевичи, сербская королевская династия 120
- Кардош Израель Якаб, один из руководящих деятелей венгерской социал-демократии (до 1907 г.) 112, 152

- Карл Франц-Иосиф Габсбург, эрцгерцог, с 1916 г. император Австрии и король Венгрии 209
- Каройи Михай, граф, венгерский политический и государственный деятель, с 1905 г. председатель Союза венгерских помещиков, с 1913 г. лидер партии независимости, в 1918—1919 гг. премьер-министр и президент 280, 345, 353—360
- Каройи Шандор, граф, венгерский политический деятель, депутат парламента от либеральной партии, руководитель организации помещиков 117, 354
- Каутский Карл, один из лидеров германской социал-демократии 5, 29, 103, 158, 239, 249, 250
- Кафка Лайош, венгерский чиновник 206
- Катуш Ласло, современный венгерский историк 11, 12
- Келен Йолан, современный венгерский историк 18
- Келлер Рудольф, австрийский экономист 62
- Кёрбер Эрнст, австрийский государственный деятель, в 1900—1904 гг. премьер-министр Австрии 96, 165, 212
- Киттел Ференц, один из руководящих деятелей Социал-демократической партии Венгрии 256
- Кислинг Рудольф, австрийский историк-архивист 114, 115, 163, 209
- Кирай Иштван, современный венгерский историк 68
- Клам-Мартиниц Генрих, австрийский политический деятель 209
- Клемансо Жорж, французский государственный деятель, премьер-министр 359, 362
- Ковач Дюла, депутат венгерского парламента от партии независимости 323
- Колмер Георг, австрийский историк 97
- Колошша Тибор, современный венгерский историк 67, 71, 72, 74, 83
- Комяти Миклош, современный венгерский историк-архивист 97
- Кондратьева В. Н., советский историк 9
- Конрад фон Гётцендорф Франц, австрийский генерал, начальник штаба австро-венгерской армии 113, 164, 175, 177, 178, 196, 210, 263—267
- Константинеску Мирон, современный румынский историк, академик 107, 346
- Корнфельд Жигмонд, венгерский финансист 167
- Кошут Лайош, вождь революции и освободительной борьбы венгерского народа 1848—1849 гг. 23, 37, 93, 167
- Кошут Тодор, младший сын Лайоша Кошута 192, 227
- Кошут Ференц, старший сын Л. Кошута, политический и государственный деятель, в 1906—1910 гг. министр торговли, один из лидеров партии независимости 19, 93, 94, 97, 122, 132, 133, 140, 141, 148, 151, 152, 167, 178, 192, 198, 199, 201, 202, 217, 227, 228, 239, 260, 261, 273—277, 280, 284, 318, 319, 323, 330, 344 354, 356, 357, 360.
- Крегу Ион, один из руководителей румынских социалистов Венгрии, в 1908 г. делегат съезда Социал-демократической партии Венгрии 246, 346
- Крися Михай, румынский епископ 165
- Криштофи Йозеф, венгерский политический деятель, с 1896 г. депутат парламента от либеральной партии, в 1904 г. фэйшпан комитата Сатмар, в 1905—1906 гг. министр внутренних дел неконституционного правительства генерала Фейервари 26, 27, 121, 127, 129, 132, 148, 193—197, 203—209, 271, 296
- Кун Бела, один из деятелей левого крыла Социал-демократической партии Венгрии, руководящий деятель партийной организации Клужа, впоследствии основатель и руководитель Коммунистической партии Венгрии и Венгерской Советской республики 112, 124
- Кунфи Жигмонд, в 1907—1914 гг. редактор теоретического органа Социал-демократической партии Венгрии журнала «Социализмуш», с 1909 г. член партийного руководства 30, 66, 101, 236—238, 254—256, 292—294, 296—300, 305—308, 314, 316, 361
- Куртикепяну В., современный румынский историк 107
- Кшижек Юрий, современный чехословацкий историк 56, 58, 319
- Куэн-Хедервари Карой, венгерский государственный деятель, в 1883—1903 гг. бан Хорватии, в 1903, 1910—1912 гг. премьер-министр Венгрии, один из основателей и руково-

- дителей партии национального труда 19, 97, 278—281, 283—289, 302, 314, 319
- Лабриола Антонио, итальянский социалист, теоретик 29
- Ладани Режё, деятель венгерского рабочего и крестьянского движения, с 1908 г. один из руководителей социал-демократического Союза сельскохозяйственных рабочих 157, 249
- Лакатош Эрнё, 141
- Ламмаш Хайнрих, ученый-правовед, австрийский политический деятель, член палаты господ рейхсрата 165, 209
- Ландлер Енё, адвокат, один из руководителей левого крыла Социал-демократической партии Венгрии 144—146, 315
- Лани Берталан, венгерский политический деятель, в 1905—1906 гг. министр юстиции 130
- Ланци Лео, венгерский финансист, член палаты магнатов 61, 87
- Ласло Енё, адвокат, один из представителей левого крыла венгерской социал-демократии 112, 222, 308
- Лафарг Поль, французский социалист 29
- Лацко Миклош, современный венгерский историк 13, 57, 66, 67
- Львов А. Н., генеральный консул России в Будапеште в 1903—1907 гг. 99, 135, 180, 193
- Ледебур Георг, один из лидеров германской социал-демократии 255
- Легин Карл, один из лидеров германской социал-демократии, руководитель международного секретариата профсоюзов 255
- Лендьел Золтан, депутат венгерского парламента от партии независимости 147, 171
- Ленин В. И. 5—7, 63, 67, 69—72, 85, 301—307
- Лещиловская И. И., советский историк 9
- Лехоцки Эмануэль, лидер словацких социал-демократов, основатель и издатель газеты «Словенские рабочие новости» 322, 348, 349
- Ливяну Василе, современный румынский историк 119
- Ловаси Мартон, венгерский политический деятель, депутат парламента от партии независимости, в 1901—1918 гг. редактор газеты «Мадьярор саг» 359
- Лукач Ласло, венгерский государственный деятель, в 1910—1912 гг. министр финансов, в 1912—1913 гг. премьер-министр 19, 229, 281, 287, 288, 318, 320, 321, 329, 334, 335
- Люксембург Роза 301, 308, 309
- Маджар Йозеф, деятель венгерского рабочего движения 272
- Майнеке Фридрих, буржуазный немецкий историк 37
- Макартни С. Э., английский буржуазный историк 38
- Макдональд Рамсей, английский лейборист 309
- Мак Карлхайнц, современный австрийский историк 9
- Маниу Юлиу, один из руководителей румынской национальной партии в Венгрии, депутат венгерского парламента 165
- Марки Шандор, венгерский историк 29
- Маркс Карл 5, 30, 33, 156, 157, 249, 272, 298
- Маркуш Ласло, современный венгерский историк 28—34
- Масарик Томаш, лидер национального движения в Чехии 119
- Матлекович Шандор, венгерский экономист 79
- Мах Эрнст, австрийский философ-естествоиспытатель 30
- Мезёфи Вилмош, венгерский социалист, с 1900 г. основатель и лидер реорганизованной социал-демократической партии, в 1900—1910 гг. депутат парламента 110, 121, 136, 156, 269
- Мереи Дюла, современный венгерский историк 18, 93
- Мерё Дюла, венгерский социалист, затем анархо-синдикалист, редактор газеты «Тештверишег» («Братство») 231
- Мерей Клара, современный венгерский историк 125
- Меринг Франц, деятель рабочего движения Германии 29
- Мерц Эдуард, современный австрийский экономист 55
- Мильеран Александр, французский социалист 102, 229
- Мишкольци Юлиус, австрийский историк венгерского происхождения, профессор Венского университета 45, 46, 49

- Миху Ион, деятель национального движения румын Венгрии 284
- Муре М., австрийский историк 165
- Молнар Эрик, венгерский историк, академик 10
- Моммзен Ханс, современный западно-германский историк 42, 47, 49
- Мочари Лайош, венгерский политический деятель, один из руководителей партии независимости во 2-й половине XIX в. 140
- Мучи Ференц, современный венгерский историк 26—28, 35, 111, 124, 129, 132, 231.
- Надь Эмиль, депутат венгерского парламента 150
- Надь Дьёрдь, с 1906 г. депутат парламента от партии независимости, с 1911 г. основатель и руководитель республиканской партии 273, 360
- Настич Георгий, полицейский агент-провокактор 264
- Нек Рудольф, современный австрийский историк-архивист 210
- Немец Антонин, один из руководящих деятелей чешской социал-демократии 349
- Немир Льюис, английский буржуазный историк 38
- Нистор Дьёрдь, деятель венгерского рабочего движения, один из руководителей социал-демократического Союза сельскохозяйственных рабочих 154
- Нуцу Ц., современный румынский историк 107
- Овнанян С. В., советский историк 9
- Обреновичи, сербская королевская династия 120
- Оффергельд Вильгельм, австрийский экономист 62
- Палацки Франтишек, чешский политический деятель и историк XIX в. 47
- Памлени Эрвин, современный венгерский историк 10
- Пап Давид, венгерский экономист 88
- Пашич Никола, премьер-министр Сербии 61
- Пах Жигмонд Пал, современный венгерский историк, академик 9—11, 18, 60
- Пейер Карой, один из руководящих деятелей венгерской социал-демократии, с 1911 г. секретарь Совета профсоюзов 259
- Пернерсторфер Энгельберт, один из лидеров австрийской социал-демократии 255—257
- Пёлёшкеи Ференц, современный венгерский историк 9, 18, 19, 20, 21, 283, 344, 355
- Писарев Ю. А., советский историк 7, 9, 73, 120, 264, 266, 284, 285
- Питрайх Хайнрих, австрийский фельдмаршал, в 1902—1906 гг. военный министр Австро-Венгрии 161, 164
- Плашка Рихард, современный австрийский историк 8, 9
- Плеханов Г. В. 29
- Погань Йозеф, деятель венгерского рабочего движения, сотрудник газеты «Непсава» 33, 234, 336, 337, 361
- Полиньяк Морис, французский аристократ 359
- Полони Гейза, венгерский политический деятель, депутат парламента от партии независимости, в 1906—1907 гг. министр юстиции коалиционного правительства 147, 151, 173, 359
- Поповичи Аурел, деятель национального движения румын Венгрии 165, 345
- Пуанкаре Раймон, французский государственный деятель, с 1913 г. президент республики 359
- Пушкаш Юлия, современный венгерский историк 68, 75, 78
- Ракоци Ференц II, трансильванский князь, вождь антабсбургской освободительной войны венгерского народа в начале XVIII в. 146, 147, 170
- Ракоши Енё, венгерский политический деятель, публицист и писатель, основатель и редактор газеты «Будапешти Хирлап» 345
- Ранки Дьёрдь, современный венгерский историк-экономист, лауреат премии им. Кошута 10—13, 53—56, 60, 64—66, 80, 81
- Ратнер Н. Д., советский историк 9
- Раух Павел, хорватский бан 165, 264
- Рац Дюла, венгерский экономист и социолог 361
- Рац Иштван, современный венгерский историк 83, 85, 86
- Реннер Карл, один из лидеров австрийской социал-демократии и теоретиков «австромарксизма» 47, 292
- Рекс, граф, саксонский посланник в Вене 266, 279
- Реваи Йозеф, деятель венгерского рабочего движения 30, 32

- Редлих Йозеф, австрийский государственный деятель и историк 36, 37, 41, 46
- Ридл Р., австрийский чиновник 165
- Ронаи Золтан, венгерский социал-демократ, профессор, социолог 305—307, 361
- Ротшильд, венский банкир 61, 62
- Ру Жак, деятель Великой французской революции 33
- Рубинек Дюла, венгерский политический деятель, один из руководителей Союза помещиков, публицист 88, 151
- Рудаш Ласло, деятель венгерского рабочего движения, представитель левого течения социал-демократии, философ 308
- Сабад Дьёрдь, современный венгерский историк 10
- Сабо Иштван Надбатади, венгерский политический деятель, с 1908 г. депутат парламента, с 1909 г. основатель и руководитель партии мелких сельских хозяев 271, 280
- Сабо Эрвин, венгерский социалист, публицист и теоретик, популяризатор и издатель произведений Маркса и Энгельса в Венгрии, директор столичной библиотеки 29, 30, 32, 111, 112, 124, 239, 248, 294, 304
- Санто Бела, деятель венгерского рабочего движения, представитель левого крыла социал-демократии 229
- Сапари Ласло, граф, губернатор Риеки (Фнуме) 100
- Сапари Ференц, граф, посол Австро-Венгрии в Петербурге 359
- Сатмари Мор, венгерский публицист 94
- Свербеев С. Н., царский дипломат, советник, затем посол в Вене 202
- Секереш Йозеф, современный венгерский историк 125
- Селл Калман, венгерский государственный деятель, в 1875—1878 гг. министр финансов, в 1899—1903 гг. премьер-министр 88, 90, 96, 97, 109, 117, 162, 165, 212
- Сенде Пал, один из ведущих представителей буржуазного радикализма в Венгрии, один из учредителей радикальной партии, социолог, публицист, историк 35, 94, 170, 272, 341, 361
- Сечени Иштван, граф, государственный и политический деятель Венгрии XIX в. 37
- Сечени Миклош, граф, посол Австро-Венгрии в Париже 359
- Ситон-Уотсон Роберт Уильям, английский историк, публицист 38, 39, 46
- Ситон-Уотсон Хью, современный английский историк 38, 39
- Сосноски Теодор, австрийский публицист 98, 113, 120
- Соукуп Франтишек, один из лидеров чешской социал-демократии 246, 322
- Спенсер Герберт, английский философ 272
- Србик Хайнрих, австрийский историк 37
- Стерени Йозеф, венгерский чиновник, в 1906—1910 гг. статс-секретарь министерства торговли 56, 167, 168
- Стид Генри Уикем, английский историк 68, 70
- Стодола К. деятель словацкого национального движения 165
- Сухай Миклош, современный венгерский историк 18
- Тагани Карой, венгерский историк 29
- Таллоци Лайош, венгерский чиновник управления по делам Боснии-Герцеговины общего министерства финансов Австро-Венгрии 266
- Тарцаи Лайош, венгерский социалист, в 1908—1910 гг. член руководства Социал-демократической партии Венгрии 94, 96, 238, 243—245, 259, 290, 294, 307
- Тёмёри Марта, венгерский современный историк 18
- Теодорович, сербский социалист 347
- Теска, чешский социалист 312
- Тиса Иштван, венгерский государственный деятель, в 1903—1905, 1913—1917 гг. премьер-министр, в 1910 г. основатель и лидер партии национального труда 19—22, 45, 60, 91—93, 97—100, 113, 116—122, 129, 132, 140, 141, 195, 196, 201, 202, 206, 277—284, 288—290, 292, 302, 317—319, 321, 323, 326—333, 342—346, 348—356, 359, 360, 362
- Тиса Калман, венгерский государственный деятель, отец И. Тисы, основатель и лидер либеральной партии, в 1875—1890 гг. премьер-министр 202
- Томашич Никола, хорватский бан 284, 285
- Томич Яша, сербский радикал 120
- Тэйлор Э. И., современный английский историк 38
- Тезнер Фридрих, австрийский ученый-правовед 186

- Турок В. М., советский историк 7, 9, 12, 13, 35
- Тушанович Душан, сербский социал-железнодорожник 224, 256
- Угрон Иштван, посол Австро-Венгрии в Бухаресте 283
- Ульман Адольф, венгерский финансист 61
- Урусов Л. П., посол России в Вене 193
- Фабрициус Дьёзе, полковник венгерских гонимых 131
- Фабян Бела, венгерский публицист 279
- Фараго Дежё, венгерский социал-демократ, редактор газеты рабочих-железнодорожников «Мадьяр Вашуташ» 259
- Фейервари Гейза, барон, венгерский генерал, капитан королевской лейб-гвардии, в 1884—1903 гг. министр обороны Венгрии, в 1905—1906 гг. глава неконституционного правительства 26, 96, 120, 122, 126—129, 140, 142, 148, 153, 173, 192, 197, 205, 239, 241
- Фелльнер Фридьеш, венгерский экономист 63, 64
- Филипеску Николае, румынский генерал 342
- Франк Йосип, политический деятель Хорватии 165
- Франц Георг, немецкий буржуазный историк 113, 114, 163
- Франц-Иосиф I Габсбург, император Австрии, король Венгрии 18, 20, 22, 35, 89, 113, 116, 122, 128, 129, 137, 161, 163, 170, 175, 185, 189, 193, 203, 204, 208, 209, 236, 253, 257, 263, 265, 267, 275—278, 286—288, 292, 318, 326, 327
- Франц-Фердинанд Габсбург, эрцгерцог-престолонаследник 13, 44, 97, 113—116, 121, 163—165, 174, 177, 178, 194—197, 203, 204, 206, 208—210, 212, 224, 225, 264, 267, 271, 346
- Фрейдзон В. И., советский историк 9
- Фридьонг Хайнрих, австрийский историк 46
- Фридрих Габсбург, эрцгерцог 20, 21, 67
- Фундер Фридрих, австрийский публицист, издатель газеты «Райхспост» 164
- Фукас Дьёрдь, современный венгерский социолог, философ 18, 35, 361
- Ханак Петер, современный венгерский историк 10—16, 49, 59, 64
- Ханак Х. Х., современный английский историк 39
- Хайду Дюла, деятель венгерского рабочего движения 315
- Хармац Рихард, австрийский историк 37
- Харрисон-Томсон С., современный американский историк 47
- Ханч Хуго, современный австрийский историк 37, 41—45, 123
- Хвостов В. М., советский историк 265, 282
- Хегедюш Лоранд, венгерский экономист 61, 213
- Хегедюш Лорант, венгерский историк, публицист 91
- Хенталлер Лайош, венгерский публицист 94
- Хенч Карой, депутат парламента от католической народной партии 147
- Хиероними Карой, венгерский государственный деятель, в 1892—1895 гг. министр внутренних дел Венгрии, в 1903—1905, 1910—1911 гг. министр торговли 279
- Хирошик Янош, деятель венгерского рабочего движения 307
- Хлумецки Леопольд, австрийский публицист, издатель журнала «Естеррайхише Рундschau» 186
- Ходжа Милан, деятель словацкого национального движения, депутат венгерского парламента 165
- Холотик Людевит, современный словацкий историк 119
- Холло Лайош, депутат венгерского парламента от партии независимости 359
- Хорват Дежё, венгерский социал-демократ 241
- Хорват Золтан, венгерский публицист и историк 360
- Хорин Ференц, венгерский финансист 61, 88, 214, 215
- Хугельман Карл, австрийский историк 41
- Хурезяну Д., современный румынский историк 73
- Хусар Карой, венгерский политический деятель, депутат парламента, один из руководителей христианских социалистов 95
- Цобел Эрнё, деятель венгерского рабочего движения 234
- Цеткин Клара 301, 309
- Цельнер Эрих, современный австрийский историк 44, 45

Цувай Славко, хорватский бан 285—287

Чернин Оттокар, граф, в 1913—1916 гг. посол Австро-Венгрии в Бухаресте, затем министр иностранных дел 165
Чизмадя Шандор, один из руководящих деятелей Социал-демократической партии Венгрии и Союза сельскохозяйственных рабочих 248—249, 316, 317

Чиршки Генрих, посол Германии в Вене 280

Шандор Вилмош, современный венгерский историк 10, 11, 49, 60

Шандор Николаус, венгерский экономист 82

Шандор Пал, современный венгерский историк 77, 79

Шварц Габор, венгерский социал-демократ, 315

Шёнайх Франц, барон, австрийский генерал; в 1906—1911 гг. общий военный министр Австро-Венгрии 164, 171, 172, 177, 197, 264

Шёнборн Эде, венгерский помещик, граф 67

Шиллингер, депутат рейхсрата 211

Шомоди Бела, венгерский социал-демократ, учитель, журналист, с 1905 г. сотрудник редакции газеты «Непсава» 317

Шомло Бодог, профессор Клужского университета, ученый-правовед, социолог, буржуазный радикал 272

Шробар Вавро, словацкий либеральный деятель, журналист 119

Шпицмюллер-Хармерсбах Александр, австрийский государственный деятель, барон, в 1916—1917 гг. министр финансов Австрии, в 1917—1918 гг. общий министр финансов Австро-Венгрии 163, 165—167, 186, 188, 192

Штайнакер Гарольд, австрийский историк 36, 37, 41

Штайнакер Эдмунд, один из руководителей немецкого национального движения в Венгрии 465

Штральборн, генеральный консул России в Будапеште 200, 211

Штрассер Йозеф, член оргкомитета немецких социал-демократов Венгрии, в 1909—1911 гг. сторонник Д. Аллари, внешний сотрудник газеты «Лейпцигер Фольксцайтунг», с 1912 г. ренегат, сотрудник венгерских буржуазных газет 239—241, 309

Шугар Петер, современный американский историк венгерского происхождения, 47

Эбер Эрнё, венгерский экономист 78
Элек Пал, венгерский чиновник, директор Венгерского торгового общества 82

Элленбоген Вильгельм, один из руководителей австрийской социал-демократии, депутат рейхсрата 326

Энгельс Фридрих 5, 30, 33, 47, 156, 249, 272

Энгельман Пал, один из основателей и руководителей Социал-демократической партии Венгрии в 90-е годы XIX в. 124

Эрени Тибор, современный венгерский историк 23—25, 35, 109, 320

Эйзенманн Луи, французский историк и юрист 36, 46

Эренталь Алоиз Лекса, граф, посол в Петербурге, а в 1906—1912 гг. министр иностранных дел Австро-Венгрии 164, 177, 180—185, 197—198, 201, 209, 263, 280—283

Эрхарт Карл, австрийский генерал 163
Эстерхази Янош, граф, венгерский магнат 67

Юрига Фердиш, словацкий клерикал, депутат венгерского парламента 96, 348

Юшт Дюла, венгерский политический деятель, лидер партии независимости, в 1905—1910 гг. председатель палаты депутатов венгерского парламента 19, 229, 276, 277, 280, 287, 290—292, 313—316, 318, 322, 323, 330, 354, 356, 357, 359

Янчо Бенедек, венгерский публицист 84

Ярай Габор, венгерский публицист и историк 67, 82

Ясаи Шаму, один из руководителей Социал-демократической партии Венгрии и профсоюзов, с 1899 г. секретарь Всевенгерского совета профсоюзов 152, 311

Яси Оскар, основатель и главный идеолог буржуазного радикализма в Венгрии, социолог, публицист и историк 18, 30, 39—41, 46, 48, 272, 293, 321, 340, 341, 349, 360—362

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I. Социально-экономическое развитие Венгрии в начале XX в.	51
Положение промышленного и сельскохозяйственного пролетариата	80
II. Борьба партий и классов в 1900—1906 гг.	87
Партии и их лидеры	90
Политика венгерской социал-демократии	100
Обострение кризиса дуализма и внутривполитическая борьба в начале 900-х годов	112
Политический кризис 1905—1906 гг.	117
III. Арьергардные бои пролетариата	139
Правительство национальной коалиции	139
Кризис социал-демократической тактики. Стачечное движение осенью 1906 г.	141
Социальная демагогия коалиции	147
Союз сельскохозяйственных рабочих	153
Итоги стачечных боев	159
IV. Ликвидация австро-венгерского конфликта	161
Австро-венгерские переговоры	161
Генералы против уступок Венгрии	176
Планы Эренталя	180
Дискуссия о продолжительности экономического соглашения	185
Поворот в ходе переговоров	188
Криштофи и Франц-Фердинанд	194
Завершение австро-венгерских переговоров	198
Конституционные гарантии	203
V. Крах коалиционного режима	213
Внутренняя политика коалиционного кабинета	216
Преследование невенгерских национальностей	217
Подготовка массовой политической стачки	221
«Красный четверг» 10 октября 1907 г.	229
Поиски новых путей организации	232
Национальный вопрос	240

Аграрный вопрос	247
Борьба против плюрального избирательного права	250
Рабочий класс в борьбе за демократизацию страны	258
Аннексия Боснии-Герцеговины и Венгрия	262
Кризис и распад коалиции	268
VI. Партия Тыся у власти	278
Приход к власти партии национального труда	278
Отношение социал-демократической партии к режиму Куэна	289
Борьба тенденций в социал-демократии по вопросам тактики	293
Дело Алпари	300
Копенгагенский конгресс II Интернационала и венгерская социал-демократия	308
XVIII съезд социал-демократической партии	313
«Кровавый четверг» 23 мая 1912 г.	318
Антивоенные выступления венгерского пролетариата осенью 1912 г.	324
Подъем социалистического движения в конце 1912—начале 1913 г.	328
VII. На пороге войны	332
Экономический кризис 1913 г. и его последствия	332
Национальные конфликты. Попытки их преодоления	340
Источники и литература	363
Список сокращений	379
Указатель имен	381

Тофик Муслим оглы Исламов

**Политическая борьба в Венгрии
накануне первой мировой войны
(1906—1914)**

*Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Р. З. Мазо*
Художественный редактор *Ю. П. Трапаков*
Технический редактор *Н. Н. Плохова*

Сдано в набор 15/X 1971 г. Подписано к печати 13/1 1972 г.
Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 25,9. Тираж 1200 экз.
Бумага № 2. Т-01240. Тип. зак. 2952
Цена 1 р. 76 к.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
7	3 сн.	журналом	журналом «Journal of Central European Affairs»
11	13 св.	сравнительно	сравнительно-исторического
39	4 сн.	Нагпак	Hannak
47	13 сн.	1963	1956
83	5 сн.	—	¹⁰⁷ Szoc, 1906-07, N 7, 182.l.
134	4 св.	власти	властями
143	17 св.	пекарей	пекарен.
180	5 св.	оно приняло	Бек принял
196	15 св.	имею	идею
212	20 св.	ясно	ясно, что
280	19 св.	Кошуна	Кошута
311	7 св.	Венгерских	Венгрии
342	9 сн.	заселение	заселенные

1275 1

WISSENSCHAFTLICHE VERLAGS ANSTALT